

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1875.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1875.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ Москва. Декабря 10 дня 1874 г.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

б) *).

Послѣ преславности вѣры, возбуждающей и привлекающей желанія, св. Павелъ указываетъ на ея необходимость неизбѣжную, которая понуждаетъ рѣшиться на предлагаемое дѣло, хочешь ли ты, или не хочешь того. Чтò абсурдъ для ума, то эта неизбѣжность для воли. Сознаніе ея исполняетъ чувствомъ безвыходности, заставляющимъ

*) Продолженіе. Изясняемый авторомъ отдѣлъ посланія къ Галатамъ входитъ въ составъ *увѣщательной* части посланія (4. 5. 6, 1—10). Ей предшествуютъ: 1) *защитительная* часть, гдѣ св. Павелъ вопреки лжеучителямъ, смущавшимъ Галатовъ, защищаетъ свое апостольское достоинство и показываетъ, что ученіе его не человѣческое, а божеское (до 21 стиха 2 гл.); 2) *въручительная*, гдѣ св. Павелъ вопреки лжеучителямъ доказываетъ, что спасеніе не отъ обрѣзанія и соблюденія Моисеева закона, который по пришествіи Христа потерялъ свою силу и значеніе, а отъ благодати Господней по вѣрѣ (до конца 3-й главы). Въ *увѣщательной* части св. Павелъ убѣждаетъ Галатовъ принять доказанную истину о ненужности болѣе закона, и не вѣзть себя закономъ. Убѣжденія свои онъ направляетъ то на умъ (4, 1—10), то на сердце (4, 11—20), то наконецъ на волю. Въ послѣднемъ отношеніи св. Павелъ сначала а) показалъ, какъ преславно пребывать въ свободѣ отъ закона³ (см. декабр. кн. Душп. Чт. стр. 363 и д.). Теперь б) онъ показываетъ, какъ это необходимо, и въ заключеніе в) скажетъ, какъ это легко. *Ред.*

тотчасъ же приступить и къ дѣлу, какихъ бы жертвъ оно ни стоило. Когда домъ охваченъ огнемъ и захваченному въ немъ лицу остается для спасенія только одно окно, онъ не разсуждая бросается въ него. Такъ сильно и рѣшительно дѣйствуетъ на напряженіе воли очевидность того, что — или пропасть или дѣйствовать по предлагаемому указанію. Къ выясненію этого приступаетъ теперь Апостоль. Онъ говоритъ какъбы Галатамъ: одно изъ двухъ вамъ предлежитъ, или Христось Господь со спасеніемъ, или законъ съ погибелью. Вы обратились къ Господу Иисусу Христу въ томъ убѣжденіи, что много спасенія нѣтъ какъ въ Немъ. Въ Немъ оно и даруется вамъ все сполна. Когда же вы обращаетесь къ закону, какъ средству спасенія, то имѣете уже много спасителя, и тѣмъ отдаляетесь отъ прежде исповѣданнаго. Какъ Сей только есть единый истинный Спаситель, то удаляясь отъ Него, вы теряете спасеніе, которое отъ Него, а тотъ новый вашъ спаситель, законъ, не даетъ его. Такимъ образомъ вы, приступая къ закону, лишаетесь спасенія, которое взыскали и которое въ рукахъ вашихъ было и есть пока, и ниспадаете въ общую всѣхъ пагубу, повсюду внѣ Христа и благодати.

Ст. 2. *Се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетея, Христось васъ ничтоже пользуетъ.*

Се азъ Павелъ глаголю вамъ. Хочетъ сказать рѣшительное и вмѣстѣ авторитетное слово, изречь окончательный приговоръ. Въ началѣ посланія сказалъ уже св. Павелъ, что онъ отъ самого Бога Отца и Господа Иисуса Христа поставленъ Апостоломъ—возвѣщать народамъ истину Божію. На это и наводятъ слова сіи, и должны были расположить Галатовъ принять слѣдующее за симъ рѣшеніе, „не какъ Павлово, а какъ самого Господа. Ибо Господь самъ предѣлилъ: *слушайъ васъ Мене слушаетъ* (Лук. 10, 16). И самъ Павелъ сознавалъ, что въ немъ не только живетъ, но и глаголетъ Христось (2 Кор. 13, 3). Потому этотъ оборотъ рѣчи будетъ соотвѣтствовать про-

рочеству: *такъ или сія, многолетъ Господь*" (Иеронимъ сокращенно).

Какое же издаетъ онъ рѣшеніе? Если станете обрѣзывать, то Христось вамъ не будетъ въ пользу, т.-е. то, что вы называетесь вѣрующими во Христа, христіанами, ни къ чему вамъ не послужить. Смягчаетъ приговоръ. Говоритъ только: не получите того, что чаєте получить; но въ существѣ дѣла это тоже что вы погибли. Ибо отъ Христа получается спасеніе. Если не попользуетъ обрѣзающихся Христось; значить — не подастъ имъ спасенія. Слѣдовательно они останутся въ тойже пагубѣ, въ которой пребываютъ и всѣ, сущіе внѣ Христа Спасителя.

Лжеучители вѣрно натолковали Галатамъ, какъ прежде толковали Антиохійцамъ: не спасетесь, если не обрѣжетесь (Дѣян. 16, 1). Прямо противъ этого Апостоль полагаетъ свое апостольское опредѣленіе: я же, какъ Апостоль, именемъ Господа, давшаго мнѣ власть и силу истину Его возвѣщать, говорю, что если обрѣжетесь, то вы погибли. Обрѣзаніе одно выставляетъ ради того, что оно начало; за нимъ уже необходимо послѣдуетъ и все прочее, какъ объясняетъ и слѣдующій третій стихъ, нарочно для того поставленный. И ради того помянулъ объ обрѣзаніи скорѣе, чтобы предостеречь отъ него. Галаты кое-что изъ іудейства уже приняли, но еще не обрѣзывались. Допусти только они обрѣзаніе, то уже неизбежно вплетутся и во все прочее, станутъ полными іудеями. Видя, что такая бѣда предлежитъ, но они еще не вверглись въ нее, Апостоль поскорѣе и кричитъ какъбы имъ: необрѣзывайтесь, необрѣзывайтесь; а то пропадете.

Если обрѣжетесь, Христось васъ нисколько не попользуетъ. Которые ко Христу прилѣпляются, какъ къ Единому Спасителю, тѣ спасаются несомнѣнно. И вы хорошо сдѣлали, что къ Нему прибѣгли; но если обрѣжетесь, никакой уже не будетъ вамъ пользы отъ Христа. Обрѣзаніе уничтожитъ благо получасое во Христѣ, и вами полученное. Все, что вы чаяли получить во Христѣ

и дѣйствительно получили, тотчасъ исчезнетъ, какъ только обрѣжетесь. Нѣтъ общенія: или Христось и спасеніе, или обрѣзаніе и древняя пагуба, въ которой вы и были. Тѣ толковали: вѣруйте и во Христа, но главное—обрѣзываетесь. Апостоль говоритъ: нѣтъ, ужъ обрѣзанію тамъ не мѣсто, гдѣ Христось; и спасительность Христова не входитъ въ тѣхъ, кои полагаются на обрѣзаніе.

Обрѣзаніе прежде служило печатію избранія Божія; а теперь стало причиною отверженія. И у лекарей есть составы, которые въ одно время (въ болѣзни) здоровье приносятъ; а въ другое (когда здоровъ кто) разстраиваютъ его. Тоже и съ обрѣзаніемъ стало: прежде пришествія Господа на землю, оно хорошо было, а послѣ сего снисхожденія, оно стало вредно. Не само по себѣ оно таково, а по тѣмъ надеждамъ, какія съ нимъ соединяютъ. Когда полагаются на обрѣзаніе, вѣря, что какъ скоро обрѣзались, то и въ число спасаемыхъ попали; то тоже дѣлаютъ, что на трость сокрушенную опираются, которая ломается при маломъ на нее напорѣ и ранитъ руку опершагося на нее. Если при Христѣ нужно еще обрѣзаніе, то значить, по ихъ убѣжденію, Христось—не полный и не единый Спаситель. Эта скудость убѣжденія отъ скудости вѣры. Вѣра же оскудѣвшая опустошаетъ душу отъ всѣхъ благодатей, ниспосланныхъ въ нее по вѣрѣ во Христа Господа.

„Не пользуется Христось обрѣзающихся, если они въ обрѣзаніи полагаютъ надежду спасенія“ (Августинъ). „Обрѣзающийся (въ этомъ духѣ) уничижаетъ благодать Христову, вѣруя спастися отъ закона. Кто же во Христа не вѣруетъ (полно), такой и спасеніе отъ Него получить не можетъ“ (Экуменій). „Потому что такой отметаешь благодать и прибѣгаетъ къ закону, какъ къ благодѣтелю; а Христу совсѣмъ не вѣритъ, какъ будто Онъ совсѣмъ необлагодѣтельствовалъ его. Не вѣрующій же, ничего и не получить отъ Того, въ Кого онъ не вѣруетъ“ (Теоф.).

„Смотри, вызываетъ св. Златоустъ, какая угрожаетъ опасность! Посему справедливо онъ анаѳематствовалъ и самыхъ

ангеловъ (1, 8). Какимъ же образомъ *Христосъ* имъ *ничтоже пользуется?* Этого онъ не сталъ доказывать, а просто сказалъ, потому что достоинство его лица убѣдительнѣе всякаго другаго доказательства. Для чего предварительно и сказалъ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ*. Ибо такъ говорить свойственно увѣренному въ расположеніи къ себѣ тѣхъ, къ кому говорить. Но мы по возможности отъ себя предложимъ нѣчто въ объясненіе того, почему *Христосъ* нисколько не пользуется обрѣзающемуся. Обрѣзывающійся обрѣзывается какъбы боясь закона; а боящійся закона не вѣритъ силѣ благодати; а не вѣрующій не получаетъ никакой пользы отъ благодати, которой онъ не вѣритъ. Еще, кто обрѣзывается, тотъ дѣлаетъ законъ господиномъ надъ собою; а кто считаетъ господиномъ надъ собою законъ, хотя большую часть его нарушаетъ, соблюдая только меньшую: тотъ опять подвергаетъ себя проклятію; подвергаясь же проклятію и отвергая свободу отъ проклятія, приносимую вѣрою, какъ можно спастись? И даже можно сказать, хотя и страшно, что таковой не вѣруетъ ни во Христа, ни въ законъ; и сталъ по срединѣ между тѣмъ и другимъ, и желая пріобрѣсть пользу и тамъ и здѣсь, ни откуда ничего не получить“.

Въ этомъ (2) стихѣ главная мысль Апостола выражена достаточно ясно. Слѣдующіе два стиха (3. 4) только пространнѣе выражаютъ сказанное здѣсь. Стихъ третій показываетъ, какъ широки послѣдствія обрѣзанія; а четвертый подробнѣе сказываетъ, какъ обрѣзанный лишастся спасительности Христовой.

Ст. 3. *Свидѣтельствую же наки всякому чловѣку обрѣзающемуся, яко долженъ естъ весь законъ творити.*

Когда обрѣзался, то уже и весь законъ исполняй. Ибо обрѣзаніе есть дверь въ подзаконность, есть обязательство ко всему закону. Это ясно само собою и было извѣстно всѣмъ. Но для чего св. Павелъ говоритъ это здѣсь, и притомъ съ такимъ напряженіемъ: *свидѣтельствую же наки*, т.-е. я Павелъ, съ тоюже опять апостольскою

властію утверждаю? Или для того, чтобъ объяснить, что обрѣзаться конечно не такъ трудно; но когда обрѣжешься, то уже и весь законъ исполняй, а его исполнить ни мы, ни отцы наши не могли; кто же не исполняетъ всего закона, подѣ клятвою есть (Гал. 3, 10). Такимъ образомъ чрезъ обрѣзаніе пойдете вы прямо подѣ клятву, и вмѣсто пользы получите отъ него пагубу. Или можетъ быть для того, чтобъ противопоставить эту истину увѣреніямъ лжеучителей, которые, можетъ быть, говорили: вы только обрѣжьтесь, а прочее все можно и оставлять, какъ и мы сами не все исполняемъ (укоряетъ ихъ въ этомъ св. Павелъ: Гал. 6, 13). Нѣтъ, говорить противъ этого св. Апостоль: это не такъ. Кто обрѣзывается, кто бы онъ ни былъ,—не іудей только, но и язычникъ, всякій человѣкъ непременно долженъ исполнять весь законъ. Такъ постановлено въ самомъ законѣ; на томъ онъ стоитъ. Если тѣ иначе вамъ толкуютъ; то затѣмъ, чтобъ обмануть васъ; они лгутъ и скрываютъ истину. Да и само обрѣзаніе, одно, для совершенія своего, сколько требуетъ? И особаго дня, и омовеній, и жертвъ, и особаго чина дѣйствования, и іерея совершающаго его. Это предостереженіе нужно было выставить св. Павлу изъ опасенія, не увлекла бы Галатовъ малость дѣла. Могли подумать: не велико дѣло,—обрѣжемся. Обрѣзаться, говоритъ какъбы имъ Апостоль, точно не великое само по себѣ дѣло, но смотрите, къ чему оно поведетъ. Къ полному іудейству, а іудейству рѣшительный конецъ положенъ пришествіемъ Христовымъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „сказавъ ничтоже *пользуетъ*, далѣе, хотя не прямое и краткое, приводитъ на то доказательство, говоря такъ: *свидѣтельствую...* и проч. Дабы ты не подумалъ, что сіе сказано по непріязненному расположенію; то не вамъ только, говоритъ, свидѣтельствую сіе, но *и всякому обрѣзавшемуся, яко долженъ есть весь законъ творити*. Ибо заповѣди закона тѣсно между собою соединены. И какъ тотъ,

кто, бывъ свободнымъ, отдался въ рабство, дѣлаетъ уже не то, что хочетъ, но подчиняется всѣмъ законамъ рабства: тоже должно сказать и въ отношеніи къ закону. Если ты хотя одну часть его примешь, и хотя нѣсколько покоришься игу его; то чрезъ сіе привлечешь на себя всю его власть.—И не симъ только образомъ, но и другимъ еще можно доказывать истину сказаннаго о законѣ. Заповѣди закона связаны между собою. Напримѣръ, съ обрѣзаніемъ соединено жертвоприношеніе и наблюденіе дней; жертвоприношеніе тоже связано съ наблюденіемъ дней и мѣста; мѣсто съ различными видами очищенія; очищенія неразлучны съ множествомъ различныхъ обрядовъ; а нечистому не позволяется ни приносить жертвы, ни входить въ священныя мѣста, ни другое что подобное дѣлать. Такимъ образомъ законъ для одной заповѣди требуетъ многого. Такъ, если ты обрѣзался, но не въ осьмой день, или и въ осьмой день, но безъ жертвоприношенія, или и съ жертвоприношеніемъ, но не на томъ мѣстѣ, которое опредѣлено, и не по предписаніямъ закона, или и согласно съ предписаніями закона, но нечистый, или чистый, но очистился не установленными обрядами: то всѣ оныя труды твои пропали. Посему и говорить: *долженъ есть весь законъ творити*, т.-е. не часть закона, но весь законъ; а если онъ не господствуетъ уже, то не нужно и части⁴.

Ст. 4. *Упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдываетеся, отъ благодати отпадетеся.*

Объясняется здѣсь, какъ Христосъ ничтоже пользуется держащихся закона,—съ усиленіемъ. Не пользуется, потому что отходить отъ васъ и васъ оставляетъ праздными, пустыми. Условіе общенія Христа Спасителя съ душами—вѣра, выражающаяся въ такихъ расположеніяхъ: я по вины своей погибаю и нѣтъ мнѣ иной надежды спасенія, кромѣ Единаго Тебя, Бога воплотившагося и распявшагося насъ ради; къ Тебѣ убо прибѣгаю и прилѣпляюсь всѣми помышленіями и чувствами и расположеніями:

спаси и меня Единый Спаситель всѣхъ. Прибѣгающій такъ къ Господу, пріемлется Имъ, и въ крещеніи получаетъ благодать возрожденія и силу на новую во Христѣ жизнь. Продолжающееся прилѣпленіе къ Господу и на Него единого надежды возложеніе поддерживаетъ и хранитъ такую жизнь,—и христіанинъ течетъ такимъ образомъ по намѣренному, пока преидеть отъ смерти въ животъ и увѣнчается вѣнцемъ правды. Въ этомъ порядкѣ ни прибавить, ни убавить ничего нельзя, не разстроивши всего. Но главное тутъ—упованіе спасенія единственно во Христѣ Исусѣ Господѣ. Это сердце христіанства. Кто его поражаетъ, тотъ жизнь во Христѣ прекращаетъ. Въ томъ только и Христосъ Господь, кто таковъ. Въ комъ слабѣетъ упованіе только на Господа, въ томъ ослабляется союзъ съ Господомъ. Кто опрется упованіемъ на другомъ еще чемъ, кромѣ Его, отъ того Онъ отходитъ, какъ ненужный, не требуемый нуждами и воздыханіями сокрушеннаго сердца. Вотъ эта бѣда и случилась съ Галатами. Они еще не обрѣзались и не связались съ закономъ, но воля ихъ уже склонилась на то (Августинъ) и упованіе спасенія только въ Господѣ распаталось. За то отступилъ отъ нихъ Господь. *Упразднистеся*, говоритъ, *отъ Христа*, опорожнены Имъ, стали пусты, нѣтъ Его болѣе въ васъ. Судъ Божій не коснитъ. Дѣла еще не послѣдовало, только внутренно въ мысляхъ сложились они іудействовать; а приговоръ Божій уже состоялся о нихъ, и наказаніе дѣломъ произведено: Христосъ отступилъ отъ нихъ. Или тутъ апостоль выражаетъ общее только положеніе, что тѣ, которые ищутъ оправданія въ законѣ, упраздняются отъ Христа, угрожая, что и съ ними тоже самое будетъ, если опрутся надеждами своими на законъ.

Отъ благодати отпадется. Это можно считать и слѣдствіемъ и причиною предыдущаго. Отступилъ отъ васъ Христосъ, вѣрже исполнявшій и державшій васъ; и вы остались безъ Него, отпали отъ Него и всей благодати.

въ Немъ даруемой. Или такъ: поелику вы отпали упованіемъ отъ благодати и стали надѣяться получить спасеніе помимо ея, то Христось и отступилъ отъ васъ: ибо въ Немъ вся благодать.

Благодать—или Божіе благоволеніе, коимъ изливается на вѣрующаго все потребное къ его спасенію, или самая сія сила во спасеніе, ниспосылаемая въ сердце и содѣвающая тамъ спасительный строй и поддерживающая его. То и другое неразлучно въ дѣйствительности; и то и другое—въ Единомъ Господѣ Иисусѣ Христѣ. То и другое теряеть, кто упряднился отъ Христа. Тѣмъ, что возуповали на законъ, Галаты внутренно отпали отъ благодати, отъ того закона спасенія, по коему оно дается только уповающимъ на Божіе во Христѣ Иисусѣ благоволеніе; въ слѣдствіе сего само благоволеніе взялось отъ нихъ, а съ нимъ и силы во спасеніе—и остались они ни при чемъ. „Симъ показываетъ Апостоль крайнюю опасность ихъ положенія. Если прибѣгающій къ закону не находитъ въ немъ спасенія, и между тѣмъ отпадаетъ отъ благодати: то что ему остается, кромѣ неизбѣжнаго наказанія, когда законъ не имѣеть силы, а благодать не пріемлетъ его?“ (св. Златоустъ).

Ст. 5. *Мы бо Духомъ отъ вѣры упованія правды ждемъ.*

Давъ Галатамъ увидѣть опасность ихъ положенія, указываетъ теперь, какъ избыть отъ пей. Недовольно было сказать: видите, пожаръ кругомъ, или корабль вашъ разбивается; надлежало показать и окно, куда броситься отъ пожара, или спасительную ладью и пристань, гдѣ спастись отъ потопленія. Это и дѣлаетъ Апостоль означенными словами. Въ такое отношеніе поставляетъ сей стихъ къ предыдущимъ св. Златоустъ. „Усиливъ такимъ образомъ (т.-е. словами: *упряднится отъ Христа, отъ благодати отпадетъ*) въ нихъ страхъ, поколебавши ихъ мысли, и указавъ на угрожающее кораблекрушеніе, потомъ открываетъ имъ близкую къ нимъ пристань благодати, какъ онъ и всегда дѣлаетъ, обѣщая здѣсь вѣрнѣй-

шее и надежнѣйшее спасеніе: *мы бо, говоритъ, Духомъ отъ вѣры упованія правды ждемъ.* Т.-е. мы не имѣемъ нужды ни въ какихъ постановленіяхъ и обрядахъ закона; ибо вѣра достаточна для того, чтобы сообщить намъ Духа, а чрезъ Него оправданіе и другія многія и великія блага“.

Но можно видѣть въ этихъ словахъ и причину строгости высказаннаго приговора. Такъ случилось или случится съ вами (т.-с. что вы лишаетесь или лишитесь благодати и Христа), потому что чрезъ склоненіе къ закону вы перестаете быть тѣмъ, чѣмъ должны быть. Ибо *мы*, истинные христіане, христіане по идеѣ христіанства, вотъ что есмь, вотъ на чемъ опираемся надеждами. И вы вступили въ общество христіанъ; и вы таковы же должны быть. Пока вы таковы, состоите причастными и всѣхъ благъ истиннаго христіанства; перестаете быть такими, лишаетесь всего.

Каковы же мы есмь или должны быть по идеѣ христіанства? Мы ни на чемъ не опираемся надеждою, ни на чемъ не основываемъ своего спасенія, какъ на вѣрѣ въ Господа Спасителя, насъ ради воплотившагося и пострадавшаго, Который за вѣру ниспосылаетъ намъ благодать Св. Духа, содѣлывающую насъ правыми, святыми, богоугодными и вѣчнаго блаженства достойными.

Слова: *упованія ждемъ*, не на будущее указываютъ, а на настоящее искомое, и значатъ: несомнѣнно увѣрены, что получимъ. Эта несомнѣнная увѣренность лежитъ въ основѣ жизни о Христѣ, какъ у торгующаго увѣренность въ дѣльности его оборотовъ въ основѣ его хлопотъ по торговлѣ. И истинно такъ уповающей есть обрѣтшій сокровище, сокрытое на селѣ, или бисеръ многоцѣнный. — Въ чемъ онъ несомнѣнно увѣренъ? Въ томъ, что спасется. Ибо упованіе правды есть упованіе праведности, богоугожденія, святости и спасенія. Какія производительныя силы сего въ насъ и для насъ блага? — Вѣра и благодать Духа, какъ указываютъ слова: *Духомъ отъ вѣры ждемъ спасенія.* Вѣра отъ насъ, Духъ благодати отъ Бога; не-

бесное и земное, естественное и сверхъестественное сочегаваясь вмѣстѣ непостижимымъ для насъ образомъ, дѣлають насъ правыми предъ Богомъ, богоугодными, спасенными. Теофілактъ говоритъ: „Необходимо, чтобъ предшествовала вѣра; потомъ наитіемъ Св. Духа въ крещеніи получается очищеніе грѣховъ и новая жизнь“. „Хорошо положено, прибавляетъ Экуменій, *отъ вѣры*. Ибо намъ должно привнестъ свою вѣру, и такимъ образомъ чрезъ посредство Духа получить оправданіе и спасеніе“.

Западные древніе толковники видятъ сверхъ того въ словѣ *духомъ* противоположность духа буквѣ, и духовнаго служенія служенію стихійному, плотскому. Блаженный Иеронимъ пишетъ: „слово *духъ* положено здѣсь, какъ противоположность буквѣ“. Блаженный Августинъ: „на духовномъ служеніи опираются надежды наши, а не на плотскомъ“. Амвросіастъ: „въ вѣрѣ духовно Богу служимъ благоговѣніемъ ума и чистотою сердца. Почему сказалъ Господь Самарянкѣ: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинъ кланяться*“. Такая мысль не противна теченію рѣчи Апостола. Впередѣ говорилъ онъ, что Галаты уклоняются къ закону, который заповѣдуетъ стихійное, плотское служеніе; и за это лишаются благодати и Христа. Теперь говоритъ: и справедливо; ибо мы, истинные христіане, духовно служа Богу, внутренними расположеніями и движеніями сердца и рѣшимостями воли, несомнѣнно уповаемъ спасены быть. Но это пониманіе легко соединено можетъ быть съ предыдущимъ, потому что духовное служеніе Богу невозможно иначе, какъ подъ дѣйствіемъ благодати Св. Духа.

Ст. 6. *О Христѣ бо Иисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію споспѣшествуема.*

Продолженіе предыдущей мысли и точнѣйшее опредѣленіе сущности христіанства. Будто слышитъ св. Павелъ, ищущій вразумленія, вопросъ Галатовъ, въ чемъ же состоитъ это духовное Богу служеніе, противоположное стихійному служенію подзаконному, или въ чемъ состоитъ

то внутреннее настроеніе, которое ради вѣры создается въ духѣ христіанина. И отвѣчаетъ: въ вѣрѣ любовью споспѣшествуемой. Имѣй это, и ты спасенъ. Ни о чемъ другомъ не заботься: не думай, что ты ближе ко Христу Господу, будучи обрѣзанъ (прежде т.-е. вѣры); и не смущайся, будто недостаетъ тебѣ чего, потому что ты необрѣзанъ былъ. И то и другое предъ лицомъ Господа не имѣетъ никакого значенія; никакой цѣны и никакого вѣса не дастъ Онъ ни тому, ни другому. Не благоволигелье приближается Онъ къ обрѣзанному, поколику онъ обрѣзанъ, и не отвращаетъ лица Своего отъ необрѣзаннаго, поколику онъ необрѣзанъ. У Него все рѣшается вѣра въ связи съ любовью. Вы приступили къ Господу, просвѣтились св. крещеніемъ, приняли залогъ Духа, васъ создающаго: храните теперь вѣру и живите въ духѣ любви,—вотъ и все, что отъ васъ требуется. Этимъ путемъ достигнете благополучно конца жизни и перейдете къ Господу, чтобъ вселясь въ обителяхъ Его, вѣчно съ Нимъ блаженствовать. Зачѣмъ вамъ вязать себя этими уставами подзаконной жизни? Все прочь. Духомъ служите Богу и духовно угождайте Ему, не опутываясь ничѣмъ внѣшнимъ. Въ христіанствѣ, Духомъ Божиимъ создаемомъ, все исходитъ изъ сердца, полнаго вѣры и дышащаго любовью. Внутреннее сіе необходимо выражается и вовнѣ; но это внѣшнее само по себѣ ничто предъ Богомъ. Цѣна его отъ того духа, съ какимъ совершается; такъ что, если взять всю жизнь въ совокупности, то, имѣй ты одно внутреннее, при невозможности соотвѣтственно ему дѣйствовать и вовнѣ, ты все имѣешь; имѣй ты одно внѣшнее, по обычаю или подражанію, безъ внутренняго, ты ничего не имѣешь. Все твое внѣшнее; какъ бы оно на видъ ни было взрачно, ничтоже можетъ во Христѣ Іисусѣ.

Такъ вотъ кто избранникъ Христовъ, вотъ кто Божій угодникъ во Христѣ Іисусѣ: кто полонъ вѣры и дышетъ любовью. А обрѣзаніе и необрѣзаніе тутъ ничто. Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, какъ онъ отвергъ обрѣзаніе,

поставивъ его на ряду съ необрѣзаніемъ. Ибо различіе дѣлаеть только вѣра. Если кто набираеть борцевъ, то будутъ ли они черныя или бѣлыя, все это не дѣлаеть никакого различія при выборѣ; но надобно искать въ нихъ того, чтобы они были сильны и опыты въ своемъ дѣлѣ. Такъ и желающему вступить въ Новый Завѣтъ, нисколько не вредитъ то, что онъ не соблюлъ всѣхъ оныхъ тѣлесныхъ обрядовъ; равно не принесетъ никакой пользы и то, если соблюлъ оныя. Здѣсь все рѣшаетъ вѣра съ любовію“.

Впра любовію споспѣшествуема—ἐνεργουμένη. Это слово можетъ значить *дѣйствующая и воздѣйствуемая*. Первое значеніе даетъ ту мысль, что вѣра приводитъ къ любви, возбуждаетъ и оживляетъ ее; а второе—ту, что вѣра возбуждается и оживотворяется любовію. То и другое показываетъ, что вѣра и любовь въ жизни христіанина неразлучны. Любовь въ вѣрѣ, вѣра въ любви находятъ оживительныя начала. Слыша Евангеліе, вѣруютъ въ Господа; увѣровавъ, возлюбляютъ Его и всѣхъ ради Его; возлюбивши же, паче вѣруютъ и утверждаютъ въ вѣрѣ; вѣра усиленная въ свою очередь возвышаетъ любовь. Такъ и спѣется жизнь христіанина. Съ момента раздѣленія ихъ начнетъ угасать истинная жизнь; а съ совершеннымъ раздѣленіемъ и жизнь совсѣмъ замираеть. Христіанинъ остане только именемъ христіанинъ и внѣшними нѣкоторыми дѣлами; на дѣлѣ же онъ сталь іудей, чающій оправдаться внѣшнимъ принадлежаніемъ къ Церкви Божіей.

Экуменій пишетъ: „недовольно только вѣровать во Христа, но необходимо, чтобы вѣра сімъ была воздѣйствуема, хранима и какъбы возгрѣваема любовію ко Христу. Которые вѣруютъ во Христа, но неисполнены любви къ Нему, тѣ переходятъ къ закону“ (можно и такъ: становятся въ чинъ подзаконниковъ).

Къ кому любовь здѣсь разумѣется? Какъ не прибавлено, къ кому; то надо разумѣть любовь и къ Господу, и къ собратіямъ христіанамъ. Духомъ благодати по вѣрѣ

сочетаваясь съ Господомъ, христіанинъ почерпаетъ изъ него полноту любви, которая, по природѣ своей требуя изліянія, вся исходитъ на сочленовъ единого во Христѣ тѣла, братскаго общества христіанскаго, съ самозабвеніемъ, или отверженіемъ себя. Все тутъ само собою создается и сочетается. Не предписанія внѣшнія заставляютъ, а духъ жизни о Христѣ Иисусѣ таковъ.

Св. Златоустъ говоритъ только о любви ко Христу: „Что значитъ: *любовію споспѣшествуема*? Сими словами Апостоль сильно уязвляетъ ихъ, показывая, что сіе уклоненіе ихъ отъ истины произошло отъ того, что они не утвердились еще въ любви ко Христу. Ибо здѣсь не вѣра только требуется, но и пребываніе въ любви. Какбы такъ онъ сказалъ: еслибы вы любили Христа, какъ должно, то не уклонились бы къ рабству, не оставили бы Испытателя, не поругались бы Освободителю“. Блаженный Теофилактъ указываетъ и на любовь къ ближнимъ. „Или Апостоль внушаетъ имъ и любовь къ ближнимъ, говоря какбы: познайте, что вѣра дѣйствуется любовію, т.-е. оказывается живою чрезъ любовь. Вѣра же, не имѣющая любви, бездѣйственна есть. Одинаково это съ словами: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*“ (Іак. 2, 26). А блаженный Іеронимъ подъ любовію разумѣетъ всю совокупность добродѣтелей. „Хотящіе во Христѣ жить должны взыскать всѣ добродѣтели и бѣгать всѣхъ пороковъ. Апостоль Павелъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *еже бо, не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдши, не лжесвидѣтельствуеши, не похощеши: и аще кака ина заповѣдь, въ семь словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе* (Рим. 13, 9). Итакъ если всѣ заповѣди совмѣщаются въ одной: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе*; то вставивъ это понятіе въ слова: *вѣра любовію споспѣшествуема*, ясно увидимъ, что это споспѣствованіе вѣрѣ любовію обнимаетъ полноту всѣхъ заповѣдей. И наоборотъ, какъ по Апостолу Іакову, *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*, такъ и добрая дѣла, безъ вѣры,

должны быть почитаемы мертвыми. Невѣрующіе во Христа, но добрые по нравамъ, что имѣютъ, кромѣ дѣлъ добродѣтелей? (т.-е. слѣд. они ничто предъ Господомъ, яко не вѣрующіе). Примѣръ вѣры, дѣйствующей любовію, представляетъ евангельская блудница, о которой, когда она въ домѣ фарисея слезами омыла ноги Господа и отерши власами помазала муромъ, Господь сказалъ: *оставляются грѣси ея мнози, яко возлюби много.* Ей же самой приговорилъ: *вѣра твоя спасе тя; иди въ миръ* (Лук. 7, 47—50). Очевидно этимъ показывается, что жена та имѣла вѣру любовію споспѣшествуемую: что только и имѣетъ цѣну во Христѣ Иисусѣ.

в).

Неизбѣжность извѣстнаго рода дѣйствованія нудитъ рѣшаться на него, сколь бы трудно оно ни было. Но если при этомъ выяснено будетъ, что оно очень легко и подручно намъ, то рѣшимость на него бываетъ тѣмъ скорѣе и живѣе. Эту подручность дѣла, при нравственныхъ потребностяхъ, необходимо выяснять, потому что нравственная необходимость, хотя и признана бываетъ, дѣйствуетъ однако не такъ рѣшительно и неотразимо, какъ физическая. При ней все еще остается мѣсто раздумыванія. Св. Павелъ приступаетъ теперь къ сему приему. Онъ говоритъ какбы здѣсь: видите, какъ необходимо бросить вамъ законъ и не касаться болѣе его: рѣшайтесь же. Рѣшайтесь тѣмъ охотнѣе, что для васъ при этомъ не предстоитъ никакихъ почти жертвъ. Вы начали жизнь во Христѣ безъ связи съ закономъ; слѣдовательно знаете эту свободную отъ закона жизнь. Что вамъ стоитъ возвратиться къ ней, возставивъ прежнія убѣжденія свои? (ст. 7. 8). Вы еще не успѣли запутаться много. Кое-что только приняли. Но это кое-что сколько опасно оставлять, — ибо оно все портитъ, — столько же легко бросить, потому самому, что его мало, и оно же малозначительно (ст. 9).

Ктому же я, вѣдь, знаю васъ, знаю живость вашихъ нравственно-религіозныхъ чувствъ и готовность на все истинное и доброе. Стоитъ только указать вамъ прямой путь, и вы уже готовы на него. Поэтому я увѣренъ, что вы бросите ложныя мысли и будете строго держаться изложенныхъ мною истинъ (ст. 10). Васъ сбиваютъ увѣряя, будто я обрѣзаніе проповѣдую. Не проповѣдую; ибо иначе за что же я гонимъ? О когда бы отсѣчены были эти соблазнители отъ васъ (ст. 11. 12)! Въ этомъ окончательное средство къ ихъ успокоенію и обезопасенію на будущее время.

Ст. 7. *Течасте добръ: кто вамъ възбрани не покарятися истинь?*

Должное теченіе жизни во Христѣ Іисусѣ указано предъ симъ. Этимъ путемъ, говорить, и вы шли, и не шли только, но текли, шли быстро, чѣмъ означается ревность и усердіе къ предъизображенному порядку жизни, и вмѣстѣ успѣхи въ ней прочныя и явныя. „Покланялись вы Отцу въ духѣ и истинѣ, и отъ полноты Христовой пріявши, знали, что законъ данъ только былъ народу чрезъ Моисея, а не исполненъ. Благодать же и истина не дана только, но и совершена Іисусъ-Христомъ. Итакъ, когда вы такъ хорошо текли, служа истинѣ паче нежели образамъ истинны, какимъ развратнымъ учителемъ воспящены будучи, начали слѣдовать за тѣнію закона, и оставили истину Евангелія?“ (Геронимъ).

Кто вамъ възбрани? Изумляется будто, какъ въ началѣ дивился, что скоро прелагаются (1, 6. 7). *Возбрани*—ἐνεχοψε пресѣкъ путь вашъ, или подсѣкъ васъ текущихъ. *Не покорятися истинь*, τῇ ἀληθείᾳ μὴ πειθεσθαι, — не вѣрять болѣе истинѣ, не держать прежнихъ въ ней убѣжденій, не стоять въ ней съ твердымъ непоколебимымъ постоянствомъ? „Это слова не вопрошающаго, а недоумѣвающаго и скорбящаго. Какъ оставлено такое шествіе? Кто имѣлъ столько силы? Вы, которые были выше всѣхъ и на степени учителей, не остались даже и на степени учениковъ.“

Какъ это случилось? Кто былъ такъ силенъ? Это гoлoсъ болѣе недоумѣвающаго и скорбящаго, который и выше онъ выражалъ подобными словами: *кто вы прельстили есть* (— 3, 1)?“ (Св. Златоустъ).

Слово: *кто вамъ возбрани*—не эту одну мысль объ изумленіи Апостола можетъ подавать. Амвросіастъ видитъ въ немъ убѣжденіе, чтобъ раскаялись и не вѣрили болѣе никому изъ тѣхъ, кои будутъ склонять ихъ на дѣла закона, въ противность евангельской истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Апостолъ зналъ, кто возбрани, знали конечно и Галаты. Зачѣмъ же вопросъ? Чтобъ внушить мысль о ничтожности этихъ возбранителей. Что за важныя лица? Стоило слушать ихъ, и изъ-за нихъ мѣнять воспріятыя и въ дѣло вошедшія убѣжденія? А если не стоило; то, понявши дѣло по моему разъясненію, надо отвратиться отъ нихъ и возстановить прежнія убѣжденія: чтѣ конечно для васъ не составитъ труда.

Думается, что прямѣе въ этомъ вопросѣ таже мысль, какъ въ обычномъ у насъ: а кто тутъ виноватъ? Кто виноватъ, что вы остановились,—перемѣнили, или помутили прежнія убѣжденія, и пошли на перекоръ истинѣ? Никто не виноватъ. Сами вы убѣдились въ истинѣ, сами измѣнили тѣмъ убѣжденіямъ. Самимъ же вамъ предлежитъ теперь и возвратиться къ нимъ. Ибо убѣжденіе никто навязать не можетъ насильно. Убѣждающіе предлагаютъ, разъясняютъ, склоняютъ, но самое убѣжденіе и склоненіе не отъ нихъ. Оно дѣло свободы. Прежнее ваше убѣжденіе развѣ отъ Призвавшаго было (ст. 8)? Нѣтъ, Онъ призвалъ; вы убѣдились и согласились послѣдовать истинѣ. А потомъ разубѣдились, и пошли инуды. Если такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ все отъ васъ; то что можетъ задерживать васъ во лжи? Бросьте ее, и возвратитесь къ истинѣ. Возстановите прежнія убѣжденія, и опять начинайте теци тѣмъже путемъ уже испытаннымъ. Течасте добрѣ: что мѣшаетъ вамъ опять вступить въ тоже доброе теченіе?

Ст. 8. *Препрѣніе не отъ Призвавшаго вы.*

Препрѣніе, — *πειρασμι*, значить убѣжденіе; въ соотвѣтствіи непосредственно предшествующему *μη̄ πειθεσθᾱи*... не выдержать убѣжденія, не продолжать питать убѣжденіе, — мысль такая: убѣжденіе не отъ Призвавшаго васъ, не отъ Бога, Который призвалъ васъ во благодать Свою. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „(въ обращеніи) иное есть дѣло Божіе, а иное дѣло самихъ людей. Божіе дѣло есть призвать; дѣло людей—повѣрить или не повѣрить. Въ добрую или худую сторону склоняемся, причина тому не Богъ и не диаволь. Убѣжденіе наше всегда не отъ того, кто зоветъ, но отъ насъ, которые сами собою соглашаемся, или не соглашаемся съ Зовущимъ“.

Поелику убѣжденіе поставляется здѣсь въ соотношеніе съ призывающимъ Богомъ; то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть убѣжденіе въ истинѣ евангельской; а не это прившедшее послѣ ложное убѣжденіе въ значеніи закона въ дѣлѣ спасенія. Апостоль хочетъ внушить Галатамъ: вѣдь вы были же убѣждены въ истинѣ евангельской? Не насильственно было оно навязано вамъ. Богъ послалъ меня къ вамъ; я предложилъ вамъ проповѣдь Евангелія, вы вняли, соображали и убѣдились. Это было дѣломъ вашей свободы. Убѣжденіе не отъ Призвавшаго васъ.

Что же изъ этого слѣдовало? Слѣдовало: сами вы убѣдились въ истинѣ; сами пошатнулись въ семь убѣжденіи; сами же теперь и воротитесь къ нему. Никакого труда, ни помѣхи къ тому нѣтъ. Бросьте новую ложь, возьмите прежнюю истину въполнѣ, какъ она есть и вамъ преподаана; она вамъ вѣдома, извѣдана и убѣжденія въ ней. Поворотъ легокъ. Эта мысль проглядываетъ у св. Златоуста, который говоритъ: „Призвавшій васъ не для того призвалъ, чтобы вы такъ колебались,—не далъ вамъ заповѣди іудействовать“.

Ст. 9. *Малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ.*

На укоръ Апостола: были же вы убѣждены, зачѣмъ перемѣнили убѣжденія? Воротитесь къ прежнему,—Галаты

могли сказать: да мы и теперь убѣждены, а то, что, послушавъ другихъ, приняли кое-что іудейское, велико ли? Такъ мало, что и говорить о томъ не стоитъ. Апостоль на это и отвѣчаетъ: малъ квасъ все тѣсто заквашиваетъ. Не много іудейскаго приняли, но все оквасили іудействомъ, повредили цѣлость вѣры, и она уже не можетъ принести вамъ всей спасительности. Ктому же это не многое поведетъ къ большему и втянетъ васъ въ іудейство во всей его широтѣ. Зло заразительно. Св. Златоустъ говоритъ на это: „чтобъ кто не сказалъ: зачѣмъ ты такъ преувеличиваешь дѣло, и столь тяжкимъ представляешь его? Изъ закона мы соблюди одну только заповѣдь, а ты производишь такой шумъ?—то послушай, какъ устрашаетъ ихъ не настоящимъ ихъ поступкомъ, но имѣющими произойти отъ него послѣдствіями: *малъ квасъ, говоритъ, все смѣшеніе кваситъ.* Такъ и васъ эта небольшая погрѣшность, оставленная безъ исправленія, можетъ совершенно препобѣдить и увлечь въ іудейство, какъ квасъ заквашиваетъ все тѣсто“. Такъ и всѣ восточные; такъ и западные: Амвросіастъ говоритъ: „это прибавилъ Апостоль для того, чтобъ не подумали, что для благодати вѣры не будетъ никакого вреда, если они будутъ соблюдать малость нѣкую изъ закона. Блаж. Іеронимъ сначала туже выражаетъ мысль, говоря: „учить этою притчею Апостоль, что духовный хлѣбъ Церкви съ неба спешій не должно повреждать іудейскими толками. Господь самъ заповѣдалъ ученикамъ своимъ блюстися отъ кваса фарисейскаго; что объясняя, евангелистъ прибавилъ, что онъ это сказалъ имъ объ удаленіи отъ ученія фарисейскаго (Мѡ. 16, 12). А это ученіе фарисейское какое другое, какъ не о неотложности соблюденія плотскаго закона“? Но потомъ поминаетъ и о томъ, какъ и нѣсколько человѣкъ съ ложнымъ ученіемъ могутъ повредить всю мѣстную Церковь, когда, сначала двос-трое, потомъ десятки и т. д., начнутъ заражаться ихъ ученіемъ. Зло это дѣйствуетъ, какъ искра

падшая въ горючій матеріалъ, какъ гангрена жиръ обрѣтшая. Очевидный примѣръ этому—Арій.

Но эта мысль о числѣ лицъ соблазняющихъ и соблазненныхъ можетъ быть только придаточною къ главной, по которой разумѣется тутъ ученіе іудейское. Но поставляя сію мысль въ связи съ послѣдующими словами: *надѣюся о васъ...* надо допустить, что Апостолъ намекалъ этимъ и на легкость, съ какою можно имъ раздѣлаться съ іудействомъ. Онь гово ритъ какбы: мало переняли? Тѣмъ удобнѣ вамъ бросить то. И бросьте; я надѣюсь, что вы такъ сдѣлаете.

Ст. 10. *Азъ надѣюся о васъ въ Господь, яко ничтоже ино разумѣти будете: смущаяй же васъ, понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ.*

Такого рода надежда и окрыляетъ и обязываетъ къ исправленію. Это обычный въ соотношеніяхъ людей пріемъ, котораго силу, когда онъ идетъ отъ искренняго сердца, испытываетъ всякій. Его и употребилъ св. Павелъ въ концѣ, какъ всепобѣдительное орудіе слова. Сила слова въ выраженіи надежды на нихъ. Этимъ больше и заняты толковники. Чего же онъ надѣется отъ нихъ, на это они не обращали вниманія. Довольно замѣтить, что слова: *ничтоже ино разумѣти будете*, нельзя ограничивать непосредственно предыдущимъ, т.-е. что и вы также судите, какъ я, что малъ квасъ все смѣшеніе квасить, и потому поспѣшите изъять сей квасъ. Но отъ сего должно взойти и ко всему прочему, что объяснялъ Апостолъ. Онъ говоритъ имъ: надѣюсь, что вы будете мудрствовать, какъ я, усвоите мой образъ воззрѣнія на іудейство, и поступите соотвѣтственно тому.

Что касается до надежды, то иные думаютъ, что она естественно должна была родиться у Апостола, знавшаго любовь къ истинѣ Галатовъ и то, что они увлечены были обманомъ, въ простотѣ сердца принявъ за истину то, что не было истинно. Послѣ сдѣланныхъ имъ объясненій онъ не сомнѣвался, что они бросятъ ложь и возвратятся къ

истинѣ. Другіе полагаютъ, что эта надежда Апостола истекала изъ крѣпкаго его упованія на Бога, хотящаго всѣмъ въ разумъ истины пріити. Третьи восходятъ выше, что Апостоль такъ сказалъ въ духѣ пророческомъ. Духъ Божій далъ ему видѣть отрезвленіе Галатовъ, и онъ выражаетъ это надеждою на нихъ.

Такъ Амвросіастъ пишетъ: „надѣется этого отъ нихъ Апостоль ради того, что они не сами собою, но будучи обмануты вступили на путь заблужденія. Почему показавъ имъ истинный путь, ожидаетъ, что они легко возвратятся на него“. Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: разумѣте, но: *разумѣти будете*, т.-е., исправитесь. Откуда же ты знаешь сіе? Но онъ опять не сказалъ—знаю, а—вѣрю Богу, говоритъ, и съ твердымъ упованіемъ призываю Его содѣйствіе къ вашему исправленію. Съ дерзновеніемъ, и не просто сказалъ, *надѣюсь о васъ*; но прибавилъ—*о Господь* (онъ вездѣ любитъ обличенія растворять съ похвалами); какбы такъ онъ сказалъ: я знаю учениковъ моихъ, знаю удобоисправимость вашу; впрочемъ надѣюсь сего чрезъ Господа, который не хочетъ погибели никому; а чрезъ Него надѣюсь и на васъ, которые легко можете возвратиться въ прежнее состояніе. Но вмѣстѣ убѣждаетъ приложить и собственное стараніе, такъ какъ невозможно получить отъ Бога ничего, если мы не привнесемъ ничего съ своей стороны“. Блаж. Иеронимъ такъ разсуждаетъ: „не по предположенію, но въ пророческомъ духѣ произнесъ св. Павелъ, что Галаты возвратятся къ истинѣ, которую они оставили было. Провидя духомъ, что они не иначе будутъ вѣровать, какъ такъ, какъ онъ научаетъ ихъ въ посланіи, говоритъ: *надѣюсь*... И приложеніе имени *Господа*, сіе же самое означаетъ. Ибо еслибы онъ только предположительно думалъ такъ, то сказалъ бы: я надѣюсь на васъ. Но приложивъ: *о Господь*, показалъ, что пророчествуетъ о томъ, о чемъ Духомъ Божиимъ водимый зналъ, что оно будетъ“.

Вторая половина сего текста: *смущаяй же васъ поне-*

сетъ грѣхъ—какъ вяжется съ первою? По обыкновенному у насъ ходу рѣчей слѣдовало бы ожидать угрозы имъ, такъ: надѣюсь, что исправитесь, но если не исправитесь, не ждите милости. Св. Апостоль эту угрозу обращаетъ не на Галатовъ соблазненныхъ, но на соблазнительей: ибо эти знали истину, а тѣ въ простотѣ сердца приняли ихъ кривотолкованіе за истину, не подозрѣвая лжи. Виновны они только въ томъ, что не обратились къ св. Павлу, дважды у нихъ бывшему, учителю и отцу, породившему ихъ въ духовную о Христѣ жизнь. Но и это могло случиться по неопытности, безъ всякаго умаленія любви къ истинѣ. Св. Павелъ и не обращаетъ къ нимъ угрозы своей. Но вмѣстѣ даетъ подразумѣть, что если останутся упорными въ заблужденіи, то вмѣстѣ съ лжеучителями и они ту же кару понесутъ. Доселѣ они были невинны; но по такомъ полномъ объясненіи истины, какое сдѣлалъ имъ св. Павелъ, они не будутъ уже безвинны; а станутъ подъ одинъ разрядъ и съ своими новыми учителями.

Толковники наши впрочемъ останавливаются преимущественно на прямомъ смыслѣ сихъ словъ, не дѣлая наведенія на самихъ Галатовъ. Такъ св. Златоустъ говоритъ: „съ двухъ сторонъ побуждаетъ ихъ св. Павелъ къ возстанію—и надѣяніемъ на нихъ, и угрозою, или предреченіемъ наказанія возмутителямъ. Но замѣть, что онъ не назвалъ по имени ни одного изъ злоумышленниковъ, чтобы тѣмъ не сдѣлать ихъ еще безстыднѣе. И смыслъ словъ его такой: хотя вы и не будете иначе мыслить, однако это не избавитъ отъ наказанія виновниковъ оболщенія; они будутъ осуждены. Ибо не возможно, чтобы за благочестіе однихъ облегчалась участь другихъ—зловрадныхъ. Говоритъ же сіе для того, чтобы лжеучители не сдѣлали такого же нападенія еще и на другихъ. И не просто сказалъ: *смущай*, но усилилъ выраженіе, прибавивъ: *кто бы ни былъ*“.

Эта послѣдняя прибавка даетъ ту мысль, что между лжеучителями были, можетъ быть, лица съ вѣсомъ. Даетъ

разумѣть, что ни богатство, ни знатность, и никакое другое видимое отличіе не избавить ихъ отъ заслуженной кары, какъ въ началѣ сказалъ: аще мы или ангель съ неба будетъ иначе благовѣствовать, кары не минуешь.

Въ чемъ состояла угроза?—Понесеть грѣхъ, по греч. *χρῖμα*—судъ. Понестъ судъ, значить не только быть осуждену, но и понестъ присужденное за то наказаніе. „*Понесетъ судъ* — тоже, что въ другомъ мѣстѣ: всякій свое бремя понесетъ“ (Иеронимъ). Какое же это бремя, или въ чемъ существо кары? Можетъ быть угрожается наказаніемъ отъ Бога, какбы такъ: Богъ не оставитъ его безъ наказанія. Угроза такая еще прежде изречена Спасителемъ, такъ что въ царствѣ Его, какъ тотъ, кто обратитъ другаго, избавить душу свою отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 20), такъ и наоборотъ, тому, кѣмъ соблазнъ приходитъ, горе. „Кто смущаетъ и соблазняетъ кого-либо въ Церкви, лучшебъ было жерновъ повѣсити на шею и броситься въ море, нежели соблазнить кого-либо изъ тѣхъ малыхъ, на которыхъ указываетъ Спаситель (Лук. 17)“ (Иеронимъ).

Но можетъ быть св. Павелъ намекалъ и на такой судъ, который онъ, немного спустя, употребилъ въ Коринѣѣ, т.-е. судъ церковный, отлученіе, преданіе анаѣемѣ, какъ и изрекалъ уже онъ въ началѣ посланія. Слышится будто: приду и раздѣлаюсь съ ними.

Ст. 11. *Азъ же, братіе, аще обрѣзаніе еще проповѣдую, почто еще юнимъ есмь? убо упряднися соблазнъ креста.*

Эти слова разчищаютъ путь и устраняютъ послѣднія препятствія къ дѣйствию на Галатовъ предложенныхъ св. Павломъ убѣжденій. Могли заграждать сей путь наговоры на Апостола, что самъ онъ придерживается закона и даже обрѣзывается. Засѣдши въ памяти, это нареканіе могло отнимать силу и угрозъ и надеждъ и всѣхъ увѣщаній Павла. По крайней мѣрѣ всякій, подумавши: да самъ-то что же ты вяжешься съ закономъ,—могъ останавливаться въ недоуміи. Св. Павелъ разгоняетъ этотъ легкій туманъ.

нець однимъ вопросомъ: гонять же меня за что? Что Іудеи гнали Апостола, это всѣмъ было вѣдомо. Всѣмъ также не мудрено было уразумѣть, что еслибъ онъ благосклонно относился къ обрѣзанію и закону, то никто и слова не сказалъ бы ему. Если же поносить его, безчестять, преслѣдуютъ всюду, то явный знакъ, что изложенное имъ ученіе о прекращеніи силы обрѣзанія и закона, и о ненужности ихъ болѣе для вѣрующихъ, есть постоянный и повсюдный предметъ его проповѣди. Наслушавшись наговоровъ на св. Павла, Галаты могли недоумѣвать: что же это дѣлаетъ Апостоль? Прочитавъ же вопросъ его, должны были воскликнуть: въ самомъ дѣлѣ такъ; что же тѣ-то намъ натолковали? Это они насъ обманывали. Какова мудрость Апостола! Не посылаетъ ихъ за справками пройти по слѣдамъ его проповѣди, а одною очевидностію успокоиваетъ ихъ умы, смятенные нареканіями на него.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Поелику говорили о немъ, что онъ часто самъ соблюдаетъ іудейскіе обряды, и проповѣдуетъ необрѣзаніе притворно; то смотри, какъ онъ показалъ себя чистымъ отъ сей клеветы, призывая во свидѣтели ихъ самихъ. Вы сами знаете, говорить, что причиною гоненій на меня было то, что я училъ оставлять законъ. А еслибы я проповѣдывалъ обрѣзаніе, то за что бы и гнать меня? Іудействующіе, кромѣ сего, еще ни въ чемъ другомъ обвинять меня не могутъ. И еслибы я позволялъ имъ вѣровать по отеческимъ обычаямъ; то ни увѣровавшіе, ни не увѣровавшіе изъ нихъ не злоумышляли бы на меня, какъ ничего изъ ихъ обычаевъ не отвергающаго. Чтоже? Не проповѣдывалъ ли онъ обрѣзанія, не обрѣзалъ ли Тимофея? Обрѣзалъ. Какъ же говорить,—не проповѣдую? Примѣчай и здѣсь его осмотрительность. Онъ не сказалъ: я не совершаю обрѣзанія, но—не проповѣдую, т.-е., не учу такъ вѣрить. И ты моего поступка, говорить, не долженъ брать въ утвержденіе

догматовъ; ибо хотя я и обрѣзанъ, впрочемъ не проповѣдывалъ обрѣзанія“.

Убо упразднися соблазнъ креста. Еслибъ было такъ, еслибъ я проповѣдовалъ обрѣзаніе, то крестъ не представлялъ бы соблазна для Іудеевъ. Для нихъ такъ дорого обрѣзаніе, что не трогай я его, они соблазна въ крестѣ не видѣли бы, а теперь видятъ ради того, что крестъ гонитъ обрѣзаніе и весь законъ. Амвросіастъ пишетъ: „Соблазномъ для Іудеевъ была проповѣдь о крестѣ потому, что ею упразднились суббота и обрѣзаніе. Еслибъ она допускала обрѣзаніе, то не было бы соблазна, и Іудеи мирны бы были съ нами. И о Спасителѣ они говорили: *Нѣсть сей отъ Бога человекъ, яко субботы не хранитъ*“ (Іоан. 9, 16). Св. Златоустъ тоже излагаетъ пристрастїе. „Если вѣрно то, что вы говорите, то преграда и вражда, раздѣляющія насъ, уничтожены. Ибо Іудеевъ не столько соблазняетъ крестъ, сколько ученіе не слѣдовать отеческимъ обычаямъ. Приведши Стефана въ синедрионъ, они не говорили, что сей чтить Распятаго, но что *малолетъ на мѣсто святое сіе и законъ* (Дѣян. 6, 13). И самого Господа Иисуса обвиняли они за то, что будто Онъ разоряетъ законъ (Іоан. 5, 18). Почему Павелъ и говоритъ: если мы допускаемъ обрѣзаніе, то прекратилась ваша борьба съ нами, нѣтъ болѣе вражды противъ креста и проповѣди. А если насъ ежедневно умерщвляютъ, то развѣ это безъ всякой причины? Вы и сами видите, что ни за что такъ не враждуютъ на насъ, какъ за обрѣзаніе. Такъ ли я былъ не благоразуменъ, чтобъ и себя подвергнуть скорби, и другихъ ввестъ въ соблазнъ, безъ всякой причины? Сказалъ же онъ—*соблазнъ креста*, потому что ученіе о крестѣ повелѣваетъ оставить отеческіе обычаи; что преимущественно и соблазняло Іудеевъ и удерживало отъ принятія креста“.

Ст. 12. *О дабы отсѣчени были развращающіи-васъ.*

Отсѣчени, совершенно отдѣлены (Феодоритъ), чтобъ никакого уже общенія не было у васъ съ ними, и у нихъ

съ вами. *Развращающіе*, съ греч. возсталяющіе васъ на истину, бунтовать противъ истины возбуждающіе васъ. Доказалъ Апостоль, что не должно болѣе вѣзаться закономъ, убѣдилъ, что должно прекратить всякое общеніе съ нимъ, и надѣется твердо, что Галаты такъ и сдѣлаютъ. Но забота Апостола о нихъ простирается и на будущее. Не покоенъ онъ, пока среди ихъ лжеучители, и выражаетъ желаніе, чтобъ они отсѣчены были. Въ греческомъ читается: *и отсѣчены. О дабы и отсѣчны были....* Вы убѣдились, исправите ошибку; но когда бы и лжеучителей вы прогнали отъ себя, тогда я былъ бы совершенно покоенъ относительно васъ. Пока они съ вами, не перестану опасаться за васъ.

Что такъ будто слабо дѣйствуетъ Апостоль? Не отсѣкаетъ соблазнителей, а желаніе только выражаетъ, чтобъ они были отсѣчены самими Галатами. Ожидаль, можетъ быть св. Павелъ обращенія къ истинѣ ихъ самихъ, потому и сказалъ такъ перѣшительно; въ случаѣ же упорства и продолженія соблазнять, можетъ быть, оставилъ себѣ свободу, сдѣлать распоряженіе о томъ послѣ. Или, можетъ быть, онъ увѣренъ былъ, что Галаты и сами то сдѣлаютъ, отгонять ихъ отъ себя, прекратятъ общеніе съ ними, не позволяютъ имъ приближаться къ себѣ; воззваніемъ же своимъ: *о дабы!* онъ показать только хотѣлъ, что это не противно его желанію, что объ этомъ есть и его апостольская молитва. Всячески нельзя тутъ не видѣть закона жизни тѣла Церкви, оторгать и извергать непокоряющихся истинѣ и учащихъ противно ей.

Ср. Златоустъ видить въ сихъ словахъ апостольскую строгость: „Смотри, какую строгость выражаетъ здѣсь Апостоль и къ обольстителемъ ихъ. Сначала онъ укорялъ обольщенныхъ, не разъ называя ихъ несмысленными. Но довольно поучивъ и вразумивъ ихъ, теперь обращается уже къ обольстителемъ ихъ. А вы и здѣсь должны примѣнить мудрость Апостола. Галатовъ онъ вразумляетъ и убѣждаетъ, какъ дѣтей своихъ, и надежныхъ еще къ ис-

правленію; а обольстителей ихъ отсѣкаетъ, какъ чуждыхъ и неизлѣчимо больныхъ. На сіе послѣднее указываетъ онъ, когда говоритъ: *понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ*; и на первое, когда угрожаетъ имъ, говоря: *о дабы отступны были развращающіи васъ*. И справедливо сказалъ: *развращающіи васъ* (т.-е. возбуждающіе васъ отступать отъ строя и порядка Христовой Церкви, которая есть новое для духа вашего отечество). Ибо они принудили ихъ, оставивъ свое отечество и свободу, и небесное родство, искать отечества чуждаго и неизвѣстнаго, и изгнавъ ихъ изъ Іерусалима горняго и свободнаго, заставили блуждать какъ плѣнниковъ и пришельцевъ. Потому-то Апостоль и возстаетъ на нихъ. Смыслъ словъ его такой: я нисколько не забочусь о нихъ: *еретика бо человека по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. 3, 10).

Во времена св. Златоуста были люди, которые словомъ Апостола, *отступны* покушались оправдывать скопчество. Ибо скопцы назывались и *ἀπόκοποι*; у Апостола же стоитъ: *ἔφελον καὶ ἀποκόψονται*. Св. Златоустъ не напрягается опровергать такого толкованія; потому что ложность его и сама собою очевидна послѣ высказаннаго имъ предъ симъ мнѣнія. Но пользуется симъ случаемъ обличить скопцевъ въ предотвращеніе отъ скопчества, смысла не имѣющаго. Проглядываетъ у него мысль, что еслибъ и видѣть у Апостола указаніе на скопчество, то вѣдь это кара, казнь, клятва; и дерзающіе сами себя искажать, сами на себя навлекаютъ клятву Апостола. За тѣмъ говоритъ: „Манихеи только говорятъ, что тѣло злокозненно и составлено изъ злаго вещества; а сіи самыми дѣлами подають поводъ къ нелѣпымъ ихъ толкамъ, отсѣкая членъ, какъ бы враждебный и злокозненный. Гораздо лучше бы выкалывать глаза, потому что чрезъ нихъ похоть входитъ въ душу. Но ни глаза, ни другой какой членъ не виновны въ семъ; виновна одна злая воля. А если не-можешь воздержаться, то для чего не отсѣкаешь языка за богохульство, руку за хищеніе, ногъ за стремленіе ихъ на

зло, и для чего, можно сказать, не изсѣчешь всего тѣла? Ибо и слухъ при напѣваніи свирѣли, часто расслабляетъ душу, и ноздри при ощущеніи благовонія прельщаютъ сердце и увлекаютъ къ удовольствію. Итакъ отсѣчемъ все, и уши, и руки, и ноздри. Но это крайнее печестіе и наущеніе сатанинское. Нужно только исправить безпорядочное стремленіе души. Злой демонъ, услаждающійся всегда убійствами, онъ только могъ внушить, что должно истреблять самый органъ, какбы великій художникъ сдѣлалъ ошибку. Какъ же бываетъ, скажетъ кто, что отъ тучности тѣла возгарается похоть? Но и тутъ грѣхъ души. Утучненіе плоти зависитъ не отъ похоти, а отъ души. Если она захочетъ истощить ее, имѣетъ на то полную власть. Но ты дѣлаешь тоже, какъ еслибы кто видя подкладывающаго огонь и зажигающаго домъ, сталъ обвинять за пожаръ не поджигателя, а огонь за то, что будто бы онъ разгорѣлся такъ сильно отъ того, что самъ собою много охватилъ бревенъ дома. Виноватъ не огонь, а поджигатель. Огонь данъ для приготовленія пищи, для освѣщенія и для многихъ другихъ потребностей, а не для того, чтобы жечь дома. Такъ равно и пожеланіе дано для дѣторожденія и сохраненія рода, а не для прелюбодѣянія, блуда и сладострастія; дано для того, чтобы ты былъ отцемъ, а не прелюбодѣемъ; прелюбодѣяніе зависитъ не отъ естественнаго пожеланія, а отъ неистовства противоестественнаго“.

Не сочтено излишнимъ выписать это мѣсто ради того, что и у насъ водятся сіи плевелы.

Епископъ Теофанъ.

МОНОФИЗИТСТВО И IV ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ *).

I. Константинопольскій соборъ 448 года.

Условія появленія монофизитскаго ученія.—Личность Евтихія.—Соборъ Константинопольскій 448 года: епископъ Евсевій и архіепископъ Флавіанъ;—первый, второй и третій вызовъ Евтихія;—розыски;—судъ надъ Евтихіемъ.—Признаки грядущихъ смуть въ Церкви.

Пятый вѣкъ христіанской церкви извѣстенъ особенною усиленною дѣятельностію въ борьбѣ съ еретиками. Въ этотъ вѣкъ почти одинъ за другимъ собраны были два вселенскихъ собора, третій и четвертый. Первый ведетъ борьбу и одерживаетъ побѣду надъ ересью несторіанскою, второй тоже ведетъ борьбу и торжествуетъ надъ ересью монофизитскою. Предметъ еретическаго заблужденія какъ въ несторіанствѣ, такъ и въ монофизитствѣ одинъ и тотъ же, состоитъ въ неправильныхъ представленіяхъ о личности Богочеловѣка, Христа. Несторіанство подъ двумя естествами Христа—Божескимъ и человѣческимъ, понимало какбы два лица во Христѣ: Божеское и человѣческое. Несторіане не могли должнымъ образомъ понять

*) Въ приложеніи къ книжкамъ Душеполезнаго Чтенія 1870 и къ январской книжкѣ 1871 года напечатана была Исторія первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ. Авторъ ея, бывшій преподаватель церковной исторіи въ московской духовной академіи, не могъ приготовить для Душеполезнаго Чтенія исторіи остальныхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ, по случаю назначенія его въ Алеутскаго епископа. По нашему порученію взялъ на себя трудъ продолженія исторіи вселенскихъ соборовъ другой спеціалистъ по церковной исторіи. Наши читатели, надѣемся, трудомъ его останутся весьма довольны. *Ред.*

единство личности Богочеловѣка. Напротивъ монофизиты, въ видахъ охраненія этого единства личности Богочеловѣка, какое теряли несторіане, одному изъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ—человѣческому не приписывали истинности и дѣйствительности, выводили его до призрачности. Они достигали въ представленіяхъ до единства личности Христа, но упускали изъ виду несліянность естествъ во Христѣ.

Первые слѣды монофизитства можно находить въ исторіи церковной вскорѣ послѣ собора III вселенскаго. Еще при жизни св. Кирилла Александрійскаго (ум. 444 г.), главнаго дѣятеля на соборѣ III вселенскомъ, уже встрѣчались люди съ монофизитскимъ образомъ воззрѣнія. Борьба съ несторіанствомъ въ Церкви была борьбою съ однимъ изъ утонченнѣйшихъ догматическихъ лжеученій. Эту борьбу не всѣ могли вести съ одинаковымъ умѣньемъ и успѣхомъ. Недостаточно было одной ревности къ вѣрѣ, но требовалось и самое глубокое пониманіе вѣры; какъ скоро такого соединенія ревности съ просвѣщенною вѣрою не находилось у кого-либо, грозила опасность въ борьбѣ съ лжеученіемъ впасть въ новое лжеученіе. Такъ и было съ нѣкоторыми, хотя и ревностными, но неразсудительными борцами противъ несторіанства. Они знали, что несторіанство—ересь, и что Кирилль Александрійскій есть лучшій выразитель православнаго ученія вопреки этой ереси, но къ сожалѣнію не совсѣмъ хорошо понимали ученіе этого послѣдняго. Кирилль вскорѣ послѣ низверженія несторіанства жаловался, что появились люди, которые искажали и перетолковывали его ученіе. Эти-то люди и были раннѣйшими монофизитами, зерномъ дальнѣйшаго монофизитства. Кирилль при одномъ случаѣ о такихъ говорилъ: „да заградятся уста тѣмъ, которые проповѣдуютъ или тождество, или сліяніе или смѣшеніе Слова Божія съ плотію; потому что есть люди, которые распространяютъ слухи въ народѣ, будтобы я подобнымъ образомъ и думаю и учу; тогда какъ наоборотъ: я даже

сумасбродными считаю подобныхъ лицъ“ (Дѣян. Всел. Соб. т. III, стр. 224 *). Другіе приписывали еще болѣе странныя мысли Кириллу. Такъ онъ говоритъ: „я узналъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые привыкли пустословить, жужжать подобно полевымъ осамъ и распространяють обо мнѣ пелѣные слухи, будто я говорилъ, что тѣло Христово заимствовано не отъ Св. Дѣвы, а принесено съ неба“. Такихъ извратителей своего ученія, Кириллъ называетъ „безразсудными“ (Дѣян. III, стр. 222). Эти-то возрѣнія, появившіяся уже во времена Кирилла, и легли въ основу позднѣйшаго монофизитскаго ученія. Съ теченіемъ времени подобныя мысли не только не исчезали, но пріобрѣтали все болѣй и болѣй кругъ послѣдователей. Блаженный Теодоритъ въ 447 году издаетъ сочиненіе, въ которомъ ведетъ рѣшительную борьбу съ возрѣніями, родственными съ тѣми возрѣніями, какія, какъ мы показали, осуждалъ еще Кириллъ. Теодоритъ показываетъ, что появились люди съ такимъ ученіемъ: „два естества было во Христѣ до соединенія, а соединившись они составили одно“; „воспринятое Сыномъ Божиимъ естество человѣческое, хотя не уничтожилось, по перемѣнилось въ существо Божественное“. Отсюда подобные учителя утверждали: „имя человѣка Христу не приличествуетъ, приличествуетъ Ему одно имя Бога, потому что, говорили, имя Богъ есть имя естества, а имя человѣкъ есть только указаніе на совершеніе нашего спасенія“. Когда въ земной жизни Іисуса Христа совершилось подобное объединеніе двухъ естествъ божескаго и человѣческаго, при чемъ осталось одно естество Божеское,—эти учителя такой вопросъ рѣшали не одинаково: одни, кажется, утверждали, что это совершилось „тотчасъ же въ зачатіи Іисуса Христа“; другіе допускали, что

*) Полная исторія монофизитства и IV вселенскаго собора изложена въ „Дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ“, томы III и IV. Переводъ. Казань. 1863. 1865 гг.

„плоть Христова получила премѣненіе въ естество Божественное уже послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, потому что послѣ воскресенія плоть Христова сдѣлалась неслѣнна, безстрастна и безсмертна“. Изъ разсматриваемаго сочиненія Θεодорита ясно видно, что приводило нѣкоторыхъ изъ христіанъ къ подобному образу воззрѣнія. Именно они въ свое оправданіе по Θεодориту говорили: „мы не утверждаемъ двухъ естествъ, дабы не ввести двухъ сыновъ въ ученіи о Христѣ. Поэтому мы думаемъ, что Божество осталось цѣлымъ, а человѣчество поглощено Божествомъ“ *). Это значитъ, что проповѣдники этого ученія усвоивали подобныя мысли, стараясь стоять какъ можно далѣе отъ несторіанства, которое вводило „двухъ сыновъ“, когда оно склонялось къ мысли, что два естества во Христѣ образуютъ собою два лица.

Ложнымъ мыслямъ о лицѣ Іисуса Христа, противъ которыхъ боролись Кириллъ и Θεодоритъ и которыя были совершенно отличны отъ несторіанства, не суждено было остаться въ скрытности и неизвѣстности. Эти ложныя мысли съ одной стороны достигаютъ очень широкаго распространенія, съ другой возбуждаютъ вниманіе всей Церкви. Это случилось съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ архимандритовъ столичнаго города Константинополя Евтихій явился приверженцемъ подобныхъ мыслей и былъ уличенъ въ нихъ. До времени уличенія въ ереси, что было сдѣлано на соборѣ константинопольскомъ 448 года, Евтихій слылъ человѣкомъ хорошей жизни и строгихъ правилъ. Онъ посвятилъ себя монашеской подвижнической жизни съ самыхъ юныхъ лѣтъ (Дѣян. III, 184). Онъ достигъ уже глубокой старости, когда онъ обличенъ и осужденъ былъ какъ еретикъ. Его монастырь, въ которомъ онъ настоятельствовалъ, принадлежалъ къ самымъ многочисленнымъ монастырямъ: подъ его начальствомъ было

*) Θεодорита. Разговоръ между еранистомъ и православнымъ. Христ. Чтеніе, 1846 г. томъ 2, стр. 363—4. 369—371. 375. 378. 382.

до 300 монаховъ (Дѣян. III, 405). Настоятелемъ монастыря Евтихій былъ уже болѣе 30 лѣтъ (Дѣян. *ibid*). Онъ отличался ревностію въ устройствѣ своего монастыря (Дѣян. III, 406). Мѣстный константинопольскій архіепископъ, хорошо зная жизнь Евтихія, считалъ его человекомъ очень достойнымъ (Дѣян. III, 264). Онъ извѣстенъ былъ ревностію въ борьбѣ противъ лжеученія Несторія (Дѣян. III, 263. 185). Кириллъ Александрійскій ради этой ревности его, въ знакъ благодарности прислалъ Евтихію отдѣльный экземпляръ Дѣяній III Вселенскаго Собора (Дѣян. III, 186). Что касается до умственныхъ качествъ Евтихія, они были не особенно высоки. Евтихій ни въ чемъ не показываетъ, чтобъ онъ былъ достаточно образованъ, чтобъ онъ обладалъ силою мысли и умственнымъ развитіемъ, такъ что совершенно можно согласиться съ тѣмъ отзывомъ, какой дѣлаетъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ современниковъ Евтихія. Именно папа Левъ великій находитъ въ Евтихіи лишь одну „неосторожную простоту“ (Дѣян. III, 52). Не будетъ даже преувеличеніемъ сказать вмѣстѣ съ тѣмъже Львомъ, что Евтихій былъ „несмысленный старикъ“, что онъ отличался „несмыслиемъ“ (Дѣян. III, 47). Дальнѣйшій рассказъ объ Евтихіи долженъ вполнѣ подтвердить подобное сужденіе объ этомъ еретикѣ.

Обнаруженіе, обличеніе и осужденіе ереси Евтихіевой произошло на соборѣ Константинопольскомъ 448 года. Соборъ имѣлъ семь засѣданій *). Членами этого собора было до 32 епископовъ, по разнымъ обстоятельствамъ проживавшихъ въ столичномъ городѣ Константинополь, и нѣсколько архимандритовъ. Соборъ составилъ въ началѣ собственно по другому дѣлу церковному, не имѣющему отношенія къ ереси Евтихія. Вопросъ объ Евтихіи здѣсь поднятъ одинъ изъ присутствующихъ на соборѣ епископовъ, нѣкто Евсевій Дорилейскій **). Евсевій во-

*) 8, 12, 15, 16, 17, 20, 22 ноября.

**) Гор. Дорилея во Фригій въ Малой Азій.

шелъ съ прошеніемъ на соборъ; въ этомъ прошеніи между прочимъ говорилось: „прикажете Евтихію архимандриту явиться на соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я его обвиняю. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго; дабы, когда онъ будетъ обличенъ мною, исправились тѣ, которые были совращены Евтихіемъ“ (Дѣян. III, 206—7). Точно впрочемъ въ прошеніи не обозначалось, въ чемъ заключалось лжеученіе Евтихіа. Предсѣдателемъ собора былъ архіепископъ константинопольскій Флавіанъ. Флавіанъ зналъ Евтихіа, какъ человѣка почтеннаго, и потому сначала былъ удивленъ прошеніемъ Евсевія. И потому, а частью и по собственной ему добротѣ душевной, онъ дружески совѣтовалъ Евсевію: пойдти въ монастырь къ Евтихію и побесѣдовать съ нимъ наединѣ, въ чаяніи, что Евтихій откажется отъ своихъ неправильныхъ мыслей, въ которыхъ онъ теперь обвинялся. Но это предложеніе Флавіана не было принято Евсевіемъ. Евсевій указывалъ на то, что онъ равнѣ былъ другомъ Евтихіа, и какъ другъ, не разъ и не два увѣщевалъ его оставить заблужденія, но что Евтихій оставался и остается непреклоннымъ. Флавіанъ однакожъ и послѣ этого отказа Евсевія, не теряетъ надежды, что поднимавшееся дѣло кончится безъ большой огласки, а потому снова обращается къ Евсевію съ просьбою: сходить къ Евтихію, вразумить его и тѣмъ отстранить возможность смятенія въ Церкви въ случаѣ соборнаго разбирательства Евтихіевыхъ мнѣній. Остальные члены собора также присоединились къ этой просьбѣ Флавіана къ Евсевію. Но Евсевій остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Евсевій заявлялъ, что еще разъ отправиться къ Евтихію, это значитъ еще разъ заставить себя слышать хульные рѣчи этого еретика (Дѣян. III, 207—208). Соборъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію Евсевія, принять обвиненіе и подвергнуть суду Евтихіа, ибо всѣмъ хорошо была извѣстна дѣйствительная ревность Евсевія къ охраненію вѣры. Объ этой

ревности Евсевія самъ Флавіанъ свидѣтельствовалъ, когда такъ отзывался о немъ: „мнѣ извѣстна ревность обвинителя; самый огонь кажется ему холоднымъ по причинѣ ревности о благочестіи“ (Дѣян. III, 264).

Положено было отправить депутацію изъ двухъ клириковъ къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Депутатами назначены были пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей. Исполнивши свое порученіе, эти депутаты донесли собору слѣдующее: мы вручили Евтихію обвинительный актъ, назвали ему обвинителя и приглашали его явиться на соборъ для оправданія; но Евтихій отказался явиться на соборъ. Онъ заявилъ, что не можетъ выйти изъ монастыря не нарушивъ своего обѣта, по которому онъ рѣшился никогда не покидать монастыря и „жить въ монастырѣ какбы во гробѣ“. При этомъ Евтихій заявилъ, что Евсевій возводитъ на него обвиненіе единственно по ненависти и враждѣ къ нему. Но, въ противорѣчіе съ этимъ заявленіемъ своимъ, Евтихій въ тоже время предъ тѣмиже депутатами открыто высказалъ свое лжеученіе. Депутаты показывали, что Евтихій вотъ какія мысли раскрывалъ предъ ними: онъ утверждалъ, что онъ готовъ подписаться подъ опредѣленіями отцевъ собора Никейскаго (I вселенскаго) и Ефесскаго (III вселенскаго), но при этомъ замѣчалъ: „если же встрѣтятся въ ихъ словахъ что-нибудь ложное и погрѣшительное, этого хоть онъ и не отвергаетъ, по и не принимаетъ, утверждался на одномъ только св. писаніи, которое тверже всякихъ отеческихъ изложеній“. Далѣе Евтихій объяснялъ, что же именно въ этихъ отеческихъ изложеніяхъ онъ считаетъ за такое погрѣшительное и ложное. „Что Христось, говоритъ Евтихій, состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся ипостасно, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св. отцевъ и если случится ему у кого-либо вычитать что-либо подобное, онъ не приметъ этого; потому что св. писаніе превосходнѣе ученія отцевъ“. Евтихій не считалъ нужнымъ скрывать того, какъ онъ самъ понима-

еть истину о соединеніи во Христвѣ двухъ естествъ. Оказывалось, что его личныя воззрѣнія были чисто еретическими. Онъ говорилъ: „послѣ воплощенія Бога Слова онъ покланяется *одному естеству*, естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчшагося“, и прибавлялъ: „Родившійся отъ Маріи Дѣвы есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, *не имѣющій плоти единосущной намъ*“. Признаваясь въ этихъ мнѣніяхъ, прямо ложныхъ, Евтихій однакожь отвергалъ слухъ, будто онъ учитъ, что Богъ Слово принесъ съ собою плоть съ неба (Дѣян. III, 249. 251). Послѣ этого заявленія, сомнѣнія въ еретичествѣ Евтихія быть не могло. Архіепископъ Флавіанъ сказалъ: „пусть придетъ сюда Евтихій и сознаетъ свое заблужденіе. Если онъ придетъ сюда и изрыгнетъ прежнее свое нечестіе и приметъ истинную вѣру, то онъ можетъ надѣяться еще на прощеніе“ (Дѣян. III, 253—4).

Рѣшено было отправить вторую депутацію къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Посланные (пресвитеры Мама и Теофилъ) получили отъ собора посланіе для передачи Евтихію; въ немъ говорилось: „безъ всякаго отлагательства явись на соборъ; неблагоразумно говорить въ свое оправданіе, что ты рѣшилъ невыходить изъ монастыря, когда тебя обвиняютъ въ такихъ важныхъ вещахъ“ (Дѣян. III, 255). Вторая депутація, отправленная къ Евтихію, возвратившись, какъ и первая, доложила собору, что Евтихій отказывается прибыть на соборъ. Депутаты именно рассказывали слѣдующее: когда мы прибыли къ монастырю Евтихія, то встрѣтили въ воротахъ монастыря нѣкоторыхъ монаховъ и объявили имъ, что по порученію архіепископа Флавіана и собора они должны говорить съ архимандритомъ. Монахи отвѣчали: архимандритъ боленъ и не можетъ принять васъ къ себѣ; поэтому объясните намъ: зачѣмъ вы посланы. Но мы отказались сдѣлать это, говоря, что мы посланы къ самому архимандриту. Тогда они смутившись начали шептаться между собой и наконецъ отправились къ Евтихію. Вышедъ отъ него,

они и насъ привели къ нему. Мы передали ему письмо отъ собора, которое онъ въ нашемъ присутствіи прочелъ и сказалъ: „мое правило никогда невыходить изъ монастыря; одна смерть заставитъ меня выйти изъ него; притомъ же соборъ и архіепископъ знаютъ, что я старъ и хилъ. Пусть архіепископъ и соборъ дѣлаютъ со мной что угодно; и пусть не хлопчутъ болѣе о новомъ вызовѣ“. Онъ хотѣлъ, говорили депутаты, передать намъ какую-то написанную бумагу для представленія собору, но мы отказались, заявивъ, что если онъ имѣетъ что-либо сказать, то долженъ лично обьяснить собору (Дѣян. III, 257—259). Впослѣдствіи снова переспрошенные эти депутаты еще прибавили къ этимъ показаніямъ нѣчто весьма важное для характеристики возрѣшій Евтихія. Евтихій, говорили они, хотѣлъ вступить съ нами въ преніе о вѣрѣ, и когда мы уклонялись отъ этого, онъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ монаховъ, сказалъ: „гдѣ въ писаніи говорится о двухъ природахъ во Христѣ“? Одинъ изъ депутатовъ отвѣчалъ ему, что и слово: „единосущный“ (употребленное I вселенскимъ соборомъ для выраженія истиннаго отношенія Божества Сына къ Божеству Отца) также не находится въ священномъ писаніи. Евтихій на это замѣтилъ: „въ священномъ писаніи это слово не находится, а въ изложеніи св. отцевъ находится“. Въ отвѣтъ Евтихію одинъ изъ депутатовъ справедливо сказалъ: „какъ объ единосущіи не говорится въ св. писаніи, а изложено это ученіе отцами, такъ и о двухъ естествахъ ученіе изложили тѣже св. отцы“. Другой изъ депутатовъ предложилъ Евтихію такой вопросъ: „Слово совершенный Богъ или нѣтъ“? Евтихій сказалъ: „совершенный“. Тогда тотъ же депутатъ предложилъ еще вопросъ: „а воплотившійся совершенный ли человѣкъ или нѣтъ“? Евтихій опять отвѣчалъ: „совершенный“. Допрашивавшій Евтихія послѣ этого весьма справедливо замѣтилъ: „итакъ если Христосъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ и два совершенныхъ составляютъ единаго Сына; то почему не

говорить, что единый Сынъ состоитъ изъ двухъ естествъ “? Евтихію слѣдовало бы при этомъ замѣчаніи доказать: почему и какъ двѣ совершенныя природы составляютъ одно естество, но вмѣсто того онъ завопилъ: „да не будетъ того, чтобы я говорилъ, что Христось состоитъ изъ двухъ естествъ. Если же хотять низложить меня, если хотять что-либо сдѣлать со мною, пусть дѣлають. Ибо я въ этой вѣрѣ, какую исповѣдую, стою и желаю скончаться“ (Дѣян. III, 273—274). Не желая лично предстать на соборъ, Евтихій дѣлаеть попытку вмѣсто себя отправить на соборъ одного дружественнаго съ нимъ архимандрита Авраамія, который вмѣсто него и долженъ былъ дать объясненія по возникшему дѣлу. Этотъ Авраамій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами явившись на соборъ, заявилъ о болѣзни Евтихія, который отъ печали не могъ спать цѣлую ночь. Затѣмъ Авраамій сказалъ, что Евтихій поручилъ ему сдѣлать отъ его, Евтихіева, лица, нѣкоторыя объясненія на соборѣ. Но этого не позволилъ сдѣлать предсѣдатель собора Флавіанъ. Онъ сказалъ: „какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому“ *)? Къ этому Флавіанъ прибавилъ нѣсколько мягкихъ, успокоительныхъ словъ, изъ которыхъ посланный долженъ былъ убѣдиться, что Евтихію нечего бояться собора, что соборъ желаетъ добра, а не зла ему. Флавіанъ говорилъ: „пусть Евтихій придетъ сюда, онъ придетъ къ отцамъ и братьямъ, которые его знаютъ и доселѣ еще пребываютъ въ любви съ нимъ. Многіе слышали объ его заблужденіи и соблазняются и онъ долженъ оправдаться. Мы—люди; многіе изъ великихъ соблазнились и увлекались, думая, что они правильно мудрствуютъ. Раскаяніе не приноситъ стыда, но стыдно упорствовать во грѣхѣ. Какъ червякъ

*) Чтобы понять эти слова Флавіана, нужно взять во вниманіе, что въ древней Церкви судъ церковный былъ словесный, гласный и потому давать объясненія по извѣстному дѣлу должно было само обвиняемое лицо.

точить дерево, родившее его, такъ и нераскаянный грѣхъ — сдѣлавшаго его. Но пусть Евтихій исповѣдуетъ свое прегрѣшеніе, мы простимъ его!“ Флавіанъ далѣе дѣлаетъ замѣтить Авраамію, что если поднято дѣло противъ Евтихія, то это не потому, что Флавіанъ имѣетъ какое неудовольствіе на Евтихія, а единственно потому, что на него заявлено обвиненіе, котораго по закону нельзя обойти. „И убѣждалъ и просилъ Евсевія, говорить онъ, подождать. Когда же онъ настаиваетъ: что я долженъ былъ дѣлать? И неужели я желаю расточать васъ? Да не будетъ. Расточать свойственно врагамъ, а отцамъ свойственно соби- рать“ (Дѣян. III, 262—264).

Соборъ рѣшилъ отправить третью депутацію *) къ Евтихію, приглашая его явиться на соборъ. Соборъ сказалъ: „нужно въ третій разъ убѣждать Евтихія, чтобъ онъ прибылъ на соборъ. Если онъ не исполнитъ этого, то самъ себя обвинитъ“. Съ депутатами (пресвитерами Мемнономъ и Епифаніемъ и діакономъ Германомъ) соборъ послалъ записку къ Евтихію такого содержанія: „ты не знаешь, что опредѣлено канонами противъ непослушныхъ и нехотящихъ явиться для оправданія. Итакъ, чтобы ты самъ не подвергнулъ себя тому, что опредѣлено ими, мы въ третій разъ вызываемъ тебя. Поспѣши придти на слѣдующій день“ (Дѣян. III, 260—1). Евтихій однакожь не послушался и этого третьяго вызова. Депутаты по исполненіи своего порученія заявляли собору: „Евтихій прочелъ записку собора, и сказалъ, что онъ послалъ архимандрита Авраамія на соборъ, который отъ его лица долженъ согласиться со всѣмъ, что опредѣлено Никейскимъ и Ефесскимъ соборомъ и что изложено Кирилломъ“. Евсевій Дорилейскій, услышавъ это, обезпокоился. Онъ пришелъ въ испугъ, какъ бы ему самому не пострадать вмѣ-

*) По закону церковному къ обвиняемымъ трижды обращались для приглашенія явиться на разбирательство дѣла; если же онъ и послѣ третьягораза не являлся, такого судили какъ ослушника Церкви.

сто Евтихія, когда Евтихій согласится со всѣми церковными опредѣленіями, вслѣдствіе чего Евсевій долженъ будетъ явиться ложнымъ доносчикомъ. Дѣло въ томъ, что по законамъ существовавшимъ въ Церкви, доносчикъ въ случаѣ ложнаго извѣста на другаго, долженъ былъ понести то наказаніе, какому подвергался обвиняемый, какъ скоро обвиненіе подтвердилось бы. Этимъ и объясняются слѣдующія слова Евсевія, въ которыхъ повидимому заключается сожалѣніе, что Евтихій оправдывается. „Онъ намѣренъ теперь согласиться? заявлялъ Евсевій. Я обвинялъ его не за будущее, а за прошедшее. Теперь, если бы ктонибудь поднесъ ему правильное изложеніе вѣры и сказалъ бы: подпишись и согласишься по необходимости, то неужели я поэтому долженъ считаться побѣжденнымъ? Скажи заключеннымъ въ тюрьмѣ: отнынѣ не разбойничайте,—и всѣ они обѣщаются“. Флавіанъ старается успокоить Евсевія, доказывая ему, что нѣтъ основаній бояться ему за свою безопасность. Флавіанъ говоритъ: „никакого осужденія не можетъ быть сдѣлано тебѣ за сдѣланное тобою обвиненіе, хотя бы Евтихій тысячу разъ обѣщался подписать изложеніе св. отцевъ; онъ не можетъ не оправдываться за прошедшее“. Послѣ этого промежуточного объясненія снова начали говорить депутаты, возвратившіеся отъ Евтихія и объявляли: „Евтихій умоляетъ, чтобъ ему дана была недѣля срока, такъ какъ онъ теперь по болѣзни не можетъ прибыть на соборъ“. Тогда Флавіанъ опредѣлилъ, что хотя по канонамъ Евтихій могъ бы и теперь быть лишенъ сана и осужденъ, однакожь, принимая во вниманіе болѣзнь Евтихія, онъ не рѣшается отказать ему въ назначеніи новаго срока, съ тѣмъ, что если онъ не явится въ опредѣленный имъ самимъ срокъ, то безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій будетъ лишенъ сана и настоятельства въ монастырѣ (Дѣян. III, 265—267. 271).

Прежде чѣмъ открылся самый судъ надъ Евтихіемъ, явились слухи, что Евтихій въ видахъ распространенія

своихъ мнѣній разсылаеть по монастырямъ какія-то подозрительныя сочиненія. Оказалось нужнымъ розыскать, что такое за сочиненія, какія разсылаеть Евтихій. О такомъ дѣйствии Евтихія доложилъ собору опять тотъ же Евсевій. Евсевій говорилъ къ собору: „я узналъ, что Евтихій разослалъ по монастырямъ какую-то статью и возбуждаетъ монаховъ къ мятежу. Прошу развѣдать, что такое онъ дѣлаеть и приготовляеть“. Соборъ положилъ отправить нѣсколько клириковъ для розысканій: что именно посылалъ Евтихій, какъ въ монастыри городскіе, такъ и загородныя. Но уже на самомъ соборѣ нашлось лицо, которое могло дать нѣкоторыя показанія относительно разслѣдуемаго обстоятельства. Это былъ пресвитеръ по имени Авраамъ; онъ объявилъ, что архимандритъ Мануилъ объяснялъ ему, что Евтихій присылалъ ему статью о вѣрѣ съ требованіемъ подписаться подъ нею (Дѣян. III, 255—7). Комиссія, наряженная для изслѣдованія этого новаго показанія Евсевія противъ Евтихія, дѣйствительно подтвердила слова Евсевія. Именно одинъ изъ членовъ комиссіи сообщилъ собору слѣдующее: мы ходили въ монастырь архимандрита Мартина и узнали, что Евтихій посылалъ ему статью о вѣрѣ съ просьбою подписаться подъ нею. И на замѣчаніе Мартина, что подписывать вѣроисповѣданіе не его дѣло, а дѣло епископовъ, посланный отъ Евтихія, отъ лица этого архимандрита отвѣчалъ, „что если не поддержите Евтихія, то онъ будетъ низверженъ, а послѣ него и съ вами сдѣлають тоже самое“. Затѣмъ члены комиссіи показали, что они ходили и въ другой монастырь архимандрита Фавста, который рассказывалъ имъ, что Евтихій чрезъ нѣкоторыхъ своихъ монаховъ предлагалъ ему для подписи какую-то статью; эти монахи говорили ему, что статья содержитъ изложеніе вѣры св. отцевъ соборовъ Никейскаго и Ефесскаго. Но когда Фавстъ замѣтилъ имъ, что прежде чѣмъ подписаться подъ предложеннымъ ему исповѣданіемъ, онъ долженъ сравнить его съ самими дѣяніями названныхъ соборовъ, которыя имѣ-

ются у него подъ руками, чтобы видѣть такимъ образомъ, не сдѣлано ли какихъ измѣненій въ опредѣленіи соборовъ Никейскаго и Ефесскаго, то послы Евтихіевы остались недовольны этимъ и удалились. Еще: архимандритъ Іовъ, по словамъ членовъ комиссіи, говорилъ, что хотя онъ и не получалъ никакого сочиненія отъ Евтихія, но ему внушали, чтобъ онъ отказался подписываться подъ статью, какую на дняхъ пришлетъ архіепископъ Флавіанъ для подписи. Такимъ образомъ показанія Евсевія о томъ, что Евтихій мятежнически распространяетъ какія-то подозрительныя статьи, достаточно подтвердились (Дѣян. III, 268—270).

Наконецъ срокъ, назначенный самимъ Евтихіемъ для разсмотрѣнія его дѣла, наступилъ. Это было 22-го ноября 448 года. Засѣданіе открылось подъ предѣтельствомъ архіепископа Флавіана. На срединѣ собора положено было св. Евангеліе. По тогдашнимъ судебнымъ порядкамъ епископъ Евсевій Дорилейскій, который возбудилъ самое дѣло, долженъ былъ стоять у дверей и дожидаться судебного разрѣшенія, чтобы войти. По соблюденіи этой формальности, Евсевій вошелъ въ залъ, гдѣ засѣдали отцы. Затѣмъ Флавіанъ послалъ двухъ діаконовъ справиться, пришелъ ли къ мѣсту собранія и Евтихій. Посланные возвратились съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Тогда Флавіанъ снова отправляетъ двухъ діаконовъ для тойже справки; возвратившись, и эти доложили собору, что они не нашли Евтихія, но узнали, что онъ намѣренъ придти въ сопровожденіи воиновъ, монаховъ и преторскихъ слугъ. Когда это говорили и соборъ находился въ ожиданіи прибытія подсудимаго, было доложено собору: пришелъ архимандритъ Евтихій съ великимъ множествомъ воиновъ, монаховъ и слугъ прѣфекта; и они не иначе хотятъ допустить его оставаться на соборѣ, какъ только подъ условіемъ, если члены собора обѣщаются относительно неприкосновенности его личности. Доложено было также собору, что пришелъ одинъ чиновникъ государ-

ственный Магнусъ, посланный отъ императора Θεодосія младшаго и желавшій войти на соборъ. Предсѣдатель согласился на это. Явившись, Магнусъ обратился къ Флавіану съ такими словами: „благоволите принять повелѣніе государя: онъ объявляетъ нѣчто письмомъ“. И Магнусъ прочиталъ слѣдующее: „мы заботимся о мирѣ церквей и православной вѣры и желаемъ охранять вѣру, изложенную св. отцами собиравшимися въ Никеѣ и бывшими въ Ефессѣ при осужденіи Несторія. Мы желаемъ этого, дабы не вторгся соблазнъ въ упомянутое православіе. А такъ какъ патрицій Флоренцій извѣстенъ за чловѣка вѣрнаго и испытаннаго въ православіи, то мы желаемъ, чтобъ онъ присутствовалъ при засѣданіи собора, ибо рѣчь идетъ о вѣрѣ“. Соборъ изъявилъ свое согласіе на присутствованіе патриція Флоренція при разбирательствѣ дѣла Евтихіева (Дѣян. III, 276—279)*. Когда прибылъ на соборъ Флоренцій, открылось самое засѣданіе собора. Прочтены были, между прочимъ, нѣкоторыя извлеченія изъ посланій св. Кирилла, какъ выражающихъ истинное церковное ученіе по вопросу о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ. И когда читались посланія Кирилла, именно слова: „Сынъ Божій единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ намъ по чловѣчеству, ибо въ Немъ совершилось соединеніе двухъ естествъ“, Евсевій Дорилейскій замѣтилъ: „клянусь, что Евтихій не исповѣдуется этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ“. Сановникъ Флоренцій, выслушавъ замѣчаніе Евсевія, сказалъ: „нужно спросить Евтихіа, согласенъ ли онъ съ этимъ?“—Евсевій, какъ и прежде разъ это было съ нимъ, пришелъ въ силь-

*) Появленіе Евтихіа на соборъ въ сопровожденіи воиновъ и слугителей префекта, письмо императора къ собору, распоряженіе того же императора касательно присутствованія государственнаго чиновника на соборѣ, все это показывало, что власть свѣтская была сильно заинтересована дѣломъ Евтихіа. Послѣдствія, о которыхъ мы скажемъ ниже, ясно подтверждаютъ это.

ное смущеніе, какъ бы Евтихій не согласился съ прочитанными словами и не поставилъ его въ затрудненіе, его, какъ обвинителя. „Если я окажусь клеветникомъ, то потеряю санъ, говорилъ Евсевій. „Я боюсь гоненія со стороны Евтихія: я бѣденъ, ничего не имѣю, а онъ богатъ, онъ грозитъ мнѣ ссылкой, онъ уже назначилъ мнѣ и мѣсто ссылки“ *). Флавіанъ старался успокоить Евсевія, говоря: „никто не согласится ни на то, чтобы ты не уличалъ Евтихія, ни на то, чтобы кто-нибудь счелъ правымъ архимандрита Евтихія тотчасъ по его согласіи съ прочитаннымъ“ (Дѣян. III, 280—281). Затѣмъ патрицій Флоренцій распорядился, чтобы приступлено было къ допросу Евтихія, Тогда Евтихію предложенъ былъ вопросъ: „согласенъ ли онъ съ прочитаннымъ изъ Кирилла и исповѣдуетъ ли онъ соединеніе двухъ естествъ въ одномъ лицѣ и ипостаси, или нѣтъ?“ Евтихій уклончиво отвѣчалъ, что онъ признаетъ, что Христосъ изъ двухъ естествъ. Евсевій Дорилейскій, видя такую уклончивость, опредѣленнѣе предложилъ вопросъ: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенія и признаешь ли, что Христосъ единосущенъ намъ по плоти?“ Евтихій отвѣчалъ: „какъ я мыслю, написано вотъ въ этой бумагѣ. Прикажете прочесть“. Флавіанъ на это замѣтилъ: „читай самъ“. Евтихій отказался: „не могу“, сказалъ онъ. Флавіанъ на это сказалъ: „почему? Ты ли это изложилъ или это изложеніе другаго? Если твое, то читай самъ. Говори самъ собою, — что за нужда въ бумагѣ“ **)? Евтихій произнесъ свое исповѣданіе вѣры, но въ томъ родѣ, что вовсе не коснулся спорнаго вопроса (Дѣян. III, 282—284). Видя хитрость Евтихія, Флавіанъ снова началъ допрашивать его, наводя его на нужный пунктъ: „исповѣдуешь ли ты,

*) Ясный намекъ, что Евтихій имѣлъ связи съ лицами вліятельными.

***) Это послѣднее требованіе вытекало изъ того, что судъ былъ гласный и потому обвиненіе слѣдовало давать словесно.

что Христосъ единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ Матери по человѣчеству“? Евтихій отвѣчалъ: „Я уже сказалъ, какъ я мыслю объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ (въ своемъ исповѣданіи); ни о чемъ другомъ еще меня не спрашивайте“. Но предсѣдатель не удовлетворился такими уклончивыми отвѣтами. „Признаюсь, сознался тогда Евтихій, я донинѣ не признавалъ, что Онъ единосущенъ намъ“. Флавіанъ, чтобы довести до большей ясности отвѣтъ Евтихія, снова предлагаетъ ему вопросъ: „итакъ признаешь ли ты Христа единосущнымъ Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству“? Евтихій на этотъ повторительный вопросъ уже высказывается довольно опредѣленно: „до сего дня я не признавалъ тѣла Господа и Бога нашего единосущнымъ намъ; но Св. Дѣву исповѣдую единосущною намъ, и исповѣдую, что отъ Нея воплотился Богъ нашъ“. Флавіанъ, принимая во вниманіе послѣднее замѣчаніе Евтихія касательно Св. Дѣвы, дѣлаетъ такой вопросъ Евтихію: „итакъ, единосущна ли намъ Дѣва, отъ которой воплотился Христосъ“? На это Евтихій далъ отвѣтъ утвердительный. Тогда въ допросъ вмѣшивается Евсевій и сказалъ: „если Матерь единосущна намъ, то и Христосъ единосущенъ намъ по плоти“. Тоже самое подтвердилъ и Флоренцій. Евтихій хорошо понималъ, куда могло повести его прямое сознаніе, понималъ, что ересь его становится слишкомъ очевидною; и потому не безъ боязни, а можетъ быть желая выставить себя человѣкомъ насилуемымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, сказалъ: „до сего дня я не признавалъ этого; въ началѣ я не училъ такъ; а теперь говорю это; потому что ваша святость такъ говоритъ“. Тогда Флавіанъ задаетъ такой вопросъ Евтихію: „слѣдовательно ты по необходимости, а не добровольно исповѣдуешь истинную вѣру“? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Евтихій даетъ понять, какими глазами смотритъ онъ на исповѣданіе Иисуса Христа единосущнымъ намъ по естеству; онъ даетъ знать, что это вѣрованіе есть, по нему, прямое нововведеніе, изобрѣтенное Флави-

аномъ. Онъ говоритъ: „теперь я точно исповѣдую этотъ догматъ по необходимости; до сего дня, замѣчаетъ онъ, я не позволялъ себѣ разсуждать объ естествѣ Бога, а такъ какъ ваша святость позволяетъ и учить этому, то и я говорю подобнымъ же образомъ“ (Дѣян. III, 285—6). Допросъ, доселѣ снимаемый съ Евтихія, довелъ его до сознанія, что онъ не признаетъ плоти Господа Христа единосущною намъ по естеству человѣческому. Результатъ важный для сужденія о заблужденіи Евтихія. Но все-же еще оставалось не яснымъ: какъ онъ понимаетъ истину о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго? Этотъ вопросъ тѣмъ необходимѣе было предложить Евтихію, что нужно было точнѣе опредѣлить: въ какомъ отношеніи стоитъ заблужденіе его къ ученію въ данномъ вопросѣ какъ Кирилла Александрійскаго, который служить для Церкви выразителемъ истиннаго ученія о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, такъ и Несторія, который еще такъ недавно возмущалъ Церковь неправыми мыслями по тому же вопросу. Сказанный вопросъ и предлагаетъ теперь Евтихію сановникъ Флоренцій: „Признаешь ли ты Господа нашего родившагося отъ Дѣвы изъ двухъ естествъ послѣ воплощенія или нѣтъ“? Евтихій болѣе уже не запирается въ своемъ ученіи, а представляя себя жертвой насилій собора, заставляющаго его принимать ученіе, по его мнѣнію, ложное, прямо говоритъ: „исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія признаю *одно естество*“ (Дѣян. III, 287). Теперь ересь Евтихія изобличена была со всею ясностію; всѣ сомнѣнія относительно образа воззрѣній Евтихія исчезли для собора. Послѣ этого соборъ считаетъ своею священнѣйшею обязанностію наставить еретика на путь истинный, заставить его отказаться отъ его лжеученія. Съ этою цѣлію соборъ предлагаетъ Евтихію: изложить предъ отцами собора надлежащее церковное ученіе относительно даннаго пункта и анаематствовать противопо-

ложныя этому ученію лжеученія. Но эта мѣра мало по-дѣйствовала на заблуждающагося. Евтихій на предложеніе отвѣчалъ такъ: „я сказалъ вамъ, что прежде я не признавалъ ученія, которое сейчасъ слышу. Въ св. Писаніи я не нашелъ ничего яснаго объ этомъ; и не всѣ отцы говорили подобное. Если я стану анаѳематствовать, какъ вы приказываете, непризнающихъ ваше ученіе, замѣтилъ самомнительно Евтихій, то, увы мнѣ, я буду анаѳематствовать отцевъ моихъ“. Соборъ, слыша это, не могъ болѣе терпѣть упорства и лицемерія Евтихія, и возставши провозгласилъ: „анаѳема Евтихію“. Послѣ этого предсѣдатель собора архіепископъ Флавіанъ сказалъ: „пусть скажетъ соборъ, чего достоинъ присутствующій Евтихій и неисповѣдающій явно правую вѣру и нежелающій согласиться съ разсужденіемъ собора, а упорствующій въ своемъ извращеніи и худомъ мнѣніи“. На это Селевкъ, епископъ амасійскій отъ лица собора отвѣчалъ: „онъ достоинъ низложенія; впрочемъ все зависитъ отъ человѣколюбія вашей святости“. „Еслибы Евтихій исповѣдавши свой грѣхъ, сказалъ на это Флавіанъ, рѣшился анаѳематствовать свое заблужденіе и согласился съ нами, слѣдующими изложенію св. отцевъ, тогда конечно удостоился бы милости. Но такъ какъ онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, то подвергнется опредѣленнымъ канонами наказаніямъ“ (Дѣян. III, 288—289). Съ этой минуты конечно для Евтихія должно было быть очевиднымъ, что ему не избѣгнуть надлежащаго церковнаго наказанія, если онъ будетъ продолжать упорствовать въ своемъ заблужденіи. Впечатлѣніе угрозъ, о которыхъ говорилъ ему соборъ, должно было оказывать свое дѣйствіе на Евтихія. Соборъ, кажется много рассчитывалъ на это впечатлѣніе, предполагая, не одумается ли еретикъ по крайней мѣрѣ хотя теперь. Поэтому Евтихію предложенъ былъ снова вопросъ, отвѣтъ на который долженъ былъ окончательно рѣшить его судьбу. Сановникъ Флоренцій спросилъ его снова: „скажи, признаешь ли ты два естества и едино-

сущіе намъ по человѣчеству во Христѣ“? Но ожиданія собора не сбылись. Евтихій вовсе не думалъ покидать своего заблужденія. Евтихій впрочемъ не совсѣмъ прямо на вопросъ отвѣчалъ: „я читалъ св. отцевъ, блаженнаго Кирилла, св. Аѳанасія: они признавали два естества прежде соединенія, а послѣ соединенія и воплощенія, они признавали уже не два естества, а одно“. Но Флоренцій не удовлетворившись подобнымъ отвѣтомъ, еще спросилъ: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ соединенія“? Евтихій и на этотъ разъ не далъ рѣшительнаго отвѣта. „Прикажете, сказалъ онъ, прочитать св. Аѳанасія и вы узнаете, что ничего подобнаго онъ не говорилъ“. Послѣ этого соборъ не находилъ болѣе нужнымъ увѣщевать и убѣждать Евтихія: непреклонность его не давала мѣста снисхожденію собора. Весь соборъ воставши воскликнулъ: „по принужденію нѣтъ вѣры: истинная вѣра всегда побѣждаетъ. Евтихій несогласенъ съ нами, нужно ли послѣ этого убѣждать его“? Затѣмъ предсѣдатель собора архіепископъ Флавіанъ формулировалъ приговоръ противъ Евтихія въ слѣдующихъ словахъ: „такъ какъ изъ предшествовавшихъ изслѣдованій и изъ его, Евтихіева, собственнаго, только что сдѣланнаго признанія очевидно обнаруживается, что архимандритъ Евтихій упорно держится ложнаго ученія Валентина и Аполлинарія *), то мы въ глубокой скорби о всецѣломъ развращеніи его, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, имъ злословимаго, опредѣлили лишить его пресвитерскаго достоинства и начальства надъ монастыремъ и отлучить отъ общенія съ нами. Пусть всѣ, кто будетъ послѣ этого разговаривать или входить въ общеніе съ нимъ, знаютъ, что сами они повинны будутъ отлученію отъ Церкви“ (Дѣян. III, 289. 291).

*) Валентинъ училъ, что Творецъ нарочито образовалъ тѣло Христа изъ эфирныхъ матерій неба; а Аполлинарій утверждалъ, что во Христѣ не было разумной человѣческой души, что Сынъ Божій воспріялъ одно тѣло человѣческое.

Этотъ приговоръ подписанъ былъ самимъ архіепископомъ Флавіаномъ, 31 епископомъ присутствовавшими на соборѣ и нѣсколькими архимандритами.

Соборъ константинопольскій 448 года выяснилъ, изболчилъ и осудилъ ересь Евтихія, однакоже на этомъ дѣло не остановилось. Вскорѣ появились печальные признаки новыхъ смуть въ Церкви, подобныхъ несторіанскимъ. Послѣ осужденія своего, Евтихій, не считая дѣла своего проиграннымъ, обращается за помощію къ самому императору Θεодосію младшему. Императоръ охотно поддерживаетъ еретика. Чтобы понять такое повидимому странное явленіе, нужно взять во вниманіе, что въ это время императоръ Θεодосій находился подъ сильнымъ вліяніемъ одного евнуха, Хрисоеія, заправлявшаго отъ имени слабаго императора дѣлами государственными. А этотъ Хрисоеій съ самаго вступленія на каѳедру константинопольскую архіепископа Флавіана, ненавидѣлъ его и всячески старался дѣлать ему худое; дѣло Евтихія представлялось этому царедворцу удобнымъ случаемъ къ тому, чтобы досадить Флавіану. Причина ненависти Хрисоеія къ Флавіану, по разсказу одного историка, заключалась въ слѣдующемъ: когда архіепископъ Флавіанъ посвященъ былъ въ архипастыри столицы, Хрисоеій, корыстолюбецъ, началъ требовать себѣ отъ новопоставленнаго архіепископа какого-либо дорогаго подарка. Флавіанъ, какъ бы не понявъ въ чемъ дѣло, посылаетъ Хрисоеію благословенный хлѣбъ—дорогой подарокъ. Этимъ былъ сильно оскорбленъ корыстолюбивый Хрисоеій и искалъ постоянно случая отмстить Флавіану. Дѣло Евтихія, говоримъ, представляло удобный случай къ отмщенію архіепископу. Хрисоеій, а чрезъ него и императоръ, беретъ сторону Евтихія, по осужденію его. Хрисоеій тѣмъ охотнѣе присоединяется къ сторонѣ Евтихія, что самъ онъ сочувствовалъ идеямъ, какія развивалъ Евтихій *).

*) Θεοφαν. Χρονογραφία (Edit. Migne, cursus patr. Graeca ser. t. CVIII). стр. 256. 257.

дѣятельно выражать свое сочувствіе низверженному еретикѣ. Императоръ не запрещаетъ Евтихію дѣлать публичныя манифестаціи противъ того осужденія, какое положено на него соборомъ подъ руководствомъ Флавіана (Дѣян. III, 26. 32). Этому мало, императоръ принимаетъ отъ еретика прошеніе, которымъ испрашивается у Θεодосія разрѣшеніе о пересмотрѣ дѣяній собора константинопольскаго, какъ испорченныхъ и непередающихъ дѣла во всей истинности. Евтихій осмѣливается войти къ императору съ прошеніемъ, въ которомъ говорилось: „я читалъ дѣянія, составленныя противъ меня Флавіаномъ, и нашелъ ихъ несходными съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ; въ этихъ дѣяніяхъ не помѣстили ни того, что онъ говорилъ мнѣ, ни того, что я говорилъ“,—и просилъ ревизировать записъ дѣяній. Императоръ сдѣлалъ на прошеніи надпись, которою приказывалось, чтобъ „изслѣдовалась истина дѣла“ (Дѣян. III, 304. 305). Назначены были одна за другой двѣ ревизіонныя комиссіи. Во время засѣданій одной изъ нихъ, благопріятствующей Евтихію, клирикъ показывалъ: „осужденіе собора противъ Евтихіа продиктовано не въ тотъ часъ, какъ состоялось, но было составлено прежде, чѣмъ архимандритъ пришелъ на судъ“ (Дѣян. III, 348). Дѣло запутывалось. Одна изъ комиссій впрочемъ нашла дѣянія неповрежденными и правильными; другая, состоявшая изъ свѣтскихъ чиновниковъ, высказала себя въ пользу претензій Евтихіа (Дѣян. III, 296 и д. 355 и д.). Этимъ императоръ не ограничился. Евтихій старался внушить ему, что архіепископъ Флавіанъ еретикъ, и Θεодосій требуетъ отъ него исповѣданія вѣры. Чистый въ своей совѣсти, Флавіанъ представляетъ подробное исповѣданіе своей вѣры и заключаетъ свое изложеніе такими словами: „это я написалъ своєю рукою для удовлетворенія вашего величества и для того, чтобы низложились злословящіе наше благое и простое пребываніе во Христѣ“ (Дѣян. III, 33—25). Императоръ такъ далеко простеръ свою благосклонность къ ере-

тику, что кажется рекомендовалъ его въ письмѣ къ папѣ Льву великому (Дѣян. III, 25). Евтихій самъ съ своей стороны повсюду въ Церкви ищетъ себѣ сторонниковъ и покровителей. Онъ жаловался на Флавіана папѣ Льву и не безъ успѣха. Сначала, незная всѣхъ подробностей дѣла, Левъ высказываетъ себя благосклоннымъ къ Евтихію. Левъ писалъ къ Евтихію, что „ревность его къ вѣрѣ ему, Льву, пріятна“, и призываетъ на него благословеніе Божіе (Дѣян. III, 24). Подъ первымъ впечатлѣніемъ письма Евтихіева, тотъ же Левъ требовалъ отъ Флавіана, чтобъ онъ объяснилъ, почему онъ осудилъ Евтихіа, замѣчая, что „суды надъ священными должны быть здравы“ (Дѣян. III, 26). И Флавіанъ долженъ былъ оправдывать свое поведеніе въ отношеніи къ Евтихію предъ папою (Дѣян. III, 29—33). Самый доносъ Евсевія Дорилейскаго, по которому начато было дѣло Евтихіа, папа находилъ недостаточно обоснованнымъ (Дѣян. III, 28). Правда, папа недолго оставался въ заблужденіи, истина для него скоро открылась; тѣмъ не менѣе временная благосклонность Льва къ Евтихію не могла не быть благопріятною для коварныхъ дѣйствій послѣдняго. Евтихій въ видахъ успѣха своего дѣла и въ видахъ оклеветанія Флавіана, хочетъ вступить въ связь даже съ отдаленною Церковію Раввенскою въ Италіи (Дѣян. III, 61). И нѣтъ сомнѣнія, что еретикъ и въ это уже время стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ александрійскимъ Діоскоромъ, который позднѣе былъ такимъ доброхотомъ Евтихіа. Словомъ, при указанныхъ условіяхъ Евтихій не могъ не ожидать, что его дѣла поправятся, и враги его будутъ поруганы. Черная туча сбиралась надъ Церковью восточною.

Алексіи Лебедевъ.

ХЛѢБЪ НАСУЩНЫЙ.

Во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія, когда, благодаря успѣхамъ наукъ, человѣкъ почти сталъ царемъ природы, поучительно перенестись мыслію къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда онъ только еще начиналъ покорять свое царство, когда первыя племена, разселяясь по пространнымъ пустынямъ, выходили съ лукомъ и стрѣлами отбивать ихъ у дикихъ звѣрей, владѣтелей всякаго незаселеннаго пространства. Когда представляешь себѣ эти времена, становится понятно, почему какой-нибудь ловкій стрѣлокъ, какъ Немвродъ, *ловець предъ Господемъ* (Б. 10, 8), могъ пріобрѣсти почетъ и власть....

Любопытно было бы взглянуть какъ на этихъ людей-ловцовъ, такъ и на животныхъ въ то время, когда человѣкъ только еще утверждалъ свою власть надъ первыми домашними животными. Каковы были эти люди, первые бойцы, выступившіе на завоеваніе вселенной, и каковъ былъ первоначальный видъ тѣхъ животныхъ, которыя теперь покорно и смиренно исполняютъ нашу волю, служатъ нашимъ выгодамъ и прихотямъ, и становятся игрушкою или орудіемъ для полученія барышей?....

Въ тѣ отдаленныя времена, когда не существовала еще исторія, была одна великая, по своимъ безчисленнымъ послѣдствіямъ, побѣда, въ тысячу разъ больше вліявшая на судьбы вселенной, чѣмъ нынѣшнія громовыя битвы, въ которыхъ гибнутъ тысячи людей и животныхъ. Эта знаменитая побѣда состояла въ томъ, что человѣкъ впервые заложилъ въ ярмо пару воловъ и провелъ по дѣвственной почвѣ первую борозду. Надобно полагать, что это

была едва ли не первая побѣда человѣка, послѣ добровольнаго подданства смиренной овцы, и побѣда такая, которою человѣчество очень гордилось, очень дорожило. Объ этомъ можно догадываться вотъ почему: въ древнѣйшихъ миеологіяхъ рабочей воли играетъ видную роль; но какое почтеніе воздавалось въ Египтѣ Апису! Какое почтеніе доселѣ воздается священнымъ воламъ на берегу Инда и Ганга! Входы ниневійскихъ дворцовъ украшены были символическими статуями крылатыхъ тельцовъ....

Какой камень самый дорогой есть на свѣтѣ? спрашиваетъ крестьянинъ своего собесѣдника, и, не дожидаясь отвѣта, самъ отвѣчаетъ: мельничный камень самый дорогой на свѣтѣ, жерновъ, дикарь. Эта наивная притча содержитъ подъ шутивою формой глубокую истину. Не рубины и брилліанты нужны человѣку, не они необходимы нашей грѣшной и брэнной плоти, а съ ней и высокому безсмертному духу, въ ней обитающему: кусокъ хлѣба и пригоршня воды, вотъ настоящая необходимость; все прочее есть уже избытокъ, богатство, роскошь. Хороши дворцы выставокъ, чертоги царей, колоссальные памятники могущества, славы, величія; поразительны они, но драгоценнѣе мукомольная мельница! Исторія исписала цѣлые томы именами различныхъ завоевателей и разорителей и ихъ громкими дѣянiями, но не сказала намъ, кто первый открылъ огонь и жерновъ, кто сталъ первый готовить ими пищу? Въ тѣ времена видно не до исторiй, не до писанiй было еще; вся духовная и физическая сила людей уходила на заботу о хлѣбѣ, на добываніе пищи. Хлѣбъ насущный—вотъ начало всемирной исторiи, причина ссоръ и войнъ (Б. 13, 6. 7), источникъ торговли и мореплаванiя (Б. 42, 2), причина переселенiй великихъ и малыхъ *), ко-

*) Извѣстно, что Нѣмецъ и говорить и поетъ только о своемъ фатерландѣ (отечествѣ): но ежегодная, огромная эмиграція уноситъ тысячи этихъ патріотовъ въ Америку. *Malesuada fames! Ubi bene, ibi patria.*

рень осѣдлости, опора гражданственности. Отсюда становится понятно, что при всѣхъ знаменательныхъ событіяхъ въ жизни частныхъ людей и цѣлыхъ обществъ, со времени незапамятной древности доселѣ, хлѣбъ становится представителемъ общественности и звеномъ, связующимъ всѣ человѣческія собранія: при богослуженіяхъ, рожденіи и смерти, при бракахъ и побѣдахъ. Еще жители городовъ, торговыхъ центровъ, окруженные всевозможными плодами избытка, роскоши не такъ чувствуютъ свою естественную зависимость отъ матушки кормилицы земли, какъ смиренный поселянинъ-земледѣлецъ. Они тускло понимаютъ вліяніе урожая на судьбу человѣчества; этотъ хорошо видить, что „хлѣбъ всему голова“. Едва ли ясно понимаетъ горожанинъ, какъ радостно бьется сердце у крестьянина, везущаго возъ хлѣба, *новаго хлѣба*, на сосѣднюю мельницу, хлѣба, котораго ему *станетъ на всю зиму, хватить вплоть до новаго!* Радуется мельникъ обильному помолу, и улыбается презрительно разбогатѣвшій торговецъ этой первобытной радости; презрительно глядитъ богачъ на это грошовое довольство бѣдняка, пока не грянетъ какая-нибудь бѣда въ родѣ биржеваго кризиса или какой-нибудь революціи.... Тогда пойметъ, хотя и поздно, что такое хлѣбъ насущный, и отъ чего въ годы урожая меньше падежей, больше браковъ и рожденій, меньше смертей и эпидемій; отъ чего молебствуетъ по веснамъ такъ усердно православное сельское крестьянство, и иной разъ очень долго калякаетъ о томъ, что солнце сѣло въ тучку... Недавнее бѣдствіе, посѣтившее нѣкоторыя мѣстности Самарской губерніи, у всѣхъ въ памяти, и очень выразительно говоритъ не уму, не сердцу, а просто всему составу человѣка, что такое хлѣбъ насущный.

Та высокая степень развитія, на которой стоитъ земледѣліе въ Англіи, Бельгіи и другихъ густонаселенныхъ странахъ Европы, всѣ эти искусственныя орошенія полей посредствомъ подземныхъ чугунныхъ трубъ и паровыхъ

насосовъ, дренажъ, пудреты, костяныя мельницы, флоты, которые занимаются доставкою костей и птичьяго удобренія изъ отдаленныхъ странъ и пр. и пр.—показываютъ, что значить для народа „хлѣбный вопросъ“. Лицо, высокостоящее въ числѣ ученыхъ авторитетовъ, высказало мысль, что паденіе Римской Имперіи зависѣло отъ истощенія полей Италіи и Сициліи. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-называемая Римская Кампанья, т.-е. нутынная болотистая степь окружающая вѣчный городъ, Понтинскія болота съ ихъ лихорадками, Тосканскія мареммы, поля Пестума, запустѣніе Селинонта и т. п. явленія дѣлаютъ такое предположеніе близкимъ къ правдѣ. Въ свои лучшія времена самъ Римъ чувствовалъ, что онъ силенъ только мечомъ и плугомъ: *armis et arvis*. Когда изступился и заржавѣлъ Цинцинатовъ старый плугъ, обезсилѣлъ и грозный римскій мечъ. Не отрицая, разумѣется, политическихъ и нравственныхъ причинъ, приготовившихъ и ускорившихъ паденіе этого всемірнаго коллоса, осмѣливаемся думать, что, между прочимъ, имѣетъ тутъ значеніе и упадокъ земледѣлія, истощеніе земель, т.-е. хлѣбный вопросъ, хлѣбъ насущный.

Дай Богъ, чтобы цѣна не была высока ни на какіе плоды земные. Св. Церковь молится „объ изобиліи плодовъ земныхъ“. Пусть, если угодно, дорожаютъ предметы роскоши, но мы станемъ желать и просить у Господа изобилія плодовъ земныхъ. Это хлѣбъ насущный!

Охота и рыбная ловля составляютъ принадлежность низшей ступени развитія человѣческихъ племенъ, и требуютъ обширныхъ пространствъ для пропитанія небольшого числа людей. Кочевыя племена скотоводовъ, народовъ-пастырей, тоже нуждаются въ обширныхъ луговыхъ пространствахъ, но уже выше въ гражданскомъ и духовномъ отношеніи, чѣмъ охотничьи племена. Земледѣліе, т.-е. разведеніе плодовыхъ растений, дало вездѣ начало осѣдлости, обществу, государственному устройству и духовному преуспѣянію. Поэтому земледѣліе почиталось вездѣ и всег-

да даромъ и внушеніемъ божества. По вѣрованіямъ Египтянъ первый плугъ упалъ съ неба. По греческой мифологіи, Аѳина сама насадила маслину въ Аттікѣ, Церера научила Неоптолема воздѣлыванію пшеницы, а Вакхъ принесъ виноградную лозу (*хлѣбы сія, пшеницу, вино и слей*). И въ самомъ дѣлѣ непостижимо, какими путями, когда и какъ замѣтилъ человѣкъ среди безчисленныхъ травъ и кустовъ плоды, годные въ пищу, и особенно эти не высокія, не блестящія растенія: пшеницу, овесъ, ячмень, которыя ничѣмъ не бросаются въ глаза и всего менѣе способны обратить чье-либо вниманіе своею скромною наружностію. Думаютъ, что мелкія птички, которыя, качаясь на колосьяхъ, выклевываютъ зерна, подали мысль отвѣдать плоды этихъ растеній, или что голодъ и нужда, мать изобрѣтеній, заставляли пробовать и отвѣдывать всевозможные плоды, стебли, корни и листья. Но всего вѣроятнѣе, что самъ Творецъ, обрекая человѣка на земледѣльческіе труды, указалъ ему и самыя растенія, наиболѣе пригодныя для обработки. На барельефахъ древнихъ христіанскихъ саркофаговъ встрѣчается слѣдующее изображеніе: Творецъ вручаетъ Адаму снопъ или заступъ, а Евѳовцу. Это значитъ, что самъ Творецъ, заставляя Адама обрабатывать землю, указалъ, *въ руки даи* культурныя растенія: вотъ тебѣ заступъ и снопъ; копай и сѣй; что посѣешь, не оживетъ, если не умретъ. „Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой, пока не возвратишься въ землю, посланку ты изъ нея взять; ибо ты персть и въ персть возвратишься. Съ скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей. Терпъ и волчець возраститъ она тебѣ; и ты будешь питаться полевою травою“ (Быт. 3, 17—19).

Въ обширномъ смыслѣ хлѣбъ насущный составляютъ не только плоды хлѣбныхъ растеній, или зерновые хлѣба: пшеница, рожь, рисъ и т. п., а все съѣдобное и питательное. Стебли и листья разныхъ растеній идутъ въ пищу и составляютъ тысячи разнообразныхъ и пріятныхъ ку-

шаньевъ; поэтому и щавель *) есть хлѣбъ. Жители южной оконечности Америки (Патагоніи) питаются одними грибами, растущими въ тамошнихъ буковыхъ лѣсахъ, да морскими животными, коихъ собираютъ по скаламъ, во время отлива: значить для Печереговъ и грибъ есть хлѣбъ. Но преимущественно значеніе хлѣба насущнаго имѣютъ, послѣ зерновыхъ хлѣбныхъ злаковъ, древесные плоды. Такъ въ благословенныхъ странахъ тропической Америки (мы не должны забывать, что и тамъ есть свои тернія и волчцы), на островахъ Океаніи, плоды деревьевъ составляютъ, какъ въ первозданномъ раю, главную и преимущественную пищу туземцевъ. Благословенный бананъ, по справедливости, называется „райской смоковницей“. Это пышное растеніе, похожее болѣе на тростникъ (*Canna Indica*), чѣмъ на дерево, потому что стволъ его—не древеснаго вещества, но мягкій и губчатый, достигаетъ до 20 футовъ высоты. Свѣтлозеленыя широкія листья бывають до 10 футовъ длины. Въ срединѣ ихъ выбѣгаетъ тонкій стебель, стрѣла, и послѣ цвѣтенія образуетъ великолѣпную въ родѣ виноградной кисть ягодъ, величиною съ огурецъ и значительно тяжелую, золотистаго цвѣта и превосходнѣйшаго вкуса. Волокна растенія идутъ вмѣсто льна, сокъ составляетъ питье, а перебродивши, напитокъ; а плоды даютъ самую обыкновенную и самую превосходную пищу

*) Св. Іоаннъ Креститель питался въ пустынѣ за-Иорданской акридами и медомъ дивнымъ. По общепринятому мнѣнію были это—саранча и медъ дикихъ пчелъ, жившихъ въ ущеліяхъ скалъ. Но въ безпріютной пустынѣ, выжженной аравійскимъ солнцемъ, чѣмъ кормиться пчеламъ и прожорливой саранчѣ? Есть другое мнѣніе (Странникъ 1864 г. статья: русскіе старцы въ Саввиномъ монастырѣ), на наши глаза болѣе вѣроятное. Акриды и медъ дивій—пустынные растенія въ родѣ нашего *воробьиного щавеля* (его зовутъ также *кислица*, что соотвѣтствуетъ слову *ακρις*) и *солодкаго* (т. е. сладкаго) *корня* (*αγριομελο*). Солодковый корень любитъ жаркія и сухія мѣстности, солончакъ; клевица растетъ по безплоднымъ почвамъ и выпаханнымъ полямъ. Есть еще стручки (въ родѣ рожковъ), которые слывають *panis S-ti Iohannis*, Предтечинъ хлѣбъ.

жителямъ жаркихъ странъ. Стволъ каждагодно умираетъ, а отъ корней выбѣгаетъ новый безъ всякихъ попеченій со стороны хозяина. Пространство съ десятину, засаженное этимъ благодѣтельнымъ растеніемъ, кормитъ цѣлое семейство райскими плодами. Легко жить человѣку подѣ тѣнью такого кормильца.

Подобное же благодѣніе Провидѣнія составляетъ на островахъ великаго Океана кокосовая пальма. „Она удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ туземца. Подѣ ея тѣнью онъ отдыхаетъ; ея плоды доставляютъ ему пищу и питье; ея листьями покрываетъ онъ свою хижину; изъ нихъ же плететь онъ корзины; а молодые листья служатъ ему вѣеромъ и шляпой, защищающей отъ палящихъ лучей солнца. Часто онъ тчетъ одежду изъ волокнистой массы, находящейся при основаніи листовыхъ черешковъ, или дѣлаетъ изъ нея факелы, при свѣтѣ которыхъ отправляется ночью бить острогою рыбъ. Большіе отполированные орѣхи служатъ прекрасными чашами. Сухими скорлупами Таитянинъ разводитъ огонь, а изъ облакающихъ зерно волоконъ дѣлаетъ ласы и веревки. Сокъ орѣховъ служитъ бальзамомъ для ранъ; кокосовымъ масломъ туземцы бальзамируютъ свои трупы. Стволы пальмъ поддерживаютъ ихъ жилища, служатъ имъ дровами; изъ вихъ же строятъ заборы, дѣлаютъ весла, дубины и копья. Человѣку стоитъ только посадить спѣлый орѣхъ въ землю, и уже черезъ нѣсколько дней появится молодой отростокъ; года черезъ 4 онъ дастъ плоды; лѣтъ десяти онъ будетъ красоваться пышнымъ деревомъ, и затѣмъ сохранить прелесть и полезность лѣтъ на сто“ *). Какое неизмѣримое разстояніе между жзнію Австралійца и многотрудной маетой и страдой нашего крестьянина о хлѣбѣ насущномъ! Но и въ этомъ, повидимому, блаженномъ, обеспеченномъ бытѣ есть свои темныя стороны. Вотъ что говоритъ нашъ путеше-

*) „Міръ растений Мюллера: IV. Восточные острова Великаго Океана“.

ственникъ Литке объ островахъ Океаніи. „Необыкновенно сильно первое впечатлѣніе, производимое возникающимъ, такъ сказать, изъ воды садомъ кокосовыхъ пальмъ, признанныхъ идеаломъ стройной и величественной формы, и великолѣпныхъ хлѣбныхъ деревьевъ, благодѣтельныхъ, какъ наши cerealia. Вы теряетесь въ удивленіи, съ какою мудростію природа умѣла снабдить человѣка въ двухъ растеніяхъ не только пищею и питьемъ, но и всѣми нужными матеріалами для домовъ, лодокъ, тканей, домашней утвари и прочаго, и въ нихъ же доставить ему защиту отъ вертикальныхъ лучей солнца и вмѣстѣ прохладу и свободный воздухъ. Но скоро вы приходите въ состояніе той очарованной царевны, которая осуждена была всю жизнь прогуливаться по волшебному саду: однообразіе васъ утомляетъ. Куда ни обернетесь, какъ ни пройдете островъ, вдоль или поперекъ, все одно; нѣтъ камешка отличнаго, по которому можно бы замѣтить свою дорогу; нѣтъ ни права, ни лѣва; вершины пальмъ плавно, и какбы въ тактъ, колеблемыя всегдѣ съ одной стороны дующимъ вѣтромъ, однозвучный шумъ моря, вѣчно о тотъже берегъ разбивающагося, усыпляютъ васъ какъ колыбельная пѣсня. Также единообразна и скучна должна быть и жизнь обитателей низменныхъ острововъ. Обитатели странъ околополюсныхъ живутъ конечно веселѣе. Полугодовая ночь, смѣняющая день столько же продолжительный, забота о пропитаніи, по временамъ голодовка (!), разнообразятъ, хотя не всегда пріятнымъ образомъ, жизнь ихъ: здѣсь нѣтъ и этого прибѣжища“ *)! „Не надо думать скажемъ словами покойнаго В. И. Даля, что жаркій поясъ благопріятствуетъ умственному развитію; гдѣ отъ человѣка для продолженія жизни не требуется ни размышленія, ни труда, тамъ человѣкъ лѣнивъ, вялъ, тупъ. Даже потомство европейскихъ колонистовъ доказываетъ это. Работа, трудъ питаетъ и развиваетъ всѣ способности наши,

*) Библ. для Чт. 1835 г. Т. IX.

а нужда и забота должны по временамъ не убивать ихъ, но изощрять: Богъ повелѣлъ человѣку снѣсти хлѣбъ свой въ потѣ лица“.

Итакъ бросимъ прощальный взглядъ на райскія рощи юга, роскошные пальмовые лѣса, съ любовію, но безъ унынія и ропота, и пойдемъ въ наши неоглядныя равнины, волнующіяся жатвою, въ наши сады, гдѣ все напоминаетъ о трудѣ, объ уходѣ, о заботахъ и присмотрѣ человѣка: и у насъ не мало хорошаго.

Возблагодаримъ Провидѣніе и за то, что оно одарило сѣдобныя растенія изумительною плодovitостію, баснословнымъ количествомъ сѣмянъ. Колосья пшеницы, кисти проса, лебеда *) — всѣ эти растенія столь обильны сѣмянами, что, кромѣ того, что оставляется на посѣвъ къ слѣдующему году, избыткомъ сѣмянъ питаются миллионы людей и животныхъ, обитающихъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, сыты отъ одной жатвы до другой. Милліонныя арміи, десятки тысячъ коней, оторванные отъ производительнаго труда печальною необходимостію обороны, многочисленное населеніе фабричныхъ мѣстностей и большихъ городовъ, всѣ эти массы питаются насчетъ полей, не служа ихъ воздѣлыванію и удобренію, и все-таки для всѣхъ достаетъ и остается. Какое громадное количество людей и животныхъ кормила и кормитъ транзитная торговля! Все это питается земледѣіемъ. Съ недавняго времени паръ началъ, въ извѣстныхъ размѣрахъ, замѣнять людей и животныхъ. Тяжести, для передвиженія которыхъ безчисленные обозы коней и воловъ, караваны верблюдовъ тянулись по всѣмъ путямъ и дорогамъ недѣли и мѣсяцы, паровозъ уноситъ съ быстротою вѣтра въ одинъ, два-три поѣзда. Гужевая перевозка сокращается на на-

*) Одинъ изъ видовъ ея Марь-квиноа на высотахъ Кордильеръ воздѣлывается какъ хлѣбное растеніе, да и у насъ еще говорится: не бѣда, коли есть хоть лебеда; тогда жди бѣды, коли нѣтъ и лебды.... не уродилась.

шихъ глазахъ. Какое неизмѣримое количество разнаго зерна шло для животныхъ, для рабочихъ, и земля всѣхъ кормила! По всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ, каналамъ, озерамъ, до введенія пароходовъ, тянулось безчисленное множество судовъ всякихъ величинъ и наименованій. Исключая непостоянное и своенравное пособіе вѣтра, все это двигалось, главнымъ образомъ, силою людей и животныхъ, которые шли къ водѣ за насущнымъ хлѣбомъ. Въ потѣ лица бѣли судорабочіе хлѣбъ свой, но его доставало про всѣхъ и людей и животныхъ. „Пусть помнятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла Его для сыновъ человѣческихъ. Ибо Онъ насыщаетъ душу жаждущую и душу алчущую исполняетъ благами (Пс. 106, 8—9). Онъ превращаетъ рѣки въ пустыни и источники водъ въ сушу; землю плодородную въ солончатую *за нечестіе живущихъ въ ней*“ (ст. 33. 34).

Такимъ образомъ чудесное умноженіе пяти хлѣбовъ, которыми Господь наплатъ пять тысячъ человѣкъ въ пустынѣ, ежегодно повторяется передъ нашими глазами, и ежегодно остается нѣсколько кошницъ къ будущему. Только мы не замѣчаемъ этого чуда, потому что оно, отъ начала земли, повторяется періодически съ такою же правильностію, какъ разлитіе Нила, съ такимъ же однообразіемъ, какъ смѣна временъ года. „Впредь во всѣ дни земли сіяніе и жатва, холодъ и зной, лѣто и зима, дни и ночи не пресѣкутся“ (Быт. 8, 22), и какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго“ (Мѡ. 24, 37).

Это благословеніе, плодородіе, изобиліе плодовъ земныхъ есть награда за исполненіе первѣйшей заповѣди: „въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой“. Сколько поколѣній преемственно взрыхляли, удобряли эти поля, поливали ихъ своимъ потомъ! Мало по малу совершенствовались приемы обработки, орудія земледѣлія, способы снimanія, храненія и обработки плодовъ, улучшались породы домашнихъ животныхъ, пособниковъ въ работѣ, сорта воз-

дѣлываемыхъ растений, пока наконецъ искусство земледѣлія, со всѣми его отраслями, достигло такой степени совершенства, что въ состояніи прокормить, кромѣ самого земледѣльца, еще цѣлую толпу людей, посвятившихъ себя другимъ занятіямъ.

Но и нынче, ни на минуту не надобно забывать молитву о „хлѣбѣ насущномъ“. Съ трудомъ кормится дикарь охотой, собираемъ плодовъ и кореньевъ, и сытый *днесь*, не знаетъ, что будетъ ѣсть завтра; но и Европеецъ пусть не думаетъ, какъ богачъ евангельской притчи: душе! имаша блага многа, лежаща на лѣта многа (Лук. 12, 19). Пусть не надѣется на свои пѣзнанія, на свои капиталы, на свои запасы. Есть и у насъ свои бѣды. Какъ у библейскаго Іова, Господь вдругъ отниметъ всѣ средства, всѣ надежды. Не говоримъ о Божьихъ насланіяхъ: засуха, градъ, наводненіе и т. п.,—они малы, они мѣстны, они милостивы *): биржевой кризисъ, революція, война — и тысячи семействъ, возросшихъ въ изобиліи, жившихъ въ довольствѣ, повергнуты въ крайнюю нищету. О хлѣбъ насущный!

Не говоря о томъ, что Св. Писаніе постоянно напоминаетъ о милосердіи къ алчущимъ, жаждущимъ и пришельцамъ, оно положительными узаконеніями охраняетъ плоды земли, и напоминаетъ о нуждѣ ближнихъ; жестокому народу еврейскому еще въ тѣ варварскія времена, когда онъ вышелъ изъ египетскаго рабства, Законодатель произноситъ наставленія полныя человѣколюбія и состраданія къ нуждающимся: „Іегова, Богъ твой, ведетъ тебя въ землю добрую, въ землю, гдѣ потоки водъ, источники и бездны выходятъ изъ долинъ и горъ, въ землю, гдѣ пшеница, ячмень, виноградныя лозы, смоковницы и гранатовыя деревья, въ землю, гдѣ масличныя деревья и

**) И рече Давидъ къ Гаду: тѣсна ми суть отвсюду злыя три сія!... Да впаду убо въ руку Господни, яко мнози суть щедроты Его злы: въ руку же чловѣчи да не впаду! 2 Цар. 24, 14.*

медь; въ землю, въ которой безъ скудости будешь ѣсть хлѣбъ твой и ни въ чемъ не будешь имѣть недостатка... (Втор. 8, 7—9). Когда будешь ѣсть и насытишься, и построишь хорошіе дома, и будешь жить въ нихъ; и когда будетъ у тебя много крупнаго и мелкаго скота, и будетъ много серебра и золота, и всего будетъ у тебя много: то смотри... чтобы ты не сказалъ въ сердцѣ твоёмъ: моя сила и крѣпость руки моей приобрѣли мнѣ богатство сіе; но чтобы *помнилъ Господа Бога твоего*... (12—14; 17—18). Когда придете въ землю, которую Господь Богъ дастъ вамъ, и посадите какое-либо дерево, котораго плоды ѣдятъ: то плоды его почитайте за необрѣзанные; три года должно почитать ихъ за необрѣзанные, не должно ѣсть ихъ *); а въ четвертый годъ всѣ плоды его должны быть посвящены для празднествъ Господнихъ; въ пятый же годъ вы можете ѣсть плоды его и собирать себѣ... (Левит. 19, 23—25). Когда будешь жать на полѣ твоёмъ и забудешь снопь на полѣ твоёмъ, то не возвращайся взять его; пусть онъ остается пришельцу (нищему), сиротѣ, и вдовѣ, чтобы Господь Богъ твой благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ. Когда будешь обитать маслину твою, то не пересматривай за собою вѣтвей; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ. Когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоёмъ, не обирай до-чиста за собою; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ. *И помни*, что ты былъ рабомъ въ землѣ египетской: *посему Я и повѣлваю тебѣ дѣлать сіе* (Втор. 24, 19—22). Никто не долженъ брать въ залогъ верхняго и нижняго жернова; ибо таковой беретъ въ залогъ *душу* (24, 6). Если долгое время будешь держать въ осады какой-нибудь городъ, чтобы завоевать его и взять его: то

*) На молоденькихъ яблонькахъ, которыя только что начинаютъ приносить плоды у насъ, садовники не даютъ развиваться яблокамъ, обрываютъ цвѣтъ. Раннее плодоношеніе убавляетъ ростъ, здоровье и будущую плодovitость яблони.

не портъ деревъ его, и не поднимай на нихъ топора; ѣшь плоды съ нихъ, а не руби ихъ: ибо дерево на полѣ развѣ человекъ, чтобы оно ушло отъ тебя въ крѣпость? Только тѣ дерева, о которыхъ ты знаешь, что они ничего не приносятъ въ пищу, можешь портить и рубить, и строить укрѣпленія (въ славянскомъ — лѣствицы) противъ города, который ведетъ съ тобою войну...“ (Втор. 20, 19—20) *).

Свящ. В. Владимірскій.

НЕ ЗЕМНОЙ МУДРОСТИ ОСЧАСТЛИВИТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

ПОУЧЕНІЕ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Предъ наступленіемъ новаго года учрежденія гражданскія, хозяйства торговая и промышленная и т. д. имѣютъ обычай посредствомъ отчетовъ провѣрять себя въ дѣятельности истекающаго стараго года, чтобы видно было, въ какомъ состояніи ихъ дѣла переходятъ въ новый годъ, что въ нихъ можно улучшить, что измѣнить. Съ требованіемъ подобнаго отчета долженъ обратиться къ своей совѣсти каждый христіанинъ при наступленіи новаго года. И дѣйствительно, когда же еще и провѣрять себя христіанину, стоитъ ли онъ въ истинѣ, какъ не на рубежѣ стараго года съ новымъ? Когда еще и поразмыслить, какъ не нынѣ, въ какомъ положеніи застанетъ меня начало новаго года, на истинномъ ли пути я стою, или сбился съ

*) Суровые Спартанцы начали Пелопонезскую войну раззореніемъ прекрасной и плодоносной Аттики, истребленіемъ оливковыхъ деревьевъ и виноградниковъ. Слѣдствіемъ такой системы веденія войны былъ моръ. Тоже дѣлали Турки въ Кандіотское возстаніе. „Деревья не уйдутъ въ крѣпость.“

него? подвинулся я въ дѣлѣ своего самоусовершенія, или же нѣтъ, и съ какимъ, далѣе, запасомъ силъ, умственныхъ и нравственныхъ, выступаю я на дѣло въ новомъ году? Какъ хотите, начало года—самая лучшая пора, чтобы подвести намъ итоги своему духовно-нравственному достоянію. Особенно въ наши дни: какъ вы не зададитесь подобными вопросами? Настъ, православныхъ христіанъ, огуломъ всѣхъ, многіе изъ сыновъ вѣка сего обзываютъ нынѣ и въ печати и въ обществѣ *людьми отсталыми, суетными, любителями мрака* и т. д. Какъ тутъ не призадуматься подчасъ и недюжинному человѣку?

Да, братія, мы переживаемъ въ послѣднемъ отношеніи самое, кажется, трудное время, и людямъ съ поверхностнымъ богословскимъ образованіемъ, а тѣмъ болѣе людямъ безъ всякаго образованія, нынѣ не легко отстаивать предъ сынами вѣка сего свои христіанскія убѣжденія. Мы не говоримъ о людяхъ *истинно и вполне образованныхъ*: они и нынѣ, какъ всегда, на этотъ разъ совершенно безопасны. Для нихъ это отнюдь не трудъ, доказать, кому угодно, что Церковь, хотя учрежденіе и не новое, и хотя ея ученіе, ея вѣрованія и требованія почти уже 2000 лѣтъ стали извѣстны міру, тѣмъ не менѣе, какъ въ началѣ была *свѣтомъ* міру, такъ и теперь остается и на будущее время останется свѣтомъ; помимо ея просвѣщеніе человѣчества немислимо. А если современная намъ ученость обходитъ Церковь, то какой же и толкъ изъ этого? Вотъ на что хочу я обратить, братіе, сегодня ваше вниманіе.

Не споримъ: современная намъ наука чудеса творитъ въ тѣхъ областяхъ, которыя ей доступны. Астрономія, напримѣръ, не только землю, а и солнце, мѣсяцъ и т. д. взвѣсила, измѣрила и опредѣлила. Естествознаніе подмѣтило и открыло въ природѣ такія силы, о которыхъ отцы наши даже и не гадали. Мало—открыло, а и заставило ихъ служить человѣку, и вотъ человѣкъ, безъ лошади ѣдетъ; спдя у себя въ домѣ, ведетъ бесѣду съ тѣми, кто

отъ него живетъ за десятки тысячъ верстъ. Поистинѣ, голова идетъ кругомъ отъ изумленія, какъ подумаешь, до чего нынѣ додумалось въ этомъ отношеніи человѣчество. Само собой, нельзя и не благодарить за то науку. Но, други мои, если признательность—и доброе чувство, все же оно, во многихъ случаяхъ должно имѣть границы. Пусть, по части техники, коммерціи и промышленности, наука дѣйствительно ушла впередъ: но ужели мы живемъ на свѣтѣ для того только, чтобы жить и наживать, ѣсть, пить и веселиться? И думаю, есть у человѣка пужды потребности, желанія поважнѣе земныхъ, есть вопросы по-существеннѣе житейскихъ. Какъ и кто рѣшитъ человѣку: „что я такое? откуда? зачѣмъ? И долженъ умереть; что же потомъ? Ужели и моя судьба такая же, какъ безсловеснаго животнаго? Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ и откуда во мнѣ всѣ эти запросы и полеты мысли, эта ненасытная жажда счастья, эта бездна желаній, самыхъ разнообразныхъ и несбыточныхъ? Откуда все это, если я—кусочекъ мяса, неболѣе“? Всѣ эти и подобные вопросы кто намъ рѣшитъ помимо Церкви? Но что объ этомъ говорить? Издревле въ мірѣ *скорбь, нищета и бѣдность*: перемѣнили ли и это нашъ пресловутый *прогрессъ* съ своей наукой? Напротивъ, съ развитіемъ удобствъ передвиженія и т. д., нищета и бѣдность не увеличиваются ли со дня на день? А нравственная жизнь тоже стала ли лучше, за послѣднее время, съ распространеніемъ образованности? Довольство душевное, миръ, братство въ людяхъ, идутъ впередъ? Похвались наука! „Мы, говорятъ, передовые люди вѣка, освободили зато женщину отъ рабства мушкетѣ, и враги всѣхъ тунеядцевъ“. Слушаемъ! Но что она, эта ваша хваленая свобода, даетъ женщинѣ въ будущемъ, скажите? что будетъ съ ней, этой всеправной женщиной, когда она износитъ свою красоту и напослѣдокъ останется отъ *множества мужей безъ мужа* и отъ дѣтей, которыхъ не хотѣлось ей въ свое время кормить, безъ дѣтей, безъ роду и племени? Нѣтъ, други мои, это не есть прогрессъ,

выдумать такую злую насмѣшку надъ женщиной, и что ни говори наши мудрецы, а ученіе Церкви по всѣмъ этимъ вопросамъ—единственное ученіе, разумное и многоплодное, способное благоустроить жизнь человѣка на землѣ. Будемъ поэтому, братіе, и на будущее время крѣпче держаться св. Церкви. Аминь.

Свящ. А. Блгоцвѣтовъ.

ВЪ ПРАВЪ ЛИ НАШЪ XIX ВѢКЪ НАЗЫВАТЬ СЕБЯ ПРОСВѢЩЕННѢЙШИМЪ ПРЕДЪ ПРЕЖНИМИ ВѢКАМИ?

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНІЯ.

Всѣмъ ли вамъ, братіе, извѣстно, какъ называются на языкѣ церковномъ настоящіе великіе дни, начиная съ праздника Богоявленія до отданія этого праздника? На языкѣ церковномъ они извѣстны подъ именемъ дней *просвѣщенія*. Почему? Потому 1) что Богъ въ день крещенія Христова явилъ міру тайну Своего тройческаго единства, такъ какъ въ этотъ именно день *узрѣлъ* міръ всю св. Троицу: *Сына* крещаемымъ, *Отца* глаголющимъ и *Духа Святаго* въ видѣ голубя съ неба сходящимъ. А это не верхъ ли просвѣщенія, узрѣть Бога во св. Троицѣ? 2) Потому такъ называются нынѣшніе дни, что въ древности обыкновенно и главнымъ образомъ именно въ эти дни увѣровавшіе во Христа *просвѣщаются* были св. крещеніемъ.

Но не за тѣмъ я началъ рѣчь о наименованіи настоящихъ дней днями просвѣщенія, чтобъ объяснить, и только, почему они такъ называются. Нѣтъ, меня занимаетъ другая мысль на этотъ разъ, которой я и желаю для дня подѣлиться съ вами.

Нашъ вѣкъ очень любитъ хвалиться, что онъ изъ всѣхъ вѣковъ самый *просвѣщенныйшій*. Справедливо ли онъ такъ величаетъ себя? По моему мнѣнію, не много требуется смѣтки, чтобы понять, что напрасно и несправедливо такъ высоко заносится онъ. Да! Если, какъ вы сейчасъ слышали, по разумѣнію св. Церкви, высшая степень просвѣщенія состоитъ въ томъ, чтобы имѣть по возможности ясное понятіе о Богѣ; то какое же преимущество въ этомъ отношеніи предъ прежними вѣками имѣетъ нашъ вѣкъ? Мало того, сыны нашего вѣка, поклонники просвѣщенія, могутъ ли вообще называться просвѣщенными, когда они исчерпали, по ихъ словамъ, всю премудрость, а между тѣмъ до главнаго-то никакъ и не могутъ дойти, т.-е. до познанія Бога; когда они не могутъ усмотрѣть даже слѣдовъ вездѣприсутствія Божія въ мірѣ, что отчасти разумѣли и язычники? Воля ваша, это не признакъ людей просвѣщенныхъ, а признакъ несвѣжества, вопить о себѣ: „я самый просвѣщенный вѣкъ, я просвѣщенный человекъ“! и въ то же время не стыдиться говорить, какъ говоритъ большинство нашихъ ученыхъ недоучекъ: „я не знаю Бога, потому что *не вижу Его*“! Не явное ли противорѣчіе: „просвѣщенный“ и „не вижу“!—Не вижу Бога, не вижу души въ человекѣ“! Боже милосердый! до какого мракобѣсія можетъ дойти человекъ! „Мы народъ просвѣщенный“, вопять о себѣ наши мудрецы, а между тѣмъ и себя-то никакъ не могутъ понять, и въ себѣ-то кромѣ куска мяса ничего не видятъ! *Въ человекѣ не видятъ человека, нечего сказать, просвѣщеніе!*...

Нѣтъ, братія, избави насъ Богъ отъ такого просвѣщенія. Вотъ другое дѣло, еслибы *передовые* люди вѣка приняли на себя трудъ развитія и распространенія христіанскихъ началъ въ средѣ народныхъ массъ; тогда, дѣйствительно, нельзя бы было не сказать и о XIX вѣкѣ, что онъ вѣкъ истинно просвѣщенный, какъ это названіе по справедливости и усвоено IV вѣку христіанства, тому золотому вѣку, когда самые даровитѣйшіе изъ людей свѣт-

скихъ шли на служеніе Церкви и гремѣли съ церковныхъ кафедръ святыя: Златоустъ, Василій Великій, Григорій, Августинъ и т. д. Зато и памятенъ христіанскому міру этотъ IV вѣкъ!... Тогда какъ нашъ XIX вѣкъ не успѣлъ еще и преполовиться, а сколько уже *проклятій* ему съ разныхъ сторонъ за его зловредныя идеи, благодаря которымъ сколько погибло, даже и въ нашемъ русскомъ обществѣ, молодыхъ силъ, покончивъ жизнь *самоубійствомъ!* А чрезъ это сколько отъ него слезъ выпало на долю тѣхъ, поистинѣ несчастныхъ, родителей, которые волей-неволей, вмѣстѣ съ погибелью дѣтей своихъ, должны были лишиться и лишаются самыхъ лучшихъ своихъ надеждъ и радостей! Это ли прогрессъ? Это ли просвѣщеніе? Этимъ ли гордиться XIX вѣку?

Нѣтъ, и нѣтъ, повторимъ: нашъ вѣкъ не въ правѣ величать себя просвѣщеннымъ вѣкомъ преимущественно предъ прежними вѣками. Онъ вѣкъ *многокнижный*, и, пожалуй, *ученый*; но отнюдь не самый просвѣщенный. *Просвѣщенный?!* Что такое *просвѣщенный*? Просвѣщенный, это тотъ, кто смотритъ на вещи ясно, прямо; кто не бродитъ, точно въ потьмахъ, около вопросовъ, интересующихъ человѣчество, а имѣетъ о нихъ понятіе; кто въ своихъ сужденіяхъ не колеблется, нынѣ одно выдавая за истину, а завтра другое. Такъ? А нашъ многокнижный вѣкъ, скажите, какой свѣтъ пролилъ и проливаетъ на всѣ подобныя вопросы ума любомудрствующаго? Напримѣръ, ужели это отвѣтъ и притомъ прямой и ясный, когда на запросы ума человѣческаго о причинахъ и цѣли бытія всеіо видимаго, онъ отвѣчаетъ, что *все это*, такъ себѣ, *случайно*, само собою и само для себя создалось изъ пылинокъ (атомовъ), неизвѣстно откуда взявшихся? А между тѣмъ современный намъ вѣкъ именно такъ, или подобнымъ образомъ, рѣшаетъ этотъ важнѣйшій изъ вопросовъ ума человѣческаго. Не говорю уже о томъ, какъ при рѣшеніи всѣхъ подобныхъ вопросовъ, ученія вѣка, то и дѣло, смѣняются одни другими, и каждое выдается каж-

дый разъ за самое истинное, съ присловіемъ: „наконецъ разумъ человѣческой постигъ“. Вотъ ужъ точно, словно въ чаду какомъ бродятъ всѣ эги передовые наши: ни одного-то жизненнаго вопроса не рѣшаютъ они толково, коротко и ясно.

И понятно: откуда быть у нихъ свѣту? Божественнаго Откровенія они не признаютъ; а безъ него какъ и возможно ли понять и познать то, что хотя и несомнѣнно существуетъ, но не поддается ни микроскопу, ни телескопу?

Такъ, други мои, всѣмъ намъ необходимо стремиться къ просвѣщенію, и то—несомнѣнная истина, что „ученье свѣтъ, а неученье тьма“; но просвѣщеніе просвѣщенію рознь. Полезна наука; но не въ ней просвѣщеніе. Истинное просвѣщеніе наше—Христосъ; высшая изъ школъ—это Церковь. Наука изъ наукъ—это наука жить по Богѣ, какъ и истинно образованный человѣкъ—не тотъ, кто прошелъ всю мудрость земную, а кто сумѣлъ воплотить въ себѣ образъ Христа Спасителя; кто дѣлами своими уподобляется Богу. *Будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѡ. 5, 48): вотъ нашъ образецъ! *Тако да просвѣтитъ свѣтъъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (— 16): вотъ къ какому просвѣщенію должны мы главнымъ образомъ стремиться! Аминь.

Свящ. Алексѣй Блгоцѣтовъ.

О ЧИНѢ ВЕЧЕРНИ.

ДВА ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНІЯ *).

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Содержаніе вечерней службы.—Мѣсто ея въ ряду суточныхъ церковныхъ службъ.—Составъ вечерни по древнѣйшимъ чинамъ.—Составъ ея по принятому чину.—Нужно ли желать дальнѣйшаго движенія въ образованіи чина вечерни?—Нужда въ объясненіи принятаго чина ея.—Неизмѣняемыя части вечерни: 1) предначинательный псаломъ.— 2) „Господи воззвахъ“, или псалмы 140, 141, 129 и 116.—3) „Свѣте тихій“.—4) „Сподоби Господи“.—5) „Нынѣ отпускаеши“.—6) Молитвы.

Предметомъ нашихъ чтеній будетъ обзоръ и изъясненіе одной изъ суточныхъ церковныхъ службъ,—вечерни, съ присовокупленіемъ замѣчаній археологическихъ и учительныхъ.

Вечернею называется та суточная церковная служба, которую положено отправлять пополудни въ три или четыре часа. Такъ какъ въ эти часы день склоняется къ вечеру, когда недостатокъ солнечнаго свѣта замѣняется въ домахъ и въ общественныхъ собраніяхъ искусственнымъ освѣщеніемъ, свѣтильниками, то по этой причинѣ вечерня издревле называется также *свѣтильничнымъ* (λυχνικόν), или *свѣтильничными молитвами*.

Содержаніемъ вечерни служитъ съ одной стороны благодареніе Господу за благодѣянія Его въ истекающей

*) Произнесены въ университетской аудиторіи, великимъ постомъ 1874 года, въ пользу благотворительнаго славянскаго комитета.

день, прославленіе Его совершенствъ въ дѣлахъ творенія и промышленности о мірѣ и человѣкѣ, насколько это соотвѣтствуетъ времени вечерни, съ другой стороны изліяніе чувствъ покаянія и сокрушенія о грѣхахъ, содѣянныхъ въ истекающей день, и мольба объ очищеніи ихъ и о безгрѣшномъ проведеніи остальной части дня и наступающей ночи. Къ этому спеціальному содержанію вечерни присоединяются неприспособленныя къ вечернему времени каѳизмы, читасмыя подрядъ, также пѣснопѣнія во славу Бога и святыхъ Его, разнообразныя въ каждый день, потому что каждому дню въ году усвоено воспоминаніе, по мѣсяцеслову, того или другаго церковнаго событія, или память того или другаго святаго лица, — и потому что въ каждый изъ семи дней недѣли положено править разную службу, напримѣръ въ Воскресенье—воскресенію Христову, въ понедѣльникъ—безплотнымъ Силамъ, во вторникъ — Іоанну Предтечѣ, въ среду и въ пятницу—Кресту и Богоматери, въ четвертокъ—Апостоламъ и святителю Николаю, въ субботу—всѣмъ святымъ.

Въ ряду суточныхъ церковныхъ службъ (ихъ всѣхъ девять) вечерня занимаетъ первое по времени мѣсто. Подобный порядокъ существовалъ еще въ ветхозавѣтной Церкви. Законъ Моисеевъ предписываетъ праздники начинать съ вечера предъидущаго дня. Такъ праздникъ Очищенія начинался съ вечера девятаго дня седьмаго мѣсяца и продолжался до вечера десятаго дня тогоже мѣсяца (Лев. 23, 32). Праздникъ пасхи начинался съ вечера 14-го дня перваго мѣсяца (Исх. 12, 6).—На чемъ основано было въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, перешедшее и въ новозавѣтную Церковь, божественное узаконеніе считать церковныя сутки съ вечера, и церковныя празднества начинать съ вечера? Нельзя не видѣть отношенія этого узаконенія къ повѣствованію Моисея о дняхъ творенія. Въ Моисеевомъ повѣствованіи начало каждаго дня творенія полагается съ вечера: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ. И бысть вечеръ, и бысть утро, день*

второй, и т. д. Для объясненія этихъ словъ нужно имѣть въ виду, что, по сказанію Моисея о первомъ днѣ творенія, Господь, по сотвореніи свѣта, „отдѣлилъ свѣтъ отъ тмы, и былъ вечеръ и было утро: день одинъ“ (Быт. 1, 4. 5). Это значить, что новосотворенная свѣтящая матерія облегла сначала всю землю, и тогда конечно не было различія между днемъ и ночью, хотя происходило обращеніе земли вокругъ своей оси, служащее основаніемъ суточныхъ перемѣнъ времени. Но вотъ свѣтящая матерія начала собираться къ назначенному ей средоточію, и тогда на одной сторонѣ земли свѣтъ оскудѣлъ, произошелъ на ней сумракъ,—явленіе соотвѣтствующее вечеру; слѣдственно положено начало суткамъ, и такимъ образомъ начало сутокъ совпало съ началомъ этого явленія. Потомъ вслѣдствіе движенія земли вокругъ своей оси, потемнѣвшая сторона земнаго шара снова обернулась къ свѣту, который сталъ озарять ее съ утра до вечера. Прошли полныя сутки,—съ наступленіемъ вечера наступили новыя сутки и т. д.

Если церковныя сутки и слѣдственно церковные праздники начинаются съ вечера, то понятно, какъ должно смотрѣть на разныя домашнія и общественныя увеселенія, на пиршества, на публичныя концерты и спектакли,—устрояемые подъ праздники, не исключая двенадесятыхъ, во время всенощныхъ церковныхъ бдѣній. Плотское мудрованіе придумало немало оправданій для этого, противнаго церковному уставу и крайне тяжелаго для благочестиваго чувства, порядка вещей. Не станемъ на этотъ разъ исчислять ихъ и обсуждать, а выразимъ только сожалѣніе, что мы живемъ въ такое время, когда не безопасно поднимать голосъ въ защиту церковныхъ учреждений: сейчасъ упрекнутъ васъ въ отсталости и въ пристрастіи къ формализму.

Чинъ вечерни впервые съ довольною пошотою изложенъ въ такъ называемыхъ *Постановленіяхъ апостольскихихъ*, — памятникѣ III вѣка. Построеніе чина вечерни

въ *Постановленіяхъ апостольскихъ* одинаково съ построениемъ чина утрени. Разность только въ томъ, что подборъ нѣкоторыхъ частей той и другой службы приспособленъ, какъ сейчасъ увидимъ, къ характеру суточного времени каждой изъ нихъ. Такъ обѣ службы гъ *Постановленіяхъ* апостольскихъ начинаются псалмами; но утренняя начинается 62-мъ псалмомъ: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю, возжада тебѣ душа моя*, и д.; а вечерняя начинается псалмомъ 140-мъ: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя*. Въ *Постановленіяхъ ап.* этотъ псаломъ называется свѣтильничнымъ. Этимъ же именемъ называетъ 140-й псаломъ св. Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи на него и объясняетъ, почему онъ усвоенъ вечернѣ. „Это не потому, говоритъ онъ, что здѣсь встрѣчаются слова: *воздѣяніе руку моею жертви всчерняя*, ибо то же выражается и въ другихъ псалмахъ, напримѣръ въ одномъ псалмѣ говорится: „вечеръ и зутра и полудне повѣмъ и возвѣщу“; въ другомъ: „Твой есть день и Твоя есть ночь“; въ третьемъ: „вечеръ водворится плачь и зутра радость“, — но потому, что въ 140-мъ псалмѣ содержится нѣкоторое врачевство противъ грѣховъ и очищеніе ихъ, и всякъ изъ насъ, употребляя это духовное пѣснословіе, можетъ стереть съ себя грязь и нечистоту, прилипшую въ теченіе дня на рынокѣ, дома и въ другихъ мѣстахъ“. — Далѣе за вечернимъ псалмомъ, какъ и въ утренѣ, слѣдовали, по начертанію *Апостольскихъ постановленій*, молитвы объ оглашенныхъ, о бѣсноватыхъ, о готовящихся къ крещенію и о кающихся. Сначала діаконъ приглашалъ оглашенныхъ (разумѣются оглашенные втораго разряда, такъ-называемые колѣнопреклоненные) помолиться за себя, и вѣрныхъ помолиться за нихъ; потомъ произносилъ рядъ воззваній о моленіи объ оглашенныхъ, подобныхъ ектеиіи объ оглашенныхъ, слышимой доселѣ въ нашей литургіи. Вслѣдъ за тѣмъ діаконъ приглашалъ оглашенныхъ подойти къ епископу, или къ священнику, смотря по тому, кто совершалъ службу. Они подходили, становились на колѣна, преклоняли го-

ловы, и епископъ или священникъ, обратясь къ нимъ, читалъ надъ ними общую молитву, послѣ молитвы возлагалъ на каждого руку, въ знакъ благословенія, и отпускалъ ихъ изъ церкви. — За оглашенными тѣмъ же порядкомъ выслушивали молитвы о себѣ и отпускались изъ церкви бѣсноватые, за ними просящіе крещенія (оглашенные послѣдняго разряда, близкіе къ пріятію крещенія) и наконецъ кающіеся, т.-е. несущіе публичную епитимію грѣшники. Оставались въ храмѣ одни вѣрные. Діаконъ въ ихъ присутствіи возглашалъ ектенію, которая по содержанию похожа на извѣстныя нынѣ двѣ ектеніи — великую и сугубую. Въ этой ектеніи онъ приглашалъ присутствующихъ молиться о мирѣ, о царяхъ, о епископахъ и прочихъ членахъ Церкви, и д. О вечернемъ употребленіи этихъ моленій упоминаетъ также св. Златоустъ въ толкованіи на то мѣсто изъ перваго посланія къ Тимоѳею, гдѣ идетъ рѣчь о молитвѣ за царя и за всѣхъ начальствующихъ. Затѣмъ діаконъ произносилъ ектенію, которая въ Постаповленіяхъ апостольскихъ называется *свѣтильничнымъ воззваніемъ* (*προσφωνησις ἐπιλυτικος*), потому что въ ней есть одно прошеніе свойственное вечернему (*свѣтильничному*) времени. Онъ, обратясь къ вѣрнымъ, говорилъ: „вставайте“ (предполагается, что послѣ предшествующей ектеніи былъ промежутокъ, когда они сидѣли); „будемъ просить у Господа ангела мирнаго, всего добраго и полезнаго, христіанской кончины живота, вечера и ночи мирной и безгрѣшной, и того, чтобы все время жизни нашей проведено было нами неукоризненно“. Эту ектенію діаконъ заключалъ словами: „себя самихъ и другъ друга предадимъ живому Богу чрезъ Христа Его“. Вслѣдъ за тѣмъ епископъ или священникъ читалъ молитву, которая въ Постановленіяхъ апостольскихъ называется *свѣтильничнымъ благодареніемъ* (*ευχαρισια ἐπιλυτικος*). Въ ней онъ исповѣдывалъ величіе Господа, создавшаго день и ночь; просилъ Его милостиво принять вечернее благодареніе за то, что Онъ сподобилъ прейти долготу дня и приблизилъ къ началкамъ ночи;

умолялъ Его даровать намъ вечеръ и ночь мирную и безгрѣшную. Подобная молитва съ именемъ Василя Великаго и теперь читается въ вечернѣ пятдесятницы и ее же предоставляется на волю настоятеля читать въ концѣ ежедневной вечерни.—По окончаніи этой молитвы діаконъ возглашалъ къ вѣрнымъ: „поклонитесь къ руковозложенію“. Вѣрные подходили къ епископу или священнику, и онъ, обратясь къ нимъ, читалъ молитву благословенія, прося Господа, чтобы возрѣлъ свѣтлымъ окомъ на преклонившихъ выю сердца своего. Подобное содержаніе представляетъ молитва главопреклоненія въ принятомъ нынѣ чинѣ вечерни. Затѣмъ діаконъ возглашалъ: „выходите съ миромъ“.

Таковъ составъ вечерни по начертанію *Постановленій апостольскихъ* *). Но въ другомъ мѣстѣ **) авторъ ихъ упоминаетъ еще о славословіи, которое называетъ *вечернею молитвою* (*προσευχη εσπερινη*). Подобное ему онъ же приводитъ, излагая составъ утрени. Вотъ это славословіе: „хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господа. Хвалимъ Тебя, благословляемъ Тебя, великой ради славы Твоей. Господи Царю, Отче Христа, Агнца непорочнаго, вземлющаго грѣхъ міра, Тебѣ подобаетъ хвала, Тебѣ подобаетъ пѣніе, Тебѣ слава подобаетъ Богу и Отцу, чрезъ Сына во Всесвятомъ Духѣ, во вѣки вѣковъ. Аминь“. Кто не видитъ, что этому славословію соотвѣтствуетъ наше *Сподоби Господи*, которое заключается тѣмъ же словами, какъ и то? — Вслѣдъ за вечернимъ славословіемъ въ томъ же мѣстѣ *Постановленій апостольскихъ* приводится пѣснь Симеона Богопріимца: „Нынѣ отпускаеши“, составляющая заключеніе вечерни и въ теперешнемъ ея составѣ.

Входящая въ составъ вечерни пѣснь ко Христу, Сыну Божію: *Свѣте тихій*, хотя не упоминается въ Постановленіяхъ апостольскихъ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ вечернихъ пѣснопѣній. Въ нашихъ церковно-сла-

*) Lib. VIII. с. 25. 26. 27. **) Lib. XIV. с. 5.

вянскихъ часословахъ она называется твореніемъ Софронія, іерусалимскаго патріарха, жившаго въ VII вѣкѣ. Это неточность. По изслѣдованію автора „Историческаго обзора пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой Церкви“, Филарета, епископа черниговскаго (стр. 56. 57), открывается, что пѣснь *Свѣте тихій* встрѣчается въ спискѣ Библии 70-ти толковниковъ IV вѣка. Софроній могъ только распространить ея употребленіе. Св. Василій великій, отецъ IV вѣка, рассуждая о божествѣ Св. Духа и равенствіи Его съ Отцемъ и Сыномъ, говоритъ: „отцы наши не хотѣли принимать въ молчаніи благодать вечерняго свѣта, но тотчасъ, какъ онъ наступалъ, приносили благодареніе. Хотя мы не можемъ утвердительно сказать, кто былъ творцемъ тѣхъ хваленій, которыя читаемъ во время свѣтильничныхъ молитвъ, впрочемъ народъ повторяетъ древній голосъ и никому не представлялось еще, что хулу произносятъ, когда говорятъ: „поемъ Отца, Сына и Св. Духа“. Ясно, что св. Василій имѣетъ въ виду вечернюю пѣснь: *Свѣте тихій*, которая, какъ всякому извѣстно, заключается тѣмъ же словами. Далѣе Василій говоритъ: „еслибы кто зналъ и гимнъ Аѣиногена (епископа севастійскаго, замученнаго при Діоклетіанѣ), который онъ, поспѣшая уже къ высшему дѣйствию, какое совершается чрезъ огонь, оставилъ предстоящимъ, какъ сладкое привѣтствіе, тотъ узналъ бы и мысль мученика о Духѣ“. На основаніи этихъ словъ св. Василія, Маркъ Ефесскій (XV в.) и греческіе часословы пѣснь: *Свѣте тихій* признаютъ твореніемъ Аѣиногена, по напрасно. Василій отличаетъ гимнъ Аѣиногена отъ вечерней пѣсни, и говоритъ о ней, что ея неизвѣстно кто составилъ. Во всякомъ случаѣ употребленіе ея древнѣе IV вѣка.

Преподобный Кассіанъ, писатель V вѣка, описывая богослуженіе египетскихъ монаховъ, говоритъ, что они ежедневно пѣли 12 псалмовъ въ утреннихъ и вечернихъ собраніяхъ, и слушали два чтенія, одно изъ Ветхаго, другое изъ Новаго Завѣта,—что 12 псалмовъ пѣваемы были не безъ

перерыва, а въ перемежку съ молитвами (разумѣются молитвы священническія и краткія ектеніи діаконскія), и что пѣніе псалмовъ заключаемо было словами: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Тоже свидѣтельствуешь о египетскихъ монахахъ Блаженный Иеронимъ, присовокупляя, что настоятели египетскихъ монастырей ежедневно послѣ вечернихъ молитвъ предлагали братіи поученіе. Объ умноженіи въ V вѣкѣ пѣснопѣній собственно церковныхъ, не изъ Св. Писанія заимствованныхъ, а составленныхъ церковными пѣснописцами, свидѣтельствуешь то, что соборъ толедскій IV-й (въ Испаніи V в.) вопреки тѣмъ, которые почитали непозволительнымъ пѣніе при богослуженіи новосоставленныхъ гимновъ во славу Бога, апостоловъ и мучениковъ, постановилъ удержатъ эти гимны наряду съ славословіемъ: *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу*; иначе, говорили отцы собора, пришлось бы исключить изъ употребленія и это древнее славословіе, какъ не заимствованное изъ Св. Писанія. Соборъ даже грозитъ оглученіемъ тѣмъ, которые несогласны съ его объ этомъ постановленіемъ.—Молитва Господня: *Отче нашъ*, издревле входила въ составъ каждой церковной службы, слѣдственно и вечерней *).

Итакъ древній составъ вечерни, съ III до V вѣка, является, довольно сходнымъ съ составомъ вечерни нашего времени. Въ той и другой мы видимъ псаломъ — *Господи воззвахъ*, — *Съте тихій*, — *Нынѣ отпущаеши*, — ектеніи, — молитвы священника, — *Отче нашъ*, — славословіе Св. Троицѣ. Въ V вѣкѣ кромѣ упомянутаго свѣтильничнаго псалма въ составъ вечерни вошли другіе псалмы, — какіе, неизвѣстно, но употребленіе ихъ въ соединеніи съ молитвами и съ краткими славословіями Св. Троицѣ не похоже ли на обыкновенное у насъ чтеніе вечернихъ канонизмъ, прерываемое такъ называемыми *славками* и кратки-

*) См. всѣ эти указанія у Блингама: *Antiquitates ecclesiasticae*, Lib. XIII. c. XI.

ми ектеніями, соединяемыми иногда (на всернихъ въ литургіи преждеосвященныхъ Даровъ) съ тайными молитвами священника. Нѣчто подобное стихирамъ и тропарямъ въ нашей вечернѣ представляютъ церковныя пѣснопѣнія, употреблявшіяся въ V вѣкѣ. Главная разница нашей вечерни отъ древняго чина—та, что изъ пей исключены моленія объ оглашенныхъ, бѣсноватыхъ и кающихся. Это исключеніе, какъ сейчасъ увидимъ, произошло въ позднее время.

Слѣдя дальнѣйшую исторію чина вечерни, укажемъ на 4 рукописныхъ списка вечерни, на которые ссылается въ своихъ примѣчаніяхъ на греческій чинъ вечерни, издатель греческаго Евхологія Гоаръ, и изъ которыхъ онъ приводитъ выписки. Въ одномъ изъ этихъ списковъ, Барберинскомъ, относимомъ къ VIII вѣку, встрѣчаются тѣже, съ незначительными разностями въ текстѣ, семь свѣтильничныхъ молитвъ, какія и тепе— священникъ читаетъ въ началѣ вечерни предъ царск—и вратами, и озаглавливаются: *молитва вечерняя 1-я, молитва вечерняя 2-я*, и т. д. По въ остальныхъ трехъ спискахъ, относимыхъ къ XII вѣку, каждая изъ этихъ свѣтильничныхъ молитвъ называется по антифонамъ: „молитва антифона первая“, „молитва антифона вторая“ и д. Это значитъ, что эти молитвы читаемы были священникомъ не непрерывно, сподрядъ, какъ нынѣ, а каждая изъ нихъ предворяема была антифоннымъ, по клиросамъ, пѣніемъ или чтеніемъ псалмовъ. Слѣды этого порядка сохранились доселѣ, какъ мы уже замѣтили, только въ вечернѣ, когда она соединяется съ литургіею преждеосвященныхъ Даровъ, ибо въ такомъ случаѣ, соотвѣтственно съ тремя псаломскими антифонами, свѣтильничныя молитвы надписываются: *молитва антифона 1-го, 2-го, 3-го.*—Послѣ помянутыхъ семи свѣтильничныхъ молитвъ съ ихъ антифонами, слѣдовало пѣніе *Господи воззваеъ*, затѣмъ прокимны и сугубая ектенія. Остальная часть вечерни, по тексту приводимыхъ Гоаромъ упомянутыхъ 4-хъ списковъ вечерни, представляла нѣко-

торое подобіе литургіи оглашенныхъ въ томъ видѣ, какъ она по уставу должна быть совершаема вседневно *). Во вседневной литургіи, какъ извѣстно, послѣ великой ектеніи, полагаются три антифона. Первый состоитъ изъ стиховъ 91-го псалма (*Благо есть исповѣдаться Господеву*), второй изъ стиховъ 92-го псалма (*Господь воцарися*), третій изъ стиховъ 94-го псалма (*приидите возрадуемся Господеву*). Пѣніе стиховъ 1-го антифона сопровождается припѣвомъ: „молитвами Богородицы, Спасе, спаси насъ“. За каждымъ стихомъ 2-го антифона слѣдуетъ припѣвъ: „молитвами святыхъ Твоихъ, Спасе, спаси насъ“, и въ заключеніе пѣснь: „Единородный Сыне“. Послѣ третьяго антифона поется Трисвятое. Столько же антифоновъ полагалось на вечернѣ въ заключительной ея части, и при нихъ тѣже припѣвы, таже пѣснь: *Единородный Сыне*, и тоже Трисвятое. Кромѣ того, какъ въ литургіи каждый антифонъ сопровождается тайною молитвою священника, такъ и на вечернѣ за каждымъ изъ трехъ антифоновъ слѣдовали молитвы, тѣ самыя, которыя нынѣ читаются на вечернѣ въ день пятидесятницы, именно за первымъ антифономъ: „Благословенъ еси Господи, Владыко Вседержителю, просвѣтивый день свѣтомъ солнечнымъ“; за вторымъ антифономъ: „Господи, Господи, избавлей насъ отъ всякія стрѣлы лежащія во дни“; за третьимъ антифономъ предъ Трисвятымъ: „Боже великій, сподобивый насъ въ сей часъ стати предъ неприступною Твоею славою“. За тремя антифонами и относящимися къ нимъ молитвами слѣдовали на вечернѣ молитвы и ектеніи объ оглашенныхъ. Но молитвы о обрѣснотыхъ и о кающихся уже не читаются въ приводимыхъ Гоаромъ спискахъ вечерни. Далѣе слѣдовали двѣ молитвы вѣрныхъ, молитва отпускная и наконецъ главопреклонная. Въ *Описаніи* относящихся къ богослуженію рукописей синодал-

*) На это мы указывали въ нашей книгѣ: „Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василія Великаго, 2-е изданіе, стр. 33“.

ной библиотеки покойнаго К. Невоструева разбирается требникъ конца XIV вѣка (№ 371, стр. 138. 139). И въ этомъ требникѣ встрѣчается чинъ вечерни съ тѣмъ же самымъ составомъ послѣ прокимна, какъ у Гоара. У Симеона Солунскаго (XV в.) въ его „Разговорѣ о священнодѣйствіяхъ и таинствахъ церковныхъ“ (переводъ при Христ. Чт. 1858 г. стр. 472), описанъ чинъ вечерни подъ именемъ *тѣсненнаго послѣдованія* (*ασπληκτικὴ ἀκολουθία*), довольно сходный съ вышеозначеннымъ изложеніемъ у Гоара вечерни начиная съ свѣтильныхъ молитвъ. Пѣсеннымъ послѣдованіемъ этотъ чинъ называется потому, что вся вечерня, за исключеніемъ священническихъ молитвъ и ектеній, была распѣваема, и ничего не читалось. Симеонъ Солунскій говоритъ, что это послѣдованіе, идущее съ древнихъ временъ, въ его время только по мѣстамъ соблюдалось и то въ сокращенномъ видѣ. Общепринятый во время Симеона Солунскаго чинъ вечерни, какъ видно изъ его толкованія на нее, былъ тотъ самый, который употребляется нынѣ у Грековъ и у насъ.

Сущестующій, принятый у Грековъ и у насъ чинъ вечерни представляетъ слѣдующій видъ: послѣ обычныхъ свойственныхъ каждой церковной службѣ начальнаго возгласа священническаго и начальныхъ молитвъ „Царю небесный и Трисвятое“—предначинательный 103-й псаломъ, великая ектенія, каензма, *Господи воззвахъ* и стихиры, *Свѣтити хій*, прокимень, *Сподоби Господи*, просительная ектенія, стиховны, *Нынѣ отпуцаеши*, тропари, сугубая ектенія и отпущь. Этотъ составъ вечерни во дни воскресные, праздничные и великопостные нѣсколько видоизмѣняется и дополняется нѣкоторыми особенностями, какъ это увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Таковъ составъ вечерни по принятому чину. Спрашивается: нужно ли желать дальнѣйшаго движенія въ образованіи чина вечерни? Нужно ли желать измѣненій, сокращеній, или дополненій? По нашему убѣжденію, не нужно. Недовольство принятымъ порядкомъ богослуженія, же-

ланіе перемѣнъ въ немъ, происходитъ отъ того, что мы не довольно умѣемъ цѣнить принятый порядокъ. Это, можно сказать, наша національная слабость: мы не дорожимъ тѣмъ, что имѣемъ, даже готовы промѣнять свое на чужое. Положимъ на примѣръ, что продолжающееся нынѣ старокатолическое движеніе кончится тѣмъ, что старокатолики примкнутъ къ нашей Церкви съ принятіемъ православнаго вѣроученія, но съ удержаніемъ своего богослуженія. Что мудренаго, если это послѣднее обстоятельство неблагопріятно отзовется на судьбѣ православнаго богослуженія? Что мудренаго, если многіе изъ православныхъ, наскучивъ своими церковными службами, перестанутъ ходить въ православные храмы и предпочтутъ имъ старокатолическіе костелы? У насъ нѣтъ ни органовъ, ни опернаго пѣнія, ни театральныхъ пріемовъ въ совершителяхъ богослуженія, и скамеекъ для сидѣнія, а тамъ все это есть. Но какъ ни привлекательны эти особенности католическаго богослуженія, онѣ никого не могли бы увлечь, еслибы всѣ знали цѣну своему православному богослуженію. Недовольство имъ происходитъ именно оттого, что наше общество не ознакомилось съ нимъ, какъ слѣдуетъ, не ознакомилось съ смысломъ его. Такимъ образомъ уже для того одного, чтобы безъ причины не пренебрегать своимъ, роднымъ богослуженіемъ, стоить дать себѣ трудъ изучить его, войти въ разумѣніе всего, что входитъ въ составъ его. Но это цѣль теоретическая, гораздо важнѣе практическая. Хорошенько ознакомиться покрайней мѣрѣ съ ближайшимъ смысломъ церковныхъ службъ, нужно главнымъ образомъ для того, чтобы съ пользою для души участвовать въ нихъ. Это всякому понятная истина. Всякому понятно, что чѣмъ вразумительнѣе для меня та или другая церковная служба, чѣмъ яснѣе для меня ея смыслъ въ цѣломъ и въ частяхъ, тѣмъ спасительнѣе для меня участіе въ ней. Отъ непониманія, или отъ крайне недостаточнаго пониманія того, что совершается въ той или другой церковной службѣ, происходитъ разсѣянность

при богослуженіи, скучаніе службою, какъ бы она ни была коротка, наконецъ непохвальный обычай многихъ благочестивыхъ людей, при богослуженіи, независимо отъ всего, что въ немъ совершается, молиться по своему, тогда какъ задача общественнаго богослуженія—въ томъ, чтобы всѣ единымъ сердцемъ и едиными устами славили Бога. Церковное общеніе состоитъ отнюдь не въ томъ, чтобы только въ храмѣ стоять рядомъ съ сосѣдомъ. Для этого совсѣмъ и не нужно собираться въ церковь. Нельзя же думать, что богослуженіе можетъ быть полезно для насъ само по себѣ, независимо отъ душевнаго участія въ немъ. Богослуженіе совершается не для стѣнъ, а для людей, и было бы крайне дико думать, будто спасительная сила церковныхъ молитвъ, пѣснопѣній, чтеній, заключалась въ самыхъ звукахъ, въ дѣйстви ихъ на органъ слуха, хотя бы эти звуки были чужды моему разумѣнію и моему чувству. Нѣтъ, степень дѣйствія ихъ на душу зависитъ отъ степени усвоенія ихъ умомъ и сердцемъ. Разумѣніе смысла православныхъ церковныхъ службъ нужно еще для того, чтобы видѣть, какъ онѣ поучительны. Не только чтенія, но также молитвы и пѣснопѣнія представляютъ необычайное богатство истинъ догматическихъ и нравственныхъ. Это, можно сказать, живое догматическое и нравоучительное богословіе.

Приступая къ объясненію принятаго чина вечерни, обратимъ вниманіе, въ настоящемъ чтеніи, на неизмѣняемыя, одинаковыя въ будни и въ праздники, части ея.

1) Въ ряду неизмѣняемыхъ частей вечерни, первое мѣсто занимаетъ 103-й псаломъ: *Благослови душе моя Господа*. Въ чинѣ вечерни онъ именуется *предначинательнымъ* или по отношенію къ слѣдующимъ за нимъ псалмамъ и прочимъ частямъ собственно вечерни, или по отношенію ко всѣмъ суточнымъ службамъ, такъ какъ вечерня есть первая въ ряду службъ, а 103-й псаломъ есть первый, начальный псаломъ вечерни.

Въ предначинательномъ псалмѣ содержится торжествен-

ное славословіе Богу, Творцу и Промыслителю міра и человѣка, воспѣваются чудеса премудрости, благодати и всемогущества Божія, открывающіяся въ природѣ видимой и въ жизни человѣческой. Спрашивается: почему этотъ псаломъ усвоенъ вечернѣ? Не потому ли, что здѣсь встрѣчаются выраженія относящіяся къ вечеру: „солнце позна западъ свой. Положилъ еси тму и бысть ночь“ (ст. 19. 20)? Отчасти и потому, хотя подобныя выраженія встрѣчаются и въ другихъ псалмахъ. Но преимущественно содержаніемъ 103-го псалма объясняется, почему онъ приуроченъ къ вечернему богослуженію. Псаломъ прославляетъ дѣла Божіи въ видимой природѣ. Но время вечера представляетъ болѣе удобствъ для благоговѣйнаго размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы, чѣмъ продолженіе дня съ утра до вечера. Время дня, начиная съ утра, есть время собственно труда и всякой честной дѣятельности, особенно общественной и хозяйственной. Съ наступленіемъ дня „человѣкъ исходитъ на дѣло свое и на работу свою до вечера“ (ст. 22). Человѣку, занятому дѣломъ службы, работы, и другимъ срочнымъ какимъ-нибудь дѣломъ, не до того, чтобы улаждать себя созерцаніемъ красотъ природы. Вотъ почему въ началѣ утрени, освящающей начало дня, Церковь положила псалмы и пѣснопѣнія, которые относятся собственно къ общественной жизни и дѣятельности. Словами молитвы псалмовъ (19 и 20-го) о царѣ: „услышитъ тя Господь въ день печали,“...и „Господи силою Твоею возвеселится царь,“ и д. и потомъ словами церковной пѣсни о царѣ же: „Спаси Господи люди Твоя“, — Церковь въ началѣ утрени руководствуетъ насъ молиться о царѣ, такъ какъ царь стоитъ во главѣ общественной жизни и дѣятельности, своимъ попеченіемъ о подданныхъ охраняетъ свободу всякаго честнаго труда и споспѣшествуетъ успѣху труда.—Вечеръ есть время отдыха отъ трудовъ дневныхъ, и въ чемъ лучше провести это время, какъ не въ благочестивомъ созерцаніи дѣлъ Божіихъ въ видимой природѣ? На чемъ

лучше, послѣ житейской суеты, отдохнуть душою, какъ не на величественномъ зрѣлищѣ твореній Божіихъ? Ибо вообще природа производитъ успокоивающее дѣйствіе на душу, особенно при благоговѣйномъ воззрѣніи на нее. Замѣтимъ впрочемъ, что руководствомъ къ благоговѣйному созерцанію природы служить не одинъ 103-й псаломъ. Псалмовъ подобнаго характера не мало. Напримѣръ: псаломъ 8-й: „Господи, Господь нашъ! Яко чудно имя Твое по всей земли“, и 18-й: „Небеса повѣдаютъ славу Божию“, — изображаютъ величіе Божіе, открывающееся преимущественно на небесахъ, въ небесныхъ свѣтилахъ. Псаломъ 64-й: „Тебѣ подобаетъ пѣснь Боже въ Сіонѣ“, воспѣваетъ благость Божию, открывающуюся въ плодородіи полей, въ тучности луговъ, въ обилии цвѣтовъ. Въ псалмѣ 28: „принесите Господени, сынове Божіи, славу и честь“, описывается подъ именемъ гласа Божія громъ и буря, колеблющія землю, сокрушающія кедры и т. д. Намъ кажется, что 103-й псаломъ предпочтительно предъ другими подобными ему по содержанию псалмами избранъ для вечерни потому, что дѣла Божіи въ царствѣ природы ни въ одномъ изъ нихъ не изображаются съ такою полнотою и картинностію, какъ въ 103-мъ псалмѣ, и еще потому, что въ этомъ псалмѣ описываются дни мірозданія, а начало каждаго изъ нихъ совпадаетъ, какъ мы уже замѣчали, съ вечеромъ.

Прослѣдимъ теперь содержаніе 103-го псалма. Богодуховенный пѣвецъ, пророкъ Давидъ, обозрѣваетъ въ семь псалмѣ твореніе міра въ порядкѣ, близкомъ къ повѣствованію Моисееву (Быт. 1, 3—31), и разнится отъ Моисея только обиліемъ образовъ и картинъ, въ которыхъ изображаетъ славу Творца и Промыслителя.

У Моисея о твореніи *перваго* дня сказано: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ* (ст. 3). А у псалмопѣвца: *Ты облекся свѣтомъ, какъ ризою* (— 2).

Въ соотвѣтствіе тому, что говоритъ Моисей о сотвореніи, во *второй* день, тверди или видимаго неба (6, 8),

псалмопѣвецъ воспѣваетъ Творца, для Котораго небеса служатъ шатромъ, облака воздушныя—колесницею, вѣтры—крыліями, также быстроходными и послушными слову Его, какъ ангелы—безилотныя слуги Его (2, 4).

Въ *третій* день творенія, по описанію Моисея, окончательно образовалась земная планета: покрывавшія ее воды сосредоточились въ опредѣленныхъ вмѣстилищахъ, показались разнообразныя растенія (9—13). Въ соотвѣтствующемъ сему изображеніи псалмопѣвца, Богъ является всемогущимъ Строителемъ, Который утвердилъ землю на основаніяхъ ея, то-есть на собственной ея тяжести, какъ на твердомъ основаніи, на которомъ она не поколеблется (5). Прежде чѣмъ явилась она въ настоящемъ видѣ, она была покрыта бездною, какъ одѣяніемъ, такъ что изъ-за водъ не видны были самыя возвышенныя ея части—горы (6). Но вотъ по слову Господню земля осушается: *воды отъ грознаго веленія Божія блгутъ, отъ громоваго гласа стремятся* въ указанныя для нихъ вмѣстилища (7). Обнажаются не только горы, но и долины (8). Въ моряхъ сосредоточенныя воды ограждены берегами, изъ которыхъ уже не выступаютъ и не возвращаются покрыть землю (9). Впрочемъ свободная отъ наводненій суша орошается источниками и рѣками (10). Въ самыхъ песчаныхъ пустыняхъ, гдѣ обитаютъ дикіе ослы, есть вода для утоленія жажды этихъ животныхъ (11). У береговъ рѣкъ любятъ обитать птицы небесныя, голосъ ихъ раздается сквозь вѣтви деревьевъ, растущихъ на влажной почвѣ (12). Горы, гдѣ не можетъ быть рѣчной воды, и самыя поля имѣющія недостатокъ въ ней, по благодати Божіей, орошаются водою дождевою изъ облаковъ (13). Говоря далѣе объ украшеніи новосозданной земли разнообразными растеніями, псалмопѣвецъ благоговѣнно исповѣдуетъ непрерывно продолжающееся дѣйствіе творческой всемогущей силы въ поддержаніи растительной жизни. *Ты одинъ Господи, произращаешь траву для скота и зелень на пользу человеку.* Правда, человекъ употребляетъ и собственные усилія для

разведенія и обработки хлѣбныхъ и виноградныхъ растений, однихъ для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ, другихъ для услажденія вкуса (вино веселитъ сердце человѣка), но ни тѣ, ни другія безъ содѣйствія Божія, не могутъ возрастать и приносить плоды (14. 15). Еще очевидно обнаруживается это содѣйствіе въ растеніяхъ дикихъ, или въ деревьяхъ Божіихъ, каковы величественные кедры ливанскіе, возрастаніе и плодовитость которыхъ совершенно не зависитъ отъ трудовъ человѣческихъ, а отъ единого Бога, ихъ насаждающаго и насыщающаго (16). На вершинахъ кедровъ свиваютъ гнѣзда птицы небесныя, на еляхъ жилище аиста, также удобное, какъ удобны для обитанія кроликамъ и сернамъ высокія горы и каменные утесы (17—18).

Далѣе слѣдуетъ изображеніе *четвертаго* дня творенія. Псалмопѣвецъ изумляется премудрости Творца свѣтилъ небесныхъ, по распоряженію Котораго ночь, освѣщаемая луною, служитъ временемъ дѣятельности для дикихъ и хищныхъ животныхъ, а наступленіе дня, съ восходомъ солнца, вызываетъ къ дѣятельности человѣка,—и человѣкъ спокойно работаетъ до вечера, не боясь нападенія звѣрей, укрывающихся на день въ своихъ логовищахъ (19—21).

Вслѣдъ за симъ псалмопѣвецъ переходитъ къ обитателямъ водной стихіи, сотвореннымъ въ *пятый* день. Не для однихъ впрочемъ гадовъ и рыбъ огромныхъ и малыхъ сотворено это великое и обширное море; предприимчивость человѣка сдѣлала его владыкою и на моряхъ, по которымъ онъ свободно плаваетъ на своихъ корабляхъ, не боясь морскихъ чудовищъ, играющихъ въ бурной стихіи (25—26).

Въ остальныхъ стихахъ, псалмопѣвецъ, пропуская въ отдѣльности шестой день творенія, останавливается на мысли, что сотворенныя существа и въ продолженіи своего бытія зависятъ отъ Бога. Всѣ они отъ Него одного ожидаютъ нищу, для поддержанія своей жизни, въ опредѣленное время. Даетъ имъ, пріемлютъ; отвергаетъ щедрую руку Свою, даруя землѣ плодородіе,—насыщаются благомъ.

Но лишь сокроетъ Онъ лице свое, т.-е. отвратитъ отъ нихъ Свое благоволеніе, *смущаются; отниметъ отъ нихъ Духъ свой*, т.-е. Свою божественную силу, все животворящую и поддерживающую, пошлетъ голодъ и язву,—они *умираютъ и въ прахъ свой возвращаются* (27—29). Умираютъ впрочемъ одни недѣлимья, но роды и виды тварей никогда не прекращаются. Пошлетъ снова Господь всезидущую силу Свою, и на мѣстѣ вымершихъ тварей являются новыя, и такимъ образомъ смѣною недѣлимыхъ, лице, т.-е. поверхность земли обновляется (30—31). *Да будетъ Господу слава во вѣки, да веселится Онъ о дѣлахъ* своего промысленія, какъ Онъ веселится, когда по окончаніи творенія все сотворенное одобрилъ, призналъ соотвѣтствующимъ своимъ премудрымъ цѣлямъ. Но сколько животворна для міра радость Господа, столько страшно Его негодованіе. Земля трепещетъ и горы дымятся, когда Онъ взглянетъ на нихъ взоромъ негодованія,—разумѣются землетрясенія (32—33). Въ заключеніе псалмопѣвецъ даетъ обѣтъ предъ Богомъ всю жизнь воспѣвать славу Его, какъ Творца и Промыслителя, и выражаетъ желаніе, чтобы нечестивые, не признающіе сей славы, столь явной для всѣхъ, исчезли съ лица земли (34—35).

Какъ поучительны и успокоительны для вѣрующаго и вмѣстѣ размышляющаго истины, содержащіяся въ разсмотрѣнномъ псалмѣ! По воззрѣнію псалмопѣвца, міръ и по происхожденію и по продолженію своего бытія зависятъ отъ Бога; Богъ—не только виновникъ благотворныхъ явленій въ природѣ и въ жизни человѣка, но вмѣстѣ попускаетъ или Самъ насмываетъ бѣдствія, такъ что силы природы служатъ въ этомъ случаѣ послушными орудіями воли Творца и Промыслителя міра и человѣка. Воззрѣніе—не дружное съ тѣмъ ученіемъ, которое отрицаетъ всякое участіе Бога въ судьбѣ міра и человѣка, между прочимъ потому, что такое участіе было бы будто недостойно Бога, что многія явленія въ мірѣ, еслибы зависѣли отъ Него и направляемы были Его волею, не со-

гласны были бы съ Его премудростію, благостію и правосудіемъ. Возьмемъ примѣръ, говорятъ, землетрясеніе. По слову псалмопѣвца, земля трясется отъ гнѣвнаго на нее взора Божія. Но отъ землетрясенія, говорятъ, погибаютъ не одни нечестивые, заслужившіе гнѣвъ Божій, но также благочестивые и невинные, даже младенцы, и внезапностію землетрясенія отнимается время покаянія для грѣшниковъ. Скорѣе, говорятъ, можно допустить, что совсѣмъ нѣтъ Бога, чѣмъ примирить съ Его правосудіемъ и благостію такія возмутительныя для нравственнаго чувства явленія; или если и есть Богъ, то отношеніе Его къ міру ограничивается только сотвореніемъ міра, и по сотвореніи Онъ совсѣмъ отступился отъ міра, предоставивъ дѣйствовать въ немъ однимъ слѣпымъ стихійнымъ силамъ. Въ 1755 году разрушенъ землетрясеніемъ Лиссабонъ. Волтеръ, по своимъ убѣжденіямъ деистъ, написалъ по этому случаю стихотвореніе, въ которомъ съ свойственною ему дерзостію глумился надъ вѣрою въ премудрое, всеблагое и правосудное промышленіе Божіе о мірѣ, находя несогласною съ этою вѣрою гибель множества людей. Къ сожалѣнію, подобныя нечестивыя воззрѣнія находятъ отголосокъ и въ наше время. Мы не беремся быть адвокатами Господа Бога, — да Онъ и не пуждается въ нашихъ услугахъ въ этомъ отношеніи. Но, право, не трудно быть адвокатомъ здраваго смысла, просвѣщеннаго христіанскимъ ученіемъ и подъ руководствомъ его устранить поманутыя мнимыя несообразности, на которыя съ торжествомъ указываютъ деисты и другіе подобные мыслители. Съ христіанской точки зрѣнія, для невинныхъ погибающихъ внезапно отъ землетрясенія или отъ другаго бѣдствія, нѣтъ никакого зла. Они переходятъ въ лучшую жизнь, гдѣ не будутъ жалѣть, что разстались съ настоящею. У грѣшниковъ, даже самыхъ тяжкихъ, застигнутыхъ бѣдствіемъ отъ землетрясенія или другимъ подобнымъ, совсѣмъ не отнимается время для покаянія, потому что, какъ показываетъ примѣръ разбойника, покаявшаго-

ся на крестѣ предъ лицомъ неминущей смерти, покаяніе можетъ быть принесено въ короткое время передъ смертію. Безпечность, съ какою люди всю жизнь предаются грѣху, вдругъ можетъ разсѣяться предъ опасностію внезапной смерти и смѣниться сокрушеннымъ воплемъ: „спаси Господи, погибаемъ“. Вотъ и современники Ноя, несмотря на двадцатилѣтнюю проповѣдь его о покаяніи, сопровождавшуюся угрозою потопа, жили крайне безпечно и надъ угрозою только смѣялись. Но можно ли сказать, что всѣ они обречены на вѣчную погибель, когда поглощены были потопомъ? Вѣчно погибли только нераскаянные, другіе же успѣли покаяніемъ избавиться отъ погибели. Ихъ безпечность, ихъ противленіе долготерпѣнію Божію продолжалось только до наступленія потопа. Когда же пришелъ потопъ, они убѣдились, что напрасно не вѣрили Ню, угрожавшему имъ потопомъ,—и положили начало покаянію. За свои неправды они пострадали въ адѣ, но за раскаяніе удостоились услышать проповѣдь Спасителя, когда Онъ сошелъ въ адъ. Ибо ап. Петръ ясно сказалъ, что Христосъ, сошедши въ адскую темницу, проповѣдалъ Евангеліе даже тѣмъ душамъ, которыя нѣкогда непокорны были ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію во дни Ноя (1 Петр. 3, 18. 19. 20), и безъ сомнѣнія съ радостію приняли эту проповѣдь, какъ вѣсть о своемъ освобожденіи. Подобно сему могли спастись отъ вѣчной гибели грѣшники, сдѣлавшіеся жертвой лиссабонскаго землетрясенія: они могли положить начало покаянію предъ лицомъ этого бѣдствія.

2) Чтеніе 103 псалма въ началѣ вечерни служитъ выраженіемъ свойственнаго вечеру славословія Богу Творцу и Промыслителю вселенной. Но вечеръ пробуждаетъ въ душѣ человѣка не одно радостное чувство славословія Богу, а вмѣстѣ и скорбь при воспоминаніи о грѣхахъ, допущенныхъ нами въ теченіи дня, при воспоминаніи о житейскихъ невзгодахъ и непріятныхъ столкновеніяхъ съ людьми, испытанныхъ въ теченіи дня и испытываемыхъ

иногда ежедневно. Каждый изъ насъ, приближаясь къ времени ночи, естественно долженъ позаботиться о томъ, чтобы всѣ такія воспоминанія не возмутили его ночнаго покоя, и если въ душѣ его не погасла искра благочестія, ему естественно излить предъ Господомъ свои скорби о грѣхахъ, о претерпѣваемыхъ имъ бѣдахъ и напастяхъ,—повѣдать предъ Нимъ печаль свою и вмѣстѣ, въ надеждѣ на Его милосердіе, прибѣгнуть къ Нему съ мольбою о прощеніи грѣховъ, о дарованіи намъ благодатной помощи для борьбы съ грѣховными искушеніями, для благодушнаго перенесенія бѣдъ и напастей, объ избавленіи отъ нихъ на будущее время. И вотъ св. Церковь въ своемъ вечернемъ богослуженіи идетъ навстрѣчу этой потребности: голосъ скорби о грѣхахъ и внѣшнихъ бѣдствіяхъ и вмѣстѣ упованія на милосердіе Божіе слышится въ вечернемъ пѣніи: *Господи воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя*,—т.-е. въ псалмахъ 140, 141, 129 и 116.

140-й псаломъ, какъ мы уже видѣли, издревле входитъ въ составъ вечерни. Онъ написанъ Давидомъ во время скитанія его въ пустынѣ, гдѣ онъ скрывался отъ преслѣдованій Саула. Это видно изъ словъ 6-го стиха: „вожди ихъ разсѣялись по утесамъ, и слышали слова мои, какъ они кротки“ (Слич. 1 Цар. 24, 15). Намекъ на то, что Давидъ не воспользовался случаемъ убить своего врага Саула въ одной пещерѣ, куда Саулъ уклонился однажды, не подозрѣвая присутствія въ ней Давида. Давидъ не коснулся помазанника Божія и въ знакъ того, что Саулъ былъ въ рукахъ его, отрѣзалъ у него кусокъ плаща, и потомъ вышелъ изъ пещеры вслѣдъ за Сауломъ и показалъ ему и его спутникамъ отрѣзанный кусокъ, говоря, что напрасно Саул гнѣвается на него и подозрѣваетъ во враждебныхъ противъ него умыслахъ. Эти-то *кроткія слова*, которыя слышали изъ устъ Давида враги его, гонявшіеся за нимъ, словно за дичью, по утесамъ пустыни,—и разумѣются въ приведенномъ стихѣ псалма. Случай къ написанію псалма

необходимо имѣть въ виду для объясненія, какъ увидимъ, нѣкоторыхъ выраженій его.

Ст. 1. *Господи воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя. Возми гласу моленія моего, внемди воззваніи ми къ Тебѣ.* Положеніе, въ которомъ находился Давидъ, преслѣдуемый врагами, искавшими души его, было такъ тяжело, такъ безвыходно, что онъ, словно утопающій, не тихо и спокойно умоляетъ Господа о заступленіи и помощи, а изъ всѣхъ силъ взываетъ, кричитъ Ему о ней, научая и насъ съ подобною настойчивостію и рвеніемъ искать у Бога помощи въ грѣховныхъ искушеніяхъ и въ напастяхъ.

Ст. 2. *Ди исправится молитва моя, яко кадила предъ Тобою, воздѣланіе руку моею жертва вечерняя.*—Давидъ проситъ Господа, чтобы молитва его, возносимая къ Нему изъ пустыни, вдали отъ мѣста общественнаго богослуженія, *исправила*сь предъ Господомъ, т.-е. прямо вознеслась къ престолу Его, и принята была Имъ съ такимъ же благоволеніемъ, съ какимъ Онъ принялъ бы отъ него въ Скинии безкровную жертву кадила, или куреніе ошимама; проситъ Господа, чтобы молитвенное воздѣланіе къ Нему рукъ его было также угодно Ему, какъ угодно была бы жертва вечерняя изъ годовалаго непорочнаго агнца, если бы онъ могъ принести ее (Исх. 22, 38. 39; 30, 7, 8). Ты видишь, Господи, говоритъ Давидъ, что я не могу принять участія въ общественномъ богослуженіи, хотя всею душею стремлюсь ко храму святому Твоему; видишь, что не могу приносить Тебѣ ни безкровнаго дара, ни кровавой жертвы вечерней. Но видишь вмѣстѣ, какъ пламенная моя молитва къ Тебѣ, какъ твердо уповаю на Тебя, воздѣвая къ Тебѣ руки, какъ протягиваетъ руки къ матери ребенокъ, ищущій укрыться въ ея объятіяхъ. Воззри на эту молитву, какъ на ошимама,—на это упованіе, какъ на жертву агнца, приносимую вечеромъ.

Къ обоимъ стихамъ для церковнаго пѣнія прибавлены слова: *услыши мя Господи*, хотя въ самомъ текстѣ псалма этого прибавленія нѣтъ.

Ст. 3. *Положи Господи хранение устемъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ моихъ.* Людямъ находящимся въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, какъ я, свойственно предаваться малодушію, роптать на людей и на Тебя, Господи. Охрани меня, Господи, отъ этого искушенія, удержи мой языкъ отъ словъ малодушія и ропота.

Ст. 4. *Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, нещевати вины о грѣсѣхъ.* Спутники гонимаго Давида убѣждали его воспользоваться представившимся въ пещерѣ случаемъ убить Саула, какъ будто въ этомъ не было грѣха, утверждая, что самъ Господь передаетъ въ руки Давиду врага его (1 Цар. 24, 5). Давидъ не послушался этихъ внушеній. Онъ не далъ увлечь себя тѣми соображеніями для оправданія грѣха, какія казались уважительными его спутникамъ. Но Давидъ не ручается, чтобы и на будущее время онъ недоступенъ былъ подобному искушенію. Поэтому умоляетъ Господа укрѣпить его сердце, чтобы оно никогда не склонялось на слова людей лукавыхъ, чтобы онъ далекъ былъ отъ поползновенія подобно имъ придумывать извиненія (*нещевати вины*) грѣху,— чтобы всегда строго смотрѣлъ на грѣхъ, никогда не вступалъ въ сдѣлку съ совѣстію, былъ безошаднымъ судьей своихъ грѣховныхъ не только дѣлъ, но и мыслей.

Въ остальныхъ стихахъ псалма Давидъ просить Господа о безопасности отъ его враговъ, и выражаетъ надежду, что они сами попадутъ въ разставленную для него мрежу.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ вечернемъ, 141-мъ, псалмѣ: *Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ*, написанному по тому же случаю, Давидъ, описывая свое стѣсненное положеніе, исповѣдуетъ, что Господь есть единственное его прибежище. Остановимся на тѣхъ стихахъ, которые служатъ припѣвами къ стихирамъ на *Господи возвахъ*.

Ст. 8. *Изведи изъ темницы душу мою исповдатися имени Твоему.* Подъ темницею Давидъ разумѣетъ тѣ мрачныя убѣжища въ скалахъ пустынныхъ, въ которыхъ онъ

укрывался отъ преслѣдованій Саула. Онъ испытывалъ въ этихъ убожищахъ положеніе заключеннаго въ темницу и потому просить Господа освободить его изъ этой темницы, общаясь благодарно исповѣдать предъ Его величествомъ (*именемъ*) сію милость.

Ст. 9. *Мене ждуть праведницы, дондеже воздаси мнѣ.* Не одинъ я, говоритъ Давидъ, жду того времени, когда Тебѣ, Господи, угодно будетъ воздать мнѣ правдою и милостію за мои неповинныя страданія. Нѣтъ, и прочіе читатели Твои (*праведницы*), съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за моею судьбою и ожидаютъ тогоже. Мое дѣло они принимаютъ къ сердцу, какъ бы личное свое дѣло. Въ счастливомъ исходѣ тяжкихъ испытаній, переживаемыхъ мною, они увидятъ залогъ своего упованія на Твое правосудіе и благость, если подобно мнѣ имъ суждено будетъ потерпѣть отъ людской неправды.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ 129-мъ псалмѣ содержится молитва кающагося и страждущаго о прощеніи грѣховъ съ надеждою получить отъ Господа съ прощеніемъ грѣховъ избавленіе отъ бѣдъ.

Ст. 1. *Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ Господи, Господи услыши гласъ мой.*—Псалмопѣвецъ взываетъ къ Господу изъ глубины бѣдъ и напастей, и наипаче изъ глубины грѣховъ, чувствуя что тѣ и другіе покрыли его, словно воды, въ которыхъ исчезаетъ потопающій, но вмѣстѣ—что нѣтъ глубины, нѣтъ бездны, откуда Господь не услышалъ бы взывающаго къ Нему.

Ст. 2. 3. *Да будутъ уши Твои внимлющъ гласу моленія моего. Аще беззаконія назириши Господи, Господи, кто постоитъ? Яко у Тебе очищеніе есть.* Псалмопѣвецъ умоляетъ Господа услышать его вопль и не взыскать съ него за беззаконія, потому что предъ Его правосудіемъ никто не устоитъ, не только беззаконникъ, но и праведникъ,—ибо нѣтъ безгрѣшнаго праведника. Псалмопѣвецъ надѣется, что уши Господни будутъ внимательны къ его моль-

бѣ потому, что у милосердаго Господа готово очищеніе, или прощеніе грѣшнику, истинно кающемуся.

Ст. 4. *Имене ради твоего потерпѣхъ тя Господи, потерпѣ душа моя въ слово твое, упова душа моя на Господа.* Что это за слово Господне, ради котораго душа псалмопѣвца, смущаемая сознаниемъ виновности своей предъ Богомъ, терпѣливо ожидала отъ него милости, особенно прощенія грѣховъ? Это то самое слово, которое Господь торжественно изрекъ Моисею, когда Моисей просилъ Его показать ему славу Свою. Господь, являя ему славу Свою, вслухъ его наименовалъ Себя человѣколюбивымъ и милосердымъ, медленнымъ на гнѣвъ, великимъ въ милости и истинѣ, прощающимъ беззаконія и грѣхи (Исх. 34, 6—7). Молящійся псалмопѣвецъ основываетъ свое упованіе на Господа на непреложности этого свидѣтельства Господа о самомъ себѣ,—онъ увѣренъ, что Господь ради славы имени Своего не лишитъ его той милости, которую Онъ самъ обѣщаль кающимся грѣшникамъ.

Ст. 5. *Отъ стражи утреннія до ночи, отъ стражи утреннія да уповаетъ Израиль на Господа.* Псалмопѣвецъ не только самъ уповаетъ на милосердіе Господа, но побуждаетъ къ тому же всѣхъ сыновъ Израиля: уповающіе на Господа, подъ Его милосердымъ покровомъ весь день и всю ночь, отъ одной утренней смѣны часовыхъ до ночи, оканчивающейся другою утреннею смѣной могутъ быть спокойны за свое благосостояніе, за свою безопасность.

Ст. 6. *Яко у Господа милость и многое у Него избавленіе: и Той избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его.* Господь, къ упованію на котораго побуждаетъ Израильтянъ псалмопѣвецъ, столь милостивъ, что готовъ избавить отъ всякой отвѣтственности за беззаконіе всѣхъ, съ упованіемъ на Его милосердіе просящихъ у Него прощенія.

Въ псалмѣ 116-мъ псалмопѣвецъ призываетъ всѣ народы къ хваленію Господа.

Ст. 1. *Хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людїе.* Предопредѣленіе язычниковъ ко спасенію во Христѣ, вотъ то благодѣяніе, за которое приглашаются они къ прославленію Господа. Апостоль Павелъ относитъ эти слова псалма именно къ обращенію язычниковъ (Рим. 15, 11).

Ст. 2. *Яко утвердися милость Его на насъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ.* Милость, предопредѣленная язычникамъ, призываемымъ къ хваленію за нее Господа, утвердися на насъ, т.-е. непременно въ свое время должна открыться надъ нами,—такъ должны говорить язычники, прославляя Господа, въ отвѣтъ на призывъ ихъ къ сему. Еще Аврааму дано обѣтованіе о Христѣ: *о Сѣмени твоємъ благословятся вси языцы земни* (Быт. 12, 3; 22, 18). Истина этого обѣтованія *пребываетъ во вѣкъ*, неизмѣнна и вѣковѣчна. Вѣрный въ обѣтованіяхъ своихъ Господь непременно, рано или поздно, исполнитъ ихъ.

Какъ премудро Церковь руководствуетъ насъ къ выраженію молитвенныхъ чувствъ, свойственныхъ вечеру, избранными ею для сей цѣли псалмами! Сначала слышится въ нихъ голосъ скорби подъ влияніемъ живаго воспоминанія о пережитыхъ въ теченіе дня непріятностяхъ, особенно о грѣхахъ. Потомъ эта скорбь растворяется упованіемъ на Бога, наконецъ разрѣшается хвалою Господу, спасающему всѣхъ своею благодатію во Христѣ Иисусѣ.

3. Разсмотрѣнные псаломскіе стихи, начиная со стиха: *Изведи изъ темницы душу мою, служатъ, какъ мы сказали, припѣвами къ стихирамъ.* За стихирами, по уставу, слѣдуетъ прокимень, о которомъ, какъ и о стихирахъ, какъ объ измѣняемыхъ частяхъ вечерни, будетъ рѣчь въ слѣдующемъ чтеніи. Послѣ прокимна поется вечерняя пѣснь: *Свѣте тихій...* Приведемъ ее въ русскомъ переводѣ: „О тихій Свѣтъ святой славы безсмертнаго Отца небснаго, святаго, блаженнаго, Иисусе Христе! Мы, достигши до солнечнаго заката и увидѣвши вечерній свѣтъ, воспѣваемъ Бога Отца, (Тебя, Его) Сына и Святаго Духа

Бога. Достойно воспѣвать во всѣ времена, святыми голосами, Тебя, Сыне Божій, дарующаго жизнь; потому міръ прославляетъ Тебя“.

Эта пѣснь прославляетъ Христа, именуя Его тихимъ свѣтомъ славы Бога Отца, достойнымъ вѣчнаго воспѣванія. Приспособленіе этой пѣсни къ вечернему времени, ясно выражено въ ней самой. Мысль о Христѣ, тихомъ Свѣтѣ, естественно возбуждается зрѣлищемъ тихаго вечерняго свѣта отъ свѣтильниковъ и отъ заходящаго солнца. Христосъ по божеству есть присносущный Свѣтъ, ибо Онъ есть вѣчное сіяніе Бога Отца и точный Образъ существа Его (Евр. 1, 2). Но для спасенія людей Онъ сокрылъ свою божескую славу подъ образомъ человѣка, и въ этомъ образѣ сталъ похожъ на тихій вечерній свѣтъ. Сходство поразительное! Вечерняя мгла, наполняющая воздухъ, умѣряетъ яркость солнечнаго свѣта. Днемъ блескъ его нестерпимъ, такъ что нельзя смотрѣть на солнце невооруженнымъ глазомъ. Но тоже солнце, смотрите, какъ мягко свѣтитъ вечеромъ! Всякій можетъ смотрѣть на него простыми глазами, любоваться красотою его и великолѣбными картинами, какія рисуются въ облакахъ, отражающихъ лучи его. Такъ и Сынъ Божій, неприступный по Божеству, сдѣлался доступнымъ для насъ по человѣчеству, чрезъ которое умѣрялся свѣтъ Его Божества, такъ что можно было видѣть Слово жизни простыми очами, слышать Его, осязать (1 Иоан. 1, 1),—и Самъ сдѣлавшись доступнымъ для всѣхъ, Онъ въ себѣ содѣлалъ доступнымъ для всѣхъ Отца небеснаго, святаго, блаженнаго, такъ что видѣвше Сына видѣли самого Отца (Иоан. 15, 9).

4. Другая вечерняя пѣснь слѣдуетъ въ вечернѣ за пропительною ектеніею (*исполнимъ вечернюю молитву нашу*). Передадимъ ее въ русскомъ переводѣ, хотя и на церковнославянскомъ языкѣ она довольно вразумительна. „Сподоби насъ Господи въ сей вечеръ уберечься отъ грѣха. Благословенъ Ты Господи, Боже отецъ нашихъ. Имя Твое достойно хвалы и прославленія во вѣки. Аминь.—Ми-

лость Твоя, Господи, да будетъ надъ нами, какъ ми уповаемъ на Тебя. Благословенъ Ты, Господи, научи меня законамъ Твоимъ (*оправданіемъ Твоимъ*). Благословенъ Ты, Владыко, содѣлай для меня вразумительными законы Твои. Благословенъ Ты, Святой, просвѣти меня законами Твоими. Господи, вѣчна милость Твоя, не презри твореній рукъ Твоихъ. Тебѣ приличествуетъ хвала, Тебѣ приличествуетъ пѣснь, Тебѣ приличествуетъ слава, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и всегда и во вѣки вѣчныя. Аминь".—Эта пѣснь, какъ извѣстно, входитъ въ составъ утренняго славословія: *Слава въ вышнихъ Богу*, въ которомъ слово *вечеръ* замѣняется словомъ: *день* (*сподоби Господи въ день сей*); но по содержанію своему она приличествуетъ и вечернему времени. Вечерній свѣтъ, по закону соприкосновенія представленій, естественно возбуждаетъ мысль о законѣ Господнемъ, который по его просвѣтительному значенію псалмопѣвецъ называетъ свѣтильникомъ ногамъ своимъ и свѣтомъ стезямъ своимъ (Псал. 118, 105),—и вмѣстѣ естественно вызываетъ въ благочестивой душѣ желаніе озаренія этимъ духовнымъ свѣтомъ, по соображенію, что никому нельзя быть довольнымъ обиліемъ вещественнаго свѣта, когда въ душѣ господствуетъ мракъ невѣжества и заблужденій.—Законы, о наученіи которымъ псалмопѣвецъ проситъ и вслѣдъ за нимъ Церковь руководствуетъ насъ умолять Господа, называются въ церковно-славянскомъ текстѣ псалма (118, 12) и разсматриваемой церковной пѣсни, *оправданіями* въ томъ смыслѣ, что служатъ выраженіемъ правой воли Божіей и руководствуютъ къ праведности.—Но если эти божественные законы уже извѣстны изъ св. Писанія, то для чего еще нужно умолять Господа, да научитъ насъ имъ, да просвѣтитъ ими? Недостаточно ли для сего одного чтенія или слушанія св. Писанія?—Видно, недостаточно безъ содѣйствія просвѣщающей и вразумляющей благодати Божіей. Доколѣ она не коснется умовъ и сердецъ читающихъ или слушающихъ слово Божіе, они мо-

гутъ остаться въ томъ состояніи духовной слѣпоты и глухоты, находящіеся въ которомъ видя, предъ глазами имѣя ясную истину, возвѣщаемую въ словѣ Божіемъ, не видятъ, слыша — не слышатъ и не разумѣютъ. Потому и должны мы молить Господа, чтобъ Онъ самъ Своею благодатію не только предохранилъ насъ отъ сей опасности, но и отверзъ намъ мысленныя очи къ разумѣнію чудесъ отъ закона Его (Пс. 118, 18).

5. Предъ заключеніемъ вечерни положена пѣснь Симеона Богопріимца: „Нынѣ отпускаешъ раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ, Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и славу народа своего Израиля“ (Лук. 2, 29—32).

Причину, почему пѣснь Симеона Богопріимца усвоена вечерней службѣ, можно опять объяснить тѣмъ, что въ этой пѣсни, какъ и въ пѣсни: *Свѣте тихій*, Христосъ называется *Свѣтомъ*, съ прибавленіемъ: *къ просвѣщенію язычниковъ*. Какъ Просвѣтитель людей, сѣдящихъ во тмѣ и сѣни смертной, Христосъ явился въ міръ не въ славѣ Божества, а въ смиренномъ образѣ твари, и потому явился столь же доступнымъ человѣку, какъ доступно его зрѣнію вечернее солнце. Кромѣ того пѣснь Симеона Богопріимца имѣетъ еще то отношеніе къ вечернему богослуженію, что въ ней идетъ рѣчь о смерти, о приближеніи которой, какъ о вечерѣ нашей жизни, напоминаетъ намъ вечеръ дня. Симеонъ съ радостью идетъ навстрѣчу смерти, не потому только, что дождался наконецъ того, чего ждалъ всю жизнь, увидѣлъ своими очами Христа,—по еще потому, что послѣдствія смерти для него нисколько не страшны. Онъ предъ лицомъ смерти испытывалъ тоже душевное настроеніе, какое выражено въ словахъ псалмопѣвца: „Господь свѣтъ мой: кого мнѣ бояться (Псал. 26, 1)? Если я пойду и долиною смертной тѣни, не убоюся зла, потому что Ты со мною“ (Псал. 22, 4). Симеонъ увѣренъ былъ, что и въ загробной странѣ онъ ощутитъ

радостное дѣйствіе того свѣта, который своими лучами озарилъ послѣдніе дни его жизни. Св. Церковь, влагая въ своемъ вечернемъ богослуженіи въ наши уста предсмертную пѣснь Симеона Богопріимца, внушаетъ намъ, чтобы мы вечеръ каждаго дня посвящали между прочимъ на размышленіе о смерти, чтобы въ каждомъ вечерѣ видѣли напоминаніе о вечерѣ нашей жизни, слѣдственно о приближеніи къ смерти, и такимъ образомъ приготовлены были встрѣтить ее такъже безтрепетно, такъже благочестиво, съ такоюже вѣрою и упованіемъ на Господа, какъ встрѣтилъ ее праведный Симеонъ. Мысль о смерти досадна для міролюбца: онъ гонитъ ее отъ себя, забывая, что всѣ мы, покуда живемъ на землѣ, странники и пришельцы, которымъ дана эта жизнь для приготовленія къ переходу, путемъ ея, въ вѣчность. Но пусть забываютъ это люди міра, не забудутъ этого истинные христіане,—для нихъ „еже жити Христось, и еже умрети приобрѣтеніе есть“.

6. Въ заключеніе упомянемъ о входящихъ въ составъ вечерни молитвахъ священническихъ и тѣхъ, къ которымъ приглашаетъ діаконъ ектеніями—*великою* въ началѣ вечерни, *просительною* послѣ прокимна и *сугубою* предъ заключеніемъ вечерни. Эти же самыя ектеніи составляютъ принадлежность многихъ церковныхъ службъ.—Въ началѣ вечерни, при чтеніи предначинательнаго псалма, священникъ, стоя предъ церковными вратами, тайно читаетъ семь такъ называемыхъ *свѣтильничныхъ молитвъ*,—читаетъ безъ перерыва, за исключеніемъ трехъ молитвъ на вечернѣ соединяемой съ литургіею преждеосвященныхъ Даровъ, тогда какъ въ древности, каждая изъ нихъ читаема была въ каждой вечернѣ послѣ псаломскаго антифона. Содержаніе свѣтильничныхъ молитвъ, кромѣ общихъ, примѣнено къ вечернему богослуженію. Такъ священникъ прославляетъ Господа, все сотворившаго премудро, раздѣлившаго свѣтъ отъ тьмы, солнце положившаго для управленія днемъ, луну и звѣзды для управленія ночью, и благо-

дарить Господа за то, что Онъ сподобилъ насъ грѣшныхъ дожить до вечера и припести Ему вечернее славословіе. Съ симъ соединяются моленія о мирномъ и безгрѣшномъ проведеніи вечера и предстоящей ночи, о просвѣщеніи насъ свѣтомъ истины, объ избавленіи отъ страха ночнаго и о дарованіи сна свободнаго отъ грѣховныхъ мечтаній. Подобное содержаніе, какъ мы видѣли, представляетъ молитва *свѣтильничнаго благодаренія* въ *Постановленіяхъ апостольскихъ*.—Послѣ просительной ектеніи, незадолго до отпуски вечерни, священникъ тайно читаетъ молитву главопреклоненія, въ которой призываетъ челоуѣколюбіе Божіе надъ преклонившими предъ Богомъ, въ знакъ смиренія и покорности Ему, свои главы и выи и умоляетъ Господа сохранить ихъ отъ всякаго зла во всякое время и по настоящемъ вечерѣ и въ наступающую ночь. По *Апостольскимъ постановленіямъ* подобная молитва, какъ мы видѣли, соединена была съ возложеніемъ рукъ на преклонившихъ главы.

Изъ обрядовъ въ составъ вечерни неизмѣнно входитъ кажденіе храма и предстоящихъ при пѣніи *Господи воззвахъ* и стихирь. Куреніе оиміама, какъ возжиганіе свѣчей и масла, есть безкровное приношеніе Господу. Не распространяясь объ общемъ значеніи этого приношенія, употребляемаго не въ одной вечернѣ, а и въ прочихъ службахъ *),—замѣтимъ только ту особенность этого обряда въ чинѣ вечерни, что совершеніе его совпадаетъ съ пѣніемъ стиха: *Да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою*, и служить, такимъ образомъ, нагляднымъ символомъ нашихъ молитвъ, стремящихся горѣ къ престолу Божію, подобно тому какъ дымъ оиміама стремится кверху.

Въ слѣдующемъ чтеніи будемъ разсматривать части вечерни, не одинаковыя въ каждый день недѣли, въ праздники и великій постъ.

Прот. Вас. Нечаевъ.

*) См. о значеніи кажденія въ нашей книгѣ: „Толкованіе на божественную литургію, 2 е изданіе 1873 г. стр. 129 и 130.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО СЕРГІЯ, ЕПИСКОПА КУРСКАГО, ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА, ВО ИМЯ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИЦЫ НАДЕЖДЫ, ВЪ КУРСКОМЪ НОВОУЧРЕЖДЕННОМЪ ДОМѢ ПРИЗРѢНІЯ НИЩИХЪ.

„Не блаше бо нищъ имъ единъ въ нихъ“
(Дѣян. 4, 34).

Помѣщеніе это отнынѣ получило сходство съ тою горницею, гдѣ совершилась тайная вечеря и гдѣ на апостоловъ сошелъ Духъ святой. Тойжде Духъ освятилъ и сію храмину, чтобы совершалась въ ней по чину евхаристическая вечеря.

Но при сходствѣ представляется и разность. Въ той горницѣ ниодного не было нищаго; а это зданіе будетъ наполняться нищими.

Если однакожь вникнемъ глубже, то окажется, что наше общество стремится къ тойже цѣли, какъ и апостольское. Отъ чего между первыми христіанами ниодного нищаго не было? Отъ того, что они поспѣшили ввести у себя общественную благотворительность. Учреждая этотъ домъ, наше общество конечно хочетъ не того, чтобы только привести въ извѣстность, сколько у насъ нищихъ, но того, чтобы въ нашемъ городѣ уменьшилось ихъ количество, и тѣ, которые будутъ сюда собираемы, переставали быть нищими. А къ сему вѣрнѣйшій способъ есть общественная благотворительность, безъ которой не могъ бы открыться и не можетъ содержаться этотъ домъ.

Нищенство не есть достоинство. Хотя умершій Лазарь,

какъ изображено въ притчѣ, отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраамово (Лук. 16, 22); но не за нищету собственно, а за то, что терпѣливо и благодаря Бога перенесъ свою горькую судьбу. Само же въ себѣ нищенство есть азва общества, есть болѣзнь его. Чтобы лѣчить болѣзнь, надобно знать ее. Частному благотворителю не удобно развѣдывать, кто истинно нуждается и кто притворяется. Такимъ любопытствомъ даже обижаются нищіе, хотя для принятія и малаго подаенія протягивать руку не стыдятся. Общественная благотворительность не смотритъ на это. Ея между прочимъ задача преслѣдовать тунеядство. Имѣя вѣрныя къ сему средства, она смѣло входитъ въ разбирательство, какіе нищіе дѣйствительно терпятъ нужду, и какіе злоупотребляютъ своею нищетою. Такое разбирательство совершенно согласно съ духомъ и направленіемъ древней христіанской благотворительности. Апостолъ Павелъ противъ ничего не дѣлающихъ принималъ мѣры, чтобъ они, если и питаются подаеніемъ, не предавались праздности и трудились, кто какъ можетъ (1 Сол. 4, 11. 2 Сол. 3, 12) *). И въ первомъ обществѣ христіанскомъ не допускалось, чтобъ изъ собираемыхъ пожертвованій всякій бралъ, сколько хотѣлъ, но давалось каждому, въ чемъ кто имѣлъ нужду (Дѣян. 4, 35). Къ сему приставлены были особы распорядители.

Благотворительность общественная, узнавая нужды нищихъ, лучше нежели частная, удовлетворяетъ ихъ. Представимъ городъ, стоящій на безводномъ мѣстѣ и запасяющійся одною дождевою водой. Какая ему польза, если пройдетъ дождь, который только смочитъ крыши и ороситъ немного! землю? Но когда идетъ дождь продолжительный и сильный, наполняются водоемы, изъ которыхъ жители долгое время удовлетворяютъ свои домашнія потребности. Раздаяніе милостыни по рукамъ есть дождь мелкій и прерывающійся. Сліяніе же пожертвованій въ

* Злат. на 2 посл. къ Сол. стр. 73.

одинъ составъ постоянно и лучше удовлетворяетъ нужды призрѣваемыхъ. Симъ способомъ общественная благотворительность, дѣйствуя не кратковременно, а даже чрезъ столѣтія, не только питаетъ алчущихъ и одѣваетъ нагихъ, но упокоиваетъ ихъ въ теплыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ, врачуетъ больныхъ, исправляетъ погибшихъ, даетъ помощь честному труду, образовываетъ и учитъ юныхъ, воспитываетъ цѣлыя поколѣнія.

Правда, многіе любятъ благотворить самолично; имъ хотѣлось бы, по примѣру Іова, быть очами для слѣпыхъ и ногами для хромыхъ (Іов. 29, 15), осушать слезы горести, или превращать ихъ въ слезы благодарности. Но спрашивается: чтѣ же, или кто этому мѣшаетъ? Сколько бы общественная благотворительность ни построила нищепитательныхъ домовъ, будутъ еще оставаться бѣдныя, и непреложно слово Христово: *нищія всегда имате съ собою* (Матѣ. 26, 11). Въ первомъ маломъ обществѣ христіанскомъ не было нищихъ, а въ Іерусалимѣ они не переставали встрѣчаться. Тогда же Апостоль Петръ, идя въ храмъ, вынужденъ былъ сказать хрому, просившему у него милостыню: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. 3, 6). Всегда можно найти бѣдныхъ, только было бы усердіе помогать имъ. Но помогая имъ, еще болѣе мы должны содѣйствовать общественной благотворительности. Достоинство дѣлъ христіанскаго милосердія въ томъ и состоитъ, чтобъ они были далеки отъ побужденій не только тщеславія, но и самоуслажденія. Этотъ собственно смыслъ и имѣетъ предостереженіе Спасителя: „благотвори такъ, чтобы не вѣдала твоя рука лѣвая, чтѣ дѣлаетъ правая“ (Матѣ. 6, 3). А къ сему преимущественно и клонится общественная благотворительность; кто въ ней участвуетъ, тотъ самъ не знаетъ, кому дастъ, слѣпому или хрому, старому или молодому. Все дѣлается ради Христа, и обѣщана награда отъ Христа (Лук. 12, 33). Сила сего обѣщанія такъ велика, что бывали случаи, когда состояніе людей богатыхъ, безъ ихъ даже вѣдома, чрезъ

другія руки расточаемое на дѣла человеколюбія, приносило пользу ихъ душѣ, обращалось къ ихъ спасенію. Апостоль Томъ проповѣдывалъ въ Индіи. Одинъ изъ тамошнихъ владѣтелей захотѣлъ имѣть дворець, какой у римскихъ кесарей, и искалъ, кто бы могъ ему построить такое зданіе. Ему сказали, что Томъ искусный зодчій. Онъ призываетъ Апостола, предлагаетъ ему это порученіе, и когда тотъ не отказался, даетъ ему много золота, а самъ на долгое время отправляется въ другія свои области. Апостоль Томъ не замедлил раздать сіе золото бѣдствующимъ и неимущимъ. О семъ его поступкѣ царь былъ предупрежденъ, и возвратившись, спросилъ: „готовъ ли домъ“? Тотъ отвѣчалъ: „готовъ, только не на землѣ, а на небѣ“. Въмѣсто того, чтобы потребовать объясненія, властелинъ принялъ эти слова за насмѣшку и заключилъ Тому въ темницу. Пока онъ въ слѣдующіе дни придумывалъ, какою бы болѣе лютою казнію замучить строителя, страшно разболѣлся князь, родной братъ его, и впалъ въ продолжительный обморокъ. Въ состояніи обмиранія, онъ однако сознавалъ, какъ душа его отдѣлилась отъ тѣла, и добрый духъ понесъ ее къ небу. Тамъ были ей показаны различныя свѣтлыя палаты, и одна изъ нихъ прекраснѣе всѣхъ. На вопросъ, кому принадлежитъ чертогъ этотъ, проводникъ сказалъ восхищенной душѣ: „этотъ домъ построилъ брату твоему зодчій Томъ“. А на ея желаніе остаться въ немъ, онъ присовокупилъ: „если не пожалеешь своего имущества, и попросишь Тому, онъ и тебѣ такой построить“. Видѣніе кончилось; большой пришелъ въ себя; рассказалъ брату, что видѣлъ и слышалъ; Апостоль Томъ тотчасъ былъ освобожденъ, поставилъ обоихъ въ христіанской вѣрѣ, крестилъ ихъ, и они въ своихъ владѣніяхъ сдѣлались распространителями евангельской благотворительности *).

Такия сказанія наводятъ на размышленіе. Если будетъ

*) Жит. Ап. Томъ. Чет.-Мин. 6 окт.

вѣчная жизнь; то нужно приготовить что-нибудь для нея. Благотворительность—самый надежный способъ приготовления: *милостыня отъ смерти вѣчной избавляетъ, и не оставляетъ ити во тму* (Тов. 4, 10); *ибо тая очищаетъ всякій грѣхъ* (12, 9). А что будетъ жизнь за гробомъ, можно ли быть православнымъ, и въ этомъ сомнѣваться? Развѣ для приличія и притворно каждый изъ насъ привыкъ произносить: „Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“? Аминь.

КЪ СВѢДѢНІЮ ЕДИНОВѢРЦАМЪ.

Извѣстно, что прихожане единовѣрческихъ церквей не вездѣ съ одинаковою братскою любовію относятся къ православнымъ сынамъ грековосточной Церкви. Въ иныхъ единовѣрческихъ храмахъ послѣдніе невозбранно могутъ присутствовать при богослуженіи и въ молитвахъ совершать крестное знаменіе и полагать поклоны по своему. Въ одномъ единовѣрческомъ храмѣ московскомъ, пять лѣтъ тому назадъ, московскій православный священникъ, близко знакомый съ настоятелемъ его, по его приглашенію облачился въ ризы и принималъ участіе съ соборомъ единовѣрческихъ служителей въ совершеніи торжественнаго молебствія и въ крестномъ ходѣ вокругъ храма, причемъ онъ крестился троеперстно; и все это никого изъ прихожанъ этого храма не смутило. Иные изъ нихъ выразили ему даже свою благодарность за участіе въ совершеніи богослуженія, и усердно подходили къ нему подъ благословеніе, кланяясь ему по обычаю въ ноги. Не такъ бываетъ въ другихъ единовѣрческихъ храмахъ. Прихожане ихъ, словно раскольники, не понимая, что единовѣріе и православіе въ сущности одно и то же, чуждаются

ся общенія съ православными въ молитвѣ и не только сами не ходятъ въ православные храмы, но не желаютъ допускать ихъ въ свои храмы. Недавно преосвященнѣйшій Платонъ, архіепископъ донскій, узнавъ о подобномъ отношеніи къ православнымъ прихожанъ Верхнекибиревскаго единовѣрческаго храма, принялъ противъ этого мудрую, истинно пастырскую мѣру. Онъ сдѣлалъ слѣдующее, весьма поучительное для единовѣрцевъ, предписаніе завѣдующему означеннымъ приходомъ іеромонаху Іоакиму *).

„Въ рапортѣ вашемъ отъ 7 числа сего октября за № 46 вы донесли мнѣ, что многіе изъ вашихъ прихожанъ не ходятъ въ церковь потому, какъ объяснили вамъ другіе прихожане, что вы принимаете „въ совокупное моленіе православныхъ“; а одинъ изъ этихъ прихожанъ, сложивъ три перста правой руки и показывая ее, говорилъ: „намъ вотъ это противно, да земные ихъ поклоны“, которые они (православные) дѣлаютъ „распростерши врозь руки, опираясь ими внѣшнюю стороною“. Это подтвердили, говорите вы, и прочіе единовѣрцы, а старообрядцы сказали: „мы бы всѣ присоединились, еслибы вы (единовѣрцы) молились отдѣльно отъ православныхъ“, и при этомъ указали на одного старика, своего уставщика, который тоже говоритъ. За тѣмъ вы просите меня помочь вашему недоумѣнію и немощи, но не объясняете, о чемъ вы недоумѣваете и въ чемъ нужно помочь вамъ, а только говорите, что вы помните мое „приказаніе не отсылать православныхъ, желающихъ молиться съ вами (единовѣрцами), только внушать имъ, чтобъ они приучались вашимъ обрядамъ“.

Вслѣдствіе сего считаю нужнымъ сообщить вамъ слѣдующее:

1) Объясните вашимъ прихожанамъ, что имъ *неприлично и грѣшно* устранять православныхъ отъ общенія въ молитвахъ вашихъ, а тѣмъ паче негодовать на то, что

*) См. Донскія Епарх. Вѣдомости № 23.

они молятся въ вашемъ храмѣ; ибо: а) прихожане ваши исповѣдуютъ *одну вѣру* съ православными, почему и называются *единовѣрцами* ихъ; а хрістіане, исповѣдующіе одну вѣру, должны, по заповѣди Апостола, не чуждаться другъ друга, но жить между собою въ любви и согласіи, стараясь блюсти *единеніе духа въ союзъ мира* (Еф. 4, 1—6).

б) Вашъ храмъ и всѣ принадлежности его устроены при пособіи православныхъ; ваши прихожане и вы сами приведены изъ тьмы заблужденія въ свѣтъ истинной вѣры при содѣйствіи православныхъ; о благоустройствѣ вашего прихода и содержаніи причта его заботятся православные; по этому устранять православныхъ отъ участія въ вашихъ церковныхъ молитвахъ значитъ оскорблять сихъ благодѣтелей вашихъ и показывать большую неблагодарность къ нимъ. в) Богъ, Которому вы молитесь въ своемъ храмѣ, есть Отецъ небесный не вашъ только, но всѣхъ людей (Рим. 3, 29), а въ особенности православныхъ хрістіанъ, которые могутъ назваться порвородными и возлюбленными Его чадами (1 Петр. 2, 9). По этому судите, можетъ ли быть пріятно Ему, когда вы не хотите, чтобы сіи чада Его молились Ему вмѣстѣ съ вами и гоните ихъ отъ себя, да еще тогда, какъ они ничего худого вамъ не дѣлаютъ, а напротивъ благотворятъ вамъ? Это, я думаю, такъже или еще болѣе непріятно для Господа, какъ непріятно было бы для васъ, еслибы какія нибудь изъ вашихъ дѣтей негодовали на то, что другія ваши дѣти находятся у васъ и вмѣстѣ съ ними просятъ васъ о чемъ-нибудь, и по этому старались бы удалить ихъ изъ домовъ вашихъ. г) Не желать, чтобы другой молился съ нами Богу—общему нашему Отцу небесному, значитъ питать непріязнь къ нему и выражать злобу сердца своего; а непріязнь и злоба происходятъ не отъ Бога, который есть любовь и суцая благодать (1 Иоан. 4, 8. Мат. 19, 17), но *отъ духа злобы, дѣйствующаго нынѣ въ сынахъ противленія* (Еф. 2, 2; 6, 12). По этому тѣ, кои негодуютъ, что вы допускаете православныхъ „въ сово-

купное съ вами моленіе“, явно дѣйствуютъ подѣ вліяніемъ сего духа и, слѣдовательно, поступаютъ весьма не хорошо.

2) Обратите вниманіе вашихъ прихожанъ на то, что а) Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, приходя въ Іерусалимскій храмъ на праздники и принимая пищу на вечеряхъ у фарисеевъ и мытарей, безъ сомнѣнія, молился; а какъ въ это время бывали съ нимъ въ храмѣ и на вечеряхъ не одни ученики Его, но также не вѣровавшіе въ Него іудеи и даже язычники (Мар. 2, 14—16. Лук. 7, 36. 49): то, очевидно, Онъ молился не съ одними учениками Своими, но и въ присутствіи невѣровавшихъ въ Него. б) Апостолы Христовы позволяли невѣрующимъ входить въ молитвенныя ихъ собранія и молиться въ нихъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ Апостола, которыя я для большей ясности передамъ по-русски. *Если вся церковь, говоритъ ап. Павелъ, сойдется вмѣстѣ и все стануть говорить незнакомыми языками, а войдутъ къ вамъ незнающіе или невѣрующіе, то не скажутъ ли, что вы блѣзаетесь? Но когда все пророчествуютъ* (т.-е. истолковываютъ Св. Писаніе и поученія, сказанныя на незнакомомъ языкѣ), *и увидетъ кто невѣрующій или незнающій: то онъ осѣми обличается, осѣми судится. И такимъ образомъ тайны сердца его обнаруживаются, и онъ падетъ ницъ, поклонится Богу и скажетъ: истинно съ вами Богъ* (1 Кор. 14, 23—25). в) Самъ Богъ говоритъ: *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ* (Іоан. 6, 37). Если же Богъ принимаетъ всѣхъ входящихъ къ Нему, то какъ изгонять изъ дома Его вѣрныхъ чадъ Его—православныхъ христіанъ, которые приходятъ къ Нему съ вѣрою и любовію, для изліянія предъ Нимъ молитвенныхъ чувствъ своихъ? Это можетъ дѣлать только тотъ, въ комъ нѣтъ истинной вѣры и любви къ Богу (Іоан. 4, 20), и кто не собираетъ съ Нимъ достояніе Его, а расточаетъ оное (Мат. 12, 30).

3) Вразумите прихожанъ вашихъ, что имъ нѣтъ ника-

кой причины устранять православныхъ отъ общенія въ церковныхъ вашихъ молитвахъ, и тѣмъ паче не слѣдуетъ имъ самимъ удалаться отъ церкви по тѣмъ причинамъ, по которымъ многіе изъ нихъ, какъ сказано въ вашемъ рапортѣ отъ 7 октября за № 46, перестали ходить въ церковь. а) Сіи прихожане ваши не ходятъ въ церковь потому, что вы позволяете молиться въ ней православнымъ, исповѣдующимъ одну вѣру съ ними. Но что же тутъ худаго, или оскорбительнаго для прихожанъ вашихъ? Рѣшительно ничего! Напротивъ изъ того, что православные приходятъ въ вашу церковь, чтобы помолиться въ ней съ вами, ясно оказывается, что они уважаютъ вашу церковь, какъ храмъ Божій, и питаютъ любовь къ вамъ, какъ къ единовѣрнымъ своимъ братіямъ; а это, очевидно, должно радовать, а не оскорблять вашихъ прихожанъ, и располагать ихъ къ православнымъ, а не удалаться отъ общенія съ ними. б) Многіе ваши прихожане не хотятъ молиться съ православными, потому что послѣдніе для крестнаго знаменія слагаютъ три первые перста правой руки, а это „противно“ вашимъ прихожанамъ. Но почему это не нравится имъ? Объясните имъ, что православные слагаютъ для крестнаго знаменія три первые перста *во имя Св. Троицы*, для выраженія нашей вѣры въ Нее и вмѣстѣ для напоминанія намъ о Ней. Сложеніе этихъ перстовъ, непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ, очевидно, не заключаетъ въ себѣ ничего худаго и служить хорошимъ знакомъ выраженія единосущной и нераздѣльной Троицы. По этому, кто гнушается триперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ вѣрою слагаемымъ *во имя Св. Троицы*, и хулитъ оное, тотъ явно *оскорбляетъ Св. Троицу* и дѣлаетъ такой же большой грѣхъ, какъ если бы онъ попиралъ икону Ея. в) Ваши прихожане не хотятъ молиться съ православными еще подъ тѣмъ предлогомъ, что сіи послѣдніе дѣлаютъ „земные поклоны, распростерши врозь руки, опираясь ими внѣшнюю сторону“. Чтожь изъ этого? Развѣ въ словѣ Божіемъ или

въ церковныхъ правилахъ предписано, какъ мы должны при земныхъ поклонахъ держать свои руки и опираться ими? Нѣтъ. Относительно молитвенныхъ поклоновъ Спаситель говоритъ только то, что *истиннии поклонницы поклоняются Богу—Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ ищетъ такихъ поклонниковъ Себѣ. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться* (Іоан. 4, 23. 24). Но кто поклоняется Богу *духомъ и истиною*, тотъ молится въ душѣ своей и весь погруженъ бываетъ въ умственную бесѣду съ Богомъ, а на положеніе тѣла своего въ это время мало обращаетъ вниманія, ибо онъ знаетъ изъ словъ Спасителя, что *духъ животворитъ, а плоть не пользуетъ ни мало* (Іоан. 6, 63). Только тѣ, кои не имѣютъ въ себѣ *духа Христова* и по этому молятся не внутренно, а наружно и часто напоказъ другимъ, какъ фарисеи,—только тѣ могутъ много думать и говорить о томъ, какъ нужно при земныхъ поклонахъ держать свои руки. Но о такихъ людяхъ давно сказалъ Богъ чрезъ пророка Исаію: *приближаются Мнѣ людие сіи, усты своими и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене. Все же чтутъ Мя, учаще ученіямъ и заповѣдямъ человеческимъ* (Мат. 15, 8 и 9).

4) Скажите старообрядцамъ и тому уставщику ихъ, на котораго они указывали вамъ,—скажите имъ, что если они дѣйствительно намѣрены присоединиться къ единовѣрью, когда православные не будутъ молиться съ вами, то пусть формально изъявятъ желаніе быть единовѣрцами;—тогда вы попросите православныхъ не посѣщать вашей церкви для совокупнаго съ вами моленія, и они не будутъ ходить въ нее. Если на такое предложеніе старообрядцы отвѣтятъ вамъ отказомъ, какъ я полагаю, то вы обличите ихъ лживость предъ вашими прихожанами и скажите послѣднимъ: тѣ, кои не хотятъ быть нашими братьями во Христѣ, очевидно, не любятъ насъ и слѣдовательно, не могутъ желать намъ добра; по этому, когда они совѣтуютъ намъ не имѣть общенія съ православ-

ными, то вы не должны слушать ихъ, ибо въ этомъ случаѣ они, по словамъ апостола, *ревнуютъ по васъ не добръ, но отличити васъ хотятъ* отъ доброжелательныхъ вамъ людей, *да имъ ревнуете* на зло себѣ (Гал. 4, 17).

5) Вы несправедливо говорите, въ своемъ рапортѣ, будто я приказывалъ вамъ „внушать православнымъ, чтобы они пріучались вашимъ единовѣрческимъ обрядамъ“. Нѣтъ, я только говорилъ вамъ, что вы можете позволить живущимъ около васъ православнымъ бывать при богослуженіяхъ въ вашей церкви, такъ какъ вблизи ихъ нѣтъ православныхъ церквей, а вмѣстѣ совѣтовалъ внушать имъ, чтобы они, находясь въ вашей церкви, приваровались къ вашимъ обычаямъ и не дѣлали ничего такого, что можетъ быть непріятно для вашихъ прихожанъ. Въ настоящее же время, усматривая изъ вашего рапорта, что вашимъ прихожанамъ не нравится совокупное моленіе съ православными и по этому многіе изъ нихъ перестали ходить въ вашу церковь къ богослуженіямъ, поручаю вамъ сообщить объ этомъ православнымъ и вмѣстѣ попросить ихъ, чтобы они не ходили въ вашу церковь, дабы приходъ вашъ не разстроился окончательно. Но это вы сообщите имъ въ томъ случаѣ, когда ваши прихожане не вразумятся тѣми наставленіями, какія вы сдѣлаете имъ вслѣдствіе настоящаго моего предписанія, и не изъявятъ желанія, чтобы православные принимали участіе въ ихъ молитвахъ. А весьма хорошо было бы, еслибы они изъявили такое желаніе, какъ для большаго сближенія ихъ съ православными и выраженія духовнаго единенія съ ними, такъ и для того, дабы старообрядцы видѣли, что они напрасно подстрекаютъ вашихъ прихожанъ прервать общеніе съ православными и чрезъ это лишитъ себя поддержки тѣхъ, кои принимаютъ живое участіе въ ихъ положеніи и могутъ оказывать имъ помощь въ нужныхъ случаяхъ. Какое же дѣйствіе произведутъ на прихожанъ вашихъ тѣ внушенія мои, которыя я дѣлаю имъ чрезъ васъ въ настоящемъ предписаніи, объ этомъ откровенно донесите мнѣ въ свое время“.

Р Ъ Ч Ъ

ПРИ ВРУЧЕНИИ ПОСОХА НОВОПОСВЯЩЕННОЙ МОСКОВСКАГО НИЖИГСКАГО МОНАСТЫРЯ ИГУМЕНИИ АЛЕВТИНѢ, СКАЗАННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ЛЕОНИДОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ДМИТРОВСКИМЪ, ВЪ ВВЕДЕНСКОЙ ЦЕРКВИ СЕГО МОНАСТЫРЯ, ДЕКАБРЯ 15 ДНЯ 1874 ГОДА.

Матерь игуменія Флора! Прежде всякаго другаго слова, почитаю долгомъ обратиться къ тебѣ съ словомъ свидѣтельства предъ всѣми сестрами обители, что только по неотступной твоей просьбѣ согласился на твое увольненіе архипастырь нашъ, который недавно удостовѣрялъ высшую іерархическую власть, что ты „усердно печешься о благоустроеніи ввѣренной тебѣ обители и ввела во всемъ примѣрный порядокъ“ *).

Онъ уважилъ въ твоёмъ прошеніи не столько обѣщаніе силъ твоихъ тѣлесныхъ, сколько доброе желаніе твое сосредоточить все вниманіе на приготовленіи себя къ переходу въ блаженную вѣчность **). Да поможетъ тебѣ Господь въ этомъ дѣлѣ благомъ, и да пребудешь ты на сей землѣ настолько долго, чтобы юнѣйшія тебя возрастомъ и опытомъ могли отъ примѣра твоего удивленнаго, на единой мысли о вѣчности сосредоточеннаго, житія заимствовать пользу для своего собственнаго.

Матерь игуменія Алевтина! Въ ознаменованіе своего особаго благоволенія къ твоей предмѣстницѣ, архипастырь ей предоставилъ выборъ преемницы. Она предста-

*) Въ 1870 году въ представленіи къ награжденію игуменія Флоры наперспымъ крестомъ.

**) Игуменія Флорѣ 79 лѣтъ.

вила тебя. Такъ какъ выборъ соотвѣтствовалъ его о тебѣ свѣдѣніямъ, то и соизволилъ онъ утвердить избраніе. Это одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ назначенія настоятелей: избраніе отъ настоятеля, удаляющагося отъ служенія, и свойственно обители древней, триста лѣтъ процвѣтающей среди столицы *). Да даруетъ тебѣ Богъ не въ этомъ одномъ имѣть судьбу древнихъ настоятелей, но и въ эти новыя, по самому духу, времена являть въ себѣ образъ древнихъ руководительницъ монашества. Продолжительный опытъ жизни въ монашествѣ общежительномъ **), которое заключаетъ въ себѣ наилучшія средства къ возрастанію духовному, даетъ убѣжденіе, что ты разумѣешь, въ чемъ истинно монашеское дѣланіе и какъ общія правила сего дѣланія прилагать къ обители, тебѣ ввѣренной, и къ духовнымъ потребностямъ каждой сестры обители. Подвигомъ молитвы и поста, чтеніемъ и разсужденіемъ, умудрай себя ко спасенію ввѣренныхъ тебѣ чадъ. Взирай къ Матери Божіей. Предъ иконою Ея введенія во храмъ ты воспиталась въ монашествѣ. Ты и здѣсь подъ сѣнію храма, посвященнаго въ честь и память тогоже событія изъ Ея жизни ***). Взирая на сіе изображеніе, воспламеняй духъ и свой, и сестръ обители, примѣромъ Приснодѣвы.

Да идете вы всѣ вкупѣ, и игуменія, и сестры, за Пресвятою Дѣвою Матерію, яко свѣщеносящія служительницы Царицы небесныя; да идете по стопамъ Ея, съ ступени на ступень духовнаго совершенства, не озираясь вспять

*) Обитель Никитская въ честь великомученика Никиты основана, во второй половинѣ XVI вѣка, бояриномъ Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицы Анастасіи Романовны, отцомъ патріарха Филарета.

***) Игуменія Алевтина взята изъ серпуховскаго Владычняго общежительнаго монастыря.

***) И въ Владычнемъ главный престолъ освященъ въ честь Введенія Божіей Матери, а въ Никитскомъ придѣльный храмъ, въ коемъ и посвященіе Алевтины въ игуменіи происходило.

на образы міра сего, глѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ. Да входите за нею въ священную типину монашескаго безмолвія, къ свѣту дѣвственной чистоты помышленій сердечныхъ, наипаче къ той добродѣтели добродѣтелей, на которую, какъбы на единственное свое достоинство, кротко указала Она Сама въ отвѣтъ на привѣтствіе Елисаветы: *возрадовася духъ мой о Бозъ Спасъ моему, яко призръ на смиреніе рабы своя* (Лук. 1, 47. 48).

Смиреніе, самоуничженіе, покореніе своя воли волѣ высшей, яко Христовой,—смиреніе одно исправляетъ наши недостатки, помогаетъ въ подвигѣ, упрочиваетъ полноту успѣховъ въ духовномъ дѣланіи. Гдѣ нѣтъ смиренія, хотя въ начаткахъ, тамъ невозможно положить и начала спасенію. Безъ смиренія какъ бы ни высока казалась жизнь человѣка предъ глазами людей, она есть не иное что, какъ яма мерзостная предъ очами всевидящаго Бога.

Въ Церкви, на землѣ подвижащейся, монастырь есть по преимуществу тотъ брачный чертогъ, о которомъ вы слышали нынѣ въ Евангелии, гдѣ уготованъ пиръ вѣры небеснымъ Женихомъ нашихъ душъ *). Вы, сестры возлюбленныя, не изъ тѣхъ, которыя подъ разными предлогами отреклись отъ приглашенія; но помните, что и введенному въ чертогъ сказано страшное обличеніе: *друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна* (Мат. 22, 12). За особенное дерзновеніе, особенно грозно и осужденіе. Да не коснется оно ни единыя изъ васъ, а всѣ да будете вы пріяты, яко невѣсты Христовы, въ той священной полунощи, когда труба архангела провозгласитъ всему міру: *Се Женихъ грядетъ!* А для этого повторяйте чаще слова посланія къ Колосаямъ, слышанныя вами въ этотъ знаменательный для васъ день (Кол. 3, 4—11). Эти слова, какъ пѣстуны, да ходятъ, да надзираютъ за вами и да научаютъ и спасаютъ васъ.

Примѣръ вашъ да руководитъ, какъ свѣтильникъ, тѣхъ,

*) Недѣля праотцевъ (Лук. 14, 16—24).

кои пребываютъ въ молвахъ житейскихъ, однако собираются въ вашъ храмъ для утѣшенія и назиданія себя чиномъ вашихъ общихъ молитвословій, и да спасаются, благословляя васъ.

Пріими, игуменія Алевтина, этотъ посохъ, который по соизволенію архипастыря, добровольно передаетъ тебѣ игуменія Флора *), въ приснопамятный для нея день, въ который за 18 лѣтъ получила она этотъ посохъ отъ руки въ Бозѣ почившаго первосвятителя **). Да будетъ онъ опорой немолодыхъ твоихъ силъ тѣлесныхъ и знаменіемъ довѣрія архипастыря къ силамъ твоимъ духовнымъ; да будетъ онъ въ рукѣ твоей утѣшеніемъ для твоей предшественницы, надежною охраною для всѣхъ сестръ обители; и опираясь на него, да увидите всѣ вы въ тѣ святыя селенія, гдѣ Пречистую Марію Дѣву *воспѣваютъ ангели Божіи: Сія есть селеніе небесное* ***).

*) Игуменія Флора стояла съ посохомъ, а при сихъ словахъ вручила его епископу, который и передалъ его новопоставленной.

***) Игуменія Флора пострижена во Владычнемъ монастырѣ 12 октября 1837 года; посвящена въ игуменіи Владычняго монастыря 1856 года, *декабря* 15; въ Никитскій переведена 7 августа 1861 г.

***) Кондакъ праздника Введенія.

ЦЕРКОВЬ И РАСКОЛЬ.

СЛОВО ВЪ ПРАЗДНОВАНІЕ ДВУХЛѢТІЯ БРАТСТВА СВ. ПЕТРА
МИТРОПОЛИТА *).

„Да увѣси, како подобаетъ въ дому
Божіи жити, яже есть церковь Бога
жива, столпъ и утверженіе истины“
(1 Тим. 3, 15).

Св. Ап. Павелъ въ посланіи къ ученику своему Тимоѳею преподаетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ проходить свое служеніе въ Церкви Божіей, въ которой онъ поставленъ епископомъ, и какими нравственными качествами долженъ украшаться для того, чтобы его служеніе было плодотворно. Всѣ эти наставленія св. Павелъ надѣялся преподать Тимоѳею при личномъ свиданіи съ нимъ, но на случай, если замедлитъ почему-либо придти къ нему лично (1 Тим. 3, 14. 15), онъ поспѣшилъ изложить ихъ для него письменно, для того чтобы въ этомъ случаѣ молодой епископъ не оставался безъ руководства, столь для него нужнаго, — для того чтобы онъ хорошо „вѣдалъ, какъ подобаетъ ему жить въ домѣ Божіемъ, который есть Церковь живаго Бога, столпъ и утверженіе истины“^а. Остановимся на этихъ словахъ Апостола.

Домомъ Божіимъ, о которомъ идетъ рѣчь у Апостола, онъ называетъ *церковь Бога живаго*, — т.е. общество вѣрующихъ въ Иисуса Христа. Иисусъ Христосъ, по исповѣданію Петрову, есть Сынъ Бога живаго (Мат. 16, 16), — т.е. Бога истиннаго въ противоположность мнимымъ божествамъ языческимъ, мертвымъ какъ идолы, ихъ изобра-

*) Сказано въ Златоустовскомъ монастырѣ 21 декабря 1874 года.

жающіе. Потому и общество вѣрующихъ въ Иисуса Христа, какъ Сына Бога живаго, по духовному единенію съ Нимъ есть Церковь Бога живаго.

Почему Церковь Бога живаго называется домомъ Божиимъ? Потому что она похожа на обыкновенный домъ и по устройству, и по назначенію для жительства.

По устройству: каждый домъ имѣеть основаніе (*фундаментъ*), стѣны и кровлю. И Церковь устроена на основаніи, имѣеть стѣны и кровлю. Она основана на Христѣ. Христосъ есть краеугольный камень Церкви (Еф. 3, 20). Основанная на семь камнѣ, на сей скалѣ, Церковь такъ тверда, такъ непоколебима, что по обѣтованію Христову врата адавы не могутъ одолѣть ея (Мат. 16, 18), и она пребудетъ до скончанія вѣка со всѣми своими учрежденіями. Выпустить противъ нее врата ада полчища гонителей, еретиковъ, раскольниковъ, вольнодумцевъ, невѣровъ, наконецъ самого антихриста, — всѣ эти враги Церкви много сдѣлають ей зла, страхомъ и лестию смутять и отторгнуть отъ ней слабыхъ, но никогда не доведутъ ее до уничтоженія, ихъ нападенія послужать только къ большему ея торжеству. „Легче исчезнуть солнцу, чѣмъ Церкви“, — сказала Златоустъ (Бес. на Евтропія). — Стѣны Церкви, воздвигнутыя на столь твердой скалѣ, суть *вопервыхъ*: богоустановленное священноначаліе, непрерывно продолжающееся отъ Апостоловъ съ преемствомъ благодатной хиротоніи и соединеннаго съ нею полномочія совершать таинства до втораго пришествія Христова (1 Кор. 11, 26); и *вовторыхъ*: охраняемые священноначаліемъ церковные законы, благоустрояющіе жизнь и дѣятельность церковнаго общества. Эти двѣ твердыни столь же прочны и несокрушимы, какъ основаніе, на которомъ онѣ опираются. — Кровля, осѣняющая церковное зданіе, основанное Христомъ, есть благодать Св. Духа, который, по Христову обѣтованію, пребудетъ въ Церкви во вѣкъ (Іоан. 14, 16), вливая въ нее жизнь и силу.

Кто же живетъ въ этомъ зданіи, въ этомъ домѣ Бо-

жіемъ? Въ обыкповенныхъ домахъ живутъ хозяева ихъ съ своими семействами и домочадцами. Равно и въ домѣ Божіемъ, въ св. Христовой Церкви, благоволилъ обитать самъ Богъ. Онъ, какъ вездѣсущій, обитаетъ во всемъ мірѣ; но есть мѣста въ мірѣ, въ которыхъ Онъ любитъ являть Свое присутствіе предпочтительно предъ другими. Такъ Онъ любитъ обитать на небесахъ среди сонма безплотныхъ духовъ, и святыхъ душъ, отшедшихъ отъ сей жизни, а на землѣ въ обществѣ вѣрующихъ. Это любимый его домъ на землѣ. До пришествія Христова таковымъ домомъ для Него былъ избранный народъ, общество ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ. О нихъ Онъ обѣтовалъ: „вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ“ (Лев. 26, 12. 2 Кор. 6, 16). А съ наступленіемъ новозавѣтныхъ временъ это преимущество перешло на христіанъ. „Не знаете ли, говоритъ имъ Апостоль, что вы храмъ Божій“? „Вы храмъ Бога живаго“ (2 Кор. 6, 16). Господь обитаетъ въ этомъ храмѣ, въ этомъ домѣ среди вѣрующихъ, какъ отецъ въ своемъ семействѣ. Вѣрующіе во Христа, принадлежавшіе къ дому Божію, къ св. Церкви, суть дѣти Божіи, болѣе дорогія Отцу небесному, чѣмъ отцу земному его дѣти,— ибо искуплены честною кровію Христа. Не всѣ они стоятъ на одинаковой степени въ духовно-правственномъ отношеніи, есть между ними немощные по вѣрѣ, по вѣдѣнію, по жизни, есть невѣжествующіе, заблуждающіеся, тяжкіе грѣшники; но доколѣ они находятся въ общеніи съ Церковію, доколѣ живутъ въ этомъ отеческомъ домѣ, не порываются уйти изъ него на страну далече, они не лишены надежды спасенія: ихъ покорность богоустановленной церковной власти, при смиренномъ сознаніи своей духовной темноты и нечистоты, привлекаетъ къ нимъ снисхожденіе Отца небеснаго; они жалки Ему, какъ отцу и матери жалки дѣти хилыя и больныя; они близки Его отеческому сердцу, какъ принадлежащіе къ Его семейству, и на ряду съ прочими дѣтьми, болѣе ихъ совершенными, призываются къ участию въ сокровищахъ благодати, вѣренныхъ Церкви.

Какъ хранительница этихъ сокровищъ, Церковь есть поистинѣ домъ всебогатаго Хозяина. Ни къ одному дому на свѣтѣ нельзя примѣнить въ такой мѣрѣ названіе полной чаши, какъ къ этому Божію дому. Чего нѣтъ въ немъ для довольства обитающихъ въ немъ дѣтей Божіихъ? Въ немъ обильные запасы хлѣба жизни,—слово Божіе и наставленія пастырей; въ немъ приготовлены вѣрныя врачевныя средства противъ духовныхъ болѣзней—въ таинствахъ исповѣди и елеосвященія; въ немъ на трапезѣ алтаря предлагается въ свѣдь и въ питіе безцѣннѣйшія и спасительнѣйшія всѣхъ яствъ и напитковъ на свѣтѣ,—тѣло и кровь Богочеловѣка къ очищенію, урочеванію и освященію чадъ Церкви. Поистинѣ, повторяемъ, домъ Божій, святая Церковь, есть полная чаша, какъ ни одинъ домъ на свѣтѣ.

Далѣе Апостоль называетъ Церковь *столпомъ и утвержденіемъ истины*. Это значить, что Церковь есть благонадежная хранительница вѣреннаго ей ученія Христовой истины. Только въ ней истина, внѣ ея заблужденіе. Источникъ истины есть Христосъ, нарицающій Себя Истиною (Іоан. 14, 6), и св. Духъ, нарицаемый Духомъ истины (—16, 13). Церковь есть органъ Господа Бога въ храненіи, въ распространеніи и утвержденіи истины на землѣ. Она сохраняетъ во всей чистотѣ и неповрежденности божественное ученіе и свободна отъ заблужденій. Она не можетъ погрѣшить, отступить отъ истины, ибо съ нею вѣчно пребываетъ самъ Христосъ, по обѣтованію: *Се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка*. Въ ней вѣчно присутствіе, также по обѣтованію Христову, Св. Духъ. Слѣдовательно, какъ непогрѣшимъ самъ Господь, такъ непогрѣшима Церковь, органъ преданной ей истины. Первоначально хранителями и распространителями ея были Апостолы. Они заключили ее въ свои богодухновенныя писанія, а что не вошло въ писанія, то перешло отъ нихъ въ послѣдіе Церкви путемъ преданія. Послѣ Апостоловъ хранителями и истолкователями истины, о которой

свидѣтельствуютъ писаніе и преданіе, были и есть преемники апостольскаго служенія пастыри и учителя Церкви. Каждый изъ нихъ можетъ погрѣшати, и даже совсѣмъ отпадать отъ истины, но невозможно, чтобы погрѣшила вся Церковь. Непогрѣшимый голосъ Церкви слышится въ опредѣленіяхъ вселенскихъ и нѣкоторыхъ, одобренныхъ вселенскими, помѣстныхъ соборовъ, въ писаніяхъ отцовъ и учителей Церкви, въ согласныхъ съ ними катихизическихъ вѣроизложеніяхъ, въ богослужебной практикѣ, въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, повсемѣстно хранимыхъ въ церквахъ отдаленныхъ одна отъ другой и разноплеменныхъ. Вмѣщая и свято храня столь многочисленныя свидѣтельства истины, Церковь въ строгомъ смелѣи есть столпъ и твердыня истины, — твердыня, о которую сокрушились и сокрушаются приражашіяся и приражающіяся къ ней всяческія противоцерковныя мудрованія. Православную Церковь упрекаютъ неподвижностью, окаменѣлостью, отсталостью въ сравненіи съ западными церковными обществами. Можетъ быть этотъ упрекъ отчасти справедливъ въ отношеніи къ миссіонерству. Въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, гораздо больше насъ дѣлаютъ западные христіане. Но если насъ упрекаютъ въ отсталости за то, что мы съ крайнею осторожностію, даже съ недовѣрчивостію относимся къ движеніямъ богословской мысли на западѣ, мало и медленно двигаемся на этомъ пути, то нечего смущаться такими упреками. Православная Церковь потому и есть столпъ и утвержденіе истины, что бережно хранитъ ее, твердо въ своихъ рукахъ держитъ знамя ея, устойчиво выдерживаетъ нападенія на нее, не увлекается, подобно западнымъ христіанскимъ обществамъ, всякимъ вѣтромъ ученія (Еф. 4, 14), всякими новомодными воззрѣніями, которыя во имя истины приводятъ часто къ одной лжи не только протестантовъ, но и такъ называемыхъ католиковъ. Нѣтъ, если въ этомъ отношеніи мы отстаемъ отъ нихъ, то такая отсталость — наша честь и похвала, и дай Богъ, навсегда, во вѣки вѣковъ намъ оставать-

ся въ этой отсталости, въ этой неподвижности, свойственной чадамъ Церкви, импеемой столпомъ и твердынею истины.

Какъ, братія, не благодарить Господа, сподобившаго насъ быть въ нѣдрахъ православной Церкви! Принадлежа къ ней, мы принадлежимъ къ дому Божію, предназначенному къ вѣчному существованію, ибо онъ основанъ на несокрушимой скалѣ, — живемъ подъ охраною прочныхъ стѣнъ этого дома, церковныхъ законовъ и богоустановленной іерархіи, — подъ благонадежною кровлею, т.-е. подъ осѣненіемъ благодати Св. Духа. Принадлежа къ Церкви, мы принадлежимъ къ семейству Божію и пользуемся обильными дарами благодати Св. Духа, какіе для насъ припасены заботливостію о насъ главы этого семейства, хозяина этого дома, самого Господа Бога, обитающаго въ немъ. Принадлежа къ Церкви, мы далеки отъ опасности впасть въ суемудріе и заблужденіе и въ случаѣ этого несчастія для насъ всегда готово врачеваніе, — ибо Церковь есть стѣлпъ и утвержденіе истины.

Но благодаря Господа за счастье, что принадлежимъ къ православной Церкви, пожалѣемъ, братіе, объ отступившихъ отъ нея и пребывающихъ въ расколѣ. Они раздѣлились на многія секты и каждая изъ нихъ называетъ себя Церковію и притомъ единою истинною. Жалкое самообольщеніе!

Вѣруемъ во едину Церковь, потому что Христось основаль только одну Церковь. Раскольники отпали отъ этого единства, и ихъ многочисленныя секты суть только жалкіе отломки отъ великаго корабля церковнаго, а отнюдь не живыя части Церкви. — Истинная Церковь есть церковь Бога живаго. Раскольники чтутъ Бога живаго и ревнуютъ объ угожденіи Ему подвигами благочестія и добродѣтели, но не составляютъ изъ себя Церкви Бога живаго. Онъ есть Богъ мира, любви и единопудія; а они единооушно дышуть только враждою противъ Юго св. Церкви, отъ ко-

торой отпали, и враждуютъ между собою. Богъ не можетъ быть на сторонѣ таковыхъ.

Церковь есть домъ Божій, потому что основана самимъ Богомъ; а ихъ многочисленныя общества ведутъ начало отъ людей, и многія изъ нихъ такъ и называются по именамъ своихъ основателей: Оедосѣвцы, Филиповцы и т. п. Церковь основана на краеугольномъ камнѣ Христѣ; а раскольническія общества основаны на пескѣ чловѣческихъ мнѣній, легко разсыпающихся отъ прикосновенія къ нимъ здраваго, ученіемъ евангельскимъ и церковнымъ просвѣщеннаго смысла.—Домъ Божій, св. Церковь, ограждена стѣнами, каковы законные пастыри Церкви, или священноначаліе, ведущее начало отъ апостоловъ и въ непрерывномъ преемствѣ долженствующее сохраниться до скончанія вѣка,—и церковные законы. Но у раскольниковъ или совсѣмъ нѣтъ священноначалія, или есть незаконное, фальшивое. Церковное священноначаліе благоустраиваетъ жизнь чадъ Церкви на основаніи твердыхъ церковныхъ законовъ. И раскольники хвалятся уваженіемъ къ церковнымъ законамъ,—они благоговѣютъ предъ Кормчею. Но самое существованіе раскола есть уже отрицаніе церковнаго закона, осуждающаго расколь. И можетъ ли имѣть какое значеніе Кормчая, когда нѣтъ у нихъ кормчихъ, когда они окормляются людьми, ведущими ихъ только къ погибели? Кормчая, сколько ни уважаютъ ее отступившіе отъ Церкви, есть мертвая для нихъ книга, а не дѣйствующій законъ.—Домъ Божій, св. Церковь, какъ всякій домъ, вѣнчается кровлею, — т. е. осѣняется благодатію св. Духа. Скажемъ ли, что отъ людей отступившихъ отъ Церкви, отступила совсѣмъ благодать св. Духа? Нѣтъ, благодать предваряющая, зовущая ихъ къ раскаянію въ заблужденіи, безъ сомнѣнія, касается ихъ сердець, какъ она касается всѣхъ людей на свѣтѣ, не только неправовѣрующихъ во Христа, но даже невѣрныхъ,—язычниковъ, магометанъ, евреевъ. Но мы затрудняемся утверждать, чтобы Духъ Святый въ отношеніи къ отступившимъ отъ

Церкви былъ болѣе близокъ, чѣмъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ вообще. Иначе и быть не можетъ,—ибо отвергая присутствіе благодати Св. Духа въ покинутой ими Церкви, въ ея таинствахъ, въ ея святыняхъ, они чрезъ то виновны въ хулѣ на Св. Духа. Можетъ ли Духъ Святой быть очень близокъ къ хулителямъ Его?—Церковь Бога живаго есть домъ Божій, какъ мѣсто обитанія Божія, и принадлежащія къ Церкви суть домашніе Божіи, съ которыми Господь живетъ, какъ отецъ среди своихъ дѣтей. Но отступившіе отъ Церкви не суть домашніе Господа: они не захотѣли жить подъ кровлею Его дома, самовольно удалились изъ него на страну далече и бродятъ по непроходимымъ горамъ и дебрямъ всякаго суемудрія.—Церковь, какъ домъ всебогатаго Господа, есть полная чаша благъ духовныхъ для довольствованія всѣхъ принадлежащихъ къ этому дому. Раскольники, отбѣгнувъ отъ Церкви, обрекли себя на духовный голодъ и жажду,—они лишили себя благодати таинствъ, преподаваемой къ утоленію этого голода и жажды въ православной Церкви, ибо одни изъ нихъ совсѣмъ не принимаютъ таинствъ, кромѣ крещенія, у другихъ хотя совершаются священнодѣйствія подъ именемъ таинствъ, но не имѣютъ благодатной силы, ибо совершаются незаконными священнослужителями.

Церковь есть столпъ и утвержденіе истины; а ураскольниковъ какая истина? Истину ли проповѣдуютъ тѣ изъ нихъ, которые вопреки обѣтованію Божію о вѣчности священства, утверждаютъ, что благодать священства давно оскудѣла, что антихристъ давно пришелъ въ міръ и царствуетъ вездѣ, что таинства совершаемыя въ церкви—не таинства, что совершители ихъ—слуги антихриста? Истину ли проповѣдуютъ тѣ изъ нихъ, которые говорятъ, будто православные подъ именемъ Іисуса вѣруютъ не въ истиннаго Христа Сына Божія, Спасителя міра, а въ другаго какого-то бога, даже въ антихриста? Истину ли они проповѣдуютъ, когда обзываютъ православныхъ еретиками, когда напримѣръ утверждаютъ, будто мы не признаемъ едино-

суція плоти Богочловѣка съ чловѣческою, а вмѣстѣ съ древними еретиками вѣруемъ, что Христось пришелъ съ неба съ готовою плотію, и прошелъ съ нею чрезъ утробу Дѣвы какъ чрезъ каналъ? Въ истинѣ ли они стоятъ, когда хулятъ наше троеперстіе, утверждая, будто въ троеперстіи, употребляемомъ для крестнаго знаменія, выражается мысль о распятіи всей св. Троицы, тогда какъ соединеніе троеперстія съ крестнымъ знаменіемъ служить выраженіемъ той мысли, что распятіе на крестѣ претерпѣло одно изъ лицъ св. Троицы, и что еслибы Распятый не былъ Богомъ равночестнымъ Отцу и Духу, то распятіе Его не было бы спасительно для насъ? За истину ли они стоятъ, когда употребляемое ими двуперстіе, выражающее правую вѣру въ два естества въ лицѣ І. Христа, обращаютъ въ знаменіе вражды противъ Церкви, и такимъ образомъ впадаютъ въ грѣхъ кощунства? За истину ли вообще они стоятъ, когда такъ привязаны къ обряду, что не отличаютъ отъ него догмата, когда утверждаютъ, что безъ старыхъ неисправныхъ книгъ нельзя спастись, что по нимъ спаслись древніе русскіе святые, хотя они спаслись собственно правою вѣрою, одинаковою и въ старыхъ и въ новоисправленныхъ книгахъ?

Не исчисляемъ многихъ другихъ неправыхъ мнѣній, — они многочисленны, — какія господствуютъ у отпадшихъ отъ Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины, и обращаемся къ нимъ съ совѣтомъ: — о чада непокорныя Церкви и упрямыя, бывшія нѣкогда съ нами въ одномъ домѣ Божіемъ, пившія и ѣвшія за одной съ нами божественною трапезою въ этомъ домѣ, и удалившіяся изъ него самовольно! Познайте неправильность вашего положенія, — полно вамъ скитаться вдали отъ Церкви по всякимъ распутіямъ, терпѣть всякія духовныя лишенія. Пора вамъ возвратиться въ домъ отеческій, какъ возвратился блудный сынъ евангельской притчи; пора образумиться, пора очувствоваться. Любвеобильный Отецъ небесный давно ждетъ вашего возвращенія въ свой домъ, всегда готовъ открыть вамъ свои

объятія и допустить васъ до участія въ обильныхъ бла-
гахъ Его дома наряду съ вѣрными Ему чадами Его. Не
медлите, о васъ молитъ св. Церковь, вашего спасенія
ищутъ пастыри Церкви, для вашего вразумленія учреди-
лось особое Братство.—А мы, члены Братства, соединив-
шіеся для сего святаго дѣла подъ хоругвию св. Петра
мигрополита, не престанемъ молитъ его, да своею благо-
датною помощію споспѣшествуетъ намъ въ достиженіи
этой цѣли, не престанемъ по мѣрѣ силъ и средствъ со-
дѣйствовать дѣлу примиренія съ Церковію отпадшихъ
отъ нея.

Прот. Вас. Нечевъ.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. Города Серпухова купеческая дочь, дѣвица Александра
Васильева Крымова, въ прошеніи къ митрополиту, отъ 25
генваря 1853, прописала слѣдующее: „Отецъ мой Серпухов-
ской 3-й гильдіи купецъ Василій Ильинъ Крымовъ имѣеть
въ настоящее время крайне ограниченное состояніе, и
самъ довольно пожилыхъ лѣтъ. Въ случаѣ смерти его, я
означенная неминуемо принуждена буду терпѣть бѣдность
и нищету, не имѣя даже надежнаго пріюта. Почему, во
избѣжаніе угрожающей мнѣ будущности, я неоднократно
предлагала отцу моему устроить судьбу мою чрезъ дозво-
леніе вступить въ бракъ; но отецъ мой никакъ на сіе не
соглашается, не представляя никакихъ на сіе благовидныхъ
резоновъ, кромѣ одной родительской настойчивости оста-
ться навсегда мнѣ дѣвицею. Не въ силахъ будучи упросить
отца моего и не желая болѣе оставаться въ дѣвицахъ, я
Крымова, какъ имѣющая свыше 25 лѣтъ отъ рожденія,
на основаніи 10 тома Св. Зак. 115 статьи (изд. 1842 г.),
сама избрала себѣ на вступленіе въ супружество непре-
пятственное лицо—жениха, который, зная мой образъ
жизни, беретъ меня съ моимъ посредственнымъ состоя-
ніемъ; но безъ согласія отца моего, нашъ приходскій,

церкви Распятія Господня, священникъ Іоаннъ Петровичъ, не уважая моего совершеннолѣтія, вѣнчать совершенно отказался. Почему означенная вынужденно себя нашла обратиться къ вашему высокопреосвященству съ испрашиваніемъ вашего святительскаго благословенія на вступленіе въ бракъ и вмѣстѣ приказанія приходскому священнику повѣнчать насъ“. Вотъ резолюція архипастыря отъ 7 февраля: „1) Консисторіи предписать Распятскому священнику, чтобы изъяснилъ отцу, что пребываніе во всегдашнемъ дѣвствѣ есть даръ, который не всякому дается, и что удерживаніе дочери отъ брака противъ ея воли не есть дѣло угодное Богу, и можетъ имѣть вредныя послѣдствія, и что посему онъ справедливѣе и благонадежнѣе поступить, если устроить дочь въ законный бракъ согласно съ ея желаніемъ. 2) Если симъ не разрѣшится дѣло: рассмотреть по закону“ *).

2. Священникъ С—въ на допросѣ въ Консисторіи показаль слѣдующее: такой-то крестьянинъ раскольникъ, намѣреваясь женить сына на невѣстѣ—моей духовной дочери, просилъ у меня письменнаго о ней свидѣтельства для повѣнчанія на Рогожскомъ кладбищѣ. Но я ему отказаль въ томъ и денегъ съ него не только не требоваль, но и выражалъ готовность обвѣнчать сына его безмездно, еслибъ отецъ вмѣстѣ съ нимъ присоединился къ обще-православной Церкви, на что оба они не согласились. Я предложилъ имъ, по крайней мѣрѣ, перейти въ единовѣріе, указавъ на единовѣрческаго священника А—ва, который могъ бы присоединить и повѣнчать сына. Они, испросивъ у священника А—ва согласіе на повѣнчаніе, опять явились ко мнѣ за свидѣтельствомъ для невѣсты. Но я, не требуя при семъ никакихъ денегъ, изъ одного опасенія, чтобы вѣнчаніе не совершилось на Рогожскомъ кладбищѣ, свидѣтельства оиять не далъ, а потребоваль, чтобы они доставили мнѣ писменное удостовѣреніе отъ священника А—ва о томъ, что онъ дѣйствительно присоединяетъ Сергѣева (*жениха*) къ Церкви и согласенъ вѣнчать его. Но болѣе ко мнѣ они уже не являлись. Сергѣевъ, обратившійся къ единовѣрію, былъ повѣнчанъ по свидѣтельству, выданному

*) Отецъ дѣвицы, по неотступной ея просьбѣ и по сильнымъ убѣжденіямъ родственниковъ, наконецъ согласился на бракъ ея съ избраннымъ женихомъ.

изъ вотчинной конторы, о безпрепятственности ко вступленію такимъ-то въ бракъ и о лѣтахъ ихъ. Владыка положилъ резолюцію (4 сент. 1854): „1) священникъ Алексѣевъ правильнѣе и надежнѣе поступилъ бы, еслибы своимъ отношеніемъ требовалъ отъ священника Соколова свидѣній о невѣстѣ; и тогда или получилъ бы безъ притѣсненія крестьянину, или обличилось бы притѣсненіе, и онъ основалъ бы дѣло на документъ болѣе законномъ. Замѣтить ему сіе. 2) На священника Соколова есть показаніе (со стороны А—ва) въ мздоимствѣ. Оправданіе, якобы не далъ свидѣтельства невѣстѣ, чтобы не пошла на Рогожское кладбище, неудовлетворительно, потому что опасеніе неосновательно. Если на Рогожскомъ кладбищѣ поступаютъ по закону: то неопасно дать свидѣтельство. А какъ невѣроятно, чтобы священникъ Соколовъ не зналъ, что тамъ поступаютъ незаконно и вѣнчаютъ безъ свидѣтельствъ; то неосновательный отвѣтъ его оставляетъ его въ подозрѣніи мздоимства. Объявить ему сіе и подтвердить, чтобы поступалъ съ прихожанами непритѣснительно.“

3. Ильинской, въ Сергіевомъ посадѣ, церкви пономарь вошелъ прошеніемъ къ митрополиту о дозволеніи вступить во второй бракъ. Владыка написалъ 7 іюня 1856: „Преосвященный разсмотритъ и рѣшитъ“. Узнавъ потомъ отъ священника о болѣзненности пономаря, по которой онъ къ отправленію своей должности становится мало способнымъ, и о дѣтяхъ его, владыка далъ резолюцію 21 іюня: „преосвященный приметъ сіе въ соображеніе съ просьбою о бракѣ“. Но преосвященный викарій уже разрѣшилъ ему (16 іюня) вступленіе въ бракъ, о чемъ и указъ на имя его былъ посланъ къ благочинному. Но какъ благочинный, по измѣнившимся обстоятельствамъ, задержалъ указъ, то пономарь принужденъ былъ просить митрополита о выдачѣ онаго, прописавъ, что пользуется хорошимъ здоровьемъ и что, готовясь къ браку, издержалъ 20 руб. сер. Высокопреосвященный положилъ на его прошеніи слѣдующую резолюцію (30 іюня): „данное разрѣшеніе (вступить во 2 бракъ) не взято назадъ, но поручено благочинному совѣтовать просителю, чтобы хорошо вразумилъ себя, будетъ ли полезно ему умножать свое семейство, когда онъ находится въ опасности лишиться мѣста по глухотѣ“.

4. 1856, генв. 18. „Относительно жениха *глухоньмага*, (отставнаго пуб. секретаря) сомнѣнія не представляется.

Если и невѣста (*и.мухомъмая же*) пользуется употребленіемъ умственныхъ способностей, не смотря на недостатокъ языка: то священникъ можетъ совершить сей бракъ, по употребленіи узаконенныхъ предосторожностей, и о послѣдующемъ донести съ приложеніемъ сего (*прошенія отъ жениха*).

5. Въ одной церкви происходило вѣнчаніе. По окончаніи обрученія жениха и невѣсты кольцами, внезапно явилась какая-то женщина, и кланяясь у аналоя въ ноги священнику, просила остановить бракосочетаніе, потому, что женихъ (*крѣпостной*) обѣщался на ней жениться и уже имѣетъ отъ нея семь человекъ дѣтей. Священникъ, прекративъ богослуженіе, донесъ о томъ владыкѣ. Вотъ резолюція отъ 29 сент. 1855: „1) если позволить всякой безстыдной женщинѣ бездоказательными словами останавливать начатое уже таинство брака: то могутъ произойти оскорбленія честнымъ людямъ и важныя замѣшательства. Ревельская мѣщанка должна была объявлять свои претензіи при трехъ публикаціяхъ, и тогда священникъ обязанъ былъ просить разрѣшенія (*архіерейскаго*). За допущенный беспорядокъ сдѣлать ему выговоръ. 2) О недоконченномъ бракѣ Консисторіи опредѣлить, что слѣдуетъ“ *).

6. 1854, нояб. 8. „Мѣстному священнику совершить сей бракъ немедленно, если нѣтъ законнаго препятствія, а завтра явиться ко мнѣ съ симъ прошеніемъ (*брата женихова*) для объясненія“.

„Ноября 15. Крестьянинъ Козловъ жаловался, что священникъ Р—въ просилъ за браковѣнчаніе предварительно 5 р. с., съ угрозою безъ того не вѣнчать. Священникъ запирается, но не представляетъ ничего, отъ чего бы могла произойти несправедливая жалоба. А нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы крестьянинъ безъ нужды сталъ жаловаться съ тратой денегъ на гербовую бумагу. Крестьянинъ жаловался, что священникъ насчитываетъ какого-то долга 5 р. 60 к. (*асс.*) Священникъ говоритъ, что отъ матери крестьянина требовалъ 1 р. 60 к. долга за свѣчи (*сожженные во время поминовенныхъ службъ*); но это дѣло не его, а

*) Она опредѣлила: „какъ означенная мѣщанка никакого доказательства на слова свои доселѣ не представила: то предписать священнику совершить бракъ, о чемъ увѣдомить и г. Моск. Оберъ-полицеймейстера“.

церковнаго старосты, и за симъ не слѣдовало останавливать брака. Посему священника оставить въ подозрѣніи домогательства доходовъ, а за неумѣстное требованіе свѣчнаго долга и остановку за симъ брака положить ему въ каѳедральномъ соборѣ сорокъ поклоновъ“.

7. 1857, генв. 17. „Единобѣрческому священнику Іоанну Березкину, если подтвердится по сношеніи съ приходскимъ священникомъ отца неvěсты, что онъ многіе годы не былъ у исповѣди и святаго причастія, и что онъ не имѣеть довольнаго попеченія о дочери, и если не получить свѣдѣній о какихъ-либо уважительныхъ причинахъ несогласія отца (*на бракъ дочери съ такимъ-то*), совершить сей бракъ по употребленіи прочихъ узаконенныхъ предосторожностей, и о послѣдующемъ донести съ приложеніемъ сего (*прошенія жениха и неvěсты*).“

8. На прошеніе жениха о дозволеніи повѣнчаться въ недѣлю мясопустную, а раньше этого онъ по своимъ дѣламъ не можетъ, владыка предписалъ (1857, фев. 7): „свои дѣла не должно поставлять выше церковнаго правила (*которое не велитъ совершать бракъ въ это время*).“

9. 1858, генв. 10. „Діаконъ (*заштатный*) признался, что просилъ съ сына (*канцел. служ.*) 50 рублей за позволеніе вступить въ бракъ. Учинить слѣдующее: 1) сыну разрѣшить вступленіе въ бракъ, не останавливаясь незаконнымъ требованіемъ отца. 2) Діакону за притѣсненіе сына положить въ каѳедральномъ соборѣ сорокъ поклоновъ“.

10. 1857, генв. 30. „Послѣ восемнадцатилѣтняго вдовства неблаговремененъ бракъ въ причетникѣ, и намѣреніе искать неvěсту противъ общаго правила въ другомъ званіи—неодобрительная черта. Съ такими расположеніями лучше бы самъ шелъ въ другое званіе.“

1857, іюля 30. „Вопросъ о согласіи матери (*женеха*) надлежало рѣшить при обыскѣ, прежде назначенія дня вѣнчанія, и не доводить жениха и неvěсты до того смущенія и стыда, что они пришли въ церковь вѣнчаться и возвратились неvěнчанными. Допросить священника, и рассмотреть“ *).

*) Священникъ въ церкви узналъ, что есть мать у жениха, и что онъ безъ ея дозволенія вступаетъ въ бракъ. При обыскѣ онъ сказалъ, что не имѣеть родителей, но это слѣдовало оговорить въ обыскѣ, чего требуетъ и форма.

12. 1858, іюля 6. „Православный назвалъ себя расколникомъ и присоединился къ единовѣрческой церкви, для того, чтобы вступить въ бракъ, тогда какъ не рѣшено дѣло о его прежнемъ сожитіи *). Единовѣрческій священникъ принявъ его безъ всякаго дознанія, думаетъ извинять себя тѣмъ, что такъ обыкновенно бываетъ. Такіе безпорядки требуютъ дѣятельныхъ мѣръ противъ возобновленія оныхъ. Предположеніе консисторіи, чтобы единовѣрческіе священники присоединяли къ Церкви расколниковъ по удостовѣреніи свѣтскаго начальства, не удовлетворительно. Какого начальства? Можетъ ли священникъ обращаться къ нему? Есть ли законное основаніе требовать отъ него удостовѣренія, что такой-то расколникъ?—Рѣшеніе консисторіи не удовлетворительно. Пересмотрѣть дѣло въ соображеніи съ законами, съ пунктами митрополита Платона **) и прочими предписаніями св. Синода“.

Примѣчаніе. Единовѣрческимъ священно и церковнослужителямъ, всѣмъ вообще, предписано съ утвержденія его высокопреосвященства (окт. 3), чтобы для присоединенія къ церкви неизвѣстныхъ имъ лицъ, не довольствовались показаніемъ самихъ этихъ лицъ о принадлежности къ расколу, а дознавали бы о семъ отъ постороннихъ, кому они хорошо извѣстны, принадлежащихъ къ единовѣрческой или общеправославной Церкви, и въ случаѣ нужды обращались бы по сему къ мѣстнымъ священникамъ тѣхъ приходоѡ, въ коихъ числятся они.

13. 1858, іюля 2. „Прошеніе заслуживаетъ быть оставлено безъ уваженія, потому что просительница ищетъ денегъ (что не относится до духовнаго начальства), а не исправленія отъ грѣха. 2) Впрочемъ о извѣтѣ на Никитина объявить приходскому священнику для увѣщанія, чтобы если Никитинъ позволилъ себѣ незаконное сожитіе, то обратилъ оное въ законное (*онъ хотѣлъ жениться на другой*). 3) На просительницу (*просила о вознагражденіи за безчестіе*) наложить епитимію подѣ смотрѣніемъ духовнаго отца“.

*) Въ августѣ 1857 г. перейдя изъ раскола въ православіе и не желая продолжать сожительство съ крестьянскою дѣвкой—расколницею, просилъ о дозволеніи вступить въ бракъ съ православнымъ лицомъ, но не выждавъ рѣшенія сего дѣла, явился къ единовѣрческому священнику, назвалъ себя расколникомъ и заявилъ желаніе принадлежать къ единовѣрческой церкви, въ ней и повѣнчаться.

**) Пятымъ пунктомъ правилъ 1800 г. православнымъ воспрещается переходъ въ единовѣріе.

14. 1858, апр. 21. Поелику прошеніе (*коллежской ре-истраторши о дозволеніи вступить во второй бракъ, за ссылкою мужа*) на простой бумагѣ, не показано, кто сочинялъ и переписывалъ, и употреблено неприличное выраженіе, будто Богъ предоставилъ просительницѣ порочную судьбу, тогда какъ предаться или не предаться пороку зависитъ отъ свободной воли человѣка: то прошеніе сіе оставить безъ дѣйствія, и документъ возвратить“.

15. 1858, мая 5. „Отецъ опорочиваетъ невѣсту сына; но доказательствъ не представляетъ. Сдѣлать еще увѣщаніе сыну, чтобы онъ размыслилъ, обѣщаетъ ли добрыя послѣдствія сей бракъ; и если останется въ намѣреніи непреклоннымъ, поступить по сему опредѣленію (*дозволить вступленіе въ бракъ*)“.

16. 1858, мая 8. „Епитимія не препятствуетъ просительницѣ вступить въ законный, безпрепятственный въ другихъ отношеніяхъ бракъ“.

17. 1858, мая 15. „Если просительница (*крестьянка*) не хочетъ выдать дочери за Павлова, то для чего же запрещать ему иной бракъ *)? А то, что просительница хочетъ цѣломудріе своей дочери продать за деньги, достойно порицанія, а не споспѣшествованія“.

Ар. Г—рій.

*) Она просила запретить вѣнчать его, если онъ захочетъ вступить въ бракъ съ другою невѣстою, пока не вознаградитъ ее за безчестіе дочери.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышелъ изъ печати 2-й томъ Словъ и Рѣчей
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА
отъ 1821 до 1826 годовъ.

Продается у Оерапонтова, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ и у издателей—Московской Александровской, при домѣ Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ, церкви, протоіерея Павла Казанскаго и Московской Успенской, въ Печатникахъ, близъ Срѣтенскихъ воротъ, церкви священника Константина Богоявленскаго. Цѣна 1 р. 50 к., вѣсовыхъ за два фунта.

Тамъ же продается 1-й томъ *Словъ и Рѣчей* отъ 1803 до 1821 годовъ, съ портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к., вѣсовыхъ за два фунта.

Выписывающіе оба тома вмѣстѣ прилагаютъ вѣсовыхъ за три фунта; выписывающіе же болѣе десяти экземпляровъ прямо отъ издателей вѣсовыхъ не прилагаютъ.

Фотолитографическій портретъ митрополита Филарета отдѣльно. Цѣна 30 к. Выписывающіе отъ одного до десяти экземпляровъ вѣсовыхъ прилагаютъ за одинъ фунтъ; выписывающіе болѣе десяти экземпляровъ прямо отъ издателей вѣсовыхъ не прилагаютъ.

О продолженіи еженедѣльнаго изданія „Миссіонеръ“ въ 1875 году.

Поставивши себѣ задачей сообщеніе свѣдѣній о распространеніи христіанства, возбужденіе въ русскомъ обществѣ сочувствія къ миссіонерству, и назиданіе въ этомъ направленіи своихъ читателей, редакція еженедѣльнаго изданія „Миссіонеръ“, руководствуясь утвержденною Святѣйшимъ Синодомъ программю, и въ будущемъ 1875 году останется вѣрною своей задачѣ.

Достиженію цѣли изданія „Миссіонера“ будутъ служить статьи, содержащія въ себѣ: 1) *историческіи свѣдѣнія о насажденіи и распространеніи христіанской вѣры* въ различныхъ странахъ міра и біографіи замѣчательныхъ дѣятелей миссіонерства; 2) *разказы изъ современной дѣятельности православныхъ миссіонеровъ*; 3) *историческія свѣдѣнія о миссіонерской дѣятельности западныхъ христіанъ и разказы изъ современной ихъ миссіонерской практики*; 4) *этнографическія свѣдѣнія изъ мѣстъ дѣятельности миссіонеровъ*: описаніе вѣровацій, нравовъ, обычаевъ, условій жизни и быта инородцевъ, вмѣстѣ съ описаніемъ природы въ мѣстахъ миссіонерской дѣятельности; 5) *обсужденіе способовъ и пріемовъ распространенія христіанства*; 6) *статьи общеназидательныя*, имѣющія цѣлю, между прочимъ, раскрытіе и утвержденіе христіанскихъ истинъ и нравственныхъ понятій въ самихъ православныхъ христіанахъ, подъ вліяніемъ духа времени, нерѣдко измѣняющихъ своему высокому призванію—*быти светомъ міра*; 7) *разныя извѣстія, замѣтки, миссіонерскіе отчеты, и т. под.*

Въ 1875 году съ января „Миссіонеръ“ будетъ выходить еженедѣльно въ объемѣ отъ одного печатнаго листа и болѣе. Цѣна годовому изданію *три руб.*, съ пересылкою и доставкою *три рубля пятьдесятъ копѣекъ.*

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи еженедѣльнаго изданія „Миссіонеръ“ въ квартирѣ священника Троицкой, на Арбатѣ, церкви Владиміра Семеновича Маркова; въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества въ домѣ Казанской церкви у Калужскихъ воротъ, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. *Иногородные* благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію „Миссіонера“ въ Москвѣ.

Въ редакціи „Миссіонера“ продаются слѣдующія книги:

1) Сборникъ свѣдѣній о православныхъ миссіяхъ и дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества. Москва. 1872. Цѣна за обѣ 1 р. 50 коп., а за каждую порознь 1 р. 2) Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 г. до 1863 г. *А. С. Стурдзы*, Ц. 1 р. и съ пересылкой. 3) Бесѣдовательное толкованіе втораго посланія ап. Павла къ Солунянамъ. *Епископа Теофана*. М. 1873. Ц. 75 к. 4) Нѣсколько проповѣдей *А. Ключарева*. Москва. 1873. Ц. 1 р. 5) О Евангеліи отъ Матѳея. Разборъ и опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. *Свящ. Влад. Маркова*. Москва. 1873. Ц. 1 р. 25 коп.

Вышла въ свѣтъ книга: *Обіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ съ краткимъ обзоромъ жгъ предпринимавшихся къ улучшенію положенія заштатныхъ вдовъ и сиротъ*. Протоіерея Іоанна Чижевскаго. Харьковъ. Въ Университ. Типографіи. 1874 года, 212 стр. Цѣна книгѣ 75 коп. за одинъ экземпляръ; на пересылку прилагается за одинъ фунтъ по разстоянію. Выписывающіе до пяти экземпляровъ за пересылку ничего не прилагаютъ. Выписывающіе отъ десяти до пятидесяти экзем. платятъ за каждый экзепл. по 70 коп. съ пересылкою; выписывающіе отъ пятидесяти и свыше получаютъ экземпляръ по 65 к. съ пересылкою.

Съ требованіями о выпискѣ экземпляровъ этой книги обращаться преимущественно въ „Редакцію Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ Харьковѣ. Можно получать эту книгу въ книжныхъ магазинахъ и лавкахъ—въ Харьковѣ, въ Воронежѣ: въ книжной лавкѣ Митрофаніева монастыря; въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Литова; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Ѳерапонтова и С.-Петербургѣ И. П. Анисимова.

Въ редакціи Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей можно получить изданіи:

1. „О церковномъ хозяйствѣ“. Цѣна безъ пересылки и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 70 коп. за экземпляръ.

2. О домашнихъ наставникахъ и учительницахъ приходскаго начальнаго народнаго училища и частныхъ учительницахъ. Цѣна съ перес. и безъ перес. 40 коп.

3) Журналъ „Духовный Вѣстникъ“ за 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы, по три рубля съ пересылкою за каждый годъ; четыре книжки за 1867 годъ (съ января по апрѣль включительно) съ перес. два руб.; за всѣ же годы вмѣстѣ, начиная съ 1862 по апрѣль 1867 года, восемь рублей съ перес. Цѣна отдѣльной книжкѣ за какой бы ни было годъ и мѣсяцъ съ пересылкою шестьдесятъ коп.

4. „Малороссійское дуляночное пчеловодство“ по методѣ священника Алексѣя Юшкова. Цѣна съ перес. и безъ перес. 60 к.

Письма съ деньгами, посылки и всю вообще корреспонденцію адресовать такъ: „въ Редакцію Харьков. Епарх. Вѣдом.“

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

5, 13—6, 10.

Приступая къ толкованію 5, 13, св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостоль переходитъ къ нравственной части посланія. Впрочемъ въ посланіи къ Галатамъ примѣчается нѣчто особенное, чего ни въ одномъ изъ другихъ его посланій нѣтъ. Всѣ другія посланія онъ обыкновенно раздѣляетъ на двѣ части, изъ коихъ въ первой разсуждаетъ о догматахъ, а въ другой излагаетъ правила для жизни. Но въ семъ посланіи, перешедши къ нравственному ученію, послѣ опять присоединяетъ къ нему ученіе догматическое; ибо нравственное опять имѣетъ нужду въ догматическомъ“. Также понимаетъ поворотъ мыслей здѣсь у апостола и блаж. Теодоритъ: „Апостоль переходитъ уже къ нравственнымъ совѣтамъ и повелѣваетъ позаботиться и о дѣятельной добродѣтели“.

Въ самомъ изложеніи нравственныхъ уроковъ не трудно замѣтить три отдѣла. Въ *первомъ* указывается общее на всю жизнь начало христіанской дѣятельности,—5, 13—25; *во второмъ* опредѣляется достодолжный характеръ совершеннѣйшихъ въ христіанскомъ обществѣ лицъ руководящихъ, въ ихъ отношеніи къ менѣе совершеннымъ, съ краткимъ указаніемъ отношенія и сихъ послѣднихъ къ

нимъ 5, 26—6, 6; въ *третьемъ* означается сильнѣшее побужденіе къ жизни духовной и всякому добродѣланію (6, 7—10).

1) *Общее начало христіанской жизни.*

Со словъ апостола въ настоящемъ мѣстѣ начало сіе можно выразить такъ: пребывайте въ дѣятельной взаимной любви и духовную проводите жизнь въ борьбѣ со страстями и похотями. Къ такому общему правилу привело предшествовавшее разсужденіе о свободѣ отъ закона. Апостоль говоритъ какъбы: во Христѣ Иисусѣ вы освободились отъ ига закона, но не затѣмъ, чтобы ходить въ воляхъ сердца своего плотолюбиваго; здѣсь возлагается на васъ свое иго—иго любви—благое. Освобождены вы отъ рабства закону, потому что Духа пріяли, который въ сердцѣ вашемъ пишетъ свои духовные законы: живите же въ духѣ и похотей плотскихъ не совершайте.

Ст. 13. *Вы бо на свободу званіи бысте, братіе: точію да не свобода ваша въ вину плоти, но любовію работайте другъ другу.*

Законъ опредѣлялъ всякій шагъ іудея. Іудей ходилъ по привычнымъ правиламъ, какъ по клѣточкамъ. Когда эти клѣточки разломаны, не дивно, что могли рождаться вопросы, какъ же теперь дѣйствовать? Свобода послѣ стѣсненія ведетъ къ разгульности; чувствуется сильный позывъ вкусить побольше и пошире всякаго рода удовольствій. Какъ чувственныя удовольствія ближе и извѣстнѣе, то имъ и отдается свобода. Но тутъ начинается новый плѣнъ—пагубный. Чтобы этого не случилось, Апостоль и предостерегаетъ: смотрите, чтобы свобода ваша не была въ вину плоти,—т.-е. не послужила поводомъ къ поблажкѣ чувственности. „Не для того, говоритъ, освобождены вы отъ рабства закону, чтобы грѣшить необязненно“ (Феодоритъ). *Но любовію работайте другъ другу.* Вотъ вамъ приличное занятіе—работать другъ другу: другъ другу помогать, другъ другу пособствовать въ его дѣлахъ,

другъ друга вразумлять и утѣшать. Это будетъ самымъ лучшимъ употребленіемъ свободы и доставить вамъ не-сказанное утѣшеніе самимъ больше, чѣмъ другимъ, только позаботьтесь дѣйствовать такъ по любви. Любовію исполнитесь другъ къ другу. Тогда эта любовь покоя вамъ не дастъ, понуждая васъ непрестанно дѣлать что-нибудь для другихъ, и по силѣ, и сверхъ силы. „Кто искренно любить, тотъ не отказывается служить любимому“ (Феодоритъ). И не только не отказывается, но самъ изыскиваетъ чѣмъ бы кому послужить, и скучаетъ, когда ничего не удастся сдѣлать для другихъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Христось, говоритъ апостоль. свободилъ насъ отъ ига рабства и предоставилъ намъ свободу дѣлать, что хотимъ; только чтобы мы сію свободу употребляли не на зло, но средствомъ къ полученію бѣльшей награды, восходя къ совершеннѣйшей мудрости, И поелику Апостоль выше и ниже называетъ законъ игомъ рабства и упомянулъ объ освобожденіи отъ клятвы законной, то дабы кто не подумалъ, будто онъ убѣждаетъ оставить законъ для того, чтобы жить беззаконно, онъ предупреждаетъ такую мысль, говоря: Христось свободилъ насъ отъ закона не для того, чтобы жить намъ беззаконно, но чтобы стяжать мудрость высшую закона: потому что узы закона разрѣшены; и я говорю сіе не для того, чтобы намъ еще болѣе унизиться, но чтобы болѣе возвыситься. Ибо и любодѣй и дѣвственникъ оба преступаютъ предѣлы закона, но не одинаково: одинъ ниспалъ въ худшее, а другой возвысился къ лучшему; одинъ преступилъ закопь, а другой превзошелъ законъ. Итакъ св. Павелъ говоритъ: Христось снялъ съ васъ иго не для того, чтобы вы, какъ кони, прыгали и бѣсились, но чтобы освобожденные отъ бремени текли благоустроеннѣе. Далѣе Апостоль показываетъ и легкій способъ достигнуть сего: какой же? *Любовію*, говоритъ, *работайте другъ другу*. Чтобъ они, освобождаясь отъ ига закона, не сдѣлались безчинными, онъ налагаетъ на нихъ другое иго—любви,

которое хотя больше и крѣпче перваго, но гораздо легче и пріятнѣе“.

Ст. 14. *Ибо весь законъ во единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего якоже себе.*

„Разсмотрѣвши законъ со всѣхъ сторонъ, говоритъ: если хочешь исполнить законъ, то не обрѣзывайся; ибо онъ исполняется не въ обрѣзаніи, а въ любви“ (св. Злат.). Апостоль говоритъ какбы: такъ выходить по духу новой жизни во Христѣ Иисусѣ, чтобы вы работали другъ другу любовію; но не иное выходить и по существу самаго закона. Если ты ревнитель закона, то возлюби ближняго твоего какъ себя, и весь законъ тобою исполненъ. Ибо любовію исполняется весь законъ. Всякое предписаніе закона въ отношеніи къ братіямъ указывало дѣло любви. Кто исполнялъ его, являлъ любовь. Но только въ ту пору и являлъ. Но кто возгрѣлъ любовь въ сердцѣ, тотъ постоянно носить въ сердцѣ готовность на всѣ дѣла любви. Частныя дѣйствія любви не исчерпываютъ всего источника, изъ коего исходятъ. Онъ и сильнѣе и обильнѣе ихъ. Ревностный законникъ являлъ перемежающіеся акты любви, пусто имѣя сердце во все время, какъ оно незанято дѣломъ любви. Во Христѣ Иисусѣ не такъ. Тутъ любовь не изсякаетъ, а постоянно есть. Не тогда только зараждается и является, когда случай законный къ тому представится; но постоянно дѣйствуетъ въ сердцѣ и не ждетъ закономъ опредѣленнаго случая, а сама его изыскиваетъ, и когда дѣлаетъ, не по мѣрѣ закона дѣлаетъ, а по своей широтѣ, которой нѣтъ мѣры. Разность выходитъ великая, и особенно въ томъ, что тогда дѣла любви шли отъ предписаній внѣшнихъ, а теперь идутъ по указанію и влеченію изъ сердца, съ самоначинаніемъ. Теперь христіанинъ и вполне свободенъ, и есть исполнитель закона, совершеннѣйшій и полнѣйшій. Ибо любовь Божія изливается въ сердце его Духомъ Святымъ, даннымъ намъ. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „что прежде дѣлали мы по необходимости законной, то, ставъ свободными отъ закона, дѣлать мы

должны уже по любви. Любовь есть столь великое благо, что весь законъ въ ней совмѣщается“.

Блаж. Августинъ спрашиваетъ при семъ: чего ради Апостоль говоритъ о любви только къ ближнимъ, когда весь законъ и пророки висятъ не на одной этой любви, но наипаче на любви къ Богу? И рѣшаетъ сей вопросъ такъ: любовь къ Богу и любовь къ ближнимъ неразлучимы. Кто любитъ Бога отъ всего сердца, тотъ любитъ непременно и ближняго, потому что на это есть ясная заповѣдь Того, Кого онъ любитъ отъ всего сердца. Любовь собственно одна: она любитъ Бога и ради Бога ближняго своего. Поеллику въ этомъ все существо спасительнаго настроенія; то надлежало указать вѣрнѣйшій признакъ къ безошибочному опредѣленію, имѣеть ли кто любовь такую или нѣтъ. Въ чемъ любовь къ ближнимъ, всякій очень ясно знаетъ; потому осязательно можетъ опредѣлить, имѣеть ли онъ ее или нѣтъ. Любовь же къ Богу можетъ иной ошибочно предполагать въ себѣ, не имѣя ее. Вотъ почему и выставляется у Апостола одна любовь къ ближнимъ: ибо кто ее имѣеть, тотъ имѣеть и любовь къ Богу. Съ отрицательной же стороны, это еще вѣрнѣе: кто неимѣеть любви къ ближнимъ, тотъ уже рѣшительно не можетъ хвалиться любовію къ Богу. (Приводится не слово въ слово). И самъ Спаситель вѣрнымъ признакомъ учениковъ своихъ поставилъ взаимную ихъ между собою любовь. Любимѣйшій ученикъ Его и учитель любви говоритъ: *аще кто речеть: яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяи брата, евоже видѣ, Бога, Евоже не видѣ, како можетъ любити? И сію заповѣдь имамы отъ Него, да любяи Бога, любимъ и брата своего.* И цѣль, какую имѣеть здѣсь Апостоль, заставила его такъ сдѣлать. Разномысліе, вкравшееся между Галатами, привело ихъ къ тому, что пошли у нихъ разлады и раздоры. Очевидно,—любовь изсякать стала. Апостоль указаніемъ на великое значеніе любви въ дѣлѣ богоугожденія, хочетъ привести ихъ къ сознанію, что

они приняли кривое направленіе, когда изъ-за ложныхъ ученій попустили ослабнуть въ себѣ узамъ любви. Съ этою цѣлію и говорить онъ далѣе.

Ст. 15. *Аще же другъ друга урызаете и снѣдаете, блудитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете.*

Хоть и можно полагать, поставляя сіи слова въ прямую связь съ 13 ст., что св. Павелъ хотѣлъ въ нихъ представить побужденіе ко взаимной дѣятельной любви и изъ пагубныхъ послѣдствій, какія обычно даетъ отъ себя взаимное нелюбіе; но нельзя не видѣть, что чрезъ это вводятся понятія, къ которымъ ни прежде не подано повода, ни послѣ ничего не говорится похожаго на нихъ.

Чтобы эти слова стройно сходились съ 13 ст., надобно въ него ввести слѣдующую мысль: работайте другъ другу любовью, и чрезъ это возвысите свое благоденствіе. Тогда прямо будетъ слѣдовать: если же между вами будетъ нелюбіе и вы будете другъ другу дѣлать зло, то смотрите, какъбы вамъ не истребить другъ друга. Такимъ образомъ этотъ стихъ будетъ въ связи не прямо съ 13 стихомъ, а съ предполагаемымъ послѣдствіемъ законополагаемаго имъ образа жизни. Но справедливо ли такъ поступать?

Такимъ образомъ совсѣмъ не лишній вопросъ: для чего св. Павелъ сказалъ такъ, или далъ такой оборотъ рѣчи?

Св. Златоустъ такъ понимаетъ сіи слова, что они не общую мысль выражаютъ, а прикровенно обличаютъ недоброе состояніе Галатовъ, чтобъ образумить ихъ и указавъ источникъ его въ прившедшей ереси, тѣмъ самымъ въ неблагопріятномъ видѣ представить и ее самую. Еще подъ 13 ст. на слова: *любовію другъ другу работайте*, говорилъ онъ: „разумѣть даетъ Апостоль, что причиною ихъ заблужденія были любопренія, несогласія, любоначаліе и гордость, ибо мать ересей есть страсть любоначалія. И словами: *работайте другъ другу*, онъ показалъ, что зло произошло именно отъ сего тщеславія и гордости. Почему представляетъ и врачество соотвѣтственное. Поелику, говорить, вы раздѣлились между собою, желая

властвовать одинъ надъ другимъ: то служите другъ другу, и вы опять соединитесь. Впрочемъ ясно не называетъ онъ грѣха ихъ, и ясно предлагаетъ только способъ исправленія, чтобы отсюда они узнали и грѣхъ свой, подобно тому, какъ еслибы кто не говоря прямо распутному, что онъ распутенъ, сталъ бы только убѣждать его къ цѣломудрію“. Эту же мысль ведетъ св. Златоустъ и подъ 15 стихомъ: „онъ не высказалъ здѣсь своей мысли прямо, чтобы неогорчить ихъ, хотя зналъ, что такъ и дѣлается между ними; но тоже самое говорить, только съ видомъ нѣкотораго сомнѣнія. Ибо не сказалъ: поелику вы другъ друга *угрызаете*, также и далѣе не сказалъ прямо: *другъ отъ друга истреблены будете*. Каковая рѣчь свойственна устрашающему только и совѣтующему, а не осуждающему. Слова же употребилъ самья разительныя и рѣзкія. Ибо не сказалъ только: *угрызаете*, что дѣлаетъ иногда раздраженный, но прибавилъ: *снѣдаете*, что свойственно закосившему въ злобѣ. Угрызающей насыщаетъ только страсть гнѣва; а снѣдающей обнаруживаетъ въ себѣ крайній степень звѣрства. Впрочемъ онъ разумѣетъ не тѣлесныя угрызенія и снѣденія, но много еще худшія. Ибо не столько дѣлаетъ вреда, кто снѣдаетъ плоть человѣка, сколько тотъ, кто угрызаетъ душу его. Ибо чѣмъ дороже душа тѣла, тѣмъ тягостнѣе и зло, ей причиняемое. *Блудитесь да не другъ отъ друга истреблены будете*. Поелику обманщики и злоумышленники приходятъ для того, чтобы погублять другихъ: то смотрите, говорить, чтобы дѣло не дошло и до васъ. Раздѣленія и распри растлѣваютъ и поядаютъ какъ пріемлющихъ, такъ и посѣявающихъ оныя, и еще болѣе, чѣмъ моль, все изъѣдаютъ“.

Блаж. Иеронимъ другую мысль проводить. Надобно, говорить, такъ истолковать это мѣсто, чтобы не казалось, что св. Павелъ вдругъ переходитъ къ неожиданнымъ наставленіямъ, стоящимъ внѣ всякой связи съ содержаніемъ посланія. Онъ хочетъ имъ сказать: получивъ свободу отъ закона, любовію работайте другъ другу. И это будетъ

самое лучшее исполненіе самаго закона. А если вы съ закономъ останетесь, то должны будете уже все принимать, принимать и *око за око*. Слѣдуя же сему, будете другъ друга угрызать и снѣдать. Поопаситесь! Вотъ къ чему поведетъ васъ законъ! Вы другъ отъ друга истреблены будете (не слово въ слово).

Ст. 16. *Глаголю же: духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте.*

Минуемъ это вводное объясненіе, и возвратимся къ главной мысли Апостола: освободясь отъ закона, живите въ дѣятельной другъ къ другу любви. Стоя въ этой мысли, не можемъ не спросить: въ какомъ же отношеніи къ тому закону любви состоитъ настоящее правило: духомъ ходить и похоти плотской несовершать? Св. Златоустъ отвѣчаетъ: въ отношеніи средства къ цѣли. „Вотъ показываетъ и другой способъ облегчающій добродѣтель и содѣйствующій къ исполненію вышесказаннаго, раждающій любовь и поддерживаемый любовію. Ибо ничто такъ не дѣлаетъ насъ любвеобильными, какъ жизнь по духу, и ничто такъ не убѣждаетъ Духа обитать въ насъ, какъ сила любви“.

Глаголю же,—не такая мысль: предписывая вамъ законъ любви, я говорю тоже, что: *духомъ ходите*; а такая: къ этому, или при этомъ я говорю вамъ: *духомъ ходите*.... Для того, чтобы пребывать вамъ во взаимной любви, *духомъ ходите, и похоти плотской не совершайте*. Почему такъ? Вотъ почему: похоть плотская есть тоже что живущій въ насъ грѣхъ; она въ другомъ мѣстѣ названа и мудрованіемъ плотскимъ. Это *мудрованіе плотское закону Божію не покарается, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7). А любовь есть исполненіе закона. Выходить, что это несомѣстимыя противоположности. Похоть плотская есть отрицаніе закона, а любовь отрицаніе всякаго беззаконія. Гдѣ дѣйствуетъ любовь въ силѣ, тамъ нѣтъ мѣста похоти плотской; и гдѣ похоть плотская, тамъ не ищи любви. Кто слушается внушеній любви, тотъ не станетъ слушаться яскушеній похоти плотской. Но для того, чтобы не слу-

паться искушеній плоти, надо пріять благодать Духа и ходить въ Духѣ. Такимъ образомъ очевидно, что св. Павелъ хотѣлъ сказать Галатамъ: по освобожденіи отъ закона вы обязаны ходить въ любви, а чтобы въ любви ходить, ходите Духомъ и похоти плотской не совершайте.

Что значить Духомъ ходить? У насъ есть и свой духъ, богоподобная сила, вдуваемая въ человѣка отъ Бога, которой назначеніе вводитъ человѣка въ жизнь въ Богѣ и держать въ ней. Стихіи нашего духа—сознаніе божества съ чувствомъ всесторонней отъ него зависимости, страхъ Божій, сознаніе обязанности благоугождать Богу, увѣренность въ блаженной вѣчности. Всѣми этими стихіями духъ устремлялъ человѣка отъ себя и отъ всего тварнаго къ Богу, какъ послѣдней цѣли, все прочее обращая въ средство къ ней. Когда человѣкъ палъ, то низпалъ отъ Бога и остановился на себѣ, и себя поставилъ главною цѣлію жизни. Духъ потерялъ надъ нимъ власть, вмѣсто его стало царить въ немъ самолюбіе. Изъ самолюбія развились гордость, своекорыстіе, сластолюбіе, а отъ этихъ потомъ все полчище страстей. Всѣ онѣ въ разныхъ отѣнкахъ стали заправителями жизни человѣка. Духъ замолкъ, и если подавалъ иногда голосъ, его не слушали.

Господь и Спаситель принесъ на землю благодать Всевсвятаго Духа, которая вмѣстѣ съ проповѣдію евангелія и пошла по лицу земли. Сила проповѣди евангелія отъ благодати. Вмѣстѣ съ словомъ чрезъ слухъ входитъ въ сердце благодать и пробуждастъ духъ человѣка. Проповѣдь говоритъ: возстани спяй. Когда благодать воздѣйствуетъ на духъ, онъ встаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ встають и оживають всѣ его стихіи: страхъ Божій, обязательство благоугождать Богу и чаяніе лучшей жизни. Кто покорится симъ требованіямъ духа, Духомъ Божиимъ оживленнаго; тотъ отказывается отъ себя, попираетъ самолюбіе со всѣмъ полчищемъ страстей, и начинаетъ всеусердно работать Господу наперекоръ всѣмъ земнымъ видамъ. Съ этого момента начинается у него жизнь въ духѣ или Духомъ,

съ поправіемъ самолюбія и всѣхъ страстей. Жизнь въ духѣ или Духомъ можно посему описать такъ: кто благодатію Божіею будучи возбужденъ и освященъ чрезъ таинства, входитъ въ себя, и ставъ предъ Господомъ въ сердцѣ, всѣ свои дѣянія и внутреннія и внѣшнія направляетъ къ богоугожденію, чрезъ хожденіе неуклонное въ волѣ Его, въ словѣ Божіемъ изложенной и принятой въ совѣсть, въ надеждѣ вѣчнаго въ Богѣ блаженства, съ поправіемъ самолюбія и забвеніемъ интересовъ земныхъ; тотъ живетъ въ духѣ и Духомъ.

Изъ этого объясненія самъ собою рѣшается вопросъ, какого духа разумѣетъ Апостоль въ семь мѣстѣ, —нашего, или Духа Святаго. И того и другаго въ сочетаніи. Нашъ духъ не имѣетъ силы дать намъ жизнь духовную самъ по себѣ. И Духъ Божій не дастъ ея, если не будетъ воспринять нашимъ духомъ. Когда же они сочетаются, тогда нашъ духъ становится сильнымъ отъ Духа Божія, и Духъ Божій чрезъ нашъ духъ дѣйствуетъ на насъ и на все наше, и все освящаетъ и совершаетъ. Ходящій въ духѣ—Духомъ Божіимъ ходитъ, но ходитъ по стихіямъ духа, первоначально въ человѣка вдохнутаго.

Изъ этого же объясненія видно и то, что есть похоть плотская. Это есть самолюбіе со всѣми страстями. Похотию плотскою она названа потому что преимущественное сѣдалище самолюбія и страстей въ плоти. Такъ случилось, что какъ норма жизни человѣческой, по первому устроенію ея, есть жизнь духовная—въ Богѣ, то когда низпалъ человѣкъ, низпалъ въ противоположность духу и Богу, въ жизнь плотскую съ удовольствованіемъ себя тварями въ сей жизни, съ забвеніемъ о Богѣ и жизни загробной. Когда духъ возбуждается и беретъ силу; тогда самолюбіе со страстями или эта похоть плотская отвергается, и законъ воспріимлетъ — ни въ чемъ никогда не слушать внушеній, требованій, влеченій сей похоти: *грѣхъъ нами да не обладаетъ воже послушати его въ похотихъ его* (Рим. 6, 12. 14). Участъ рѣшенная этого ветхаго человѣка быть распяту, *да уразднится тѣло грѣховное* (Рим. 6, 6).

Тѣмъ она и кончится. Но до времени премудрость Божія ему попустила стоять противъ духа, въ насъ же, но въ качествѣ чуждаго намъ, не благоволимаго, гонимаго и отвергаемаго. Сознаніемъ и свободою переходитъ человѣкъ на сторону духа, и тамъ производитъ всѣ дѣла свои; а самолюбіе со страстьми, хотъ въ немъ же, но будто совиѣ приражается къ нему влечетъ и соблазняетъ. Дѣло христіанина внимая себѣ и стоя въ духѣ предъ Господомъ, замѣчать подходящія неправыя движенія и внушенія самости или похоти плотской, и отражать ихъ именемъ Господа. Вотъ это именно и выразилъ Апостоль въ словѣ: духомъ ходите и похоти плотской не совершайте. Чтобы совсѣмъ мертвою сдѣлать сію похоть, это есть дѣло Божіе: наше дѣло всякое ея движеніе или внушеніе не принимать, и сколько бы она ни докучала, ничего въ угоду ея несовершать. Въ этомъ вся жизнь христіанина! Она есть непрестанная борьба, какъ и говорить вслѣдъ за симъ Апостоль.

Ст. 17. Плотъ бо похотствуетъ на духа, духъ же на плотъ: сія же другъ другу противятся, да не яже хощете, сія творите.

Что это — естественную психологію пишетъ Апостоль, или изображаетъ состояніе подблагодатное? Подблагодатное; ибо въ естественномъ — падшемъ состояніи, духъ, хотя неуничтожается, но никакой власти не имѣетъ надъ самолюбіемъ со страстьми. Иногда страхъ Божій, иногда совѣсть, иногда воспоминаніе о загробной жизни говорятъ что нибудь противъ нихъ, но этотъ голосъ, хотъ слышится, потому что нельзя его не слышать, но оставляется въ невниманіи, пренебрегается, попирается, иногда съ враждебнымъ противъ него ожесточеніемъ. Потому тутъ нѣтъ собственно брани. Брань начинается, когда духъ нашъ оживаетъ и силу получаетъ отъ Духа Божія. Послѣ сего духъ стоитъ на одной сторонѣ, а самость со страстьми и похотьми на другой. Послѣдняя силится возвратить отнятую добычу; а первый силится удержать ее за собою.

Вотъ и Брань. Самолюбіе со страстьми возбуждаетъ грѣховныя помыслы, влеченія, сочувствія; а духъ, со страхомъ Божиимъ и ревностію въ богоугожденіи, отражаетъ ихъ силою благодати Св. Духа. *Плоть похотствуетъ на духа*, можно переложить или такъ: плоть, то-есть самость со страстьми, пораждаетъ противныя духу пожеланія, или такъ: плоть враждебно возстаетъ противъ духа; равно и: *духъ похотствуетъ на плоть*—значить или: духъ пораждаетъ противныя самоугодию пожеланія, или: духъ враждебно къ нимъ относится. Въ отношеніи къ послѣдней мысли замѣчательно правило св. подвижниковъ: когда подходитъ искушеніе отъ самости и страстей, спѣши возбудить противъ него непріязнь и гнѣвъ, и оно отбѣжить во мгновеніе ока.

Сія же другъ друму противятся, да не яже хотите, сія творите. Апостолъ говоритъ какбы: вотъ что происходитъ внутри васъ, если вы стоите какъ должно въ духѣ! Брань совершается. Когда самоугодіе задумаетъ что противное Богу, духъ не допускаетъ тебя исполнить его внушеніе и желаніе; когда же духъ требуетъ чего наперекоръ самости, сія послѣдняя вяжетъ тебѣ руки и ноги, чтобъ ты не дѣлалъ того, что требуетъ духъ. Ни одна сторона не хочетъ допустить тебя сдѣлать что вибудь наперекоръ ей, въ угодность сторонѣ противоположной. Въ этомъ цѣль брани, цѣль каждой изъ воюющихъ сторонъ. Но что же далѣе? И стой посредѣ, ни туда, ни сюда! Что дѣлать стоящему посредѣ, влекомому то туда то, сюда, Апостолъ не сказываетъ; потому что это само собою очевидно; да кому же это указано уже выше—*духомъ ходите и похоти плотской не совершайте.* Здѣсь же указавши на происходящую борьбу внутри, опъ не говоритъ, куда склоняться; но очевидно желаетъ, чтобъ не плоти, а духа слушали. Онъ внушаетъ какбы: а вы сами смотрите, куда слѣдуетъ вамъ склониться. Если вы должны духомъ ходить и похоти плотской не совершать; то очевидно, что всегда должны идти наперекоръ самости въ угодность требованіямъ и

влеченіямъ духа, не останавливаясь ни предъ какими жертвами самоотверженія.

Наши толковники, всё, — слова: *да не яже хочете, сія творите*, прямо такъ и разумѣютъ, какъ внушеніе, чтобъ вѣрующіе не исполняли пожеланій похоти, и строго противились имъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостоль указаль здѣсь на борьбу злыхъ и добрыхъ помысловъ. Но хотѣтъ и не хотѣтъ—есть дѣло души. Потому онъ и говоритъ: *сія же другъ другу противятся*, чтобы ты не позволялъ душѣ ходить въ злыхъ ея пожеланіяхъ. Онъ сказалъ сіе какъ наставникъ и учитель, возбуждая страхъ“. Блаж. Феодоритъ пишетъ: „плотію называетъ Апостоль наклонность воли къ худшему; духомъ же обитающую благодать; потому что она руководствуетъ душу къ лучшему. Какъ же возможно препобѣдить плотскія страсти? *Да не яже хочете, сія творите*. Не слѣдуйте неумѣстнымъ помысламъ, т.-е. преодолевайте ихъ, имѣя содѣйствующую благодать Духа“.

Ст. 18. *Аще ли Духомъ водими есте, нѣсте подъ закономъ.*

Если вы въ борьбѣ внутренней будете всегда принимать сторону духа, и дѣйствовать въ угодность ему наперекоръ внушеніямъ самости; то вы будете водимы Духомъ. Если же вы Духомъ водимы, то вы не подъ закономъ.

Опять у Апостола неожиданное сочетаніе понятій. Это подало поводъ ко многимъ догадкамъ. Но, кажется, прямѣе всего предположить у Апостола намѣреніе—и правоученіе поставить въ связь съ вѣроученіемъ. Какъ тамъ приступая къ доказательству ненужности для христіанъ закона, Апостоль началъ съ вопроса о пріятіи Духа, и изъ того, что они приняли Его помимо закона, вывелъ: на что же вамъ законъ? (Сила доказательства въ томъ, что законъ нуженъ былъ для обузданія страстей; Духъ же Божій пришедши попяляетъ страсти: на что же вамъ законъ, когда вы уже имѣете болѣе того, что можетъ дать законъ?) Такъ и здѣсь, выставивъ борьбу со страстями и показавъ, что

они преодолеваютъ ихъ, бывъ водимы Духомъ, выводить: вы уже не подъ закономъ. Законъ обуздывалъ страсти совнѣ; а вы извергли ихъ изъ сердца и преслѣдуете, значить законъ уже отпалъ отъ васъ, какъ отпадаетъ скорлупа, когда вывелся птенецъ, или падаютъ подмости, когда состроенъ домъ. Св. Златоустъ говоритъ: „какая тутъ послѣдовательность между понятіями? Самая строгая и очевидная. Ибо кто имѣетъ Духа, тотъ при помощи его угашаетъ въ себѣ всякое злое пожеланіе. А кто освободился отъ злыхъ пожеланій, тотъ уже не имѣетъ нужды въ помощи закона, ставъ много выше его ученія. Кто не гнѣвается, тому на что слышать: *не убій*? Кто не смотритъ любострастными глазами, тотъ не имѣетъ нужды въ наставленіи — *не любодѣйствовать*. И кто станетъ говорить о дѣйствіяхъ зла тому, кто исторгъ въ себѣ и самый корень зла? А корень убійства есть гнѣвъ, любодѣянія—пытливый и похотливый взглядъ. Посему онъ и говоритъ: *лице духомъ водими есте, нѣ есте подъ закономъ*. Если законъ до пришествія Духа замѣнялъ сколько могъ Духа: то и посему нѣтъ нужды теперь оставаться подъ пѣстуномъ. Тогда мы справедливо были подъ закономъ, чтобы побуждаемые страхомъ, удерживали свои пожеланія, доколѣ не явился Духъ; а теперь когда намъ дарована благодать, которая не только повелѣваетъ воздерживаться отъ нихъ, но и сама искушаетъ ихъ и возводитъ челоука къ совершеннѣйшей жизни, какая нужда въ законѣ? Кто самъ по себѣ дѣлаетъ больше, тому на что пѣстунъ? Философъ не имѣетъ нужды въ учителѣ грамматики. Итакъ для чего вы такъ унижасте себя? Первоначально изъявили готовность служить Духу, а теперь опять слушасте закона“.

Ст. 19—21. *Явлена же суть дѣла плотская, яже суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣянія, вражды, ревнѣнія, завиды, яростъ, раздраженія, распри, соблазны, сребси, зависти, убійства, нѣянства, безчинны кличи, и подобная симъ: яже пред-*

глаголю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящія царствія Божія не насльдуютъ.

Внушалъ Апостолъ, что во внутренней нашей брани, намъ должно противостоятъ самости и самоугодію, и всегда слѣдовать требованіямъ и влеченіямъ духа. Теперь показываетъ пространство и поприще духовной брани, отъ чего отстать и чему противиться должно.

Перечисляя дѣла самоугодія, Апостолъ не все выводитъ на среду, и въ томъ, что выставляетъ, не указываетъ тонкихъ оттѣнковъ, а называетъ лишь наиболѣе выдающіяся самоугодливыя дѣла и въ самомъ грубомъ, отталкивающимъ ихъ видѣ. Это потому, что плотская жизнь языческая обнаруживалась въ такихъ наиболѣе дѣлахъ, какъ всѣ это видѣли и знали, и потому, что когда возбуждается отвращеніе къ дѣламъ неодобрительнымъ, образуется вмѣстѣ отверженіе и помысловъ и пожеланій ихъ, и въ первомъ нельзя хорошо успѣть не имѣя втораго.

Явлена суть дѣла плотская. Явлена—*φανερα*—явны, всѣмъ извѣстны, по общему нравственному чувству и голосу совѣсти. Или явны вамъ, яко христіанамъ: и гражданинъ честный не одобритъ ихъ, а не только христіанинъ, благодатію возрожденный. Или явны: предъ глазами вашими этотъ позоръ разумной твари; посмотрите, какъ живутъ язычники и всѣ нераскаянные грѣшники, въ забвеніи о Богѣ и будущей участи своей. *Дѣла плотская*—суть дѣла самости, самоугодія, того заправляющаго жизнию челоуѣка начала, которое привилось къ нему вслѣдствіе паденія, и заставляетъ его вмѣсто Бога себѣ угождать, вмѣсто духа влеченіямъ плоти слѣдовать, вмѣсто вѣчныхъ—одни временныя любить и вкушать блага.

Осмынадцать видовъ грѣховныхъ дѣлъ перечисляетъ св. Апостолъ; но, очевидно, они дѣлятся на двѣ половины: на дѣла силы пожелательной и на дѣла силы раздражительной. Заимствую такія поименованія изъ писаній отцевъ подвижниковъ, у которыхъ всѣ недобрыя движенія души подводятся подъ эти двѣ силы, кои называютъ они

иногда и короче—похотию и гнѣвомъ. Имъ противоположаютъ они умъ, тоже что у насъ названо духомъ; и всю борьбу внутреннюю сводятъ на борьбу ума—духа съ похотию и гнѣвомъ, или съ движеніями пожелательной и раздражительной силы души. Видно, что ихъ наставленія совершенно согласны съ указаніями св. Павла. И всякій можетъ замѣтить на себѣ, что онъ непрестанно движется между этими двумя, переходя отъ похотѣнія къ раздраженію и отъ раздраженія къ похотѣнію, когда не имѣетъ въ цѣли лучшаго того, что указываетъ духъ.

Сначала перечисляетъ Апостоль недобрія дѣла пожелательной силы или похотѣнія, когда она не слушаетъ внушеній ума или духа. Выставляетъ самое срамное. *Прелюбодѣянїе*—плотскіе грѣхи болѣе въ брачномъ союзѣ, и *блудъ*,—плотскіе грѣхи—въ сего союза; *нечистота и студодѣянїе*—плотскіе грѣхи протвоекестественные. Подъ нечистою, впрочемъ, можетъ быть, разумѣется и оскверненіе души срамными помыслами съ услажденіемъ и желаніемъ дѣла; а подъ студодѣянїемъ разливъ похотствованія до безстыдства и манїи, когда и людей даже не срамятся. *Идолослуженїе* тою стороною сюда относится, въ коей наиболѣе дѣйствующею являлась похоть. Были у язычниковъ божества, коимъ и служба совершалась удовольвовреніемъ сей страсти. *И чародѣланїя* здѣсь помянуты, потому что часть ихъ отряжена была въ пособіе плотскимъ грѣхамъ, какъ-то: составы зелий и травъ и разные наговоры, съ цѣлію произвестъ взаимное обаяніе, или, какъ у насъ говорятъ, приворотъ. Въ житїи Кипріана и Иустины можно видѣть, какъ это дѣбалось (Четь-Минен окт. 2).

Дѣла раздражительной силы или гнѣва указываются такія: *вражды*, когда одно лицо съ другимъ, или семейство съ семействомъ, или родъ съ родомъ во враждѣ состоятъ—не видаются, не встрѣчаются, не говорятъ, и если не замышляютъ зла, то желаютъ чтобъ оно постигло другую сторону, и рады, когда это бываетъ; *рвенїя*—*ἔρις*,—

тяжбы, брань, ругательства, споры, когда ни въ чемъ не хотятъ уступить другому и на волосъ, всегда хотятъ поставить на своемъ; *завиды*, не то что зависть, а *ζήλοι*, — когда бьются изъ всеѣхъ силъ, чтобъ не дать другому опередить себя въ чемъ-либо, въ чести, въ богатствѣ, въ вещахъ, въ должностяхъ, въ чемъ бы то ни было, при чемъ предполагается непріязненность къ тому, кто выдается, съ желаніемъ подставить ему и ногу: это извращенное эгоизмомъ соревнованіе; *ярости* — *φυρίαι* — сердитость, гнѣвливость, когда кто бьвается какъ порохъ, за всякую малость вспышка гнѣва, брань и даже драка; *разжужженія*, — *ερίθειαι*, — когда сердятъ другихъ, посѣвуютъ раздоры, разжигаютъ однихъ противъ другихъ, поджигаютъ всякія нестроенія въ обществѣ, семействахъ, и между частными лицами; *распри*, *διχοστασίαι* — на двое раздѣленіе или распаденіе, когда кто ни съ кѣмъ не миренъ, не миролюбецъ, раздорникъ, или когда кто заводитъ партіи, немирный духъ партій; *соблазны*, — въ греческомъ нѣтъ, — скандалы, или дѣланіе сценъ, какъ говорятъ: такой-то, или такая-то сдѣлали мнѣ сцену; *ереси*, — можетъ быть это не раздѣленіе въ предметахъ вѣрованія: ибо Апостоль пишетъ картину съ языческой жизни, а тамъ раздѣленій въ этомъ родѣ не бывало; скорѣе это вообще раздѣленіе, изъ какихъ бы то видовъ ни было, только съ враждебнымъ, непріязненнымъ духомъ, требующимъ изгнанія или смерти противникамъ; *зависти* — *φθόνος*, когда завидуютъ счастью другаго, и злятся ни всякаго, зачѣмъ ему хорошо, съ смертельною однакожъ непріязнію и къ нему, отъ коей дышащая убійствами ненависть; *убійства* — *φόνος*, не по одному созвучію постановлено послѣ *φθόνος*, а и по существу дѣла такъ бываетъ: *φθόνος* вполне удовлетворяется въ *φόνος*. Это верхъ непріязненныхъ отношеній къ другому. Образецъ Каинъ.

Послѣднія два — *нѣянства* и *бѣзчинны кличи* приводятся не въ томъ смыслѣ, что Апостоль хотѣлъ дополнить ими дѣла похотныя, а въ томъ, что въ этихъ двухъ похоть и

ярость оба находятъ себѣ удовлетвореніе. Это будто дома, въ которыхъ они живутъ. Пьяный—и срамныя дѣла творить и раздорить готовъ. Равно на пирушкахъ и похоть и гнѣвъ разыгрываются широко. Безчинныя кличи—*хѣмои*, пирушки, заводимыя за тѣмъ только, чтобъ потѣшиться и шумно повеселиться.

И подобная симъ въ той и другой части грѣховныхъ дѣлъ, и въ похотной и въ раздражительной. Дополнить этотъ списокъ, по примѣру сказаннаго, можетъ и всякій самъ собою.

Яже предлагалою, относительно ихъ я говорю напередъ, т.-е. прежде чѣмъ наступилъ судъ; *якоже и предрекохъ*, какъ и сказалъ уже тоже напередъ, вѣроятно, когда лично преподавалъ имъ наставленія о христіанскомъ образѣ житія. *Яко таковая творящии царствія Божія не наследуютъ*. Не наследуютъ рѣшительно царства Божія, того, которое : откроется по второмъ пришествіи, неизреченно блаженнаго и вѣчнаго. Судъ надъ ними будто уже произнесенъ и скрѣпленъ. Но когда говоритъ Апостоль: *таковая творящии*, то даетъ разумѣть, что судъ этотъ надъ ними въ силѣ, пока они вращаются въ такого рода дѣлахъ. Выдъ они изъ того круга, и судъ не падетъ на нихъ. Это блаженное измѣненіе чается отъ нихъ до самаго послѣдняго издыханія. Дотолѣ и обѣтованіе—снять съ нихъ этотъ приговоръ. Но когда отворится смертію дверь въ другую жизнь и исходомъ отсель затворится, тогда всему конецъ.

Блаж. Августинъ пишетъ: „*таковая творящии царствія Божія не наследуютъ*. Творятъ же сіе и тѣ, которые склоняясь на пожеланія плотскія, вождельвуютъ и дѣла ихъ, хотя не имѣютъ возможности привести ихъ въ исполненіе. А тѣ, которые, чувствуя прираженіе плотскихъ движеній, остаются непреклонными къ нимъ, и не только не представляютъ членовъ тѣла своего въ орудія къ дѣланію грѣха, но и мановеніемъ даже не изъявляютъ согласія на то, эти не творятъ таковая, и слѣдовательно

царствіе Божіе наслѣдуютъ. Ибо, очевидно, въ мертвенномъ тѣлѣ ихъ не царствуетъ уже грѣхъ, такъ чтобы слушаться его въ похотяхъ его, хотя и обитаетъ еще въ немъ. Иное дѣло грѣшить, а иное имѣть грѣхъ. Въ комъ не царствуетъ грѣхъ, т.-е. кто не слушается похотей его, тотъ не грѣшитъ; но въ комъ не было бы и самыхъ желаній грѣховныхъ, тотъ не только не грѣшилъ бы, но и совѣмъ не имѣлъ бы грѣха. Это впрочемъ въ этой жизни можетъ быть достигнуто только въ пѣкоторой степени, въ совершенствѣ же явится по воскресеніи“.

Ст. 22. 23. *Плодъ же духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе: на таковыхъ нѣсть закона.*

Отказавшись однажды навсегда, въ принятіи вѣры и въ крещеніи, и потомъ постоянно отказываясь, въ жизни, отъ внушеній и влеченій самости со страстями, христіанинъ ревностный, всегда вѣрный своему призванію, подѣйствіемъ благодати Св. Духа развиваетъ въ себѣ и возвращаетъ въ противоположность страстямъ и похотямъ добрыя и богоугодныя расположенія и стремленія, которыя ставъ строемъ его сердца, составляютъ въ немъ того потаеннаго въ сердцѣ чловѣка, которому предопредѣлено быть чловѣкомъ блаженной вѣчности.

Похоти и страсти, дѣла плотскія, пришли въ насъ и расплодился изъ самости, сего злаго сѣмени, всѣяннаго искушителемъ; а добрыя расположенія сродны намъ: они неотъемлемыя качества богоугоднаго духа. Когда благодать, низшедши внутрь насъ, оживляетъ духъ нашъ, приходятъ въ движеніе и всѣ, сродныя ему расположенія и стремленія. Не вдругъ однакожь приходятъ они въ силу. Ихъ возвращаютъ труды дѣйствованія по влеченію духа. Ибо отверженная самость съ полчищемъ страстей своихъ стоитъ тутъ противъ, лицомъ къ лицу, и мѣшаетъ имъ свободно развиваться. Противъ каждаго добраго расположенія своя страсть. По мѣрѣ убитія страсти возникаетъ доброе расположеніе. Тутъ тоже происходитъ, что

когда человекъ высвобождается изъ трясины, или изъ облѣпившихъ его цѣпкихъ травъ, то одну руку, то другую, то одну ногу, то другую высвобождаетъ онъ. Такъ и у христіанина со страстями. Черезъ борьбу съ собою, трудами подвижничества, отчищаетъ отъ страстей онъ одно доброе расположеніе за другимъ, пока все отчиститъ, и они явятся въ свойственной имъ полнотѣ. силѣ и красотѣ.

Безъ труда и подвига этого не достигнешь. Но и трудъ и потъ свой ничего не дасть твердаго и прочнаго. Желаніе, исканіе и трудъ—нашъ, а—плодъ Духъ Божій сокровенно, подъ прикрытіемъ бесплоднаго по себѣ труда нашего, производить въ сердцѣ. Борется, напимѣрь, съ собою гнѣвливыи и ищетъ кротости; но самую кротость возвращаетъ и укрѣпляетъ въ сердцѣ благодать Св. Духа. Вотъ почему св. Павелъ озаглавливаетъ этотъ списокъ добрыхъ расположеній такъ: *плодъ духовный есть*. Духовный, по греч. *πνευματικός*, Духа, т.-е. плодъ Духа. Св. Златоустъ и говоритъ: „Злая дѣла отъ насъ однихъ происходятъ, потому Апостоль и называетъ ихъ дѣлами плоти; а добрыя (расположенія) требуютъ не нашего только старанія, но и чедовѣколюбія Божія (т.-е. благодати Духа)“. „Ибо при содѣйствіи Духа преуспѣваетъ душа въ каждомъ изъ сихъ дѣлъ“ (Еоодоритъ). Такъ и все наши толковники.

Перечисляя самыя добротности, какими Духъ украшаетъ сердце вѣрнаго христіанина, Апостоль не ставитъ ихъ въ прямое соотвѣтствіе съ перечисленными выше страстями и похотями. Но и здѣсь два ихъ рода, какъ и тамъ. Противъ раздраженія съ порожденіями его ставитъ Апостоль нѣсколько доброхотныхъ расположеній; а противъ всехъ дѣлъ похоти—одно воздержаніе.

Въ подробное разсмотрѣніе сихъ добродѣтелей не входятъ наши толковники. Только блаж. Иеронимъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній на каждую изъ нихъ.

Любы. Какъ все страсти отъ самолюбія, все къ себѣ

стягивающаго; такъ всѣ добрыя расположенія отъ любви, поправшей самость и всѣмъ готовой жертвовать для блага другихъ, не помышляя о себѣ. „И какой изъ добродѣтелей прилично держать первенство между плодами Духа, какъ не любви, безъ которой прочія добродѣтели не считаются добродѣтелями, и отъ которой раждаются всѣ блага? И въ законѣ и въ Евангеліи ей предоставлено главенство: *возлюбими Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ вся души твоея, и всею силою твоею: и ближняго твоего, якоже самаго себе* (Втор. 6, 5; Мѣ. 22, 37)“ (Иеронимъ). Св. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, сказавши, что безъ любви все ни во что, описываетъ потомъ дѣла любви, такъ: *любы допотерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ: любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла. Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру смѣетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ. Любы николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 1—8). Всѣ послѣдующія добродѣтели указываютъ лишь разныя стороны любви.

Радость. Радость конечно о Дусѣ Святѣ, въ порядкѣ духовной жизни: ибо *нечестивому нѣсть радоватися* (Ис. 57, 21). Обычная радость—отъ полученія земныхъ благъ. Радость духовная отъ ощущенія благобытія въ духѣ. Какъ чувство здравія неотъемлемо отъ здороваго; такъ радость духовная отъ живущаго духомъ и похотей плотскихъ несовершающаго. Это радость спасеннаго, который видитъ ясно, что миновалъ пагубность. Ее нельзя раздуть; она сама раждается и стоитъ. Заповѣдь Апостола: *всегда радуйтесь* (1 Сол. 5, 18), можетъ быть есть болѣе признакъ, что если не радуетесь, то вы не стоите въ настоящемъ чинѣ. По увѣренію Палладія еленопольскаго въ Лавсаикѣ, въ обители аввы Аполлоса было братій до пятисотъ, и они всѣ всегда радовались, несмотря на великія пустынные лишенія, и радовались такую ра-

достію, что никто здѣсь на землѣ не укажетъ такой радости и веселія тѣлеснаго. Между ними никого не было скучнаго и печальнаго, и авва Аполлосъ обычно говаривалъ: не должно на пути спасенія скорбѣть тѣмъ, которые имѣютъ наследовать царство небесное; пусть стѣнаютъ язычники, пусть плачутъ іудеи, пусть скорбятъ грѣшники, а идущіе правымъ путемъ должны радоваться (Лав. 47, стр. 168).

Миръ. Поправшій страсти имѣетъ мирное устроеніе сердца, ничѣмъ невозмутимое, свѣтлое состояніе духа, стоящаго въ сердцѣ сознаніемъ предъ Богомъ, все несправое отрѣвающаго и въ одномъ правомъ ходящаго. Это внутреннее мирное устроеніе является и вовнѣ мирностію со всѣми и распространеніемъ мира вокругъ. Есть такія благодатныя личности, которыя, какъ только явятся въ какомъ кругѣ, тотчасъ водворяютъ миръ и согласіе. „Это блаженные миротворцы, коихъ отличилъ Господь чрезъ наименованіе сынами Божиими. Они и съ ненавидящими мира бываютъ мирны (Пс. 119, 6). За то и Богъ въ нихъ обитаетъ: *ибо въ миръ мѣсто Его* (Пс. 75, 2) (Іерон. же слово въ слово).

Долготерпѣніе. Онъ, какъ несокрушимая стѣна, ограждаетъ миръ, радость, и любовь, само отъ нихъ получая и закаленную крѣпость и нерасторжимый цементъ. Миръ во злѣ лежитъ. Живя въ немъ нельзя избавиться отъ узвлений зла. Скорби и лишенія не столько разятъ, сколько напраслины и нападки злыхъ людей. У врага они суть самыя сильныя оружія къ возмущенію живущихъ въ духѣ. Къ нимъ онъ приступаетъ обычно съ этимъ оружіемъ, когда увидитъ, что они не поддаются уже ни въ чемъ пожеланіямъ похоти. Видя, что этимъ путемъ нельзя ихъ взять, онъ направляетъ противъ нихъ злыхъ людей, чтобъ если ушелъ кто отъ похоти, задержать его гнѣвомъ и ненавистію къ обидчикамъ, и чрезъ то отнять у него содѣваемое имъ спасеніе: ибо гнѣваяся на брата повиненъ гонѣнъ. Противъ этихъ козней благодать Божія воздвигаетъ.

гаетъ въ сердцѣ необоримую стѣну,—долготерпѣніе, которыми отражаются всѣ стрѣлы лукаваго. Долготерпѣніе все стоитъ на томъ убѣжденіи, что напраслины и нападки отъ другихъ суть не ихъ дѣло, а дѣло врага; потому оно не на людей возстаётъ гнѣвомъ, а на врага вооружается неприязнью, храня къ людямъ доброе расположеніе. Этимъ долготерпѣніе перехитряетъ врага. Почему о немъ говоритъ Премудрый: *долготерпѣливъ мужъ много въ разумъ: малодушный же, крѣпко безуменъ* (Притч. 14, 29).

Благость—*χρησότης*,—„приятность, располагающее къ содружеству обращеніе, сладкая рѣчь, привлекательные пріемы“ (Иерон.). Особую печать носятъ на себѣ тѣ, кои живутъ въ духѣ. Какъ у нихъ все стройно, все ко времени, къ мѣсту и лицамъ, и въ словѣ и въ поступкахъ! И это не умомъ опредѣляется, а идетъ прямо изъ сердца. Всѣмъ они по душѣ, для всѣхъ, какъ елей на раны. И это всегда почти безъ всякихъ внѣшнихъ преимуществъ: ни знатности рода, ни образованія, ни достатка не имѣютъ части въ этомъ качествѣ. Оно отъ богатства духа, покрывасямаго глубокимъ смиреніемъ.

Милосердіе—*ἀγαθότης*, сердоболіе и сострадательность, съ готовностію все сдѣлать въ благо другаго. Какъ мать болитъ о дѣтяхъ, такъ милосердіе о всѣхъ христіанахъ. Ихъ благо—его благо. Себя не помнитъ. Оно готово себя раздѣть, чтобъ одѣть другаго, себя оставить голоднымъ, чтобъ накормить другаго, свое тѣло здоровое отдать больному, а его больное взять себѣ. Оно паче всѣхъ добродѣтелей восхвалено будетъ на судѣ.

Вѣра, не догматовъ содержаніе, а увѣренность въ Богѣ, что Онъ никогда ни въ чемъ не оставитъ, что держитъ и ведетъ самымъ лучшимъ путемъ, и приведетъ къ благому концу, что все отъ Него и все во благо, хотя бы неприятно было, что никто ничего ни сказать, ни сдѣлать не можетъ, на что не соизволилъ бы Богъ, что во всемъ воля Его святая, почему живетъ покойно въ преданности

въ волю Божию. Эта вѣра породила мучениковъ, а послѣ нихъ произвольныхъ страдальцевъ, пустынныхъ подвижниковъ. Она и всюду воодушевляетъ благочестіе и жизнь въ духѣ.

Кротость—,противоположна гнѣву и всякой раздражительности. За нее рабъ Божій Моисей удостоенъ такого свидѣтельства: *Моисей, кротокъ зѣло паче всѣхъ челоуѣкъ, сущихъ на землѣ* (Числ. 12, 3). И о Давидѣ сказано: *помяни Господи Давида и всю кротость его* (Пс. 105, 1), которая особенно проявилась въ немъ въ отношеніяхъ къ Саулу, Авессалому и Семею“ (Иеронимъ). Это не безчувствіе сердца, а Духомъ, дѣянія плотская умерщвляющимъ, въ сердцѣ образуемое расположеніе, за которое Господь обѣтовалъ наслѣдіе земли благихъ: *блаженни кротцыи, яко тиѣ наслѣдятъ землю* (Мѣ. 5, 4). И въ себѣ Господь указалъ для подражанія наипаче кротость смиренную: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѣ. 11, 29).

Воздержаніе,—не только какъ начало цѣломудрія, но и какъ обузданіе пожеланій относительно пищи, питія, и всякаго другаго похотствованія (Иерон.). Есть воздержаніе первоначальное, когда возлюбивъ сію добродѣтель ищутъ ее. Тутъ помыслы и пожеланія возбуждаются, и нерѣдко поражаютъ сочувствіе и влеченіе, но отвергаются силою воли, духомъ укрѣпляемой. Воздержаніе же совершенныхъ есть укоренившаяся добродѣтель, когда возрождающіяся помышленія уже не колеблютъ. Строгая во всемъ жизнь становится тогда постоянною нормою. Предметъ воздержанія — обученіе тѣла и приспособленіе его къ жизни духовной, чрезъ навѣкъ удовлетворять необходимыя потребности его наименьшимъ коштомъ. Подвижники говорятъ: обучи тѣло, и оно будетъ тебѣ самымъ добрымъ помощникомъ въ жизни по духу. Всяко сласть отъ удовлетворенія тѣла сномъ, пищею, одеждою и жилищемъ—только тогда теряетъ свою привлекательность, когда возбуждаются и возрастаютъ утѣшенія духовныя.

На таковыхъ нѣсть закона. Κατὰ ποιοῦτων—противъ таковыхъ, т.-е. противъ сихъ добродѣтелей, или противъ тѣхъ кои имѣютъ сіи добродѣтели. Мысль остается одна и таже. Законъ представляется гонителемъ всякаго грѣха и оберегателемъ отъ него людей. Кто же обладаетъ показанными плодами Духа, у того не только изъ круга дѣлъ изгнанъ всякій грѣхъ, но и изъ сердца всякая страсть. Слѣдовательно у такого нечего гнать закону, нечего и его самого сторожить. Онъ не для такихъ лицъ. Св. Златоустъ говоритъ: „кто можетъ научить того, кто самъ въ себѣ имѣетъ все, и совершеннѣйшимъ учителемъ мудрости—любовь? Какъ кроткіе кони, и сами по себѣ дѣлающіе все, не имѣютъ пужды въ бичѣ: такъ и душа, дѣлающая добро дѣйствиємъ Духа, не имѣетъ нужды въ предписаніяхъ закона. Итакъ Апостоль и здѣсь съ удивительною мудростію отвергаетъ законъ, не потому чтобы онъ былъ худъ, но потому, что онъ ниже мудрости, подаемой Духомъ“.

И здѣсь, какъ впереди, гдѣ сказалъ: *еще ли духомъ водими есте, нѣсте подѣ закономъ.* Сказалъ, что водимые Духомъ не суть подѣ закономъ; теперь исчисливши плоды Духа, т.-е. показавши, кто суть водимые Духомъ, или въ чемъ открывается это водительство, ему приходилось сказать: вотъ какіе не подѣ закономъ! Но онъ говоритъ другими словами, въ тойже однакожь мысли: на таковыхъ нѣсть закона. Законъ такихъ не касается, не имѣетъ въ виду. Вообще гдѣ рѣчь идетъ о законахъ добродѣтелей, тамъ хотя говорится о ненужности такихъ законовъ, но совсѣмъ не потому, чтобы добродѣтели не были обязательны для христіанъ, а потому что они носятъ ихъ уже въ сердцѣ своемъ; законы сіи новымъ образомъ написаны у нихъ въ сердцахъ, какъ обѣтовано и чрезъ пророковъ.

Ст. 24. *А иже Христова суть, плоть распяша со страстьми и похотьми.*

Кто Христовы? Ты, которые увѣровали въ Него и прилѣпились къ Нему любовію, и которыхъ Онъ за то при-

нялъ въ общеніе свое, или призналъ своими. Таковыя распинаютъ плоть свою въ самый актъ приступанія къ Господу: безъ этого и приступить къ Нему нельзя. Плоть здѣсь разумѣется, какъ и выше, живущій въ насъ грѣхъ, или самолюбіе и самоугодіе, изъ коихъ всѣ страсти и похоти. А кто приступаетъ къ Господу, того первый шагъ опредѣляется такъ: *да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой*. Отверженіе себя и есть поправіе самости, или распятіе плоти. Такого рода дѣйствованіе, какъ завѣтъ, заключается съ Господомъ въ крещеніи, когда крещаемый отрицается сатаны и всѣхъ дѣлъ его и сочетается съ Господомъ. Этотъ нравственный актъ запечатлѣвается потомъ благодатію въ крещеніи, и крещаемому ради его дается сила не работать болѣе грѣху, а отвергать, ненавидѣть и преслѣдовать его. Это и значить, что крещаемый умираетъ грѣху и оживаетъ для новой благодатной жизни въ Господѣ. Иначе у Апостола это же самое названо распятіемъ встхаго человѣка и упраздненіемъ тѣла грѣховнаго, т.-е. всего корпуса грѣха,—самости со страстями. Вотъ какъ христіанинъ въ то самое время, какъ становится Христовымъ, распинаетъ и плоть свою со страстями и похотями. Зачѣмъ поминаетъ объ этомъ здѣсь Апостоль? Все въ видахъ полнѣйшаго уясненія предмета, о коемъ рѣчь, т.-е. жизни въ духѣ. Жизнь въ духѣ, какъ поминалось, есть стать сознаниемъ въ сердцѣ предъ Господомъ и всѣ дѣла свои, и внутреннія и внѣшнія, направлять на богоугожденіе, во славу Господа, съ отверженіемъ, поправіемъ и преслѣдованіемъ всѣхъ неправыхъ движеній въ мысляхъ и желаніяхъ. Это отверженіе неправостей внутри и есть распятіе самости, отъ коей все неправое. Такимъ образомъ распинаніе самости,—плоти, есть неотъемлемая принадлежность жизни духовной. Св. Златоустъ и говоритъ: „чтобы не спросили: кто жс они таковы? (т.-е. тѣ, на коихъ нѣтъ закона), онъ указываетъ ихъ изъ дѣлъ ихъ: распяли плоть. Ибо страсти

хотя и досаждаютъ имъ, но возстаютъ на нихъ напрасно и безъ успѣха“.

Когда говорится: *распяша*, однажды навсегда, то подъ этимъ разумѣется тотъ нравственный поворотъ, въ коемъ приступающій къ Господу даетъ обѣтъ не поддаваться грѣху, до положенія живота; на что и сила дается въ крещеніи. Самость поправа, отвергнута, распята. Послѣ хоть и приступаетъ, но ничего не получаетъ. Всякій разъ попирается съ презрѣніемъ и распинается. Вся жизнь христіанина есть распинаніе плоти грѣха; но это есть плодъ и осуществленіе того перваго акта, которымъ самость извержена изъ сознанія и свободы, и лишена всякаго права опредѣляющей къ дѣламъ силы. Безъ этого перваго и послѣдующихъ не можетъ быть: они связаны, какъ корень и стволъ съ вѣтвями. Потому и говорить Апостоль: *распяша*, однократно, но тутъ столько силы, что ея станетъ на цѣлую жизнь.

Что это распятіе не механическое какое, а нравственное, это хорошо изображаетъ блаж. Августинъ. Онъ выводитъ распинательную силу изъ возраждающагося въ духѣ страха Божія, коимъ полагается начало обращенія, и потомъ поддерживается и исправная жизнь обращаемаго. „Чѣмъ распяли, какъ не страхомъ Божиимъ, чистымъ, пребывающимъ въ вѣкъ вѣка (Пс. 18, 10), въ коемъ боимся оскорбить Того, Кого всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ помышленіемъ любимъ? Этимъ страхомъ распяту быть желаетъ и пророкъ, когда говоритъ: *пригвозди страху Твоему плоти моя* (Пс. 118, 120). Распинаетъ же страхъ на томъ крестѣ, о коемъ говоритъ Господь: *возми крестъ твой и послѣдуй мнѣ* (Мате. 16, 24)“.

Ст. 25. *Аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ.*

Это выводъ изъ всего предыдущаго. Апостоль говоритъ какъбы: Итакъ, если живемъ духомъ, т.-е. если оставили мы стихійное богоугожденіе, свергли иго закона, получили свободу отъ него, съ тѣмъ чтобы угождать Богу нравственными расположеніями, изъ духа исходящими; то и

ходить уже намъ надлежитъ духомъ, т.-е. съ требованіями его сообразовать свой образъ мыслей, чувствъ, расположеній, словъ, дѣлъ, всего поведенія. *Да ходимъ—σπουδμεν*, что значитъ: да сообразуемся, да согласуемся съ нимъ. Требованія же духа онъ изобразилъ уже подъ видомъ плодовъ его. И понятно, что значитъ ходить духомъ: значитъ—обнаруживать въ жизни своей тѣ качества, кои суть плодъ Духа, такъ строго, чтобъ ничего изъ того, что есть дѣло плоти—самости, не входило въ нее. Этого безъ борьбы съ собою нельзя выполнить. Потому тутъ же заключается и законоположеніе о сей брани, которой исходная точка и дѣйствующая сила указана въ предыдущемъ стихѣ. Жизнь духовная—неистощимый источникъ утѣшеній; но они незаромъ достаются. Кто-то выразился: даждь кровь, и пріими Духа.

Епископъ Теофанъ.

О ЗАМЕРЗАНИИ ВОДЫ ВЪ СВЯЗИ СЪ УЧЕНИЕМЪ О КОНЕЧНЫХЪ ПРИЧИНАХЪ.

(Противъ Тиндаля.)

Въ явленіяхъ происходящихъ на земномъ шарѣ мы постоянно замѣчаемъ, что хотя смерть есть неизбѣжный удѣлъ всего живущаго, но она не побѣждаетъ жизни. Такъ, родъ человѣческой не только продолжаетъ жить въ теченіе многихъ тысячелѣтій, но еще и распространяется. Въ царствѣ животныхъ и растений мы замѣчамъ также, что недѣлимые умираютъ, но на мѣсто ихъ рождаются новыя; одни существа уступаютъ мѣсто другимъ, но роды сохраняются.

Очевидно жизнь на земномъ шарѣ продолжается потому, что онъ обильно надѣленъ условіями для поддержанія жизни. Дѣйствіе силъ природы съ одной стороны является способствующимъ развитію жизни, а съ другой—разрушительнымъ для нея. Содѣйствіе жизни является намъ какъ наиболѣе общее дѣйствіе естественныхъ силъ, а разрушительныя явленія бываютъ болѣе или мѣнѣе частными уклоненіями отъ общаго порядка. Притомъ мы видимъ, что одни разрушительныя явленія служатъ средствами для предотвращенія другихъ, еще болѣе разрушительныхъ, что дѣйствіе силъ природы, препятствующее развитію жизни въ одномъ мѣстѣ земли, способствуетъ болѣе полному развитію ея въ другихъ мѣстахъ или въ другое время, и что разрушительныя дѣйствія не могутъ простираются далѣе положенныхъ предѣловъ.

Направленіе силъ природы къ сохраненію и поддержанію жизни обнаруживается въ дѣйствіяхъ тепла и холода.

Для жизни человѣка и животныхъ необходима нѣкоторая степень тепла. Недостатокъ его, холодъ, является какъ препятствіе къ развитію жизни. Но разсматривая явленія, мы повсюду встрѣчаемъ много такихъ условій, которыми ограничиваются разрушительныя дѣйствія холода. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ замерзаніе воды.

И въ нашихъ странахъ, и въ болѣе холодныхъ, при наступленіи зимы вѣды озеръ, рѣкъ, прудовъ и другихъ вмѣстилищъ воды замерзаютъ; но это происходитъ только на поверхности ихъ, а внутри вся масса воды остается въ жидкомъ состояніи. И потому человѣкъ, пробивая ледяную кору, удобно можетъ пользоваться водою и во время зимы. Жизнь рыбъ и другихъ тварей живущихъ въ водѣ продолжается и зимою.

Почему же, при всей суровости и продолжительности зимняго холода вода не можетъ вымерзать окончательно?

Главнымъ средствомъ въ природѣ для защиты воды отъ чрезмѣрныхъ дѣйствій стужи является замѣчательная особенность въ измѣненіи объема воды при ея замерзаніи.

Тѣла расширяются отъ тепла и сжимаются отъ холода; это есть одинъ изъ наиболѣе общихъ законовъ. Далѣе, много извѣстно намъ такихъ тѣлъ, которыя, подобно водѣ, при значительной степени тепла находятся въ жидкомъ состояніи, а при охлажденіи становятся твердыми тѣлами. Таковы металлы, а также сѣра, воскъ, стеаринъ и многія другія вещества. Теперь спрашивается: сохраняетъ ли свою силу законъ уменьшенія объема при охлажденіи въ то время, когда тѣла переходятъ изъ одного состоянія въ другое, то-есть изъ жидкаго въ твердое? Или короче, продолжаютъ ли тѣла сжиматься и при своемъ застываніи? Опытъ показываетъ, что большая часть тѣлъ подчиняется этому закону при своемъ переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое. Но вода представляетъ замѣчательную особенность: въ жидкомъ состояніи она сжимается отъ холода только до тѣхъ поръ, пока охладится до $3\frac{1}{4}$,

или точнѣе до $3\frac{1}{5}$ градусовъ, по Реомюрову термометру; послѣ того, она снова расширяется до самаго замерзанія, такъ что въ видѣ льда она занимаетъ большій объемъ. Отъ этого ледъ легче воды и льдины плаваютъ по водѣ.

Посмотримъ же на самый процессъ замерзанія. При наступленіи холоднаго времени года вода начинаетъ охлаждаться съ поверхности; верхніе слои воды сжимаясь отъ холода становятся плотнѣе и тяжелѣе и потому опускаются внизъ; на мѣсто ихъ поднимаются нижніе болѣе теплые, но и тѣ въ свою очередь охлаждаются и опускаются. Отъ этого вся масса воды, даже въ большихъ вмѣстителяхъ ея, скоро остываетъ. Но такое движеніе слоевъ воды вверхъ и внизъ прекращается, когда вода охладится до $3\frac{1}{5}$ градусовъ: тогда слои ея, отъ дальнѣйшаго охлажденія расширяясь и дѣлаясь легче, уже не могутъ опускаться внизъ, но остаются на поверхности и при продолженіи холода замерзаютъ. Этотъ ледяной покровъ увеличивается въ своей толщинѣ довольно медленно и предохраняетъ находящуюся подъ нимъ воду отъ дальнѣйшаго охлажденія.

Отсюда очевидно великое значеніе для жизни того, что вода расширяется при замерзаніи. Еслибы не было этого, и частицы воды продолжали бы сжиматься при замерзаніи, то замерзши онѣ должны были бы опускаться внизъ; другія, выступающія на мѣсто ихъ, подвергаясь дѣйствию холоднаго воздуха, также замерзали бы и опускались въ глубину. И такимъ образомъ даже озера и другія большія вмѣстителища воды въ непродолжительное время превратились бы въ массы льда. Твари живущія въ водѣ должны были бы умереть; человекъ не могъ бы удобно пользоваться водою; и вообще порядокъ жизни подвергся бы въ такомъ случаѣ ужасному разстройству. Но все это не можетъ имѣть мѣста, когда замерзаніе воды подчинено особому закону *).

*) Подробнѣе о замерзаніи воды см. Душен. Чтеніе 1868 годъ, часть III, отд. 1, стр. 358—362.

Въ этомъ направленіи дѣйствія силъ неорганической природы ко благу жизни съ поразительною ясностію открываются намъ дѣло премудрости Творца. По ученію слова Божія, Богъ создавшій землю, *для жительства образовалъ ее* (Исая. 45, 18) и исполнилъ ее дарами Своей благости. Силы природы суть покорныя орудія Его святой воли. Слово Божіе даетъ намъ разрѣшеніе недоумѣній, возникающихъ въ насъ, когда вмѣстѣ съ явленіями жизни мы встрѣчаемъ на землѣ и мрачныя явленія смерти, тлѣнія и разрушенія. Подчиненныя человѣку твари до его паденія подвержены были естественнымъ перемѣнамъ; но бѣдственныя явленія не могли бы имѣть мѣста въ твореніи Божіемъ, еслибы не согрѣшилъ человѣкъ, поставленный быть владыкою земли. Вслѣдствіе грѣхопаденія перваго человѣка, и потомство его подверглось приговору смерти, явились болѣзни и разныя бѣдствія. Равнымъ образомъ слѣдствія грѣхопаденія простерлись на всю землю, и на ней обнаружались многія разрушительныя явленія. Все это служитъ орудіемъ наказанія для человѣка и изобличеніемъ его грѣха. Но Всеблагій Богъ даровалъ человѣку для избавленія отъ грѣха средство въ искупленіи. Это дивное дѣло благости Божіей есть основаніе того, почему жизнь рода человѣческаго на землѣ сохраняется, поддерживается и будетъ продолжаться до втораго пришествія на землю Христа Спасителя. По благости Божіей, разрушительныя явленія природы служатъ средствомъ для врачеванія зла нравственнаго, не могутъ простираться далѣе тѣхъ предѣловъ, какіе положены для нихъ премудростію Божіею, и не могутъ разрушить жизни и порядка въ цѣломъ.

Видомы Богу отъ вѣчности всѣ дѣла Его (Дѣян. 15, 18). Богъ, сотворившій небо и землю, даровавъ бытіе какъ веществу, такъ и силамъ природы, подчинилъ дѣйствіе этихъ силъ тѣмъ законамъ, которые сообразны съ цѣлями Его благости и премудрости. *Отъ начала по плану Господа существуютъ дѣла Его, и съ самаго созданія наз-*

начена каждому своя часть... Одно другому не препятствуетъ и во вѣкъ не противятся они слову Его (Сир. 16, 26. 28). Конечно, для человѣка, и особенно въ настоящемъ поврежденномъ его состояніи, весьма многое въ этомъ дивномъ планѣ мірозданія остается непостижимымъ: ибо кто изслѣдовалъ духъ Иеговы, и былъ у Него мужемъ совѣта (Ис. 40, 13)? Многое сокровенное гораздо величественнѣе того, что мы видимъ; ибо мы видимъ только самую малую часть дѣла Его (Сир. 43, 35). Но съ другой стороны въ дѣлахъ Божіихъ многое открыто для человѣковъ: ибо что можно знать о Богѣ, явно для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы (Рим. 1, 19. 20). Человѣкъ сотворенъ по образу Божію и много дано ему средствъ для познанія совершенствъ Создателя, проявляющихся въ дѣлахъ Его благодати и премудрости. Такъ напримѣръ, обращая вниманіе на явленія жизни на земномъ шарѣ, внимательный наблюдатель повсюду находитъ слѣды дивной предусмотрительности, съ какою приготовлены разнообразныя средства для поддержанія и сохраненія жизни живыхъ существъ. Въ этихъ явленіяхъ до очевидности открывается то, что Самъ Творецъ міра направляетъ теченіе различныхъ явленій природы ко благу живыхъ существъ и въ особенности человѣка.

Вѣрность такого взгляда на явленія жизни видна изъ того, что слово Божіе многократно указываетъ намъ на сохраненіе жизни тварей, какъ на дѣло Божіе (Иова 38 гл. Псалмы 64. 103. 146). Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ призываетъ насъ къ упованію на благодать Божію сими словами: *взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ* (Матѣ. 6, 26)?

Послѣ этого понятно, какъ должны мы смотрѣть на тѣ явленія неорганической природы, которыя находятся въ

тѣсной связи съ условіями жизни. А именно, когда мы замѣчаемъ въ совокупномъ дѣйствованіи разнообразныхъ явленій природы такую соразмѣрность съ явленіями жизни, что только при такомъ дѣйствованіи жизнь можетъ сохраняться, тогда какъ противоположный порядокъ въ этихъ явленіяхъ былъ бы разрушителенъ для жизни; то мы имѣемъ полное право, усматривать въ этихъ явленіяхъ благотворныя цѣли, указанные для нихъ премудростію Творца. Нерѣдко опредѣленнымъ теченіемъ явленій природы достигаются вмѣстѣ многія благотворныя цѣли.

Но законъ расширенія воды находится въ тѣсной связи съ жизнію человѣка и животныхъ. А потому мы имѣемъ полное право утверждать, что это явленіе имѣетъ цѣлю сохраненіе жизни тварей, что премудростію Творца опредѣлены такіе, а не иные законы замерзанія сообразно съ этою цѣлю. Но при семъ не должны мы утверждать, будто мы постигли цѣли этихъ законовъ во всей ихъ глубинѣ: ибо кромѣ этихъ благотворныхъ цѣлей, такъ ясно открывающихся намъ, могутъ быть и другія еще не открытыя.

Таковъ прямой и истинный взглядъ на явленіе замерзанія воды въ связи этого явленія съ условіями жизни на земномъ шарѣ! Какъ мы видѣли выше, этотъ взглядъ, примѣнительно къ частному явленію, выводится изъ ученія слова Божія о проявленіяхъ премудрости и благости Божіей въ дѣлахъ творенія.

Вѣрность какого-либо взгляда на предметъ еще яснѣе открывается, когда сравниваемъ его съ другими противоположными ему взглядами. А потому полезно будетъ и еще остановиться на этомъ предметѣ и рассмотретьъ то, какъ запутываются въ противорѣчіяхъ люди, не желающіе принимать истинъ основанныхъ на ученіи слова Божія и забывающіе о томъ, что слово Божіе должно быть для насъ высшимъ руководствомъ какъ въ области жизни, такъ и въ области познаній.

Однимъ изъ противниковъ истиннаго взгляда на значе-

ніе замерзанія воды является современный англійскій естествоиспытатель Джонъ Тиндаль. Странныя мнѣнія его относительно этого предмета и вмѣстѣ превратныя сужденія, которыя онъ высказываетъ по поводу его, мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Тиндаля о теплотѣ *), а въ большей подробности и съ большими странностями въ недавно появившемся и пользующемся большою извѣстностію сочиненіи Тиндаля о водѣ **).

Говоря о томъ, что нѣкоторые смотрятъ на значеніе замерзанія воды для жизни тварей, какъ на дѣло Промысла Божія, Тиндаль ясно высказываетъ нерасположеніе свое къ такому взгляду. Если же мы станемъ разбирать основанія для возраженій его противъ вѣрности этого взгляда, то эти основанія легко приводятся къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: а) естествознаніе не должно заниматься цѣльями; б) вода не есть единственное тѣло расширяющееся при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое.

а) Относительно изслѣдованія цѣлей такъ говоритъ Тиндаль: „скажу разъ навсегда, что естествоиспытателю нѣтъ дѣла до какихъ бы то ни было преднамѣреній и цѣлей природы. Изслѣдывая природу, онъ долженъ доискиваться, *почему*, а не *для чего* происходятъ различныя явленія въ ней“ ***). Такъ какъ подобная мысль встрѣчается

*) „Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія“. Переводъ подъ редакціею Шпмкова. С.-Петербургъ. 1864.

**) Это сочиненіе Тиндаля явилось на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ. Одинъ изъ нихъ изданъ въ Москвѣ въ 1873 году подъ заглавіемъ: „Формы воды въ облакахъ и рѣкахъ, во льдѣ и въ ледникахъ“. Другой переводъ изданъ въ Кіевѣ въ 1874 году, подъ заглавіемъ: „Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ“. Переводъ Фрейденберга. Мѣста изъ этого сочиненія приводятся въ настоящей статьѣ болѣе по переводу изданному въ Кіевѣ потому, что въ этомъ переводѣ яснѣе выступаютъ на видъ странныя сужденія Тиндаля. А въ московскомъ изданіи встрѣчаются нѣкоторые пропуски, поводъ къ которымъ былъ поданъ, можетъ быть, явными несообразностями во мнѣніяхъ Тиндаля.

***) Тиндаль. „Теплота“. Лекція III, стр. 58.

и у другихъ естествоиспытателей, то нужно остановиться на ней и раскрыть ея невѣрность и лживость.

Вопервыхъ ясно, что въ приведенныхъ словахъ высказывается для естествоиспытателя какой-то законъ относительно того, чѣмъ онъ долженъ заниматься и чѣмъ не долженъ. Но умственная дѣятельность до нѣкоторой степени требуетъ для себя свободы. Если человѣкъ предписываетъ для нея законъ, то онъ долженъ указать основаніе для этого закона. А Тиндаль вовсе не приводитъ основаній для того, почему онъ такъ хочетъ ограничить дѣятельность естествоиспытателя. И потому требованіе его, высказанное голословно, не имѣетъ никакой силы.

Далѣе, можно видѣть и внутреннюю несостоятельность этого требованія. Изъ внутренняго опыта мы знаемъ, что вопросы: „почему“ и „для чего“ сродны нашему уму и имѣютъ между собою тѣсную связь. Ограничивать умъ въ изслѣдованіи явленій природы только первымъ вопросомъ значить налагать на умъ какія-то оковы и тѣмъ наносить вредъ успѣхамъ самаго познанія. Напротивъ, изысканіе цѣлей приводитъ къ болѣе глубокому познанію явленій природы. Такъ напримѣръ, человѣкъ занимающійся физіологіею можетъ глубже понять соотвѣтствіе между строеніемъ какого-либо органа и его значеніемъ, его дѣятельностію въ цѣломъ организмѣ въ томъ случаѣ, когда онъ одушевленъ стремленіемъ постигнуть то, для чего извѣстному органу дано такое, а не иное устройство. Такъ стремленіе постигнуть цѣль и назначеніе заслоночекъ въ кровеносныхъ сосудахъ привело англійскаго врача Гарвеса къ замѣчательному открытію кругообращенія крови.

Потомъ, вникая тщательно въ разсужденія Тиндаля, можемъ замѣтить, что разбираемое нами требованіе его находится въ противорѣчій съ его же словами. Въ самомъ дѣлѣ, на тойже страницѣ, только нѣсколькими строками выше, онъ говоритъ такъ: „отношенія жизни къ условіямъ самой жизни и выборъ средствъ, помощью которыхъ при-

рода достигаетъ своихъ цѣлей, въ высокой степени возбуждаетъ интересъ ученаго“.

Наконецъ не оставимъ безъ вниманія того обстоятельства, что странная мысль Тиндала, будто естествоиспытателю нѣтъ дѣла до цѣлей природы, высказана по поводу вопроса о значеніи замерзанія воды въ сочиненіи о теплотѣ, вышедшемъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Въ недавнемъ же сочиненіи своемъ о водѣ, хотя Тиндаль остается при томъ же мнѣніи о значеніи замерзанія воды и говоритъ объ этомъ подробно, однако не повторяетъ разбираемой нами странной мысли о цѣляхъ. Можно думать что онъ и самъ понялъ ея несостоятельность.

Итакъ первое возраженіе Тиндала противъ истиннаго взгляда на значеніе замерзанія воды падаетъ само собою.

б) Разсмотримъ теперь другое возраженіе которому, какъ видно, Тиндаль придаетъ большую силу и которое онъ повторяетъ и въ сочиненіи о теплотѣ, и въ сочиненіи о водѣ, и въ книгѣ подъ заглавіемъ: „физика въ простыхъ урокахъ“.

Въ новомъ сочиненіи своемъ о водѣ Тиндаль, упоминая объ извѣстномъ ученомъ графѣ Румфордѣ, который съ особенною силой указывалъ на законъ замерзанія воды и значеніе его, какъ на доказательство премудрости Творца, далѣе проводитъ ту мысль, что это доказательство не имѣетъ уже силы въ наше время, когда стало извѣстно, что „вода не составляетъ единственнаго исключенія изъ этого общаго закона“, т.-е. закона уменьшенія объема при охлажденіи. Какъ на примѣръ тѣлъ, которыя подобно водѣ расширяются при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое, Тиндаль указываетъ нѣкоторые металлы, а именно на желѣзо и особенно на висмутъ, говоря такъ: „висмутъ представляетъ еще болѣе поразительное явленіе. Можно разрывать бомбы при помощи охлажденія расплавленнаго висмута точно такъ же, какъ это дѣлается водою. Въ этомъ случаѣ не оказывается никакой надобности въ пре-

дусмотрительности для какихъ-нибудь рыбъ, а между тѣмъ планъ остается одинъ и тотъ же " *).

Этимъ возраженіемъ Тиндаль показываетъ только то, что онъ не понимаетъ, въ чемъ здѣсь заключается сущность и истинная сила доказательства. Не имѣя подъ руками того сочиненія Румфорда, изъ котораго Тиндаль приводитъ нѣкоторыя мѣста, мы не можемъ сказать, вполне ли удовлетворительно доказательство тамъ раскрыто. Можетъ быть Румфордъ ошибался только въ томъ, что считалъ *единственнымъ* это исключеніе изъ общаго закона, и это обстоятельство подало нѣкоторый поводъ къ возраженіямъ. Но Тиндаль направляетъ свои возраженія противъ самой истины доказываемой Румфордомъ и потому нужно представить эту истину въ надлежащемъ свѣтѣ.

Основаніемъ для того, чтобы на сохраненіе жизни тварей живущихъ въ водѣ смотрѣть какъ на цѣль расширенія воды при ея замерзаніи, а вмѣстѣ видѣть въ этомъ и другія благодѣтельныя для жизни цѣли, положенныя премудростію Творца, служитъ поразительная очевидность связи между явленіемъ и его прямыми слѣдствіями. И дѣйствительно, вода имѣетъ существенно важное значеніе въ природѣ: она принадлежитъ къ веществамъ наиболѣе распространеннымъ, она имѣетъ тѣсную связь съ условіями жизни. Далѣе, мы видимъ явленіе расширенія воды при ея замерзаніи и вмѣстѣ видимъ, что это явленіе сопровождается многими благодѣтельными слѣдствіями для жизни. Послѣ этого, для всякаго наблюдателя, не забывающаго о премудромъ Творцѣ міра, ясно открывается, что эти благодѣтельныя для жизни слѣдствія и составляютъ цѣль, для которой законъ расширенія воды является средствомъ, что сообразно съ этою цѣлію и данъ водѣ такой законъ. И такая цѣль удерживаетъ полное свое значеніе совершенно безотносительно къ тому, подобны ли другія тѣла водѣ по своимъ законамъ расширенія, или нѣтъ.

*) Глава 46, § 322.

Эта цѣль могла бы имѣть мѣсто даже въ томъ случаѣ, еслибы всѣ плавкіи тѣла расширялись при переходѣ своемъ изъ жидкаго состоянія въ твердое. Но конечно, для человѣка не столь ясна была бы эта цѣль, и онъ вѣроятно не столько бы обратилъ на нее вниманія, еслибы вода не представляла отличія отъ другихъ тѣлъ. Напротивъ, при особенности, цѣль открывается скорѣе. Наблюдатель, разсматривая явленія, съ одной стороны видитъ, что законъ уменьшенія объема при охлажденіи есть законъ общій, что по большей части тѣла подчиняются ему и тогда, когда изъ жидкаго состоянія переходятъ въ твердое. Но, съ другой стороны, врьдъ наблюдателемъ открывается и тотъ фактъ, что вода представляетъ исключеніе изъ этого закона, и что немногія только тѣла подобны ей въ этомъ отношеніи. Понятно, что здѣсь самая особенность явленія обращаетъ на себя особое вниманіе наблюдателя и даетъ движеніе его мысли, возбуждаетъ его къ вопросу о причинахъ этого явленія. Обращаясь къ свойствамъ воды и къ физическимъ законамъ, наблюдатель не находитъ вполнѣ яснаго и удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, почему происходитъ это явленіе. Между тѣмъ, связь его съ жизнію тварей, значеніе его какъ условія жизни, открывается предъ нимъ съ поразительною ясностію. Такимъ образомъ наблюдатель приводится невольно къ той мысли, что одни физическіе законы не разъясняютъ дѣла окончательно, а должно смотрѣть на него глубже. Когда мы видимъ, что мертвая, неодушевленная природа съ ея силами и законами служитъ потребностямъ жизни, то умъ нашъ не можетъ остановиться на однихъ естественныхъ причинахъ, на однихъ силахъ природы, которыя являются намъ во взаимной зависимости и слѣдовательно не самобытны, а ищетъ причины глубже и естественно предлагаетъ себѣ такіе вопросы: откуда получили свое бытіе самое вещество и силы природы? Кто далъ начало жизни на землѣ? Кто поставилъ въ такой строгой соразмѣрности и соот-

вѣтствіи жизнь и условія жизни? Единственный отвѣтъ на такіе вопросы, отвѣтъ, на которомъ только и можетъ остановиться человѣческой умъ ищущій истины, заключается въ ученіи о Существовѣ Самобытномъ, Вѣчномъ и Всесовершенномъ, то-есть въ ученіи о Богѣ Творцѣ, Который привелъ міръ изъ небытія въ бытіе и премудро устроилъ его по Своему плану. Господь Богъ даетъ человѣку познавать это ученіе частію чрезъ средства естественныя, чрезъ видимыя дѣла свои, но въ большей полнотѣ и съ большею ясностію чрезъ свое сверхъ-естественное откровеніе, т.-е. чрезъ священное Писаніе, которое есть истинное слово Божіе, дарованное человѣку.

Такимъ образомъ явленія природы даютъ намъ много побужденій возводить взоръ отъ твари къ Творцу. И тѣмъ болѣе явленія особенныя, какъ напримѣръ замерзаніе воды, въ которыхъ съ поразительною ясностію раскрывается связь жизни съ ея условіями, съ особенною силою возбуждаютъ дѣятельность ума, заставляютъ его отъ причинъ условныхъ восходить къ первоначальному Виновнику жизни и побуждаютъ обращаться къ слову Божію: ибо только въ немъ одномъ умъ можетъ найти рѣшеніе занимающихъ его глубочайшихъ вопросовъ. Таковъ правильный ходъ дѣятельности ума, при разсматриваніи явленій природы ищущаго истины.

Послѣ всего этого, для разъясненія дѣла съ разныхъ сторонъ, полезно будетъ обратить вниманіе и на тѣ немногія вещества, которыя подобно водѣ расширяются при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое. Напрасно Тиндаль свое возраженіе противъ благодѣтельныхъ цѣлей расширенія воды при ея замерзаніи думаетъ подкрѣпить указаніемъ на то, что подобное сему свойство нѣкоторыхъ металловъ бесполезно для охраненія жизни рыбъ. Понятно, что онъ хочетъ отвергать цѣль, ясно видимую въ одномъ явленіи, только потому, что въ явленіяхъ кажущихся ему подобными не находитъ тойже самой цѣли. Но такое умозаключеніе неправильно. При прямомъ и

здравомъ взглядѣ на явленія природы дѣло должно быть поставлено совершенно наоборотъ. А именно: если мы видимъ, что многія явленія подчинены одинаковымъ законамъ, то не имѣемъ еще права заключать, будто и цѣль этихъ явленій одна и таже; тѣмъ болѣе, когда въ однокъ явленіи цѣль ясно видима, не имѣемъ права отвергать ее только потому, что въ подобныхъ ему явленіяхъ не видимъ тойже цѣли: ибо это значило бы смѣшивать понятія совершенно различныя. Но съ другой стороны сходство въ явленіяхъ можетъ подавать поводъ къ другимъ, основательнымъ вопросамъ. Такъ, когда мы видимъ, что расширеніемъ воды при ея замерзаніи достигаются цѣли, и посредственно и непосредственно направленные къ благу человѣка, то намъ естественно представляются такіе вопросы: не направленъ ли ко благу человѣка подобный законъ расширенія, замѣчаемый въ другихъ тѣлахъ? Не достигаются ли и въ семъ случаѣ этимъ закономъ какія-либо цѣли благодѣтельныя для человѣка? Тщательное размышленіе объ этомъ предметѣ приводитъ насъ къ тому отвѣту, что и здѣсь мы не имѣемъ основаній отрицать цѣлей направленныхъ ко благу человѣка. Но только въ этомъ случаѣ изслѣдованіе цѣлей становится труднѣе; потому что въ другихъ веществахъ этотъ законъ не является съ той тѣсной связи съ условіями жизни, въ какой является онъ примѣнительно къ водѣ. Безъ сомнѣнія мы не имѣемъ права отъвергать цѣлей, только потому, что еще не нашли ихъ. Посмотримъ же на дѣло внимательнѣе. Если окажется, что свойство нѣкоторыхъ металловъ, подобно водѣ расширяться при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое, тѣмъ или другимъ путемъ служить на пользу человѣка, то мы получимъ основанное на фактахъ доказательство той мысли, что и въ семъ случаѣ этотъ законъ направленъ къ благимъ цѣлямъ. Здѣсь нужно рассмотреть нѣсколько частныхъ примѣровъ. Указываемое Тиндалемъ свойство желѣза расширяться при охлажденіи оказывается полезнымъ въ чугунѣ, который есть соедине-

ніе желѣза съ углеродомъ, содержащее отъ 4 до 5 процентовъ углерода; чугуны плавятся гораздо легче желѣза и при своемъ застываніи нѣсколько расширяется въ объемѣ, но не столь замѣчательно какъ вода. Когда чугуны отливаются въ какую-либо форму, то расширяясь при своемъ охлажденіи, онѣ стремятся занять всѣ неровности и углубленія формы, и этимъ объясняется та отчетливость и та точная сообразность съ формою, какую имѣютъ вещи отливаемые изъ чугуна. Подобнымъ образомъ и свойство металла висмута расширяться при своемъ застываніи оказывается полезнымъ для потребностей человѣка. А именно, не очень давно открыто, что изъ олова, свинца и висмута можно получить сплавъ, который требуетъ очень невысокой температуры для того, чтобы привести его въ жидкое состояніе: онъ плавится, будучи брошенъ въ кипящую воду. И потому даже деревянные формы, употребляемыя для отливанія вещей изъ этого сплава, не разрушаются имъ. Полезныя приложенія этого сплава объясняются частію его легкоплавкостію, частію тѣмъ, что висмутъ входящій въ него сообщаетъ и всему сплаву свойство нѣсколько расширяться при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое. Такъ напримѣръ, этотъ сплавъ употребляется какъ пломба для гнилыхъ зубовъ: способность его крѣпко приставать къ зубу, когда онъ входитъ въ его углубленія, и долго держаться, объясняется именно этимъ свойствомъ расширенія. Такое же свойство металла сурьмы имѣетъ очень важное приложеніе въ книгопечатаніи, и потому служитъ для разнообразныхъ потребностей жизни человѣка. Для отливанія типографскихъ буквъ употребляють сплавъ изъ четырехъ частей свинца и одной части сурьмы; названіе этого сплава есть гартъ. Въ отдѣльности свинецъ есть металлъ мягкій, а сурьма хрупкій, но вмѣстѣ эти металлы даютъ сплавъ очень крѣпкій, который легко плавится и удобно можетъ быть отливаемъ въ формы. При отливаніи въ форму, онъ принимаетъ точнѣйшій ея отпечатокъ, и потому фигуры буквъ выходятъ от-

четливо. А это, драгоценное для типографскаго дѣла, свойство гарта объясняется тѣмъ, что въ составъ его входитъ сурьма, которая расширяется при своемъ застываніи; понятно, что отъ нея и сплавъ ея со свинцомъ получаетъ тоже свойство и, расширяясь при переходѣ въ твердое состояніе, стремится проникнуть во всѣ углубленія формы, а потому и даетъ точный ея отпечатокъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ полезнымъ для человѣка является это свойство расширенія, замѣчаемое какъ въ водѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ тѣлахъ. Но не оставимъ безъ вниманія, что съ теченіемъ времени умножаются полезныя для жизни приложенія познаній о природѣ. А потому можно думать, что впоследствии откроются и другія, очень важныя для жизни человѣка, полезныя приложенія разсматриваемаго нами свойства нѣкоторыхъ тѣлъ. Соображая все нами разсмотрѣнное, мы приходимъ къ такому общему слѣдствію: есть основанія видѣть благодѣтельныя для человѣка цѣли положенныя премудростію Творца въ томъ, что однимъ тѣламъ даны одни, а другимъ другіе законы расширенія отъ тепла. Но конечно и въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, человѣкъ можетъ познавать эти цѣли постепенно и по частямъ, многое же въ планѣ мірозданія остается для человѣка недоступнымъ.

Итакъ ближайшее изслѣдованіе предмета достаточно дастъ намъ видѣть всю несостоятельность возраженій Тиндаля противъ истиннаго взгляда на значеніе особенности въ замерзаніи воды. Но, для полноты изслѣдованія, полезно будетъ обратить вниманіе на сужденія Тиндаля, которыми онъ оканчиваетъ главу объ этомъ предметѣ, и разсмотрѣть, заключающіяся въ нихъ несообразности.

Вслѣдъ за приведенными выше словами, Тиндаль говоритъ такъ:

„Не желалъ бы я вспомнить вмѣстѣ съ графомъ Румфордомъ о такихъ людяхъ, о которыхъ мнѣ рассказывали, что до сихъ поръ онп еще сознаются въ возможности

найти религиозное утѣшеніе въ суевѣріи, стоящемъ, какъ извѣстно, ниже всего того, что могло только до сихъ поръ унижить цивилизованный человѣческій умъ. Удовлетвореніе, доставляемое вѣрой, и истинность вѣры—двѣ вещи совершенно различныа *).

Довольно трудно понять, что́ хочетъ сказать Тиндаль этими словами, о какомъ суевѣріи говорить онъ въ началѣ и о какой вѣрѣ въ концѣ приведенныхъ словъ. Бываютъ примѣры, что заблуждающіеся люди находятъ нѣкоторое удовлетвореніе въ ложныхъ вѣрованіяхъ, какъ это видимъ въ вѣрованіяхъ язычниковъ. Но понятно, что не это имѣетъ въ виду Тиндаль, а что-то другое. Не думаетъ ли онъ самую вѣру въ Промыслъ Божій относить къ суевѣріямъ и сказать, что мы держимся ея не по ея истинности, а только потому, что она доставляетъ утѣшеніе нашей душѣ? Въ такомъ случаѣ Тиндаль жестоко заблуждается: слова его, не сопровождаемыя никакими доказательствами, не нуждаются и въ опроверженіи, какъ явная ложь. Для насъ довольно вспомнить, что эта вѣра въ Промыслъ Божій основывается на ученіи Христа Спасителя, какъ это мы видѣли выше.

Далѣе продолжаетъ Тиндаль:

„Жизнь и условія жизни пераздѣльны. Это непреложная истина, такъ какъ безъ соразмѣрныхъ и опредѣленныхъ условій жизнь была бы немислима. Какъ жизнь, такъ и ея условія предполагаютъ дѣятельность одной неисповѣдимой Силы. Мы не знаемъ ни Ея начала, ни Ея конца“ **).

Въ приведенныхъ словахъ сначала Тиндаль какъ будто выражаетъ тотъ вѣрный взглядъ, что наблюденія надъ жизнью и ея условіями приводятъ къ мысли о Творцѣ міра. Но непонятно, что́ значать странныя выраженія въ концѣ приведенныхъ словъ. Неужели Тиндаль забылъ о

) Глава 46, § 323.

**) Тамъ же § 324.

томъ, что понятія о началѣ и концѣ къ Творцу вовсе неприложимы? Всякій христіанинъ знаетъ ту истину, что Богъ Творецъ міра не имѣетъ ни начала, ни конца Своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ. Эта истина была доступна и лучшимъ изъ язычниковъ. Или, можетъ быть, и Тиндаль этими словами хочетъ указать на безначальность и бесконечность Творца? Не значать ли слова: „не знаемъ“, того же самаго, что означали бы слова: „не должны предполагать ни начала ни конца“? Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему Тиндаль, старающійся о точности выраженій тамъ, гдѣ идетъ дѣло о какихъ-либо явленіяхъ природы, не позаботился о точности и опредѣленности выраженій тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о Творцѣ міра. И потому съ вѣроятностію можно полагать, что хотя самою очевидностію дѣла къ необходимости мысли о Творцѣ міра приводится и Тиндаль, но своими неточностями въ словахъ тайно хочетъ выразить то, будто для человѣка достаточно довольствоваться самыми смутными и неопредѣленными понятіями о Богѣ Творцѣ. Очевидно, что взглядъ такого рода есть гибельное заблужденіе: ибо предъ нами отовсюду открывается, что истинное богопознаніе есть основаніе и источникъ всякаго добра.

Свои разсужденія Тиндаль оканчиваетъ слѣдующими словами:

„И дерзость, если только не низость, на сторонѣ тѣхъ, которые сажаютъ на тронъ вселенной увеличенное изображеніе самихъ себя и его дѣянія считаютъ простымъ колоссальнымъ подражаніемъ своимъ собственнымъ“ *).

Прежде всего, въ приведенныхъ словахъ Тиндаля обращаетъ на себя вниманіе самая грубость и странность въ способѣ выраженія мысли, особенно неумѣстная здѣсь. При такой странной формѣ выраженія трудно и понять, что именно хочетъ сказать здѣсь Тиндаль, и противъ кого направляетъ онъ свои порицанія. Однако можно ду-

*) Тамъ же.

мать, что въ этихъ словахъ Тиндаль имѣеть въ виду вообще всѣхъ тѣхъ, которые, замѣчая совершенства въ человѣкѣ, хотятъ восходить отъ нихъ къ совершенствамъ Творца. И очень вѣроятно, что Тиндаль, не разбирая дѣла, порицаетъ здѣсь самое стремленіе ума человѣческаго отъ совершенствъ конечныхъ восходить къ созерцанію безконечныхъ совершенствъ Творца. А если такъ, то порицанія Тиндаля не заслуживаютъ и вниманія и падаютъ сами собою: ибо въ этомъ случаѣ Тиндаль осмѣливается осуждать и порицать священное право человѣка, дарованное ему самимъ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе человѣка отъ истинныхъ совершенствъ своей природы восходить къ совершенствамъ Творца имѣеть глубокое основаніе въ природѣ человѣческой: это стремленіе основывается на томъ, что человѣкъ сотворенъ по образу и по подобію Божію, а потому въ самомъ себѣ онъ можетъ и долженъ видѣть отображеніе совершенствъ своего Первообраза. И слово Божіе вразумляетъ насъ такимъ вопросомъ: *Создавшій ухо ужели не слышитъ, и Устроившій глазъ ужели не смотритъ* (Псал. 93, 9)? Отсюда видимъ основаніе, почему такъ глубоко въ человѣкѣ то убѣжденіе, что истинно доброе, прекрасное и высокое, замѣчаемое въ природѣ человѣка, въ несравненно высшей и совершеннѣйшей степени принадлежитъ Творцу его.

Стремленія поколебать это убѣжденіе ведутъ къ очевиднымъ несообразностямъ, какъ это мы уже и видѣли. Здѣсь замѣтимъ еще, что совершенно напрасно въ названіи разсматриваемой главы въ книгѣ Тиндаля стоятъ слова: „исправленіе ошибокъ“. Ошибается самъ Тиндаль, когда своими умствованіями, хочетъ подорвать силу и значеніе одного изъ средствъ богопознанія. Огромная, но односторонняя ученость не избавляетъ отъ губельныхъ заблужденій.

Напротивъ, въ словѣ Божіемъ человѣкъ находитъ для себя надежное руководство. Сообразно съ ученіемъ его, восходя отъ совершенствъ конечныхъ къ безконечнымъ

совершенствамъ Творца, мы, дабы не приписать Ему чего-либо несообразнаго съ Его совершенствами, постоянно должны имѣть въ виду свое ничтожество предъ величіемъ Божиимъ. *Какъ небо выше земли, такъ пути Мои выше путей вашихъ, и мысли Мои выше мыслей вашихъ* (Исаи 55, 9), говоритъ намъ Господь Богъ. Вмѣстѣ съ этимъ мы должны помнить и о нашемъ глубокомъ грѣховномъ поврежденіи, которымъ омрачается въ насъ образъ Божій. Но христіанская религія даетъ намъ средства облекаться въ новаго человѣка, *который обновляется въ познаніи по образу Создавшаго его* (Колос. 3, 10): въ ней найдемъ мы свѣтъ и жизнь и для нашихъ изслѣдованій о природѣ.

Дмитрій Голубинскій.

П Е Р Е С У Д Ы.

ТРИ ПОУЧЕНІЯ КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ.

I.

Поученіе въ недѣлю мытаря и фарисея.

„Нѣсмь якоже прочіи чловѣцы
или яко сей мытарь. Лук. 18, 11“.

Во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, народъ іудейскій, среди котораго Онъ жилъ и проповѣдывалъ, былъ подъ властію другаго народа, Римлянъ, и платилъ подать римскому кесарю. Подать собиралась обыкновенно вотъ какъ: какой-нибудь богатый чловѣкъ вносилъ Римлянамъ подать сполна за село или за городъ, за округу, а потомъ уже и собиралъ съ лихвою, выжималъ сокъ изъ бѣднаго народа всякими силами и неправдами, всякими притѣсненіями и жестокостями. За это

народъ ненавидѣлъ этихъ откупщиковъ и ихъ подручныхъ. Назвать человѣка *мытаремъ* т.-е. сборщикомъ пошлинь, акциза, оброка, по настоящему, ничуть не обидно; но у Евреевъ это была самая жестокая, поносная брань: называть басурманомъ, цыганомъ у насъ не столь обидно, какъ у Евреевъ мытаремъ. Мытарь—все равно, еслибы по нашему сказать: нехристь, палачъ!

Напротивъ того *фарисей* было имя почетное. Фарисеями назывались ревнители Моисеева закона. Они слыли за людей благочестивыхъ и неукоризненныхъ по жизни. Впрочемъ Господь не любилъ и часто обличалъ фарисеевъ, потому что большая часть изъ нихъ были притворщики и лицемеры; не исполняли главныя заповѣди закона, а старались о мелочахъ. *Горе вамъ книжники и фарисеи, лицемеры, гогориль Господь, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина и оставили важнейшее въ законѣ, судъ, милость и веру* (Мѡ. 23, 23). Они были горды и презирали другихъ людей, и въ то же время такъ тщеславны, что искали людской хвалы, выставляли на показъ свою благочестивую жизнь, для человѣческой славы: постились, молились, подавали милостыню не для Бога, а ради народнаго почета и хвалы. Богъ видитъ душу, любить правду, а ложь, лицемеріе Ему всего ненавистнѣе.

Итакъ пришли въ храмъ два человѣка, мытарь и фарисей. Мытарь, зная за собой не мало темныхъ дѣлъ, сталъ въ дальній уголь, не смѣлъ поднять и глаза къ небу и только вздыхалъ и говорилъ: *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*

Фарисей же повелъ съ Богомъ такую бесѣду: слава Тебѣ, Господи, что я не то, что другіе люди: вѣровы, обманщики и пр., или вотъ какъ этотъ мытарь. Вотъ я говѣю два дня въ педѣлю, съ имѣнія моего и съ доходовъ десятую часть отдаю на храмъ...

Вамъ извѣстно, братіе, что Господу больше понравился смиренный мытарь, чѣмъ фарисей, и вышелъ изъ храма оправданнымъ и болѣе угоднымъ Богу, чѣмъ фарисей.

Чѣмъ же фарисей испортилъ все дѣло? *Осужденіемъ ближняго*, братіе, и объ этомъ-то пороку я намѣренъ сегодня побесѣдовать съ вами. Это пороку самый распространенный у насъ, и очень важный, даромъ что мы объ немъ и не думаемъ.

Я сказалъ, что это пороку самый распространенный между нами, и это дѣйствительно такъ. Кто изъ насъ не грѣшенъ въ осужденіи ближняго? Кто никогда не осмѣивалъ, не пересуживалъ своихъ друзей и родныхъ, не язвилъ, не цѣдилъ своихъ враговъ и недруговъ? Кто не смѣялся надъ чужимъ промахомъ, не разглашалъ чужихъ проступковъ? Никто не посмѣетъ сказать, что онъ не грѣшенъ въ этомъ, а если кто и скажетъ, тотъ скажетъ неправду. Послушайте, изъ чего обыкновенно состоятъ наши разговоры: сошедшись, мы сначала потолкуемъ объ новостяхъ, потомъ начинаемъ толковать о сосѣдяхъ и знакомыхъ; переберемъ все, что только придетъ на разумъ, и затѣмъ пускаемся въ пересуды. Тутъ разговоръ нашъ выходитъ на такую торную и ровную дорогу, что рѣчи катятся, какъ по маслу, журчатъ какъ весенніе ручьи; мы становимся веселы и неистощимы и, кажется, нашимъ разговорамъ конца не будетъ. А объ чемъ это такъ плодovито мы разговорились?—Да все объ недостаткахъ ближнихъ: они глупы, а мы очень умны; они плуты, а мы честны; они скупы, а мы добры и т. д. Вотъ самый обыкновенный, самый общій, самый неистощимый предметъ нашихъ бесѣдъ и разсужденій.

Пересуживая ближнихъ, мы показываемъ только свое невѣжество, свою ограниченность. Какъ это? Вотъ какъ: этимъ мы показываемъ, что намъ не объ чемъ еще говорить. Человѣкъ умный можетъ найти о чемъ говорить и безъ пересудовъ, и если не всегда найдется о чемъ сказать, молчать. Но кто не умѣетъ ни говорить, ни думать ни объ чемъ важномъ и серьезномъ, а молчать не любить, тотъ обыкновенно пускается въ пересуды. Какъ пустимся въ пересуды, тутъ всякій вдругъ дѣлается уменъ и развя-

зень, у всѣхъ прибываетъ краснорѣчія, разсудительности. Говорить объ дѣлѣ можетъ только умный и знающій, а пересуживать и сплетничать въ состояніи всякій невѣжда. Итакъ, братіе, не къ чести нашей служатъ пересуды, а къ позору, не умъ доказываютъ, а невѣжество,—показываютъ только, что намъ еще не объ чемъ говорить, что мы не въ состояніи бесѣдовать объ чемъ-нибудь путномъ.

Замѣйте: кто всѣхъ искуснѣе и лютѣе въ пересудахъ? Люди преданные праздности, ничего не дѣлающіе. Свои дѣти въ лохмотьяхъ, своя скотина безъ корма; зато они знаютъ все, что дѣлается въ селѣ изъ двора во дворъ. Еслибы они меньше работали языкомъ, а больше руками, еслибы побольше думали о своемъ хозяйствѣ, а поменьше о чужихъ дѣлахъ, то и хозяйство шло бы лучше, и сплетень было бы меньше.

Итакъ пересуды происходятъ отъ невѣжества и праздности. Къ этому примѣшивается еще гордость, самолюбіе. Человѣкъ, который пересуживаетъ, отнюдь не думаетъ, что у него пустая голова—напротивъ! Онъ воображаетъ, что онъ всѣхъ умнѣе. Послушайте, когда человѣкъ пустится въ пересуды: какія слова чаще слышатся? „*А по моему мнѣнію*, вотъ бы что надобно сдѣлать... *А я такъ, по своему*, сказалъ бы вотъ что... У него догадки не хватило... По *нашему* не такъ“ и т. п. Что всѣ эти слова показываютъ? Показываютъ, что тотъ, кто ихъ произноситъ, воображаетъ себя большимъ умницей, гораздо умнѣе того, кого онъ осуждаетъ. Не такъ разсуждаетъ истинно умный человѣкъ. Онъ смиренно сказалъ бы про ближняго, котораго осуждаютъ: „ему свое дѣло лучше извѣстно; онъ знаетъ, что дѣлается, и вѣрно, обдумалъ не хуже моего“. Итакъ причина пересудовъ кроется въ нашей гордости, въ самомнѣніи. Пересудами мы стараемся показать, что мы лучше тѣхъ, кого осуждаемъ: либо умнѣе, либо честнѣе, либо добрѣе. Рѣдко мы пускаемся пересуживать тотъ порокъ, которымъ сами страдаемъ: на примѣръ пьяница снисходительно судить пьяницу, по пословицѣ: нищій на ни-

щемъ ничего не ищеть; чаще и съ особенной силой осуждаемъ тѣ пороки, которыхъ въ насъ нѣтъ или мы воображаемъ, что нѣтъ *). Вотъ отъ чего намъ пріятно пересуживать: этимъ мы тѣшимъ свое самолюбіе, питаемъ свою гордость. Хотя не слово въ слово, а всѣ мы повторяемъ рѣчь фарисея: слава Богу, я не то, что прочіе люди или вотъ этотъ....

Кончу бесѣду въ другой разъ. Теперь только попрошу помнить, что пересуды и сплетни происходятъ отъ того, что не умѣемъ говорить объ дѣльномъ, отъ праздности и отъ гордой самоувѣренности, что мы лучше другихъ людей. Аминь.

II.

Поученіе въ недѣлю блуднаго сына.

Бесѣдуя въ прошедшее Воскресенье съ вами, братіе, о привычкѣ судить и осуждать ближняго, я сказалъ, что она происходитъ отъ невѣжества, отъ праздности и отъ гордости. Нынѣ читанная евангельская притча о блудномъ сынѣ указываетъ на новую причину, по которой мы нерѣдко судимъ и пересуживаемъ людей: эта причина—*зависть*. Припомните, что нынѣ читано въ Евангелии: когда воротился къ отцу заблудившійся, распутный сынъ, съ радости отецъ устроилъ пиръ, созвалъ гостей. А братъ старшій былъ въ это время въ полѣ. Возвращаясь оттуда и подойдя къ дому, слышитъ пѣніе и шумъ, спрашиваетъ, что это значить, и узнаетъ причину. Замѣтьте, что говорить онъ: вотъ, говорить, я цѣлый вѣкъ работаю на отца, какъ наемный работникъ, и то отецъ никогда не далъ мнѣ козленка, чтобы я могъ попить съ пріятелями моими; а какъ братъ мой промоталъ все имѣніе съ пьяницами,

*) „Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ своего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего“ (Матѣ. 7, 5).

съ игроками, съ развратными женщинами, и воротился сюда оборваннымъ — нищимъ, такъ тотчасъ закололи откормленнаго быка, устроили пиръ.

Видите ли, братіе, какъ этотъ несчастный осуждаетъ вдругъ и брата и отца? Братъ, говорить, лѣнтяй, а я труженикъ; братъ пьяница, развратникъ, мотъ, а я скромный и честный человекъ; братъ негодяй, а отецъ его больше любить, а меня не любить, не видитъ, какъ я служу ему.

Отъ чего онъ осуждаетъ? Отъ зависти. Ему завидно, что брату рады, что брата простили, что брата угощаютъ. Весь этотъ взрывъ досады, весь этотъ ключъ обидныхъ словъ и пересудовъ вскипѣлъ отъ зависти.

Такъ, братіе, и мы: людей, которые, повидимому, хуже насъ, пересуживаемъ мы по гордости: вотъ-де они такіе и сякіе, а мы не такіе, мы гораздо лучше; а людей, которые лучше насъ, пересуживаемъ мы по зависти: хоть и хороши-де они съ виду, да вѣдь не лучше же насъ; они такіе, и такіе, и пр. Тутъ мы пускаемся въ самыя мелкія мелочи, самыя неважные недостатки раскрашиваемъ чернѣе грязи, по пословицѣ: всякое лыко въ строку; иной разъ не постыдимся и прибавить отъ себя, выдумать. Разказы какой-нибудь сплетницы, такіе разказы, которые, еслибы касались кого-нибудь другаго, мы бы и слушать не стали, — въ этомъ случаѣ принимаемъ какъ правду, пересказываемъ съ такою увѣренностью, что готовы побориться. Однимъ словомъ, весь навозъ, всѣ помои, всякую пакость выливаемъ на голову того, кто кажется лучше насъ. А изъ-за чего? Изъ-за того, чтобы, испачкавши его чѣмъ попало, сказать послѣ: смотрите, и онъ не лучше насъ грѣшныхъ! Хоть мы не хороши, да вѣдь и люди-то не лучше насъ!

Что это дѣйствительно такъ, тому много доказательствъ. Бѣднякъ съ особеннымъ удовольствіемъ пересмѣиваетъ богатыхъ; раскольники всего чаще любятъ судить объ недостаткахъ и порокахъ духовныхъ лицъ.

И добро бы было, если бы мы грѣхи чужіе считали, только для собственнаго исправленія, но то худо, что замѣчая ихъ за людьми, за собой не видимъ: всѣ эти замѣчанія не приносятъ намъ пользы. Спаситель сказалъ, что въ глазу брата видимъ всякій сучокъ, а у себя бревна не чуемъ. Одинъ мудрый человѣкъ говорилъ, что мы носимъ на себѣ двѣ сумы, одну спереди, другую за спиною: въ переднюю кладемъ чужіе грѣхи, а въ заднюю свои. Такимъ образомъ мы своихъ недостатковъ не замѣчаемъ, а чужіе знаемъ всѣ наперечетъ.

Мало того: даже что есть хорошаго и похвальнаго въ людяхъ, которымъ завидуемъ мы, и то стараемся представить въ дурномъ видѣ. Злорѣчивый языкъ точно помело, выпачканное сажей: пачкаетъ все, до чего ни коснется, и бѣлое дѣлаетъ чернымъ. Какъ человѣку, у котораго отъ болѣзни во рту горечь, все кажется горькимъ—и медъ и сахаръ, такъ и завистливый осуждаетъ все подрядъ и худое и хорошее. Вотъ что говоритъ св. Василій Великій объ этомъ: „и доброе дѣло для такихъ людей не похвально, и краснорѣчивое слово не украшено благородствомъ и пріятностію; нѣтъ для нихъ ничего занимательнаго и достойнаго вниманія. Какъ коршуны, пролетая мимо луговъ и мимо многихъ пріятныхъ и благовонныхъ мѣстъ, стремятся на гнилыя трупы; и какъ мухи, оставляя здоровое, бѣгутъ къ гноящимся ранамъ: такъ завистливые вовсе не смотрятъ на отличную жизнь, на великія дѣянія, а занимаются только гнилымъ. Если случится какой проступокъ (что не рѣдко бываетъ между людьми), они разглашаютъ о немъ, и съ сей только стороны стараются выставить людей. Они подобны дурнымъ живописцамъ, которые изображаемаго на картинѣ своей отличаютъ или кривымъ носомъ или рубцемъ, или какимъ-либо недостаткомъ, происшедшимъ или отъ природы или отъ болѣзни. Превращая похвальное въ худое, они умѣютъ обезславить и добродѣтель, выставить въ видѣ близкаго къ ней порока. Мужественнаго называютъ дерзкимъ, воздержнаго не-

чувствительнымъ, правосуднаго—жестокимъ, благоразумнаго—коварнымъ, любящаго благолѣпіе роскошнымъ, щедраго мотомъ, а наблюдающаго хорошее хозяйство скупымъ. И вообще для каждой въ особенности добродѣтели у нихъ не недостаетъ имени, заимствованнаго отъ противнаго одной порока!“ (Христ. Чт. 1824. ч. XIII). Послѣ этихъ прекрасныхъ словъ великаго учителя Церкви мнѣ, братіе, нечего прибавить отъ себя; справедливѣе, точнѣе, краснорѣчивѣе невозможно сказать. Итакъ для избѣжанія грѣха осужденія, будемъ избѣгать грѣха зависти. А зависть есть самая низкая страсть, самыхъ мелкихъ душъ; это сатанинскій грѣхъ: завистью сатаны грѣхъ вошелъ въ міръ.

Всякій, говоритъ Господь, инвауційся на брата своего напрасно, какъ напрімѣръ завистникъ — подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему рака—пустой человѣкъ, подлежитъ синедріону, верховному судилищу; а кто скажетъ: безумный, подлежитъ гееннѣ огненной. Вотъ каково, братіе, судить объ людяхъ. *Итакъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними.* Желая себѣ отъ людей доброй славы, не говорите худо про ближнихъ. *Не судите, да не судимы будете* (Матѣ. 5, 2). Аминь.

III.

Поученіе въ недѣлю 2-ю Великаго поста.

Нѣсколько разъ, братіе, я говорилъ о пересудахъ и указывалъ темныя причины, отъ которыхъ происходитъ эта глупая страсть судить и рядить чужія дѣла. Говорилъ я, что иные пересуживаютъ отъ нечего дѣлать, отъ того, что еще ни объ чемъ порядочномъ судить и говорить не умѣютъ и не могутъ; другіе,—отъ того, что думаютъ, что они лучше тѣхъ, кого судятъ; третьи отъ зависти, съ умысломъ замарать, очернить ближняго. Нынѣ читанное Евангеліе даетъ намъ случай еще прибавить нѣчто къ

нашимъ бесѣдамъ о пересудахъ. Господь нашъ Иисусъ Христосъ, какъ вы слышали въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи, сказалъ, что отпускаетъ грѣхи разслабленному, а фарисействующіе книжники, по видимому изъ ревности по Богѣ, а на самомъ дѣлѣ по злобѣ на Христа, тотчасъ же и осудили Его: вотъ какой богохульникъ! Кто можетъ отпускать грѣхи, кромѣ Бога? (Мар. 2, 7.)

Фарисейское расположеніе духа обнаруживается нерѣдко и въ нашихъ пересудахъ. Старушка, которую лѣта, болѣзни и немощи приковали къ одному мѣсту, видя, какъ веселятся молодые люди, сѣтуетъ объ развращеніи нынѣшнихъ нравовъ; говоритъ, что лучше бы сидѣть на мѣстѣ, за дѣломъ, или заниматься полезными разговорами, вмѣсто пѣсенъ пѣть бы духовные стихи. Конечно она говоритъ правду, но она забываетъ, что въ молодости она была такова же, какъ и прочіе, и благочестивыя мысли пришли къ ней отъ старости. Это не настоящее благочестіе, а старческая брюзгливость. Такъ точно разбогатѣвшій торговецъ осуждаетъ бѣдняка, что онъ торгуется до упаду, и готовъ десять разъ побожиться изъ-за гроша. Конечно правду говоритъ купецъ, но не помнитъ того, что и самъ, бывши бѣднякомъ, дѣлалъ точно также. Это, значитъ, говорится не отъ ревности къ славѣ Божіей, а просто отъ спѣси разжившагося бѣдняка: „вотъ, дескать, вы, голь, Бога за грошъ продаете, а я эдакъ не сдѣлаю“. Можно бы и еще много найти примѣровъ, какъ мы осуждаемъ ближнихъ, будто по благочестію, а на самомъ дѣлѣ по другимъ причинамъ, но довольно и этихъ; достаточно сказать, что истинно благочестивый человѣкъ не осуждаетъ никогда и никого.

Почему? Потому что основа благочестія есть любовь къ ближнему, и смиреніе, а кто имѣетъ эти двѣ добродѣтели, тотъ не станетъ пускаться въ пересуды.

Кто искренно любитъ своего ближняго, любитъ его какъ себя, по заповѣди Спасителя (Мат. 19, 20), тотъ не станетъ говорить про него худое. Разсудите сами: если я сдѣлаю, что-нибудь худое,—неужели я самъ пойду раз-

сказывать всѣмъ? Никогда. Если твоя жена, твоя дочь сдѣлала что-нибудь непристойное, то неужели ты побѣжишь по сосѣдямъ, и будешь рассказывать всякому? Какъ же! Если твой родственникъ или другъ сотворилъ что-нибудь неподобное, ты молчишь, какъ будто ничего не знаешь, ничего не слыхалъ: зачѣмъ же трубишь и барабанишь, зачѣмъ готовъ ударить въ набатъ, когда случилось что-нибудь нехорошее съ твоимъ сосѣдомъ, безславное съ твоимъ недругомъ? Вѣдь и его велѣно любить и беречь какъ друга, какъ родню, какъ себя! Оттого, если ты истинно благочестивъ, то, по заповѣди Христовой, ты любишь ближняго какъ себя, а когда любишь какъ себя, такъ не станешь строго судить своего собрата. Тебѣ будетъ стыдно за него, ты станешь стараться скрывать его стыдъ и позоръ, а не разглашать. А когда ты съ злобною радостью процѣживаешь своего блежняго, приговариваешь: вотъ онъ какой еретикъ, видишь, какой онъ басурманъ, вѣдь онъ хуже татарина,—такъ это не благочестіе, а фарисейство. Тутъ нѣтъ любви къ ближнему, нѣтъ смиренія, а только гордость и презрѣніе. Не таково христіанское благочестіе! Итакъ, если мы желаемъ быть благочестивыми, то будемъ ко всѣмъ добры и снисходительны, а тогда никого не будемъ осуждать,—вотъ это-то и будетъ истинное благочестіе.

Истинно благочестивый человѣкъ отличается паче всего смиреніемъ, и потому вовсе не станеть пересуживать другихъ. Видить, правда, онъ, что другіе иногда дѣлають худо, да, по смиренію своему, думаетъ, что и онъ, еслибы также пришлось, такъ, пожалуй, не лучше бы сдѣлалъ. Слышитъ онъ о ворѣ, да не осуждаетъ его; и я, говорить, какъ бы пронялъ меня голодъ, или пристигла нужда какая, вѣдь, пожалуй, тоже бы сдѣлалъ. Вотъ братіе, здравое разсужденіе. Еслибы мы искренно и добросовѣстно прикладывали все къ себѣ (1 Кор. 11, 30), то вовсе перестали бы судить людей, потому что увидѣли бы, что мы сами ни на волосъ не лучше. Когда размыслишь объ томъ, что

иные отъ природы надѣлены разными недостатками духовными или тѣлесными, когда подумаешь, какъ портить людей необразованность, невѣжество, дурное воспитаніе или сообщество дурныхъ людей, когда по себѣ знаешь, какъ мы безсильны безъ помощи благодати Божіей и часто, въ порывѣ страсти, дѣлаемъ не то, что почитаемъ добрымъ и честнымъ,—то очевидно надъ природными недостатками смѣяться не станешь; надъ недостатками, которые произошли отъ дурнаго воспитанія и общества, тоже, потому что они достойны сожалѣнія, а не укоризны; къ ошибкамъ и увлеченіямъ отнесешься съ сострадательнымъ снисхожденіемъ, потому что и самъ по себѣ знаешь, что не чуждъ ихъ; и такимъ образомъ мало найдешь такого, что заслуживало бы осужденія, особенно *твоего* осужденія.

Довольно, братіе, о пересудахъ. Всего лучше заключить бесѣду словами св. Апостола Павла. *Итакъ, говоритъ онъ, неизвинителенъ ты, всякій человекъ, судящій другаго, ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другаго, осуждаешь себя; потому что, судя другаго, дѣлаешь тоже. Кто ты осуждающій чуждаго раба? Предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ или падаетъ. Каждый изъ насъ за себя дастъ отвѣтъ Богу. Не станемъ же больше судить другъ друга, а лучше судите о томъ, какъ бы не подать брату случая къ преткновенію или соблазну. Посему не судите никакъ прежде времени, пока не придетъ Господь, Который и осветитъ скрытое во мракъ, и обнаружитъ сердечныя намъренія, и тогда каждому будетъ похвала отъ Бога, Ему же слава во вѣки,—Аминь!* (Рим. 2. 1; 14, 13. 2. Кор. 4, 5).

Свящ. В. Владимірскій.

О ЧИНѢ ВЕЧЕРНИ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Измѣняемыя части вечерни: каѳизмы. Замѣчанія о псалмахъ, повидимому неудобныхъ къ молитвенному употребленію.—Прокимны.—Стихиры.—Особыя замѣчанія о догматикахъ.—Особенности въ чинѣ вечерни воскресной, праздничной и великопостной.

Въ прошедшее чтеніе мы обозрѣвали тѣ части вечерни, которыя составляютъ неизмѣнную принадлежность ея и повторяются ежедневно. Теперь разсмотримъ части вечерни, измѣняющіяся въ порядкѣ седмичнаго богослуженія и потомъ обратимъ вниманіе на особенности вечерни во дни воскресные, праздничные и великопостные.

Къ измѣняющимся частямъ вечерни относятся каѳизмы, прокимны, стихиры на Господи возвахъ, стихиры на стиховнѣ и отпустительные тропари.

1. Каѳизмы.

Каѳизмами называются 20 отдѣленій, на которыя для богослужебнаго употребленія раздѣлено собраніе псалмовъ или псалтирь. Названіе каѳизмъ (*сидѣній*) произошло отъ сидѣнія, которое на утрени, когда полагается прочесть или пропѣть двѣ или три каѳизмы сряду, допускается, для отдыха, послѣ каждой каѳизмы, при чтеніи или пѣніи краткихъ пѣснопѣній, именуемыхъ по этому сѣдальными. Каждая каѳизма состоитъ изъ трехъ частей, заключаемыхъ такъ называемыми *славami*, т.-е. словами: „Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Аллилуія“ и д. Части эти называются иногда *антифона-*

ми, по назначенію ихъ собственно для антифоннаго (по клиросамъ) пѣнія, иногда *статьями*, иначе стояніями (*στασεις*), ради того, что при чтеніи или пѣніи каѳизмъ должно стоять *). Такъ какъ псалмы написаны стихами, то чтеніе или пѣніе отдѣльныхъ псалмовъ и цѣлыхъ каѳизмъ въ уставѣ называется стихословіемъ.

На вечернѣ, ежедневно, за исключеніемъ вечерни въ Воскресенье подъ понедѣльникъ, обыкновенно стихословится одна каѳизма послѣ великой ектеніи. Именно, въ тѣ седмицы, въ которыя на утренѣ положено стихословить двѣ каѳизмы, на вечернѣ полагается рядовая каѳизма, на каждый день особая **). Въ тѣ же седмицы, въ которыя на утренѣ полагается по три каѳизмы, на вечернѣ каждый день читается одна 18-я каѳизма, и только въ субботу подъ Воскресенье 1-я, какъ и всегда.

И въ прошедшемъ чтеніи мы видѣли, и въ настоящемъ видимъ, и дальше увидимъ, какъ много мѣста въ составѣ вечерни занимаютъ псалмы. Тоже должно сказать о прочихъ церковныхъ службахъ. И не только въ церковномъ богослуженіи, но и въ домашнихъ молитвахъ псалтирь составляетъ главную молитвенную книгу. Потому въ иномъ домѣ не найдешь Евангелія, но непременно есть псалтирь. Чѣмъ объяснить столь обширное молитвенное употребленіе псалтири? Безъ сомнѣнія тѣмъ, что она даетъ лучшее и притомъ богодухновенное руководство къ молитвѣ. Въ ней есть готовое выраженіе всякаго рода молитвенныхъ и благоговѣйныхъ чувствованій. Она состоитъ изъ псалмовъ содержащихъ хвалу и благодареніе Богу, молебныхъ,

*) Въ русскихъ монастыряхъ, при вычитываніи каѳизмъ монахи обыкновенно сидятъ и встаютъ только на *славахъ*. Но у афонскихъ монаховъ принято въ этихъ случаяхъ *стоять присѣдши* на край сѣдалища въ стаендахъ.

***) Напримѣръ отъ Ооминной недѣли до отданія Воздвиженія, читается въ понедѣльникъ каѳизма 6-я, во вторникъ 9-я, въ среду 12-я, въ четвергъ 15-я, въ пятницу 18-я, въ субботу 1-я. Каѳизмы промежуточные стихословятся на утрени.

покаянныхъ, утѣшительныхъ, назидательныхъ. Всѣми этими псалмами, или отдѣльными въ нихъ стихами христіанину можно пользоваться также удобно, какъ пользовались ветхозавѣтные вѣрующіе. Но есть и такіе псалмы или стихи въ нихъ, о которыхъ повидимому нельзя этого сказать. Псалмопѣвцы часто выражаютъ предъ Богомъ чувствованія, повидимому несогласныя съ любовію къ ближнимъ, жалуются на враговъ, призывая на нихъ гнѣвъ Божій,—крайнюю суровость и нетерпимость, даже какъ будто озлобленіе обнаруживаютъ въ отношеніи къ нечестивымъ. Напримѣръ: „да приидеть смерть на нихъ (*на враговъ Давида*) и да снидутъ во адъ живи“ (Пс. 54, 16). Не только врагамъ лично, но и потомству ихъ псалмопѣвцы желаютъ зла: „плодъ ихъ отъ земли погубиши—сѣмя ихъ отъ сыновъ человѣческихъ“ (Пс. 20, 11). „Да постыдятся нечестивіи и снидутъ во адъ“ (Пс. 30, 18). „Пролей гнѣвъ на языки не знающія Тебе“ (Пс. 78, 6). „Дщи Вавилоны окаянная, блаженъ, иже изметъ и разбьетъ младенцы твоя о камень“ (Пс. 136, 8). Въ особенно сильныхъ выраженіяхъ высказывается негодованіе на враговъ и желаніе имъ зла въ псалмахъ 34 (5. 6), въ 68 и 108-мъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Какъ теперь, спрашивается, можно пользоваться христіанину такими псалмами? Можетъ ли онъ, по руководству ихъ, выражать въ молитвѣ къ Богу свое негодованіе и даже озлобленіе на нечестивыхъ и на своихъ враговъ, когда, по ученію Евангелія онъ долженъ упражнять себя въ кротости, терпѣннн, помня упрекъ Христа апостоламъ Іакову и Іоанну, просившимъ у Него позволенія низвести на Самарянъ, не принявшихъ Его, огонь съ неба,—когда долженъ благословлять кланущихъ, а не проклинать,—когда долженъ любить враговъ, молиться за творящихъ намъ напасть? вмѣсто духовной пользы не будетъ ли вредъ молящемуся по руководству такихъ псалмовъ? Не научится ли онъ изъ нихъ зложелательству и жестокости въ отношеніи къ ближнимъ? И потому не лучше ли бы

сдѣлала Церковь, еслибы нѣкоторые псалмы или стихи въ нихъ съ такимъ содержаніемъ совсѣмъ исключила изъ молитвеннаго употребленія?—Нельзя обойти эти вопросы безъ посильнаго рѣшенія.

Не наше дѣло учить Церковь. Она — наша мать. Ея должно слушаться, а не учить и приказывать ей. Она не дастъ намъ камня вмѣсто хлѣба, змѣи вмѣсто рыбы. Все, что Церковь даетъ намъ въ руководство къ молитвѣ, свято и спасительно для насъ. Какъ же однако понимать выраженія псалмовъ, чуждыя повидимому любви къ ближнему, и какъ пользоваться ими? Не сказать ли, что такіе псалмы, на ряду съ другими неукоризненными по содержанію, допущены Церковію не какъ практическое руководство къ молитвѣ, а какъ только историческіе памятники, которые хорошо принять къ свѣдѣнію, хорошо изучить, но въ которыхъ отнюдь не обязательно видѣть примѣръ для подражанія тѣмъ чувствованіямъ, какія заключены въ нихъ? Въ этихъ псалмахъ сказался ветхозавѣтный чловѣкъ, который хотя зналъ заповѣдь: „возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе“ (Лев. 19, 8), но вмѣстѣ не почиталъ грѣхомъ мстить врагамъ, ибо ему позволено было вырывать око за око, зубъ за зубъ.—Что сказать на это? Не станемъ оспаривать то положеніе, что ветхозавѣтные вѣрующіе въ большинствѣ не возвышались до высоты всепрощающей и всепокрывающей любви; но сего нельзя сказать о святыхъ псалмопѣвцахъ, и особенно о Давидѣ. Кротость Давида въ отношеніи къ врагамъ извѣстна. Такъ онъ неоднократно щадилъ заклятаго врага своего Саула, когда Саулъ былъ въ его рукахъ и оставался беззащитнымъ; горькими слезами оплакалъ смерть его; былъ покровителемъ внука его Иевосея; во время своего бѣгства изъ Іерусалима по случаю возмущенія Авессаломъ, не велѣлъ трогать Семеня, одного изъ приверженцевъ и родственниковъ Сауловыхъ, который проклиналъ его и бросалъ въ него камни, за что спутники Давида просили у него позволенія убить этого дерзкаго чловѣка. Соломонъ,

сынъ Давида, молился объ отцѣ: „помяни Господи Давида и всю кротость его“ (Пс. 131, 1). Самъ Давидъ въ псалмахъ своихъ не разъ исповѣдуетъ предъ Богомъ свое незлобіе. „Ищущіе души моеи ставятъ мнѣ сѣти и желающіе мнѣ зла говорятъ о погибели моеи и замышляютъ всякій день козни. А я какъ глухой не слышу и какъ нѣмой, который не открываетъ устъ своихъ. И сталъ я какъ человѣкъ, который не слышитъ и не имѣетъ въ устахъ своихъ отвѣта“ (Пс. 37, 13. 14. 15). Можно ли отъ такого кроткаго и незлобиваго человѣка, какимъ является Давидъ въ этихъ словахъ и въ своихъ поступкахъ, ожидать, чтобы онъ позволилъ себѣ питать злобу противъ враговъ и даже выражать ее въ молитвѣ? Какъ же однако понимать тѣ псалмы, или тѣ выраженія въ нихъ, которые повидимому противорѣчатъ этому? Какъ вообще смотрѣть на псалмы, въ которыхъ усматривается недостатокъ кротости и снисходительности къ людямъ? И какъ пользоваться такими псалмами? Объяснимся.

Прежде всего скажемъ, что въ тѣхъ псалмахъ, въ которыхъ Давидъ проситъ у Бога суда на враговъ, поучительно для насъ то, что онъ именно къ Богу обращается съ своимъ негодованіемъ, предоставляя Ему одному наказать ихъ: „суди Господи обидящія мя и побори борющія мя“. Если же онъ отъ Бога ожидаетъ суда надъ своими врагами, а не къ самоуправству прибѣгаетъ для отмщенія имъ, то это свидѣтельствуетъ скорѣе объ его кротости и преданности волѣ Божіей, а отнюдь не о жестокости и нетерпѣливости. Подобно Давиду и христіанинъ, когда терпитъ озлобленія отъ ближнихъ, не долженъ увлекаться чувствомъ мщенія, а предоставитъ наказаніе ихъ суду Божію. Онъ долженъ говорить: Господи! если Тебѣ угодно, Самъ поступи по Твоему правосудію съ моими врагами, для ихъ вразумленія и уврачеванія; я же прощаю ихъ.

Далѣе, съ кротостію въ душѣ Давида соединялась ревность о славѣ Божіей. По кротости онъ готовъ былъ прощать врагамъ своимъ, терпѣливо переносить оскорб-

ленія отъ нихъ; но по ревности къ славѣ Божіей, душа его не могла мириться съ нечестивыми, врагами не только людей, но самого Господа Бога. Къ таковымъ онъ безпощаденъ. „О еслибы ты, Боже, поразилъ нечестиваго! Удалитесь отъ меня кровожадные! Они говорятъ противъ Тебя нечестиво; суетное замышляютъ враги твои. Мнѣ ли не возненавидѣть ненавидящихъ Тебя, Господи, и не возгнущаться возстающими на Тебя? Полною ненавистію ненавижу ихъ, враги они мнѣ“ (Пс. 13—8, 19—22. Слич. 30, 7). Подобная ревность о славѣ Божіей должна одушевлять cadaго изъ насъ. Личныя оскорбленія мы должны переносить кротко, потому что заслуживаемъ ихъ, потому что по совѣсти не можемъ назвать себя правыми если не предъ людьми, то предъ Богомъ. Но мы не должны равнодушно смотрѣть и слушать, когда въ нашемъ присутствіи глумятся надъ вѣрою, надъ таинствами, надъ церковными учрежденіями. Наше молчаніе и равнодушіе въ этомъ случаѣ, только поощрило бы глумящихся къ большей дерзости и показало бы, что мы сами на ихъ сторонѣ. Нѣтъ, враги вѣры и Церкви не могутъ быть нашими друзьями. Какъ людей, какъ созданныхъ по образу и подобию Божію, мы должны любить ихъ; но какъ ненавидящіе Бога и Его законъ, они должны быть намъ ненавистны. Мы не согрѣшимъ, если подобно Давиду будемъ просить Бога обуздать ихъ, имиже вѣсть судьбами. Духъ Евангелія есть духъ любви и мира, но безъ сомнѣнія не вопреки же духу Евангелія поступали видѣнныя новозавѣтнымъ тайнозрителемъ души убіенныхъ за слово Божіе и за исповѣданіе Христово, когда взывали громкими голосами: „доколѣ, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу?“ (Апок. 6, 9. 10). Этотъ вопль исторгаемъ былъ изъ устъ исповѣдниковъ Христовыхъ ревностью о славѣ Божіей. Они возмущаются торжествомъ гонителей христіанства, возмущаются тѣмъ, что кровь мученическая льется безнаказанно; они желаютъ, чтобы Господь поспѣшилъ придти на помощь святой Своей

Церкви, чтобъ она заняла подобающее ей мѣсто въ мірѣ. Равно и Церковь наша не вопреки духу Евангелія поступаетъ, когда въ пѣснопѣніяхъ страстной седмицы словами псалмопѣвца (Пс. 27, 4) научаешь насъ просить Господа, да воздастъ врагамъ Христа, распявшимъ Его, по дѣламъ ихъ. Мы въ этомъ случаѣ, по руководству Церкви, просимъ ей у Господа свободы отъ враговъ, для ея преспѣванія на землѣ, для мирнаго распространенія и утвержденія вѣры и благочестія по вселенной.

Что иногда Давидъ призываетъ мщеніе Божіе на личныхъ своихъ враговъ, это объясняется тѣмъ, что они вмѣстѣ суть враги Божіи. „Ревность моя снѣдаетъ меня, потому что мои враги забыли слова Твои“ (Пс. 118, 139). Иногда по должности своей, какъ царь избраннаго народа, какъ теократическій глава его, онъ былъ строгъ къ нечестивымъ и незаконнымъ гражданамъ, очищая отъ нихъ свою столицу, чтобы они не оскверняли своимъ присутвіемъ града Господня къ соблазну благочестивыхъ (Пс. 100, 8), хотя по личнымъ своимъ кроткимъ чувствамъ готовъ былъ щадить нечестивцевъ; снисходительностію къ нимъ, онъ боялся прогнѣвать Господа. Примѣръ Давида въ этомъ отношеніи достоинъ подражанія для земныхъ властей, и для отцевъ семейства. Читая или слушая слова псалмопѣвца: *во утріе избивахъ вся грѣшная земли*, они должны видѣть для себя напоминаніе о принятіи строгихъ мѣръ противъ лицъ, способныхъ нечестіемъ своимъ заразить слабыхъ членовъ общества и семейства, и должны просить Бога о содѣйствіи имъ въ этомъ случаѣ.

Могло быть также, что инныя молитвы Давида противъ своихъ враговъ, хотя выражены безусловно, имѣли значеніе только угрозы имъ, съ цѣлію побудить ихъ къ раскаянію. Такія молитвы ни для кого не были секретомъ. Списки псалмовъ Давида ходили по рукамъ и потому если попадали въ руки враговъ его, могли образумливать ихъ. А въ такомъ случаѣ жалобы его на нихъ и молитвы

противъ нихъ были въ отношеніи къ нимъ дѣломъ милосердія, а отнюдь не жестокости.

Особенно сильны выраженія негодованія на враговъ въ псалмѣ 108-мъ. Полный гнѣва на нечестиваго и неблагодарнаго врага своего (Ахитофела или Семея), „заплатившаго Давиду зломъ за добро и ненавистію за любовь“, Давидъ говоритъ Богу: „поставь надъ нимъ нечестиваго и діаволь да станеть одесную его. Когда будетъ судиться, да выйдетъ виновнымъ, и молитва его да будетъ въ грѣхъ. Да будутъ дни его кратки и достоинство его да возметъ другой. Дѣти его да будутъ сиротами и жена его вдовою. Да скитаются дѣти его и нищенствуютъ и просятъ хлѣба изъ развалинъ своихъ. Да захватить заимодавецъ все, что есть у него, и чужіе да расхитятъ трудъ его. Да не будетъ сострадающаго ему, и да изгладится имя его въ слѣдующемъ родѣ. Да будетъ воспоминаемо предъ Господомъ беззаконіе отцовъ его, и грѣхъ матери его да не изгладится. Да будутъ они всегда въ очахъ Господнихъ и да истребитъ Онъ память ихъ на землѣ“ (ст. 6—15). Какія тяжкія наказанія Давидъ испрашиваетъ врагу своему и какъ ихъ много! До двѣнадцати. Но изъ слѣдующихъ стиховъ тогоже псалма видно, въ какомъ духѣ произнесены псалмовцемъ всѣ эти угрозы. Онъ говоритъ о проклинаніи: „возлюбилъ проклятіе, оно и придетъ на него, не сохранилъ благословенія, оно и удалится отъ него“ (ст. 17). Значитъ Давидъ проклиняетъ врага своего—не по злобѣ къ нему, а потому, что самъ врагъ привлекалъ это проклятіе. Онъ своими поступками вызывалъ Давида на проклятіе, какъ нетерпѣливые воины вызываютъ непріятеля на битву. Давидъ только принялъ этотъ вызовъ. Но не значило ли это, скажетъ кто-нибудь, отвѣчать безумному по безумію его (Прит. 26, 4), неразумному—неразумно? По отношенію ко всякому другому это пожалуй было бы такъ; но о Давидѣ этого никакъ нельзя сказать. Онъ былъ пророкъ и, какъ пророкъ, въ формѣ проклятія только предрекалъ судьбу своего врага; онъ изрекалъ здѣсь не свою

человѣческую волю, а волю Божію. Это не гаданіе, а прямой выводъ изъ 20-го стиха тогоже псалма: „таково воздаяніе врагамъ моимъ и говорящимъ зло на душу мою“. Видите, онъ увѣренъ, что угрозы его противъ враговъ— не празднаыя слова раздраженнаго человѣка, а приговоръ Божій. И если этотъ приговоръ простирается не на враговъ только Давида лично, но и на ихъ родителей, и на ихъ дѣтей, то конечно потому, что тѣ и другіе участвовали въ ихъ винѣ, были также нечестивы, какъ и они. Къ сему должно присовокупить, что Давидъ, какъ пророкъ, имѣетъ въ виду въ разсматриваемыхъ грозныхъ словахъ, не только судьбу своего врага, но еще судьбу другаго врага. Какъ самъ онъ былъ образомъ Христа, такъ и врагъ Давида, имъ прокливаемый, былъ образомъ одного изъ враговъ Христа, бывшаго вначалѣ въ числѣ Его друзей. Давидъ имѣетъ въ виду Іуду предателя. Это не наше гаданіе,—апостоль Петръ въ рѣчи своей по случаю избранія апостола на мѣсто Іуды, слова 108-го псалма: *да будутъ дніе его мали и епископство* (достоинство) *его да приметъ инъ*,—относитъ именно къ Іудѣ, сократившему свою жизнь самоубійствомъ и преждевременно лишившемуся апостольскаго достоинства (Дѣян. 1, 20). Въ подобномъ пророчественномъ смыслѣ должно понимать грозныя слова Давида противъ его враговъ въ 68-мъ псалмѣ: „да будетъ трапеза ихъ сѣтью имъ, и мирное пиршество ихъ—западнею. Да помрачатся глаза ихъ, чтобы имъ не видѣть, и чресла ихъ разслабъ навсегда. Жилище ихъ да будетъ пусто, и въ шатрахъ ихъ да не будетъ живущихъ“ (ст. 23. 24. 26). Апостоль Павелъ приволитъ эти слова псалмопѣвца, говоря объ отверженіи Іудеевъ въ наказаніе за то, что они отвергли Христа (Рим. 11, 9. 10). Значитъ Давидъ угрозы свои направлялъ не противъ однихъ враговъ своихъ, но и противъ враговъ Христовыхъ. Это же видно изъ словъ тогоже псалма, предшествующихъ этимъ угрозамъ: „они дали мнѣ въ пищу желчь и въ жаждѣ моей напоили меня уксусомъ“ (ст. 22). Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ

страстной седмицы повторяетъ эти слова, какъ предуга-
заніе на желчь и укусъ, поднесенные распятому Христу.
Итакъ слова псалмопѣвца, призывающаго гнѣвъ Божій на
враговъ, должны имѣть для насъ значеніе не какъ при-
мѣръ того, что и мы можемъ желать зла нашимъ вра-
гамъ и просить о томъ Бога, а какъ исповѣданіе правед-
ныхъ судовъ Божіихъ на людей нечестивыхъ и злобныхъ, —
должны имѣть собственно поучительное значеніе.

Иногда же, повторяя вслѣдъ за псалмопѣвцемъ грозныя
выраженія противъ нечестивыхъ и злобныхъ, мы должны
примѣнять эти выраженія къ врагамъ нашего спасенія, —
страстямъ воюющимъ въ насъ въ союзѣ съ духомъ тмы.
Словами псалмопѣвца мы должны выражать нашу не-
нависть къ этимъ врагамъ и просить помощи Божіей для
побѣды надъ ними, ибо они, пожалуй, страшнѣе внѣшнихъ
враговъ, неодолимѣе непріятельскихъ армій. * Александръ
Македонскій завоевалъ почти весь свѣтъ, а страсти пьян-
ства не могъ одолѣть въ себѣ. Что дѣйствительно въ
нравственно-иносказательномъ смыслѣ мы должны употреб-
лять нѣкоторыя псалмы, выражающіе негодованіе на людей
нечестивыхъ и злобныхъ, это видно изъ особеннаго цер-
ковнаго употребленія псалма 136-го: *На рѣкахъ вави-
лонскихъ*. Какъ извѣстно, этотъ псаломъ поется на утренѣ
въ три воскресенья сряду предъ великимъ постомъ. Для
чего это? Конечно не для того, чтобы мы вмѣстѣ съ Іу-
деями оплакивали бѣдствія, какія постигли ихъ по разру-
шеніи Іерусалима Вавилонянами. Пусть съ этою цѣлю
пчють этотъ псаломъ Іудеи; но зачѣмъ Церковь повелѣ-
ваетъ повторять его намъ христіанамъ въ недѣли приго-
товительныя къ посту и покаянію? Конечно затѣмъ, что
онъ имѣетъ отношеніе ко времени этого приготовленія.
Церковь видитъ въ этомъ псалмѣ руководство къ пока-
янному размышленію о грѣховномъ плѣнѣ, въ которомъ на-
ходится каждый изъ насъ, и къ освобожденію отъ котораго
мы должны стремиться посредствомъ поста и покаянія.
По намѣренію Церкви, мы должны оплакивать этотъ плѣнъ

такими же горькими слезами, какія проливали Іудеи, вдали отъ отечества, живя у рѣкъ вавилонскихъ. Горькое положеніе ихъ и ихъ чувствованія изображаются въ псалмѣ такими чертами, которыя близко подходятъ къ горькому положенію души, плѣняемой грѣхомъ. Вавилонъ—это міръ грѣховный, грѣхомъ плѣняющій и порабащующій душу. Дщерь вавилона окаянная, это плоть, воспитанная суетою и прелестію міра. Младенцы Вавилона, это нечистые помыслы и грѣховныя желанія. Камень, о который должно разбивать этихъ младенцевъ, есть Христосъ. Блаженъ, кто не дастъ имъ разродиться въ грѣхи дѣломъ и немедленно сокрушаетъ ихъ силою вѣры во Христа и благодатію, привлекаемою чрезъ вѣру. Не убитые въ зародышѣ, они могутъ наконецъ сдѣлаться такими врагами намъ, съ которыми тѣмъ труднѣе бороться, чѣмъ больше дано имъ времени для господства надъ нами *). Не правда ли, что подобныя размышленія о грѣховномъ плѣнѣ, къ которымъ руководствуетъ насъ Церковь въ приготовительныя къ посту недѣли, могутъ быть для насъ весьма плодотворны, какъ лучшее напутствіе къ подвигамъ поста и покаянія?

2. ПРОКИМНЫ.

Кромѣ цѣлыхъ канонизмовъ и отдѣльныхъ псалмовъ, для вечерни берутся изъ нихъ отдѣльные стихи, называемые *прокимнами*, которые положены послѣ *Свѣте тихій*. Названіе прокимна (*προκειμενον*), что значитъ предворяющій стихъ, объясняется тѣмъ, что за стихомъ, носящимъ это названіе, обыкновенно слѣдуетъ другой стихъ, который берется обыкновенно изъ одного съ нимъ псалма и по содержанію соотвѣтствуетъ ему. Есть прокимны, которые подбираются изъ псалтири примѣнительно къ характеру суточной или праздничной службы. Таковы прокимны на литургіи предъ чтеніемъ Апостола. Такъ напримѣръ въ

*) Вей и маленькихъ, говаривалъ Суворовъ: вырастутъ, врагами будутъ.

понедѣльникъ поется предъ Апостоломъ прокимень: *творяй Ангелы свои духи и слуги своя пламень огненный* (Пс. 103, 4). Это потому, что въ понедѣльникъ служба совершается въ честь Ангеловъ. Примѣненіе къ службѣ праздника содержатъ такъ-называемыя великіе прокимны на вечернѣ въ день Рождества Христова, Богоявленія и другіе праздники,—также прокимны праздничныя на литургію. Что же касается до прокимновъ суточной вечерни, то хотя каждому дню седмицы усвоенъ особый прокимень, выборъ его трудно объяснить изъ особенностей дневной службы. Напримѣръ на вечернѣ во вторникъ подъ среду, въ которую правится служба кресту и Богородицѣ, положенъ прокимень: *милость Твоя, Господи, поженетъ мя вся дни живота моего* (Пс. 22, 6). Въ воскресенье подъ понедѣльникъ, посвященный безплотнымъ Силамъ, употребляется прокимень: *се нынѣ благословите Господа, вси раби Господни* (Пс. 133, 1). Мысли, содержащіяся въ обоихъ прокимнахъ, таковы, что пригодны для каждаго дня седмицы, и не видно, почему первый изъ нихъ приуроченъ не къ понедѣльнику, а послѣдній не къ середѣ, хоть есть попытки объяснить (къ сожалѣнію не безъ натяжки) выборъ суточныхъ вечернихъ прокимновъ примѣнительно къ особенностямъ той или другой суточной службы *). Исключеніе составляетъ прокимень воскресной вечерни: *Господь воцарися въ лѣпоту облечеса*,—и стихи слѣдующіе за нимъ: *облечеса Господь въ силу и препоясася. Ибо утверди вселенную, яже не подвижится. Дому твоему подобастъ святиня Господи въ долготу дней* (Пс. 92, 1. 5). Въ этомъ прокимнѣ и стихахъ, его сопровождающихъ, воспѣвается Господь, какъ царь міра и Церкви. Онъ славенъ въ лѣпотѣ своего цар-

*) Напримѣръ, по толкованію Симеона Солунскаго, прокимень: *се нынѣ благословите Господа вси раби Господни*, поется въ понедѣльникъ ради непрестанно благословляющихъ Господа ангеловъ; прокимень: *милость Твоя Господи, поженетъ мя*, ради помощи отъ спасительнаго страданія и милосердія, явленнаго чрезъ крестъ.

скаго одѣянія (напримѣръ свѣтъ—риза Его), и грозенъ въ своемъ препоясаніи, въ своей готовности обнажить на враговъ свой мечъ, которымъ препоясанъ. Подъ державною рукою Его не только вселенная, имъ сотворенная, стоитъ непоколебимо, не движется съ своего мѣста, но и домъ Его, т.-е. Церковь Его, въ которой Онъ обитаетъ вмѣстѣ съ вѣрующими, какъ въ домѣ своемъ, сохраняетъ неприкосновенною свою святость, т.-е. подобающее ей, какъ святынѣ, достоинство,—сохраняетъ въ долготу дней, до скончанія вѣка. Какое же, спрашивается, отношеніе къ воскресной службѣ имѣетъ разсматриваемый прокимень съ своими стихами? Самое близкое. Вслѣдствіе воскресенія своего изъ мертвыхъ, Господь Іисусъ Христосъ по самому человѣчеству своему воспріялъ всякую власть на небеси и на земли, какъ Онъ самъ сказалъ въ одно изъ своихъ явленій по воскресеніи изъ мертвыхъ (Мѡ. 28, 20), и эту всемогущею властію сохраняетъ основанную имъ Церковь, такъ что ее не могутъ одолѣть врата адавы,—и ради Церкви сохраняетъ весь міръ.

3. Стихиры.

Стихирами древніе церковные писатели называли пять стихотворныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ: Іова, Псалтирь, Екклесіастъ, Притчи и Пѣснь Пѣсней. Въ греческомъ часословѣ пѣсни св. писанія, соединенныя съ утренними канонами и послужившія основаніемъ для ирмосовъ и слѣдующихъ за ними тропарей, именно пѣсни Мойсея, Анны, Аввакума и др., доселѣ называются стихирами, по ихъ стихотворному строенію. Имъ соотвѣтствуютъ собственно церковныя *стихиры*, т.-е. довольно обширныя, состоящія изъ нѣсколькихъ тропарей, или строфъ, съ нѣкоторымъ стихотворнымъ размѣромъ, пѣснопѣнія, употребляемая на вечернѣ и на утренѣ. По содержанію эти пѣснопѣнія обыкновенно примѣняются къ службѣ седмичной и годовой. Первый извѣстный творецъ этого рода

пѣснопѣнній есть Анатолий (отсюда выраженіе: *стихиры восточны*—*ανατολικα*), патріархъ константинопольскій 5-го вѣка. Послѣ него Церковь обогатилась стихирами, равно какъ и другими пѣснопѣніями, преимущественно въ 8-мъ и 9-мъ вѣкахъ.

На вечернѣ стихиры бываютъ двухъ родовъ: стихиры на *Господи воззвахъ* и *стихиры стиховны*. Первые получили свое названіе отъ того, что поются послѣ *Господи воззвахъ*, и что пѣніе каждой стихирной строфы предваряется стихами, заимствованными изъ псалмовъ, непосредственно положенныхъ въ чинѣ вечерни за псалмомъ *Господи воззвахъ*, хотя эти стихи по содержанію не имѣютъ внутренняго отношенія къ стихирамъ. Въ суточной вечернѣ вмѣстѣ съ стихирами дня, положенными въ октоихѣ, поются стихиры празднуемаго святаго или вообще праздника по мѣсячнымъ минеямъ. Стихиры *стиховны* поются на вечернѣ предъ *Пынь отпущаеши*. Первая изъ нихъ поется безъ предварительнаго стиха, а прочимъ предшествуютъ стихи изъ псалтири, отъ чего онѣ и называются *стиховнами*. Въ противоположность стихирамъ на *Господи воззвахъ*, предваряемымъ всегда одними и тѣми же псаломскими стихами, — псаломскіе стихи на стихирахъ стиховныхъ бываютъ не одинаковы. Въ воскресной вечернѣ они выбраны изъ псалтири съ примѣненіемъ къ воскресной службѣ. Это тѣже стихи, изъ которыхъ состоитъ прокимень воскресной вечерни съ слѣдующими за нимъ стихами: *Господь воцарися* и д. Равно и пѣніе праздничныхъ стихиръ стиховныхъ соединяется съ псаломскими стихами, подобранными примѣнительно къ свойству праздника. Но въ будничной вечернѣ, ежедневно, на стихирахъ стиховныхъ повторяются одни и тѣже стихи 122-го псалма, безъ примѣненія къ особенностямъ суточной службы. Въ этомъ псалмѣ терпящіе утѣсеніе отъ нечестивыхъ испрашиваютъ противъ нихъ помощи отъ Бога. Предъ одною изъ стихиръ стиховныхъ положены первые два стиха этого псалма: „Къ Тебѣ возведохъ очи мои, живущему на

небеси. Се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему“; т.-е. мы, терпящіе по волѣ Твоей, Господи, гоненія отъ нечестивыхъ, отъ Тебя одного ожидаемъ избавленія, и къ Тебѣ одному съ надеждою возводимъ очи, подобно тому какъ рабы, по повелѣнію господь, въ ихъ присутствіи, наказываемые бичами, зорко смотрятъ на руку своихъ господь, въ ожиданіи, когда мановеніемъ этой руки прекращено будетъ наказаніе. Предъ другою стихирюю положены остальные два стиха псалма: „помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, яко по премногу исполнихомся уничиженія: наипаче наполнися душа наша пощенія (отъ) гобзующихъ (надменныхъ богачей) и уничиженія (отъ) гордыхъ“.

Какъ стихиры на *Господи воззвахъ*, такъ и стихиры *стиховны* обыкновенно заключаются богородичною стихирюю, въ которой прославляется Богородица, какъ послужившая нашему спасенію чрезъ воплощеніе отъ Нея Сына Божія. Да позволено намъ будетъ обратить особенное вниманіе на Богородичны воскресной вечерни, положенныя въ заключеніе стихиръ на Господи воззвахъ. Эти Богородичны называются *догматиками*, потому что въ нихъ съ достаточною полнотою и точностію излагается догматическое ученіе о лицѣ нашего Искупителя, о цѣли Его воплощенія и о лицѣ Богоматери. Это ученіе въ догматикахъ всѣхъ 8-ми гласовъ представляетъ слѣдующія черты:

Нашъ Искупитель есть по естеству Богъ, сый и прежде сый, едиnorodный, безлѣтно (внѣ времени) отъ Отца возсіявый (6 гласъ), прежде вѣкъ отъ Отца рожденный безъ матери (3 гл.). Онъ, какъ Богъ, есть царь небесный (8 гл.). Но будучи Богомъ, Онъ *за челолюбіе* (движимый челолюбіемъ) принялъ нашу плоть отъ Дѣвы чистой (8 гл.), не съ неба принесъ плоть, а отъ Нея, отъ Ея чистыхъ кровей воспріялъ,—и такимъ образомъ сдѣлался *Богомужемъ* (3 гл.), т.-е. Богочеловѣкомъ. Будучи Сыномъ Бо-

жїимъ, Онъ сдѣлался *Сыномъ безъ отца* по плоти, ибо зачался во чревѣ Дѣвы неискусомужной отъ Духа Святаго (3 гл.). Какъ же совмѣстилось въ Немъ божество съ человѣчествомъ? Какъ надо понимать отношеніе двухъ соединенныхъ во Христѣ естествъ? Такъ ли, что въ Его лицѣ или обѣ природы, Божеская и человѣческая, утратила каждая свою самостоятельность, или что одна изъ нихъ, какъ слабѣйшая, поглощена была другою, измѣнилась въ нее,—или не такъ ли, что между ними установилась и сохранилась одна нравственная связь? Нѣтъ, Христость есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ (8 гл.), по воплощеніи сохранилъ въ цѣлости свойства обоихъ естествъ (3 гл.). Въ Немъ два естества явились неслитными, вопреки ученію Евтихія (6 гл.), и не смѣшались, такъ чтобы образовалось новое естество, изъ двухъ одно, отличное отъ того и другаго,—не измѣнились (3 гл.); но вмѣстѣ они явились нераздѣльными, вопреки лжеученію Несторія, который въ лицѣ Христа признавалъ одну нравственную связь между ними, а не единоличную (3 гл.). Христость не потерпѣлъ на измѣненія или смѣшенія, но вмѣстѣ не потерпѣлъ и раздѣленія (3 гл.). Онъ есть единъ Сынъ, сугубый естествомъ, но не ипостасію (8 гл.), не на два лица раздѣляемой, но въ двухъ естествахъ познаваемый (6 гл.), т.-е. Онъ воспріалъ въ свою Божескую ипостась—ипостась человѣческую, объединивши ее съ собою единствомъ сознанія.

Для чего же во Христѣ совершилась тайна ипостаснаго соединенія Бога и человѣка? Для чего Онъ воплотился? Для того, чтобы обновить въ человѣкѣ свой образъ, истлѣвшій (*погубленный*) отъ страстей, обрѣсть заблудшую, въ горы унесенную (*дѣяволемъ*) овцу, поднять ее на плеча, принести къ Отцу, соединить съ небесными Силами и такимъ образомъ спасти міръ (4 гл.).

Въ связи съ ученіемъ объ Искупителѣ и искупленіи въ догматикахъ излагается ученіе о лицѣ и достоинствѣ Богоматери. Она есть неискусобрачная невѣста (5 гл.). Чу-

до рождества ея изъяснить языкъ не можетъ, ибо какъ зачатіе отъ Нея было преславно (*необыкновенное*), такъ и образъ рожденія отъ Нея непостижимъ, идѣже бо хочетъ Богъ, побѣждается естества чинъ (7 гл.). Какъ купина, будучи опаляема, не сгарала: такъ и Дѣва родила и осталась дѣвою (2 гл.). Глубину Чермнаго моря Израиль прошелъ немокренно: Дѣва родила Христа безсѣменно. Море, послѣ того какъ Израиль прошелъ по дну его, осталось по прежнему непроходимымъ: непорочная Дѣва, послѣ того какъ родила Еммануила, осталась, какъ и была, нетлѣнною (5 гл.). Удостоившись послужить воплощенію Сына Божія, Она явилась небомъ и храмомъ Божества; Она стала царицею, о которой пророчествовалъ Давидъ: *предста царица одесную тебе* (4 гл.). Она есть всемірная слава, Безплотныхъ пѣснь. Она разрушила средостѣніе вражды, водворила миръ и отверзла царство. Она есть небесная дверь. Она ходатаица жизни (1 гл.).

Таково богословское ученіе въ догматикахъ. Спросить иной: къ чему такія догматическія тонкости допускаются въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и оглашаются въ церковномъ богослуженіи? Имъ мѣсто въ школѣ, и притомъ въ спеціально-богословской, а не въ церкви, назначенной не для упражненія въ богословіи, а для молитвы.—Но что такое церковь, какъ не школа? Своими возвышенными пѣснопѣніями съ догматическимъ содержаніемъ она даетъ намъ руководство не для молитвы только хвалобной, благодарственной и просительной, но и для просвѣщенія насъ свѣтомъ богооткровенныхъ истинъ. Съ догматами знакомить насъ православный катихизисъ. Къ сожалѣнію, катихизисъ не всякому близокъ. Неграмотные, которые составляютъ большинство, его не знаютъ, а грамотные, изучивъ его въ школѣ, не почитаютъ нужнымъ возвращаться къ нему по выходѣ изъ школы. Но церковныя пѣснопѣнія, особенно краткія славословія Св. Троицѣ, извѣстны всякому, грамотному и неграмотному, и больше того, что въ нихъ предлагается намъ о догматахъ вѣры, не найдетъ-

ся ни въ одномъ катихизисѣ, ни въ одной богословской системѣ.—Скажутъ ли, что излагаемыя въ нашихъ церковнослужебныхъ догматахъ истины интересны только какъ предметъ любопытства, а не составляютъ существенной потребности для вѣрующихъ.—Нѣтъ, нельзя такъ легко судить объ этихъ истинахъ. За нихъ проливали кровь исповѣдники и мученики; онѣ составляли предметъ строжайшаго и всесторонняго обсуждения на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ, также въ писаніяхъ богомудрыхъ отцевъ и учителей Церкви. Говорить, что все это предметъ одного любопытства, значитъ совсѣмъ не цѣнить тѣхъ жертвъ, тѣхъ тяжелыхъ трудовъ, какихъ стоило охраненіе и уясненіе догматическихъ истинъ. А что онѣ стоили этихъ жертвъ, этихъ трудовъ, это всякому истинно-вѣрующему понятно, ибо на нихъ, на этихъ истинахъ, держится вся вѣра христіанская. Главный предметъ ея есть догматъ искупленія. Христосъ искупилъ насъ честною Своею кровію; но эта кровь имѣетъ искупительное значеніе только потому, что пролилъ ее Тотъ, въ Комъ божеское лицо соединилось, чрезъ воплощеніе, съ человѣческимъ неслитно и нераздѣльно. Ибо еслибы человѣческое естество въ лицѣ Иисуса было поглощено божествомъ, еслибы слилось съ нимъ до утраты своей самостоятельности, какъ утверждалъ Евтихій, тогда Его страданія и смерть за насъ были бы однимъ призракомъ, потому что божество не можетъ страдать и умирать. Равно еслибы божеское естество во Христѣ измѣнилось въ человѣческое, то въ этомъ случаѣ страданія Его, какъ простаго человѣка, не имѣли бы цѣны. Не имѣли бы они цѣны и въ томъ случаѣ, еслибы, какъ училъ Несторій, Христосъ былъ простой человѣкъ, съ которымъ уже по рожденіи, и притомъ только нравственно, соединился Богъ-Слово.—Если хорошенько разобрать, почему нѣкоторые не жалуютъ догматическихъ истинъ вообще и въ частности въ церковныхъ писаніяхъ, то окажется самая неблагоприятная причина тому. Окажется, что по ихъ мнѣнію спасеніе

зависить не отъ вѣры въ догматы, а отъ одной жизни; живи, говорятъ, честно, по заповѣдямъ Христовымъ,—и спасешься. Но Христось заповѣдалъ не однѣ нравственныя обязанности,—Онъ заповѣдалъ и вѣру въ догматы и преподавалъ ученіе о нихъ,—напримѣръ ученіе о Св. Троицы, объ искупленіи, о лицѣ и благодати Св. Духа, о таинствахъ и т. д. Скажутъ ли, что Христось хотя преподавалъ ученіе о догматахъ, но никого не обязывалъ къ принятію ихъ, и что по Его ученію обязательна только любовь къ Богу и ближнимъ, какъ непремѣнное условіе для полученія живота вѣчнаго (Лук. 10, 26. 27)?—Нѣтъ, любовь заповѣданная Спасителемъ не только не исключаетъ точнаго знанія истинъ вѣры, но необходимо предполагаетъ оное; Онъ заповѣдалъ любить Бога не только всѣмъ сердцемъ, и всею крѣпостію (воли), но и всѣмъ разумніемъ (Лук. 10, 27). Любовь къ Богу всѣмъ разумніемъ въ чемъ иномъ состоитъ, какъ не въ ревности знать о Богѣ, о Его бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ все, что открыто намъ въ словѣ Божіемъ и доступно нашему разуму? Любовь къ ближнему также предполагаетъ знаніе догматическаго ученія, ибо основывается на догматѣ искупленія всѣхъ людей. Горе тому, въ комъ нѣтъ любви къ Господу Иисусу, искупившему насъ честною Своею кровію: *аще кто не любитъ Господа Иисуса, да будетъ проклятъ* (1 Кор. 16, 22). Но не меньшее горе и тому, кто лжемудрствуетъ объ истинахъ вѣры,—по слову Апостола: *аще мы или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѣма да будетъ* (Гал. 1, 9). Ап. Іоаннъ Богословъ больше всѣхъ училъ о любви къ ближнихъ; но онъ же называлъ антихристовымъ ученіе, отвергающее догматъ воплощенія Сына Божія (1 Іоан. 4, 3). Антихристъ есть врагъ Христа,—и вотъ на сторонѣ этого врага всякій лжемудрствующій о лицѣ Христовомъ, хотя бы онъ ревновалъ объ исполненіи Его нравственныхъ заповѣдей, и особенно заповѣди о любви.—Итакъ должно отъ всей души благодарить св. Церковь, обучающую насъ

догматамъ вѣры въ своихъ пѣснопѣніяхъ и тѣмъ предохраняющую насъ отъ погибельныхъ заблужденій.

Кромѣ стихиръ въ составъ вечерни входитъ краткая церковная пѣснь, въ честь дневнаго святаго, называемая отпустительнымъ тропаремъ, потому что поется предъ отпускомъ, т.-е. предъ окончаніемъ вечерни. Къ этой пѣсни присоединяется краткій Богородиченъ тогоже гласа. Въ воскресенье отпустительнымъ тропаремъ бываетъ пѣснь: *Богородице Дѣво, радуйся.*

4. Особенности нѣкоторыхъ вечернихъ службъ.

Разсмотрѣнныя доселѣ части вечерни, неизмѣнныя и измѣняющіяся, входятъ въ составъ всякой вечерни, въ будни ли она совершается, или не въ будни. Но въ воскресные и праздничные дни составъ вечерни дополняется нѣкоторыми особенностями,—каковы: входъ въ алтарь съ отверженіемъ царскихъ вратъ, пареміи, литія, и благословеніе хлѣбовъ. Есть также нѣкоторыя особенности въ великопостныхъ вечерняхъ.

I. Въ воскресные и праздничные дни, также въ тѣ дни великаго поста, когда вечерня соединяется съ литургіею преждеосвященныхъ Даровъ, при пѣніи окончательной стихиры на Господи возвахъ бываетъ выходъ изъ алтаря священника и діакона съ кадиломъ, при чемъ отверзаются царскія двери. Значеніе этого отверженія объясняется значеніемъ алтаря и престола. Алтарь съ престоломъ и святынями престола есть священнѣйшая часть новозавѣтнаго храма. Она соотвѣтствуетъ тому отдѣленію ветхозавѣтной скинии и храма, которое вмѣщало въ себѣ ковчегъ съ скрижалями завѣта и называлось *Святое святыхъ*. И какъ ветхозавѣтное *Святое святыхъ* было мѣстомъ особеннаго присутствія Божія и откровеній Божіихъ, такъ и христіанскій алтарь имѣетъ тоже значеніе и притомъ въ преимущественной степени, ибо на престолѣ алтаря Господь нашъ Іисусъ Христосъ присутствуетъ въ пречистомъ тѣлѣ и крови Своей, священнодѣйствуемыхъ и хра-

нимыхъ на семь престоловъ, присутствуетъ постоянно, тогда какъ во *Святомъ святыхъ* Господь постоянно присутствовалъ только въ символахъ своихъ, а непосредственно являлся здѣсь лишь по временамъ. Но ветхозавѣтное *Святосъ святыхъ* никогда не открывалось для народа и доступно было только первосвященнику, который единожды въ годъ входилъ туда для окропленія очистилища, въ праздникъ очищенія, жертвенной кровію. Эта сокровенность и недоступность главнѣйшей части ветхозавѣтнаго святилища напоминала людямъ, что они до пришествія Христа Примириителя лишены были близкаго общенія съ Богомъ. Съ пришествіемъ Христовымъ измѣнились отношенія людей къ Богу. Богочеловѣкъ Своєю кровію примирилъ ихъ съ Богомъ и въ нашей человѣческой плоти возсѣдши одесную Бога Отца, чрезъ то ввелъ насъ въ ближайшее съ Нимъ общеніе. Все христіанское богослуженіе служитъ выраженіемъ этого общенія, но болѣе торжественно и наглядно выражаетъ его обрядъ открытія, въ нѣкоторые моменты богослуженія, алтаря, соединенное съ входомъ священнослужителей, потому что чрезъ этотъ обрядъ дѣлается открытымъ для всѣхъ мѣсто особеннаго присутствія Божія, тогда какъ оно въ ветхозавѣтномъ святилищѣ закрыто было для всѣхъ въ знакъ неблизкихъ отношеній людей къ Богу. Но и новозавѣтные вѣрующіе должны помнить, что по грѣхамъ своимъ они недостойны близкаго общенія съ Богомъ. Въ знакъ этого обрядъ отверженія алтаря совершается не во всякой службѣ,—онъ не совершается на полунощницѣ, на часахъ, на повечеріи,—а только на вечернѣ, утренѣ и литургіи, съ тѣмъ различіемъ, что онъ составляетъ всегдашнюю принадлежность литургіи, потому что литургія сама по себѣ есть всегдашній праздникъ, всегдашнее торжество нашего общенія съ Богомъ чрезъ совершаемое въ ней таинство евхаристіи, а на вечернѣ и утренѣ алтарь открывается только подъ воскресные и праздничные дни, которымъ свойственна бѣльшая торжественность въ богослуженіи, и слѣдствен-

но болѣе торжественное выраженіе радости общенія съ Богомъ.—Соединеніе съ открытіемъ царскихъ вратъ выхода изъ алтаря въ среду народа священнослужителей знаменуетъ единеніе ихъ съ народомъ въ торжествѣ общенія съ Господомъ; обратный входъ ихъ въ алтарь выражаетъ приближеніе въ лицѣ ихъ къ престолу Царя славы всего предстоящаго народа.—Когда вечерня, по случаю значительнаго какого-нибудь праздника, входитъ въ составъ всенощнаго бдѣнія, то для приданія большей торжественности службѣ, царскія врата отверзаются не только при такъ называемомъ входѣ, о которомъ сейчасъ была рѣчь, но и при началѣ службы. Священникъ, при открытыхъ царскихъ вратахъ, начинаетъ ее возгласомъ: *слава святѣй..... Троицѣ*, и приглашаетъ предстоящихъ поклониться и припасть предъ Христомъ, Царемъ и Богомъ нашимъ. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ службы предстоящіе, ради важности праздника, торжественно вводятся въ общеніе съ Господомъ, прямо поставляются предъ престолъ Его для поклоненія Ему, подобно тому, какъ подданные земнаго царя допускаются до лицезрѣнія его во внутреннихъ покояхъ его.

II. Послѣ обряда входа на праздничной вечернѣ, а великимъ постомъ, во всѣ вечерни, съ входомъ и безъ входа, читаются *пареміи*, т.-е. отдѣленія изъ ветхозавѣтныхъ, иногда (въ праздники апостольскіе) изъ новозавѣтныхъ книгъ. *Паремія*—значитъ притча, т.-е. такое ученіе, въ которомъ истина содержится подъ покровомъ иносказанія, или подъ видомъ сжатаго, многозначительнаго изреченія. Собраніе такихъ притчей представляетъ извѣстная книга Соломонова—*Притчи*. Названіе паремій усвоено чтеніямъ изъ св. писанія на вечернѣ (а также на великопостныхъ и царскихъ часахъ) потому, что многія изъ нихъ содержаніемъ своимъ, пророчественнымъ или прообразовательнымъ, указываютъ прикровенно, подобно притчамъ, на лица или событія, воспѣваемые въ той церковной службѣ, въ составъ которой входятъ, и всѣ вообще пре-

подають уроки мудрости, которые каждый может прилагать къ себѣ, усматривая въ нихъ прикровенное отношеніе лично къ себѣ, какъбы ни было общè ихъ содержаніе. Значеніе паремій въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы указываемъ, имѣя въ виду пареміи рядовыя, которыя для повседневныхъ вечернихъ службъ въ постъ четыредесятницы берутся подрядъ изъ книгъ Бытія и Притчей. Слушая такія пареміи въ церкви, и не видя ихъ примѣненія къ тому или другому дню четыредесятницы, къ которому онѣ приурочены, каждый изъ насъ долженъ примѣнять ихъ только къ себѣ, на примѣръ повѣствованіе изъ книги Бытія о паденіи Адама, долженъ относить къ себѣ въ томъ смыслѣ, что и мы на мѣстѣ Адама, пожалуй, такъже бы согрѣшили, и что исторія грѣхопаденія Адамова повторяется съ каждымъ изъ насъ больше или меньше. Что же касается до вечернихъ паремій въ праздники, также во дни страстной седмицы, то такія пареміи всегда имѣютъ отношеніе къ этимъ праздникамъ или днямъ, иногда близкое, иногда отдаленное, косвенное. Такъ однѣ изъ нихъ прообразовательно указываютъ на воспоминаемое событіе, на примѣръ пареміи о жертвоприношеніи Исаака, о тридневномъ пребываніи Іоны во чревѣ кита, читаются въ навечеріе Пасхи потому, что эти событія прообразовали смерть и воскресеніе Спасителя.—Другія пареміи имѣютъ пророчесвенное отношеніе къ празднику. Такъ въ навечеріе Рождества Христова читаются пареміи изъ пророчествъ Исаи объ Эммануилѣ и Михея о рожденіи его въ Вилеємѣ.—Есть пареміи, которыя содержатъ повѣствованіе о томъ лицѣ, въ честь котораго установленъ праздникъ, на примѣръ въ день пророка Іліи читается повѣствованіе изъ книги Царствъ о дѣяніяхъ этого пророка. Есть пареміи, которыя напоминаютъ о праздникѣ косвенно. На примѣръ въ праздники Богородичныя читается отдѣленіе изъ книги Притчей о Премудрости—строительницѣ царствія Божія на землѣ (гл. 9). Здѣсь идетъ рѣчь объ ипостасной Премудрости, Сынѣ Божіемъ, о сед-

мистолпномъ домѣ, Имъ устроенномъ, т.-е. о Церкви, и объ обилии духовныхъ благъ, предлагаемыхъ въ ней вѣрующимъ,—а не о Богоматери. Но мысль о Богоматери легко приходитъ читающему или слушающему эту паремію, ибо въ ней ипостасная Премудрость изображается не въ предвѣчномъ своемъ бытіи, а въ состояніи воплощенія: она, призывая людей въ устроенный ею домъ, говоритъ имъ „приидите, ядите мой хлѣбъ, и пійте вино, еже растворихъ вамъ“ (ст. 5). Разумѣется подъ видомъ хлѣба и вина предлагаемое вѣрующимъ тѣло и кровь Богочеловѣкъ въ таинствѣ евхаристіи. Но тѣло и кровь Богочеловѣкъ заимствоваль отъ Дѣвы Маріи. Такимъ образомъ если паремія не называетъ Богородицу, то покрайней мѣрѣ косвенно напоминаетъ о ней вѣрующему. — Къ пареміямъ, имѣющимъ отдаленное отношеніе къ празднику, должно отнести также чтеніе, въ праздникъ Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ Силъ, изъ пророчества Исаіи о царѣ вавилонскомъ, котораго пророкъ изображаетъ подъ образомъ денницы спадшей съ неба (14, 12). Отношенія къ празднику повидимому нѣтъ никакого. Но если взять во вниманіе, что изображая знаменитаго земнаго царя, превосходившаго могуществомъ своимъ другихъ царей, какъ денница (утренняя звѣзда) яркостію своего свѣта превосходить другія звѣзды, и этимъ превосходствомъ чрезмѣрно гордившагося, пророкъ имѣетъ въ виду первообразъ сего царя—духа тмы, за гордость низверженнаго съ неба,—то будетъ понятно отношеніе пареміи къ празднику въ честь ангеловъ. О нихъ напоминаетъ намъ самая противоположность ихъ духамъ злобы; судьба послѣднихъ возбуждаетъ мысль о заслугѣ предъ Богомъ первыхъ, которые не увлеклись ихъ примѣромъ, устояли въ повиновеніи Богу.—Есть пареміи, въ которыхъ предлагается соотвѣтствующее празднику ученіе вѣры и нравственности. Таковы напримѣръ пареміи изъ книги Премудрости Соломоновой, читаемыя на вечернѣ въ праздники посвященные памяти пророковъ, мучениковъ, святителей, препо-

добныхъ. Въ одной изъ нихъ (Прем. 3, 1—9) говорится о блаженствѣ праведныхъ въ будущей жизни и показывается свѣтлая сторона ихъ скорбей и страданій въ настоящей. Въ другой (4, 7—15) проводится мысль, что ранняя кончина благочестиваго есть не зло, но великое благодѣяніе для него. Въ третьей (изъ главы 5 и 6-й) изображается будущее блаженство праведныхъ и грозный судъ Божій надъ нечестивыми.

III. Если праздничная вечерня входитъ въ составъ все-нощнаго бдѣнія, то послѣ дополнительной вечерней ектеніи (*Исполнимъ молитву нашу Господеву*) совершается *литія*. Литією (λιτή) называется умилоостивительное и покаянное моленіе. По уставу, къ сожалѣнію не вездѣ точно исполняемому, она должно быть совершаема въ притворѣ храма, и священнослужащіе должны выходить въ притворъ изъ алтаря боковыми дверями, а не царскими вратами, которыя должны оставаться заключенными. Въ притворъ же должны выходить на литію и всѣ предстоящіе и соединяться здѣсь съ оглашенными и кающимися. Потомъ послѣ литійной стихирѣ діаконъ возглашаетъ: *Спаси Боже люди твоя...*, и четыре другихъ молитвы, на которыя пѣвцы отвѣтствуютъ многократнымъ пѣніемъ: *Господи помилуй*. Вся Церковь устами діакона молится о царѣ и его домѣ, о всемъ священномъ чинѣ, о всякой душѣ христіанской скорбящей и терпящей озлобленія, объ избавленіи отъ глада, губительства (*моровой язвы*), труса (*землетрясенія*), потопа, огня, нашествія враговъ и междоусобной брани, вообще объ отвращеніи гнѣва Божія, заслуживаемаго нашими грѣхами. Эти моленія заключаются возгласомъ священника: *Услыши ны Боже Спасителю нашъ* и д. За симъ возгласомъ діаконъ приглашаетъ предстоящихъ преклонить главы. И когда всѣ преклоняютъ главы и приникнуть, какъ требуетъ уставъ, къ землѣ, священникъ, обратясь къ западу, читаетъ надъ ними молитву умилоостивительную: *Владыко многомилостиве*, ту же самую, которая положена въ концѣ великаго повечерія великимъ

постомъ и которую священникъ также читаетъ обратясь къ народу, при чемъ всѣ должны пасть ницъ. Итакъ содержание молитвъ литійныхъ, покаянное и умилоостивительное, и самая обстановка, среди которой онѣ должны быть совершаемы, показываетъ, что для участія въ нихъ требуется покаянное и смиренное расположеніе духа, чувство виновности передъ Богомъ, сознание, что мы заслуживаемъ Его гнѣвъ, а не милость,—и все это въ праздники, какъ бы они ни были велики и торжественны! Для чего это? Для чего Церковь вводитъ празднующихъ въ такое совсѣмъ не праздничное, а скорѣе свойственное времени поста и покаянія, расположеніе духа? Для чего съ радостію праздника желаетъ соединить въ насъ скорбное чувство? Для того, чтобы празднующіе умѣряли въ себѣ радость праздника сознаниемъ, что они по грѣхамъ своимъ недостойны милости Божіей, и чтобы по этому радовались предъ Господомъ со страхомъ и трепетомъ, и этимъ страхомъ и трепетомъ упраздняли свою душу отъ всего, что можетъ сдѣлать наши радости, даже духовныя, нечистыми предъ Богомъ.

IV. По окончаніи литіи всѣ изъ притвора возвращаются въ храмъ, пѣвцы поютъ стихиры стиховны, и священникъ съ діакономъ становится посреди храма предъ уготованнымъ столомъ, на которомъ ставится сосудъ съ пятью хлѣбами, пшеницею, виномъ и елеемъ, для благословенія. Благословляя ихъ, священникъ умоляетъ Господа Иисуса, пятью хлѣбами насытившаго пять тысячъ народа, чтобы Онъ благословилъ и предложенные хлѣбы, пшеницу, вино и елей, умножилъ ихъ повсюду, и освятилъ вкушающихъ отъ нихъ вѣрныхъ. Вслѣдъ за симъ хлѣбы разламываются и раздаются присутствующимъ для освященія ихъ чрезъ вкушеніе, а въ древности раздаваемы были и нынѣ въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ соблюдается строго древніе обычаи и церковные уставы, раздаются для подкрѣпленія силъ молящихся на подвигъ всенощнаго, вплоть до утра, безъисходнаго стоянія въ храмѣ. Но лѣтомъ, когда ночи бы-

ваютъ коротки и вечерня начинается поздно, на бдѣніи хотя положено благословеніе хлѣбовъ, раздаяніе и вкушеніе ихъ уставомъ воспрещено. Впрочемъ въ уставѣ же замѣчено, что „чинъ сей весьма въ церквахъ упряднися“. Во время раздаянія укрукховъ благословеннаго хлѣба читается 33-й псаломъ до 11-го стиха. Тотъже псаломъ, только въ полномъ составѣ, читается на литургіи при раздаяніи антидора. Причина, почему въ обоихъ случаяхъ этотъ, а не другой псаломъ избранъ для чтенія, заключается въ 10-мъ и 11-мъ стихахъ псалма: „Бойтеса Господи вси святіи Его, яко нѣсть лишенія боящимся Его. Богатіи обнищаша и възалкаша, възыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага“. Вкушающимъ укрукхи благословеннаго хлѣба эти слова внушаютъ, что эти благословенные церковью укрукхи служатъ залогомъ обильныхъ благословеній Господа боящимся Его и уповающимъ на Него; что боящіеся Господа и уповающіе на Него никогда не будутъ терпѣть недостатка во всякомъ благѣ, если будутъ обращаться къ Его вседѣйственному благословенію во всякой нуждѣ; что при семъ благословеніи у нихъ даже будетъ избытокъ въ земныхъ благахъ, которымъ они могутъ дѣлиться съ другими нуждающимися.—Изъ прочихъ благословенныхъ веществъ, по уставу, вино назначается для употребленія съ благословеннымъ хлѣбомъ, елей для приправы кушанья въ домѣ и вмѣстѣ для помазанія въ церкви, пшеница для сѣянія или для смѣшенія съ пшеницею, приготовляемою для помола.

V. Минуя нѣкоторыя другія особенности праздничной вечерни, и въ частности вечерни на Троицынъ день, скажемъ нѣчто объ особенностяхъ великопостной вечерни. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ, имѣющія мѣсто въ вечернѣ, соединенной съ литургіею преждеосвященныхъ Даровъ:

а) Въ промежуткѣ двухъ вечернихъ паремій священникъ изъ алтаря, при отверстыхъ царскихъ вратахъ, горящею свѣщею съ кадиломъ осѣняетъ предстоящихъ, воз-

глашая: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. По древнимъ греческимъ служебникамъ предписывалось употреблять сей обрядъ съ половины четыредесятницы, когда начинаются особыя молитвы объ оглашенныхъ, готовящихся къ просвѣщенію крещеніемъ. Можно по этому думать, что обрядъ относился собственно къ нимъ и знаменовалъ для нихъ свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, и на нихъ имѣющій вскорѣ излиться *). А употребленіе этого обряда въ промежуткѣ двухъ чтеній изъ ветхаго завѣта, указываетъ на то, что Христово ученіе и вообще все дѣло Христово проливаетъ свѣтъ на ветхозавѣтное откровеніе, дѣлаетъ его для всѣхъ яснымъ.

б) По окончаніи чтенія паремій предстоящіе оглашаются, преимущественно свойственнымъ великопостному времени, пѣніемъ стиха: *Да исправится молитва моя, съ извѣстными припѣвами, взятыми изъ одного съ нимъ псалма, при чемъ колѣнопреклоняются.*

Вотъ все, что мы нашли нужнымъ сказать въ объясненіе чина вечерни. Многое въ этомъ чинѣ непонятно только потому, что выражено на церковнославянскомъ языкѣ, а потому инымъ желательно, чтобъ чинъ вечерни, равно какъ и прочихъ церковныхъ службъ, переведенъ былъ по-русски для домашняго и церковнаго употребленія. Дѣйствительно такія выраженія въ этомъ чинѣ, какъ напримѣръ: *Да исправится молитва моя* (многимъ кажется, что это значитъ: да будетъ исправна, свободна отъ недостатковъ молитва моя), — *исповѣдатися имени твоему* (инымъ кажется, что здѣсь разумѣется исповѣдь грѣховъ), не требовали бы объясненія, еслибы переложены были на русскую рѣчь, и потому нельзя не раздѣлять желанія, имѣть русской переводъ церковныхъ службъ, подобно русскому переводу

*) „О литургіи преж. Даровъ.“ Москва 1850 г. стр. 82.

Евангелія и Апостола и Ветхозавѣтныхъ книгъ. Но какъ русскій переводъ св. Писанія назначается для одного домашняго употребленія, такъ и русскій переводъ богослужбныхъ книгъ желателенъ только для домашняго же употребленія. Почему же и не для церковнаго? Потому, говорятъ, что русская рѣчь опрофанировала бы церковное богослуженіе, что еслибы въ церкви стали раздаваться звуки рѣчи, слышимые въ обыденной жизни,—дома, въ гостяхъ, на улицѣ, въ увеселительныхъ заведеніяхъ, то они могли бы заронить въ душу впечатлѣнія отнюдь не церковнаго свойства. Но это возраженіе ослабляется тѣмъ, что проповѣди произносятся же въ церкви на чисто-русскомъ языкѣ, и этимъ никто не соблазняется. Да и церковно-славянскій языкъ былъ нѣкогда общенароднымъ. Намъ кажется, сохраненіе церковно-славянскаго языка въ церковномъ богослуженіи необходимо по другой, болѣе уважительной причинѣ, именно, ради церковнаго единенія славянскихъ племенъ, для которыхъ этотъ языкъ составляетъ доселѣ почти общую святыню. Каждое славянское племя, со времени обособленія отъ другихъ племенъ, выработало свое особое нарѣчіе, неудобовразумительное для нихъ, такъ что великороссіянинъ не понимаетъ или съ великимъ трудомъ понимаетъ рѣчь малороссіянина, еще менѣе серба, болгарина и чеха. Но вотъ великороссіянинъ входитъ въ храмъ сербскій или болгарскій. Здѣсь онъ тотчасъ замѣчаетъ, что богослуженіе правится на древнемъ славянскомъ языкѣ, на который оно переведено славянскими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ, даже по однѣмъ и тѣмъ же, какъ въ Россіи, богослужбнымъ книгамъ; онъ слышитъ тѣ же святыя звуки, къ которымъ привыкъ въ своихъ отечественныхъ храмахъ; онъ чувствуетъ, что находится въ средѣ не только единовѣрной, но и единокровной; онъ уже не обращаетъ вниманіе на то, что его окружаютъ люди, по цвѣту и чертамъ лица, по покрою платья не похожіе на его соотечественниковъ,—онъ чувствуетъ только, что всѣ они родные ему по вѣрѣ и по общему языку,

и не только единымъ сердцемъ, но и едиными устами съ ними вступаетъ въ молитвенное общеніе съ ними. Тоже ощущеніе духовнаго братства проникаетъ въ душу серба и болгарина, когда они приходятъ въ нашъ русскій храмъ. Церковно-славянскій языкъ, на которомъ богослуженіе совершается у насъ и у нихъ, составляетъ прочное основаніе для взаимнаго духовнаго общенія, которое должно быть для насъ дороже всѣхъ житейскихъ и политическихъ связей. Этого мало: богослуженіе на церковнославянскомъ языкѣ вводитъ насъ въ тѣсное духовное общеніе не только съ современными намъ единовѣрными соплеменниками, но и съ древнею славянскою церковію, и когда представишь, что звуки, которыми славословимъ Бога въ нашихъ храмахъ, раздавались подъ сводами храмовъ, въ которыхъ священнодѣйствовали Кириллъ и Меѳодій, освящены употребленіемъ въ ихъ святыхъ устахъ и въ устахъ древнихъ общеславянскихъ и русскихъ святыхъ мужей и женъ, то невольно проникаешься благоговѣніемъ къ этимъ звукамъ и ощущаешь въ себѣ живое движеніе духа благочестія и молитвы.—Наконецъ въ славянскомъ богослужебномъ языкѣ заключается залогъ будущаго духовнаго единенія нашего съ тѣми славянскими племенами, которыя принадлежать къ римской церкви, гдѣ, какъ извѣстно, для всѣхъ народовъ принятъ одинъ богослужебный языкъ—латинскій. Но если на примѣръ чехи примкнутъ когда-нибудь къ православно-славной церкви, то съ принятіемъ православія, они, естественно, примутъ богослуженіе на древнеславянскомъ языкѣ, на которомъ оно совершается у насъ, ибо они и теперь не меньше насъ чтутъ языкъ Кирилла и Меѳодія. Какое торжество было бы тогда для православно-Славянской Церкви! Намъ остается молить Главу Церкви, Господа Иисуса, да приблизитъ время этого торжества, когда всѣ славянскія племена, независимо отъ политическаго разъединенія, сольются въ одну духовную по вѣрѣ семью, и станутъ единымъ сердцемъ и единымъ языкомъ православно воспѣвать великолѣпное имя святыхъ Троицы, Отца, и Сына и св. Духа.

Прот. Вас. Нечаевъ.

ЮАННЪ ЗАТВОРНИКЪ СЕЗЕНОВСКІЙ.

Въ 12-ти верстахъ отъ г. Лебедяни Тамбовской губерніи существуетъ весьма благоустроенный многолюдный женскій монастырь, именуемый Казанскій Ивановскій Сезеновскій. Первое именованіе получилъ онъ отъ своего соборнаго храма, въ честь Казанской Богоматерней иконы устроеннаго; второе отъ приснопамятнаго подвижника Божія Іоанна затворника, на мѣстѣ нынѣшней обители подвизавшагося и благословеніемъ своимъ положившаго начало ея основанію; третье же-- отъ села Сезенова, на мѣстѣ котораго возникла обитель. Весьма недавно это убогое село не привлекало къ себѣ ничьего вниманія, было уединенно и забыто съ своею ветхою Казанскою приходскою церковію; но Господу угодно было насадить здѣсь разсадникъ дѣвъ-постницъ, Ему служащихъ, и для этого употребилъ Онъ вѣрнаго своего раба Іоанна, освятившаго подвигами своими это глухое мѣсто. Дивна и поучительна жизнь этого раба Божія, молитвенника, прозорливца, чудотворца, въ смиренномъ званіи мірянина проходившаго самые возвышенные подвиги, начиная отъ юродства и кончая глубокимъ затворомъ, предпринятыя любви ради Христовой, которою всецѣло объята была его душа. Предлагаемъ благочестивому вниманію читателей. Душеполезнаго Чтенія тѣ немногія свѣдѣнія о немъ, о его жизни и подвигахъ, которыя собраны и сохраняются въ обители Сезеновской.

1791 года іюня 24 дня, Воронежской губерніи, Коротояккаго уѣзда, въ селѣ Потудани, у двороваго крестьянина помѣщика К. Луки Иванова Ыкова, родился сынъ,

наименованный при св. крещеніи, въ честь Предтечи Господня, Іоанномъ. Младенецъ отъ самой колыбели своей являлъ нѣчто дивное и необычайное въ его возрастѣ: грустно-плачевное выраженіе его личика производило невольное впечатлѣніе на зрителей; взоры его постоянно были устремлены въ уголь къ святымъ иконамъ, а въ младенческомъ крикѣ его точно слышался заунывный звукъ пѣнія церковнаго и молитвы. Подросши, онъ отличался особеннымъ незлобіемъ и кротостію, чуждался всѣхъ въ своей семьѣ, не имѣлъ сверстниковъ-друзей, и все какъ бы томился пребываніемъ въ средѣ будто ему несвойственной. Онъ убѣгалъ людей, прятался отъ постороннихъ, никогда не принималъ участія въ играхъ и забавахъ дѣтскихъ, и болѣе всего любилъ одиночество. 15 лѣтъ отъ роду началъ онъ проявлять юродство, этотъ тяжкій и малопонятный для міра подвигъ, которымъ истинные рабы Христовы посмѣваются міру и его суетѣ, и пріемля отъ него насмѣшки и укоризны, содѣвають въ глубочайшемъ смиреніи свое спасеніе. Юродство юнаго Іоанна было какъ бы выше указаннымъ ему подвигамъ: неграмотный и неученый, мало знавшій и мало слышавшій о тѣсномъ и прискорбномъ пути царствія Христова, онъ избралъ этотъ подвигъ внезапно, и пошелъ симъ путемъ твердою стопюю, укрѣпляемый и вразумляемый благодатію Божіею. Сначала много скорбей, много побоевъ принялъ онъ отъ родителей своихъ за свое юродство, которое объясняли лѣнью и нежеланіемъ работать. Его морили голодомъ, не пускали въ избу зимой по цѣлымъ ночамъ, надѣясь этими лишеніями отучить отъ принятаго имъ на себя юродственнаго поведенія. Съ твердостію, съ терпѣніемъ переносилъ юный подвижникъ всѣ эти скорби и лишенія, и родители вскорѣ оставили о немъ всякое попеченіе, какъ о неисправимомъ и ни на что непригодномъ членѣ своей семьи. Помѣщикъ впрочемъ пытался научить страннаго въ рѣчахъ и поведеніи юношу столярному ремеслу. но Іоаннъ, въ тайнѣ работавшій единому Богу, не старался привыкнуть къ

этому ремеслу, за что получалъ укоризны и побои отъ своего мастера-наставника. Но ни угрозы, ни наказанія не производили въ немъ инаго дѣйствія, кромѣ радости, которою цвѣло въ это время его лицо. Мастеръ-столяръ вскорѣ объявилъ помѣщику, что Іоаннъ негоденъ для его ремесла, ничему не выучивается, а только все портить и его только сердить и изъ терпѣнія выводить, почему и просилъ его отъ себя удалить. Помѣщикъ, жестоко наказавъ упряма, приставилъ его пастухомъ къ своему стаду. Но и въ пастухи онъ не годился: оставляемый имъ безъ надзора скотъ травилъ луга и хлѣбныя посѣвы, за что помѣщикъ жестоко взыскивалъ съ пастуха. То оставляли его безъ пищи, то наказывали розгами, то томили зимой безъ обуви и одежды на' морозѣ; но все это весело и охотно принималъ рабъ Божій, терпя какбы въ чужомъ тѣлѣ всѣ наказанія и лишенія. Подражая своему господину, и дворовые люди жестоко издѣвались надъ Іоанномъ, обливали его помоями, обзывали шуточными и ругательными именами, травили собаками, и рѣдко кто за него заступался предъ неразумными, потѣшавшимися столь жестоко надъ мнимопомѣшаннымъ юношею. Къ числу такихъ заступниковъ его принадлежалъ приходскій священникъ, ему соименный. Пользуясь расположеніемъ благочестиваго священника, юноша къ нему нерѣдко хаживалъ по ночамъ, и въ его совѣтахъ и наставленіяхъ почерпалъ силу терпѣнія и мужество къ вящему перенесенію скорбей временныхъ, которыми искупалъ онъ себѣ вѣчную радость царствія небеснаго. Въ домѣ священника отца Іоанна былъ образъ святителя и чудотворца Димитрія Ростовскаго; образъ этотъ особенно полюбился юродивому юношѣ Іоанну; онъ нерѣдко цѣлые часы проводилъ предъ нимъ на колѣняхъ въ молитвѣ, при чемъ называлъ изображеннаго на немъ святителя всевозможными ласкательными наименованіями. „Голубчикъ Митенька, касатикъ мой, помилуй меня, помолись за меня, защити меня“, взымалъ онъ часто къ святителю. Инымъ воззванія эти казались не-

умѣстными и кощунственными, но священникъ, мужъ богобоязненный и духовный, относился къ нимъ иначе. Прозрѣвая въ Іоаннѣ подѣ дѣтскою простотою молитвенную горячность и сосредоточенность, онъ не препятствовалъ ему молиться предѣ образомъ святителя Димитрія, и даже при встрѣчахъ съ нимъ напоминалъ объ эгомъ, если тотъ долго у него не бывалъ, говоря юношѣ, что святитель Димитрій по немъ соскучилъ. Въ благоволеніи святителя къ молившемуся предѣ образомъ его Іоанну священникъ совершенно убѣдился слѣдующимъ случаемъ: однажды ночью, когда Іоаннъ тайкомъ пришелъ въ домъ его помолиться предѣ образомъ святителя Димитрія, священникъ, почивавшій въ сосѣдней комнатѣ, былъ разбуженъ сладостнымъ пѣніемъ, слышимымъ изъ комнаты, гдѣ находился юродивый. Онъ заглянулъ туда въ скважину двери и увидѣлъ колѣнопреклоненнаго юношу, ярко озареннаго небеснымъ сіяніемъ, которое падало на него отъ лика изображеннаго на иконѣ чудотворца Димитрія. Съ тѣхъ поръ священникъ особенно началъ почитать Іоанна, какъ избранника Божія, самое же видѣніе это сохранилъ въ тайнѣ до самой кончины своей, предѣ которою повѣдалъ о немъ благочестивымъ людямъ, свидѣтельствуя именемъ Божиимъ его истину. Между тѣмъ юродивый Іоаннъ, притѣсняемый и оскорбляемый въ родномъ своемъ селѣ, какбы недовольствовался этимъ, и пожелалъ присоединить къ родству своему странничество съ его скорбями и лишеніями. Въ одну ночь, тайкомъ отъ всѣхъ, безъ всякаго письменнаго вида, оставилъ онъ родителей своихъ и родное село, и въ одной ветхой свиткѣ, босой, отправился сперва въ городъ Острогожскъ, гдѣ въ то время спасался другой юродивый подвижникъ, извѣстный подѣ именемъ Іоанна Васильевича, обладавшаго многими благодатными дарами. Іоаннъ Васильевичъ заповѣдалъ пришедшему къ нему юродивому юношѣ Іоанну, идти въ Бѣлгородскій уѣздъ, Курской губерніи, къ пещерницѣ Маріи Константиновнѣ, которая тамъ пустынножительствовала сперва въ лѣсу, а

потомъ начала рыть пещеры въ полугорѣ и тамъ жить въ непрестанномъ постѣ и молитвахъ. „Иди къ Марьѣ, и помогай ей рыть пещеру“, приказывалъ юношѣ Іоаннъ Васильевичъ, и послушный повелѣнію его, юный Іоаннъ, немедля пошелъ къ Марьѣ Комстантиновнѣ. Но старица недолго его при себѣ удержала: „иди въ Кіевъ, туда тебѣ дорога“, посылала она его прозорливымъ словомъ, которое съ послушаніемъ исполнилъ Іоаннъ. На дорогѣ къ Кіеву, повстрѣчалъ онъ въ толпѣ воронежскихъ богомольцевъ роднаго своего отца, шедшаго тоже на богомолье въ Кіевъ; отецъ былъ также человѣкъ благочестивый, и въ Кіевъ уже въ третій разъ пѣшій ходилъ на поклоненіе святымъ угодникамъ Божиимъ. Обрадовавшись сыну, пропавшему-было безъ вѣсти, отецъ вмѣстѣ съ нимъ шелъ до Кіева; вмѣстѣ обошли они и святыню кіевскую, но въ дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской лавры Іоаннъ внезапно скрылся отъ отца своего въ толпѣ народной, и сколько тотъ его потомъ ни искалъ, не могъ найти; затѣмъ одинъ старый неизвѣстный ему монахъ, подойдя къ нему, сказалъ, чтобы не искалъ сына своего понапрасну, ибо ему иная дорога Богомъ назначена, и что онъ ранѣе срока его не увидитъ. Іоаннъ между тѣмъ поселился подъ лаврскою колокольнею въ темномъ тѣсномъ чуланѣ, по прежнему юродствомъ прикрывая свои подвиги, вѣдомые одному Богу. Жизнь велъ онъ чрезвычайно строгую, почи проводилъ въ молитвѣ, а днемъ трудился въ самыхъ тяжелыхъ и черныхъ работахъ при лаврѣ; иноки, видя трудолюбіе его, не препятствовали ему жить въ стѣнахъ лавры. Іоаннъ, прежде нерадившій о всѣхъ занятіяхъ житейскихъ на родинѣ, въ лаврѣ былъ послушенъ, прилеженъ и понятливъ въ трудахъ и работахъ, которые ему поручались, хотя и не оставлялъ юродственнаго поведенія. Если ему приказывали рубить дрова, онъ рубилъ ихъ безостановочно отъ утра и до ночи, безъ отдыха, безъ вкушенія пищи, пока приказавшій не скажетъ: довольно. Когда приказывали ему носить воду, копать гряды или

места дворъ лаврскій: нужно было силою брать отъ него водоносъ, заступъ или метлу, чтобы прекращать его дѣятельность. Лаврскіе иноки любили его за послушаніе и тихость нрава: онъ всѣмъ прислуживалъ, на всѣхъ работалъ не изъ человѣкоугодія, а единственно ради послушанія. Безропотно переносилъ онъ насмѣшки молодыхъ послушниковъ, глумившихся надъ его юродственнымъ видомъ и рѣчами; не имѣлъ никакой собственности, даже лишней одежды; если кто изъ иноковъ, видя его лохмотья, давалъ ему старый подрясникъ, то онъ носилъ его не снимая дотолѣ, пока эта одежда не превращалась на немъ въ лохмотья; не имѣлъ ни постели въ своемъ чуланѣ, ни иной какой вещи; былъ очень усерденъ къ храму Божию, всегда ранѣе всѣхъ приходилъ, и позднѣе всѣхъ уходилъ изъ церкви и молился въ ней все болѣе на колѣняхъ, съ напряженною сосредоточенностію. По временамъ уходилъ онъ изъ лавры въ неизвѣстныя мѣста, по недѣлямъ и болѣе не былъ видимъ въ лаврѣ и потомъ опять появлялся. Если спрашивали его, гдѣ былъ, отвѣчалъ юродственно и ино-сказательно. Такъ протекли три года, Іоаннъ свыкся съ жизнью своею въ лаврѣ, полюбилъ ее и намѣревался навсегда остаться въ ней для подвиговъ духовныхъ; но Господь судилъ иначе и указалъ избраннику своему иной путь, по которому назначено было ему шествовать къ обителямъ небеснымъ. Однажды глубокимъ вечеромъ, когда Іоаннъ прилежъ въ чуланѣ своемъ для отдыха, освѣтилъ его свѣтлый лучъ, въ сіяніи котораго увидѣлъ онъ святолѣпнаго старца въ одѣяніи схимонашескомъ, съ посохомъ въ рукѣ; старецъ, коснувшись его посохомъ своимъ, приказывалъ ему немедленно удалиться изъ лавры и Кіева и идти въ родное свое село. Три дня сряду повторилось это видѣніе; Іоаннъ понялъ, что такъ видно угодно Богу, тѣмъ болѣе что являвшійся старецъ, съ возраставшею всякій разъ строгостію, грозилъ ему жезломъ своимъ за медленіе въ исполненіи его приказанія. Іоаннъ оставилъ лавру и Кіевъ, и прилѣпившись къ толпѣ богомольцевъ,

возвратился въ предѣлы воронежскіе, пришелъ въ родное село свое Потудань, и не заходя въ домъ родительскій, прямо прошелъ въ домъ своего помѣщика, къ которому взошелъ безъ доклада въ комнату, и не обративъ на помѣщика никакого вниманія, не отдавъ ему никакой чести, началъ полагать земные поклоны предъ святыми иконами бывшими въ комнатѣ; помѣщикъ, узнавъ бѣжавшаго своего крестьянина, оскорбился на него не столько за побѣгъ, сколько за дерзость, съ которою тотъ къ нему возвратился, не отдавъ ему должной чести. По обычаямъ прежняго времени, имѣвшимъ мѣсто при крѣпостномъ правѣ, помѣщикъ жестоко избилъ Іоанна, затѣмъ наказалъ его еще розгами, заковалъ въ желѣзные цѣпи, и заперъ въ темномъ и холодномъ амбарѣ, къ которому приставлена была стража, и воспрещено было давать пищу и питье заключенному. Три дня пробылъ безъ пищи подвижникъ Христовъ, все это время молился, и даже не просилъ ни ѣсть, ни пить, чѣмъ приводилъ въ удивленіе стражу. Наконецъ старшій родной братъ Іоанна Иларіонъ, узнавъ о возвращеніи его и о наказаніи на барскомъ дворѣ, пришелъ къ нему ночью и чрезъ слуховое окно амбара подалъ ему немного хлѣба и кружку квасу, которыми нѣсколько подкрѣпилъ и освѣжилъ силы свои подвижникъ. Іоаннъ съ радостнымъ лицомъ встрѣтилъ старшаго своего брата, но уклонился отвѣчать на его разспросы, и когда тотъ удивился его терпѣнію, что столько времени пребываетъ безъ пищи, то Іоаннъ улыбувшись началъ говорить, что по евангельскому слову „не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ (Матѣ. 4, 5) и что вѣсть Господь питать вѣрныхъ своихъ рабовъ, помимо всѣхъ усилій человѣческихъ лишить ихъ пищи, при чемъ показалъ ему свѣтлую и благоуханную просфору, говоря, что вотъ и пища, которую посылаетъ ему Господь въ заключеніи. Затѣмъ, въ присутствіи брата, коснулся онъ желѣзныхъ цѣпей, которыми скованы были его руки и ноги: желѣзо умягчи-

лось какъ воскъ отъ его прикосновенія; онъ свободно снялъ цѣпи, и показывая ихъ брату, говорилъ, что все возможно Богу и силѣ Божіей вселившейся въ человека; впрочемъ просилъ, до кончины своей не разглашать о видѣнномъ имъ, иначе грозилъ тяжкимъ наказаніемъ. „Можешь сказать только обо всемъ безъ утайки теперь же священнику отцу Іоанну, который знаетъ, кто я и чью силою дѣйствую“, присовокупилъ Іоаннъ и просилъ брата своего не беспокоиться о его участи, которая совершается по волѣ Божіей и ведетъ его ко спасенію. Священникъ отецъ Іоаннъ, узнавъ всѣ подробности отъ брата Іоаннова, въ слѣдующую же ночь поспѣшилъ навѣститъ заключеннаго. Опасался онъ помѣщичьей стражи и злыхъ псовъ, держимыхъ на привязи днемъ и отпускаемыхъ на свободу ночью, которые стерегли входы помѣщичьяго двора, и по безотчетному влеченію взялъ съ собою образъ святителя Димитрія Ростовскаго, отъ котораго видѣлъ нѣкогда сіяніе при молитвѣ предъ нимъ подвижника Іоанна, взялъ также немного пици и церковнаго вина, чтобы ими подкрѣпить тѣлесныя силы узника, и съ молитвою сердечною пошелъ позднею ночью порою къ амбару, въ которомъ онъ былъ заключенъ. Вступивъ на помѣщичій дворъ, священникъ увидѣлъ караульныхъ крѣпко спавшихъ, а сердитые псы къ нему ласкались какъ кроткіе агнцы; безпрепятственно дошелъ онъ до амбара и въ слуховое окно тихо окликнулъ раба Божія. „Митинька пришьоль, отозвался на окликъ Іоаннъ, ему и псы повинуются, не только видимые, но и невидимые. Митинька голубчикъ, Митинька желанный пришелъ ко мнѣ въ гости“, продолжалъ съ дѣтскою радостію подвижникъ и съ любовію лобызалъ образъ святителя Димитрія. Затѣмъ привѣтствовалъ онъ съ любовію священника, въ виду его снялъ съ себя оковы прежнимъ чуднымъ способомъ и началъ духовную бесѣду о блаженной наградѣ за терпѣніе скорбей и напастей ради Бога, о пользѣ молитвы за обидящихъ и оскорбляющихъ, говоря, что они не враги, а благодѣтели оскорбля-

смыхъ, ибо волею Божіею способствуютъ имъ преуспѣвать въ терпѣніи и получить небесныя награды. Слова эти относились къ душевному настроенію священника, который не задолго предъ тѣмъ безвинно претерпѣлъ непріятности отъ помѣщика и находился въ скорбномъ раздумьи. Глубокое спокойствіе водворилось отъ словъ Іоанна въ душѣ священника, и онъ съ благоговѣніемъ взиравъ на него какъ на ангела Божія и съ любовію внималъ богодухновеннымъ его рѣчамъ. Замѣчательно, что Іоаннъ, юноша безкнижный, оказался весьма опытенъ въ священномъ Писаніи и святоотческихъ книгахъ, весьма много говорилъ, изреченіями ихъ украшая свои рѣчи; умѣлъ притомъ читать и писать, но когда и гдѣ этому изучился, остается безызвѣстнымъ. Мысль объ этомъ коснулась бесѣдовавшаго съ нимъ священника; въ отвѣтъ на нее Іоаннъ повелъ рѣчь о томъ, что апостолы рыбаки безкнижные были, но потомъ самыхъ знаменитѣйшихъ мудрецовъ міра мудростію божественною превзошли. Затѣмъ онъ сказалъ священнику, себолѣзновавшему столь долгому и жестокому его заключенію, что близится уже ему конецъ, что получить онъ свободу милостію Божіею, которая его не оставляла и не оставитъ. Утѣшенный и успокоенный священникъ, пробесѣдовавъ съ узникомъ нѣсколько часовъ, также незамѣтно удалился съ помѣщичьяго двора, какъ пришелъ сюда, и навсегда сохранилъ въ душѣ своей все видѣнное и слышанное имъ въ эту памятную для него ночь. На двѣнадцатый день заключенія Іоаннова подъ стражу, неожиданно пріѣхавъ изъ Петербурга сынъ его помѣщика, тамъ служившій. Увидѣвъ стражу у амбара, освѣдомился онъ о ея причинѣ, и узнавъ о заключенномъ въ немъ юродивомъ, пожелалъ видѣть его. Безъ вѣдома отца своего, не бывшаго въ то время дома, онъ выпустилъ Іоанна изъ амбара. Освобожденный молодымъ помѣщикомъ, Іоаннъ рѣшился удалиться изъ роднаго села, уступая мѣсто гнѣву на него неразумныхъ людей. До наступленія ночи онъ спрятался

въ близъ лежавшее топкое болотистое мѣсто, и здѣсь раздѣвшись сидѣлъ въ густомъ тростникѣ, пока ночная темнота покроетъ землю. Случилось однако такъ, что его помѣщикъ, возвращавшійся въ свое имѣніе и проѣзжавшій мимо болотнаго мѣста, укрывшаго Іоанна, примѣтилъ его въ тростникѣ. Помѣщикъ, въ предупрежденіе новыхъ попытокъ съ его стороны къ побѣгу, обрилъ ему половину головы, впрочемъ оставилъ его на свободѣ, и болѣе уже ничѣмъ его не стѣснялъ. Этому было причиною письмо отъ острогожскаго юродиваго Іоанна Васильевича, который просилъ немилосердаго помѣщика оставить въ покоѣ Іоанна, называлъ его избранникомъ Божіимъ и грозилъ за истязанія карою небесною. Письмо это тронуло помѣщика, возбудило въ немъ живые упрски совѣсти за всѣ тѣ непріятности, которыя дѣлалъ онъ Іоанну.

Раба Божій, избавившись отъ притязаній помѣщика, оставилъ навсегда свое родное село и около шести лѣтъ съ странническимъ посохомъ путешествовалъ по разнымъ святымъ мѣстамъ русскимъ, питался милостынею, а иногда подолгу проживалъ въ разныхъ обителяхъ иноческихъ, гдѣ трудился усердно въ черныхъ работахъ и за то получалъ пріютъ, пищу и вѣтхую одежду. На 25-мъ году жизни своей, появился онъ въ Воронежѣ, гдѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ глухонѣмаго Симсона, но пробылъ тамъ недолго. Одинъ благочестивый воронежскій купецъ, по фамиліи Плетневъ, раздавшій все имѣніе свое нищимъ и посвятившій себя на служеніе Богу дѣлами милосердія христіанскаго, узналъ раба Божія, пріютилъ его у себя и затѣмъ привелъ его въ городъ Задонскъ. Здѣсь Іоаннъ проживалъ частью въ страннопріимницѣ Задонскаго Богородицкаго монастыря, частью у священника отца Алексія, лѣтомъ и зимою ходилъ босой и полунагой, ветхимъ и разорваннымъ рубищемъ еле прикрывая свое изможденное постомъ тѣло. Покровомъ юродства прикрывалъ онъ и здѣсь свои тайные подвиги, по нѣкоторымъ изъ иноковъ Задонскаго Богородицкаго монастыря,

проходившіе подвижническое житіе, познали въ немъ истиннаго раба Божія и почитали его, почерпая въ его отрывочныхъ и малопонятныхъ рѣчахъ уроки мудрости духовной. Особеннымъ расположеніемъ пользовался онъ у старца іеросхимонаха Агапита и іеромонаха Апатолія, къ которымъ и самъ питалъ довѣренность и часто проживалъ въ ихъ кельяхъ по нѣскольку дней. Случилось преосвященному Антонію архіепископу воронежскому посѣтить Задонскую обитель. Благочестивый и прозорливый архипастырь пожелалъ видѣть Іоанна; юродивый, прыгая и кривляясь, предсталъ святителю и однимъ краткимъ шуточнымъ словомъ отвѣтилъ на сокровенный его помыслъ, который тотъ никакъ не думалъ обнаружить предъ другими. Владыка призналъ за истиннаго раба Божія задонскаго юродиваго и удостовѣрялъ потомъ, что видѣлъ въ немъ обильное присутіе Божіей благодати. Онъ благословилъ Іоанна и въ свою очередь посовѣтовалъ ему уже посвятить себя на болѣе возвышенный подвигъ духовный, чуждый молвы и суеты мірской. Іоаннъ давно и самъ жаждалъ безмолвія и усердно молилъ Господа Бога указать ему безмолвный путь ко спасенію. Благоговѣнно принявъ совѣтъ святителя Божія, онъ задумалъ удалиться изъ Задонска и началъ просить у Господа указать ему мѣсто къ подвигамъ духовнымъ. Указаніе это не замедлило придти къ нему: въ Задонскъ прибыла отъ старца Иларіона Нифедьевича, подвизавшагося въ постѣ и молитвахъ въ селѣ Троекуровѣ, Тамбовской губерніи, изобиловавашаго даромъ прозорливости и мудрости духовной и многихъ назидавшаго во спасеніе, жившая подъ его руководствомъ старица Дарья Дмитріевна; она послана была Иларіономъ къ іеросхимонаху Агапиту за просфорой для него, ибо Иларіонъ весьма чтилъ Агапита и врачевался въ недугахъ своихъ благоговѣйнымъ вкушеніемъ просфоры, присылаемой ему на благословеніе отъ Агапита. Дарья Дмитріевна увидѣла въ кельѣ Агапита полунагаго юродиваго Іоанна, и подумала, какъ бы хорошо было помѣстить его въ Трое-

куровѣ при старцѣ Иларіонѣ, и ради Бога обоемъ прислуживать. Іеросхимонахъ Агапитъ въ отвѣтъ на этотъ ея помысль, по дару прозорливости, котораго тоже не былъ чуждъ, сказалъ ей, указывая на Іоанна: „Дарья! возьми съ собою этого дурака къ Иларіону, можетъ быть онъ ему на что-либо пригодится“. Дарья Дмитріевна не замедлила исполнить это предложеніе іеросхимонаха Агапита, и возвращаясь изъ Задонска въ Троекурово, взяла съ собою Іоанна, который безъ всякаго сопротивленія послѣдовалъ за нею. Проѣзжая село Сезеново, Дарья Дмитріевна рѣшилась заѣхать къ тамошнему помѣщику князю Оедору Николаевичу Несвицкому, сестра котораго, княжна Надежда Николаевна Несвицкая, дѣвица набожная и благочестивая, пользовалась наставленіями старца Иларіона, весьма его уважала и всегда съ особенною любовію принимала всѣхъ отъ него посланныхъ. Это было 19 декабря 1817 года. Въ ночь подъ это число, князь Несвицкій видѣлъ сонъ: ему снилось, что въ его гостинной комнатѣ, изъ стоявшаго тамъ образа Корсунскія Богоматери выпшелъ младенецъ лѣтъ трехъ и, обратясь къ князю, сказалъ: „возьми меня на свои руки и дай мѣсто для молитвы, я Іоаннъ многострадальный“. Князь со страхомъ отрицался, говоря, что недостойнъ его взять на руки и не имѣеть возможности помѣстить его въ своемъ домѣ, занятомъ его семействомъ и прислугою. „Ну такъ помѣсти меня въ своей банѣ“, сказалъ князю младенецъ, и князь, не имѣя силы отказать ему въ этомъ, взялъ его на руки и понесъ въ свою баню, гдѣ на верхней полкѣ нашель разостланное чистое полотно, на которое и положилъ младенца, и вслѣдъ за тѣмъ проснулся. Сонъ свой князь разсказалъ утромъ своей сестрѣ княжнѣ Надеждѣ Николаевнѣ, и оба недоумѣвали, что бы онъ означалъ. Когда они заняты были догадками о сповидѣніи, имъ доложили о пріѣздѣ Дарьи Дмитріевны, чему княжна очень обрадовалась. Вслѣдъ за Дарьей Дмитріевной взошелъ въ приемную князя везомый ею юродивый Іоаннъ, первый взглядъ на котораго заста-

вилъ князя обратиться къ нему съ вопросомъ, не Іоанномъ ли его зовутъ, и когда Дарья Дмитріевна подтвердила, что дѣйствительно такъ его имя, то князь, обратившись къ сестрѣ своей и указывая на Іоанна, сказалъ: „вотъ то самое лицо, которое видѣлъ я сегодня во снѣ въ младенческомъ видѣ“; затѣмъ передалъ Дарьѣ Дмитріевнѣ свой сонъ, и просилъ ее передать его старцу Иларіону и у него просить истиннаго его разъясненія. Пробывъ нѣсколько дней въ домѣ князя Несвицкаго, Дарья Дмитріевна отправилась далѣе въ Троекурово, взявъ съ собою и Іоанна. Княжна Несвицкая провожала ихъ до села Сланскаго въ отдѣльномъ экипажѣ. На пути пришлось имъ проѣзжать спорный лѣсъ князей Несвицкихъ и Долгоруковыхъ; на самой спорной межѣ Іоаннъ остановилъ ѣдущихъ, и съ грустью сказалъ, какъ бы созерцая нѣчто ужасное и прискорбное: „ахъ! лѣсъ шумитъ, топоры блестятъ, крови много льется, много слезъ будетъ!“ Слушательницы этихъ словъ не обратили тогда на нихъ особаго вниманія, но потомъ, вслѣдствіе одного происшествія съ княземъ Несвицкимъ, слова эти убѣдили всѣхъ, что изрекъ ихъ прозорливецъ. Пріѣхавъ къ старцу Иларіону Нефедьевичу, Дарья Дмитріевна оставила юродиваго Іоанна въ сѣняхъ, а сама прошла въ келью старца, чтобы сообщить ему о немъ и просить взять его къ себѣ въ услуженіе. Иларіонъ отозвался, что не Іоаннъ ему, а онъ Іоанну долженъ служить, ибо Іоаннъ превосходитъ его преуспѣяніемъ духовнымъ. Затѣмъ выслалъ ему въ сѣни холоднаго чаю напитокъ, и нѣкоторое время удержалъ его при себѣ. Между тѣмъ князь Несвицкій имѣлъ вторичное внушеніе во снѣ касательно помѣщенія Іоанна для подвиговъ молитвенныхъ въ его банѣ, вслѣдствіе чего поѣхалъ самъ къ старцу Иларіону рассказать ему свои сны и просить его совѣта, какъ поступить, чтобы не противоѣдствовать волѣ Божіей. Иларіонъ предупредилъ князя своею просьбою взять Іоанна и дать ему пріютъ въ своемъ домѣ, за что обѣщаль ему милость Божію и отпу-

щеніе грѣховъ. Онъ именно указалъ ему на баню его, какъ на мѣсто самимъ Богомъ избранное и указанное для мѣстопробыванія юродивому подвижнику, и просилъ его тамъ помѣстить безъ всякаго сомнѣнія, угрожая въ противномъ случаѣ, за непослушаніе этому совѣту, гнѣвомъ Божиимъ ему и всему его семейству. Князь взялъ съ собою юродиваго Іоанна, съ нимъ по дорогѣ заѣхалъ въ село Срезнево къ помѣщику Павлу Егоровичу Звягину, гдѣ остался ночевать. Звягинъ съ перваго взгляда очень полюбилъ юродиваго Іоанна и началъ неотступно просить его поселиться въ его домѣ, предлагалъ ему удобное помѣщеніе, прислугу и всѣ удобства къ безмолвному подвижничеству; но Іоаннъ отказался, сказавъ, что не можетъ противиться волѣ Божіей, судившей жить ему въ Сезеновѣ. По прибытіи въ Сезеново, былъ онъ помѣщенъ въ уединенной банѣ, стоявшей на концѣ усадьбы князя Несвицкаго, и въ услуженіе назначенъ былъ къ нему княземъ дворовый человѣкъ Василій Лаврентьевъ. Съ этого времени началась вполне затворническая жизнь раба Божія, посвященная непрестанной молитвѣ и богомыслию, чуждая всякой разсѣянности и молвы. Забивъ наглухо окна своего жилища, въ полумракѣ, лишь освѣщаемомъ теплящеюся у иконъ лампадою, не видя свѣта дневнаго, не видя лицъ человѣческихъ, точно заживо умеръ онъ для міра и людей. Три года неисходно прожилъ такимъ образомъ затворникъ. Пищу получалъ онъ изъ дома князя чрезъ приставленнаго къ нему слугу Василю Лаврентьева, которому тоже однако не часто показывался затворникъ, пищу же и воду получалъ чрезъ отверстіе въ двери, и вообще чуждался всякаго развлеченія. Чрезъ три года разрушилась печь въ его жилищѣ, и на время ея передѣлки былъ онъ перемѣщенъ въ домъ князя, гдѣ отвели ему отдѣльную комнату, забили въ ней окна и вообще старались оберегать его безмолвіе; но затворникъ очень тяготился новымъ своимъ жилищемъ, говорилъ, что лучше ему быть подъ камнемъ, чѣмъ жить въ этой барской горницѣ, и былъ весьма

радъ, когда снова перемѣстился въ баню. Какъ выше сказано, князь Несвицкій имѣлъ споръ о лѣсномъ владѣніи съ княземъ Долгоруковымъ; споръ и тяжба по этому лѣсу длились весьма долго, и очень озлобили противъ князя Несвицкаго крестьянъ Долгорукова, неправильно завладѣвшихъ этимъ лѣсомъ. Они задумали отомстить ему за его притязанія отстоять свою собственность, и однажды напали на него въ томъ же лѣсу, нанесли ему жестокіе побои и топоромъ прорубили въ нѣсколькихъ мѣстахъ головной его черепъ. Полумертвымъ былъ привезенъ князь Несвицкій въ свою усадьбу, и призванные на помощь врачи объявили его сестрѣ Надеждѣ Николасвиѣ, что выздоровленіе брата ея сомнительно, ибо раны его весьма тяжки и опасны. Тогда вспомнились княжнѣ слова затворника, сказанныя имъ нѣкогда съ задумчивостію въ томъ же лѣсу, что лѣсъ шумитъ, топоры блестятъ, кровь льется и много слезъ будетъ. Это теперь оправдалось самимъ дѣломъ надъ ея братомъ и надъ нею самой, которой суждено было пролить много слезъ, при видѣ тяжкихъ страданій брата, столь жестоко израненнаго. Она посѣщила къ жилищу затворника и умоляла его упросить молитвами своими Господа Бога, чтобы сохранилъ жизнь ея брата. Іоаннъ приникнувъ оконцемъ сказалъ, чтобы княжна не унывала и не малодушествовала, ибо это искушеніе отъ Бога, который кого любитъ, того испытываетъ страданіями, и прибавилъ что князь не умретъ, но выздоровѣетъ къ славѣ Божіей. Дѣйствительно, долго проболѣвъ, князь Несвицкій выздоровѣлъ къ всеобщему удивленію врачей и всѣхъ сосѣдей своихъ; вскорѣ затѣмъ тяжба о лѣсѣ разрѣшилась въ его пользу, нанесшіе ему побои крестьяне его противника понесли заслуженное наказаніе. Приписывая какъ выздоровленіе свое, такъ и благополучный и успѣшный исходъ тяжбы молитвенному предстательству затворника, князь, въ благодарность за это, выстроилъ ему въ близости приходской въ селѣ Сезеновѣ церкви во имя Казанской Богоматерней иконы, изъ новаго дерева срубленнаго

въ отсужденномъ ему лѣсѣ, двухэтажную келью, въ которую охотно переселился Іоаннъ, и очень радовался, что эта келья, возвышенная и удаленная отъ земли, походила на столпъ древнихъ столпниковъ, отъ суеты земной искавшихъ уединиться поближе къ небу. Въ новой кельѣ затворникъ еще болѣе началъ уединяться, такъ что рѣшительно никому лица своего не показывалъ, а когда случалось ему ходить въ церковь, то наглухо закрывался платкомъ, съ приходившими же къ нему и съ слугою своимъ Василиемъ обыкновенно разговаривалъ чрезъ затворенную дверь. Василия никогда не оставлялъ у себя на ночь, но всегда отсылалъ домой, призывалъ же онъ его къ себѣ чрезъ особо устроенный колокольчикъ. Усердствующіе къ затворнику весьма желали снять съ него портретъ, но онъ всегда говорилъ, что живописецъ, его увидѣвшій и снявшій съ него портретъ, сойдетъ съ ума, что дѣйствительно и случилось: когда по настоянію и просьбѣ княжны Несвицкій былъ снятъ съ него портретъ, художникъ, его снимавшій, поплатился за это умственнымъ разстройствомъ. Василій, прислуживавшій затворнику, и другія немногія лица, его видѣвшія, описываютъ паружность его такъ: лице имѣлъ смуглое, волосы длинные, цвѣта темнаго, бороды не имѣлъ, также и усовъ, роста былъ высокаго, сутуловатъ и худощавъ, въ чертахъ лица просвѣчивалъ миръ и благодатное настроеніе души. На портретѣ, съ него снятомъ, изображенъ въ полукафтани, походящемъ на монашескій подрясникъ; въ правой рукѣ, прижатой къ груди, держитъ крестъ съ изображеніемъ распятія Господня, а въ лѣвой опущенной книзу четки. Лице на портретѣ дышетъ кротостію и привлекательностію: это типъ русскихъ лицъ, простосердечныхъ, дѣтски благообразныхъ; отсутствіе бороды и усовъ отнюдь не дѣлало лицо это похожимъ на скопческіе облики, лишенные тоже бородъ и усовъ.—На тѣлѣ затворника были раны, которыхъ онъ не лѣчилъ, и даже не обвязывалъ, а закладывалъ древесными щепками, что только усугубляло

боль отъ нихъ. Носилъ также на тѣлѣ своемъ вериги желѣзныя въ восемнадцать фунтовъ вѣсомъ, желѣзныя башмаки, обтянутыя грубымъ сукномъ, и чугуныя тяжелыя четки съ крестомъ. Если же случалось ему болѣть какимъ-либо недугомъ, то вмѣсто лекарствъ прибѣгаль онъ къ молитвамъ весьма уважаемой имъ затворницы Елецкаго Знаменскаго монастыря блаженной Меланіи, посылалъ къ ней слугу своего за святою водою, и ею исцѣлялся неоднократно отъ недуговъ своихъ; когда же Меланія скончалась, то врачевствомъ для него служили вода изъ Елецкаго Знаменскаго монастырскаго колодца и персть съ могилы блаженной Меланіи: за той и другою при болѣзни посылалъ онъ обыкновенно прислуживавшаго ему Василія Лаврентьсва. Ему говаривалъ затворникъ, что Меланія велика предъ Богомъ и что ей дарованы многіе цѣлебныя дары, въ доказательство чего повѣдалъ, что до затворничества своего въ Сезоновѣ онъ былъ у ней въ крайне болѣзненномъ положеніи, такъ что, взойдя въ келью ея, почти замертво упалъ отъ разслабленія на полъ, но подвижница распустила немного ладану, окудила его имъ, затѣмъ дала ему вкусить немного святой воды, послѣ чего силы тѣлесныя мгновенно къ нему возвратились, и онъ всталъ какъбы отнюдь не болѣвшій. Есть также преданіе, что во время кончины блаженной Меланіи, почитавшій, ее Іоаннъ имѣлъ о томъ откровеніе свыше, и созерцалъ небесную славу, съ которою душа блаженной возносила къ областямъ горнимъ. Нужно замѣтить здѣсь и объ участи веригъ Іоанна: носивъ ихъ довольно долго въ затворѣ, онъ снялъ ихъ и велѣлъ передѣлать ихъ на желѣзный посохъ, бывшій затѣмъ постоянно при немъ въ ночныхъ путешествіяхъ, ибо днемъ кромѣ церкви затворникъ никуда не выходилъ, ночью же порой любилъ трудиться на открытомъ воздухѣ, носилъ себѣ воду съ рѣки, сажалъ деревья близъ своей кельи, поливалъ ихъ, затѣмъ началъ копать колодезь вблизи своей кельи, ходилъ въ лѣсъ за дровами и деревьями для пересадки, и вообще

томилъ свою плоть не легкими тѣлесными трудами, которые усугублялись тяжелымъ желѣзнымъ посохомъ, имъ при себѣ носимымъ. Былъ у него еще и другой желѣзный посохъ, на которомъ вырѣзаны были 11 малыхъ крестовъ: залѣпивъ два изъ этихъ крестовъ черною мастикою, затворникъ послалъ ихъ въ подарокъ благочестивому священнику Іоанну Кириллову, священствовавшему въ селѣ Павелкѣ Лебедянскаго уѣзда, мужу жизни духовной, котораго затворникъ любилъ и уважалъ и часто имѣлъ съ нимъ свиданія и духовныя бесѣды. Въ кельѣ своей подвижникъ занимался молитвою, чтеніемъ псалтыри, св. Евангелія и другихъ священныхъ книгъ, полагалъ въ сутки 1000 земныхъ поклоновъ, иногда занимался писаніемъ славянскимъ шрифтомъ разныхъ священныхъ изреченій и молитвъ. Замѣчено было, что въ девятомъ часу вечера затворникъ обыкновенно пѣвалъ тихимъ усладительнымъ голосомъ херувимскую пѣснь; иногда звуки его голоса при пѣніи этомъ были грустны и прерывались рыданіями, иногда же имѣли отголосокъ радостный и какбы торжественный. Пищу принималъ весьма мало, впрочемъ позволялъ себѣ вкушеніе пшеничнаго хлѣба, яичницы изъ одного яйца, кашицы изъ манной крупы, картофеля съ приправою деревяннаго масла, инаго же масла не употреблялъ, въ великіе же праздники разрѣшалъ на рыбное и молочное. Случалось однако, что подвижникъ по два и по три дня ничего не вкушалъ и ничего не приказывалъ готовить своему прислужнику. Нерѣдко также по цѣлымъ недѣлямъ довольствовался сухояденіемъ, вкушалъ лишь сухари и воду, и то въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Въ первые годы своего затвора приступалъ къ причащенію съ ятыхъ Христовыхъ Таинъ чрезъ каждыя шесть недѣль, а въ послѣдніе три года предъ кончиною своею чрезъ три недѣли, а иногда и чаще, смотря по внутреннему влеченію его боголюбивой души. Духовникомъ его былъ священникъ города Лебедяни Θεодотъ Казанскій, къ которому ночью порою никѣмъ незримый хаживалъ затворникъ для

исповѣди. Слухъ о строгой жизни раба Божія не замедлилъ привлечь къ нему уваженіе народное: души, жаждущія спасительнаго наставленія, стали стекаться къ дверямъ его столпообразной кельи, утруждать его вопрошеніями и просьбами своими. Сперва неохотно отзывался на нихъ затворникъ, но потомъ видя въ этомъ тайныя пути Промысла Божія, началъ онъ чрезъ затворенную дверь кельи своей отвѣчать вопрошавшимъ его, и затѣмъ уже никому не отказывалъ въ словѣ назиданія и утѣшенія. Рѣчь его была проста, привѣтлива, убѣдительна, нерѣдко прикрывалась притчами и примѣрами, не всегда сразу понятными, но всегда достигавшими впослѣдствіи полнаго своего разъясненія событіями жизни вопрошавшихъ. Большею частію совѣтовалъ рабъ Божій не унывать въ скорбяхъ, терпѣть все ради Бога, на Него одного Творца и Спасителя нашего возлагать надежду спасенія, всѣ усилія прилагать къ соблюденію святыхъ Его заповѣдей, прилежать кротости и незлобію, избѣгать мщенія и ненависти къ врагамъ, и вообще, простымъ дѣйственнымъ словомъ, излагалъ святія истины нравственнаго христіанскаго закона. Впрочемъ не всѣ одинаково относились къ подвижнику: врагъ не замедлилъ воздвигнуть противъ него брань въ лицѣ діакона Сезеновской церкви, позавидовавшаго его духовной славѣ. Діаконъ этотъ, по имени Димитрій Евдокимовъ, началъ поносить затворника, осыпалъ его насмѣшками и клеветами, и старался очернить его въ глазахъ людей, его уважавшихъ. Однажды, повстрѣчавшись съ прислужникомъ затворника Василиемъ, онъ насмѣшливо спросилъ его: „ну что твой запертой боровъ кормленный“? и къ этому прибавилъ еще нѣсколько поносныхъ словъ. Василій, оскорбившись за несправедливое поношеніе ни въ чемъ неповиннаго предъ діакономъ раба Божія, началъ защищать Іоанна, и вступилъ съ діакономъ въ горячій споръ. Послѣ этого, когда пришелъ онъ къ затворнику, то этотъ со всею точностію пересказалъ ему всѣ поносныя наименованія, которыми обзывалъ его діаконъ,

и съ веселымъ видомъ сказалъ Василию: „подлинно я боровъ кормленый! На что ты меня такъ кормишь?“ Василий, удивившись прозорливости раба Божія, началъ жаловаться на несправедливость и ожесточеніе діакона. „Дурашка ты, сказалъ затворникъ въ отвѣтъ на его жалобы, развѣ не знаешь, что безъ враговъ никому не пройти въ царствіе небесное? Мы должны благодарить безвинно оскорбляющихъ и поносящихъ насъ, ибо они наши благодѣтели: они поношеніемъ своимъ способствуютъ намъ заслуживать вѣнцы отъ нашего Спасителя и Господа, Который Самъ для насъ примѣръ, потому что, вися на крестѣ въ ужасныхъ страданіяхъ, не укорялъ, а молился за своихъ распинателей къ Богу Отцу Своему: Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творятъ! Не вѣдаютъ этого и наши оскорбители, ибо дѣйствуютъ подъ вліяніемъ духа тьмы. Его возненавидимъ, а за клеветующихъ и оскорбляющихъ насъ будемъ всякій разъ молиться: Господи, помилуй ихъ, не вѣдаютъ бо что творятъ! Такимъ образомъ будемъ мы срасниваться распявшемуся за насъ Господу Іисусу, на томъ крестѣ, который каждому изъ насъ дается отъ Него соразмѣрно нашимъ силамъ“. Проповѣдь свою о любви ко врагамъ подвижникъ Божій оправдалъ самимъ дѣломъ. Преслѣдовавшій его діаконъ занемогъ весьма сильно, самая надежда къ выздоровленію его была потеряна, и горестная его семья, которой грозила сиротство и нищета, со слезами окружала его болѣзненный одръ. Знавшіе діакона спѣшили съ нимъ попрощаться какъ съ умирающимъ. Въ этомъ числѣ былъ и Василий, прислуживавшій затворнику. Больной, увидѣвъ Василія, чистосердечно началъ раскаиваться предъ всѣми въ своей напрасной и неразумной ненависти къ рабу Божію. Онъ умолялъ Василія именемъ Божіимъ, испросить ему, умирающему грѣшнику, прощеніе оскорбленнаго имъ праведника. Василій поспѣшилъ къ затворнику, рассказалъ ему о безнадежномъ положеніи діакона и о его прссыбѣ. Подвижникъ не медля отворилъ дверь своей кельи, вручилъ Василию отломокъ

какого-то корня, велѣлъ не медля отнести его къ діакону, сварить въ квасѣ, и этимъ отваромъ омыть голову и все тѣло больнаго. Приказаніе было въ точности исполнено, больной тотчасъ получилъ облегченіе своего недуга и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ, самъ пришелъ къ затворнику, и, обливаясь слезами, раскаивался предъ нимъ въ прежнемъ своемъ заблужденіи и благодарилъ за свое исцѣленіе его молитвами. Тяжка была эта благодарность смиренному рабу Божію, ибо паче всего избѣгалъ и ненавидѣлъ онъ превозношенія и похвалы. Всякій разъ, когда Василию случалось слышать похвальные отзывы людей о затворникѣ Іоаннѣ, находилъ онъ его въ скорби и слезахъ, при чемъ затворникъ обыкновенно говаривалъ плачевнымъ голосомъ: „горе мнѣ, Василій! я отчаянный грѣшникъ, грѣшнѣйшій всего міра, а меня хвалятъ, меня превозносятъ, и этимъ усугубляютъ мои грѣхи. Помилуй меня Господи! очисти меня крестомъ Твоимъ и не дай земной славы, затворяющей врата небесныя“. Глубокое сознаніе грѣховности своей, сознаніе чуждое лицемѣрія, охраняло подвижника отъ высокоумнаго самомнѣнія, столь опаснаго для возвышенныхъ душъ. Чуждъ былъ онъ также всякаго любостыжанія, всякаго пристрастія къ временнымъ благамъ: посятители, отъ усердія своего, приносили ему нерѣдко разныя вещи; изъ нихъ оставлялъ онъ себѣ самое необходимое, остальное же отдавалъ прислужнику своему и бѣднымъ. Иногда выносилъ ночью порою принесенныя и ненужныя ему вещи на большую дорогу, гдѣ проѣзжающіе нерѣдко паходили то блюдо съ плодами или медомъ, то развѣшенные на деревьяхъ холсты и одежды. Деньги неохотно принималъ, и большею частію отсылалъ ихъ чрезъ прислужника своего Василія въ приходскую церковь. Василій нерѣдко ропталъ на раба Божія за его нестяжаніе, особенно если чувствовалась какая-либо нужда для его кельи. Затворникъ неоднократно вразумлялъ его, какъ грѣшно роптать, и не переставалъ по прежнему прилежать велицемѣрному нестяжанію и нищетѣ. Однажды

принесена была ему однимъ боголюбцемъ чашка манной крупы, отличавшейся бѣлизною и хорошимъ качествомъ; прислужникъ Василій похвалилъ крупу и съ видимою охотой принялъ ее отъ принесшаго даръ. Но затворникъ холодно отнесся къ этому и велѣлъ Василию поставить чашку съ крупой на полку въ прихожей своей кельи и не мѣшать съ другими съѣстными припасами, имѣвшимися у нихъ въ маломъ запасѣ. На другой день Василій получилъ отъ него приказаніе сварить кашу изъ принесенной крупы, но каково были удивленіе и ужасъ его, когда въ чашкѣ вмѣсто крупы нашель бѣлыхъ червей! Видя испугъ его, затворникъ сказалъ: „видишь, какова была вчерашняя крупа, по ней заключаай и о качествахъ принесшаго ее. Вотъ ты часто меня осуждаешь, что я не у всѣхъ принимаю приносимое и нерѣдко выбрасываю инныя вещи и припасы изъ кельи, а теперь вотъ и самъ принужденъ будешь выбросить этихъ червей и хорошенько очистить отъ нихъ чашку. Знай же, что не все хорошо еще, что намъ кажется хорошимъ по виду, и что весьма опасно давать мѣсто временнымъ пристрастіямъ и прельщаться наружностію. Зловонный смрадь грѣха такъ пропитываетъ грѣшниковъ нераскаянныхъ, что даже сообщается вещамъ и одеждамъ ихъ. Гнушаясь грѣхомъ и ощутивъ смрадь его, не могу его стерпѣть даже въ неодушевленной вещи, ибо по слову апостольскому ненавижу даже оскверненную ризу“ (Иуды ст. 24). Въ другой разъ сезеновская крестьянка Пелагея Чеснокова принесла рабу Божию изъ своей пасеки немного меду и восковыхъ свѣчъ. Свѣчи были имъ приняты, а медъ велѣлъ онъ Василию возвратить принесшей; но Василию стало жаль его возвращать, онъ оставилъ его и только пустую посуду отдалъ Чесноковой. Не укрылся поступокъ его отъ прозорливца, онъ немедленно обличилъ его любостязаніе и настоятельно требовалъ, чтобы медъ былъ возвращенъ по принадлежности, угрожая, въ случаѣ неповиновенія, надѣть тяжелыя вериги свои на Василю въ наказаніе за послуша-

ніе. Впослѣдствіи рабъ Божій объяснилъ этотъ свой поступокъ тѣмъ, что мужъ Чесноковой, собиравшій медъ, не отличался благонаравіемъ и любилъ сквернословить: затворнику ощутительна была воня грѣховная въ вещи, къ которой тотъ прикасался, тогда какъ свѣчи дѣлались руками Пелагеи, женщины богобоязненной.— Однажды Василиій былъ посланъ отъ затворника къ сосѣднему помѣщику Писареву, попросить у него восковыхъ свѣчей. вмѣстѣ съ свѣчами Писаревъ снабдилъ его небольшимъ количествомъ яблокъ и сливъ изъ своего сада для убогой трапезы раба Божія. Возвращаясь въ Сезеново, Василиій повстрѣчалъ Сезеновскаго священника отца Михаила, который увидѣвъ плоды въ кузовѣ его повозки, взялъ изъ нихъ себѣ три сливы, на что Василиій не обратилъ даже и вниманія. Но каково было изумленіе его, когда по пріѣздѣ, затворникъ встрѣтилъ его упреками за это, подробно разсказавъ ему его встрѣчу съ священникомъ и даже весь ихъ разговоръ, точно самъ при томъ присутствовалъ! Приказавъ Василию положить нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ св. иконами въ своей кельѣ, затворникъ всѣ привезенные имъ плоды велѣлъ немедля отнести къ сезеновскому священнику отцу Михаилу, себѣ не оставивъ ни одного изъ нихъ. Вскорѣ затѣмъ къ нему пріѣхалъ самъ Писаревъ и привезъ ему въ подарокъ коверъ, самоваръ, фунтъ чаю, голову сахару и крытый овчинный тулупъ, заклиная именемъ Божиимъ принять отъ него эти вещи. Подвижникъ молчаливо и неохотно принялъ ихъ и повелъ рѣчь о будущей жизни, о грядущемъ грозномъ для грѣшниковъ судѣ Божіемъ, о близости смертнаго часа и безвѣстности его наступленія, и такъ растрогалъ посѣтителя, что тотъ все время плакалъ навзрыдь, сознавая себя великимъ грѣшникомъ и обѣщаясь исправиться. Проводивъ его, Іоаннъ спѣшно собралъ всѣ привезенныя имъ вещи, тщательно завернулъ ихъ въ коверъ и отнесъ неизвѣстно куда изъ своей кельи.— Разъ на сырной седмицѣ, Іоаннъ просилъ прислужника своего Василія, поджарить ему на

сковродѣ немного икры на постномъ маслѣ. Поставивъ сковроду на огонь, Василій замѣшкался и далъ ей докрасна раскалиться, такъ что безъ сковородника не было возможности вынуть ее изъ печи, а сковородника на тотъ разъ не случилось. Въ это самое время выглянулъ изъ кельи своей затворникъ, и увидя замѣшательство Василя, подошелъ къ печи, голыми руками взявъ съ огня раскаленную искрившуюся сковроду, налилъ на нее масло, положилъ икру и началъ мѣшать. Противъ ожиданія Василя и къ великому его удивленію, ни руки затворника не опалились, ни масло не вспыхнуло, ни икра не сгорѣла: совершилось видимое чудо, въ которомъ вѣра подвижника побѣдила силу стихій.— Не чуждъ былъ рабъ Божій и искупеній, наносимыхъ отъ исконнаго врага спасенія человѣческаго — діавола. Тотъже Василій обыкновенно уходившій вечеромъ отъ затворника, однажды упросилъ его, позволить ему почевать въ передней его кельи. „Тебѣ скучно будетъ“, возражалъ затворникъ и не совсѣмъ охотно ему это дозволилъ. Съ вечера долго слышалъ онъ молитвенные вопли и стenanія раба Божія, прерываемыя горькимъ плачемъ. Чаше другихъ слышались слова: „Господи пощади меня, немощное Твое созданіе! Господи сподоби меня на второмъ пришествіи Твоемъ стать одесную Тебя! Господи не лиши меня вѣчныхъ твоихъ благъ!“ и молитвенныя обращенія къ Пресвятой Богоматери, святителю Николаю и великомученицѣ Варварѣ, при чемъ святителя и великомученицу умолялъ ласкательными наименованіями, съ дѣтскою простотою именуя ихъ Николенькой голубчикомъ, Варинькой красавицей. Долго прислушиваясь къ голосу затворника, Василій наконецъ уснулъ, но ненадолго, ибо около полуночи былъ разбуженъ неистовымъ шумомъ и громкою музыкою въ кельѣ затворника; двери кельи были растворены, сама же келья переполнена толпою музыкантовъ и неистовыхъ танцоровъ, съ воплемъ и гамомъ кружившихъ вокругъ колѣнопреклоненнаго подвижника, слезно вопіявшаго ко Господу о помощи и за-

ступленіи. Волосы стали дыбомъ у Василя отъ этого зрѣлица, и внѣ себя отъ страха бросился онъ бѣжать изъ жилища затворника; затворникъ на утро встрѣтилъ его упрекомъ за боязливость, которою только порадовалъ враговъ. И кромѣ Василя, многіе изъ жителей Сезенова, идя поздною порой мимо жилища затворника, не разъ слышали въ немъ дикіе вопли, шумъ и топотъ толпы, прерываемые молитвенными возгласеніями искушаемаго подвижника.—Терпѣлъ рабъ Божій и скорбныя искушенія отъ людей, подстрекаемыхъ тѣмъ же невидимымъ врагомъ. Особенно чувствительно огорчилъ его вышепомнутый Василій Лаврентьевъ, съ 1817 года по 1825 годъ ему прислуживавшій, снискавшій его довѣріе и любовь о Господѣ, и тѣмъ не менѣе, уклекшись многопопечительностію житейскою, его оставившій послѣ восьмилѣтняго служенія, чѣмъ подвижникъ очень огорчился. Но Господь вскорѣ утѣшилъ своего раба, оставшагося безъ прислужника, внушивъ благочестивой рабѣ Божіей старицѣ Дарьѣ Дмитріевнѣ, нѣкогда привезшей впервые Іоанна въ село Сезеново въ домъ князя Несвицкаго, переселиться изъ села Троекурова въ село Сезеново. Старица построила себѣ невдалекѣ отъ кельи затворника особую небольшую кельицу, и Бога ради приняла на себя обязанность прислуживать Іоанну и съ великою любовію и самоотверженіемъ исполняла ее до самой его смерти. Тѣмъ не менѣе, рабъ Божій хотя отѣнно уважалъ Дарью и искренно былъ привязанъ къ ней, весьма рѣдко показывался ей лично, и большею частію велъ съ нею духовныя бесѣды или отдавалъ ей свои приказанія чрезъ затворенную дверь своей кельи, имѣвшую небольшое отверстіе съ придѣланныю къ нему полочкою, на которую обыкновенно ставила Дарья пищу и питье подвижнику. Но были случаи, когда Іоаннъ и непосредственно бесѣдовалъ съ Дарьей: случаи эти были всегда необыкновенные, требовавшіе непосредственнаго участія въ нихъ раба Божія. Такъ однажды Дарья мела вокругъ кельи затворника; внезапно появилась

огромная змѣя и обвилась вокругъ ея ноги; она громко вскрикнула и отъ испуга не знала, что ей предпринять. Въ это время появился предъ нею изъ дверей своей кельи затворникъ, погрозилъ рукою змѣѣ, и та съ видимымъ страхомъ поспѣшила скрыться, ничѣмъ не вредивъ Дарьѣ. Въ другой разъ, когда Дарья стояла у воротъ жилища затворника, къ ней подошла какая-то неизвѣстная ей дѣвица и начала чернить ее и затворника, обвиняя ее въ пристрастномъ и грѣховномъ къ нему отношеніи, что очень огорчило добродѣтельную рабу Божию и вызвало у ней горькія слезы. Она удалилась въ свою келью и очень сокрушалась, что люди такъ несправедливо думаютъ о безкорыстномъ служеніи ея рабу Божию. И вотъ внезапно предсталъ предъ нею затворникъ, несмотря на то, что обѣ двери сѣней и кельи ея были изнутри заперты, и свою бесѣду прямо направилъ противъ уязвившей ее скорби: „я бы не пришелъ къ тебѣ, говорилъ онъ, по бѣсы сильно грохочутъ въ оврагѣ, радуются, что люди тебя смутили, вотъ и нужно мнѣ было идти тебѣ помочь. Развѣ не знаешь ты, или никогда не слышала чтомага въ св. Евангеліи, что „блажепи тѣ, на которыхъ рекутъ всякъ золь глаголь лжуце“ (Мат. 5, 11) Господа ради. Вотъ ты служишь мнѣ непотребному единственно ради Господа; это ты знаешь хорошо, поэтому и не должна смущаться пустою болтовнею людей праздныхъ и злорѣчивыхъ, отдавшихъ даръ слова своего на служеніе не Богу, а сатанѣ. вмѣсто того, чтобы радоваться за понесенное безчестіе, ты плачешь и сокрушаешься, и этимъ радуешь врага и показываешь, что къ тебѣ много тщеславія и гордости“. Словами своими подвижникъ такъ утѣшилъ Дарью, что она ощутила несказанную радость въ своемъ сердцѣ и готова была не только выслушивать злорѣчіе людское, но даже муки казались ей возжеланными. Съ тѣхъ поръ всякое слово поносное мирно и благодушно ею выслушивалось. И другимъ христіанскимъ добродѣтелямъ также мудро и постепенно обучалъ ее рабъ Божій,

какъ-то послушанію, нестяжанію, трудолюбію, смиренію и проч. Такъ однажды онъ далъ ей выпить чашку чая, вкуса необыкновенно пріятнаго, и затѣмъ налилъ ей другую чашку тогоже напитка, но на этотъ разъ весьма горькаго и непріятнаго, такъ что она не могла его пить. „Чай не всегда бываетъ вкусенъ, замѣтилъ ей на это затворникъ: такова и жизнь наша бываетъ; потому мы должны обучать себя равно переносить сладкое и горькое въ ней, радостями не прельщаться, а скорбями не тяготиться, но за все Бога благодарить, ибо въ благополучіи Господь подастъ намъ средства благотворить ближнимъ нашимъ, а въ скорби и лишеніи приводитъ насъ къ молитвѣ о своихъ нуждахъ, которая сама есть даръ Его“. Однажды Дарья прибирала что-то въ сѣняхъ кельи затворника, и боролась съ мыслями невѣрія въ его праведность. Въ это время вышелъ къ ней затворникъ и ударилъ ее сзади по спинѣ чугунными тяжелыми своими четками. Дарья оглянулась, и увидѣла затворника удалявшагося отъ нея, всего облитаго пламенемъ необыкновеннаго цвѣта, подобнаго небесной лазури. Душа Дарьи внезапно отъ этого видѣнія была согрѣта и какбы воспламенилась неслезанною любовію къ Богу и къ Его избраннику; вѣ себя отъ восторга бросила она свой вѣшникъ, которымъ мела сѣни, и сложивъ руки долго стояла безмолвна и неподвижна, вперивъ взоры въ дверь, за которою скрылся отъ нея рабъ Божій. Слова его падали на добрую землю сердца боголюбивой Дарьи, подъ вліяніемъ ихъ она воспитывалась и преуспѣвала духовно. Затворникъ неоднократно пророчески ей говорилъ, что и онъ и она поселились въ Сезеновѣ по волѣ Божіей, чтобы впоследствии послужить спасенію многихъ душъ человѣческихъ. „Я только начну, говорилъ онъ, а тебѣ придется продолжать начатое, но не кончить, ибо это суждено твоей преемницѣ“. Но что начать и что кончить, все это безвѣстно была Дарья, слѣпо вѣрившей въ слова раба Божія, и чуждой пытливаго недоумѣнія, какъ и когда все это случится. Между тѣмъ надъ подвижникомъ Христо-

вымъ опять разразилась туча скорбныхъ напастей, на этотъ разъ шедшихъ со стороны гражданскихъ властей города Лебедяни. Неизвѣстность его происхожденія и къ какому сословію онъ принадлежалъ, породила толки въ народѣ, тѣмъ болѣе что рабъ Божій на всѣ подобныя вопросы отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ. Мѣстное начальство озаботилось достовѣрно узнать отъ него, кто онъ и почему живетъ въ Сезеновѣ безъ письменнаго вида. Лебедянской исправникъ Лукинъ, явившись въ село Сезеново, потребовалъ свѣдѣній о немъ отъ княжны Несвицкой, за смертію брата своего унаслѣдовавшей все его имѣніе. Княжна чистосердечно рассказала всѣ обстоятельства появленія Іоанна въ домѣ покойнаго ея брата, выстроившаго ему затѣмъ особую келью при приходской церкви, что же касается званія его и происхожденія, то и сама ничего о томъ не знала, засвидѣтельствовала только о его праведномъ подвижническомъ житіи. Княжна повела за тѣмъ исправника въ келью раба Божія. Двери кельи были заперты, и рабъ Божій долго не откликался на зовъ княжны и исправника, такъ что предположено было дверь открыть силою. Но затворникъ это предупредилъ и самъ открылъ дверь свою; исправникъ, взойдъ въ темную и тѣсную его келью, увидѣлъ въ ней только св. иконы въ углу съ теплившеюся предъ ними лампадою и нѣсколько лежащихъ незажженныхъ восковыхъ свѣчъ. Взявъ пукъ свѣчъ и зажегши ихъ у лампы, освѣтилъ онъ мракъ этой кельи, и стоявшаго предъ нимъ затворника, который отъ свѣчнаго свѣта закрылъ глаза руками и въ такомъ положеніи стоялъ предъ исправникомъ. „Что ты за человекъ, и какого званія и сословія?“ грубо спросилъ его исправникъ. Затворникъ сказалъ: „ты знаешь Іисуса Христа и Его Пречистую Матерь?“ „Знаю, отвѣтилъ исправникъ“. „Ну такъ знай же, что я Ихъ слуга“, сказалъ затворникъ, и сколько исправникъ затѣмъ ни убѣждалъ его открыть свое происхожденіе и званіе, отвѣчалъ все одно и то же, что онъ слуга Іисуса Христа и Богоматери. Болѣе отъ него

ничего нельзя было добиться, и исправникъ объявилъ, что какъ бродягу, упорно скрывающаго свое происхожденіе, онъ долженъ будетъ его сковать и препроводить въ лебедянской острогъ. Слезныя просьбы княжны Несвицкой остановили приведеніе въ исполненіе этой угрозы: исправникъ рѣшился оставить его пока на мѣстѣ въ его затворнической кельѣ, но взявъ подписку отъ княжны, что она никуда не выпуститъ его отъ себя, пока не узнаетъ о его происхожденіи и званіи, о которомъ немедля за тѣмъ дать ему знать. Проводивъ исправника, княжна приступила къ Іоанну съ слезными просьбами, открыть ей свое происхожденіе и тѣмъ избавить ее отъ притязаній начальства и непріятностей. Іоаннъ отвѣтилъ, что безъ разрѣшенія острогожскаго затворника Іоанна Васильевича, онъ этого сдѣлать не можетъ. Немедленно былъ посланъ челоуѣкъ съ письмомъ княжны въ Острогъ къ Іоанну Васильевичу; она просила его разрѣшить Іоанну объясненіе своего происхожденія, или самому о семъ ее извѣстить, если что о немъ знаетъ. Іоаннъ Васильевичъ передалъ сезеновскому Іоанну строгое приказаніе не таить своего происхожденія, о которомъ подробно сообщилъ и самъ письменно княжнѣ Несвицкой. Узнавъ, что Іоаннъ крѣпостной челоуѣкъ владѣльца села Потудани, княжна Несвицкая и другіе ближніе владѣльцы уважавшіе затворника, братья—Петръ и Павелъ Егоровичи Звягины, обратились къ владѣльцу села Потудани съ просьбою, выдать Іоанну вольную, чтобы тѣмъ избавить княжну отъ отвѣтственности предъ начальствомъ. Но владѣлецъ потребовалъ довольно значительнаго выкупа, отзываясь своею бѣдностію. По требованію его, Звягиними было внесено тысяча рублей ассигнаціями, получена отпуская Іоанну, и онъ за тѣмъ приписанъ къ мѣщанскому обществу города Лебедяни. Но кара Божія не замедлила постигнуть немилостиваго владѣльца Іоаннова, прежде столь жестоко съ нимъ обходившагося, а потомъ требовавшаго за него такой дорогой выкупъ. Онъ найденъ

былъ въ лѣсу своемъ растерзаннымъ дикимъ звѣремъ, вскорѣ послѣ того, какъ получилъ выкупныя деньги. Родственники его, видя въ этомъ несчастномъ случаѣ наказаніе Божіе, поспѣшили возвратить Звягинимъ сумму выкупа, которая по настоянію Іоанна была отдана въ церковь. По припискѣ Іоанна къ лебедянскому городскому обществу, благодѣтели его Звягины выстроили для него въ Сезеновѣ новую каменную двухъ-этажную келью подлѣ церкви, столпообразную по наружному виду, въ которую и перешелъ рабъ Божій въ 1833 году. Внизу кельи, въ подпольѣ, по настоянію затворника устроенъ былъ могильный склепъ со сводомъ, а противъ него впадина въ стѣнѣ съ скамьею изъ кирпичей. На вопросъ рабочихъ, къ чему все это дѣлается? затворникъ задумчиво отвѣчалъ: „гдѣ мой гробъ, тамъ мой домъ“. Въ новой кельѣ пребылъ онъ уже неисходно до самой своей кончины, послѣ которой обращена она была усердствующими къ его памяти въ храмъ Божій, посвященный Преображенію Господню.

Дѣвицѣ Евфиміи Маргачевой, семейство которой переселялось изъ Тамбовской въ Самарскую губернію, Іоаннъ приказалъ оставаться на родицѣ. Выстроивъ себѣ келью близъ церкви своего прихода, она начала подвизаться въ ней въ уединеніи, постѣ и молитвѣ и часто ходила въ Сезеново къ затворнику Іоанну, наставленіями котораго пользовалась во спасеніе своей души. Однажды когда она сидѣла подъ высокимъ деревомъ его сада, онъ пророчески выразился, что она скоро выростетъ выше того дерева, подъ которымъ сидитъ, и что подъ сѣнь ея соберется много галокъ. Истина словъ этихъ оправдалась въ будущемъ: поступивъ въ число сестеръ зараждавшейся обители сезеновской, она сдѣлалась потомъ въ ней настоятельницей послѣ старицы Дарьи, привела обитель эту въ цвѣтущее состояніе и подъ именемъ Серафимы доселѣ тамъ настоятельствуетъ надъ многочисленнымъ обществомъ инокнѣ, собравшихся подъ ея матернимъ кровомъ для служенія и благоугожденія Господу. Дѣвицѣ Агафѣѣ Мат-

вѣвой, тоже часто ходившей къ затворнику за наставленіями духовными, онъ далъ однажды листъ бумаги, исписанный имъ славянскимъ полууставомъ, говоря: „береги Агафья эту рукопись, она тебѣ пужна будетъ.“ Рукопись содержала краткія наставленія ипоческія, относящіяся къ общежитію и къ келейному пребыванію въ монастырѣ. Агафья въ послѣдствіи дѣйствительно поступила въ Сезеновскую обитель, получила постригъ съ именемъ Херувимы и отличалась строгою монашескою жизнью. Дѣвицу Евдокію Фролову подвижникъ Божій отличалъ особымъ своимъ расположеніемъ за ея простосердечное послушаніе. Такъ однажды велѣлъ онъ ей принести къ себѣ живую сороку, птицу какъ извѣстно пугливую и нелегко попадающуюся въ руки ловца. Евдокія тѣмъ не менѣе отправилась по его приказанію на большую дорогу и увидѣвъ на деревѣ сѣдящихъ семь сорокъ, именемъ Іоанна звала ихъ къ себѣ, на каковъй зовъ онѣ всѣ слетѣлись къ ней и безъ труда были ею принесены въ келью затворника. Въ другой разъ онъ приказалъ ей поймать зайца живаго. Евдокія съ благословенія его пошла въ лѣсъ, вскорѣ встрѣтила лежавшаго, наподобіе мертваго, зайца, взяла его и нашла живымъ и вполне ручнымъ, принесла къ затворнику и такимъ образомъ, при невидимомъ содѣйствіи его молитвъ, исполнила странное повидимому его приказаніе, объясняемое желаніемъ его, показать другимъ примѣръ непрекословнаго послушанія. Она въ Сезеновской обители, подъ именемъ Агнии въ санѣ мантийной монахини доселѣ подвизается во славу Божию. Дѣвицѣ Евдокіи Гомоюновой, Іоаннъ заповѣдалъ сходить въ Соловецкій монастырь и принести ему оттуда оленьи рога. Гомоюнова не замедлила исполнить его приказаніе, безъ всякихъ средствъ отправилась въ путь, побывала въ Соловецкомъ монастырѣ и принесла оттуда Іоанну три оленьихъ рога. Гомоюнова въ послѣдствіи тоже поступила въ число инокинь обители Сезеновскій. Священнику Іоанну Кириллову, которому затворникъ сесе-

повскій пѣкогда послалъ въ подарокъ желѣзную палку съ одиннадцатю вырѣзанными на ней крестами, изъ коихъ два были залѣплены черною мастикою, суждено было испытать двѣ весьма чувствительныя непріятности по службѣ. Сынъ Юанна Кириллова Александръ, произведенный во священника, поступилъ потомъ на служеніе въ Сезеновскую обитель и тѣмъ какбы оправдалъ таинственное значеніе посоха, присланнаго прозорливымъ затворникомъ его родителю. Крестьянинъ князя Долгорукова Иванъ Бирюковъ, привязанный къ затворнику нелицемѣрнымъ уваженіемъ и любовію, несмотря на то что былъ женатъ и имѣлъ семейство и хозяйство, большую часть времени проводилъ въ его кельѣ, исполнялъ разныя его порученія и пользовался его богомудрыми духовными наставленіями. Однажды затворникъ взялъ его съ собою и пошелъ въ лѣсъ, тамъ заставилъ его вырубить и заострить колъ; затѣмъ они подошли къ огорожѣ гумна сезеновскаго причетника Василя Алексѣева; здѣсь затворникъ приказалъ Бирюкову положить три поклона, раскопать земляной валъ у огорожи гумна и сперва самъ тремя ударами всадилъ заостренный колъ въ землю на этомъ мѣстѣ, а потомъ заставилъ Бирюкова поглубже его вбить. „Знаешь ли, что тутъ будетъ?“ спросилъ онъ Бирюкова: „тутъ выстроится колокольня, колоколь которой будетъ слышанъ по всей Россіи“. „Едва ли, батюшка, отвѣтилъ простодушный Бирюковъ; тутъ у насъ и московскихъ колоколовъ никогда не слышно, а они, какъ извѣстно, далеко слышны по величинѣ своей и звону“. „Маловѣръ ты, Иванъ, и не понимаешь смысла моихъ словъ“, возразилъ на это затворникъ. Дойдя до того мѣста, гдѣ стѣдитъ теперь трапеза нынѣшней Сезеновской обители, онъ опять приказалъ Бирюкову положить три поклона и вбить въ землю колъ, послѣ чего сказалъ: „тутъ будетъ наша граница, и все это будетъ наша земля“; при чемъ указалъ рукою по прямому направлеңію. Въ это время вышелъ причетникъ Василій Алексѣевъ и началъ браниться за раскопанный валъ

своего гумна. Затворникъ чрезъ Бирюкова велѣлъ ему сказать, чтобы не бранился, ибо жить ему не помѣшаютъ на этомъ мѣстѣ и за пожилое платы не потребуютъ. Дѣйствительно, все размѣренное затворникомъ мѣсто находится теперь въ монастырской оградѣ Сезеновской обители; въ тоже время онъ Бирюкову подробно объяснилъ, гдѣ и какія зданія будутъ въ ней построены. „Батюшка, вѣдь для такой постройки много тысячъ денегъ нужно“, возразилъ Бирюковъ, знавшій нестяжаніе и нищету раба Божія. „Говорю тебѣ, что ты маловѣръ Иванъ“, опять отвѣчалъ затворникъ, и за тѣмъ указалъ на стаю галокъ кружившихся вблизи, сказавъ: „скоро здѣсь будетъ столько галокъ, что и не сочтешь“. Впослѣдствіи знакомому своему лебединскому мѣщанину Алексѣю Красинскому, пришедшему его посѣтить, жаловался онъ, что ему жаль деревьевъ его садика, имъ самимъ посаженныхъ, „ибо ихъ потопчетъ народъ, котораго скоро здѣсь много будетъ“. „Не беспокойтесь, батюшка, успокоивалъ его Алексѣй, я затворю ворота вашего дворика и никого сюда не пушу“. „Нѣтъ, отвѣчалъ затворникъ, не запрешь ты воротъ, но и заборъ разберешь“. Однажды, задолго еще до постройки обители Сезеновской, затворникъ началъ просить владѣлицу села Сезенова княжну Несвицкую, уступить ему одну дикую яблоню съ корнемъ, росшую довольно далеко отъ его кельи. Княжна предлагала лучше прислать ему молодыхъ прививковъ для его садика, но затворникъ стоялъ на своемъ и просилъ именно дикой яблони, на которую указывалъ издали. Въ послѣдствіи, когда Сезеновская обитель уже устроилась и настоятельница ея предпринимала сооруженіе монастырской ограды, подъ которую земля пожертворана княжною Несвицкою и въ черту которой возшла вышепомянутая дикая яблоня, вспомнила княжна и узнала настоящій смыслъ непонятной до того просьбы затворника объ уступкѣ ему этой яблони.—Начало Сезеновской обители положено еще при жизни затворника поселеніемъ при Сезеновскомъ храмѣ, близъ затворнической

кельи, благочестивыхъ дѣвицъ и вдовъ, жаждавшихъ пользоваться его духовными наставленіями и руководствомъ. Сначала поселилась здѣсь въ смиренной кельицѣ боголюбивая Дарья Дмитріевна, которая при жизни затворника служила посредницею между его ученицами и какбы настоятельница надъ ними примѣромъ своимъ въ трудахъ и послушаніи рабу Божию, руководившему ихъ въ страхъ Божию по трудной и тѣсной стези подвижничества.

Не умолчимъ о многочисленныхъ проявленіяхъ въ затворникѣ дара цѣлебнаго. Еще прежній прислужникъ его Василій Лаврентьевъ неоднократно испыталъ, что многіе больные и разслабленные тѣлесно, приходя къ затворнику, получали отъ него или масло отъ лампы, теплившейся въ кельѣ его предъ образомъ Божіей Матери, или богоявленскую воду, или часть просфоры, а чаще всего какіе-либо простые корни, сухія листья или чай, и отъ употребленія ихъ вскорѣ по вѣрѣ своей получали совершенное исцѣленіе своихъ недуговъ. Видя, что подобныя простые средства даются затворникомъ какъ лѣкарство больнымъ, Василій началъ соблазняться этимъ и мысленно осуждалъ его за обманъ простыхъ людей. Затворникъ тотчасъ позвалъ его къ себѣ, въ точности разсказалъ ему тайный его помысль, осуждавшій его дѣйствія и затѣмъ сказалъ: „Берегись грѣшнить, Василій, перестанемъ грѣшнить, чтобы не прогнѣвался на насъ Богъ и не лишилъ насъ, за осужденіе Его промысла въ насъ дѣйствующаго, награды небесной“. Василій палъ предъ нимъ на колѣна и просилъ прощенія, обѣщаясь исправиться и не внимать враждебнымъ помысламъ соблазна и осужденія. Подвижникъ съ свѣтлымъ лицомъ поспѣшилъ его успокоить и утѣшить, говоря: „Ну и слава Богу, что не даемъ мы бѣсамъ радоваться“. Старица Дарья, поступивъ на служеніе при кельѣ затворника, была болѣе внимательна въ отношеніи приходившихъ къ нему недужныхъ, и сама всегда возбуждала вѣру ихъ въ помощь его святыхъ молитвъ, по

которымъ дѣйствительно бывали при ней видимы исцѣленія, изъ числа коихъ особенно стали извѣстны слѣдующія: лебедянской купецъ Козьма Ангеловъ имѣлъ четырехлѣтняго сына Данила, страдавшаго разслабленіемъ ногъ, которыя онѣмѣли и совершенно высохли, такъ что больной вовсе ихъ не чувствовалъ и отнюдь не могъ ходить. Когда Ангеловъ принесъ своего больнаго сына въ келью затворника, тотъ спросилъ его: „Ходить ли твой сыпъ?“ „Нѣтъ“, отвѣчалъ ему Ангеловъ. „Ну такъ поставь его ко мнѣ на колѣни, нечудись сему, а поставь“. Когда это было исполнено, затворникъ приказывалъ больному протянуть поги, чего малютка не могъ и закричалъ страннымъ глухимъ крикомъ непохожимъ на дѣтскій. „Оставь его, такъ Богу угодно“, сказали затворникъ и отпустилъ ихъ отъ себя. Черезъ недѣлю Козьма Ангеловъ былъ ужь одинъ у затворника и опять былъ отъ него встрѣченъ вопросомъ: „ходить ли твой сынъ?“ „Не ходитъ, батюшка, по прежнему“, отвѣчалъ Ангеловъ. Иоаннъ далъ ему затѣмъ небольшой образокъ святителя Митрофана Воронежскаго и заповѣдалъ, по пріѣздѣ домой, положить три поклона Спасителю, Богоматери и святителю Митрофану, затѣмъ оградить больнаго крестнымъ знаменіемъ, съ молитвою надѣть на него образокъ и потомъ позвать къ себѣ. Ангеловъ въ точности все это исполнилъ. Въ это время больной сидѣлъ на диванѣ, но когда отецъ его позвалъ, то безъ посторонней помощи, онъ всталъ съ дивана и своими ногами свободно подошелъ къ отцу. Это было въ 1839 году, и съ тѣхъ поръ Данииль владѣеть ногами и не чувствуетъ въ нихъ никакой боли и слабости. Одна богомольная крестьянка села Сланскаго задумала идти въ Кіевъ на поклоненіе тамошней святыни, но вслѣдъ за тѣмъ занемогла ногами. Очень опечаленная этимъ, она просила домашнихъ своихъ свести ее въ Сезеново къ затворнику Иоанну, которому и повѣдала постигшее ея несчастіе. Иоаннъ выслалъ ей свои лапти, велѣлъ надѣть ихъ на больныя ноги и не откладывать путешествія. Ис-

полнивъ приказаніе затворника, она вслѣдъ за тѣмъ ощутила, что болѣзнь ея прошла, такъ что она безъ труда могла совершить задуманное путешествіе въ Кіевъ. Послѣ того лапти затворника она берегла какъ драгоценность. Случилось затѣмъ въ домѣ ея въ селѣ Сланскомъ стоять на квартирѣ одному солдату изъ проходившаго тогда пѣхотнаго полка. Солдатъ жаловался на сильную боль въ ногахъ, отъ которой едва могъ двигаться. Благочестивая хозяйка поспѣшила надѣть на его ноги лапти затворника, и на утро солдатъ былъ совсѣмъ здоровъ, завѣрялъ, что ни мало не чувствуетъ прежней сильной боли въ ногахъ, и съ чувствомъ искренней благодарности отправился въ свой путь. Деревни Чернышевки крестьянинъ Алексѣй Красинскій, знакомый старицы Дарьи, опасно заболѣлъ; извѣщенная объ этомъ Дарья поспѣшила придти къ затворнику и просила его молитвъ о выздоровленіи болящаго. Юаннъ далъ ей щепотку чаю, велѣлъ часмъ этимъ напоить больного и сказать ему, что онъ велитъ ему быть здоровымъ. Дарья въ точности исполнила порученіе подвижника, и больной почувствовалъ внезапное выздоровленіе. Привезена была къ затворнику лебедянская мѣщанка Евдокія Леонтьева, страдавшая бѣспованіемъ. Дорогою она сильно волновалась, порывалась возвратиться въ Лебедянь, но подлѣзая къ Сезену, она притихла. Когда ее внесли въ дворъ кельи затворника, она совершенно лишилась памяти и чувствъ. На крыльцѣ кельи больная невидимою силою была приподнята къ высотѣ, такъ что не было никакихъ средствъ ее удержать. Затворникъ выслалъ къ ней кипарисовый крестъ, велѣлъ его надѣть ей на шею, а въ уста влить немного масла изъ лампы теплившейся въ его кельѣ предъ образомъ Божіей Матери. Когда это было исполнено, больная опустилась на землю и пришла въ себя. На другой день по приказанію затворника была она исповѣдана и приобщена св. Таинъ, и съ тѣхъ поръ совершенно исцѣлилась отъ мучительныхъ припадковъ. У одной небогатой женщины сдѣлался ракъ на губѣ. Врачи

совѣтывали сдѣлать ей операцію, но дорого за нее просили, и больная, не имѣя средствъ заплатить назначенное вознагражденіе, обратилась къ сезеновскому затворнику, извѣстному цѣлебными дарами. Іоаннъ, выглянувъ изъ дверей своей кельи и увидя больную женщину, обратился къ бывшей съ нею старицѣ Дарьѣ и приказалъ ей „сорвать болячку съ губы этой женщины“. Но когда Дарья не рѣшилась этого сдѣлать, то вынесъ изъ своей кельи бумажку, омоченную въ лампадное масло и велѣлъ больноіи приложить ее къ своей ранѣ, что та успѣшила исполнить. Вскорѣ за тѣмъ рана ея зажила и прошла безъ всякихъ дурныхъ для нея послѣдствій. У крестьянина села Сезенова Василия Михайлова былъ сынъ Іоаннъ, пѣмой и одержимый падучею болѣзнію. Несчастнаго привязывали къ желѣзному кольцу, чтобы онъ не ушелъ и не убился въ своемъ припадкѣ. Однажды вечеромъ совершенно неожиданно входитъ въ избу Михайлова затворникъ Іоаннъ; онъ принесъ большому синюю рубаху и при себѣ заставилъ его мать на него рубаху эту надѣть. Затѣмъ началъ онъ уговаривать родителей болящаго, милостиво съ нимъ обходиться и не проклинать его за убежество, но съ терпѣніемъ смотрѣть на тягостныя для нихъ его страданія. „За это онъ будетъ молитвенникомъ вашимъ предъ Богомъ“, присовокупилъ затворникъ и предсказалъ имъ, что убогій сынъ ихъ, вмѣстѣ съ нимъ перейдетъ въ вѣчность, что дѣйствительно и оправдалось, ибо убогій сынъ Василия Михайлова скончался въ одно время съ затворникомъ. Особенною любовію и довѣріемъ, послѣ старицы Дарьи, пользовался у затворника вышепомянутый Іоаннъ Бирюковъ; онъ всегда имѣлъ невозбранный доступъ къ затворнику, цѣнившему его горячую преданность и любовь. „Ты будешь монахомъ“, не разъ говаривалъ онъ Бирюкову, и слова эти послѣ смерти затворника оправдались: Бирюковъ, напитанный духовнымъ ученіемъ подвижника, оставилъ семью свою и поступилъ въ монастырь. Этотъ самый Бирюковъ, по примѣру старицы Дарьи, удо-

стоился однажды видѣть затворника въ состояніи прославленномъ. Разъ ночью пасъ онъ лошадей въ полѣ и въ это время вдругъ пожелалъ увидѣть затворника. Повинуясь безотчетному влеченію, онъ бросилъ лошадей и отправился къ его кельѣ, не доходя къ ней встрѣтилъ самого затворника выходившаго изъ лѣса, всего объятаго какбы пламенемъ. Подойдя къ испуганному этимъ видѣніемъ Іоанну, затворникъ успокоилъ его, говоря, что „лошадки его въ полѣ будутъ безъ него цѣлы и невредимы“, потомъ велѣлъ ему войти въ свою келью, наполнилъ его чаемъ и просилъ о видѣнномъ не разглашать до его смерти. Возвратившись къ лошадямъ своимъ, нашелъ онъ ихъ цѣлыми и невредимыми, тогда какъ у другихъ сосѣдей его въ ту ночь пропали лошади.

Видя, что вокругъ него собираются благоговѣйныя ученицы, положившія начало общежитія подъ мудрымъ начальствомъ старицы Дарьи, затворникъ сезеновскій за годъ до своей смерти испросилъ чрезъ своихъ благодѣтелей благословіе и разрѣшеніе тогдашняго архипастыря тамбовскаго, преосвященнаго Арсенія (нынѣ митрополита кіевскаго) построить на мѣсто ветхой Казанской-Сезеновской церкви, каменный семипрестольный храмъ, давая предъ владыкою въ поручителя успѣшному совершенію его, Пресвятую Богородицу и святителя Николая, на которыхъ возлагалъ онъ свое упованіе. 8 сентября 1838 года, въ праздникъ Рождества Богоматери, заложенъ былъ этотъ храмъ, при чемъ затворникъ собственноручно своєю тяжелою желѣзною палкою размѣрилъ его основаніе, а также пространство ограды и на мѣстахъ предназначенныхъ для престоловъ водрузилъ деревянные кресты. Мѣсто избранное имъ для храма не совсѣмъ было ровно; подрядчикъ и прихожане сезеновскій просили его поставить храмъ нѣсколько выше, на мѣстности болѣе ровной, но затворникъ этому воспротивился говоря: „если поставите его тамъ, то и въ двадцать лѣтъ не построить, а на этомъ мѣстѣ въ три года его окончите“. Положивъ основаніе, но не имѣя никакихъ

средствъ, ни матеріаловъ для сооружеія задуманнаго храма, затворникъ не унывалъ. Онъ не таилъ уже ни передъ кѣмъ, что дѣло это не его, а Божіе, почему и должно совершиться помимо всѣхъ къ тому препятствій. Велика была его вѣра въ помощь поручниковъ дѣла его въ построеніи храма—Богоматери и чудотворца Николая, и вѣра эта оправдалась именно чуднымъ началомъ этого дѣла. Подрядчикъ требовалъ задатка денежнаго и матеріала для работъ: ни того, ни другаго не имѣлось въ наличности. „Подожди до завтра“, говорилъ ему съ увѣренностію подвижникъ, „Матерь Божія и святитель Николай все намъ пошлютъ“. Дѣйствительно, утромъ слѣдующаго дня множество подводъ прибыло въ Сезеново съ бытовымъ камнемъ, кирпичемъ, известью, лѣсными матеріалами и даже съ продовольствіемъ для рабочихъ въ мукѣ и крупѣ, что все прислано было однимъ неизвѣстнымъ жертвователемъ, и въ тотъ же день одинъ неизвѣстный богатый помѣщикъ, посѣтивъ затворника, вручилъ ему на тотъ же предметъ 500 рублей. Такимъ образомъ начало работъ было обезпечено, матеріалъ готовъ, подрядчикъ получилъ приличный по суммѣ задатокъ и съ усердіемъ приступилъ къ дѣлу. Вырыты были рвы для фундамента стѣнъ, забутованы, и въ десять дней цѣколь сдѣланъ былъ по самымъ окнамъ; скорой и успѣшной работѣ своей дивился самыя рабочіе, говоря, что въ иное время на производство подобной работы потребовалось бы не менѣе сорока дней, а они окончили ее въ десять, что приписывали молитвенному содѣйствію подвижника Божія. Но не суждено было ему Богомъ дожидаться окончанія заложеннаго имъ храма Божія, къ которому направлены были всѣ помыслы его и о которомъ онъ заботился съ горячею любовію. Одну изъ ученицъ своихъ—дѣвицу Евфимію Маргачеву отправилъ онъ еще при жизни своей въ С.-Петербургъ за сборомъ пожертвованій на окончаніе заложеннаго храма. Окончить строеніе храма поручилъ онъ своей присной ученицѣ—старицѣ Дарьѣ, и хотя не высказывалъ ей ясно

о приближившейся своей кончинѣ, но неоднократно говорилъ ей, что послѣ него она пусть печется, какъ объ окончаніи храма Божія, такъ и объ утвержденіи и распространеніи начатаго при немъ общежитія. Онъ просилъ ее не унывать, но всецѣло возлагать всю надежду на Бога, Который не оставитъ ее Своею помощію, ибо такова воля Божія, которой и онъ и она служатъ лишь орудіями. Заключившись въ затворнической своей кельѣ, подвижникъ скончался въ ней мирною и благою кончиною 14 декабря 1839 года, проживъ 48 лѣтъ 5 мѣсяцевъ и 20 дней, изъ коихъ 21 годъ провелъ въ строгомъ затворѣ. Кончина его совершилась безъ свидѣтелей, безъ особеннаго предсмертнаго недуга: какъ свѣча догорѣлъ онъ въ молитвѣ къ Богу. Старица Дарья, видя, что уже нѣсколько дней затворникъ не звалъ ее къ себѣ обычно, встревожилась и послала въ Лебедянь къ соборному протоіерею отцу Аристарху, прося у него совѣта, какъ поступить. Протоіерей 24 декабря самъ пріѣхалъ въ Сезеново, вмѣстѣ съ Дарьєю неоднократно стучалъ въ запертую дверь кельи затворника, но не получалъ на оклики свои никакого отвѣта. Хотѣли выломать дверь, но всѣ усилія къ тому были тщетны, почему рѣшили выпутъ раму въ окнѣ и такимъ образомъ пропикли внутрь кельи, и въ ней увидѣли подвижника, скончавшагося около наоя на полу, въ положеніи человѣка сдѣлавшаго земный поклонъ. Правая рука его локтемъ опертая о полъ поддерживала голову, а лѣвая рука лежала въ ладони правой, точно подвижникъ готовился сложить ихъ крестообразно на груди; лицо же его было обращено къ иконѣ Божіей Матери, предъ которою онъ молился и скончался, предавъ чистую и праведную душу свою въ руки Господа и Его Пречистой Матери. Несмотря на то, что кончина повидимому совершилась уже нѣсколько дней тому назадъ, никакого смертнаго запаха не было ощущаемо въ запертой кельѣ, и самое тѣло почившаго было свѣтло и мягко, какъ у живаго; на лицѣ замѣтенъ былъ даже румянецъ, и всѣ черты

его сохранили благолѣпную привлекательность и были запечатлѣны какою-то важностію, точно почившій созерцалъ нѣчто дивное, отразившееся въ его обликѣ. При опрятываніи тѣла, члены разгибались свободно, какъ у человѣка погруженнаго въ глубокой сонъ. Дивно было знать лебедянскому земскому суду о безвѣстной кончинѣ сезеновскаго затворника. Члены суда явились для слѣдствія, собралось немалое число постороннихъ лицъ, усердныхъ почитателей усопшаго, спѣшившихъ облобызать его останки. Слѣдователи пытались раздѣть покойнаго и осмотрѣть его тѣло, нѣтъ ли на немъ слѣдовъ насильственной смерти. Въ это время на-крестъ сложенные руки почившаго сами собою вытянулись и опустились. На ногахъ, при снятіи чулокъ, оказались глубокія язвы, заложенные древесными щепочками, по отнятіи которыхъ изъ нихъ заструилась свѣжяя кровь. Прибывшій въ это время духовникъ почившаго, священникъ г. Лебедяни, отецъ Θεодотъ, остановилъ слѣдователей въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи тѣла свидѣтельствуя предъ ними именемъ Божиимъ, что почившій, какъ членъ православной восточной Церкви, чужды былъ всякаго раскола, всегда пребывалъ въ соединеніи со Христомъ св. Таинствами, и никакъ не долженъ быть отнесенъ къ разряду людей скончавшихся безъ напутствія христіанскаго, такъ какъ незадолго предъ кончиною своею былъ у него на исповѣди и причащался св. Христовыхъ Таинъ. Такимъ образомъ непріятное это для почитателей святопочившаго раба Божія слѣдствіе прекращено, и тѣло его разрѣшено безпрепятственно погребсти. Но такъ какъ безъ разрѣшенія архиепископа тамбовскаго нельзя было согласно волѣ покойнаго погребсти его въ устроенномъ имъ склепѣ подъ его кельею, то тѣло его оставалось нѣкоторое время непогребеннымъ, пока не получено было отъ преосвященнаго позволеніе исполнить его волю. Многочисленныя толпы народа изъ окрестныхъ селеній, изъ г. Лебедяни и даже изъ болѣе дальнихъ мѣстъ, стекались къ его гробу, съ удивленіемъ взирали на ветлѣнное, цвѣт-

шее благолѣніемъ и ангельскою красотою лице усопшаго; тѣло его, вмѣсто вонн смертной, издавало благоуханіе, ощутительное для всѣхъ приближавшихся къ гробу, несмотря на то, что отъ толпы народной и множества зажженныхъ вокругъ гроба свѣчей, воздухъ былъ очень душенъ и благопріятенъ для разложенія. 12 января 1840 г., по истеченіи 28 дней послѣ кончины приснопамятнаго раба Божія Іоанна, совершилось наконецъ торжественное его отпѣваніе и погребеніе въ уготованномъ имъ самимъ склепѣ подъ каменною его кельею. Замѣчено было во время отпѣванія, что на челѣ почившаго выступили обильныя капли маслянистѣй благоуханной жидкости, которую многіе недужные бывшіе при отпѣваніи собирали чистыми платками и ватюю, и ею мазали болящіе члены, получая вслѣдъ за тѣмъ исцѣленія. Многіе изъ подобныхъ болящихъ, много бѣсноватыхъ, въ день погребенія праведника, получили совершенное освобожденіе отъ своихъ недуговъ его святыми молитвами, и славя Бога и Его избранника возвращались въ свои дома. Съ тѣхъ поръ гробъ приснопамятнаго затворника Іоанна сталъ усердно посѣщаться благочестивыми поклонниками, привлекаемыми слухомъ о святой его жизни и многихъ знаменійхъ благодати Божіей, при жизни и по смерти имъ явленныхъ и являемыхъ съ вѣрою и усердіемъ къ нему обращающимся. На гробъ его совершилось много уже исцѣленій,—всѣ эти случаи записаны въ лѣтописную запись обители сезеновской. Вещи, нѣкогда ему принадлежавшія, вода изъ вырытаго имъ колодца, листья съ деревъ имъ насаженныхъ, вата изъ его полукафтаны, даже олени рога, принесенные ему ученицею его Гомоюновою изъ Соловецкой обители, но болѣе всего елей отъ лампы теплящейся у его гроба, стяжали свойства цѣлебныя, которыя не разъ проявлялись надъ недужными въ исцѣленіяхъ. Обитель Сезеновская, еще въ колыбели существованія своего осиротѣвшая послѣ своего основателя, отца, наставника и молитвенника предъ Господомъ, святыми его молитвами, при мудромъ и рачи-

тельномъ управленіи старицы Дарьи и ея преемницы игуменіи Серафимы, разцвѣла, расширилась, благоукрасилась, и въ короткое время стала на степень одной изъ благоустроеннѣйшихъ женскихъ обителей Россіи. Въ 1842 году Высочайше утверждена она женскою общиною подъ наименованіемъ Казанской-Ивановской, въ честь ея основателя достоблагеннаго Іоанна, а въ 1853 году уже возведена на степень дѣвичьяго монастыря, нынѣ весьма многолюднаго. Тамъ въ храмѣ Божіемъ, посвященномъ боголѣпному Господню преображенію, стоящемъ на мѣстѣ затворнической кельи Іоанна, покоится онъ подъ освѣщеніемъ святыни, и какбы доселѣ недремленно блюдетъ ее и настоятельствуетъ въ своей обители, которая ему одному обязана своимъ началомъ и совершеніемъ во славу Божію. Память его доселѣ жива, и имя его, какъ нѣкое благословеніе Божіе, разносится по обширнымъ предѣламъ православной Россіи. Такъ возвеличилъ Господь смиреннаго своего раба, убогаго поселанина, юрода Его ради, прославившаго Господа подвигами благочестія и молитвы, и отъ Него сугубо прославленнаго многими дарами благодатными.

А. Ковалевскій.

О ДВОРЯНСКИХЪ ВЫБОРАХЪ.

СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО СЕРГІЯ, ЕПИСКОПА КУРСКАГО, ПРЕДЪ
ПРИСЯГОЮ КУРСКАГО ДВОРЯНСТВА ДЛЯ ИЗБРАНІЯ ВЪ ДОЛЖНОСТИ,
17 января 1875 года.

„Ему же да по будетъ много, много
взыщется отъ него“ (Лук. 12, 48).

Когда въ крестьянскомъ сословіи бывають неудачны выборы на должности, обыкновенно это приписывается недостатку образованія, который препятствуетъ избирателямъ понять важность общественной службы.

Слѣдственно наоборотъ, когда приступаютъ къ избранію на должности люди образованные, надобно ожидать, что будутъ избраны лица, вполне способныя, опытыя и полезныя.

Такъ ли это на дѣлѣ, вѣрнѣе могутъ рѣшать тѣ, которые ближе къ производству выборовъ стоятъ, или сами въ нихъ участвуютъ. А на семъ священномъ мѣстѣ долгъ правды требуетъ объяснить, почему отъ людей просвѣщенныхъ общество въ правѣ ожидать безупречнаго и удачнаго выбора лицъ на должности.

Образованность есть великое приобрѣтеніе, но и не малую влечетъ за собою отвѣтственность. Чтò легко прощается невѣждѣ, то ставится въ порокъ образованному. Если простолюдинъ нарушить приличіе, это никого не удивить и развѣ на чьихъ нибудь устахъ вызоветъ улыбку. Но если челоуѣкъ, получившій воспитаніе, поступить противъ правилъ чести и приличія, это покажется потерпимымъ и можетъ угрожать ему печальной развязкой. Такой порядокъ отвѣтственности утверждается и закономъ

евангельскимъ. „Кому дано много, много и требуется; и кому много ввѣрено, съ того больше взыщутъ“. Не одни дары благодатныя и должности церковныя здѣсь подразумѣваются, но и все, что человѣкъ получаетъ и чѣмъ пользуется въ этой жизни, внѣшнія блага, права происхожденія, дарованія душевныя, разностороннія свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя воспитаніемъ и опытомъ, значеніе въ обществѣ. Когда кто дѣлается извѣстенъ своими способностями, познаніями, силою слова, предусмотрительностію и неподкупною честностію въ дѣйствіяхъ, вліяніемъ на другихъ; тогда и общество и правительство въ правѣ отъ него требовать чего-нибудь большаго, нежели отъ гражданъ простыхъ. Почему напримѣръ сословіе, по родовымъ правамъ благородное, въ ряду прочихъ сословіи высшее, нынѣ призвано къ наблюденію за народнымъ образованіемъ, къ содѣйствію его успѣхамъ? Безъ сомнѣнія потому, что это сословіе наполняютъ люди болѣе просвѣщенные, которые по своему опыту должны понимать силу и цѣну истиннаго просвѣщенія, ближе могутъ знать намѣренія правительства, дальновиднѣе обсуждать пользы отечества, и сильное имѣютъ вліяніе на соотечественниковъ. Посему и отъ здѣшнихъ образованныхъ избирателей ожидается, что они изберутъ дѣятелей, ко всему этому вполне способныхъ.

Можно бы заключать, что если и избиратели, и избираемые принадлежать къ разряду людей образованныхъ, то кого бы ни избрали, не будетъ ошибки, такъ какъ образованность избраннаго есть признакъ его достоинства. Но такое заключеніе подлежитъ ограниченіямъ. Не всякій ко всему способенъ, и глубоко ученый можетъ быть не удовлетворительнымъ учителемъ. Апостоль дѣлаетъ различіе и между христіанскими учителями. Основаніе для всѣхъ одно, которое есть Іисусъ Христосъ. Но одинъ на этомъ основаніи возводитъ зданіе изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, а другіе изъ дерева, сѣна и соломы (1 Кор. 3, 11—13). Такъ не всѣ люди образованные

объщаютъ быть искусными строителями, блюстителями и споспѣшниками просвѣщенія. И у образованнаго иногда бывають свои личныя убѣжденія, вводящія его въ односторонность умозаключеній. Иной разсуждаетъ, что грамотность простолюдину вовсе не нужна: земледѣліе и ремесло вотъ его призваніе. Но развѣ позволительно съ намѣреніемъ осуждать и одного человѣка, не только цѣлое сословіе, на безграмотность и невѣжество? Развѣ владѣющій перомъ не можетъ двигать плугомъ? Развѣ ремесленникъ не долженъ брать въ руки книгу, когда свободенъ отъ труда? А сколько раздраженія въ спорахъ о томъ, какому виду образованія отдать предпочтеніе? Апостоль Павелъ ученику своему Тимошею совѣтовалъ удаляться отъ учащихъ не *по благовѣрїю*, зараженныхъ страстью къ состязаніямъ и словопреніямъ: ибо отсюда рождаются распри, подозрѣнія и пустые споры. (1 Тим. 6, 3—5). Не тотъ ревнитель просвѣщенія, кто запальчиво о немъ разглагольствуетъ, но тотъ, кто на дѣлѣ ему содѣйствуетъ. Тѣмъ первымъ можетъ быть предложена честь наблюденія за народнымъ образованіемъ, которые увѣрены и открыто говорятъ, что это образованіе должно идти въ союзѣ съ вѣрой православной и подъ ея покровомъ, что оно должно отводить народъ отъ дурныхъ обычаевъ и невоздержанія, внушать ему уваженіе къ правительству, къ закону, къ гражданскому долгу и къ правамъ собственности. Тотъ преимущественно достоинъ быть впереди другихъ и за собою вести другихъ по пути государственнаго благоустройства, кто смотритъ на должность не какъ на украшеніе должностнаго лица, а какъ на поприще труда и нѣкотораго самопожертвованія, и кто на дѣлѣ показалъ свое радѣніе о пользѣ общественной. Просвѣщенные избиратели должны и могутъ разсудить, какія лица изъ ихъ сонма болѣе удовлетворяютъ симъ условіямъ избранія, и потому отвѣтственны за достоинство избираемыхъ. *Изберите же себѣ мужи мудры и умѣтельны и смысленны въ племенахъ вашихъ* (Исх. 1, 13). Аминь.

О ПОМОЩИ БЕЗЗЕМЕЛЬНЫМЪ ДВОРОВЫМЪ ЛЮДЯМЪ И КРЕСТЬЯНАМЪ.

СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ВАСИЛІЯ СЕМЕНОВИЧА ЛИХАЧЕВА *).

Давно замѣчено, что гробы умершихъ суть наилучшія училища для живыхъ. Вотъ передъ нами гробъ новопре-
ставленнаго брата нашего Василія; какое же ученіе, какой
урокъ мы можемъ получить отъ этого гроба? Чтобы по-
лучить намъ урокъ отъ сего гроба, надлежало бы прослѣ-
дить жизнь покойника, вспомнить его дѣянія: тогда видно
было бы, что въ жизни покойника было хорошаго, замѣ-
чательнаго, чему намъ слѣдуетъ подражать. Я не знаю

*) Авторъ слова, сельскій священникъ Рязанской губерніи, пишетъ въ Редакцію Душев. Чтенія: „Оное слово касается современнаго во-
проса о великомъ злѣ—пролетаріатѣ въ Россіи, обѣщающемъ въ
будущемъ сдѣлаться еще большимъ зломъ. Множество дворовыхъ
людей, незнающихъ никакого ремесла кромѣ земледѣлія, не имѣя
земли, страшно бѣдствуютъ. Въ селахъ они составляютъ 10, 20, 30%
и бѣдшій процентъ. Они по большей части въ состояніи нанимать
только 6—10 квадратныхъ саженъ земли подъ постройку одной избы
съ сѣнями; даже подъ огородъ большая часть изъ нихъ не въ состоя-
ніи снять землю. Содержатся они, нанимаясь въ работу поденно или
погодно за низкую цѣну. Въ зимніе долгіе вечера большинство изъ
нихъ только ужинаятъ съ огнемъ, а то весь вечеръ сидитъ или лежитъ
безъ огня, не имѣя ремесла, которое окупало бы освѣщеніе. Под-
спорьемъ къ существованію своему они избрали воровство и другія

жизни покойника вполне, по недавнему моему съ нимъ знакомству; мнѣ извѣстны только нѣкоторыя его дѣла, и объ извѣстныхъ мнѣ его дѣлахъ о всѣхъ время не позволяетъ говорить; я упомяну только объ одномъ мнѣ извѣстномъ его дѣлѣ, которое и всегда будетъ достойно уваженія и подражанія, но особенно въ настоящее время достойно того, чтобы поставить его на свѣтъ, въ виду новыхъ нуждъ и нѣкоторыхъ ложныхъ понятій и стремленій, являющихся среди насъ.

Мнѣ неоднократно случалось проходить, и я всегда проходилъ съ отраднымъ чувствомъ, съ чувствомъ умиленія мимо того участка земли, который подаренъ покойникомъ въ собственность одному бѣдному семейному дворовому человѣку, не имѣвшему земли, не имѣвшему гдѣ головы приклонить. Этотъ облагодѣтельствованный дворовый человѣкъ, получивъ такую милость, пріобрѣтши себѣ осѣдность, теперь вполне доволенъ и считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Этою милостью покойникъ нашъ возжегъ по себѣ невидимую, но истинно великую свѣчу, свѣтлую, неугасающую лампаду. Семейство бѣднаго облагодѣтельствованнаго имъ человѣка всегда, изъ рода въ

безнравственныя дѣйствія. Многіе изъ нихъ нѣли право па надѣлъ землю, но не знали, какъ его взять, и теперь уже пропустили сроки. Пролеторіатъ изъ дворовыхъ людей увеличиваетъ собою крестьяне, лишившіеся земли цѣлыми обществами тоже по неуразумѣнью положенія 19 февраля 1861 года. Крестьяне эти не знаютъ, что съ собою дѣлать; они прежде жили сравнительно хорошо; они теперь то простираютъ руки къ небу, моля объ избавленіи ихъ отъ настоящаго бѣдствія, то проклинаютъ свою участь; вмѣстѣ съ тѣмъ иные изъ нихъ вслѣдствіе внушеній неблагонамѣренныхъ людей, мечтаютъ о переворотѣ, благодаря которому надѣются землю получить даромъ. Эти крестьяне всегда будутъ опаснымъ вулканомъ Россіи.

Духовенство окажетъ благодѣяніе безземельнымъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ, а вмѣстѣ и государству, если будетъ убѣждать землевладѣльцевъ дать хотя сколько-нибудь земли дворовымъ людямъ и крестьянамъ, потерявшимъ оную.

родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе будетъ съ благодарностью вспоминать, откуда ему досталась земля, кто положилъ конецъ его скитальческой жизни и начало, основаніе его благосостоянію. Да, это благодѣяніе покойника будетъ всегдашнею яркою свѣчею, неугасающею лампадою горѣть въ память его.

Къ сожалѣнію, другіе богатые люди — землевладѣльцы поступаютъ иначе: они завѣщаютъ своимъ наслѣдникамъ созидать надъ своими могилами часовни и въ нихъ устраивать видимыя, такъ называемыя неугасимыя лампы или неугасимыя свѣчи; но не слышно, чтобы кто-либо изъ нихъ изъ большихъ своихъ помѣстьевъ пожертвовалъ хоть малѣйшій участокъ земли неимѣющимъ гдѣ головы приклонить дворовымъ людямъ; есть и такіе помѣщики, которые даже бывшимъ своимъ крестьянамъ, трудамъ которыхъ обязаны своимъ благосостояніемъ, не дали никакого земельного надѣла. Разумѣется, въ этомъ случаѣ помѣщики дѣйствовали не силою, а искусствомъ, умѣньемъ. Крестьяне, при своей неграмотности, необразованности тоже что малыя дѣти; изъ нихъ можно сдѣлать все, что угодно грамотному, свѣдущему, умѣлому человѣку. Въ первое время, по освобожденіи изъ крѣпостной зависимости, крестьяне далеко не вполне понимали свое положеніе, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ, иногда изъ опасенія притѣсненій въ пользованіи своею землею, иногда будучи убѣждены, уговорены землевладѣльцами, чаще всего ихъ агентами, подписывали отказъ отъ надѣла землею; иногда же крестьяне отказывались отъ надѣла землею безъ всякаго вліянія со стороны землевладѣльцевъ, по нежеланію платить выкупъ за землю, и по надеждѣ получить ее даромъ, которую поддерживали въ нихъ злонамѣренныя люди, — но вскорѣ послѣ отказа своего крестьяне образумились, увидавъ свое бѣдствіе, и до сихъ поръ не могутъ поправить свое положеніе: они просятъ, умоляютъ, заводятъ процессъ о возвращеніи имъ земли, которую они испоконъ вѣка владѣли, но все напрасно;

только истрачиваютъ свои средства, земля ихъ обыкновенно остается навсегда собственностью землевладѣльцевъ. Такое дѣло конечно согласно буквально съ закономъ, но законно ли оно предъ лицомъ вѣчной правды, которая говоритъ: не пользуйся невѣдѣніемъ ближняго, не дѣлай другимъ того, чего ты не пожелалъ бы себѣ въ ихъ положеніи? Что значитъ крестьянинъ безъ земли? Это несчастнѣйшее существо; это тоже, что птица безъ крыльевъ, рыба безъ воды. Для людей другихъ сословій немѣнѣе, потеря земли не такъ чувствительна; тѣ могутъ изыскать себѣ достаточное содержаніе отъ своихъ занятій безъ своей земли, напримѣръ торговецъ — отъ торговли, ученый, дворянинъ — отъ службы, ремесленникъ — отъ ремесла; но для земледѣльца земля — главный источникъ содержанія: работа на сторонѣ, въ людяхъ, можетъ доставить земледѣльцу только половину его содержанія, или еще того менѣе; гдѣ же взять ему другую половину содержанія, если у него нѣтъ земли? Бѣдность вскрѣ постигаетъ крестьянъ, потерявшихъ землю, и эта бѣдность ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ. Бѣдность эта приноситъ обыкновенные свои горькіе плоды: у крестьянъ обнищавшихъ является огрубѣніе, заглушаются нравственныя требованія; холодъ, голодъ дѣтей толкаетъ ихъ на преступленія, на воровство, обманъ и т. п.; за преступленіями слѣдуютъ наказанія, за наказаніями и ожесточеніе во злѣ.

Поистинѣ достойно великаго сожалѣнія то обстоятельство, что люди, ища спасенія, идутъ къ нему не тѣмъ путемъ и потому не обрѣтаютъ его. Устроеніе часовень, такъ называемыхъ неугасимыхъ лампадъ, свѣчей, въдь это исканіе спасенія, это признается дѣломъ благочестія; но безъ любви и справедливости къ ближнимъ это благочестіе только кажущееся, видимое; съ такимъ благочестіемъ при извѣстныхъ условіяхъ легко можно пасть въ преисподняя ада. О свѣчахъ и лампадахъ у многихъ православныхъ христіанъ составилось неправильное понятіе

Многіе думаютъ, что лампы и свѣчи служатъ искупительною жертвою ихъ грѣховъ или грѣховъ ихъ родственниковъ, и потому возлагаютъ на нихъ надежду, какъ на средство, могущее избавить ихъ или ихъ родственниковъ отъ наказанія за грѣхи. Это заблужденіе; слѣдствіемъ сего заблужденія бываетъ великое зло: коснѣніе во грѣхахъ, нерадѣніе о добрыхъ дѣлахъ. Единственная искупительная жертва за насъ—это Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Свѣча или лампада отнюдь не есть искупительная жертва; свѣча или лампада есть только символъ нашего усердія къ молитвѣ Богу и святымъ Его, есть только знаменіе того, что любовь къ Богу въ сердцѣ нашемъ такъже пламенѣетъ, какъ свѣча предъ иконами. Но можетъ ли быть угодна Богу молитва къ Нему людей, чуждыхъ челоуѣколюбія? Можетъ ли эта молитва быть чиста и безупречна въ томъ, кто поступаетъ несправедливо съ ближними, кто заставляетъ ихъ лить слезы и жаловаться на него Богу? Еще въ Ветхомъ Заветѣ Богъ выражалъ негодованіе на богатыя жертвы людей, руки которыхъ исполнены неправды и крови (Иса. 1, 7—14). Можетъ ли Онъ быть доволенъ молитвою подобныхъ таковымъ христіанъ, и слѣдственно ихъ свѣчами и лампадами? Не говори, что ты зажигаешь свѣчи и лампы въ ознаменованіе своей любви къ Богу; любовь къ Богу безъ любви къ ближнему негодна Богу и невозможна. *Если ты Бога любишь, а брата ненавидишь, это есть ложь.* Богъ таковой любви не пріемлетъ. Если же ты не только не имѣешь христіанской любви и состраданія къ ближнимъ, но даже оказываешь жестокосердіе, несправедливость, дѣлаешь зло ближнимъ, то чѣмъ будетъ твоя свѣча или лампада? Она будетъ дерзкою ложью предъ Богомъ и людьми. Если жарко пылаютъ твои свѣчи и лампы, но отъ дѣлъ твоихъ холодно людямъ, братьямъ твоимъ, то пламень твоихъ свѣчей и лампадъ, не выражая христіанской любви, которой у тебя нѣтъ, не взойдетъ къ небесамъ, а разрѣшится дымомъ въ воздухъ.

Благочестивые слушатели, братіе возлюбленные! мы лю-

бимъ ставить свѣчи и зажигать лампы, мы привыкли къ этому; это хорошо, мы должны дѣлать это, въ знакъ нашего благочестія и набожности, но съ благочестіемъ и набожностію будемъ соединять любовь и состраданіе къ ближнимъ. Будемъ имѣть любовь и милосердіе, тогда вмѣстѣ съ видимыми нашими свѣчами и лампадами будутъ возжигаться невидимыя, духовныя свѣчи и лампы предъ престоломъ Всевышняго и будутъ свидѣтельствовать о нашемъ благочестіи истинномъ, спасающемъ насъ. Видимая свѣча сгоритъ, погаснетъ, но будетъ всегда горѣть на небѣ невидимая свѣча, возженная рукою благочестія и состраданія. Любовь, милосердіе къ ближнимъ есть высшая добродѣтель, а немилосердіе — большой изъ всѣхъ пороковъ. Судія нашъ Иисусъ Христосъ на послѣднемъ судѣ будетъ судить насъ по дѣламъ любви и милосердія: Онъ будетъ воздавать награды или наказанія по тому, накормили или нѣтъ мы алчущаго, напоили или нѣтъ жаждущаго, одѣли или нѣтъ нагаго, дали пріютъ или нѣтъ страннику. Христіане землевладѣльцы, вы дадите пріютъ страннику, накормите алчущаго, напоите жаждущаго, одѣнете нагаго, если дадите хоть малую часть земли изъ своихъ земель, хоть только подъ одну усадьбу бывшимъ дворовымъ людямъ, этимъ жалкимъ странникамъ, не имѣющимъ гдѣ головы приклонить, этимъ алчущимъ, жаждущимъ и наготующимъ людямъ, которые сотнями скитаются около насъ. А вмѣстѣ съ симъ въ лицѣ этихъ бѣдныхъ скитальцевъ вы дадите пріютъ самому Господу Иисусу Христу: таковыхъ бѣдныхъ людей Христосъ признаетъ своими меньшими братьями и сдѣланное имъ добро отнесетъ къ себѣ. *Почнеже*, говоритъ Онъ, *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѡ. 25, 40). Помогая дворовымъ людямъ, да примутъ землевладѣльцы также сердечное участіе въ нуждѣ безземельныхъ крестьянъ, да поспѣшати надѣлать ихъ землею, которой они лишились по своей непредусмотрительности. Этимъ землевладѣльцы покажутъ, что они дѣйствительно христіане, а христіане доб-

рые, которые борются съ искушеніемъ своекорыстія, и готовы дѣлаться добрымъ съ меньшими своими братьями. Миръ, чистое наслажденіе спокойствіемъ совѣсти—и будетъ ихъ наградою въ здѣшней жизни, и послужить залогомъ вѣчнаго блаженства, котораго они сподобятся за свое дѣло, какъ за трудный подвигъ противъ искушенія своекорыстія, за состраданіе къ ближнимъ, за челоуѣколюбіе.

Твое милосердіе, умершій братъ нашъ, пусть будетъ примѣромъ и образцомъ для нашего милосердія, и если ты, по изволенію Бога, будешь имѣть доступъ къ престолу Его, имѣй дерзновеніе молить Его, чтобы Онъ вселилъ въ насъ такое же милосердіе къ ближнимъ, какое ты проявилъ своею щедрою милостынею.

Священникъ Петръ Смирновъ.

с. Кензино,
1874 г. 20 іюля.

РЕЗОЛЮЦІЯ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. На прошеніи священника съ причтомъ о дозволеніи крестьянскому сыну вступить въ бракъ прежде совершеннолѣтія, до котораго не доставало шести мѣсяцевъ, митрополитъ написалъ (19 дек. 1860): „вразумить причтъ, что это не его дѣло. Дозволено священникамъ представлять на разрѣшеніе о бракахъ по предмету родства: это дѣло иное. А просить разрѣшенія при недостаткѣ совершеннолѣтія должны сами желающіе брака или ихъ родители съобъясненіемъ причинъ, которыя священникуне всегда могутъ быть извѣстны“.

2. Крестьянинъ жаловался на діакона съ причетниками, не хотѣвшихъ за малую плату денегъ (3 руб.) согласиться на повѣнчаніе сына его съ такою-то невѣстою. Владыка предписалъ (21 мая 1860: „1) если нѣтъ законнаго препятствія (*по обыску не оказалось*), священникъ имѣетъ совершить бракъ, не останавливаясь за несогласіемъ причта. 2) Если діаконъ и причетники будутъ упорствовать, то священникъ можетъ пригласить причетниковъ отъ сосѣдственной церкви. 3) Отъ діакона и причетниковъ священникъ возьметъ письменныя показанія, по содержанію сего прошенія, и представитъ ихъ при своемъ донесеніи съ возвращеніемъ сего прошенія. 4) Онъ присокупитъ и свое свѣдѣніе, справедливо ли (*нѣтъ*) написанное въ сѣмъ прошеніи о діаконѣ и причетникахъ“.

3. Священникъ съ причтомъ донесъ владыкѣ, что такой-то крестьянинъ желаетъ вступить въ бракъ съ избранною имъ невѣстою, но повѣнчать ихъ опасно безъ особаго разрѣшенія, потому что мать жениха противится сѣму; „намъ же достовѣрно извѣстна незаконная связь означеннаго крестьянина съ его невѣстою“. Владыка положилъ резолюцію (19 апр. 1860): „священникъ неразсудительно пишетъ о незаконной связи крестьянина, потому что изъ сего можетъ возникнуть нареканіе въ нарушеніи тайны

исповѣди. Сдѣлать ему за сіе замѣчаніе и донесеніе оставить безъ послѣдствій“.

4. Крестьянинъ Е—въ просилъ о разрѣшеніи ему вступить во 2-й бракъ, за ссылкою жены его въ Сибирь на три съ половиною года. Имѣя въ виду, что преступница сослана, по рѣшенію уголовной палаты, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и что подобнаго рода лица по 50 ст. 1 ч. XV тома Зак. Уголов. (изд. 1857) сохраняютъ свои семейственныя права, консисторія опредѣлила отказать крестьянину въ прошеніи о расторженіи брака съ женою его Еленою и о дозволеніи ему вступить во второй бракъ. Владыка написалъ резолюцію (22 марта 1860): „1) исполнить. 2) Но случай требуетъ вниманія. Жена сослана; бракъ не расторгенъ; мужу идти за женою конечно не будетъ позволено. Слѣдственно онъ по закону въ супружествѣ, а на дѣлѣ безъ супружества. Консисторіи разсудить, не слѣдуетъ ли представить о семъ Св. Синоду“.

5. 1859, авг. 14. „Если дѣйствительно дѣдъ Корнилій (крестьянинъ) воспитатель Василья (по смерти его матери) и отецъ его отиѣкивается изъявить согласіе на бракъ за тѣмъ только, что требуетъ за сіе денегъ, то можетъ мѣстный священникъ, при неимѣніи другихъ препятствій, совершить сей бракъ по согласію дѣда Корнилія, не требуя согласія отца; и о послѣдующемъ донести съ возвращеніемъ сего“.

6. 1858. Нояб. 10. „Совершить бракъ разрѣшено (8-го числа), со внушеніемъ Ѳедотову (женеху), чтобы долгъ исповѣди исполнилъ въ послѣдствіи безъ долгаго отлагательства. 2) Ф—скій священникъ показалъ, что Ѳедотова и до исповѣди допустить не могъ (еще до 8 числа), по причинѣ имѣвшаго быть вскорѣ бракосочетанія. Но какъ это по справедливости не составляетъ препятствія для исповѣди, то поступокъ священника оказывается безразсуднымъ. Далѣе признается онъ, что за имѣющей быть бракъ взялъ деньги, не имѣя удостовѣренія въ его безпрепятственности *), тогда какъ и при безпрепятственности прежде вѣнчанія не долженъ былъ брать денегъ, въ отвращеніе нареканія въ притязательности. За такыя безпорядочныя поступки священнику N (фамилія) положить въ Клискомъ соборѣ сорокъ поклоновъ“.

*) Деньги вскорѣ возвратилъ, отказавшись отъ повѣнчанія.

7. „Дѣло имѣеть видъ особенный. Чтобы повѣрить архитектурный актъ, на который изъявлено сомнѣніе *), повѣрка поручена тѣмъже людямъ, которые оный составляли. Они составляютъ второй актъ, согласный съ первымъ, какъ и ожидать надлежало. Депутатъ дѣлаеть архитектурное возраженіе **); но онъ не архитекторъ; а приглашенный причтомъ архитекторъ (Томанскій) подписываетъ только, что онъ былъ при томъ. Депутатъ заботится объ успокоеніи прихожанъ: но бывшіе на лицо прихожане не изъявляютъ никакой заботы, а подписываются, что они были при томъ. Поелику со стороны духовнаго начальства употреблены всѣ зависѣвшія отъ него средства къ отвращенію сомнѣнія о безопасности зданія; поелику противъ втораго архитектурскаго акта не сдѣлали возраженія не только прихожане, но и архитекторъ, ими приглашенный: то предоставить причту и прихожанамъ поступить по второму акту, съ возложеніемъ отвѣтственности за безопасность зданія на всѣхъ архитекторовъ (*трос*), бывшихъ при составленіи сего акта. Послѣдняя предосторожность причта должна состоять въ томъ, чтобы приглашенному ими архитектору изъяснить, что онъ былъ приглашенъ не какъ зритель, но какъ знающій дѣло совѣщатель; и потому въ случаѣ, если зданіе не безопасно, ему надлежало изъяснить о томъ свое мнѣніе по праву его знанія, по долгу справедливости и къ оправданію довѣрія пригласившихъ его; и что его невозраженіе по необходимости приѣмлется за его согласіе на актъ, и слѣдственно возлагаетъ и на него отвѣтственность купно съ первыми составителями акта“. (Рез. отъ 20 дек. 1838).

8). „Священникъ говорить, что не знаетъ, по какой причинѣ Бѣлоусовъ (*инвалидный писарь*) обдѣлалъ колодезь (*устроилъ новый срубъ съ шатромъ*), и въ то же время объясняетъ причины сего (*для инвалидовъ солдатъ и*

*) Командированные отъ строительной комиссіи архитекторы, въ актѣ своемъ о ветхостяхъ Иоанно-Богословской церкви, что въ Бронной (трещины въ трибунѣ и стѣнахъ церкви), заключили, что онѣ не опасны, и довольно только зашпатель и штукатурить трещины, не снимая съ церкви угольные главы. Священникъ и прихожане изъяснили сомнѣніе. Надо замѣтить: одна изъ трещинъ, въ три сажени, была исправлена въ 1836 г., и опять появилась, и это въ сводѣ, подъ главою.

**) „Не можетъ быть, чтобы угольные главы не давили свода и не дѣйствовали на разширеніе стѣвъ“. Священникъ Кондорскій.

для того, чтобы колодезь, находящійся въ глубокомъ оврагѣ, не былъ заносимъ снѣгомъ). Благочинный донесъ, что изъ колодезя была взята вода, освящена въ соборѣ (градскомъ), и потомъ опять влита въ колодезь, какъбы для освященія его. Священникъ признается, что освящаль воду, будто бы не зная для чего; но прибавляетъ, что, куда Бѣлоусовъ по освященіи употребилъ воду, ему священнику неизвѣстно. Изъ сего видно, что освященную воду священникъ отдалъ Бѣлоусову. Но какъ нѣтъ обычая освященную воду всю отдавать просившему освященія: то нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія, чтобы священникъ противъ обычая отдалъ оную Бѣлоусову, не спросивъ даже, на что это. И слѣдственно показаніемъ священника подтверждается то, о чемъ доносилъ благочинный. Благочинный донесъ, что на колодезь собираются поселяне, приносятъ доски холста, бросаютъ въ него деньги. Священникъ показалъ, что ему сіе совершенно неизвѣстно. Но какъ колодезь вблизи и въ глазахъ священника, то сіе показаніе слѣдуетъ признать недобросовѣстнымъ. Между тѣмъ священникъ признается, что и до постановки сруба на семь колодезѣ совершались молебны: но сего священникъ безъ особаго разрѣшенія не долженъ былъ дѣлать; и объ оказавшемся къ колодезю набожномъ вниманіи онъ обязанъ былъ донести, но сего не сдѣлалъ. Посему учинить слѣдующее: 1) священника N, за означенные безпорядки и непрямодушные показанія, и для того, чтобы онъ не усиливалъ неосновательныхъ разглашеній о колодезѣ, послать въ Покровскій монастырь на недѣлю со священнослуженіемъ. 2) Церковь и приходъ на сіе время поручить ближайшему. 3) Молебны на семь колодезѣ служить впредь до усмотрѣнія не разрѣшается. 4). Кружекъ при немъ не ставить. 5) Впрочемъ само собою разумѣется, что въ церкви для желающихъ служить молебны не возбраняется *). 6) Благочинному имѣть наблюденіе, будетъ ли собираться на колодезь народъ, въ какомъ количествѣ, и не окажется ли при семь какихъ особенныхъ дѣйствій или разглашеній, и что по наблюденіи окажется, доносить мнѣ еженедѣльно до усмотрѣнія“ (Резол. отъ 31 іюля 1855).

Ар. Г—рій.

*) Заходя въ соборъ, поселяне служили молебны предъ храмовой иконой Успенія Божіей Матери.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

2) *Достодолжный характеръ совершеннѣйшихъ и руководящихъ въ христіанскомъ обществѣ лицъ, съ краткимъ указаніемъ отношеній къ нимъ руководимыхъ.* (5, 26—6, 6).

Хотя не говоритъ прямо св. Апостоль, но образъ рѣчи его наводитъ на мысль, что онъ обращается здѣсь къ предстоятелямъ церквей. Ибо говоритъ: „вы духовные исправляйте согрѣшающихъ, другъ друга тяготы носите...“ Въ послѣднемъ же стихѣ (6, 6), опредѣляетъ отношенія учимаго къ учащему. Исправлять, учить и тяготы другихъ носить, не всякому умѣстно. На это должны быть особья лица; иначе неизбѣжны въ обществѣ нестроенія. Въ Церкви это долгъ предстоятелей. Апостоль Павелъ, гдѣ ни основывалъ церкви, вездѣ ставилъ и пастырей и учителей. Конечно поставлены они были имъ и въ галатійскихъ церквахъ. Къ нимъ онъ теперь и ведетъ рѣчь. Зачѣмъ прямо не назвалъ ихъ? Вѣрно они были виновны въ томъ, противъ чего говоритъ Апостоль. Итакъ, чтобы смягчить обличеніе, онъ говоритъ вообще. А можетъ быть на ряду съ предстоятелями въ томъ же оказались не исправными и другія, выдававшіяся изъ ряду лица. Всѣхъ ихъ подъ общее воззрѣніе и подводитъ св. Павелъ; а между тѣмъ самыя наставленія такого рода, что нѣкоторыми сторонами могли идти и ко всѣмъ вообще христіанамъ.

Совершеннѣйшимъ и руководящимъ говоритъ Апостоль: не тщеславьтесь (5, 26); будьте внимательны къ нуждамъ падающихъ и немощныхъ (6, 1. 2); и сами предъ собою не трубите, считая себя чѣмъ-то (6, 3—5).

Ст. 26. *Не бываемъ тщеславни, другъ друга раздражающе, другъ другу завидяще.*

Тщетной ищутъ славы, когда думаютъ славиться тѣмъ, что не можетъ дать истинной славы, или уловить славу и похвалу стараются у тѣхъ, коихъ похвала и славленіе ничтожны, каковы всѣ вообще люди. Страждущіе этою немощію обыкновенно человѣкоугодливы и намѣренно раздражать кого не охотно рѣшаются. Но самое стремленіе ихъ достигнуть того, чтобъ про нихъ трубили, особенно когда и успѣхъ въ этомъ есть, противъ воли ихъ, вызываетъ зависть въ другихъ и раздражаетъ ихъ противъ нихъ. Равно они сами, когда кто опереживаетъ ихъ въ этомъ пустомъ дѣлѣ, завидуютъ ему и удвояютъ свои усилія. Это состязаніе и словомъ и дѣломъ образуетъ немирность между состязающимися, которая отъ нихъ переходитъ и на соприкосновенныя къ нимъ лица. Братскій союзъ расторгается и обществу грозитъ разложеніе. „Въ тщеславіи скрывается причина многихъ золъ, говоритъ св. Златоустъ; ибо отъ него рождается зависть, а отъ зависти происходятъ безчисленные виды зла“.

Такова общая мысль текста; но если возьмемъ во вниманіе обстоятельства написанія посланія, то она получитъ особый оттѣнокъ, который и даютъ ей нѣкоторые изъ толковниковъ нашихъ. Блаж. Θεодоритъ пишетъ: „Можетъ быть твердые въ вѣрѣ, непрестанно осуждая поколебавшихся, возбуждали споры. Ихъ-то и увѣщаетъ Апостоль подать руку тѣмъ, которые преклонялись къ закону“. Сходно съ этимъ понимаетъ это мѣсто и блаж. Августинъ: „послѣ того, какъ научилъ ихъ, какъ противостоять тѣмъ, которые обманомъ хотѣли подчинить ихъ рабству закона, предостерегаетъ ихъ, чтобъ сдѣлавшись повѣдущіе и имѣя уже силы, какъ должно отвѣчать по-

рицаніямъ плотскихъ людей, не вдались они въ спорливость бесполезную, изъ одного тщеславія, и освободившись отъ ига закона, не стали рабами славолубивыхъ пожеланій“. На этихъ мысляхъ тѣмъ охотнѣе останавливаешься, что слово *раздражающе* по гречески—*προκαλοῦμενοι* значитъ *вызывающе*, что блаж. Теофилактъ изъясняетъ такъ: „другъ друга вызывая къ спорамъ и состязаніямъ, какъ бываетъ на примѣръ, когда кто противнику своему говоритъ: поди-ка, помѣряемся, если есть у тебя столько силы.“

Можетъ быть такая ошибка была уже сдѣлана, когда произошло разномысліе въ общество христіанъ. Тѣ, на которыхъ лежала обязанность блюсти вѣру вѣрующихъ, взглянули на увлекавшихся свысока, и въ защитѣ истинны руководились не любовію къ ней и къ братіямъ соблюдаемымъ, а завистію къ лжеучителямъ, восхищавшимъ будтобы ихъ славу и достоинство. Оттого, можетъ быть, они и трудились въ борьбѣ, но плода не имѣли, а напротивъ только разжигали раздраженіе и увеличивали разладъ. Что-нибудь подобное было. Св. Апостоль долженъ былъ помянуть о томъ и поминаетъ. Но опасаясь, какъ бы прикосновеніе къ сей ранѣ не было слишкомъ чувствительно, онъ и себя ставитъ въ рядъ наставляемыхъ, какъ будто и ему самому былъ нуженъ такой урокъ. *Не бываемъ, говорить, тщеславни, и проч.*

Гл. 6. Ст. 1. *Братіе, аще и впадетъ челоувѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовнии исправляйте такового духомъ кротости, блудый себе, да не и ты искушенъ будеши.*

Какъбы такъ: вотъ какъ вамъ слѣдовало дѣйствовать; но ужъ какъ то прошлое теперь, напередъ положите себѣ правиломъ исправлять падающаго духомъ кротости. „Поелику Галаты (думается—набольшіе, руководящіе), подъ предлогомъ обличенія, отмщевали другимъ за свои страсти, и оболщали себя тѣмъ, что они дѣлаютъ сіе за грѣхъ другимъ, а въ самомъ дѣлѣ желая только утвердить свое

любоначаліе, то Апостоль и говоритъ имъ такъ " (Св. Златоустъ).

Къ кому рѣчь? Къ духовнымъ: *вы духовные*. Кто же эти духовные? По Апостолу, изъ предыдущей рѣчи, всѣ христіане духовны; ибо пріяли Духа благодати и служатъ Богу духомъ и истиною, въ противоположность стихійному служенію іудеевъ и язычниковъ. Слѣдовательно Апостоль хочетъ, чтобы всѣ исправляли всѣхъ? Но этого ни въ какомъ обществѣ не бываетъ. Невозможно ожидать, чтобы изъ устъ Ап. Павла изошло такое правило. Возьмемъ другой оборотъ: христіане всѣ пріяли Духа и должны быть истинно духовны; но какъ проявленіе Духа въ силѣ открывается не вдругъ, а требуетъ извѣстнаго труда, а слѣдовательно и времени, то естественно, что между христіанами не всѣ были таковы, которыхъ духовность была явна и въ силѣ, и которыхъ собственно слѣдуетъ, называть духовными. Итакъ не этихъ ли совершеннѣйшихъ разумѣетъ Апостоль? Поставь всякой себя на это мѣсто, и рѣши: рѣшился ли бы кто взять на себя дѣло исправленія другихъ, когда это не поручено? Надо полагать, нѣтъ. Итакъ вѣроятнѣе, что св. Павелъ подъ духовными разумѣетъ здѣсь тѣ лица, которымъ онъ поручилъ смотрѣть за другими и блюсти среди вѣрующихъ и вѣру и жизнь по вѣрѣ. Они конечно были совершеннѣйшіе между всѣми; но долгъ исправлять падающихъ лежалъ на нихъ не ради ихъ совершенства, а ради апостольскаго избранія на это дѣло, сопровождавшагося у св. Павла обычно рукоположеніемъ.

Изъ многихъ дѣлъ, лежащихъ на такихъ лицахъ, Апостоль останавливается на одномъ, какъ они должны относиться къ падающимъ. Этого требовали обстоятельства галатскихъ церквей и, можетъ быть, ошибки самыхъ сихъ лицъ.

Съ какою нѣжностію относится св. Павелъ къ падающимъ?! Возможны и тяжкія паденія; но онъ папередъ уже располагаетъ къ снисхожденію и къ нимъ, называя всѣ

паденія случайными поскользновеніями, не отъ злаго намѣренія исходящими, а отъ увлеченія и насилія сторонняго, т.-е. или грѣха, живущаго въ насъ, или врага нашего спасенія. Ибо говоритъ: *аще упадетъ*—*προληφθη*, схваченъ будетъ, увлеченъ нечаянно, прежде чѣмъ сообразить дѣло какъ должно. „Не сказалъ: сдѣлаетъ пѣкое прегрѣшеніе, а *προληφθη*, т.-е. увлеченъ будетъ въ какой-нибудь грѣхъ“ (Св. Златоустъ). Въ томъ же духѣ и самый грѣхъ названъ онъ *παράπτωμα*—мимоходное, случайное паденіе, поскользнутіе.

Таковыми глазами учить Апостоль смотрѣть на прегрѣшенія другихъ, чтобы не упредила возбудиться немилостивая неразумная ревность, а напротивъ срѣтилъ и обнялъ падшаго духъ снисхожденія, состраданія и любви. Когда это есть, тогда легко выполнить заповѣдь Апостола: *исправляйте такового духомъ кротости*. Не говоритъ: вниманія не обращайтесь, какъ будто тотъ ничего не сдѣлалъ. „Не сказалъ опять: наказывайте, или осуждайте, но *исправляйте*. Однако и на семъ не остановился, но желая показать, что имъ должно быть крайне снисходительными къ согрѣшающимъ, прибавляетъ: *духомъ кротости*“ (Св. Златоустъ).

Въ духѣ кротости—и смиреніе, и состраданіе, и благо-разуміе, и ревность о спасеніи заключается. Блаж. Иеронимъ пишетъ: „заповѣдуетъ Апостоль мужу духовному при исправленіи согрѣшающаго пользоваться духомъ кротости, чтобы не съ строгостію, не съ гнѣвомъ и огорченіемъ обращался къ нему, а любовію призывалъ его, указуя спасеніе и обѣщая прощеніе словами Самаго Христа Господа, Который всѣхъ обремененныхъ грѣхами призываетъ подъ иго Свое благое и бремя Свое легкое, да научатся, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ и обращуть покой душамъ своимъ (Мѡ. 11, 29). Можно представить въ возраженіе намъ то, что пишется къ Коринтянамъ: *что дощете? Съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (1 Кор. 4, 21)? Если

тамъ говорить, что идетъ къ грѣшникамъ не въ духѣ кротости, а съ палицею: то какъ здѣсь къ тѣмъ, кои предвосхищены будутъ въ какой-либо грѣхъ, велить онъ обращаться не съ палицею, а съ духомъ кротости? Но тамъ рѣчь идетъ къ тѣмъ, кои по учиненіи грѣха, не чувствуя своей виновности, не хотѣли подчиниться своимъ наибольшимъ и покаянiемъ исправиться. А тамъ, гдѣ грѣшникъ, разумѣя свою рану, предасть себя врачу на уврачеваніе, не палица нужна, а духъ кротости. Можно и такой еще предложить вопросъ: если исправлять другаго въ духѣ кротости должно изъ опасенія, не быть бы самому искушену, то праведникъ, увѣренный въ своей твердости, зная, что можетъ не пасть, будто уже и не долженъ исправлять другаго въ духѣ кротости? На это скажемъ, что праведникъ, хотя бы и сознавалъ себя побѣдителемъ, еще большее окажетъ снисхожденіе къ грѣшнику, зная, съ какимъ трудомъ самъ онъ одолеваетъ страсти. И Спаситель того ради искушенъ былъ во всемъ подобно намъ, кромѣ грѣха, чтобы могъ спострадать и споболѣть немощамъ нашимъ, зная опытно, какіе труды несутъ смертныя во плоти. (Такъ и здѣсь). Кто до старости пребылъ дѣвственникомъ, тотъ безъ сомнѣнія окажетъ снисхожденіе тому, кто иногда увлечется жаромъ юности, зная, подъ какими трудностями самъ прошелъ возрастъ тотъ“.

Этой рѣчи продолженіемъ могутъ служить слова блаж. Августина на наше мѣсто: „Ничто такъ не доказываетъ чьей-либо духовности (совершенства жизни духовной), какъ то, какъ онъ трактуетъ грѣхи другаго, именно, когда онъ, въ этомъ случаѣ, замышляетъ, какъ бы поскорѣе освободить его отъ грѣха, а не накинуться на него, какъ бы помочь, а не укорами осыпать, и не только замышляетъ, но тотчасъ и приступаетъ къ дѣлу, сколько есть силъ. Сказавши: *исправляйте дугомъ кротости*, Апостоль внушилъ, чтобъ не думалъ кто, что исправляетъ, какъ должно, когда безжалостно истязуетъ грѣшника, насмѣхается надъ нимъ, съ гордостію отвращается отъ него, какъ буд-

то отъ неисправимаго. Почему и прибавилъ: *блудый себе, да не и ты искушенъ будешь.* Ибо ничто такъ не располагаетъ къ милосердію, какъ видѣніе собственной своей опасности (если не будетъ оказано милосердіе). Впрочемъ Апостоль не того хочетъ, чтобъ не дѣлалось братьямъ никакого исправленія, а чтобъ чрезъ это не распространился разладъ. Миръ и любовь да хранятся въ сердцѣхъ, по сознанию одинаковой для всѣхъ опасности грѣха; а образъ исправительной бесѣды, т.-е., когда строже говорить, когда ласковѣе, долженъ быть сообразуемъ съ тѣмъ, какъ того требуетъ спасеніе исправляемаго. Въ другомъ мѣстѣ говорить Апостоль: *рабу Господню не подобаетъ свариться, но тиху быти ко всѣмъ, учителю, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя* (2 Тим. 2, 24. 25). Чѣмъ показали, что и отъ исправленія погрѣшностей другаго отказываться не должно и совершать это съ кротостію. А съ кротостію какъ будешь исправлять, если не растворяя, въ исправительномъ словѣ, горечи врачевства сердечною участливостію и нѣжностію? И никогда не должно браться за дѣло врачеванія согрѣшающаго, если напередъ, съ строгими допросами испытавши свою совѣсть, какъ предъ Богомъ, не удостовѣримся, что приступаемъ къ сему въ духѣ любви. Потому, когда душа твоя огорчена чѣмъ-либо отъ исправляемаго, а ты надѣешься еще какъ-нибудь уврачевать его, не говори ему ничего, пока самъ прежде не уврачуеться, чтобъ иначе не прорвалось горькое слово въ видѣ отмщенія и языкъ твой не оказался орудіемъ неправды грѣху (Рим. 6, 13). Что ни скажешь ты въ духѣ огорченнаго, то будетъ нападка наказующаго, а не любовь исправляющаго. Люби, и говори что хочешь“.

Блудый себе, да не и ты искушенъ будешь. „Ты чловѣкъ, природа твоя удобоизмѣняемая, соболѣзнуй о томъ, кто одержимъ недугомъ“ (Θεοδωριτѣ). „Чтобъ исправляющій другаго не возгордился, онъ устрашаетъ и его опасностію подобнаго паденія. Какъ богатые подають

бѣднымъ милостыню, чтобы, если имъ самимъ придется впасть въ бѣдность, получить тоже отъ другихъ: такъ должно дѣлать и намъ. И согрѣшающаго защищаетъ во-первыхъ словами: аще и впадетъ (*πρὸ ληρῶν*, увлеченъ будетъ), которыми указываетъ на великую помощь души; во-вторыхъ словами: *да не и ты искушенъ будеши*, обвиняя болѣе искушеніе демонское, нежели нерадѣніе души“ (Св. Златоустъ).

„Въ искушеніи побѣждену быть или побѣдить, въ нашей состоитъ власти; но чтобы искушаему быть, это зависитъ отъ произвола искушающаго. Если и Спаситель былъ искушаемъ, кто можетъ быть увѣренъ, что безъ искушеній преплыветъ море жизни сей?“ (Иеронимъ).

Но въ словахъ: *да не и ты искушенъ будеши*, кажется, у Апостола, представляется опасность паденія, подобнаго паденію исправляемаго. Не прираженіе только грѣха предуказываетъ онъ: ибо объ этомъ что говорить, когда и безъ того всякъ знаетъ, что не свободенъ отъ него,—но самое паденіе въ грѣхъ. Кто бываетъ немилосердъ къ согрѣшающему, того оставляетъ благодать за это и онъ падаетъ. Опыты этого повсюдны. Если стоитъ кто, да не забываетъ, что то есть Божія милость. Милуемому же что приличнѣе какъ не милованіе другаго? И чѣмъ скорѣе потеряетъ онъ милость, какъ не немилостивостію къ другимъ? „Въ жизни отцевъ пустынныхъ не рѣдко встрѣчаемъ, что тѣ изъ нихъ, которые слишкомъ сурово выскивали съ учениковъ за погрѣшности, сами подвергаемы были опасности паденія, отъ коей избавлялись не иначе, какъ по сознаниіи своей неправости и раскаяніи въ томъ“ (Филаретъ Черниговскій).

Это говоритъ Апостоль духовнымъ, тѣмъ, у коихъ дѣйственность (энергія) духа начала проявляться уже въ силѣ. Какъ онъ не опредѣляетъ мѣры духовности, въ коей сіе возможно, а говоритъ вообще о духовныхъ, то надо видѣть здѣсь удостовѣреніе, что какъ бы кто ни являлся облагодатствованнымъ, для него возможно не только иску-

шеніе, но и паденіе отъ искушенія. Есть сказаніе, какъ врагъ преслѣдовалъ одного святаго, и покушался возбудить въ немъ самомнѣніе, даже на пути мытарствъ, крича въ слѣдъ его: побѣдилъ ты меня; но святой не отвѣчалъ ему ничего. Уже когда миновалъ онъ всѣ мытарства и вступилъ въ свѣтлую область Божію, сказалъ онъ: теперь вижу, что побѣдилъ, но все же не я, а благодать Божія во мнѣ.

Ст. 2. *Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.*

Первое побужденіе къ милостивости къ согрѣшающимъ взялъ Апостоль изъ опасности собственнаго паденія, а другое беретъ изъ общаго закона: *другъ друга тяготы носить*, вытекающаго прямо изъ закона любви и служащаго блажайшимъ его проявленіемъ. Апостоль говоритъ какъ бы наибольшимъ: если на всѣхъ лежитъ долгъ другъ друга тяготы носить, тѣмъ паче на васъ, которые на то и избраны, чтобы быть всѣхъ слугами, и это значить не только тяготы носить, но и желанія ихъ исполнять. Но если вы не хотите такого являть совершенства въ отношеніяхъ къ братьямъ, держитесь по крайней мѣрѣ крайняго въ семъ предѣла—носите тяготы другихъ на ряду со всѣми.

Наши толковники преимущественно этотъ общій законъ и разъясняютъ. Теодоритъ пишетъ: „одинъ недостатокъ имѣешь ты, а другаго не имѣешь. Онъ же напротивъ не имѣетъ недостатка, какой имѣешь ты, но имѣетъ другой. Ты переноси его недостатокъ, а онъ пусть переноситъ твой. Такимъ образомъ исполняется законъ любви. Ибо любовь назвалъ Апостоль закономъ Христовымъ. Христовы это слова: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга*“ (Іоан. 13, 14).

Вотъ слова св. Златоуста: „Послику не возможно, будучи человѣкомъ, прожить безъ пятна, то Апостоль убѣждаетъ не быть строгими судіями погрѣшностей другихъ, но терпѣливо сносить недостатки ближнихъ, дабы и са-

мимъ другіе сносили ихъ недостатки. Тотъ вспыльчивъ, а ты сонливъ и вяль: сноси его вспыльчивость, чтобы и онъ сносилъ твою вялость и сонливость. Такимъ образомъ, подавая другъ другу руку помощи, когда угрожаетъ опасность паденія, исполняйте законъ общими силами, восполняя каждый недостатки ближняго своимъ терпѣніемъ. Если же не будете такъ поступать, а всякій станетъ только судить дѣла ближняго, то вы никогда не достигнете того, чего достигать должны (дѣятельной взаимной любви)“.

Блаж. Иеронимъ примѣняетъ свое толкованіе и къ тогдашнему состоянію галатскихъ христіанъ. „Тяготы—грѣхи суть, какъ свидѣтельствуешь псалмопѣвецъ: *яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Пс. 37, 5). Это бремя понесъ за насъ Спаситель, Своимъ примѣромъ научая насъ, какъ и мы должны поступать. Онъ неправды наши носить и о насъ болѣзнуетъ (Ис. 53), и обремененныхъ грѣхами призываетъ подъ легкое бремя добродѣтели (Мѡ. 11, 30). Итакъ кто не отчаяваясь въ спасеніи брата, подастъ ему руку потребной помощи и, сколько можетъ, плачетъ съ плачущимъ, изнемогаетъ съ немощнымъ и своими почитаетъ грѣхи чужіе, тотъ чрезъ такую любовь исполняетъ законъ Христовъ. Кто не имѣетъ милостиности и не облеченъ во утробы щедротъ и состраданія, тотъ, хотя бы и духовный былъ, не исполняетъ закона Христова. Но надобно намъ это мѣсто сообразить съ предыдущимъ. Въ семъ отношеніи Апостоль говоритъ какъ бы: если кто немощенъ въ вѣрѣ и еще млекою младенческимъ питается, и не можетъ такъ скоро отъ подзаконной жизни перейти къ духовнымъ таинствамъ, вы сильнѣйшіе снесите тяготу его, чтобы иначе чрезъ ваше званіе не погибъ братъ, за котораго Христосъ умеръ“.

Ст. 3. *Аще кто мытитъ себе быти что, ничтоже сый, умома лъститъ себе.*

Въ этомъ и слѣдующихъ двухъ стихахъ врачуетъ Апостоль самомнѣніе духовныхъ руководителей, которое обыч-

но раждается отъ того, когда помышляя о себѣ, сличаютъ себя не съ нормою, къ которой должны подходить, а съ немощами другихъ. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „симъ низложилъ кичливость надмевающихся какими-либо малыми преспѣваніями“.

Кто думаетъ, что онъ что-нибудь значить, какое-нибудь имѣеть совершенство, вѣсь и достоинство, тотъ погрѣшаетъ уже тѣмъ, что такъ думаетъ. Ибо что бы ни имѣлъ онъ, все не его. И естественные дары Божіи суть, тѣмъ паче благодатные. Итакъ воздаждь славу Богу. Самъ ты по себѣ ничто и въ бытіи и въ совершенствахъ. То, что ты еси, благодатию Божіею еси. Что же и мечтать?

Умомъ, говорить, льститъ себе. Самъ себя обманываетъ, не право направляя и истолковывая свидѣтельство о себѣ собственнаго своего сознанія. Если есть что въ комъ, того нельзя скрыть отъ сознанія; но стань разбирать, какъ оно есть, и въ такой ли мѣрѣ есть, какъ слѣдовало бы ему быть, то найдешь въ этомъ не предметъ самовозношенія, а побужденіе къ самоосужденію, яко лукаваго раба и въ маломъ невѣрнаго. Если приложить къ сему сознанію имѣемаго сознаніе недостающаго, и тѣмъ паче сознаніе того въ себѣ, чему бы совсѣмъ и не слѣдовало быть; то гдѣ тутъ устоять паутинному сплетенію самомнѣнія предъ возгорающимся отъ того огнемъ самообличенія? Если утвердить въ себѣ такое на себя воззрѣніе; то никогда не будетъ мѣста самомнѣнію. И не покажется оно; а если и покажется, тотчасъ отбѣжитъ, гонимо будучи совѣстнымъ самоосужденіемъ. Если такимъ образомъ бываетъ, что иной мнитъ себя быти что, то потому, что не потрудился хорошо опредѣлить, сколько онъ ничтоженъ въ себѣ, и впадаетъ въ этотъ грѣхъ по льщенію ума, которому обычно кичиться. „Такое легкомысліе Апостоль и выставяетъ первымъ свидѣтельствомъ ничтожности такого лица“ (Св. Златоустъ).

Ст. 4. *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ.*

„Если хочешь похвалиться, то размотри свою жизнь, и если найдешь достойною похвалы, хвались о себѣ, если только должно тебѣ это сдѣлать“ (Феодоритъ). „Здѣсь Апостолъ показываетъ, что намъ должно быть судьями своей собственной жизни, изслѣдуя содѣланное нами, и не слегка, но со тщаніемъ. Такъ если ты сдѣлалъ добро, смотри, не по тщеславію ли ты сдѣлалъ оное, не по нуждѣ ли, не по лицемѣрію ли, или другой какой причинѣ человѣческой? Ибо какъ золото, хотя кажется блестящимъ и прежде, чѣмъ положено будетъ въ огонь, но совершенно познается на огнѣ, по отдѣленіи всякой примѣси отъ чистаго золота; такъ и наши дѣла тогда только откроются въ настоящемъ видѣ, когда со тщаніемъ будемъ испытывать ихъ; тогда увидимъ, что и мы сами за многое повинны осужденію“ (Св. Злат.).

Можно здѣсь разумѣть не каждое только дѣло въ частности, но вообще дѣло всей жизни. Дѣло жизни—дѣло спасенія въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. То, что вѣруемъ въ Господа, что по вѣрѣ получаемъ благодать въ таинствахъ въ помощь на жизнь по вѣрѣ или исполненіи заповѣдей Господнихъ, это сдѣлано однажды навсегда, по домо-строительству спасенія, и составляетъ начало дѣла содѣванія спасенія. И мы въ семъ дѣлѣ состоимъ, если сознаемъ, что имѣемъ ревность къ нему и усердно трудимся надъ нимъ. Конечно и это надо изслѣдовать, такъ ли все тутъ, какъ слѣдуетъ быть, таковъ ли нашъ нравственно-религіозный строй, какому слѣдуетъ быть въ христіанствѣ. Но все изслѣдованіе этимъ однимъ нельзя ограничить. Въ этомъ только снаряженіе себя на дѣло спасенія; а насколько сдѣлано самое дѣло сіе, по этому не узнаешь. Надо, какъ поминалось, имѣть въ умѣ норму совершенства христіанской жизни и съ нею сличать свою. Храмовоздатель имѣетъ планъ храма, и по немъ строитъ храмъ, и видитъ, такъ ли идетъ зданіе, и насколько оно выполнило планъ. Такъ и для жизни христіанской есть свой всеобъемлющій чертежъ. Сознай его, наведи на свою жизнь,

и увидишь, насколько подвинулось дѣло твоего собственнаго спасенія.

Скажетъ кто: но вѣдь это слишкомъ общее правило, и потому неопредѣленно. Его можно свести на очень опредѣленное и осязательное. Припомнимъ, что человекъ, по творенію, есть тварь очень хорошая—богоподобная. Но пришелъ эгоизмъ со страстями, и все въ немъ перепачкалъ, переломалъ и разстроилъ. Выгони все это вонъ, и станешь, какъ созданъ, и будешь спасенный. Чтò самость, и чтò страсти, всякій знаетъ. Такъ вотъ и смотри,—насколько умалился въ тебѣ самолюбіе и страсти, настолько подвинулось и твое дѣло спасенія. Тутъ нельзя отказываться неопредѣленною указаніемъ: дѣла страстей осязаемы. Но какъ ихъ много, то чтобъ не запутаться, Апостоль, какъ видѣли, всѣ ихъ сводитъ подъ двѣ главныя—похотливость и раздражительность. Если серчаешь, если похотствуешь чего, если привязанъ къ чему тварному, такъ что другимъ дотронуться до того нельзя; то у тебя сердце страстное, и дѣло спасенія твоего подъ сомнѣніемъ. Этого рода указанія можно встрѣчать поминутно.

Надобно еще различать при этомъ дѣла страстныхъ внѣшнихъ, страстныхъ движенія внутреннія, и главное—отношеніе къ нимъ свободы и произволенія и еще больше—сердца. Можно не дѣлать страстныхъ дѣлъ, а внутренне волноваться страстями. Это почти одно и то же, если есть и услажденіе страстями. Внутри, въ отношеніи къ страстямъ бываетъ помысль, сочувствіе, влеченіе, склоненіе. Со склоненія начинается путь страсти. Влеченіе, сочувствіе, помысль могутъ быть невольны. Свободное произволеніе можетъ не допускать себя до склоненія; но влеченія все будутъ показываться, и сочувствія вырваться, и помыслы проторгаться. Когда разумно-свободное произволеніе держитъ правило—никакъ не склоняться на внушенія страстей, и не склоняется дѣйствительно, выдерживая свой постъ чрезъ борьбу внутреннюю; тогда это рѣшительный знакъ, что лицо такъ настроенное вступило на путь спа-

сенія и идетъ по нему. Но если онъ чувствуетъ при этомъ внутри не помыслы только страстные, но и вырывающіяся сочувствія къ нимъ и влеченія; то должно сознать и сознавать, что умъ или духъ его сталъ и стоитъ не на своемъ мѣстѣ, и душа и сердце еще нечисты, въ нихъ еще пребываютъ задатки или залежи страстей. Это похоже на то, когда городъ заперся и отбивается отъ враговъ, но внутри его кроются измѣнники. Слѣдовательно дѣло только начато, и невидно, подвинулось ли оно впередъ. Вотъ признаки его движенія впередъ: постоянствомъ и рѣшительною неуступчивостію въ брани внутренней достигается сначала то, что влеченія умяются начинаютъ, а потомъ и совсѣмъ кончаются: это первый стадій. Затѣмъ и сочувствія умяются и совсѣмъ прекращаются: это — второй стадій. А когда въ сердцѣ начнетъ появляться мерзене, непріязнь и гнѣвъ противъ самыхъ помысловъ страстныхъ; то это будетъ третій стадій, окончательный. Это знакъ, что руда расплавилась и все чуждое ей выбросила изъ себя. По этимъ признакамъ очень вѣрно можно опредѣлять всякому свое дѣло спасенія, идетъ ли оно, и какъ идетъ, и насколько продѣлано. Очень не трудно замѣтить, какъ при взглядѣ на предметъ страсти или при помыслѣ о немъ, прорывается изъ сердца сочувствіе къ нему. Такъ, когда это замѣтишь, знай, что страсть живетъ въ сердцѣ; если живетъ страсть въ сердцѣ, то сердце нечисто; если же оно нечисто, то гдѣ ему мѣсто въ другой жизни? Разсуди все это, и тогда похвались въ себѣ, если языкъ повернется.

И тогда въ себѣ тоцію хваленія да имать, а не во иномъ. Какая мысль? Если такъ: самъ въ себѣ предъ собою похвались, а не предъ другимъ; то это будетъ противорѣчить тому, что выше сказано: *аще кто мнитъ себе быти что, ничтоже смѣи, умома лѣститъ себе.* Ибо хвалить себя предъ собою и есть считать себя чѣмъ либо. При такой мысли Апостоль благопріятствовалъ бы самоуниженію, между тѣмъ какъ онъ противъ него-то и воору-

жается въ этомъ мѣстѣ. Прямѣе такъ: бери себѣ похвалу не изъ сравненія себя съ немощами немощнаго брата, а изъ сличенія себя съ нормою совершенства христіанскаго. Если по строгомъ изслѣдованіи, ты найдешь, что отвѣчаешь той нормѣ, то похваленіе имѣй въ этомъ соотвѣтствіи, а не въ томъ, что другой сколько-нибудь немощнѣе тебя. Такъ сказалъ Апостоль, прикрывая свое намѣреніе. Похвалиться мы всѣ охочи. Апостоль бѣдо не отмѣняетъ этого, а указываетъ только способъ, какъ можно дойти до справедливаго и вѣрнаго похваленія въ себѣ. Способъ же предложилъ такой, что стань по немъ себя опредѣлять, то никогда не придется тебѣ похвалиться, а скорѣе посредствомъ его будешь держать себя въ постоянномъ самоукореніи. Ибо если Апостоль говорилъ о себѣ, что онъ не достигъ еще, а только стремится къ тому, чтобы достигнуть; то кто посмѣетъ сказать о себѣ, что достигъ уже? А если не посмѣетъ, чѣмъ хвалиться?

Св. Златоустъ—*во иномъ*—разумѣетъ: *предъ другимъ*, и мысль Апостола выражаетъ такъ: не хвались предъ другимъ, а самъ въ себѣ. Намѣреніе же, говоритъ, у Апостола то, чтобъ отбучить сначала хвалиться предъ другими, а когда кто отъ этого отвыкнетъ, то перестанетъ хвалиться и предъ собою. „Сими словами Апостоль не правило предписываетъ, а только изъявляетъ снисхожденіе, какбы такъ говоря: хвалиться не хорошо; а если хочешь хвалиться, то не предъ ближнимъ, кзкъ фарисей. Ибо кто научится не хвалиться предъ ближнимъ, тотъ скоро перестанетъ хвалиться и въ себѣ. Потому онъ и дѣлаетъ имъ сіе снисхожденіе, чтобы мало по малу наконецъ уничтожить въ нихъ зло. Ибо привыкшій хвалиться только въ себѣ, а не въ другихъ, скоро исправитъ и этотъ недостатокъ. Потому что, кто не считаетъ себя лучше другихъ (сіе значать слова—*не во иномъ*), но хвалится только собою, разсматривая себя одного: тотъ перестанетъ наконецъ и это дѣлать. А что Апостоль точно сію цѣль имѣлъ въ виду, это можешь видѣть изъ того, какъ онъ смиряетъ

такого страхомъ, и напередъ сказавъ: *дѣло свое да искушаетъ кійждо*, и въ слѣдъ за симъ прибавивъ: *кійждо свое бремя понесетъ*. Дѣлаетъ видъ, будто даетъ заповѣдь, возбраняющую хвалиться въ другомъ; а между тѣмъ въ тоже время исправляетъ хвальногаго, чтобы онъ и о себѣ не думалъ много, приводя его въ сознание своихъ собственныхъ грѣховъ и поражая его совѣсть наименованіями *бремени и ношенія*“.

Ст. 5. *Кійждо бо свое бремя понесетъ*.

„Не любопытствуй знать чужія дѣла. Ибо каждый изъ насъ отдастъ отчетъ въ собственныхъ своихъ грѣхахъ“ (Θеодоритъ). „Что хвалишься супротивъ ближняго? И ты и онъ (равно) понесете (на судъ) свои бремена, и тогда искусится дѣло каждаго. Такъ что, поелику и ты имѣешь бремя,—и тяжелое, то ни супротивъ другаго не хвались, ни самъ въ себѣ не труби о своемъ добродѣланіи“ (Θеоф.). „Повидимому это противно сказанному выше: *другъ друга тяготы носите*: ибо если всякій свое бремя понесетъ, то другъ друга тяготы носить уже нельзя. Но тамъ предписывается, чтобы мы грѣшныя въ этой жизни сносили другъ друга и другъ другу помогали; а здѣсь говорится о судѣ надъ нами Господа, что не по грѣхамъ другаго, и не по сравненію насъ съ худшими, а по собственному нашему дѣлу (труду всей жизни) признаетъ Онъ насъ грѣшными или святыми: по дѣлу сему всякій получить и воздаяніе“ (Блаж. Иеронимъ).

Говоря такъ, Апостоль ставитъ вниманіе каждаго предъ лицомъ суда Божія. Займи этимъ умъ, забудешь выситься надъ другими, забудешь и въ себѣ самомъ трубить о себѣ. Ибо судъ Божій не то, что судъ человѣческій. Онъ можетъ рѣшить совсѣмъ противно нашему суду и сознанию: ибо видитъ насъ глуше, нежели мы сами. Рѣшеніе же Божія суда таково, что перерѣшенія ему не жди. Оно наложить печать на участь твою, которая во вѣки вѣчныя останется неизмѣнною. Итакъ если рѣшеніе это таково, мы же сами о себѣ вѣрнаго предрѣшенія въ свою пользу

составить не можемъ; то лучше и не предрѣшать, а имѣя сей страхъ невыгоднаго для насъ рѣшенія на судѣ, будемъ паче и паче ревновать о дѣланіи дѣлъ и настроеніи сердца,—такихъ, которымъ по неложному слову Господа не предрекается осужденіе,—задняя забывая, въ предняя же простираяся.

Память о судѣ — наисильнѣйшее средство не только противъ самомнѣнія и возношенія, но и противъ всякой другой страсти и противъ всякаго помысла страстнаго. О семь всѣ святые подвижники внушали, и въ урокахъ своихъ урокъ о памятованіи суда ставили вопервыхъ, на ряду съ памятованіемъ о Богѣ вездѣсущемъ и всевѣдущемъ.

Ст. 6. Да общается же учайся словеси учащему во всѣхъ ближнхъ.

Доселѣ, съ 5, 26 до 6, 5, давалъ Апостоль наставленія совершеннѣйшимъ, духовнымъ, руководящимъ и учащимъ. Въ этомъ же стихѣ даетъ урокъ учащимся и руководимымъ. Не полное имъ наставленіе даетъ, а только одно — объ удѣленіи учащимъ отъ своихъ видимыхъ благъ. Вѣрно эта одна сторона и требовала напоминанія, въ отношеніяхъ Галатовъ къ своимъ предстоятелямъ церковнымъ. Θεодоритъ пишетъ: „здѣсь предписываетъ Апостоль учителямъ принимать надлежащія услуги отъ обучаемыхъ. И сіе дѣло называетъ общеніемъ, и повелѣваетъ, чтобы наслаждающіеся духовнымъ дѣлились за то плотскимъ“. Тоже и блаж. Іеронимъ: „смыслъ словъ сихъ таковъ: поелику выше предписалъ онъ духовнымъ, впадающихъ въ какое-либо прегрѣшеніе исправлять духомъ кротости и другъ друга тяготы носить, во исполненіе закона Христова: то теперь въ соотвѣтствіе тому, повелѣваетъ тѣмъ, кои еще немощны и плотяны, еще ученики суть, чтобы, какъ сами они пожинаютъ отъ учителей духовное, такъ учителямъ своимъ доставляли плотское; ибо они, посвятивъ себя всѣхъ на прѣсвѣщеніе другихъ божественнымъ ученіемъ,

должны конечно нуждаться въ потребностяхъ житейскихъ, т.-е. въ пищѣ, одеждѣ, кровѣ“.

Св. Златоустъ останавливаетъ вниманіе болѣе на томъ, чего ради Господу угодно было поставить учителей и учениковъ христіанскихъ въ такое другъ къ другу отношеніе. „Здѣсь Апостолъ говоритъ уже за учителей, чтобы наставляемые усердно служили имъ въ содержаніи. Но для чего Христосъ поставилъ такой законъ? Ибо въ новомъ завѣтѣ дѣйствительно есть законъ, чтобы *проповѣдающимъ благовѣствованіе отъ благовѣствованія жизни* (1 Кор. 9, 14). И въ ветхомъ завѣтѣ левиты получали большія приношенія отъ народа. Для чего же Онъ и установилъ сіе? Прежде всего для того, чтобы дать побужденіе къ смиренію и любви. Поелику учительское достоинство часто надмеваетъ имѣющаго оное; то Христосъ, чтобы смирить самолюбіе учителя, поставилъ его въ необходимость имѣть нужду въ помощи наставляемыхъ имъ; и взаимно симъ послѣднимъ даетъ случай быть благоподатливѣе, и чрезъ услужливость учителямъ научаетъ быть благосклоннѣе и къ другимъ; чѣмъ хотѣлъ вмѣстѣ возбудить и взаимную любовь въ тѣхъ и другихъ. *Да общается, говорить, учайся словеси учащему*, т.-е. долженъ быть щедръ для него во всемъ; ибо на сіе указывая сказали: *во всѣхъ благихъ*. Ученикъ не долженъ считать ничего, говорить, своею собственностію; у него все должно быть обще съ учителемъ. Ибо онъ получаетъ больше, нежели даетъ, и тѣмъ больше, чѣмъ небесное выше земнаго. О семъ говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ такъ: *аще мы духовная съяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ* (1 Кор. 9, 11)? Когда учитель, имѣя нужду, проситъ и беретъ у тебя необходимое для жизни; то чрезъ это не теряетъ своего достоинства. Ибо и то не малая похвала учителю, когда онъ такъ усерденъ къ проповѣди, что имѣеть нужду въ помощи другихъ, терпитъ крайнюю бѣдность, и презираетъ все житейское“.

Епископъ Теофанъ.

МОНОФИЗИТСТВО И IV ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ.

II. Соборъ разбойничій 449 года.

Лжевселенскій соборъ 449 г. Созваніе его по мысли Евтихія.—Положеніе, какое должны были принять сторона православныхъ и сторона еретиковъ, но указамъ, на предположенномъ соборѣ.—Дѣянія собора: коварная тактика Діоскора.—Евтихій въ качествѣ обвинителя.—Монофизитство собора.—Оправданіе Евтихія.—Кривосудъ и осужденіе Флавіана.—Судьба представителей православія.—Насильства Діоскора.—Мысли папы Льва о монофизитскомъ ученіи и соборѣ.

Императоръ Θεодосій младшій, созвавшій соборъ въ 431 году для рассмотрѣнія догматическихъ споровъ св. Кирилла Александрійскаго съ Несторіемъ—III вселенскій, по случаю новыхъ споровъ въ Церкви касательно вѣроученія, поднятыхъ архимандритомъ Евтихіемъ рѣшается созвать новый соборъ въ 449 году. По намѣренію этотъ соборъ долженъ былъ быть вселенскимъ, какъ и соборъ 431 года; онъ имѣлъ составиться изъ представителей — іерарховъ всѣхъ главнѣйшихъ церквей того времени: въ немъ должны были принять участіе (и приняли) и архіепископъ столицы, и епископы Θракіи, Македоніи, Греціи, Малой Азіи, Сиріи, Палестины, Египта, и самый Римъ въ лицѣ легатовъ папскихъ; но въ дѣйствительности этотъ соборъ сталъ разбойничьимъ *), т.-е. такимъ, который не соответствовалъ интересамъ Церкви и вѣры: онъ вмѣсто истиннаго ученія

*) Соборъ 449 года названъ былъ именемъ *разбойничьяго* въ первый разъ современникомъ его папою Львомъ Великимъ; съ тѣхъ поръ это названіе осталось за соборомъ навсегда въ исторіи.

церковнаго защищалъ и провозгласилъ лжеученіе монофизитское и ознаменовалъ себя насиліями въ отношеніи къ приверженцамъ православія.

Мысль созванія собора для изслѣдованія неодинаковыхъ догматическихъ возрѣній о лицѣ Богочеловѣка и образѣ соединенія въ Немъ двухъ естествъ: божескаго и человѣческаго,—возрѣній Евтихія и представителей церкви, принадлежала сторонѣ еретичествующей. Ободряемый тою дѣятельною поддержкою при дворѣ и у императора, какую нашелъ Евтихій здѣсь тотчасъ послѣ собора Константинопольскаго 448 года, осудившаго его, Евтихій для окончательнаго торжества надъ своими врагами и для рѣшительнаго успѣха своего лжеученія, испрашиваетъ у императора созванія собора вселенскаго (Дѣян. т. III, стр. 196). И вотъ едва прошло четыре мѣсяца послѣ осужденія Евтихія, какъ императоромъ Θεодосіемъ объявлено было созваніе общецерковнаго собора для разсмотрѣнія и изслѣдованія спорныхъ вопросовъ вѣроученія и для пересмотра опредѣленій Константинопольскаго собора 448 года по дѣлу Евтихія. Уже въ апрѣлѣ 449 года императоръ окончательно рѣшился собрать соборъ. Волею императора, человѣка слабого и безхарактернаго, въ настоящемъ случаѣ руководилъ прежде упомянутый нами евнухъ и министръ Хрисаѳій, другъ Евтихія и недругъ архіепископа Флавіана. Такъ какъ первоначальная мысль созванія собора вселенскаго выходила отъ партіи Евтихіевой, то многіе изъ главнѣйшихъ представителей православія въ современной Церкви, какбы предчувствуя, какимъ позоромъ покроетъ себя этотъ соборъ, весьма несочувственно относились къ созванію его. Архіепископъ Флавіанъ ожидалъ отъ этого собора только новыхъ смуть и безпорядковъ въ Церкви (Дѣян. III. 33). Папа Левъ считалъ соборъ дѣломъ излишнимъ и замѣчалъ, что „по разумнымъ причинамъ можно было бы удержаться отъ созыванія собора“ (Дѣян. III, 63. 64). И другіе знаменитые мужи Церкви не ждали добра отъ собора (напр. блаж. Θεодоритъ).

Тѣмъ не менѣе соборъ, къ своему собственному стыду, состоялся. Напередъ можно было видѣть, что соборъ кромѣ зла ничего не припесеть Церкви. Въ самомъ дѣлѣ всѣ императорскіе указы и высочайшія посланія, выданные предъ открытіемъ собора и касающіеся этого собора, ясно давали знать, чѣмъ долженъ былъ быть собираемый соборъ. Предсѣдательство, и притомъ полномочное, на соборѣ поручается человѣку совершенно не благонадежному, архіепископу Александрійскому Діоскору *). Діоскоръ по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ былъ вполне родственъ съ Евтихемъ, хотя до времени и не обнаруживалъ этого ясно (Дѣян. III. 144). Онъ былъ въ связяхъ съ внукомъ Хрисаоемъ, другомъ Евтихія и полномочнымъ правителемъ имперіи въ то время, а потому естественно и дворъ и императоръ должны были принять сторону не Флавіана, а Діоскора **). Діоскоръ тѣмъ охотнѣе долженъ былъ поддерживать сторону Евтихія, что по всей вѣроятности и онъ подобно многимъ другимъ архіепископамъ александрійскимъ (напр. Теофилу, ознаменовавшему себя постыдною борьбою съ св. Златоустомъ) съ завистію смотрѣлъ на быстрое возвышеніе архіепископской катедры Константинопольской надъ всѣми другими катедрами Востока, а потому былъ не прочь въ лицѣ Флавіана архіепископа столицы унизить достоинство и честь самой катедры Константинопольской***). Таковъ былъ Діоскоръ, и однакожь онъ по высочайшему повелѣнію назначался главнымъ вождемъ собора. Высочайшее посланіе адресованное на имя Діоскора гласило: „мы почли необходимымъ послать тебѣ грамоту, въ которой объяв-

*) Подробную характеристику нравовъ Діоскора мы предложимъ ниже, когда будемъ говорить о судѣ надъ Діоскоромъ на соборѣ Халкидонскомъ.

***) Теофанъ. Хронографія (edit. Migne cursus patr. Graeca ser. t. CVIII, стр. 260).

****) Подобную догадку дѣляетъ Гефеле въ „Исторіи соборовъ“ (Band 2, s. 331, Ausgabe 1856).

ляемъ всему собору, что мы предоставляемъ тебѣ власть и первенство предъ всѣми прочими участвующими въ соборѣ“ (Дѣян. III, 158). Понятно, какъ мало можно было ожидать истинны и безпристрастія отъ собора, руководительство котораго не безъ намѣренія поручено было евтихіанину. Что касается до стороны православной, то указами, изданными еще до собора, ей предписывалось положеніе на соборѣ страдательное, а не дѣятельное, и даже стѣснительное и угнетенное. Архіепископъ Флавіанъ, глава православныхъ на востокѣ, долженъ былъ явиться на соборъ скорѣе въ качествѣ подсудимаго, чѣмъ полноправнаго члена его. На это указываютъ императорскіе указы и высочайшія посланія какъ косвенно, такъ и прямо. Одинъ указъ напр. говорилъ: „такъ какъ нынѣ опять возбуждено новое недоумѣніе касательно св. вѣры, то мы опредѣлили быть въ Ефесѣ собору, поспѣшая совершенно уничтожить корень зла“ (Дѣян. III. 154). Какъ легко было примѣнить этотъ указъ противъ Флавіана, который не соглашался съ Евтихіемъ въ ученіи вѣры, и какъ легко было подъ искорененіемъ зла понять именно искорененіе воззрѣній Флавіана! Или другое высочайшее посланіе гласило: „тѣмъ, которые осмѣлились говорить съ цѣлію или прибавить или убавить что-либо въ опредѣленіяхъ о вѣрѣ, постановленныхъ въ Никеѣ и потомъ въ Ефесѣ, мы не позволяемъ совершенно имѣть голоса на соборѣ и подчиняемъ ихъ вашему (Діоскорову) суду“ (Дѣян. III. 159). Опять: какъ легко было и этимъ мѣстомъ высочайшаго посланія воспользоваться во вредъ Флавіану! потому что не было ничего проще какъ представить, что Флавіанъ хотѣлъ что-либо прибавить или убавить въ рѣшеніяхъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ. Но кромѣ этихъ выраженій изъ высочайшихъ указовъ и посланій, косвенно указывающихъ на неблагоприятное положеніе, какое должна была занять на соборѣ сторона православныхъ—въ лицѣ Флавіана, въ разсматриваемыхъ документахъ есть прямая указанія, направленные противъ Флавіана и его дѣла.

„Такъ какъ архіепископъ Флавіанъ, говорилось въ одномъ указѣ, захотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о вѣрѣ противъ архимандрита Евтихія и собравши совѣтъ, началъ что-то дѣлать, то мы нѣсколько разъ относились къ этому епископу, желая воспрепятствовать возбужденному беспорядку; но хотя мы многократно убѣждали его оставить такое изслѣдованіе, чтобы это неслѣдалось причиною беспорядковъ во всей вселенной, однакожь онъ не успокоился“; поэтому, разсуждалось въ указѣ, „мы сочли необходимымъ собрать соборъ, дабы искоренить весь дьявольскій корень“ (Дѣян. III. 157). Могъ ли, спрашиваемъ, ожидать себѣ добра Флавіанъ на предполагавшемся соборѣ, въ силу подобныхъ указовъ? И не долженъ ли былъ онъ считать свое дѣло, а съ нимъ вмѣстѣ и дѣло православныхъ, напередъ предрѣшеннымъ, и притомъ совершенно не въ свою пользу? Императорская власть, руководимая такими врагами православія, какъ Хрисаөій, постаралась даже сколько возможно ослабить сторону православныхъ на соборѣ, устранивъ отъ собора наиболѣе ревностныхъ изъ нихъ. Такъ поступилъ императоръ съ блаженнымъ Осодоритомъ епископомъ Кирскимъ, этимъ проницательнымъ врагомъ монофизитства, умѣвшимъ оцѣнить опасность этого новаго ученія на самыхъ первыхъ порахъ развитія онаго. Въ высочайшемъ посланіи, адресованномъ къ Діоскору, читаемъ: „Осодориту Кирскому мы повелѣваемъ не прежде придти на соборъ, какъ когда угодно будетъ всему собору, чтобы и онъ присутствовалъ на немъ. Если же возникнетъ какое-либо разногласіе касательно сего, то мы повелѣваемъ безъ него собраться собору и рѣшить то, что повелѣно“ (Дѣян. III. 148). Это устраненіе Осодорита отъ собора совершается подъ предлогомъ склонности его къ несторіанству (Дѣян. III. 158). Оно было условное, но равнялось безусловному, какъ скоро возьмемъ во вниманіе, кто былъ предсѣдателемъ собора; могъ ли Діоскоръ допустить присутствованіе на немъ Осодорита, ревностнѣйшаго приверженца правосла-

вія? Между тѣмъ какъ сторона православныхъ на соборѣ, вопреки всякой справедливости, ослаблялась, партія монофизитская на немъ всячески усиливалась по волѣ императорской. Такъ вызванъ былъ къ присутствованію на соборѣ указомъ съ правомъ голоса архимандритъ Варсума изъ Сиріи, хотя по канонамъ онъ не могъ быть членомъ собора, ибо таковыми были лишь епископы. Онъ вызванъ потому, говорилъ указъ, что онъ вмѣстѣ съ другими архимандритами „ведетъ борьбу противъ нѣкоторыхъ восточныхъ епископовъ, зараженныхъ нечестіемъ Несторіа“ (Дѣян. III, 152. 153), т.-е. попросту противъ епископовъ православныхъ, которыхъ монофизитствующіе обзывали именемъ Несторіанъ за то, что они вопреки Евтихію допускали во Христѣ два естества по воплощеніи (это видно изъ Дѣян. III, 157). Но со всѣмъ этимъ мы еще не достаточно оцѣнимъ всѣ выгоды, какія должна была имѣть на своей сторонѣ партія монофизитская на соборѣ, если не укажемъ еще на тѣ широкія полномочія, которыя давались императорскимъ свѣтскимъ чиновникамъ Елпидію и Евлогію въ дѣлахъ этого собора. „Если усмотрите, что кто-нибудь начинаетъ возмущеніе или беспорядки (на соборѣ) въ оскорбленіе святой вѣрѣ“, такъ говорилось въ инструкціи императорскому чиновнику Елпидію, — „такового отдать подѣ стражу“ (Дѣян. III. 154). Само собою разумѣется, что партія преобладающая на соборѣ и притомъ имѣющая на своей сторонѣ свѣтскую власть, могла воспользоваться противъ членовъ противной стороны и этимъ правомъ сколько угодно; а такова именно и была партія Діоскора и Евтихіа. „Притомъ, говорилось далѣе въ инструкціи, тѣ, кто прежде судилъ архимандрита Евтихіа, должны присутствовать и молчать на соборѣ, не имѣя званія судей, но ожидать общаго мнѣнія всѣхъ прочихъ отцевъ, потому что нынѣ обсуждается то, что опредѣлено было прежде самими ими“ (Дѣян. III, 155). То-есть назначался неправедный судъ, въ которомъ подсудимый не могъ ни слова сказать въ свою защиту; говорить въ свою пользу и въ

свое оправданіе значило бы для стороны Флавіана нарушать императорскую волю и слѣдовательно попасть подъ стражу. Наконецъ инструкція говорила: „мы послали вамъ (Елпидію съ Евлогіемъ) помощь *гражданскую*, выдавши пужный приказъ проконсулу, и на другіе случаи помощь *воинскую*; для того, чтобы вы при своемъ собственномъ стараніи и при этихъ вспомогательныхъ средствахъ въ состояніи были выполнить порученное вамъ (т.-е. охраненіе интересовъ вѣры), что настолько же выше всѣхъ прочихъ благъ, насколько божественное выше человѣческаго“ (Дѣян. III, 155). Можно судить, какова будетъ свобода рѣшеній и дѣйствій на соборѣ, когда одна изъ сторонъ имѣла въ своемъ распоряженіи даже военную силу. Богохульствомъ отзываются слова этого указа о томъ, что божественное выше человѣческаго, когда христіанское ученіе вѣры устанавливается и опредѣляется мечемъ солдатъ!

При такихъ условіяхъ, неблагопріятныхъ для стороны православныхъ и выгодныхъ для стороны еретичествующихъ, открывается соборъ въ Ефесѣ въ 449 году, извѣстный въ церковной исторіи подъ страшнымъ именемъ разбойничьяго собора. Соборъ открылъ свои засѣданія въ храмѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи (Дѣян. III, 164), гдѣ происходили незадолго предъ тѣмъ и засѣданія III вселенскаго собора. Днемъ открытія его былъ день 8 августа *). Число участвовавшихъ въ немъ отцевъ можно приблизительно полагать между 122—130 (Дѣян. III, 164—8; 191) **). Дѣянія собора состояли въ слѣдующемъ. Послѣ предварительнаго прочтенія нотаріемъ (т.-е. секретаремъ) пресви-

*) Сколько дней продолжался и сколько имѣлъ засѣданій соборъ, остается неизвѣстнымъ.

**) Главнѣйшими представителями на немъ, кромѣ Діоскора Александрійскаго и Флавіана Константинопольскаго, были: западный епископъ Юліанъ вмѣстѣ съ пресвитеромъ Ренатомъ и діакономъ Иларіемъ, представлявшіе лицо папы Римскаго, Домнъ антиохійскій, Ювеналій Іерусалимскій и Оалассій Кесарійскій въ Каппадокіи.

теромъ Іоанномъ нѣкоторыхъ документовъ относящихся до открытія собора, императорскій уполномоченный Елпидій сказалъ, обращаясь къ собравшимся отцамъ, рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ: „нынѣ Господь всяческихъ и Богъ Слово Спаситель отдаетъ Себя вамъ на судъ (!) и судящихъ терпитъ и удостоиваетъ васъ власти высказывать свои мнѣнія, дабы нашедши, что вы судите о Немъ правильно, и здѣсь удостойтъ васъ чести и опять исповѣдать предъ Отцемъ. Если вы найдете, что нѣкоторые отрицали отъ помышленія цѣлость благочестія..., лучше бы имъ было, какъ говоритъ писаніе, еслибы они не родились“ (Дѣян. III, 176). Затѣмъ нѣкоторыми членами собора заявлено было, что слѣдуя императорской волѣ, прежде всего нужно начать разсужденія о вѣрѣ. На это Діоскоръ замѣтилъ: не о вѣрѣ собственно нужно вести разсужденія, потому что вѣра уже утверждена прежними соборами, а нужно изслѣдовать: согласны или нѣтъ съ объясненіями св. отцевъ вновь возникшія мнѣнія. „Каноны, говоритъ онъ, и соборы опредѣлили ясно вѣроученіе, ихъ мы не должны преступать. Когда возникли нѣкоторые вопросы въ Церкви, императоръ велѣлъ собраться собору не для того, чтобы излагали вѣру, которая уже изложена св. отцами, но чтобы мы изслѣдовали поднятые вопросы, согласны ли они съ опредѣленіями св. отцевъ нашихъ“. „Или вы хотите обновить вѣру святыхъ отцевъ?“ съ затаенными цѣлями, но съ видомъ глубокаго благочестія спрашивалъ Діоскоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что устраняя пренія о вѣрѣ на соборѣ, Діоскоръ хотѣлъ поставить дѣло такъ, чтобы соборъ было лишь судилищемъ надъ архіепископомъ Флавіаномъ, какъ вводившимъ какое-то новое вѣроученіе сравнительно съ тѣмъ, какого держались отцы соборовъ Никейскаго и Ефесскаго. Соборъ на послѣднее замѣчаніе Діоскора: не хочетъ ли онъ, соборъ, чрезъ разсужденія обновить вѣру отцевъ, отвѣчалъ: „если кто обновитъ вѣру, тотъ анаѳема; если кто поколеблетъ, тотъ анаѳема“ (Дѣян. III, 177—178). Между тѣмъ Діоскоръ старается все болѣе и

болѣе возбудить негодованіе собора на тѣхъ, кто измѣняетъ вѣру; это опъ дѣлать съ тою цѣлію, чтобы пользуясь возбужденнымъ негодованіемъ собора на измѣняющихъ вѣру, подвести и Флавіана подъ категорію такихъ нововодителей въ вѣрѣ и осудить. Поэтому Діоскоръ, выдавая себя за ревностнаго охранителя цѣлости и неприкосновенности вѣры, говорилъ еще: „вѣра утверждена въ Никееѣ и Ефесеѣ, и хотя говорятъ два собора, но они содержатъ одну вѣру. Если кто вопреки ученію и дѣяніямъ отцевъ собиравшихся въ Никееѣ и Ефесеѣ будетъ изыскивать, или переслѣдовать, или перестраивать вѣру, да будетъ анаѣема. Если Св. Духъ присутствовалъ съ отцами, какъ и дѣйствительно Онъ присутствовалъ и опредѣлялъ то, что ими опредѣлено, то перестраивающій это упраздняетъ благодать Святаго Духа“. Слущая подобныя рѣчи предсѣдателя собора, и быть можетъ, не замѣчая въ нихъ никакой задней мысли, соборъ восклицалъ: „кто нарушаетъ эти постановленія, тотъ анаѣема! Діоскоръ—великій стражъ вѣры! это слова Св. Духа. Ты стражъ правилъ! Черезъ тебя имѣютъ жизнь отцы!“ (Дѣян. III, 181—2). Трудно впрочемъ предположить, чтобы эти восклицанія были единодушными; трудно предположить, чтобы напр. Флавіанъ и его сторонники могли восклицать о Діоскорѣ, что онъ „стражъ правилъ“. По всей вѣроятности это были отдѣльные голоса епископовъ—монофизитовъ, приписанные всему собору *).

Подготовивъ такимъ образомъ соборъ къ рѣшеніямъ не

*) На соборахъ обыкновенно епископы имѣли при себѣ секретарей (нотаріи), которые и записывали все, что говорилъ епископъ, при которомъ тотъ или другой секретарь состоялъ. Изъ свода этихъ записей составлялся оффиціальный документъ: „дѣянія соборныя“. На соборѣ, о которомъ мы говоримъ, епископамъ не изъ партіи Діоскора запрещено было имѣть при себѣ нотаріевъ. Отсюда въ „дѣянія“ не могли войти замѣчанія и рѣчи епископовъ православныхъ, а вошли лишь замѣчанія и рѣчи епископовъ—приверженцевъ Діоскора. См. объ этомъ ниже.

въ пользу Флавіана и его сторонниковъ, Діоскоръ приступилъ къ разсмотрѣнію ученія и дѣла Евтихія. Позванъ былъ на соборъ Евтихій. Первыя уже слова, съ которыми обратился Евтихій къ собору, показывали, что онъ считалъ соборъ единомысленнымъ съ собою. Онъ сказалъ: „я поручилъ себя Отцу, Сыну и Святому Духу, и васъ имѣю свидѣтелями своей вѣры, за которую я подвизался вмѣстѣ съ вами“ (Дѣян. III, 183). Затѣмъ онъ приступилъ къ объясненію своего исповѣданія вѣры; для сего онъ представилъ двѣ письменныя статьи. Здѣсь говорилось: „благодарю всеблагаго Бога, въ настоящій день, въ который благочестіе чрезъ васъ получило право свободной рѣчи (не такъ говорилъ Евтихій на соборѣ Константинопольскомъ 448 года), и увѣдомляю соборъ о томъ, что случилось со мною ради вѣры. Хотя я съ самаго дѣтства далъ обѣтъ жить въ уединенномъ молчаніи до самой старости и уклоняться отъ всякаго смятенія, однакожь мнѣ не удалось исполнить такого обѣта: я подвергся навѣту за то, что я по опредѣленію здѣшняго (Ефесскаго) собора не согласился мудрствовать противъ вѣры, изложенной отцами въ Никеѣ“ (Дѣян. III, 184). Замѣтимъ, что это начало исповѣданія Евтихіева, предложеннаго собору, ясно даетъ понять, что Евтихій вполне былъ убѣжденъ въ благопріятномъ для себя исходѣ его дѣла на этомъ соборѣ. Иначе чѣмъ объяснить, что Евтихій вмѣсто того, чтобы оправдывать и защищать себя, въ приведенныхъ нами словахъ исповѣданія своего скорѣе выступаетъ въ качествѣ обвинителя на Флавіана? Очевидно, имъ сосчитаны были всѣ шансы въ свою пользу. Далѣе въ своемъ исповѣданіи Евтихій, не высказываясь прямо о томъ, какъ онъ учитъ о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, приводитъ въполяѣ символъ вѣры Никейскій, утверждаетъ, что онъ твердо держится постановленій собора Никейскаго и Ефесскаго, говоритъ, что онъ прокликаетъ еретиковъ Манеса, Валептина, Аполлинарія, Несторія и всѣхъ начиная съ Симона волхва (Дѣян. III, 185. 186. 188). И потому рѣшительно

переходить къ обвиненіямъ на Флавіана и на собранный этимъ противъ него соборъ. Онъ жаловался, что хотя Евсевій Дорилейскій и обзывалъ его въ обвинительномъ актѣ еретикомъ, но прямо не указывалъ никакого вида ереси Евтихіевой для того будто бы, чтобы воспользоваться ошибками языка его, Евтихіа, во время преній и обвинить его въ какомъ-либо заблужденіи; жаловался на то, что соборъ Константинопольскій, хорошо зная обѣщаніе Евтихіа не выходить изъ монастыря, вызывалъ его для судебного разбирательства въ тѣхъ расчетахъ, чтобы осудить его, какъ человѣка непослушнаго Церкви, когда онъ не явится на соборъ; жаловался, что, когда противъ ожиданія Флавіанова онъ предсталъ однакожь на соборъ, ему не дали ничего высказать въ свое оправданіе, не дали произнести его исповѣданія вѣры: „судилище наполнилось шумомъ и волненіемъ,—клеветалъ Евтихій; весьма многіе начали беспорядочно тѣсниться и со всѣхъ сторонъ оглушали меня криками“; и прежде чѣмъ, говорилъ Евтихій, хоть что-либо онъ успѣлъ прочесть изъ своего исповѣданія, „вдругъ прочитано было осужденіе противъ меня, составленное заранѣе“. Евтихій доносилъ также собору о томъ, что будто дѣянія собора Константинопольскаго, судившаго его, были впослѣдствіи передѣланы ко вреду для него. „Итакъ прошу теперь, говорилъ Евтихій въ заключеніе своего исповѣданія, обсудить и возведенную на меня клевету и неправду, и происшедшее отъ этой причины безпокойство во всѣхъ церквахъ, и возникшій отсюда для многихъ соблазнь, предать виновниковъ всего этого церковнымъ наказаніямъ, и вырвать всякій корень хуленія и нечестія“ (Дѣян. III, 193—96). Читая эти слова Евтихіева исповѣданія, трудно съ перваго раза опредѣлать: кто это говоритъ—обвиненный ли, какимъ былъ Евтихій? Но подобныя слова не причисляются ему, какъ обвиненному; судья ли? Но таковымъ Евтихій вовсе не былъ. Послѣ того, какъ прочтаны были статьи исповѣданія Евтихіева, Флавіанъ потребовалъ-было, чтобы для надлежащаго об-

сужденія дѣла Евтихія вызванъ былъ предъ лице собора и Евсевій Дорилейскій, который, какъ обвинитель, долженъ былъ представить свои обвинительные пункты противъ Евтихія. Но императорскій чиновникъ Елпидій не дозволилъ этого, сказавъ: „императоръ повелѣлъ прѣшнимъ судьямъ стать въ ряду подсудимыхъ и не имѣть права голоса. Отцы собора теперь собрались, чтобы судить судей; но не такъ, чтобы вызвано было снова лице обвинителя и тѣмъ подавъ былъ поводъ къ волненію“ (Дѣял. III, 197—199). Въмѣсто того, чтобы, выслушавъ одну изъ сторонъ, Евтихіеву, выслушать и противоположную сторону Евсевія Дорилейскаго, Елпидій распорядился, чтобы прочтены были лишь дѣянія собора Константинопольскаго и обсуждены.

При чтеніи этихъ дѣяній во всемъ свѣтѣ обнаруживаются монофизитскія убѣжденія какъ предсѣдателя собора, такъ и большей части засѣдавшихъ съ нимъ епископовъ. Когда читались указанные дѣянія и когда дѣло дошло до того мѣста въ нихъ, гдѣ говорится: „мы вѣруемъ въ Единаго Господа Иисуса Христа въ двухъ естествахъ послѣ воплощенія и воспріятія плоти отъ св. Маріи; кто мудрствуетъ иначе, того объявляемъ чуждымъ церкви“: при чтеніи этихъ словъ изъ дѣяній соборъ или, лучше сказать, партія Діоскурова подняла страшный шумъ. Посыпались съ разныхъ сторонъ замѣчанія, клонившіяся къ обвиненію въ срединѣ защитниковъ православія. Одни говорили: „Никто не признаетъ Господа за двухъ послѣ соединенія; не раздѣляй нераздѣлимаго,—такъ мудрствуетъ Несторій“. Діоскоръ съ своей стороны еще сдержанно замѣтилъ: „помолчите пемного, выслушаемъ другія хулы. Зачѣмъ мы обвиняемъ Несторія, Несторіевъ много“. Другіе говорили: „изъ прочитаннаго мы замѣчаемъ, что здѣсь изложена другая вѣра, отличная отъ той, которая изложена въ Никеѣ и Ефесѣ“. Одинъ изъ епископовъ даже прямо провозгласилъ: „если подобная вѣра имѣетъ свое начало въ этихъ дѣяніяхъ, то аваеема тѣмъ, которые дали такое начало для

нея“ (Дѣян. III, 23). Но полный взрывъ негодованія монофизитствующаго собора противъ православія проявился въ особенности при чтеніи того вопроса въ дѣянiяхъ константинопольскихъ, который заданъ былъ Евсеіемъ Евтихію, именно: „исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенiя“? Многіе изъ членовъ собора закричали при этомъ: „возьмите, зажгите Евсеіа, пусть онъ живой горитъ, пусть онъ обратится въ двухъ; какъ раздѣлилъ онъ Христа, пусть онъ самъ раздѣлится“ (Дѣян. III, 282). Діоскоръ почелъ эту минуту негодованія собора на Евсеіа самою благопріятною для открытаго заявленія своего монофизитскаго воззрѣнія и для признанія его, какъ истиннаго ученія, со стороны членовъ собора. Онъ обращается къ собору съ слѣдующими словами: „Терпимо ли для васъ это выраженіе, гдѣ говорится о двухъ естествахъ послѣ воплощенiя“? Соборъ воскликнулъ: „анаѡема тому, кто говоритъ это“. Діоскоръ потомъ сказалъ: „такъ какъ я имѣю нужду въ вашихъ голосахъ, то кто не можетъ кричать, тотъ пусть подниметъ руку“. Соборъ снова провозгласилъ: „если кто говоритъ о двухъ, анаѡема“ (Дѣян. III, 283).

Такимъ образомъ теперь на соборѣ Ефесскомъ ученіе монофизитское утверждено; православіе поправно. Діоскоръ торжествовалъ. Оставалось еще формально признать виновность Евтихіа и осудить Флавіана. Этимъ дѣломъ занятъ и занимается соборъ.

Діоскоръ послѣ признанія соборомъ монофизитскаго ученія, уже вполне увѣренный въ счастливомъ исходѣ дѣла Евтихіева, предлагаетъ собору такой вопросъ: „можно ли признать Евтихіа православнымъ и что надлежитъ постановить о немъ“? Не менѣе 114 голосовъ высказалось въ пользу Евтихіа, объявили его православнымъ и возстановили его въ достоинствѣ архимандрита и санѣ пресвитера. Премудре другихъ высказались за Евтихіа Ювеналій іерусалимскій, Домнъ антиохійскій (Дѣян. III, 366 и д.). Замѣтимъ, что хотя императоръ и лишилъ права голоса на соборѣ тѣхъ, кто судилъ Евтихіа въ Константинополѣ,

однакожь въ числѣ 114 членовъ собора, оправдавшихъ Евтихія, находимъ и голоса трехъ епископовъ бывшихъ на соборѣ константипольскомъ (ibid); они приняты въ счетъ потому конечно, что это были голоса за Евтихія, а не противъ него.

По оправданіи Евтихія настала для собора очередь суда надъ архіепископомъ Флавіаномъ. Для большаго успѣха въ подобномъ дѣлѣ, конечно по заранѣ составленному плану, явилось на соборѣ нѣсколько монаховъ изъ монастыря Евтихіева съ самыми несправедливыми жалобами на Флавіана. Лишь только кончился судъ надъ Евтихіемъ, какъ нотарій Іоаннъ заявилъ собору, что монахи Евтихіева монастыря представили свою челобитную. Діоскоръ велѣлъ принять ее и прочитать. Въ ней говорилось: „Флавіанъ осыпалъ клеветами и хулами нашего пастыря Евтихія и подъ видомъ благочестія нашель несправедливый предлогъ къ его осужденію въ томъ, что онъ не богохульствуетъ вмѣстѣ съ нимъ вопреки опредѣленіямъ вѣры, которую изложили соборы Никейскій и Ефесскій; намъ же приказаль избѣгать своего пастыря и не говорить съ нимъ, а монастырское имущество, подъ предлогомъ помощи бѣднымъ, велѣлъ беречь для самаго себя, ибо онъ торговалъ имъ. И самый алтарь, жаловались монахи, который онъ, Евтихій, водрузилъ за 5 мѣсяцевъ до измышленнаго навѣта, стоитъ безъ божественнаго жертвоприношенія.. Мы же сами были связаны несправедливымъ его осужденіемъ“ и пр. „Поэтому умоляемъ вашъ соборъ, говорилось въ прошеніи, сжалиться надъ нами потерпѣвшими такое несправедливое наказаніе, возратить намъ церковное общеніе, несправедливо отнятое, а ему Флавіану, совершившему это, воздать должное“ (Дѣян. III, 405—8). Замѣтимъ, что прошеніе подано отъ лица всѣхъ монаховъ Евтихіева монастыря, т.-е. отъ лица трехъ сотъ человекъ, и однакожь въ подписяхъ значится подпись лишь 35 монаховъ (Дѣян. III, 409—11). Знакъ, что здѣсь дѣло было не совсѣмъ чисто. Вслѣдствіе этого прошенія монахи

снова приняты въ церковное общеніе Діоскоромъ и его соборомъ; а самый актъ сдѣлался для Діоскора сильнымъ доказательствомъ преступности Флавіана, что соборъ и поставилъ своею цѣлю доказать. Впрочемъ однимъ этимъ Діоскоръ неудовольствовался для осужденія Флавіана: онъ рѣшился выставить послѣдняго нарушителемъ постановленій III вселенскаго собора, именно обвинить его въ нововведеніи касательно вѣры. Еще съ самаго начала дѣяній собора, какъ мы видѣли, Діоскоръ усиленно старался возбудить негодованіе отцевъ на тѣхъ, кто позволяетъ себѣ измѣненія и переизслѣдованія вѣры; теперь Діоскоръ принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы возбужденное негодованіе собора обратить прямо противъ Флавіана. Онъ приказываетъ прочесть опредѣленія собора Ефесскаго вселенскаго. Когда кончилось это чтеніе, Діоскоръ сказалъ: „думаю, всѣмъ правится никейское опредѣленіе вѣры, которое соборъ Ефесскій утвердилъ и опредѣлилъ содержать его одно. Мы знаемъ, что отцы этого послѣдняго собора постановили: если кто вопреки этому будетъ говорить или мудрствовать или вводить новое, тотъ подвергается осужденію. Что вы думаете объ этомъ? Можемъ ли мы изслѣдовать или вводить новое вопреки этому? Если кто-либо изслѣдовалъ свыше того, что сказано, опредѣлено и одобрено, не будетъ ли онъ по всей справедливости подлежать осужденію отцевъ? Пусть каждый скажетъ, того ли онъ мнѣнія“ (Дѣян. III, 411—12. 458—9). Нужно сказать, Діоскоръ въ своихъ видахъ измѣнилъ смыслъ того постановленія III вселенскаго собора, о какомъ у него въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь: постановленіе запрещало измѣненіе символа вѣры, а Діоскоръ истолковывалъ его какъ рѣшительное запрещеніе всякаго богословствованія. Послѣдовало собраніе голосовъ; епископы высказались въ томъ смыслѣ, что измѣнять и разрушать вѣру противно правиламъ Никейскаго и Ефесскаго собора. Діоскору оставалось теперь сдѣлать одинъ шагъ и самый послѣдній, примѣнить постановленіе

III вселенскаго собора противъ Флавіана. Нѣкоторые епископы на соборѣ догадывались уже, куда клонить свою рѣчь Діоскоръ. Такъ одинъ изъ нихъ позднѣе на соборѣ халкидонскомъ заявлялъ, что какъ скоро Діоскоръ привелъ указанное постановленіе III вселенскаго собора, онъ говорилъ потихоньку сидѣвшимъ близъ него епископамъ: „правило это читается не для чего инаго, какъ для осужденія архіепископа Флавіана“ (Дѣян. III, 362). Дѣйствительно это была правда. Едва кончилось собраніе голосовъ по данному вопросу, какъ Діоскоръ всталъ съ своего мѣста и предложилъ примѣнить ефесское правило къ Флавіану и Евсеію Дорилейскому. Онъ выразилъ свое мнѣніе такъ: „Флавіанъ и Евсеій, какъ это ясно видитъ соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими въ вѣрѣ и подали поводъ къ соблазну и и смятенію въ святыхъ церквахъ и всему православному народу. Ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ церковнымъ. Поэтому мы присуждаемъ Флавіана и Евсеію на лишеніе епископскаго и священническаго достоинства“. Монофизитская партія собора единодушно поддержала это мнѣніе, и Флавіанъ съ Евсеіемъ были лишены своего достоинства церковнаго (Дѣян. III, 463—4 465 и др.). Потомъ Флавіанъ былъ изгнанъ (Дѣян. III, 95) и въ изгнаніи умеръ. Въ этомъ смыслѣ Евсеій Дорилейскій называлъ позднѣе Діоскора убійцею Флавіана (Дѣян. III, 243). Самъ Евсеій Дорилейскій также, нужно полагать, не мало потерпѣлъ бѣдъ послѣ собора, какъ это видно изъ того, что Евсеій замѣчалъ о себѣ, что и его „убилъ“ Діоскоръ (Дѣян. III, *ibid*). Одинъ изъ легатовъ папскихъ, бывшихъ на соборѣ, діаконъ Иларій „едва убѣгъ“ съ собора (Дѣян. III, 67) и только окольными, мало извѣстными путями добрался до Рима (Дѣян. III, 89. 90). Блаженный Феодоритъ Кирскій былъ лишень на соборѣ сана, хотя онъ вовсе и не присутствовалъ на немъ, и былъ заточень въ монастырь. Замѣчательно: прещенія соборнаго не избѣгъ даже Домнъ антиохійскій,— онъ былъ лишень

своего сана, несмотря на то, что во многомъ потворствовалъ Діоскору.

Итакъ соборъ Ефесскій 449 года провозгласилъ монофизитское ученіе, какъ ученіе истинное, и ознаменовалъ себя поруганіемъ относительно сторонниковъ православія. Чтобы понять, какъ могло произойти такое изумительное явленіе, для этого нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ и при какихъ условіяхъ достигались на соборѣ подобныя результаты. Соборъ въ своемъ образѣ дѣйствованія былъ чисто разбойничьимъ, каждый шагъ запечатлѣнъ былъ насиліемъ. Современники рассказываютъ самыя ужасныя вещи о ходѣ дѣлъ на этомъ соборѣ. Прежде всего на соборѣ не было соблюдено важнѣйшаго условія, при которомъ только и возможна была истина въ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ, именно не было свободы преній и изслѣдованія. Папа Левъ видѣлъ въ свое время въ этомъ главную причину, почему соборъ кромѣ зла не принесъ ничего Церкви. По его словамъ, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ (отъ своихъ легатовъ) онъ узналъ, что предсѣдателю собора Діоскору недоставало истинно-христіанской „умѣренности, когда бы свободно высказывались мнѣнія всѣхъ“, ибо только при этомъ условіи, по мнѣнію Льва, возможно было бы открытіе истины и изобличеніе заблужденія (Дѣян. III, 67). Какъ мало на этомъ соборѣ уважались мнѣнія лицъ, не принадлежащихъ къ партіи Діоскора, это видно изъ того, что папскіе легаты, несмотря на настойчивое требованіе, чтобы прочтены были посланія папы Льва, которыя съ замѣчательною точностію и полнотою изъясняли спорный догматическій вопросъ, не могли добиться отъ предсѣдателя собора такого чтенія (Дѣян. III, 76). Достаточно было кому-либо имѣть какія-либо отношенія къ Флавіану, чтобы сдѣлаться подозрительнымъ въ глазахъ вожакъ собора. Такъ случилось съ легатами. Гостепримство, какимъ воспользовались легаты у Флавіана, было поводомъ для монофизитской партіи собора, чтобы видѣть въ нихъ лицъ непріязненныхъ

собору. Евтихій открыто замѣчалъ на соборѣ: „легаты Льва для меня подозрительны, ибо они посѣщали Флавіана, обѣдали у него, обласканы были имъ и пользовались у него всякимъ вниманіемъ. По этому прошу соборъ не довѣрять имъ, если они будутъ что-либо дѣлать или говорить невыгодное для меня“ (Дѣян. III, 202. 203). Очевидно, страдательное положеніе, которое вынуждены были принять на соборѣ легаты, доказываетъ, что подобныя подозрѣнія для собора имѣли самое полное значеніе. Подобное же было и съ другими представителями Церкви православной. Съѣхалось на соборъ больше епископовъ, чѣмъ сколько ихъ было на немъ. Ибо не всѣ были допущены къ присутствованію на немъ, а по выбору Діоскора: „одни были удалены, другіе допущены“ (Дѣян. III, 67). Само собой разумѣется, допускались только тѣ епископы, которые сочувствовали идеямъ и согласовались съ видами Діоскора, остальнымъ же, т.-е. православнымъ, доступъ на соборъ былъ затрудненъ. Но этого мало. Какъ ни старательно подбирались епископы извѣстнаго характера и направленія, все же вошло въ составъ собора много и православныхъ епископовъ. Этихъ Діоскоръ подчинилъ себѣ жестокостію, тиранніею и грубою полицейскою и военною силою. Всѣ современники единогласно жаловались на „неистовство“ и „насилъство“ Діоскора (папа Левъ. Дѣян. III, 45. 78), на то, что онъ дѣйствовалъ какъ предводитель возмущившихся полчищъ народныхъ (Евсевій Дорилейскій. Дѣян. III, 144). Въ самомъ дѣлѣ, при помощи какихъ страшныхъ насилій достигалось на соборѣ кажущееся согласіе со стороны православныхъ епископовъ съ монофизитскою партіею, объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующіе рассказы самихъ потерпѣвшихъ. На соборѣ халкидонскомъ открылось, что Діоскоръ только своимъ собственнымъ нотаріямъ и нотаріямъ своихъ друзей, Фалласія каппадокійскаго и Ювеналія іерусалимскаго позволялъ дѣлать записи соборныхъ дѣній, а нотаріямъ другихъ епископовъ не позволено было что-либо записы-

вать за своими епископами. Когда два нотарія епископа ефесскаго Стефана покусились-было записывать, что говорилъ ихъ епископъ и другіе епископы православные на соборѣ, то къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскоровы, вырвали у нихъ изъ рукъ записанное и разорвали и отняли у нихъ письменныя принадлежности. Самъ Стефанъ на соборѣ халкидонскомъ заявлялъ объ этомъ такъ: „у меня было двое нотаріевъ, къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскора, отняли у нихъ записныя дощечки, почти переломали имъ пальцы, отняли у нихъ сумки съ писчими тростями“ (Дѣян. III, 178. 179). Отсюда понятно, что, когда потомъ составлялись дѣянія соборныя для публикаціи, въ эти дѣянія вошли лишь записи за епископами монофизитами, и такимъ образомъ весь соборъ, виновные и невиновные, благодаря этому обстоятельству, получаютъ монофизитскую окраску и характеръ. Особенными насиліями на соборѣ Ефесскомъ сопровождалось требованіе подписи отъ епископовъ касательно осужденія Флавіана и Евсевія. По рассказамъ нѣкоторыхъ епископовъ на соборѣ Халкидонскомъ, участвовавшихъ и на соборѣ Ефесскомъ, когда произнесено было на этомъ послѣднемъ соборѣ осужденіе на Флавіана и Евсевія, то Діоскоръ, чтобы не откладывать дѣла, рѣшился въ тотъ же самый часъ принудить епископовъ подписать свое имя на бѣломъ листѣ бумаги, на которомъ потомъ должно было написать осудительный приговоръ касательно названныхъ епископовъ. А кто изъ епископовъ отказывался сдѣлать это, тѣмъ пришлось вытерпѣть очень многое. Они заперты были въ церкви до самой ночи, имъ не позволялось ни на минуту выходить отсюда, ихъ ни на минуту не оставляли наединѣ съ самими собою для размышленія. Тягостное общество этихъ несчастныхъ епископовъ составляли солдаты съ мечами и палками и монахи приверженцы Діоскора: они должны были убѣждать епископовъ къ требуемой подписи (Дѣян. III, 180). Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательны свидѣтельства епископовъ Василия селевкійскаго и

Онисифора иконійскаго на соборѣ Халкидонскомъ. Василій свидѣтельствовалъ, что Діоскоръ производилъ насилие какъ своими угрожающими рѣчами, такъ и еще болѣе чрезъ бывшую въ его распоряженіи толпу людей, которые были и въ самой церкви, гдѣ было соборное засѣданіе, и внѣ ея. Это были вооруженные солдаты, монахи приведенные изъ Сиріи архимандритомъ Варсумою и параболаны *). Чрезъ эти полчища Діоскоръ приводилъ въ страхъ всѣхъ (Дѣян. III, 361). Другой епископъ Онисифоръ свидѣтельствовалъ, что, когда произнесено было Діоскоромъ осужденіе Флавіана, онъ, Онисифоръ, вмѣстѣ съ другими епископами подошли къ Діоскору, обвиняли его колѣна и говорили: Флавіанъ ничего не сдѣлалъ достойнаго осужденія. Тогда Діоскоръ, поднявшись съ своего трона, грозно сказалъ: вы хотите произвести бунтъ? Подать сюда стражу! Когда же епископы продолжали умаливать его, Діоскоръ сказалъ: я не перемѣню своего приговора, хотя бы отрѣзали мнѣ языкъ. Когда же и послѣ этого епископы не отступали отъ него, онъ призвалъ проконсула, который явился, сопровождаемый слугами, съ цѣпами въ рукахъ. Чѣмъ кончилась эта печальная сцена, неизвѣстно (Дѣян. III, 362—364). Смотра на то злополучное положеніе, въ какомъ находились епископы православные на соборѣ Ефесскомъ, можно съ полною справедливостію вмѣстѣ съ папою Львомъ замѣтить о нихъ, что они „протерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ“ (Дѣян. III, 67).

*) Параболонами назывались прислужники при больницахъ, кеторья устранивались при христіанскихъ церквяхъ. Это названіе происходитъ отъ греческаго: παραβάλλεσθαι τὴν ζωὴν и означаетъ людей подвергающихъ свою жизнь опасности. Въ Александріи въ V вѣкѣ такихъ параболанъ было до 600 человекъ. Когда число параболанъ умножилось, епископы стали пользоваться ими въ качествѣ своей охранной стражи для своихъ личныхъ цѣлей. Этимъ объясняется появленіе александрійскихъ параболанъ вмѣстѣ съ Діоскоромъ на соборѣ разбойничьемъ.

Такимъ-то образомъ удалось Діоскору утвердить монофизитское ученіе на соборѣ Ефесскомъ и восторжествовать надъ приверженцами православія. Какъ скоро это случилось, великая опасность грозила вѣрѣ и Церкви. Ересь вступаетъ въ открытую борьбу съ православіемъ и повидимому торжествуетъ. Папа Левъ хорошо сознавалъ опасность, какая грозила вѣрѣ и Церкви со стороны ереси. Чрезъ соборъ разбойничій, по его убѣжденію, „подвергается нападенію истина, сотрясается самое основаніе цѣлой Церкви“ (Дѣян. III, 65). Выходя изъ такого сознанія касательно опасности монофизитскаго ученія, тотъже Левъ вступаетъ въ дѣятельную и сильную борьбу съ этимъ лжеученіемъ. Его голосъ убѣдительный и рѣшительный громко раздавался въ Церкви восточной, куда Левъ посылалъ посланіе за посланіемъ въ борьбѣ съ монофизитами. Никто изъ его современниковъ, въ это тревожное и печальное время въ восточной Церкви, не выступаетъ съ такою несокрушимою критикою монофизитскаго ученія, съ какою выступаетъ Левъ. Въ это время такъ писалъ онъ, обращаясь къ Востоку: „Кто мыслить по-монофизитски, того увлекаетъ въ сообщество съ собою Аріѣй, развращенію котораго много благопріятствуетъ это нечестіе, отрицающее естество человѣческое въ Богѣ Словѣ; потому что когда таковой считаетъ за постыдное признавать въ величіи Божіемъ Его уничиженіе (человѣческое), то симъ самымъ или признаетъ ложнымъ во Христѣ образъ Его тѣла, или всѣ Его дѣйствія и страданія тѣлесныя скорѣе отнесетъ къ божеству, нежели къ плоти. А если онъ дерзнетъ защищать какое-либо изъ двухъ этихъ положеній, это будетъ совершенно безумно; потому что ни благочестіе вѣры, ни смыслъ таинства (воплощенія) не допускаютъ, чтобы или божество потерпѣло нѣчто (страдало), или въ чемъ-либо солгала Истина“. (Дѣян. III, 84). Въ возвышенныхъ глубоко-таинственныхъ чертахъ изображаетъ великій папа отпаденіе, самоотсѣченіе отъ Церкви и таинства спасенія тѣхъ, кто исповѣдывалъ моно-

физитскую ересь. „Кто не признаетъ человѣческаго естества воспріятого Единороднымъ Сыномъ Божиимъ во чревѣ дщери Давидовой, краснорѣчиво писалъ папа, тотъ отлучаетъ себя отъ всякаго таинства вѣры христіанской и не зная Жениха (Христа), не разумѣя и Невѣсты (Церкви), не можетъ быть участникомъ въ брачномъ пиршествѣ (спасеніи). Плоть Христа есть покровъ Слова, которымъ облекается всякій, кто истинно исповѣдуетъ сіе Слово. А кто стыдится Его и отвергаетъ какъбы недостойное (плоть Его), тотъ не можетъ получить отъ Него никакого украшенія, и хотя бы такой приступилъ къ царскому торжеству и присоединился нагло къ священной вечери, впрочемъ, какъ безчестный собесѣдникъ, не можетъ утѣнться отъ разборчивости Царя; но, какъ засвидѣтельствовалъ самъ Господь, будетъ взятъ и связанный по рукамъ и ногамъ отошлется въ кромѣшную тьму, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ (Мѡ. 22, 13). Поэтому кто не исповѣдуетъ во Христѣ человѣческаго тѣла, тотъ самъ призналъ себя недостойнымъ таинства воплощенія и не можетъ имѣть участія въ этомъ таинствѣ“ (Дѣян. III, 85. 86). Ратуя противъ монофизитства, которое возымѣло такую силу на соборѣ Ефесскомъ и тотчасъ послѣ собора въ Церкви, папа Левъ въ то же время исполненъ былъ самой живой вѣры въ кратковременность, мимолетность монофизитскаго торжества. Эту свою вѣру онъ хотѣлъ внѣдрить и въ членовъ Церкви восточной. Онъ писалъ: „Не думайте, возлюбленные, будто надъ святою Церковію или теперь недостаетъ, или не будетъ впредь божественнаго промысла. Чистота вѣры тогда-то и сіяетъ, когда отдѣляется отъ нея примѣсъ заблужденій. Провидѣніе всегда являетъ своимъ необходимую помощь“. (Дѣян. III, 79. 65). И дѣйствительно вѣра Льва не посрамилась. Черная туча, нависшая надъ восточной Церковію, также быстро разсѣялась, какъ нежданно и собралась. Мы говоримъ о Халкидонскомъ соборѣ и его побѣдѣ надъ ересью.

Алексій Лебедевъ.

ПОУЧЕНИЕ О СВЯТОМЪ ПРИЧАЩЕНИИ.

Настоящая бесѣда моя съ вами, братіе, будетъ о св. причащеніи и о томъ, какъ слѣдуетъ намъ приступать къ этому величайшему таинству.

Таинство причащенія установилъ самъ Господь Іисусъ Христосъ предъ вольнымъ страданіемъ Своимъ на тайной вечери, когда, *взявъ хлѣбъ и благословивъ преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: примите, ядите: сіе есть тѣло Мое. И взявъ чашу благодаривъ, подалъ имъ и сказалъ: пейте изъ нея всѣ; ибо сіе есть кровь Моя новаго завета, за многихъ изливаемая во оставленіе грѣховъ* (Мѡ. 26, 26—28), и присовокупилъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19). Св. Апостолы во исполненіе этой заповѣди Господа и сами стали совершать, и заповѣдали совершать таинство св. причащенія преемникамъ своимъ пастырямъ Церкви, которые и совершаютъ оное до сихъ поръ на литургіи, или по-просту обѣдни, когда послѣ слышимаго вами воспоминанія словъ Спасителя: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое... и: пейте отъ нея вси, сія есть кровь Моя, хлѣбъ и вино, приготовленные на св. престолѣ, невидимымъ наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа, призываемаго священнодѣйствующимъ, претворяются истинно, дѣйствительно и существенно хлѣбъ въ то самое пречистое тѣло Іисуса Христа, которое Онъ воспринялъ въ утробѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи Богородицы, въ которомъ страдалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и съидеть одесную Бога Отца,—а вино въ ту самую кровь, которая истекла изъ прѣбоденнаго копіемъ ребра и изъ гвоздинныхъ ранъ Христовыхъ, такъ что послѣ этого*

остаются уже только одни виды хлѣба и вина, представляющіеся простому зрѣнію и вкусу, а просвѣщенные очи сердца должны усматривать подъ ними безкровную жертву Агнца непорочна и пречиста Христа, раздробляемаго и не раздѣляемаго, всегда ядомаго и никогдаже изживаемаго, но причащающіяся освящающаго. Такъ это и было открыто, по сказанію Пролога, нѣкоторому человѣку, который, войдя въ церковь во время обѣдни, увидѣлъ, какъ совершавшій ее закалалъ отроча, раздроблялъ и раздѣлялъ его въ снѣдь вѣрнымъ.

Изъ этого можете видѣть, братіе, что если къ исповѣди нужно приступать не иначе, какъ съ строгимъ вниманіемъ къ себѣ и благоговѣніемъ, то ко св. причащенію и по-давно. И самая исповѣдь служить лишь приготовленіемъ къ нему. Одному св. епископу открыто было Богомъ, какъ кто приступалъ къ св. причащенію. Одни приступали къ нему съ лицами черными какъ сажа, другіе съ свѣтлыми, такъ что и вся одежда была бѣла; третьи съ лицами и очами какбы огненными. Однихъ преподаваемое причастіе опаляло и сожигало, а для другихъ дѣлалось свѣтомъ, входящимъ въ уста и просвѣщающимъ все тѣло. (Патер. Душ. Чт. окт. 1873).

Итакъ, чтобы св. причащеніе не сожгло, а просвѣтило причащающагося, отъ него требуется прежде всего самая крѣпкая вѣра. Видя тѣлесными очами не болѣе какъ только малую частицу хлѣба, омоченнаго въ церковномъ винѣ, и вкушая это изъ чаши, участникъ долженъ вѣрить не себѣ, не своимъ собственнымъ чувствамъ зрѣнія и вкуса, но всемогущей силѣ и неложнымъ словамъ Спасителя, по которымъ преподается ему отнюдь не простая пища и питье, а самое пречистое тѣло и самая животворящая кровь Христова, только подъ прикрытіемъ обыкновеннаго хлѣба и вина по той причинѣ, что человѣческой природѣ не свойственно ѣсть сырое мясо и пить кровь (Прав. Испов. воп. 107). Поэтому-то приступающій ко св. причащенію и проноситъ между прочими слѣдующія

слова молитвы: вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко сіе есть самое пречистое Тѣло Твое и сія есть самая честная Кровь Твоя.

Далѣе причащающійся долженъ быть проникнуть несомнѣнной надеждой, что если Господь Иисусъ Христосъ обѣщался невидимо пребывать въ таинствѣ причащенія и чрезъ него въ достойныхъ причастникахъ, если обѣщался воскресить ихъ въ послѣдній день и дать животъ вѣчный (Іоан. 6, 51—56), то исполнить Свое обѣщаніе (Евр. 10, 23), увидетъ въ сердце его, соединится съ нимъ тѣсно, неразрывно, такъ что сдѣлаетъ его причастникомъ божественнаго естества и наслѣдникомъ царства небснаго.

Кромѣ вѣры и надежды, приступающій къ причащенію долженъ горѣть любовію ко Господу, Который первѣе возлюбилъ насъ грѣшныхъ. Ради насъ Онъ сошелъ съ неба на землю, сдѣлался человѣкомъ подобострастнымъ намъ, не имѣлъ гдѣ главы подклонить, терпѣлъ нищету, пасмѣшки, ругательства, оплеванія, побои, крестъ, смерть самую ужасную и позорную. Мало того, положивъ за насъ душу свою и проливъ кровь, Онъ далъ намъ эту животворящую кровь въ питье и плоть въ пищу. Что можетъ быть выше такой любви? Кто насъ возлюбилъ больше сего? И чѣмъ намъ заплатить такому Человѣколюбцу, какъ не любовью же, самою горячей, пламенной, неугасимой? О! возлюби, причащающійся, Господа своего всѣмъ сердцемъ, всей душой, возлюби, но вмѣстѣ и бойся и страшись Его, потому что только *совершенная любовь*, по словамъ Апостола, *вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 18). А ты въ состояніи ли имѣть такую любовь? Кто ты такой? Ты гнилая трава, брѣнне, земля и пепель. Ты *окаменнъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ* (Ап. 3, 17). А между тѣмъ, посуди, къ чему приступаешь. Ты приступаешь къ трапезѣ царской, къ пренебесному престолу Божію. Ты не касаешься только одежды Христовой, какъ евангельская кровоточивая женщина, не смлешься только за ноги Господни, какъ блудница, но принимаешь въ свою

утробу, въ самое сердце всего Его, Творца своего и Бога, Судію страшнаго, огонь божественный, недостойныхъ по-
паляющій, а достойныхъ очищающій и просвѣщающій. „Оле
страшнаго таинства! Оле благоутробія Божія!“

Еслибы царь земной соблаговолилъ посѣтить твой
домъ, ты очистилъ, омылъ, украсилъ бы его со всякимъ
тщаніемъ и принялъ бы высокаго посѣтителя раболѣпно,
униженно, со всею честію, съ полнымъ радушіемъ и ра-
достію. Самъ Господь желаніемъ возжелѣлъ свѣсти пасху
съ учениками предъ вольнымъ страданіемъ Своимъ, и гор-
ница, гдѣ Онъ вкушалъ съ ними пасху, была велія, пост-
лана. Какъже теперь мы должны горѣть желаніемъ при-
частиться нетлѣнной и живоносной пасхи Христовой!
Какъ должны просить и молить, выслушивая особенно
канонъ и молитвы причастныя, да не минетъ насъ Го-
сподь Своимъ посѣщеніемъ, да вечеряетъ съ нами! Какъ
должна быть выметена, вымыта слезами покаянными, об-
лаговонена и украшена добрыми дѣлами, свѣтла и нетлѣ-
сно-вмѣстима наша храмина сердечная! Сохрани Богъ, если
она истлѣла въ похотѣхъ прелестныхъ, если походить не
на царскіе чертоги, а на вертепъ разбойниковъ, на мер-
зость запустѣнія! *Да испытываетъ себя человекъ и такимъ
образомъ ѣстъ отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей.
Ибо кто ѣстъ и пьетъ недостойно, тотъ ѣстъ и пьетъ
осужденіе себѣ, не разсуждая о тѣлѣ Господнемъ* (1 Кор.
11, 28. 29). Иуда предатель на ряду съ другими Апосто-
лами сидѣлъ за трапезой Господней, но это не помѣшало
сатанѣ тотчасъ послѣ нея войти въ лукавое и нечистое
сердце его. И недостойный причастникъ становится вто-
рымъ Иудой предателемъ и поступаетъ не лучше враговъ
и распинателей Иисуса Христа, пролившихъ, какъ воду,
безцѣнную кровь Его и попиравшихъ ее ногами, какъ
попирается драгоценный бисеръ свиньями.

Итакъ приступайте, братіе мои, ко св. причащенію со
страхомъ Божіимъ и вѣрою, надеждою и любовью, съ
ощущеніемъ духовнаго глада и жажды, съ усердіемъ, моль-

бою и чистою совѣстію. И вы мертвые црегрѣшенными, оживотворитесь, насытитесь, обновитесь, сдѣлаетесь членами тѣла Христова, возлюбленными чадами Божиими, общниками вечери велией—царства небеснаго, котораго неизреченное блаженство будете предвкушать еще здѣсь въ ощущеніи правды, мира и радости о Дусѣ Святѣ. Аминь.

Свящ. Теодоръ Богородскій.

ПОУЧЕНІЕ ПРОТИВЪ УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТЪ СВ. ПРИЧАЩЕНІЯ.

Многіе изъ васъ, братіе мои, на исповѣдь еще кое-какъ ходятъ почти каждагодно, но отъ св. Причастія уклоняются, считая себя недостойными онаго и немогущими *содержать* святыню, какъ слѣдуетъ.

Дѣйствительно Причастіе есть величайшая святыня, къ которой нужно приступать осторожно и осмотрительно, а приступивши, всячески стараться сдержать ее въ чистотѣ тѣлесной и духовной. „Какъ только пройдетъ недѣля по причащеніи, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, ты опять предаешься прежнимъ грѣхамъ.... или сорокъ дней удѣляешь для души и думаешь симъ умиловить Бога. Ужели ты шутишь, человѣкъ? Ужели думаешь, что сорокъ дней достаточно для очищенія грѣховъ всего прежняго житія“? (Бес. 17 на посл. къ Евр.). Такъ. Но кто изъ людей можетъ быть когда-либо достоинъ вполнѣ Причастія и кто его содержать какъ должно? Поистинѣ никто — ни молодой, ни пожилой, ни старый. Самые великіе праведники и праведницы, и тѣ не были и не могли быть совершенно достойными божественныхъ, животворящихъ и страшныхъ Христовыхъ Таинъ. И однако причащались часто, очень часто, потому что причастіе считали единственной пищей и питьемъ для души, которую жа-

тѣла, боялись оставлять голодной, какъ мы не любимъ оставаться иной день безъ обѣда или ужина. Какъ у тѣла есть свой голодъ и жажда, есть своя пища и питье, безъ которыхъ оно умираетъ голодной смертью, такъ и у души есть свой голодъ и жажда, которыя утоляются единственно причащеніемъ тѣла и крови Христовой; безъ нихъ душа заживо умираетъ, погибаетъ, истлѣваетъ страстями, какъ говорить самъ Господь І. Христосъ въ слѣдующихъ словахъ: *если не будете есть плоти Сына человеческого и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни. Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную; и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ибо плоть Моя истинно есть пища и кровь Моя истинно есть питье. Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ* (Іоан. 6, 53—56). Отсюда ясно, думаю, видите, что безъ причащенія никакъ нельзя обойтись, никакъ нельзя миновать его никому изъ христіанъ, хотя они и не могутъ быть вполне достойными его. Для грѣшниковъ-то и далъ Господь причащеніе, чтобы освятить ихъ и спасти. И вотъ будь они недостойны причащенія, но сознавай и чувствуй себя недостойными его, жалѣй и тужи о своемъ окаянствѣ, и они будутъ въ очахъ Божіихъ достойнѣе тѣхъ, которые считаютъ себя достойными, какъ вы и слышите за причащеннымъ правиломъ между прочимъ слѣдующія слова молитвы: *„вѣмъ, Господи, яко недостойнѣ причащаюся пречистаго Твоего Тѣла и честнаго Твоея крове и повиненъ есмь и судъ себѣ ямъ и пію, не разсуждая тѣла и крове Тебе Христа и Бога моего, по на щедроты Твоя дерзая прихожду къ Тебѣ“*.

Впрочемъ бывають столь великіе беззаконники, что они дѣйствительно недостойны причащенія, что имъ грѣшно и пагубно причащаться до поры-до времени. *Не давайте святыни псамъ, сказалъ Господь, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими* (Мѡ. 7, 6). Но распознавать, кто изъ людей по своимъ тяжкимъ грѣхамъ походитъ на этихъ нечистыхъ

животныхъ, есть дѣло духовнаго отца, который съ тѣмъ вмѣстѣ есть и судья кающихся и пастырь овцамъ и козлицамъ. Значитъ его дѣло допускать или недопускать кающагося до причастія и, стало быть, его и вина, его и отвѣтъ предъ Богомъ, если онъ причастить дѣйствительно недостойнаго. Тотъ изъ причастниковъ будетъ самъ въ грѣхѣ и отвѣтѣ, кто приступитъ къ причастію вопреки запрещенію духовника, самовольно, самочинно. Если же духовникъ разрѣшаетъ идти къ причастію, тогда всякій причащайся, не умничая по своему, не слушая даже запрета родительскаго: власть духовника здѣсь больше власти отца и матери.

Да и какая польза душѣ отъ одной исповѣди, когда вы по своему суемудрію не пойдете къ причастію? Исповѣдь безъ причастія есть только половина дѣла, или лучше лицемеріе. Чуждаясь причастія и приступая только къ исповѣди, вы, стало быть, вовсе не думали отставать отъ грѣховъ своихъ и только обманывали духовника своего и самаго Бога, и творили новый тяжкій грѣхъ. Что значитъ ваша отговорка, что вы, люди молодые, не сдержите св. Причастія? То, что вы хотя еще и молоды, а ужъ пристрастились къ порочной, незаконной жизни и закоснѣли въ ней до того, что вамъ жаль разстаться съ ней на самое короткое время, не хочется пустить въ домъ души своей Господа І. Христа и побыть съ Нимъ—Сладчайшимъ хоть одинъ день, одинъ часъ. Людямъ-то молодымъ только бы и причащаться, какъ еще неиспорченнымъ, неразвратившимся. Неизвѣстно, сдержите ли вы причастіе, или нѣтъ,—вы только общайтесь, рѣшитесь сдержать и съ такимъ расположеніемъ приступите къ причастію. Господу Богу дорого уже одно ваше намѣреніе не грѣшить, пріятна одна рѣшимость исправиться, и это намѣреніе и эту рѣшимость Онъ готовъ поддержать своею всесильною благодатію и въ самомъ-то причастіи обильно и подаетъ ее, такъ что легко можетъ статься, что вы, причастившись, почувствуете отвращеніе къ незаконной жизни, силу от-

стать отъ нея и начать новую, благочестивую жизнь, а такимъ образомъ уже не будете селеніемъ грѣха и игралищемъ страстей, но будете селеніемъ славы Божіей, пока не преселитесь въ селенія небесныя, гдѣ уже не взалчете, ни вжаждете ктому. Но пусть, причастившись, вы не сдержали причастія, согрѣшили. Что же тогда дѣлать? Упасть духомъ, отчаяться и ужь никогда болѣе не ходить къ причастію? Напротивъ, опять идти на исповѣдь, опять къ причастію и такъ поступать до грѣхъ поръ, пока станете сдерживать причастіе и пойдете по пути добродѣтели и благочестія бодренно, непреткновенно. Такъ спасались всѣ праведники и праведницы. Послушайте, что говоритъ о причастіи св. Іоаннъ Златоустъ. Устрашивъ недостойныхъ причастниковъ прещеніемъ Божіимъ, онъ продолжаетъ: „я говорю это не для того, чтобы намъ не приступать, но чтобы не приступать просто. Ибо какъ приступать безъ разсужденія опасно, такъ не причащаться таинственной этой вечера—голодь и смерть. Трапеза эта укрѣпляетъ нервы души нашей, составляетъ связь для нашего сердца, даетъ дерзновеніе,—она есть надежда, спасеніе, свѣтъ, жизнь“ (Бес. 24 на посл. къ Кориню.).

Да и какъ христіанамъ убѣгать Христа? Что это за христіане, которые чуждаются Христа? Христось просить, зоветъ христіанъ къ Себѣ на вечерю, говоря: идите, уже все готово; а христіане отрицаются, отказываются подъ разными предлогами; одинъ говоритъ: я молодой, пылкій человѣкъ, гдѣ мнѣ причащаться; другой: я женился и потому не могу идти къ причастію; третій: я боюсь, какъбы по своей привычкѣ не согрѣшить сквернословіемъ послѣ причастія; четвертый: какъбы, причастившись, не плюнуть на полъ или на землю до шести недѣль; пятый: какъбы въ баню не сходить и т. д. Вотъ какія неблаговидныя отговорки служатъ къ уклоненію отъ причастія! Христось Самъ приходитъ къ христіанамъ, ищетъ ихъ, глашаетъ, говоря: *приидите ко Мнѣ, ядите тѣло Моє и пійте кровь Мою всѣ; а христіане, какъ одичавшія овцы, бѣгутъ*

отъ своего пастыря на добычу волкамъ, какъ блудныя дѣти не слушаютъ любвеобильнаго гласа отца, удаляются отъ него на страну далече, чтобы питаться рожцами, яже ядятъ свинія. Какъ это неблагодарно, постыдно, безбожно!

Братіе! Не будьте такими ложными, жалкими христіанами, ходите не только на исповѣдь, но и къ причастію, ходите всѣ и молодые, которыхъ допускаетъ къ нему духовникъ. Развѣ молодость дается намъ для того, чтобы распутничать? Тѣ только не смѣйте приступать къ чашѣ Господней, которымъ запрещаетъ духовникъ, и не радуйтесь этому запрещенію, а считайте его величайшимъ для себя наказаніемъ и лишеніемъ, потому что какъ нельзя приступать къ причастію въ тяжкихъ грѣхахъ, такъ нельзя и спастись безъ причастія, которое, оживляя и питая причащающихся чистымъ сердцемъ, можетъ служить въ погибель безстрашному беззаконнику, какъ и здоровая пища бываетъ вредна иному больному. Сподобившись же св. Таинъ, не того бойтесь, чтобы до времени не сходить въ баню, или не плюнуть, а чтобы не предаться прежнимъ грѣховнымъ навыкамъ. Что за бѣда, если ты плюнешь и въ самый день причастія? Вѣдь ты не выплונешь его, какъ не выплевываешь пищи послѣ обѣда и ужина. Для этого ты и заѣдалъ причастіе просфорой и запивалъ теплотой. Опасна въ день причастія лишь рвота. И сходявши въ баню, развѣ ты унизишь причастіе? Въ баню ходятъ омываться отъ сквернъ. Почему банѣ-то и можно уподобить самыя покаяніе и причастіе, очищающія душу. Не томите же душъ своихъ произвольнымъ голодомъ и жаждою, не лишайте себя брашна негиблущаго—тѣла и крови Христовой, какъ не оставляете плоть свою безъ ежедневнаго обѣда и ужина. Аминь.

Свящ. Ѳ. Богородскій.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВХОДЪ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Прежде шести дней Пасхи прииде Иисусъ въ Вифанію. Такъ св. Евангелистъ Іоаннъ начинаетъ свой разсказъ о входѣ Господа нашего Иисуса Христа въ Іерусалимъ. Вифанія, это пригородное селеніе Іерусалима; окруженная прекрасными садами, Вифанія была пріятнымъ мѣстомъ отдыха; посему жители Іерусалима часто приходили сюда, чтобы на лонѣ тихой и безмятежной природы отдохнуть отъ тревоженій шумной столичной жизни; часто сюда приходилъ и Спаситель. Но не красота природы влекла сюда Сына человѣческаго; здѣсь были у Него не почитатели только, которыхъ вездѣ было достаточно; здѣсь были у Него друзья,—это Лазарь, это сестры Лазаря—Марѳа и Марія; въ сообществѣ ихъ любилъ Господь проводить время, назидая ихъ Своимъ божественнымъ ученіемъ. На этотъ разъ Господь пришелъ сюда изъ небольшого городка, Еффраима, лежавшаго на краю дикой и страшной пустыни *Сорокадневной*. Въ ней три съ половиною года назадъ, Онъ приготовлялъ Себя сорокадневнымъ постомъ къ великому служенію на спасеніе рода человѣческаго; въ эти же мѣста Господь Иисусъ, по воскрешеніи Лазаря, удалился на краткое время до наступленія Своихъ страданій, для приготовленія къ нимъ. Укрѣпивъ Себя молитвенною бесѣдою къ Богу-Отцу, Онъ шель изъ Еффраима въ Іерусалимъ, какъ *Агнецъ на заколеніе ведомый*. По пути Онъ зашелъ въ Вифанію къ друзьямъ своимъ, какъбы проститься съ ними предъ своею смертію.

Мирная и тихая Виаанія въ это время была сама на себя не похожа: она, можно сказать, была наводнена народомъ; не только изъ Іерусалима, но изъ всей Іудеи, сюда стекался народъ. Наступало время Пасхи, когда по закону Моисея всѣ Іудеи должны были явиться предъ лице Бога Израилева; только малолѣтныя, да старыя и больныя освобождены были отъ этой обязанности; число посѣтителей Іерусалима въ это время иногда превышало миллионъ. И вотъ толпы за толпами шли изъ Іерусалима въ Виаанію. Ихъ влекло туда за нѣсколько времени совершившееся здѣсь неслыханное отъ вѣка чудо, — воскресенія полуистлѣвшаго четверодневнаго мертвеца!.. Въ четыре дня тѣло подвергается сильному, едва для кого выносимому тлѣнію и въ нашемъ холодномъ климатѣ; какъ же должно быть сильно тлѣніе четверодневнаго мертвеца въ жаркомъ климатѣ, каковъ климатъ Іерусалима? *Господи! уже смердитъ, четверодневенъ бо есть*, заботливо предостерегаетъ Марѳа Господа, когда Онъ пришелъ къ гробной пещерѣ Лазаря и повелѣлъ отвалить отъ входа въ нее камень. Можно посему представить удивленіе народа, когда вѣсть о воскресеніи Лазаря повсюду стала распространяться. Можно представить то истерпѣніе, съ какимъ стремились видѣть этого перваго пришельца съ того свѣта, куда всѣ идутъ, но откуда никто никогда не возвращался. Отъ воскресшаго Лазаря удивленіе естественно перешло къ его Воскресителю: кто это такой неслыханный Чудотворецъ? Гдѣ же Онъ? Но Его не было.

Но вотъ наконецъ явился и Онъ. Друзья Его послѣшили приготовить Ему вечерю. Это послѣдняя вечеря въ кругу Его друзей и почитателей; тайная вечеря была совершена только съ 12 избранными апостолами. Трогательна эта виаанская вечеря. Здѣсь впервые Онъ ясно и опредѣленно высказалъ о своемъ погребеніи. И такъ не за славою Онъ идетъ въ Іерусалимъ, а за крестомъ! Въ то время, когда друзья думали объ угощеніи Его, Онъ думалъ о своемъ крестѣ, о своемъ погребеніи. Увы! крестъ ни на минуту

не оставляетъ божественнаго Страдальца. Не на Голгоѣ только Онъ на немъ, не въ Геосиманіи только Онъ съ нимъ,—нѣтъ! Онъ съ нимъ и на Фаворѣ, Онъ съ нимъ и на вечери. Здѣсь открылась во всей широтѣ самоотверженная любовь Маріи къ Спасителю, не пожалѣвшей для помазанія ногъ Его драгоценнаго мѣра; здѣсь въ первый разъ открылось и изблѣчено коварство Іуды.

Вѣсть о пришествіи Спасителя всегда предваряла Его. Посему какъ только стало извѣстно, что Онъ въ Виваніи, толпы людей большія, чѣмъ прежде, устремились туда: люди, видѣвшіе Лазаря, воскресшаго, пожелали видѣть Воскресителя; не видавшіе Лазаря, тѣмъ сильнѣе пожелали видѣть и Лазаря и Иисуса. Какъбы удовлетворяя общему желанію, Спаситель на другой день пошелъ въ Іерусалимъ. Многочисленныя толпы, пришедшія въ Виванію, сопровождали Его; многочисленныя толпы, не успѣвшія прежде придти въ Виванію, шли Ему на встрѣчу; у всѣхъ было одно желаніе видѣть Иисуса, пророка изъ Галилеи, Воскресителя Лазаря. Но здѣсь произошло то, что обыкновенно бываетъ, когда множество народа собирается на одно мѣсто, чтобы видѣть что-нибудь: почти никто, или только не многіе видятъ. За множествомъ народа Господь былъ видѣнъ только шедшимъ подлѣ Него. Это весьма естественное препятствіе еще болѣе усиливаетъ и безъ того горячее желаніе видѣть Его. Но вотъ Онъ останавливается; безчисленныя толпы группируются около Него; у всѣхъ одинъ вопросъ: что тамъ такое? Что Онъ дѣлаетъ? Не творитъ ли Онъ чуда? Не говоритъ ли рѣчи?

Въ самомъ дѣлѣ тамъ происходило что-то не совсѣмъ обыкновенное: извѣстно, что Иисусъ Христосъ всегда ходилъ пѣшкомъ, а между тѣмъ Онъ посылаетъ теперь двухъ учениковъ въ близъ лежащее селеніе за осломъ съ явнымъ намѣреніемъ не идти, а ѣхать въ Іерусалимъ, и это тогда, когда до Іерусалима было такъ близко, всего какихъ-нибудь полторы версты.

„Пойдите, говорилъ Онъ двумъ ученикамъ, въ противоположащее селеніе: вошедши въ него, найдете молодаго осла, привязаннаго, на котораго никто изъ людей никогда не садился; отвязавъ его, приведите. И если кто спроситъ васъ: за чѣмъ отвязываете? скажите ему такъ: онъ надобенъ Господу. Посланные пошли, и нашли, какъ Онъ сказалъ. Когда же отвязывали молодаго осла, хозяева его сказали имъ: зачѣмъ отвязываете осленка? Они отвѣчали: онъ надобенъ Господу. И привели его къ Іисусу и накинувъ одежды свои на осленка, посадили на него Іисуса“ (Лук. 19, 30—35). Здѣсь не знаешь, чему болѣе удивляться, всевѣднію ли Господа, обнимающему все не только великое, но и малое, или покорности учениковъ и послушанію хозяина осла: одни безпрекословно идутъ исполнять порученіе, если и не невозможное, если и не опасное, то во всякомъ случаѣ странное; а другой по одному слову: *онъ надобенъ Господу*, отдастъ неизвѣстнымъ людямъ для неизвѣстной цѣли быть можетъ все свое состояніе. Не образъ ли это истиннаго послѣдователя Христа, который долженъ оставить все, чтобы слѣдовать за Господомъ?

Когда безчисленныя толпы, такъ горячо желавшія видѣть Іисуса, увидали Его, крикъ восторга невольно вырвался изъ груди тьмочисленнаго народа: *осанна! осанна! благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ* (т.-е. да спасетъ, или да сохранить тебя Всевышній). Въ жару усиливавшагося все болѣе и болѣе восторга, многіе снимали съ себя одежду и постилали по дорогѣ, по которой ѣхалъ Спаситель, другіе рѣзали финиковыя вѣтви, и потрясая ими въ воздухъ, съ восторгомъ восклицали: *Осанна!* Шествіе приняло торжественный, царскій видъ. Такъ дѣйствительно на востокъ встрѣчали царей; такъ не такъ давно іудеи встрѣчали Симона вождя *съ хваленіемъ и ваіами* (1 Мак. 13, 51); такъ Персы устилали миртами дорогу Ксерксу, при переходѣ его въ Европу... Посему ничего нѣтъ удивительнаго, что тѣ, которые видѣли въ Іисусѣ

Мессію, думали, что теперь-то настала часъ, когда Онъ откроетъ царство въ Іерусалимѣ, что Онъ затѣмъ туда и идетъ, чтобы сѣсть на престолѣ Давидовомъ и судить языки... Восторгъ ихъ не зналъ границъ; имъ уже чудилось, какъ предъ возлюбленнымъ Мессіею склоняются и цари и царства, и сами они занимаютъ видныя мѣста въ его царствѣ. Другіе хотя и не признавали въ лицѣ Іисуса Мессію, тѣмъ не менѣе видѣли въ Немъ великаго пророка; они рады были сему случаю, чтобы выразить Ему свое уваженіе и свою благодарность за то добро, котораго тамъ много сдѣлалъ Іисусъ изъ Назарета. Наконецъ третьи (такихъ конечно была большая часть) были увлечены общою радостію, общимъ восторгомъ; они радовались, торжествовали, громко кричали: *осанна*, сами не давая себѣ отчета въ этомъ. Но то несомнѣнно, что всѣ радовались, радовались искренно, чистосердечно. Увы! это была послѣдняя радость Израила! Послѣ того въ исторіи этого нѣкогда благословеннаго народа мы слышимъ только стонъ и плачь: этотъ стонъ, этотъ плачь вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ раздается, а скоро ли онъ кончится?!

По всему было видно, что такое торжественное, радостное настроеніе нравится Сыну человѣческому. Онъ, не отказавшійся торжествовать скромное брачное торжество въ Канѣ, не могъ не радоваться при видѣ этой всенародной радости. Были однако же люди, которымъ не нравилось это торжество. Смотрите: вотъ приближаются къ нашему Спасителю нѣкоторые люди: они очень озабочены, на лицѣ ихъ тревога, не то испугъ, не то досада. Кто они? Что имъ надо? Богатая одежда показываетъ, что не принадлежать къ простому классу народа. Вотъ они подлѣ самого Спасителя. Смотрите, какія на нихъ большія хранилища, какія длинныя воскрилія! Это давнишніе враги нашего Спасителя, это фарисеи. Удивительное постоянство! Какъ тѣнь за тѣломъ, такъ они всюду за Іисусомъ: нигдѣ не оставляютъ Его въ покоѣ; всюду

слѣдять за Нимъ. Послушаемъ, что-то они скажутъ Господу.

„Учитель! говорятъ они, вели имъ замолчать, *запрети ученикамъ своимъ*“ Видите ли, они заботятся объ участи своего народа? Кому неизвѣстны эти народолюбцы? „Смотри, торжество становится слишкомъ шумнымъ, какъ бы на него не обратили вниманія Римляне“. Такъ подъ личиною любви къ отечеству скрываютъ они свою злобу. *Запрети ученикамъ своимъ*. Но развѣ одни ученики ликуютъ? Торжествуетъ весь народъ; изъ устъ всѣхъ слышится: *осанна!* Что нужды? Фарисеямъ хочется унижить торжество Господа въ своихъ и Его глазахъ. „Вѣдь все это дѣло затѣялъ небольшой кружокъ Твоихъ учениковъ, а за нихъ достанется всему народу“. Такъ тѣшится безсильная злоба! Что же Спаситель? *Если они умолятъ, то камни возопіютъ*, т.-е. что это событіе предвидѣно и предназначено Промысломъ Божиимъ, что посему никакія усилія человѣческія не могутъ отвратить его; что достоинство Мессіи Онъ такъ ясно доказалъ своими дѣлами, что никакая злоба не можетъ затмить его. Фарисеи, отличные знатоки Священнаго Писанія, въ чемъ нужно отдать имъ справедливость, не могли при этомъ не вспомнить замѣчательнаго пророчества Захаріи: *скажите дочери Сіоновой: се царь къ тебѣ грядетъ кроткій, сидя на ослицѣ и молодомъ ослѣ, сынъ подъяремной* (Зах. 9, 9). Пророчества сего они никогда ни прежде, ни послѣ не относили къ другому лицу кромѣ Мессіи. И потому они принуждены были замолчать, затаивъ свою злобу.

Появленіе злобныхъ фарисеевъ среди ликующаго народа было темнымъ облакомъ на свѣтломъ и ясномъ небѣ. Оно не могло не пробудить скорбныхъ чувствованій, печальныхъ мыслей въ Сынѣ Человѣческомъ. Между тѣмъ шествіе приблизилось къ спуску съ горы Елеонской. Предъ глазами народа открылся весь Іерусалимъ, тотъ Іерусалимъ, при мысли о которомъ трепетало и еще теперь трепещетъ сердце Іудея, Іерусалимъ, котораго никогда

не забывалъ и не забываетъ іудей даже до настоящаго времени, Іерусалимъ, градъ священный, градъ Царя небеснаго, столь любезный, столь дорогой для Іудея, что онъ клялся имъ, какъ особенною святынею. „Если забуду тебя, Іерусалиме, говорили Іудеи, забудь меня десница моя!“ Потому, что удивительнаго, если теперь при видѣ Іерусалима народная радость достигла высшей степени, и торжественное: *осанна!* въ виду священнаго города еще громче раздавалось изъ устъ тѣхъ израильтянъ, которые въ лицѣ Іисуса Христа видѣли Мессію? „Итакъ вотъ тотъ вождельный моментъ, котораго они съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали, о которомъ такъ горячо молились! Возстани же Іерусалимъ! Подними главу твою дщи Сіоня! Свѣтися, свѣтися Іерусалиме! Ликуй нынѣ и веселися Сіоне! Се Царь твой грядетъ! Падетъ гордая преторія! И отъ востока и запада, и сѣвера и юга придутъ и поклонятся тебѣ языцы!—Такія конечно мысли и чувства волновали ихъ сердце, и отъ избытка сердца уста немолчно восклицали: *осанна!*“

Но въ противоположность радостному чувству народа, нашъ Спаситель былъ преисполненъ скорби, и скорбь Его была такъ велика, что не вмѣщаясь въ сердцѣ выразилась въ обильныхъ слезахъ. Спаситель плакалъ. Ахъ! могъ ли не плакать Тотъ, Кто пришелъ спасти погибшее? Предъ Нимъ Іерусалимъ, тотъ Іерусалимъ, о которомъ Онъ еще прежде сказалъ: *невозможно есть пророку погибнутьи кромѣ Іерусалима* (Лук. 13, 33). Итакъ вотъ это гнѣздо фарисеевъ, избившихъ пророковъ, и камнемъ побившихъ посланныхъ къ нимъ! Вотъ храмъ, но это уже не домъ молитвы, а вертепъ разбойниковъ! Вотъ дома первосвященниковъ, гдѣ такъ незаконно осудятъ Его, и поругаются Ему, и осмѣютъ, и оплюютъ Его! Вотъ преторія Пилата, гдѣ признавши Его невиннымъ, предадутъ на бичеваніе и затѣмъ на пропятіе! Вотъ тѣ улицы, гдѣ Онъ падетъ подъ тяжестію креста! А вотъ наконецъ за городомъ видѣется ужасная Голгова съ своимъ великимъ

крестомъ! Но не собственная участь занимаетъ нашего Господа. Не о Себѣ Онъ плачетъ, а о Іерусалимѣ и дѣтяхъ его. О! еслибы эти безмѣрныя страданія послужили во спасеніе всѣмъ людямъ, и первѣе іудеямъ, сродникамъ Его по плоти! Но этого не будетъ! Предъ Сердцевѣдцемъ будущее, какъ настоящее: Онъ знаетъ, что вмѣсто настоящаго: *осанна!* этотъ же самый народъ неистово будетъ кричать: *распи, распи Его!* Онъ видитъ, какъ этотъ нѣкогда возлюбленный народъ отвергается Богомъ, какъ римскія войска осаждаютъ этотъ самый ликующій теперь Іерусалимъ, какъ рушатся стѣны города, горитъ храмъ, сотни тысячъ іудеевъ избиваются мечомъ, другія сотни тысячъ отводятся въ плѣнъ въ рудники, и весь Израиль, какъ пыль вѣтромъ, разсѣвается по лицу вселенной, и становится притчею и поношеніемъ для всѣхъ народовъ,—видитъ,—и слезы невольно катятся изъ божественныхъ очей Его! Увы! печальна участь христуобійственнаго народа на сей землѣ. Что же ждетъ его на страшномъ судѣ? Но и этого мало. Взорамъ Его предстаетъ будущая исторія церкви Его. Ахъ! сколько и тамъ печальнаго! Сколько христіанъ своимъ поведеніемъ безчестятъ Его всесвятое имя? Сколько христіанъ своими дѣлами вторично распинаютъ Сына Божія! Какъ часто честолюбіе первосвященниковъ и книжниковъ раздираетъ церковь Христову? Какъ часто гордость пилатовъ попираетъ все святое на землѣ! Мотъ ли при семъ не плакать Тотъ, Кто пришелъ пострадать и умереть за спасеніе рода человѣческаго?

Проникнутый до глубины души грядущими бѣдствіями, долженствующими разразиться первѣе всего надъ Іерусалимомъ, Спаситель воскликнулъ: „о! еслибы ты хотя въ этотъ день благопріятствующій тебѣ, понялъ, что служить къ благосостоянію твоему! Но это сокрыто отъ очей твоихъ! И вотъ придутъ на тебя дни, когда враги твои поднимутъ насыпь противъ тебя, окружаютъ тебя, стѣснятъ тебя со всѣхъ сторонъ, разорятъ тебя до основанія, побьютъ дѣтей твоихъ среди тебя, и не оставятъ въ тебѣ

камня на камень за то, что ты не уразумѣлъ времени, въ которое такъ чудно посѣтилъ тебя Богъ!—Увы! на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель произносилъ эти слова, чрезъ 38 лѣтъ послѣ сего римляне построили окопы, и со всѣхъ сторонъ окружили Іерусалимъ высокимъ валомъ, такъ что нельзя было ни войти въ него, не выйти изъ него.

Между тѣмъ шествіе приблизилось къ самому Іерусалиму. Тогда, по выраженію евангелиста Матѳея, *потрясая весь градъ*. Оставшіеся въ Іерусалимѣ съ недоумѣніемъ спрашивали: кто это? Въ честь кого устроено такое торжество? Это Іисусъ, отвѣчали имъ, Пророкъ, иже отъ Назарета Галилейскаго. И сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ народа, Іисусъ вошелъ въ храмъ, какъ Господь храма. Здѣсь тотчасъ приступили къ Нему слѣпые и хромые. На этотъ разъ ихъ было особенно много: въ надеждѣ получить большую милостыню отъ усердія богомольцевъ, эти несчастные сходились въ Іерусалимъ на праздники большими толпами; и всѣмъ имъ преподавъ Спаситель исцѣленіе. Эти чудеса не могли не усилить восторга сопровождавшихъ и встрѣчавшихъ Господа.

Итакъ Іудеи встрѣчали въ лицѣ Іисуса Христа Мессію—Царя земнаго. Но это было убѣжденіе ложное; его нужно было уничтожить. И изъ предыдущей жизни Спасителя мы знаемъ, что Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался искоренить это мнѣніе и въ умахъ учениковъ своихъ и всѣхъ своихъ слушателей. Такъ Онъ поступилъ, когда въ первый разъ открылъ ученикамъ въ Кесаріи Филипповой, что Онъ долженъ будетъ пострадать и быть убиту (Матѳ. 16, 13 21); такъ поступилъ тогда, когда народъ, восхищенный чудомъ насыщенія 5-ю хлѣбами 5000 человекъ, исключая женъ и дѣтей, хотѣлъ поставить Его своимъ царемъ. Могъ ли теперь Спаситель, при торжественномъ почти всенародномъ провозглашеніи Его Мессію-Царемъ, оставить народъ при его ложномъ убѣжденіи, и притомъ тогда, когда время было уже близъ,

когда уже прилично было напоминать ученикамъ: ходите, дондеже свѣтъ имате (Іоан. 12, 35)? Очевидно нѣтъ. Случай къ бесѣдѣ подали пришедшіе въ праздникъ на поклоненіе еллины.

„Изъ пришедшихъ на поклоненіе въ праздникъ были нѣкоторые еллины“. Такъ начинается разсказъ объ этомъ событіи св. евангелистъ Іоаннъ. „Они подошли къ Филиппу, который былъ изъ Вивсаиды галилейской, и просили его, говоря: господинъ! намъ хочется видѣть Іисуса. Филиппъ идетъ и говоритъ о томъ Андрею; и потомъ Андрей и Филиппъ сказываютъ о томъ Іисусу“.

Пришедшіе еллины были конечно изъ числа тѣхъ, которые сознали пустоту языческаго идолослуженія. Это были, по выраженію книги Дѣяній Апостольскихъ 17, 4, *честивіи* (чтущіе Бога) еллины и принявъ іудейское вѣрованіе во единого Творца и Правителя міра, считали долгомъ въ три великіе праздника (пасхи, пятидесятницы и поставленія куцей) являться въ Іерусалимъ для припесенія жертвы Іеговъ. Они назывались прозелитами. Прозелитовъ было два разряда: прозелиты *правды*, которые вполне принимали іудейство, обрѣзывались и пр., и прозелиты *вратъ*, которые отказавшись отъ язычества, не вполне принимали законъ Моисеевъ, не обрѣзывались. Будучи свидѣтелями торжественнаго входа Христова въ Іерусалимъ, слыша о многочисленныхъ чудесахъ, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ, еллины легко могли подумать, не Тотъ ли это, о которомъ такъ много говорятъ и Котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждуть Іудеи, то-есть, не Мессія ли это? И рѣшились обратиться къ Нему за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній о Его лицѣ и быть можетъ о какомъ-либо предметѣ вѣры. Можно думать, что то были прозелиты вратъ. Что не праздное любопытство влекло ихъ къ Іисусу Христу, это видно изъ словъ ихъ: „желаемъ видѣть Іисуса“; слово: *видѣть* на языкѣ св. Писанія не значить смотрѣть, а знать, дознать, на самомъ дѣлѣ испытать (Лук. 2, 26); видѣть же Іисуса, смотрѣть на Него

они могли и сами. Еллины не осмѣливаются прямо пойти къ Иисусу Христу, а обращаются сначала къ Филиппу, и Филиппъ счелъ ихъ просьбу столь важною, что не тотчасъ сказалъ о нихъ Христу, а предварительно посоветовался съ Андреемъ и затѣмъ уже и то не одинъ, какъбы не желая принять отвѣтственность на себя одного, а вмѣстѣ съ Андреемъ доложили о нихъ Иисусу Христу.

„Иисусъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ“. Евангелистъ не говоритъ, кому сказалъ въ отвѣтъ; нужно думать, что послѣдующія слова относятся какъ къ еллинамъ, такъ и къ ученикамъ и народу вмѣстѣ, что видно и изъ стиховъ 24 и 34 этой же главы.

„Пришелъ часъ прославиться Сыну человѣческому“. Пришло время распространять славу Божію между язычниками; Іудеи продолжаютъ упорствовать, а язычники сами идутъ. Прежде Онъ говорилъ апостоламъ: „на путь языкъ не идите“ (Мѡ. 10, 5), а теперь наступаетъ часъ, когда нужно проповѣдывать Евангеліе не однимъ Іудеямъ, а и язычникамъ, всему міру. Посему время идти на страданія, чтобы довершить дѣло искупленія рода человѣческаго. Страданія Господа въ Евангеліи называются славою, *напр. нынѣ прославися Сынъ человѣческій.*

„Истинно, истинно говорю вамъ; если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“. Сравниваетъ Себя съ зерномъ, а Свою смерть и погребеніе съ посѣвомъ пшеницы. Не къ пророкамъ обращается, а къ простому и понятному для всѣхъ явленію природы; потому что предъ Нимъ не одни Іудеи, а и язычники, которые не знали пророковъ. Какъ зерно тогда только приноситъ плодъ, когда умираетъ подъ землею, такъ ученіе и дѣла Его тогда только принесутъ плодъ спасенія, когда Онъ своими крестными страданіями и смертію принесетъ Богу Отцу искупительную жертву за грѣхи людей. Сими словами Христосъ и ученикамъ и еллинамъ открываетъ тайну спасающей смерти Своей. Итакъ пусть не смущаются уче-

ники, что Онъ идетъ на смерть, и притомъ тогда, когда стали обращаться къ Нему язычники; вслѣдствіе смерти Его особенно усилится проповѣдь Евангелія и увѣруютъ язычники. Пусть и еллины оставятъ языческую философію и увѣруютъ въ силу крестныхъ страданій и смерти Сына Божія, и тогда сами собою рушатся ихъ сомнѣнія, и душа ихъ найдетъ миръ.

„Любящій душу свою потеряетъ ее; а не навидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную. Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ: и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. И кто Мнѣ служитъ, того почититъ Отецъ Мой“. Въ этихъ словахъ Спаситель кратко излагаетъ сущность христіанскаго правоученія, подобно какъ въ первыхъ изложилъ сущность христіанскаго вѣроученія. Самоотверженіе, простирающееся до готовности не щадить жизни своей за истину съ надеждою сохранить душу для жизни вѣчной, вотъ чего требуетъ Иисусъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей. Еллинамъ особенно нужно было напомнить о самоотверженіи; потому что основаніемъ языческой нравственности служило самолюбіе. „Дѣлай другому хорошо, чтобы тебѣ самому было хорошо“: вотъ правило ихъ жизни! Трудна заповѣдь Спасителя; но за то, какъ высока награда за исполненіе ея! Истинный послѣдователь Христовъ будетъ тамъ, гдѣ пребываетъ Самъ Христосъ, т.-е. на небѣ въ вѣчной славѣ; его не только наградить, но и *почтитъ* Отецъ небесный!

„Душа Моя теперь возмутилась: и что Мнѣ сказать? (это ли?) Отче! избавь Меня отъ часа сего. Но на сей часъ Я и пришелъ. (Нѣтъ. Вотъ что скажу): Отче! прославь имя Твое“.

Мысль о предстоящихъ страданіяхъ и смерти приводитъ въ смущеніе душу Сына человѣческаго. Такъ тяжки эти страданія! Но потому-то они такъ и драгоцѣнны предъ очами правды Божіей. „Такъ бы не слѣдовало говорить, пишетъ св. Златоустъ, Тому, кто убѣждаетъ другихъ идти на смерть; но на самомъ дѣлѣ такія слова особенно при-

лично такому человѣку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда Онъ Самъ недоступенъ для человѣческихъ страданій, легко убѣждать насъ, когда Онъ Самъ внѣ опасности, Онъ показываетъ, что и Онъ страшится смерти, и однакоже для пользы другихъ не отказывается умереть. Впрочемъ это относится къ воспріятому Имъ человѣчеству, а не божеству. Хотя смерть приводитъ насъ въ трепеть, какъбы такъ говорить Господь, но все же мы не должны избѣгать ея. Вѣдь я возмущенъ нынѣ, однако не говорю объ избавленіи отъ смерти, потому что надобно переносить то, чему слѣдуетъ быть. Но говорю: избавь Меня отъ часа сего; но что? Отче! *прослави имя Твое!* Хотя смущеніе заставляетъ Меня говорить тѣ слова, но Я говорю противное. *Прослави имя Твое*, т.-е. возведи Меня на крестъ. Этимъ показываетъ, что умираетъ за истину; ибо смерть Свою называетъ славою Божію“ (2, 272—274).

„Тогда пришелъ съ неба гласъ: и прославилъ и еще прославлю!“ — *Прославили* чудесами, могущественнымъ дѣйствіемъ ученія Его на сердца вѣрующихъ, напр. апостоловъ (Мѡ. 9, 9. Іоан. 6, 68), слугъ первосвященническихъ (Іоан. 7, 32—49), жены, воскликнувшей: блаженно чрево носившее Тебя (Лук. 11, 27), и пр. *И опять прославлю...* даже во время безмѣрнаго униженія, во время самой смерти, особенно же воскресеніемъ, вознесеніемъ на небо, сѣдѣніемъ одесную Мене и чудеснымъ распространеніемъ Евангелія по всей землѣ.

Это третье свидѣтельство съ неба объ Иисусѣ Христѣ. Первое было при крещеніи, второе при преображеніи, третье теперь. Итакъ въ началѣ общественнаго служенія Иисуса Христа, въ срединѣ и концѣ Самъ Богъ Отецъ свидѣтельствовалъ о Немъ, какъ о Сынѣ Своемъ. На Іорданѣ небесный гласъ былъ слышанъ Іоанномъ Крестителемъ; для него онъ преимущественно и назначался, для укрѣпленія вѣры его, что крещенный Самъ есть дѣйствительно *Агнецъ Божій* *вземай грѣхи міра*; на Оаворѣ

гласъ былъ слышанъ тремя избранными учениками, да вѣрують, что учитель ихъ—Сынъ Божій, Господь Моисея и Или и да не соблазнятся подлежащимъ Ему крестомъ. Теперь небесный гласъ раздается предъ іудейскимъ народомъ и первенцами изъ языческаго міра. Самъ Спаситель говорить, что гласъ сей для народа.

„Не для Меня былъ гласъ сей, но для народа“, для опроверженія мнѣнія фарисеевъ, будто Онъ не отъ Бога,—могъ ли быть не отъ Бога Тотъ, о Комъ Самъ Богъ свидѣствуетъ?—для того, чтобы если не теперь, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, въ предстоящемъ Господу униженіи видѣли Его славу и побѣду надъ зломъ.

„Нынѣ судъ міру сему“... Міръ, предъ которымъ и надъ которымъ Христосъ признаетъ этотъ судъ—представляли съ одной стороны Іудей, зараженные фарисействомъ съ своею мнимою святостію, съ другой язычники съ своимъ легкомысліемъ въ дѣлѣ вѣры, съ своею распушенностію въ жизни. Своею смертію, Своимъ прославленіемъ Онъ погубить мудрость мудрыхъ и разумъ разумныхъ отвержетъ; покажетъ, что мудрые міра сего обезумѣли (Рим. 1, 22; 1 Кор. 1, 19), что ихъ мудрость есть вражда противъ Бога, есть глупость и нечестіе; что въ ученіи только Христовомъ—свѣтъ и спасеніе для людей.

„Нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ“. Князь міра—дѣволъ, который чрезъ грѣхопаденіе получилъ не только доступъ къ людямъ, но и власть надъ ними, какъ надъ своими плѣнниками и рабами (Еф. 2, 2). Особенно онъ владѣеть языческимъ міромъ чрезъ идолопоклонство. Онъ-то виновникъ того ослѣпленія и ожесточенія, съ какимъ Іудей преслѣдуютъ Христа (2 Кор. 4, 4). „Княземъ міра, говоритъ св. Кириллъ, называется не потому, чтобы былъ такимъ по правдѣ, а потому, что обманомъ и хищеніемъ приобрѣлъ себѣ такую славу, при худобѣ тѣхъ, которые принимаютъ власть его“. Итакъ чрезъ грѣхъ дѣволъ владѣеть міромъ. Поелику же Іисусъ Христосъ Своими крестными страданіями и смертію оправдалъ насъ предъ Бо-

гомъ во всякомъ грѣхѣ, а Духъ Святый въ таинствахъ усваиваетъ намъ праведность, пріобрѣтенную намъ Христомъ; то очевидно, діаволь не имѣетъ на насъ никакого права. Онъ изгнанъ будетъ вонъ; владычество его прекратится; идола будутъ изгнаны вонъ; храмы разрушены; самъ онъ, пораженный во главу, вверженъ будетъ въ тму кромѣшную, гдѣ червь неуспяемый и огонь неугасаемый.

„И когда Я вознесень буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ.“ Словами: *когда Я вознесень буду отъ земли*, говорить о вознесеніи на крестъ и чрезъ крестъ о вознесеніи на небо. Когда Я пострадаю и затѣмъ прославлюся, тогда соберу подъ крестъ, какъ подъ знамя побѣднѣе, всѣхъ Моихъ читателей. *Всѣхъ* привлеку, и іудеевъ и язычниковъ, Грековъ и Римлянъ, варваровъ и скиѳовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, свободныхъ и рабовъ, образованныхъ и необразованныхъ, философовъ и рыбарей, мужчинъ и женщинъ, *всѣхъ* привлеку. „*Привлеку*. Такъ какъ ихъ держитъ тиранъ и сами по себѣ не могутъ придти (какъ связанные) и освободиться изъ его рукъ, потому что онъ не допускаетъ ихъ; то Я самъ привлеку ихъ Своею благодатію“ (Злат. 2, 277). „Чудно это привлеченіе людей, могущественное и однако не стѣсняющее свободы людей! Слово апостоловъ быстро несется по языческому міру и вездѣ находитъ души, увлекающіяся и увлекаемыя незримою силою для послѣдованія Христу. Ученіе ихъ не льститъ ни одной страсти, напротивъ объявляетъ войну всѣмъ; однако и страсти замолкаютъ предъ нимъ, и сердца дышатъ только для Христа. Язычество, сильное мірскою властію, употребляетъ всѣ мѣры жестокости, чтобы подавить христіанство; а христіанство влечетъ къ себѣ самыхъ враговъ Его. Ложная философія, въ угоду страстямъ, то придумываетъ клеветы на христіанство, то вводитъ въ него ереси, чтобы обезсилить небесное ученіе: но небесное ученіе одолеваетъ враговъ своихъ. Люди и народы разнаго образованія, съ разными характерами и привычками, съ разными условіями климатической жизни признаютъ

въ ученіи галилейскаго учителя счастье для земли и спасеніе для вѣчности. Съ какою точностію исторія народовъ оправдываетъ пророчество Сына Божія: *вся привлеку къ Себѣ!*“ (Ученіе о Словѣ. Филар. Архіеписк. Черниговск. стр. 241).

„Народъ отвѣчалъ Ему: мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ; какъ же Ты говоришь, что должно вознесну быть Сыну человѣческому? Кто этотъ Сынъ человѣчскій?—Закономъ называютъ не одни книги Моисеевы, а все священное Писаніе ветхаго завѣта. Въ ветхомъ завѣтѣ есть поразительныя по ясности мѣста, въ которыхъ говорится, что Мессія придетъ въ униженномъ видѣ, будетъ страдать, умереть на крестѣ и пр. (53 глава пророка Исаи, 21 псаломъ и др.); но первосвященники и книжники намѣренно, или не намѣренно оставляли эти мѣста безъ всякаго вниманія. Пророчества же о духовномъ царствѣ Мессіи, каковыхъ также очень много въ ветхомъ завѣтѣ, напр. Исаи 10, 7; Даніил. 2, 44; Іезек. 37, 20 и др., они объясняли въ томъ смыслѣ, что Мессія оснуетъ видимое, земное царство. Такимъ-то образомъ эти народные учителя затворяли входъ въ царство небесное человѣкамъ; сами не входили и другихъ не допускали (Мѡ. 23, 13).

„Тогда Іисусъ сказалъ имъ: еще на малое время свѣтъ есть съ вами; ходите, пока есть, чтобы не объяла васъ тьма; а ходящій во тьмѣ не знаетъ, куда идетъ. Пока свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта.“ „О какомъ времени говорить здѣсь Господь? спрашиваетъ св. Златоустъ. Разумѣетъ ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю—то и другое, потому что, по неизреченному Его человѣколюбію, многіе увѣровали въ Него и послѣ креста. А говорить Онъ это для того, чтобы возбудить ихъ къ вѣрѣ, что и прежде дѣлалъ. Іоан. 7, 33.“ (Злат. 281 стр.). Спаситель какъ такъ говоритъ Іудеямъ: „спѣшите пользоваться въ простотѣ сердца тѣмъ, что вы видите и слышите отъ Меня и чрезъ

Меня, не увлекаясь сомнѣніями, не предаваясь вопросамъ, не тратя на это времени, котораго остается весьма мало“ (Иннокентій. Послѣдніе дни); иначе тьма предубѣжденій и суевѣрія покроетъ васъ; тяжкій грѣхъ Христоубійства темнымъ покрываломъ ляжетъ на духовныя очи ваши; само священное Писаніе перестанетъ просвѣщать васъ какъ потому, что оно ясно только при вѣрѣ во Христа, такъ и потому, что ваши первосвященники и книжники скажутъ оное, извратятъ смыслъ главнѣйшихъ пророчествъ. „Въ самомъ дѣлѣ чего не дѣлаютъ теперь Іудеи, и однакожь не знаютъ, что дѣлаютъ, но ходятъ какъбы во тьмѣ. Думаютъ, что идутъ по прямому пути, а на самомъ дѣлѣ идутъ противоположнымъ путемъ; соблюдаютъ субботу, хранятъ законъ, наблюдаютъ правила касательно пищи, но не знаютъ куда идутъ“ (Злат. тамъ же).

Тоже самое сими словами Господь внушаетъ и каждому изъ насъ: еще не много времени, и въ послѣдній разъ зайдетъ для тебя это солнце, въ послѣдній разъ Господь позоветъ тебя къ покаянію чрезъ Свою Церковь, и за тѣмъ тѣло твое ляжетъ въ могилу, а душа? Если она въ этой жизни не просвѣщала себя единымъ, незаходимымъ, вѣчнымъ свѣтомъ, то удѣлъ ея за гробомъ—вѣчная тьма!

„Сказавъ сіе, Іисусъ отошелъ и скрылся отъ нихъ. Онъ пошелъ въ Виванію и тамъ провелъ ночь“ (Мѡ. 21, 17).

Такъ кончился этотъ многознаменательный день!

Мы подробно передали содержаніе рѣчи Спасителя, сказанной по поводу пришествія къ Нему еллиновъ, и по возможности изъяснили ее. Очевидно, что Спаситель, произнося ее, имѣлъ въ виду не однихъ еллиновъ, а и народъ, который встрѣчалъ Его, какъ царя своего. Такъ поняли это и Іудеи, и потому начали высказывать свои мнѣнія (Іоан. 12, 34). Можно теперь представить, какое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на восторженныхъ поклонниковъ Его, на тѣхъ мечтателей, которые думали видѣть въ Немъ Мессію—царя земнаго. Они ожидали, что вотъ сейчасъ Онъ объявитъ Себя царемъ, откроетъ Свое земное цар-

ство, и вдругъ слышать, что Онъ долженъ пострадать и умереть и притомъ какую смертію? Крестною, самою позорною, о которой сказано: *проклятъ всякъ овсянй на древь* (Второзак. 21, 23)! Какъ же это такъ? неволью срывается изъ устъ ихъ. Мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣки. Какой же это Мессія? Они мечтали наслаждаться въ царствѣ Мессіи благами земными, и вдругъ имъ обѣщаютъ крестъ, ставятъ обязанностію самоотверженіе! Какое горькое разочарованіе! Не то мы думали, не того ожидали, толкуютъ они между собою. *Жестоко слово сіе! Кто можетъ слушать его!* Не по насъ этотъ Мессія! И разошлись каждый по домамъ. Здѣсь повторилось тоже, что случилось нѣкогда послѣ насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ: Іудеи хотѣли поставить Его своимъ царемъ; но вдругъ оставили Его, когда услышали отъ Него не то слово, какое хотѣлось имъ слышать. Такъ было и при входѣ въ Іерусалимъ. Господь вошелъ въ Іерусалимъ сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ народа, а вышелъ изъ него одинъ въ сопровожденіи только ближайшихъ своихъ учениковъ. Изъ народа же никто и не подумалъ провожать Его. Вотъ причина, почему входъ въ Іерусалимъ, такое торжественное событіе въ жизни нашего Спасителя, такъ рѣзко выдѣляющееся изъ другихъ событій, *повидимому* не сопровождался никакими послѣдствіями. И когда на другой день дѣти, увидавъ Спасителя во храмѣ, припомнили вчерашнее торжество и начали кричать Ему: *осанна!*—первосвященники могли уже съ злорадствомъ указать на нихъ Спасителю: смотри, вотъ что осталось отъ твоего вчерашняго торжества: его помнятъ только дѣти!

Однакоже для чего допущено Промысломъ Божиимъ такое величественное явленіе Царя Сіонскаго? Ужели это только блистательное, но скоро исчезающее зрѣлище? Быть не можетъ, чтобы такое чрезвычайное событіе и въ такой чрезвычайной жизни не имѣло никакого значенія. Иначе зачѣмъ пророчество? Для чего такое множество

чудесь? Какое намѣреніе столь необычайныхъ распоряженій? Что же значить входъ Господень въ Іерусалимъ? Какое его значеніе въ дѣлѣ общественнаго служенія Іисуса роду человѣческому?

Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа былъ предъ концемъ пророческаго служенія Его роду человѣческому и предъ началомъ первосвященническаго, которое кончилось Его смертію. Но извѣстно, что пророки изображали Мессію не только пророкомъ и первосвященникомъ, но и царемъ, и Онъ дѣйствительно былъ царь въ томъ самомъ самомъ смыслѣ, въ какомъ и мы понимаемъ это слово; ибо былъ истиннымъ потомкомъ царя Давида. Извѣстно также, что Іудеи ожидали въ лицѣ Мессіи—Мессію царя; они ошибались, но ошибались, если можно сказать, только въ половину: они хотѣли видѣть царя, но не хотѣли, или не умѣли видѣть въ этомъ царѣ первосвященника, самого Себя приносящаго въ жертву за спасеніе. А пророки, повторимъ, дѣйствительно изображаютъ Его царемъ, и Онъ дѣйствительно есть царь не неба только, а и земли. А между тѣмъ царскаго Своего достоинства Онъ доселѣ не обнаруживалъ. Однажды сами Іудеи предложили Ему царскую власть, но Онъ уклонился отъ нея сколько потому, что не пришло время объявлять Себя царемъ, столько же безъ сомнѣнія и потому, что Онъ есть царь не волею народною, но Своею Божіею властію. Теперь Онъ пріемлетъ сію власть, являетъ Себя царемъ, и весь народъ іудейскій привѣтствуетъ Его, какъ своего царя. Теперь дщерь Сіона не можетъ сказать, что она не приняла Іисуса Христа потому, что ожидала царя. А развѣ при входѣ въ Іерусалимъ она не царя встрѣчала? Развѣ не царя привѣтствовали торжественнымъ, царскимъ: *осанна*? Нѣтъ, еслибы разсуждали, Господа славы не распяли бы (1 Кор. 2, 8). Но если по плану домостроительства нашего спасенія Христосъ долженъ былъ объявить Себя царемъ, то вмѣстѣ съ симъ Онъ долженъ былъ показать духъ и характеръ Своего царствованія надъ людъ-

ми. Это не духъ вѣшняго господства, а духъ нравственнаго превосходства, которому подчиняюся свободно и любовно. Въ этомъ отношеніи какое высокое преимущество имѣеть царствованіе Христово предъ царствованіемъ владыкъ земныхъ! Цари земные часто господствуютъ надъ людьми однимъ страхомъ; Христосъ царствуетъ любовію; первые дѣйствуютъ на подданныхъ вѣшнимъ блескомъ; Христосъ влечетъ къ себѣ сердца людей силою Своего нравственнаго характера; тамъ часто насиліе; здѣсь всегда свобода; тамъ господство надъ рабами; въ царствѣ Христа нѣтъ рабовъ, а только сыны. Посмотрите на входъ въ Іерусалимъ. Чѣмъ богато это торжество Спасителя? Одною любовію народною. Его встрѣчаютъ какъ царя; Ему постилаютъ одежды; Ему кричатъ: осанна! Но гдѣ торжественная колесница? Гдѣ царская пышная свита? Гдѣ порфира и діадима? На Спасителѣ обычный Его хитонъ; вмѣсто колесницы осель, обычное вьючное животное; вмѣсто свиты двѣнадцать учениковъ, такіе же бѣдные, какъ Онъ Самъ. Справедливо говорить блаженной памяти пресвященный Иннокентій: „самый послѣдній изъ владѣльцевъ никогда не являлся въ такой простотѣ и убожествѣ, какъ теперѣ Іисусъ“. И однакоже эта простота и убожество такъ сильна, что всякая другая сила не можетъ съ нею равняться; она должна поклониться ей, или по крайней мѣрѣ уклониться отъ нея, чтобы не быть уничтоженною ею. Въ самомъ дѣлѣ вспомнимъ, что синедріонъ въ это время уже осудилъ Іисуса Христа на смерть, что всякій іудей подъ опасеніемъ строгаго наказанія обязанъ былъ донести синедріону о мѣстопробываніи Іисуса, какъ только узнаетъ о Немъ. И вотъ этотъ осужденный Іисусъ торжественно входитъ въ Іерусалимъ, въ храмъ, гдѣ проводитъ цѣлый день; эти іудеи, обязанные донести объ Іисусѣ, встрѣчаютъ Его царскими почестями. Синедріонъ видитъ и ничего не можетъ сдѣлать! Не могущество ли это, не сила ли?

Такимъ образомъ на входъ въ Іерусалимъ мы должны

смотрятъ какъ на исполненіе всѣхъ пророчествъ о царскомъ Его служеніи и вмѣстѣ на разъясненіе ихъ.

Враги Иисуса Христа постоянно клеветали на Него; сначала они обличали Его въ нарушеніи отеческихъ преданій, потомъ въ нарушеніи закона Моисеева, въ богохульствѣ, и чтобы вѣрнѣе погубить,—въ государственной измѣнѣ, въ возмущеніи народа. Какъ ни нелѣпы эти клеветы, все же онѣ бросали нѣкоторую тѣнь на дѣятельность Спасителя; находились легковѣрные, которые слушали ихъ. Спаситель и прежде обличалъ эти клеветы, но это было частнымъ образомъ; нужно было предъ всѣмъ іудейскимъ народомъ показать, какъ онѣ неосновательны, дабы всѣ видѣли, какая чистая и непорочная жертва приносится въ жертву Богу-Отцу. „Не отъ Бога этотъ человекъ, потому что субботы не хранить“, внушали народу фарисеи. Но весь народъ Іудейскій слышалъ, какъ Самъ Богъ свидѣтельствовалъ объ Иисусѣ Христѣ, что прославилъ Его и еще прославить. Могъ ли такой человекъ быть не отъ Бога?—„Не думаетъ этотъ человекъ о судьбѣ своего народа; своими льстивыми рѣчами доведетъ Онъ его до гибели; придутъ Римляне и овладѣютъ нашимъ мѣстомъ и городомъ“ (Іоан. 11, 48). Но, стѣдило видѣть Иисуса при входѣ въ Іерусалимъ, чтобы узнать, какъ нелѣпа эта клевета. Весь народъ іудейскій видѣлъ Его плачущимъ о судьбѣ своего города. Могъ ли быть обольстителемъ народа, врагомъ своего отечества Тотъ, Кто такъ горько плакалъ объ участи Іерусалима?—„Онъ ищетъ Себѣ царства; возмущаетъ народъ противъ кесаря“—будутъ клеветать на Него враги Его предъ Пилатомъ. Но еще прежде отвѣта Пилату: *царство Мое не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36), Господь далъ отвѣтъ на эту клевету предъ всѣмъ народомъ іудейскимъ при Своемъ входѣ въ Іерусалимъ. Весь народъ іудейскій слышалъ, что Онъ не о царствѣ, а о крестѣ велъ бесѣду по поводу пришествія къ Нему елливовъ. Еслибы Онъ искалъ царства, Онъ воспользовался бы этимъ воодушевленіемъ народа и те-

перь открылъ бы враждебныя дѣйствія противъ Римлянъ. Еслибы Онъ искалъ царства, сами Римляне обратили бы вниманіе на этотъ входъ; но они оставались хладнокровными зрителями этого торжества. Значить какъ въ этомъ входѣ, такъ и во всей дѣятельности Христовой ничего не видѣли противогосударственного.

Далѣе входъ въ Іерусалимъ имѣлъ рѣшительное вліаніе на самую жизнь Спасителя, именно онъ ускорилъ Его спасительныя для насъ страданія и живоносную смерть. Враги Іисуса Христа здѣсь съ поразительною ясностію увидѣли, какую громадную силу часъ отъ часу Онъ пріобрѣтаетъ въ народѣ, и потому рѣшились употребить всѣ усилія къ тому, чтобы избавиться отъ такого опаснаго учителя. „Видите ли, говорили фарисеи между собою, что вы не успѣваете ничего? весь міръ идетъ за Нимъ“ (Іоан. 12, 19). Видите ли, что полумѣры тутъ не у мѣста? Видите ли, что нужно дѣйствовать рѣшительно? И дѣйствительно съ этого времени они неотступно преслѣдуютъ Его, стараясь уловить Его хотя въ какомъ-либо неосторожномъ словѣ; съ этого времени въ самомъ синедрионѣ уже оффиціально говорятъ о смерти Спасителя, назначаютъ ей время; съ этого времени и самъ Спаситель ведетъ Себя какъ жертва, обреченная на закланіе. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ и самый день входа въ Іерусалимъ, 10-е марта, день, въ который Іудеи выбирали и отдѣляли пасхальнаго агнца. Для тѣхъ, кто видѣлъ и видитъ въ Іисусѣ Христѣ не простаго учителя, а агнца закланнаго прежде сложенія міра, такое совпаденіе не могло и не можетъ не быть знаменательно, и конечно не безъ особенной цѣли допущено Промысломъ Божиимъ. Послѣ сего понятно, почему входъ въ Іерусалимъ совершенъ былъ Спасителемъ предъ концемъ, а не въ началѣ общественнаго служенія роду человѣческому (См. о семъ Златоуста толк. на Ев. Матѳея).

Съ другой стороны входъ въ Іерусалимъ убѣждаетъ каждаго безпристрастнаго ислѣдователя въ томъ, что страда-

ніа Христовы были вольныя, что Онъ страдалъ не потому, что не могъ избѣжать страданія, но потому, что Самъ восхотѣлъ пострадать. Могла ли горсть враговъ Исуса Христа, правда, знатныхъ, но не любимыхъ, а только официально чтимыхъ народомъ, взять Того, одно появленіе Котораго приводило въ неописанный восторгъ безчисленныя народныя толпы, почти весь іудейскій народъ, *еслибы Онъ Самъ того не восхотѣлъ?* Могъ ли быть распятымъ чрезъ нѣсколько дней Тотъ, Кого іудейскій народъ торжественно предъ лицомъ цѣлаго синедріона и римской преторіи встрѣчалъ какъ царя своего, *еслибы Онъ Самъ того не восхотѣлъ?* Въ этомъ отношеніи входъ въ Іерусалимъ имѣлъ одно и тоже значеніе, какъ и Преображеніе Господне. И при входѣ въ Іерусалимъ, какъ и Преображеніи Господнемъ, каждый имѣетъ полное право сказать: *да егда Тя узрятъ распинама, страданіе убо уразумѣютъ вольное.* Но во время Преображенія созерцали славу Божественную Спасителя три ученика, здѣсь видитъ туже славу только въ другомъ видѣ уже весь іудейскій народъ и имѣющіе умъ, не ослѣпленный предразсудками, и сердце, не омраченное злобою, не могутъ не разумѣть страданія Его вольнаго, не могутъ не проповѣдывать міру, что Онъ есть вѣстину Сынъ Божій, Отчее сіяніе.

Наконцѣ торжественный входъ въ Іерусалимъ заключаетъ въ себѣ тайну будущаго. Онъ не есть только исполненіе пророчества Захаріи, или всѣхъ пророчествъ о царскомъ служеніи Мессіи, но вмѣстѣ и самъ есть пророчество: въ немъ предъизображена будущая исторія Церкви Христовой, будущее распространеніе вѣры Христовой. Вотъ какъ о семъ богословствуетъ св. Златоустъ: „Спроси іудея, былъ ли какой царь, который на ослати вѣзжалъ въ Іерусалимъ: онъ ни объ одномъ тебѣ не скажетъ, какъ только о Немъ. Но Онъ дѣлалъ это и въ предзнаменованіе будущаго. Здѣсь чрезъ осленка означается церковь, и народъ новый, который былъ нѣкогда нечистъ, но послѣ того, какъ возсѣлъ на него Исусъ Христосъ, со-

дѣлался чистымъ. Замѣть же, какая точность во всемъ прообразованіи. Ученики отвязываютъ подъяремниковъ; и іудеи и мы призваны въ новоблагодатную Церковь чрезъ Апостоловъ, введены въ оную тоже чрезъ апостоловъ. Наша блаженная и славная участь и въ іудеяхъ возбудила ревность: осель идетъ позади осленка. И дѣйствительно послѣ того, какъ Иисусъ Христосъ возсядетъ на язычниковъ, тогда и іудеи по своей ревности придутъ къ Нему, что ясно показываетъ Апостоль Павелъ, говоря: *ожесточеніе произошло во Израиль отчасти до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ, и такимъ образомъ весь Израиль спасется* (Римл. 11, 25. 26). Какъ никто не препятствовалъ Апостоламъ, когда они вели оныхъ животныхъ, такъ никто не могъ остановить ихъ въ призваніи язычниковъ, когда они сихъ уловляли. Но обрати вниманіе и на послушаніе осленка, какъ онъ, вовсе необученный и не знавшій еще узды, не помчался быстро, по шель тихо и спокойно. И это служило предзнаменованіемъ будущаго, выражая покорность язычниковъ и скорую ихъ перемѣну къ благоустроенной жизни. Все это совершилось словомъ: *отвязавъ приведите ко Мнѣ*, и беспорядочное пришло въ благоустройство, и нечистое сдѣлалось чистымъ“ (на Мате. 3, 137. 138).

Такое значеніе имѣетъ входъ въ Іерусалимъ. Послѣ сего можно ли сказать, что это было блистательное, но исчезающее зрѣлище, что здѣсь какъ молнія открывается царство небесное, и какъ молнія поглощается областію темною? Нѣтъ; это не молнія, а свѣтъ, просвѣщающій и общественное служеніе роду человѣческому, и самую жизнь Спасителя, особенно Его вольныя страданія, и наконецъ даже будущую исторію Церкви Христовой.

Священникъ Михаилъ Некрасовъ.

ІЕРОСХИМОНАХЪ АЛЕКСІЙ, ПОДВИЖНИКЪ СИМОНОВА МОСКОВСКАГО МОНАСТЫРЯ *).

Въ Симоновомъ московскомъ монастырѣ, противъ олтаря больничной церкви смиренная плита съ лѣтописною надписью покрываетъ могилу блаженнаго старца, іеросхимонаха Алексія, мало извѣстную и мало посѣщаемую. Между тѣмъ святая жизнь его преисполнена глубокаго душеназиданія: сперва строгій подвижникъ въ жизни мірской на службѣ военной, потомъ смиренный послушникъ, благоговѣйный инокъ-священнослужитель, уединенный пустынный, опытный строитель, и наконецъ прозорливый старецъ-молитвенникъ, какъ свѣча предъ Богомъ возженная, догоравшій въ Симоновѣ на покоѣ,—во всѣхъ этихъ положеніяхъ преподаетъ онъ намъ обильные уроки благочестія.—Іеросхимонахъ Алексій, въ мірѣ Василій, родился въ 1722 году, Пермской губерніи Соликамскаго уѣзда въ селѣ Орлѣ, что на рѣкѣ Камѣ, отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ—Іоанна и Марѣи, по фамиліи Блинскихъ, имѣвшихъ небольшое помѣстье въ означенномъ селѣ и занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ. Двухъ лѣтъ отъ рожденія своего Василій лишился отца, оставившаго молодую вдову свою съ малолѣтними сыномъ и двумя дочерьми. Мать Василія вскорѣ затѣмъ вступила

*) Очеркъ этотъ составленъ изъ современныхъ старцу записокъ о немъ его сподвижника и ученика іеромонаха Іоны, и изъ рассказовъ о немъ лицъ, слышавшихъ о жизни его и подвигахъ отъ его современниковъ въ Симоновѣ, изъ коихъ смѣю назвать ризничаго Симонова монастыря, почтеннаго старца о. іеромонаха Мельхиседека, благосклонно доставившаго мнѣ нѣкоторые рукописи, касающіяся этого предмета.

во второй брак, дѣтей же отъ перваго мужа отдала на попеченіе мужнину брату, ихъ дядѣ, вручивъ ему же управленіе ихъ отцовскимъ имѣніемъ. Дядя-опекунъ, изъ своихъ выгодъ продалъ это имѣніе, лишивъ сиротъ принадлежащаго имъ наслѣдства. Затѣмъ сироты жили въ его домѣ не безъ скорбныхъ притѣсненій отъ него и его семьи, и такимъ образомъ дѣтство Василія прошло не весело, съ малыхъ лѣтъ научился онъ терпѣть невзгоды житейскія. На седьмомъ году его начали обучать грамотѣ: понятливый и очень прилѣжный, онъ вскорѣ хорошо выучился грамотѣ; вмѣсто игръ и забавъ дѣтскихъ особенно любилъ чтеніе Божественныхъ книгъ. Учитель его, мѣстный священникъ, видя его охоту къ чтенію, давалъ ему книги, какія имѣлъ, и особенно полюбилось мальчику чтеніе Четьихъ-миней святителя Димитрія Ростовскаго. Запечатлѣвая въ душѣ своей свѣтлые образы жизни Святыхъ Божіихъ, невольно и самъ онъ проникался искреннимъ желаніемъ угождать Богу по ихъ примѣру. Недалеко отъ мѣстожителства его находился мужскій монастырь: отрокъ съ ревностію ходилъ въ него къ службамъ церковнымъ, присматривался къ жизни иноческой и отъ души ее полюбилъ. Иноки, видя благонравіе мальчика, ласкали его, водили его съ собою въ трапезу; простыя снѣди ихъ казались ему гораздо вкуснѣе домашней пищи, ибо вкушаемы были при чтеніи душеполезныхъ книгъ, привлекавшихъ его любознательность. Частыя отлучки въ монастырь навлекли на отрока неудовольствіе и выговоры его родныхъ: съ молчаніемъ выслушивалъ ихъ Василій, и продолжалъ тайкомъ отъ всѣхъ посѣщать обитель. Скорбя о томъ, что домашніе препятствуютъ ему ходить туда къ службамъ Божіимъ, зашелъ онъ однажды въ уединенную часовню, стоявшую внѣ вратъ монастырскихъ, и предъ иконою распятаго Господа, тамъ находившеюся, началъ усердно молиться, чтобы Спаситель міра расположилъ сердца домашнихъ его къ исполненію его желанія безпрепятственно молиться въ обители. Особенное благодатное

утѣшеніе ощутилъ при этомъ отрокъ, и впервые почувствовалъ силу и благотворность истинной сердечной молитвы. Съ тѣхъ поръ, каждый разъ, при посѣщеніи монастыря, считалъ онъ долгомъ зайти въ часовню помолиться предъ ликомъ Спасителя, повѣдать предъ нимъ въ молитвѣ свои скорби и свои желанія и почерпнуть новыя силы къ безропотному терпѣнію житейскихъ невзгодъ. Просилъ онъ также со слезами Господа даровать ему сердце сокрушенное и смиренное и благоустроить его жизнь ко спасенію. Родственники, видя, что частыя посѣщенія монастыря не мѣшаютъ Василию отлично учиться, перестали выговаривать ему за отлучки въ монастырь и начали ласковѣе обходиться съ кроткимъ и молчаливымъ мальчикомъ. Никто не видѣлъ его смѣющимся или праздно-словащимъ; всѣмъ, что давали ему, былъ онъ доволенъ, всѣмъ былъ покоренъ и послушенъ. Старцы монастыря начали снабжать его свято-отческими книгами, которыя прочитывалъ онъ съ жадностію, почерпая въ нихъ уроки святой жизни, и нерѣдко плакалъ надъ ними по ночамъ: особенно книга св. Ефрема Сирина умиляла его. Вкусивъ при помощи ея чтенія сладость слезнаго плача, онъ потомъ часто плакалъ и при другомъ чтеніи и при молитвѣ. Такимъ образомъ, подъ покровомъ благодати Божіей, Василій росъ и преуспѣвалъ въ благочестіи. Но и врагъ спасенія человѣческаго не дремалъ; не снесъ онъ того, что юный Василій такъ ревностно подвизается, и началъ наводить на него страхъ во время молитвы ночной, ибо днемъ не всегда можно было Василию молиться безпрепятственно, почему пользовался онъ для сего преимущественно тишиною ночи. Какъ только становился на молитву ночью, онъ отъ страха какъ бы оцѣпенѣвалъ весь, холодѣлъ и чувствовалъ головокруженіе. Тѣмъ не менѣе не оставлялъ молиться, усугублялъ слезы и поклоны, и страхъ исчезалъ, оставляя по себѣ лишь изнеможеніе тѣлесное. Убѣдившись, что искушеніе это происходитъ въ немъ отъ дѣйства демонскаго, началъ онъ усиленно бороться съ нимъ и при помощи Божіей

терпѣніемъ и постоянствомъ въ молитвѣ успѣлъ отразить врага, имѣвшаго цѣлю, чувствомъ сграха отвлечь его отъ подвига молитвеннаго. Вскорѣ за тѣмъ получилъ онъ знаменательное сновидѣніе. Однажды, послѣ ночной молитвы, претруженный легъ онъ и заснулъ; въ сонномъ видѣніи предстали ему—свѣтлый юноша въ бѣлой одеждѣ и черный звѣрообразный эѳіопъ, которые какъ бы спорили о немъ между собою. Юноша приказалъ ему бороться съ эѳіопомъ, на что онъ отрицался немоцію своею. «Иди смѣло,—говорить ему юноша,—Богъ поможетъ тебѣ одолѣть и попать врага». Съ крестнымъ знаменіемъ вступилъ Василій въ борьбу, и низринулъ противника. Проснувшись, долго думалъ онъ о значеніи этого сна и наконецъ рѣшилъ, что во снѣ ему предъказана свыше его судьба. Вѣрно предстоитъ претерпѣть мнѣ еще много скорбей и искушеній,—помышлялъ въ себѣ Василій,—чтобы помощію Божіею преодолѣть ихъ терпѣніемъ.

Съ тѣхъ поръ сталъ онъ особенно внимателенъ къ своимъ помысламъ и поступкамъ, тщательно сталъ избѣгать осужденія и злорѣчія и хранить чистоту своей совѣсти. Казалось, что при такомъ нравственномъ направленіи, Василію свойственнѣе всего было бы вступить въ ряды воиновъ Христовыхъ, иноковъ; но Господь судилъ иначе. Помимо своего желанія, Василій опредѣленъ былъ родственниками своими въ военную службу и цѣлыхъ 24 года служилъ отечеству. Среда, въ которой вращался Василій по службѣ своей, далеко не соотвѣтствовала благочестивому настроенію его души; но онъ неизмѣнилъ своего обычая и душевнаго желанія благоугождать Богу: онъ удалялся отъ порочныхъ товарищей и оберегалъ себя отъ соблазновъ и неполезныхъ бесѣдъ; при тщательномъ исполненіи обязанностей служебныхъ, по прежнему посвящалъ ночи молитвѣ, прилежному чтенію душеполезному, строго хранилъ посты, по возможности часто посѣщалъ храмы Божіи, постояннымъ трезвеніемъ ума искоренялъ помыслы нечистые и какъ зѣницу ока хранилъ свое дѣвство по душѣ и по тѣлу.

Смиранный, какъ всегда, не прельстился онъ честолюбіемъ и даже добровольно уклонился отъ офицерскаго чина, и въ званіи рядоваго проходя военную службу, считалъ ее ничѣмъ инымъ, какъ искусомъ къ вступленію въ монашество. Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, въ рабіемъ зракѣ пришелъ на землю насъ спасти, говорилъ самъ себѣ Василій; поэтому, чѣмъ смиреннѣе и ниже будетъ мое званіе, тѣмъ ближе буду я къ Нему. Товарищи, примѣтивъ его набожность, начали надъ нимъ издѣваться, пытались завлекать его на попойки и зрѣлища соблазнительныя, иногда зазывали его къ себѣ какъ бы по дѣлу, но вмѣсто того предлагали ему принять участіе въ винопитіи съ ними. Однажды, за отказъ пить съ ними вино, подвергся отъ нихъ Василій жестокимъ побоямъ. Въ другой разъ, принужденъ былъ онъ оставить въ рукахъ ихъ часть своей одежды и уйти въ окно отъ соблазнительнаго зрѣлища, къ которому силою влекли его развратные сослуживцы. Съ незлобіемъ прощалъ имъ кроткій послѣдователь Христовъ всѣ эти продѣлки, молился за нихъ, чтобы вразумились и уцѣломудрились, и никогда не жаловался начальству. Служилъ онъ въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку, который послѣ войны съ Пруссіею въ царствованіе Елисаветы сталъ на квартирахъ въ г. Болховѣ Орловской губерніи. Въ это время Василій получилъ отъ начальника своего назначеніе весьма тяжелое для его благочестиваго настроенія души: онъ назначенъ былъ въ полковые музыканты, и волей-неволей бывалъ зрителемъ веселыхъ попоекъ и шумныхъ оргій начальства, призывавшаго нерѣдко для своей потѣхи военную музыку, которая такимъ образомъ иногда цѣлыя ночи должна была играть для развлеченія веселой компаніи. Впрочемъ приключившійся ему недугъ вскорѣ помогъ ему избавиться отъ несвойственнаго ему занятія, и онъ по прежнему могъ посвящать ночи бдѣнію молитвенному. Въ Болховѣ часто началъ онъ посѣщать вблизи находящійся Оптиный монастырь, пустынный чинъ котораго очень ему нравился. Однажды,

пришедъ туда къ утренѣ, забылся онъ въ церкви легкою дремотою, и вотъ видится ему, будто сонмъ иноковъ въ священныхъ облаченіяхъ постригаютъ его въ монашество, послѣ чего говорятъ другъ къ другу: „онъ свято понесетъ это иго, и будетъ истиннымъ монахомъ“. При этихъ словахъ Василій пробудился, и знаменательное видѣніе призналъ за указаніе, что приблизилось уже для него время, давнее желанье свое посвятить себя подвигамъ иноческимъ осуществить самымъ дѣломъ. Въ то время подвизалась въ Болховѣ одна тайная раба Божія по имени Февронія, Христа ради юродствовавшая и имѣвшая даръ прозорливости. Василій, встрѣтившись съ нею однажды на улицѣ, палъ ей въ ноги и просилъ преподавать ему наставленіе, какъ ему спастись. Преподобная мати, сказалъ онъ ей въ духѣ глубокаго смиренія, по данной тебѣ отъ Бога благодати, наставь меня на путь спасенія. Юродивая, пристально взглянувъ на него, измѣнила на сей разъ обычному юродственному обычаю, и преподала ему душеполезное наставленіе: „молись Богу, поучала она его, молись Ему усердно и нелѣбно, храни чистоту, возлюби воздержаніе, упряжайся въ смиреніи, почитай себя худшимъ и недостойнѣйшимъ всего міра, тщательно исполняй свои обязанности, и спасешься!“ Къ этому присовокупила также нѣсколько пророчесственныхъ о немъ словъ, которыя въ свое время сбылись со всею точностію. Она благословила его, обѣщала о немъ молиться и въ свою очередь просила поминать ее предъ престоломъ Божиимъ въ свое время, прозрѣвая въ будущемъ ожидавшій его санъ священства. По случаю мирнаго времени, занятія въ полку были весьма незначительны, и Василій имѣлъ много свободнаго времени: онъ началъ отлучаться изъ полка, обошелъ многіе монастыри, посѣщаль старцевъ опытныхъ въ подвижничествѣ, испрашивалъ себѣ ихъ наставленій, которыя запечатлѣвалъ въ своемъ сердцѣ. Тайнымъ образомъ проходилъ онъ и самъ не легкіе подвиги: въ зимнее время, иногда по цѣлымъ ночамъ

босой выстаивалъ на молитвѣ на колокольняхъ церковныхъ, подражая въ стояніяхъ этихъ терпѣнію древнихъ столпниковъ; за тѣмъ, никѣмъ незамѣченный, спускался къ началу утрени въ церковь, выстаивалъ утреню и литургію, потомъ уходилъ за городъ въ самыя уединенныя пустынные мѣста, гдѣ упражнялся въ богомыслии, строгомъ постѣ и слезныхъ молитвахъ. Иногда занимался ловлею рыбы въ ближней рѣкѣ, затѣмъ рыбу продавалъ и цѣну ея раздавалъ нищимъ. Все рѣже и рѣже началъ онъ появляться въ полкъ свой, никто его не требовалъ, о немъ какъ бы забыли и начальники и товарищи, что весьма его радовало, ибо давало ему полный просторъ посвящать себя всецѣло Богу. Но вотъ Ширванскій полкъ получилъ назначеніе, послѣ шестилѣтней стоянки въ Болховѣ, идти на новыя квартиры въ Москву. Назначеніе это весьма опечалило Василія: онъ предчувствовалъ, что тамъ нельзя ему будетъ проводить прежній уединенный образъ жизни, и кому же опасался взыскапія отъ начальства за долговременныя самовольныя отлучки. Рѣшившись проситься въ отставку, явился онъ къ своему капитану, чистосердечно признался ему въ своемъ желаніи и намѣреніи, и просилъ его ходатайствовать за него объ увольненіи его изъ военной службы. Съ участіемъ выслушавъ его признаніе, капитанъ обнадежилъ его отставкою въ Москвѣ, куда и назначилъ ему слѣдовать въ обозѣ съ его вещами. Но тутъ случилось непредвидѣнное препятствіе къ исполненію его желанія: по случаю приготовленія къ войнѣ объявленъ былъ приказъ, строго воспрещавшій отставки нижнимъ чинамъ. Казалось, не оставалось Василію никакой надежды освободиться отъ многоскорбнаго для него ига, но онъ не унывалъ: уповая на милость Божію явился онъ къ генералу, командиру своего полка, и умолялъ его объ отставкѣ для поступленія въ монашество. Генералъ разгнѣвался на него за подобную просьбу и выгналъ его вонъ. Оставалось одно,—бѣжать изъ полка, на что Василій и рѣшился было, но привкнувъ во всемъ покоряться указанію свыше, пошелъ

къ одному старцу подвижнику и открылъ ему свое намѣреніе бѣжать изъ полка въ какой либо дальній монастырь. Старець не похвалилъ этого намѣренія и посовѣтовалъ ему потерпѣть еще немного, обнадеживая, что если Богу угодно его намѣреніе, то Онъ невѣдомыми своими судьбами освободитъ его отъ службы законнымъ путемъ, вопреки всѣмъ препятствіемъ человѣческимъ. Василій рѣшился ожидать милости Божіей, которую испрашивалъ себѣ непрестанными слезными молитвами. Положеніе его въ полку дѣйствительно было очень тяжело: подъ гнѣвомъ у генерала, отчужденный отъ товарищей-сослуживцевъ, жилъ онъ какъ опальный, ежечасно ожидая новыхъ невзгодъ. Но вотъ приблизилась часъ его избавленія, которое совершилось чудно и неожиданно: однажды встрѣтился онъ на пути съ однимъ незнакомцемъ, привлечшимъ его къ себѣ благоговѣйнымъ и кроткимъ обликомъ. Василій вступилъ съ нимъ въ бесѣду и познавъ въ немъ раба Божія, чистосердечно расказалъ ему свое горе. Незнакомецъ совѣтовалъ не медлить болѣе и скорѣй поступать въ монастырь, пока еще не погасла въ немъ ревность по Богѣ. На возраженіе Василія, что его никакъ не хотятъ отпустить въ отставку, незнакомецъ предложилъ ему прибѣгнуть къ ходатайству преосвященнаго Иннокентія Псковскаго, всегда готоваго помогать ищущимъ спасенія. На другой же день Василій отправился къ Преосвященному, но не былъ къ нему допущенъ. На третій день, пришедъ къ службѣ въ крестовую церковь преосвященнаго, онъ просилъ одного изъ иноковъ, проводить его къ владыкѣ, говоря, что хочетъ у него проситься въ монахи. Инокъ сурово обошелся съ просителемъ, и посмѣявшись намѣренію солдата быть монахомъ, поручилъ архіерейскому келейнику проводить его въ пріемную. „Доброе дѣло, брате, задумалъ ты,“ — ободрилъ приунывшаго Василія келейникъ и обнадежилъ его милостивымъ вниманіемъ со стороны владыки. Дѣйствительно, преосвященный Иннокентій отечески выслушалъ Василія, распросилъ о его службѣ и на-

чальствѣ, при чемъ открылось, что генераль, его пачальникъ, хорошо знакомъ преосвященному. Преосвященный написалъ ему письмо и вручивъ его Василию для отдачи его генералу, обѣщаль ему полный успѣхъ въ дѣлѣ его отставки. Обнадеженный, пошелъ онъ отъ святителя къ своему генералу, долго не былъ къ нему допускаемъ, ибо никто не хотѣлъ о немъ доложить, наконецъ былъ потребованъ и на вторичную просьбу объ отставкѣ получилъ отъ генерала вторичный отказъ, съ подтвержденіемъ, что ему, при его нестарыхъ годахъ слѣдуетъ еще служить и мысль объ монашествѣ оставить. Въ отвѣтъ на это, Василій подалъ письмо преосвященнаго Иннокентія, которое произвело совершенную перемену въ обращеніи и словахъ генерала: онъ съ веселымъ видомъ тотчасъ принялъ просьбу Василія объ отставкѣ и обѣщаль ее не задерживать болѣе. „Если владыкѣ Псковскому такъ угодно, и если онъ этого желаетъ, то съ моей стороны препятствія нѣтъ“, — сказалъ генераль, и дѣйствительно вскорѣ выдалъ просителю формальную отставку.

Затѣмъ, спустя нѣсколько времени, хотя не обошлось дѣло безъ канцелярскихъ проволочекъ, полученъ былъ имъ изъ консисторіи указъ о его перечисленіи въ духовное вѣдомство, и всѣ нужныя бумаги къ поступленію по его желанію въ Площанскую пустынь Орловской епархіи, куда онъ и не замедлилъ отправиться. Такимъ образомъ, неожиданно для него самаго, все сбылось по его желанію, какъ онъ того и не ожидалъ, такъ что ему оставалось лишь благодарить Бога и небеснаго заступника своего святителя Димитрія, къ которому онъ обращался съ молитвою объ устраненіи препятствій къ поступленію въ монастырь и въ мирѣ подвизаться подвигомъ добрымъ во спасеніе души. Настоятель Площанской пустыни о. Іоилъ принялъ съ любовію раба Божія и назначилъ ему проходить послушаніе на поварнѣ. Въ то самое время поступилъ въ Площанскую пустынь и другой послушникъ, по имени Іоаннъ, изъ мѣщанъ Болховскихъ, впоследствии

инокъ Іона, сподвижникъ и сотаинникъ блаженнаго старца до самой его кончины, оставившій намъ описаніе его жизни. Поступивъ вмѣстѣ въ обитель, Василій и Іоаннъ привязались другъ къ другу святою дружбою и искреннею любовію, которыя неизмѣнились въ нихъ до гроба. Впрочемъ Василій, какъ болѣе опытный въ подвигахъ духовныхъ, проходившій ихъ еще въ мірской жизни и уже нѣсколько знакомый съ наукой изъ наукъ—истиннымъ монашествомъ, служилъ Іоанну во многомъ наставникомъ и руководителемъ. Василій проходилъ послушаніе повара, а Іоаннъ хлѣбопека, и такъ какъ они въ продолженіе четырехъ лѣтъ трудились почти вмѣстѣ, съ одинаковою ревностію и смиреніемъ, то невольно обратили на себя вниманіе настоятеля и старцевъ обители. Ихъ уподобляли нѣкоторые изъ старцевъ, по нераздѣльной ихъ дружбѣ, Василію Великому и Григорію Богослову, у которыхъ какъ бы одна душа пребывала въ двухъ тѣлахъ. Друзья подвижники рѣшили никогда ни разлучаться и вмѣстѣ нести во всю жизнь благое иго иноческихъ подвиговъ; Впрочемъ Василій, какъ старшій лѣтами, предупредилъ Іоанна въ постриженіи въ иночество. Такъ какъ въ Орловской епархіи небыло въ то время свободныхъ монашескихъ вакансій, то онъ, по благословенію настоятеля своего, на время перешелъ въ Симоновъ московскій монастырь, гдѣ въ 1772 году принялъ постриженіе въ мантию съ именемъ Адріана; вскорѣ за тѣмъ произведенъ въ іеродиакона и іеромонаха, и уже въ этомъ санѣ въ 1775 году опять возвратился въ Пощанскую пустынь. Впрочемъ, недолго пробылъ здѣсь ревностный инокъ: душа его жаждала пустыннаго безмолвія. Въ томъ же 1775 году, по благословенію настоятеля, вышелъ онъ изъ обители и поселился въ лѣсу въ уединенной кельѣ. Избѣгая частыхъ посѣщеній братій и мірянъ, нарушавшихъ безмолвіе его пустыни, онъ вскорѣ за тѣмъ, въ сопровожденіи сподвижника своего Іоны и еще двухъ единомысленныхъ послушниковъ, удалился въ дремучіе и непроходимые въ то время

лѣса Брянскіе. Тамъ нашли они въ чащѣ лѣсной, при источникѣ водномъ, удобное мѣсто къ пустынножитію. Оградой служили имъ ели столѣтнія, и дикость мѣста восхищала ихъ. Испросивъ позволеніе тамъ поселиться отъ благочестиваго помѣщика, которому принадлежало это мѣсто, они получили отъ него вспомошествованіе и матеріаль для постройки кельи; возблагодаривъ Бога за ниспосланіе такого благодѣтеля, они вскорѣ начали готовиться къ этой постройкѣ. Адріанъ отправился обратно въ обитель Площанскую, чтобы возвратить взятую имъ, для перевозки убогихъ пожитковъ ихъ, монастырскую лошадь и заявить настоятелю о своемъ мѣстожительствѣ; а Іона съ двумя послушниками тѣмъ временемъ рубили деревья и приготавливали ихъ для постройки. Адріанъ замедлил въ обители, и замедленіемъ немалую причинилъ скорбь Іонѣ и его сотоварищамъ, которые долгое время тщетно его поджидали. Послушники начали уже роптать на старца и готовились возвратиться въ обитель; Іонѣ не малаго труда стоило уговорить ихъ еще подождать немного и затѣмъ всѣмъ тремъ возвратиться въ свою обитель. Однажды въ полночь, послушники грѣлись у разведеннаго огня и толковали о своемъ старцѣ, что оставилъ ихъ одинокими на новомъ поприщѣ пустынножитія. Іона попрежнему ихъ утѣшалъ, обнадеживая, что любвеобильный ихъ старецъ никогда этого не сдѣлаетъ, и что его вѣрно задержали въ обители какія-либо обстоятельства. Вдругъ послышался имъ издали стукъ, какъбы кто ударялъ палкой о палку. Подумавъ, что это разбойники, они не знали что имъ предпринять къ своей защитѣ. Они начали прислушиваться, и вскорѣ услышали голосъ человѣческой, ихъ окликавшій въ чащѣ лѣсной, въ которомъ къ великой радости своей признали голосъ своего старца: старецъ заблудился въ лѣсу и ударами посоха о деревья давалъ имъ знать о себѣ. Они начали его окликать до тѣхъ поръ, пока Адріанъ, шедшій къ нимъ по ихъ оклику, не нашелъ тропинки ведшей къ ихъ временной хижинѣ,

Возвратившись къ своимъ ученикамъ, радостно встрѣченъ былъ онъ ими: какъ дѣти, окружили они своего духовнаго отца, со слезами повѣдая свои безпокойства и намѣреніе оставить безъ него пустыню. Затѣмъ принесена была всѣмъ благодарная и хвалебная ко Господу молитва, что сподобилъ ихъ опять вмѣстѣ подвизаться во спасеніе. Адріанъ пригласилъ плотниковъ изъ ближняго поселка, и они изъ приготовленныхъ учениками его деревьевъ срубили имъ избу. Поселившись въ ней, пустынножителю проходили весьма строгую и суровую жизнь. Сперва ученики неохотно переносили суровость этой жизни; постоянное сухояденіе, продолжительныя бдѣнія ночныя въ псалмопѣніи и молитвѣ, крайняя нищета и лишеніе самыхъ нужныхъ житейскихъ предметовъ, приводили ихъ къ ропоту на старца. Но Адріанъ съ терпѣніемъ переносилъ ихъ ропоть и словами любви убѣждалъ не унывать и подвизаться во спасеніе, въ чемъ подавалъ имъ самъ примѣръ. Черезъ годъ, когда ученики его уже нѣсколько привыкли къ суровому пустынножительству, онъ обязалъ ихъ соблюдать слѣдующія правила: 1) въ пустынѣ употреблять лишь сухояденіе; 2) изъ міра въ пустыню самимъ не приносить ничего изъ снѣдей непостныхъ, а если что-нибудь изъ нихъ и будетъ дано имъ отъ боголюбцевъ, то данное отдавать первому встрѣтившемуся на пути; если же никто не встрѣтится, то данное полагать на дорогѣ, съ молитвою къ Богу, чтобы нашедшій положенное воспользовался имъ безъ смущенія. Ученики, привыкшіе свято исполнять слова старца, обѣщали соблюдать заповѣданное имъ. Но вскорѣ за тѣмъ, по искушенію вражію, имъ едва не пришлось нарушить данный обѣтъ. Одна раба Божія, въ самый праздникъ Рождества Христова, прислала имъ запасъ сыру, масла и яицъ. Ученики соблазнились присланнымъ и просили старца, ради великаго праздника, разрѣшить имъ вкусить запрещенныя въ пустыни снѣди, въ послѣдній разъ, обѣщая за тѣмъ тщательно сохранять его заповѣдь о сухояденіи.

Мудрый старецъ въ отвѣтъ на просьбу своихъ учениковъ преподавалъ имъ слѣдующее наставленіе, сохраненное спостникомъ его Іоною: „не будетъ на то вамъ моего благословія, чада; или не знаете, что данныя Богу обѣты нужно исполнять нерушимо и, давъ ихъ однажды, не увлекаться встрѣчающимися соблазнами. Они отъ діавола, который нарушеніемъ обѣта ищетъ погубить души чловѣческія. Для чего мы оставили міръ, для чего ушли изъ своего монастыря въ эту пустыню? Не для того ли, чтобы узкимъ и скорбнымъ для плоти путемъ самоумерщвленія стяжать царствіе небесное? Для того именованъ и поселились мы здѣсь, чтобы свободнѣе и строже исполнять подвиги иноческіе, почему твердо да помнимъ, что за нерадѣніе наше подвергнемся строжайшему осужденію, чѣмъ въ общежитіи монастырскомъ. Мужественно и терпѣливо понесемъ принятый нами крестъ вслѣдъ возлюбленнаго Господа Іисуса, и ради Него отвергнемся мірскихъ пристрастій, которыми обольщаются чувства, расслабляются умъ и воля. При находящихъ на насъ искушеніяхъ, когда коварная плоть захочетъ намъ измѣнить и повлечетъ насъ къ угожденію ей, вспомнимъ о великихъ мученіяхъ святыхъ мучениковъ, которые изъ любви къ Богу терпѣли лютейшія страданія, нещадно изливали свою кровь и радостно полагали свою жизнь; вспомнимъ древнихъ пустынножителей преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, какъ они плоть свою изнуряли строгимъ постомъ, терпѣли лишенія какъбы безплотные, и въ награду за это удостоились высшихъ даровъ Божіей благодати. Возвремъ на подвигоположника нашего—Господа Іисуса Христа, который насъ ради алкалъ и жаждалъ, нищету, изгнаніе, поношеніе, оплеваніе, заушеніе, біеніе и наконецъ крестную смерть претерпѣлъ. Послѣ всего этого, ради обольщающей насъ слѣды, неужели сдѣлаемъ клятвенпреступниками и рабами своего чрева? Примѣръ намъ нашъ праотецъ Адамъ, который за вкушеніе пріятной взору слѣды изгнанъ былъ изъ райа сладости и всю жизнь свою

горькими слезами оплакивалъ свое паденіе. Если и жестокъ кажется вамъ избранный нами путь, будемъ терпѣть его жестокость, ибо сами добровольно его избрали для спасенія“. Слущая сладкую бесѣду старца, обливавшіеся слезами умиленія ученики его поспѣшили возвратить присланныя снѣди и по прежнему довольствовались сухарями размоченными водою, которые составляли обычную ихъ пищу. Нелѣпно подвизались они также подъ руководствомъ Адріана въ псалмопѣннн и молитвѣ: ежедневно вычитывались ими по уставу церковному всѣ службы, кромѣ литургіи, какъ-то полунощница съ утрепою въ глубокую полночь, часы съ обѣдницею около полудня, вечерня съ повечеріемъ передъ вечеромъ, за тѣмъ съ наступленіемъ ночи прочитывались ими 12 псалмовъ, обычные повседневные каноны Господу Іисусу Христу, Его Пречистой Матери и святому Ангелу Хранителю, молитвы на сонъ грядущимъ, помянникъ, и полагались многочисленныя поклоны съ молитвою Іисусовою. Старець любилъ молиться съ своими учениками ночью порою на открытомъ воздухѣ, среди пустыннаго безмолвія чащи лѣспой. Въ этомъ богозданномъ храмѣ, сводомъ котораго служило небо, возносились тихіе голоса ихъ псалмопѣннн, которыми славилн они Творца: имъ вторили пернатые обитатели лѣса, шумомъ листьвы своей довершавшаго общую картину ночной молитвы пустынножителей. Общество сихъ подвижниковъ въ дикой и безлюдной пустынѣ Брянской напоминало древнюю Ливію и Фиваиду, съ ихъ равноангельными обитателями-иноками. Святая простота нравовъ, незлобіе и кротость сердечныя, нелицемѣрное послушаніе своему старцу, нескрениая вѣра и горячая любовь къ Богу, украшали обитателей пустыни Адріановой. Самъ Адріанъ, чистотою сердца своего уподобившись прародителю Адаму до его паденія, стяжалъ подобно ему власть надъ безсловесными тварями, преклонявшимися предъ нимъ и слущавшимн его словъ. Одиный разъ старцу въ лѣсу повстрѣчались три медвѣдя, стоявшіе на его дорогѣ: онъ погро-

зиль имъ своимъ жезломъ, приказывая именемъ Божіимъ, какъ безсловеснымъ тварямъ, уступить дорогу ему, словесному и одаренному образомъ Божіимъ созданію: и свирѣпыя животныя, какъбы устыдивілись его словъ, махая внизъ головами, уступили ему дорогу и смиренно отошли въ сторону. Въ другой разъ медвѣдица съ тремя медвѣжатами была испугана его приближеніемъ къ ея логовищу и съ рыканіемъ поднялась на заднія лапы, готовая къ оборонѣ: неустрашимый старецъ именемъ Божіимъ повелѣлъ ей удалиться, погрозивъ своимъ жезломъ, и животное, собравъ дѣтенышей своихъ, поспѣшило исполнить приказаніе челоуѣка Божія. Случилось разъ старцу съ спостникомъ своимъ Іоною ходить въ глухой чащѣ лѣса, для сбора грибовъ и ягодъ, составлявшихъ ихъ пустынную трапезу, ибо не всегда имѣли даже вдоволь хлѣба и восполняли его недостатокъ произрастеніями пустынными: собирая ихъ, увидали они огромную медвѣдицу шедшую прямо на нихъ. Іона испугался и съ ужасомъ бросился къ старцу, крича: „отче! погибли мы, смотри, какой звѣрь на насъ идетъ“. Успокоивъ его, Адрианъ пошелъ на встрѣчу медвѣдицѣ и осѣнившись знаменіемъ крестнымъ, приказалъ ей именемъ Божіимъ удалиться. Медвѣдица тотчасъ пошла назадъ, и какъбы гонимая невидимою силою, быстрыми шагами удалилась отъ нихъ въ чащу лѣсную. Одна сосѣдняя помѣщица, благотворившая старцу и весьма его уважавшая, разъ послала къ нему слугу своего съ письмомъ. Посланному надлежало переправиться чрезъ рѣку, на которой устроенъ былъ плотъ. Для безопасности онъ сошелъ съ лошади, и иѣшій переправилъ ее по плоту; за тѣмъ, вложивъ ногу въ стремя, хотѣлъ опять сѣсть на нее верхомъ, но лошадь заупрямилась и понеслась, влача за собою всадника ударявшагося головой о землю. Въ столь бѣдственномъ положеніи онъ началъ кричать: отцы пустынные, помогите! И что же? лошадь вдругъ остановилась какъ вкопанная. Посланный, избавившись отъ видимой гибели, съ искреннею благодарностію рассказалъ

старцу Адриану и его ученикамъ этотъ случай. Другой помѣщикъ изъ окрестности прислалъ разъ старцу запасъ хлѣба и овощей огородныхъ: дѣло было осенью, и возница, по грязному пути, запоздалъ въ лѣсу и сбился съ дороги. Отыскивая ее, онъ оставилъ лошадь съ поклажею въ лѣсу, и за тѣмъ не могъ уже ее найти въ темнотѣ ночной. Поручивъ ее мысленно молитвамъ пустынножителей, для которыхъ предназначалась везомая имъ поклажа, онъ проходилъ всю ночь по лѣсу, тщетно отыскивая дорогу, и измученный на разсвѣтѣ пришелъ опять къ своей повозкѣ, которая со всею поклажею осталась цѣла и невредима, равно и лошадь стояла при ней смирно и покойно, тогда какъ въ окрестности явственно слышны были завыванія волковъ. Подвижникъ Божій Адрианъ эти явственные знаки благоволенія къ нему Божію постоянно приписывалъ вѣрѣ и молитвамъ своихъ учениковъ. Поощряя ихъ неунывать и не малодушествовать въ подвигахъ пустынножитія, самъ онъ прежде всѣхъ испытывалъ всякія лишенія: не имѣлъ никогда теплой одежды и обуви, лѣтомъ и зимою ходилъ въ одной ветхой суконной одеждѣ босой, и въ этомъ видѣ путешествовалъ верстъ за двадцать и тридцать отъ своей пустыни къ благотворившимъ ему помѣщикамъ. Зимою отъ стужи и снѣгу ноги его растрескивались и источали кровь, а лѣтомъ нерѣдко покрывались язвами отъ занозъ и уколеній иглами древесными, ибо не разбирая дороги, путешествовалъ иногда босой по непроходимой лѣсной чащѣ. Тщетно упрашивали его ученики надѣвать обувь и не изнурять себя подобными путешествіями: онъ всякій разъ отклонялъ ихъ соболѣзнованія увѣреніями, что привыкъ ко всему этому и неотягощается путешествіями, предпочитая самъ ходить въ мірскія селенія, чѣмъ подвергать возможному въ нихъ соблазну своихъ учениковъ, неокрѣпшихъ еще въ искушеніяхъ наносимыхъ отъ врага спасенія человѣческаго. Впрочемъ, чтобы не выставять подвижничества своего предъ людьми мірскими, онъ всегда имѣлъ при себѣ въ котомкѣ обувь, которую

и надѣвалъ на ноги входя въ селенія, также и ученикамъ своимъ запрещалъ разглашать о его подвижнечествѣ постороннимъ. Восемь лѣтъ пребывалъ старецъ Адріанъ въ подобныхъ подвигахъ вмѣстѣ съ учениками своими въ Брянскихъ лѣсахъ; но окрестные жители начали рубить лѣсъ окружавшій его хижину и трѣвожили его многолюдствомъ, почему вынужденъ былъ онъ переселиться въ другое лѣсное мѣсто, въ вотчину другаго помѣщика, который также принялъ ихъ съ любовію и снабдилъ матеріалами для постройки хижины на новомъ мѣстѣ. Въ томъ же лѣсѣ, верстахъ въ десяти отъ кельи Адріановой, уединялся пустынножитель старецъ Варнава, жившій съ однимъ только ученикомъ, особенно прилежавшій безмолвію. Онъ не доволенъ былъ поселеніемъ въ сосѣдствѣ новыхъ пустынножителей, съ любовію принимавшихъ къ себѣ посѣтителей, ибо молва о богоугодной жизни и духовной мудрости старца Адріана привлекала къ нему монаховъ и мірянъ, иногда издалека приходившихъ къ нему за совѣтомъ духовнымъ. Съ любовію о Христѣ принималъ онъ подобныхъ посѣтителей и словомъ назиданія и утѣшенія врачевалъ язвы душевныя. Но такъ какъ посѣтители эти беспокоили сосѣдняго пустытника Варнаву, то и переселился Варнава далѣе, верстъ на сто отъ пустыни Адріановой, о чемъ не мало скорбѣлъ Адріанъ, душевно возлюбившій Варнаву и питавшій къ нему великое уваженіе. Господу угодно было однако опять сблизить обоихъ пустынножителей: голодный годъ и недостатокъ въ пищѣ вынудили Варнаву опять переселиться поближе къ селеніямъ: онъ пришелъ къ Адріану и просилъ позволенія водвориться близь его кельи. Съ любовію принятый старцемъ, препровождалъ онъ съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ нимъ подвижническую жизнь, пока не принялъ мученическаго вѣнца отъ руки разбойниковъ, нарушившихъ мирный покой ихъ пустынножитія. Злодѣи, думая найти деньги въ хижинахъ пустытниковъ, воспользовались осеннею темною ночью и напали на нихъ: сперва ограбили келью Адріана, потомъ

вошли къ Варнавѣ и обманувшись въ своихъ надеждахъ, жестоко избили старцевъ. Господь сохранилъ жизнь Адріана,—онъ какъ болѣе крѣпкій тѣломъ перенесъ побои, по Варнава, старшій годами и немощный тѣломъ, не перенесъ ихъ и чрезъ десять дней предалъ душу свою въ руки Божіи, на рукахъ Адріана, горько оплакивавшаго лишеніе друга и спостника о Христѣ. Совершивъ съ учениками своими надгробное пѣніе надъ честнымъ тѣломъ преподобномученика, похоронилъ онъ его близъ своей кельи и перезимовавъ на прежнемъ мѣстѣ, въ виду новыхъ угрозъ со стороны разбойниковъ, рѣшилъ оставить Орловскіе предѣлы и отправился въ Смоленскіе Рославльскіе лѣса вмѣстѣ съ учениками своими. Принятый съ любовью окрестными жителями, слышавшими и прежде о его подвигахъ, Адріанъ получилъ отъ нихъ позволеніе поселиться, гдѣ пойдетъ удобнымъ. Онъ избралъ по прежнему глухую и недоступную чащу лѣсную въ лѣсахъ Рославльскихъ и при помощи боголюбцевъ выстроилъ себѣ двѣ избы, изъ коихъ одна служила для молитвы и имѣла видъ часовни. Нѣкоторые изъ усердствующихъ окрестныхъ помѣщиковъ предлагали даже старцу выстроить въ пустынѣ его малую церковь, чтобы тѣмъ положить начало обители иноческой въ той мѣстности; но старецъ отклонилъ это предложеніе, говоря, что пѣтъ на то воли Божіей, ибо предвидѣлъ, что недолго придется ему здѣсь житьствовать, что дѣйствительно и оправдалось. Въ Смоленской епархіи не было въ обычаѣ инокамъ отлучаться изъ обителей для пустынножитія, почему прибытіе въ предѣлы Смоленскіе Адріана и его учениковъ не могло не показаться страннымъ не только гражданскому, но и духовному начальству. Сперва окрестные священники начали освѣдомляться о немъ у благотворившихъ ему помѣщиковъ и узнавъ отъ нихъ о строгомъ образѣ жизни пустынниковъ, сочли ихъ за раскольниковъ, обольщающихъ и самихъ помѣщиковъ. Мѣстная полиція донесла куда слѣдуетъ, что въ такомъ-то лѣсу живутъ люди, выдающіе себя за монаховъ, и

отправляютъ богослуженіе похожее на раскольничье, привлекая къ себѣ усердіе народное. По доносу этому, къ помѣщику, въ лѣсу котораго жилъ Адріанъ, явился исправникъ съ допросомъ: какихъ монаховъ держитъ онъ въ своемъ лѣсу? Помѣщикъ вкратцѣ повѣдалъ о благочестивой жизни старца и его учениковъ, прибавивъ, что они давно ему извѣстны какъ рабы Божіи, и за тѣмъ предложилъ исправнику лично посѣтить ихъ. Пришедъ въ келью старца, исправникъ начальническимъ тономъ спрашивалъ Адріана: „кто ты, откуда сюда пришелъ, и если монахъ, то зачѣмъ не живешь въ монастырѣ?“—„Мы не бѣглецы и не изгнанники, смиренно отвѣтилъ ему старецъ, но постриженцы Площанской пустыни, мирно и съ благословенія настоятеля своего, добровольно оставили свой монастырь ради безмолвнаго житія и совершеннаго уединенія; это же пустынное мѣсто избрали потому, что удобнымъ казалось намъ для нашего спасенія; хотя мы и грѣшные рабы Господа Иисуса Христа, но желаемъ подражать святымъ мужамъ, отъ соблазновъ мірскихъ скитавшимся въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастяхъ, земныхъ. Не препятствуй намъ въ этомъ Христа ради Который наградитъ тебя за это, ибо обѣщаль награду Свою даже за чашу воды во имя Его данную, тѣмъ болѣе за упокоеніе странныхъ, ищущихъ работать Ему одному“. Кроткій обликъ и усладительная бесѣда старца произвели благопріятное впечатлѣніе на исправника: онъ обѣщаль не тревожить ихъ и освѣдомившись, что имѣютъ законный видъ на пустынножитіе отъ площанскаго настоятеля, обласкалъ и утѣшилъ ихъ, а на другой день, въ знакъ уваженія своего къ старцу, прислалъ ему мѣшокъ пшеничной муки.—Но этимъ не окончилось испытаніе для Адріана и его учениковъ въ предѣлахъ Смоленскихъ: по вторичному доносу, сдѣланному однимъ сосѣднимъ священникомъ преосвященному Пареснію епископу смоленскому, старецъ былъ вытребованъ къ нему. „Кто ты и откуда?“ спрашивалъ его Паресній, не ласково принявшій пустыни-

вожителя. „И грѣшный іеромонахъ Адріанъ Площанской пустыни“, отвѣтствовалъ старецъ. „Давно ли живешь въ моей епархіи и съ чьего дозволенія?“ продолжалъ преосвященный. Повергнувшись къ стопамъ святителя, отшельникъ сказалъ: „прости меня, владыка святой, что я—земля и пепель, осмѣливаюсь предстоять твоему лицу и бесѣдовать съ тобою. Не скрою отъ тебя ничего, имѣй только терпѣніе меня выслушать: давно удалился я съ согласія моего настоятеля въ Орловскіе лѣса для пустынножитія и намѣревался прожить тамъ до смерти моей, но пришли разбойники и причинили намъ не мало озлобленій; отъ рукъ ихъ собрать мой даже переселился въ вѣчность, ради чего, по малодушію своему, убоился я тамъ долѣе пребывать и рѣшился искать убѣжища въ твоей епархіи, гдѣ призрѣлъ и успокоилъ меня здѣшній вице-губернаторъ г. Храповицкій, въ лѣсу котораго доселѣ пребываю“.—„Если желаешь остаться тутъ, возразилъ архипастырь, то ты долженъ перейти въ мое вѣдомство; я приму тебя съ любовію, въ противномъ же случаѣ не могу допустить, чтобы чужіе иноки скрывались въ моей епархіи“. Поблагодаривъ земнымъ поклоненіемъ владыку за его предложеніе, старецъ просилъ у него позволенія поговорить объ этомъ съ своими учениками, на что получилъ согласіе. Возвратившись въ свою келью, Адріанъ сообщилъ Іонѣ и прочимъ сожителямъ своимъ слова архипастыря и требовалъ ихъ мнѣнія—какъ имъ поступить. „Мы на все согласны, отвѣчали ученики старцу, не оставляй только ты насъ, отче“. „Вѣрю любви вашей, отвѣчалъ старецъ, но боюсь, не разлучили бы насъ неволею: здѣшніе монастыри нуждаются въ монахахъ, почему предвижу, что владыка, когда поступимъ подъ его вѣдомство, противъ желанія разошлетъ насъ въ разныя мѣста и не дозволитъ пустынножитьельствовать здѣсь по прежнему вмѣстѣ. Время коротко, братія, нужно дать отвѣтъ владыкѣ; поэтому сообща обсудимъ, что намъ предпринять“. Долго толковали межъ собою пустынники; наконецъ Іона вспомнилъ, что ему былъ нѣсколько зна-

комъ монахъ Теофанъ, бывшій въ то время келейникомъ митрополита санктпетербургскаго и новгородскаго Гавріила, впоследствии знаменитый архимандритъ Новоезерскаго Кириллова монастыря. Самъ митрополитъ Гавріиль былъ любителемъ и покровителемъ ипоковъ, особенно съ любовію принималъ къ себѣ пустынножителей и упокоивалъ ихъ въ своей епархіи. Іона предложилъ старцу Адріану написать письмо Теофану и просить его ходатайства у митрополита Гавріила, чтобы дозволилъ имъ поселиться гдѣ либо на покой въ пустынныхъ монастыряхъ его епархіи. Въ непродолжительномъ времени Теофанъ отписалъ имъ, что владыка Гавріиль съ охотою и любовію ихъ принимаетъ въ свою епархію, въ которой много есть весьма пустынныхъ монастырей, гдѣ они безпрепятственно могутъ уединиться во спасеніе души и гдѣ обрѣтутъ миръ и покой. Получивъ паспортъ отъ преосвященнаго Пароенія, старецъ Адріанъ съ сподвижникомъ своимъ Іоною отправились въ сѣверную столицу. Митрополитъ Гавріиль очень милостиво принялъ старца и увидѣвъ въ немъ мужа опытнаго въ подвигахъ духовныхъ, не однажды имѣлъ съ нимъ бесѣды о спасеніи души. Адріанъ просилъ владыку пріютить его подъ кровомъ обители Валаамской, уединенный скитъ которой привлекалъ его пустыннолюбивую душу. Но митрополитъ, видя, что время года неудобно для путешествія на Валаамъ претружденному подвигомъ старцу, благословилъ ему пребывать пока въ пустынной Коневской обители, находящейся на островѣ Ладожскаго озера, какъ и Валаамъ, но болѣе близкой къ берегу, почему переѣздъ туда не былъ такъ затруднителенъ для старца. Послушавше волю Божію, устами архипастыря имъ изреченной, Адріанъ и Іона поселились въ Коневской обители при строителѣ Іонѣ, который сперва принялъ ихъ очень ласково и съ любовію изъяслялъ готовность всячески ихъ успокоить. Онъ показалъ имъ свою обитель и самый островъ Коневецъ ей принадлежащій, предлагая выбрать любое мѣсто для постановки уединен-

ной пустынной кельи. Но Адрианъ, недумавшій еще оставаться на постоянное житье въ его обители, отклонилъ это предложеніе, предоставляя Богу устроить участь его по Своей святой волѣ, которая и не замедлила открыться дивнымъ и неожиданнымъ назначеніемъ его въ строители обители Коневской. Случилось это слѣдующимъ образомъ: вскорѣ послѣ переселенія старца Адриана на Коневецъ, строителю Іонѣ случилась надобность ѣхать въ Петербургъ, и онъ просилъ старца, на время отсутствія его, принять на себя надзоръ за братією. Весьма неохотно принявъ на себя старецъ это порученіе строителя, ибо предвидѣлъ отъ этого многія для себя скорби, такъ какъ безпорядочная и нетрезвая жизнь тамошнихъ иноковъ требовала усиленнаго надъ ними надзора и грозила многими для него отъ нихъ непріятностями и пререканіями, что дѣйствительно и случилось. Однажды вечеромъ шель онъ мимо настоятельскихъ келій, гдѣ услышалъ шумные разговоры: отворивъ двери, старецъ увидѣлъ нетрезвыхъ иноковъ, безчинно бесѣдовавшихъ между собою. „Миръ вамъ, братія, кротко сказалъ имъ старецъ: какой нынѣ у васъ праздникъ, не время ли успокоиться“?— „Кто ты такой, что начальствуешь надъ нами, грубо возразили ему монахи, мы имѣемъ строителемъ Іону, а тебя знать не хотимъ“.— „Не время ли успокоиться“, смиренно повторилъ имъ Адрианъ. Но они еще громче завопили на него, обзывая ругательными названіями и говоря, что они старше его и лучше его знаютъ, что дѣлаютъ. Старецъ замолчалъ и поклонившись вышелъ изъ кельи. Раздраженные иноки на утро поспѣшили послать отъ себя доносъ строителю на Адриана, выставляя его нарушителемъ мира и порядка въ ихъ обители. Строитель повѣрилъ доносу и поспѣшно возвратившись въ обитель, предъ собраніемъ всей братіи укорялъ старца, говоря ему съ огорченіемъ: „Я надѣялся, что ты мирно управишь обитель безъ меня, а ты только раздражилъ и вооружилъ противъ себя братію“. „Прости меня, честный отче, если не оправдалъ тво-

ихъ надеждъ, смиренно отвѣтствовалъ ему старецъ, кланяясь ему земнымъ поклономъ. И и прежде не скрывалъ отъ тебя своего скудоумія и неспособности къ подобному дѣлу. Съ братією я ссоръ не заводилъ никакихъ, возмущена же она противъ меня за слово истины, которое и нынѣ предъ лицомъ всѣхъ тебѣ скажу: покуда у васъ въ монастырѣ не искоренится пьянство, дотолѣ не будетъ у васъ мира и порядка, а это зависитъ отъ тебя, честный отче, какъ строителя“. „Этого нельзя здѣсь сдѣлать, сердито возразилъ ему строитель, здѣсь страна холодная, и безъ вина прожить трудно“. „Безъ хлѣба трудно, а безъ вина можно еще жить“, тихо отвѣчалъ Адрианъ; но эти его слова возбудили цѣлую бурю среди собравшихся иноковъ. Самъ строитель съ гнѣвомъ говорилъ старцу, что если по его мнѣнію онъ нехорошо управляетъ обителью и поблажаетъ братіи, то онъ готовъ передать ему свою власть и лично донесетъ обо всемъ случившемся митрополиту. „Я не домогаюсь власти здѣсь и не съ тѣмъ сюда поселился, кротко возражалъ старецъ; но по любви къ ближнимъ моимъ отъ души желаю, чтобы въ обители сей водворился миръ и истинное благочестіе, которые безъ воздержанія невозможны“. Строитель въ гнѣвѣ велѣлъ ему замолчать и уйти изъ собранія. Братія между тѣмъ приступили къ строителю съ усиленными просьбами объ удаленіи старца изъ ихъ обители; но такъ какъ это трудно было сдѣлать, ибо опредѣленъ былъ въ ихъ обитель по личному приказанію митрополита, то строитель рѣшился употребить хитрость. Думая, что митрополитъ не промѣняетъ его на малоизвѣстнаго старца, онъ лично объявилъ архипастырю о ропотѣ братіи, и въ случаѣ неудаленія отъ нихъ старца, просилъ увольненія себѣ отъ строительской должности. Митрополитъ принялъ просьбу строителя съ молчаніемъ, не спрашивалъ его ни о чемъ и только приказалъ дожидаться рѣшенія. Затѣмъ призвавъ къ себѣ намѣстника александровской лавры Іоасафа, спросилъ его мнѣнія о дѣлахъ и положеніи Коневской оби-

тели. Намѣстникъ нескрылъ отъ владыки истины и уговорилъ его, вмѣсто слабаго строителя Іоны, назначить туда опытнаго въ иноческой жизни іеромонаха Адріана, способнаго улучшить нравственное состояніе монастыря Архипастырѣ внялъ благому совѣту и на утро вручая Коневскому строителю запечатанный пакетъ, приказалъ прочесть его въ собраніи коневской братіи. Братія коневская между тѣмъ съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія изъ Петербурга строителя, надѣясь, что онъ выхлопочетъ тамъ удаленіе отъ нихъ старца Адріана. Самъ строитель, незнавшій содержанія врученнаго ему пакета, торжественно объявилъ о немъ собравшейся братіи, предъ которою былъ онъ распечатанъ и прочитанъ: это былъ указъ о переводѣ Іоны строителемъ въ Моденскій монастырь и о назначеніи на его мѣсто строителемъ Коневского монастыря іеромонаха Адріана. Братія съ понижшими головами разошлась по кельямъ, ожидая отъ новаго строителя возмездія за причиненныя ему непріятности, а бывшій строитель Іона, позвавъ Адріана, сообщилъ ему объ указѣ, вручилъ всѣ ключи отъ монастыря, сказавъ: „передаю тебѣ обитель, какъ самъ ее принялъ, безъ описи: что найдешь, то все твое“,—и мирно простившись съ нимъ, вскорѣ уѣхалъ въ Моденскій монастырь. Такимъ образомъ неудавшаяся хитрость одного привела другаго къ строительской должности, которую Адріанъ не желалъ и не домогался получить и принялъ единственно ради послушанія къ призрѣвшему его архипастырю. По отъѣздѣ прежняго строителя, новый строитель собралъ къ себѣ всю братію и сказалъ имъ: „Возлюбленные о Господѣ чада! волею Божіею и назначеніемъ святаго владыки нашего, совершенно неожиданно назначенъ я управлять вами. Сами вы знаете, что не для этого пришелъ я сюда и не къ тому стремился: думалъ я по веснѣ удалиться отъ васъ въ безлюдное мѣсто для пустынножитія, чтобы проводить мнѣ тихое и безмолвное житіе. Но Господь судилъ иначе. Не могу прекословить волѣ архипастыря, ибо по обѣту иноческо-

му обязанъ послушаніемъ ему. Знаю, что великое иго возложено на меня, и что настоящее служеніе сіе сдѣлаетъ меня безотвѣтнымъ предъ моимъ Господомъ и Судією; знаю, что по немощи моей не могу оправдать всецѣло довѣрія и милости ко мнѣ нашего архипастыря; но все же долженъ я по мѣрѣ силъ моихъ стараться направить васъ ко спасенію. Не скрою отъ васъ, что вы живете несоотвѣтственно званію вашему, что пристрастіе ваше къ винопитію служитъ главною причиною нестроенія обители этой, ибо не по объѣтамъ иноческимъ живете и о душѣ не печетесь. Объявляю, что отнынѣ, кромѣ церковнаго вина потребнаго для совершенія божественной литургіи, никакого другаго въ обители не найдется; кому же уставъ сей покажется не по силамъ, тотъ да ищетъ себѣ иное мѣсто, благоприятное его склонностямъ“. Иноки, выслушавъ рѣчь новаго настоятеля, весьма смутились: кто унывалъ, кто громко ропталъ, иные поспѣшили удалиться изъ монастыря. Но Адрианъ былъ непреклоненъ и паче всего ратовалъ за соблюденіе устава своего о неимѣннн крѣпкихъ напитковъ въ стѣнахъ управляемой имъ обители. Много оскорбленій пришлось перенести ему отъ нѣкоторыхъ изъ иноковъ, неохотно покорявшихся правиламъ воздержанія,—иные въ лицо поносили его; но все это терпѣливо переносилъ рабъ Божій, любовію о Христѣ къ немощнымъ собратіямъ своимъ покрывалъ личныя обиды отъ нихъ, и старался лишь объ одномъ, чтобы изъять соблазнъ изъ среды духовной своей паствы. Своимъ примѣромъ поощрялъ онъ бороться мужественно съ искушеніями. Дверь его кельи была всегда открыта для братіи: всякій, нуждавшійся въ духовномъ совѣтѣ или наставленіи, безпрепятственно имѣлъ къ нему всегда доступъ, ему повѣрялъ свою совѣсть, открывалъ свои помыслы и получалъ духовное врачеваніе. Старецъ признавалъ откровеніе помысловъ духовному отцу великимъ пособіемъ для богоугоднаго иночества и достигъ того, что братія ревностію его вскорѣ весьма преуспѣла въ благочестіи. Иноки

прильпились къ нему нелицемѣрною любовію, отложили прежнее недовѣріе къ нему, охотно и свободно подчинились строгому и душеспасительному порядку, заведенному имъ въ обители Коневской. Іона—присный спостникъ и сотаинникъ старца Адріана, былъ и въ коневской обители первымъ его помощникомъ во внутреннемъ благоустройствѣ монастыря, и когда Адріанъ вознамѣрился отправиться въ Петербургъ, чтобы дать отчетъ митрополиту Гавріилу о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, то на время отсутствія своего поручилъ надзоръ за братією Іонѣ, увѣренный въ немъ какъ въ себѣ самомъ. Митрополитъ милостиво принялъ новаго строителя и спросилъ о поведеніи братіи. Адріанъ не скрылъ отъ архипастыря о прежнихъ немоцахъ коневскихъ иноковъ и о тѣхъ мѣрахъ къ исправленію ихъ, которыя имъ предприняты. Святитель благословилъ благое начинаніе и заповѣдалъ продолжать дѣло духовнаго обновленія коневской обители. Освѣдомившись, что въ коневскомъ монастырѣ кромѣ строителя нѣтъ другаго іеромонаха, митрополитъ спросилъ старца Адріана, нѣтъ ли въ числѣ братіи его трезвеннаго и благоговѣйнаго инока, достойнаго къ посвященію въ іеромонахи? Адріанъ указалъ на Іону, и владыка приказалъ сдѣлать о немъ представленіе. Обласканный и утѣшенный святителемъ, Адріанъ радостно возвратился въ свою обитель, гдѣ братія сдѣлала ему трогательную встрѣчу, въ которой выразилась вся любовь иноковъ къ своему духовному отцу и настоятелю. Встрѣченный ими во святыхъ вратахъ обители, Адріанъ передалъ имъ благословеніе ихъ архипастыря и его желаніе, чтобы преуспѣвали въ добродѣтеляхъ и пеклись о спасеніи души. Затѣмъ старецъ позвалъ къ себѣ Іону и повелъ съ нимъ бесѣду о важности и значеніи священническаго сана. Іона недоумѣвалъ, къ чему клонится эта рѣчь, и былъ пораженъ извѣстіемъ о томъ, что избранъ къ посвященію въ іеромонахи. Въ сознаніи недостойнства своего, бросился онъ къ ногамъ старца и умолялъ его не накладывать на него сіе бремя, которое ему не по

силамъ. „Ты знаешь немощи мои, говорилъ онъ старцу, ты знаешь, что я слабый монахъ, что и настоящее мое званіе не по мнѣ, что и его я недостойнъ. Не самъ ли ты отклонилъ меня отъ іеродіаконства, когда прежній строитель мнѣ предлагалъ оное, а теперь велишь готовиться къ сану гораздо высшему?“ „Не прекословь волю Божіей, отвѣчалъ ему Адріанъ. Богъ устами святителя своего изрекъ волю Свою—быть тебѣ іеромонахомъ: не твое дѣло разсуждать, а повиноваться“. Іонъ оставалось покориться: пѣшій, съ посохомъ въ рукѣ, отправился онъ въ столицу для посвященія. Митрополитъ самъ рукоположилъ его во іеромонахи и съ миромъ и благословіемъ отпустилъ въ обитель. Новопосвященный іеромонахъ также смиренно пѣшій возвратился въ свой монастырь и не заходя въ келью свою, прямо пришелъ въ келью строителя, которому поклоненіемъ до земли возблагодарилъ за дарованіе ему не по достоинству священнаго сапа. „Что, чадо, благословляешь ли?“ съ улыбкою спросилъ его Адріанъ. „Учусь только“,—отвѣтилъ Іона; но старецъ непременно потребовалъ, чтобы онъ его благословилъ, и сколько ни отрицался отъ этого Іона, но долженъ былъ наконецъ уступить и благословить поіерейски своего настоятеля. На другой день новопосвященный іеромонахъ вступилъ въ чреду священнослуженія и своимъ благоговѣніемъ весьма понравился всей братіи. Любя уединеніе и безмолвіе, Адріанъ не любилъ отлучаться изъ монастыря, не позволялъ отлучаться изъ него и братіи своей. Но были случаи, когда нужды обители требовали милостыни отъ христолюбцевъ; тогда строитель самъ всегда пѣшкомъ отправлялся въ мірскія селенія и столицу для испрошенія подаенія, но не пускалъ за сборомъ никого изъ иноковъ своихъ. Не недостатокъ довѣрія былъ тому причиною, но искреннее желаніе предохранить немощныхъ отъ соблазновъ мірскихъ. Митрополитъ Гавріилъ, самъ великій подвижникъ и истинный инокъ, иногда вызывалъ его въ Петербургъ для духовныхъ собесѣдованій съ нимъ, и всегда обращался

къ нему съ искреннимъ уваженіемъ. Но не превозносился этимъ смиренномудрый старецъ; пѣшій приходилъ онъ въ столицу на зовъ владыки, пѣшій и уходилъ отъ него, такъ что иные, видя его ветхія одежды и плохую обувь, не хотѣли вѣрить, чтобы это былъ коневскій строитель. Во время отсутствія своего изъ монастыря, старецъ по прежнему поручалъ его надзору приснаго ученика своего, отца Іоны, ибо зналъ, что никто лучше Іоны не замѣнитъ его въ обители. Десять лѣтъ управлялъ сю старецъ Адрианъ; во время настоятельства его, многіе благочестивые иноки искали поселиться въ ней, чтобы жить подъ руководствомъ столь опытнаго духовнаго старца; даже пустынножители, преуспѣвшіе въ подвигахъ, приходили къ нему и жили подъ его руководствомъ. Всѣхъ принималъ съ любовію любвеобильный старецъ, особенно же тѣхъ, въ комъ примѣчалъ искру любви ко Господу: онъ былъ мужъ прозорливый, и нерѣдко съ перваго взгляда на человѣка узнавалъ его немощи и грѣхи. Не былъ онъ впрочемъ строгимъ и неумолимымъ судіею погрѣшностей человѣческихъ: любовію преимущественно покрывалъ онъ ихъ и любовію же старался исправлять согрѣшившихъ, въ чемъ всегда успѣвалъ. Если замѣчалъ въ комъ стремленіе къ уединенію и безмолвію, радовался и всячески способствовалъ такимъ подвижникамъ преуспѣвать въ ихъ подвигѣ, ибо и самъ по душѣ былъ великимъ безмолвникомъ, всецѣло отрѣшеннымъ отъ всего мірскаго, житейскаго. Вѣрный строгому уставу общежитія, введенному имъ въ обители Коневской, онъ былъ примѣромъ его храненія: въ кельѣ своей не имѣлъ онъ ничего съѣстнаго, даже сосуда воды, и когда томимъ бывалъ жаждою, то ходилъ въ трапезу и пилъ тамъ воду или квасъ, что случится наготовѣ. Одежду носилъ грубую, ветхую и многошвенную; часто говорилъ братіи, что заплаты на одеждахъ—украшеніе монаху. Не терпѣлъ никакихъ излишествъ или украшеній въ своей кельѣ, даже часовъ никогда не имѣлъ въ ней, говоря, что стукъ ихъ маятника и часовой бой слишкомъ

его развлекають. При помощи Божіей нетрезвость всецѣло была имъ искоренена въ коневскомъ монастырѣ; иноки, подражая настоятелю своему, такъ возлюбили воздержаніе, что отказались не только отъ винопитія, то и отъ чая, который по дороговизнѣ своей въ то время признавался старцемъ пристрастіемъ, несвойственнымъ иноческому нестяжанію. Старецъ самъ никогда не употреблялъ чаю, считалъ его дорогою роскошью для инока, требующею стяжанія денегъ на его покупку. Для немощныхъ и престарѣлыхъ изъ братіи собиралъ онъ и сушилъ лѣтнею порою шалфей, звѣробой и другія полезныя травы, которыя, по молитвамъ его, приносили облегченіе недужнымъ. На вопросъ одного боголюбца: грѣшно ли пить чай? старецъ весьма мудро отвѣтилъ: „не грѣшно нимало, ибо это растеніе благословлено Богомъ, какъ и всякое другое, и полезно во многихъ недугахъ, и басни о чаѣ раскольниковъ достойны порицанія; я и самъ люблю чай, присокупилъ старецъ, но по дороговизнѣ своей, онъ намъ нищимъ инокамъ причестся можетъ въ роскошь и сладкопитаніе, почему его и уклоняемся, да не безотвѣтны будемъ на страшномъ Христовомъ судѣ, ибо дали обѣтъ Богу произвольной нищеты и всякихъ лишеній“. Богомудрый старецъ, изобиловавшій даромъ разсужденія духовнаго, любилъ бесѣду свою украшать изреченіями святыхъ отцевъ, подвижническія писанія которыхъ изучилъ весьма основательно и хорошо помнилъ, такъ что при всякомъ обстоятельстве имѣлъ всегда готовое свято-отческое слово или совѣтъ. Любилъ онъ также записывать для памяти разныя изреченія святыхъ отцевъ, относящіяся къ подвигу иноческому; къ нимъ присокуплялъ и свои примѣчанія, ибо опытомъ прошелъ науку изъ паукъ, ведущую къ совершенству христіанскому. Духомъ бодрый, началъ онъ однако ослабѣвать въ силахъ тѣлесныхъ: преклонные годы, частые недуги, напоминали ему о близости перехода въ вѣчность, и онъ пожелалъ приготовить къ переходу этому въ ненарушимомъ безмолвіи, къ которому

всегда стремилась его душа. Онъ рѣшился наконецъ просить митрополита Гавріила объ увольненіи его отъ должности строительской въ коневскомъ монастырѣ, и какъ милости просилъ дозволенія поселиться на покоѣ въ Симоновомъ московскомъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда произнесъ обѣты монашескіе и гдѣ пожелалъ сложить свои старческія претружденные кости. Владыка уважилъ просьбу дряхлаго и болѣзненнаго старца: въ 1800 году Адріанъ съ ученикомъ своимъ — іеромонахомъ Іоною переселился изъ Коневского монастыря въ Симоновъ, при настоятелѣ Іоаннѣ, съ почтеніемъ и любовью принявшемъ его. Въ 1801 году старецъ Адріанъ облекся въ великій ангельскій образъ и при постриженіи въ схиму наименованъ Алексіемъ, и еще десять лѣтъ провелъ за тѣмъ въ постѣ и молитвѣ въ уединеніи келейномъ. Старческій ликъ его освѣщался выраженіемъ свѣта и радости не земныхъ; кроткій какъ младенецъ, любвеобильный ко всѣмъ, сострадалъ онъ не только людямъ, но и безсловеснымъ. Онъ призиравъ въ кельѣ своей больныхъ птицъ и животныхъ, лечилъ ихъ и кормилъ, и вылеченныхъ отпускалъ на волю. Даръ прозорливости, и прежде ему нечуждый, въ это время выразился въ немъ особенно явственно: такъ почти за годъ до бѣдственнаго для Москвы и Россіи 1812 года, провидѣлъ онъ гнѣвъ Божій, приглашалъ учениковъ своихъ и посѣтителей усугублять свои молитвы, говоря, что особенно нужны онѣ теперь и благовременны къ спасенію отечества. Иногда старецъ погружался въ глубокую задумчивость, какбы созерцалъ что-то скорбное: слезы струились по его старческимъ ланитамъ, и онъ какъ пробужденный отъ тяжелаго сна, просилъ окружающихъ молиться. Однажды находясь въ подобномъ состояніи, онъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ: „о какой огонь въ Москвѣ! молитесь, молитесь, братія, великій огонь будетъ, великій огонь будетъ и здѣсь!“ Но Господь не судилъ дожить праведному старцу до годины искушенія, которое готовилъ Онъ первопрестольной сто-

лицѣ нашей; въ началѣ 1812 года открылась опухоль ногъ у старца; онъ началъ ослабѣвать въ силахъ тѣлесныхъ и не оставлялъ уже своего одра. Къ этому времени относится одинъ случай, который показалъ обиліе даровъ благодатныхъ, обитавшихъ въ богоугодномъ старцѣ: одна женщина усиленно добивалась позволенія видѣть и бесѣдовать съ отцемъ Алексіемъ, и хотя ей неоднократно говорили, что по болѣзненности своей не можетъ онъ ее принять, она неунывала и неотступно присѣдѣла у окна старцовой кельи. Наконецъ спостникъ старца, отецъ Іона возвѣстилъ ему о ней, и старецъ велѣлъ привести ее къ себѣ. Женщина пала ему въ ноги и со слезами начала рассказывать ему свое горе, состоявшее въ томъ, что человѣкъ, съ которымъ имѣла она преступную связь, ей измѣнилъ, отъ чего пришла она въ полное отчаяніе, такъ что готова была лишиться себя жизни, на что уже и покушалась, но тайный голосъ говорилъ ей: иди къ симоновскому схимнику, и онъ тебѣ поможетъ. Выслушавъ исповѣдь отчаянной грѣшницы, старецъ спросилъ ее, рѣшилась ли бы она на самоубійство въ томъ случаѣ, еслибы любимый ею человѣкъ умеръ? Нѣтъ, отвѣчала она рѣшительно; мнѣ легче было бы перенести его смерть, чѣмъ измѣну. „Но если ты такъ любишь его здѣсь на землѣ, возразилъ старецъ, то зачѣмъ хочешь лишиться себя общества съ нимъ тамъ въ странѣ загробной, ибо знай, что самоубійцы получаютъ самый послѣдній и крайній предѣлъ мученій адскихъ, и даже участь, ожидающая закоренѣлыхъ грѣшниковъ и злодѣевъ, сноснѣе будетъ участи, ожидающей самоубійцъ“. Затѣмъ словами мудрости духовной старецъ возбудилъ въ грѣшницѣ живое ощущеніе страха вѣчныхъ мукъ и успѣлъ наконецъ привести ее къ сознанию своей вины предъ Богомъ и къ искреннему покаянію. Съ плачемъ припадала она къ ногамъ болѣзненнаго старца, просила за нее молиться и, какъ нѣкогда евангельская грѣшница, услышала отъ старца утѣшительный отвѣтъ: „иди и отсей не согрѣшай, и Господь помилуетъ

тебя! — Какъ тихая лампада догораль старецъ Божій, ослабѣвая съ каждымъ днемъ. Отецъ Іона былъ при немъ неотступенъ и съ любовію ему прислуживаль, какъ отцу своему по Богѣ и наставнику духовному. Съ наступленіемъ св. четыредесятницы старецъ не могъ уже говорить, но съ терпѣніемъ переносилъ предсмертный недугъ, и взорами обращенными къ святымъ иконамъ выражалъ молитвенную сосредоточенность своей души, вѣру и любовь свою къ Искупителю-Господу Іисусу, Котораго одного отъ юности возлюбилъ и съ Которымъ стремился соединиться. Неоднократно причащаемъ былъ онъ пренебесныхъ даровъ—Тѣла и Крови Христовыхъ, былъ также напутствованъ таинствомъ св. елеосвященія. Въ четвергъ средокрестной седмицы, 28 марта 1812 года, во время вечерняго богослуженія, радостно ослабилось болѣзненное лице умирающаго старца,—онъ какъбы привѣтствовалъ кого, началъ опрывать свои волосы и бороду и затѣмъ съ райскою улыбкою блаженства неземнаго предалъ душу свою въ руки Божіи, девяноста лѣтъ отъ рожденія. Труженическое его тѣло предано землѣ противъ олтара большенной церкви въ Симоновѣ монастырѣ, вблизи тѣхъ келій, гдѣ проживаль и скончался святопочившій старецъ. Ученикъ его, духовный другъ и сотаинникъ іеромонахъ Іона, переживъ его въ Симоновѣ, пребываль тамъ неисходно, во всемъ слѣдуя примѣру своего старца; рядомъ съ его могилою онъ избралъ и себѣ посмертное жилище, намъ же сохранилъ и описаль благою его жизнь. Память отца Іоны тожс чтится старожилами Симонова, какъ старца богоугоднаго, усерднаго молитвенника и прозорливца, почерпнувшаго отъ духовнаго наставника своего, какъ нѣкогда Елисей отъ Ілии, сугубый даръ разсужденія духовнаго. Были нѣкоторые случаи, свидѣтельствующіе, что блаженный старецъ іеросхимонахъ Алексій, за подвижническую свою жизнь, получилъ небесную мзду отъ Господа и молитвами своими готовъ помогать бѣдствующимъ въ юдоли земной. Такъ въ 1832 году, при прославленіи

въ Симоновѣ монастырѣ чудотворной Казанской Богоматерней иконы, являлся онъ неоднократно во снѣ болящей дѣвицѣ Натальѣ Жмаевой, которою икона эта, по указанію его, отыскана. Подробности объ этомъ обстоятельствѣ, желающіе могутъ прочесть въ іюньской книжкѣ Душеполезнаго Чтенія за 1872 годъ. (См. статью Н. Розанова: „Чудотворная икона Казанская Божіей Матери въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ“).

А. Ковалевскій.

ЗНАЧЕНІЕ ПРАЗДНОВАНІЯ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ПРЕСВЯЩЕННѢЙШАГО СЕРГІЯ, ЕПИСКОПА КУРСКАГО.

„Въ мѣсяць шестый посланъ бысть ангель Гавріиль отъ Бога во градъ Галилейскій, емуже имя Назареть“ (Лук. 1, 26).

Такъ евангелистъ Лука начипасть повѣствованіе о благовѣщеніи Пресвятыя Богородицы. Дѣва Марія жила при Іосифѣ въ Назаретѣ, и туда для благовѣщенія Ей посланъ былъ Гавріиль архангель. Шестой же мѣсяць считается отъ зачатія Іоанна крестителя; чтò было и воспоминается Церковію въ концѣ сентября.

Благовѣщеніе есть одинъ изъ главныхъ, основныхъ и торжественныхъ праздниковъ нашихъ. Не только сама Церковь является въ свѣтломъ своемъ благодѣіи и ея пѣснопѣнія нынѣ дышатъ веселіемъ; не только сердца вѣрующія и благоговѣйныя ощущаютъ нынѣ духовный восторгъ, подобно тому, какъ *взырася младенець* предтеча *во чреств* матери своей, когда припѣтствовала се Маріамъ, пришедшая къ ней векорѣ послѣ благовѣщенія

(Лук. 1, 41. 44); но и вся тварь призывается къ чествованію нынѣшняго праздника: „Благовѣстуй, земле, радость велію; хвалите, небеса, Божию славу“ *). Вотъ почему, а не по слѣпому суевѣрію, сложилось у насъ народное присловіе, что въ день Благовѣщенія и солнце играетъ, и птица гнѣзда себѣ не вьетъ. Если великая бываетъ на небѣ радость о грѣшникѣ, какъ скоро онъ кается, то не больше ли въ нынѣшній день ликуютъ свѣтлыя творенія Божіи, въ день, въ который этотъ грѣшникъ чрезъ воплощеніе Спасителя получилъ залогъ своего спасенія? Если въ дѣйствіяхъ и движеніяхъ птицы мы видимъ выраженіе легкости и свободы, то понятно, почему многимъ пріятно вѣрить, что и она, освобождая себя отъ труда, сорадуется намъ въ нынѣшній великій день, когда *душа наша, яко птица, избавися отъ снги ловящихъ* (Псал. 123, 7) ее враговъ ея спасенія, и когда въ средствахъ благодатныхъ даны намъ *крыль яко голубинь* (54, 7), чтобы летѣть намъ и вселиться въ тихихъ обителяхъ свѣта невечерняго.

Послѣ сего можетъ показаться страннымъ, почему такой радостный и торжественный праздникъ, за весьма рѣдкими исключеніями, совершается въ Великій постъ. Время великопостное есть время печали, ибо требуетъ отъ насъ сокрушенія о грѣхахъ и не только ограниченія въ пищѣ, но и удаленія даже отъ тѣхъ удовольствій, которыя несвинны и въ иное время не предосудительны. На самый порядокъ богослуженія нынѣшняго имѣетъ вліяніе уставъ поста, потому что къ восторженнымъ пѣснопѣніямъ праздничнымъ присоединяются нѣкоторыя принадлежности службы покаянной великопостной. Чтобы смягчить ея впечатлѣніе и чтобы оно не было преобладающимъ, шестой вселенскій соборъ (прав. 52) постановилъ не совершать въ день Благовѣщенія литургію преждеосвященныхъ Даровъ, которая также способствуетъ возбужденію скорби о грѣхахъ и покаянія.

*) Пріп. на 9-й пѣсни кан.

Почему же праздникъ Благовѣщенія совпадаетъ съ временемъ Великаго поста?

Явленіе Сына Божія во плоти, какъ и жизнь Его на землѣ, подчинено было всѣмъ законамъ человѣческаго естества, кромѣ закона грѣховнаго. Но такъ какъ рождество Христа Спасителя послѣдовало въ декабрѣ, то благовѣстію о воплощеніи Его надлежало быть въ мартѣ, чтобы отъ начала воплощенія до рождества исполнилось девять мѣсяцевъ. Кромѣ сего надлежало, чтобы предтеча Иисуса Христа предварилъ Его не только проповѣдію, но и рожденіемъ. Захарія отецъ предтечи принадлежалъ къ богослужебной чредѣ Авіевоі. По достовѣрному исчисленію, въ годъ, когда ему въ храмѣ предсказано было рожденіе сына, чреда эта совершала служеніе вскорѣ послѣ осенняго равноденствія. Слѣдовательно шестой послѣ сего предсказанія мѣсяць, когда послѣдовало благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, долженъ быть мартъ.

Но сими соображеніями не рѣшается вопросъ. Если Сынъ Божій по своему свободному хотѣнію „благоволилъ родитися на земли отъ неискусомужныя Матери“ *), если Самъ и *отки сотвори* (Евр. 1, 2), то могъ Онъ Самъ же опредѣлить, какой Ему угодно, день благовѣщенія и день рождества, равно какъ и время происхожденія на свѣтъ Своего предтечи.

Есть преданіе, что міръ сотворенъ около всенняго равноденствія, бывающаго въ мѣсяцѣ мартѣ. Основываясь на семъ преданіи, одинъ древній святитель любу мудрствуетъ **): „Сотвореніе чловѣка было въ мѣсяцѣ мартѣ; а посему и Гавріилъ нынѣ посланъ былъ благовѣстити Дѣвѣ нетлѣнное отъ Нея воплощеніе Спасителя. Ибо прилично, чтобы согрѣшившій и воссоздапъ былъ въ такое же время, въ какое и создапъ“. Въ дополненіе къ сему нужно припомнить, что и распяты былъ Иисусъ Христосъ

*) Троп: па Обрѣз.

**) Апост. ант. въ сл. па Благов.

въ мѣсяцѣ мартѣ. Такамъ образомъ въ одно и тоже время года послѣдовало и созданіе человѣка невиннаго и возсозданіе падшаго, и самое спасеніе его смертію и воскресеніемъ Спасителя.

Почему же постъ Великій, который учрежденъ послѣ земной жизни Спасителя, не назначенъ Церковію въ иное время года, чтобъ ему не совпадать съ праздникомъ Благовѣщенія? — Одна изъ главныхъ цѣлей, для чего установленъ великій постъ, есть воспоминаніе Христовыхъ страданій и наше участіе въ нихъ; продолжаясь соотвѣтственно сорокодневному посту самаго Спасителя и предшествуя днямъ страданій Его, святая čtyредесятница уготовляетъ насъ, „да и мы очищенными смыслами сшествуемъ Ему и сраспнемся“ *). Притомъ развѣ время постное противно празднуемому нынѣ событію? Напротивъ не тогда ли приличнѣе совершать праздникъ дѣвства и неискусобрачія, когда по чиноположенію церковному воспрещено сопряженіе брачное? Не тогда ли, когда нѣсколько предпочищена наша мысль пощеніемъ и наша совѣсть покаяніемъ, мы легче можемъ возвысить свой умъ, чтобы полнѣе понять важность нынѣшняго благодатнаго дня, въ который послѣдовало и намъ возвѣщается „еже отъ вѣка таинства явленіе“?

Такое совмѣщеніе праздника Благовѣщенія съ днями святой čtyредесятницы можетъ быть не угодно развѣ только тѣмъ, тоторые, числясь православными, упрекаютъ Церковь за продолжительность и строгость установленныхъ ею постовъ.—Но какъ важно сіе установленіе, о томъ есть выразительное замѣчаніе въ одномъ пѣснопѣни: „Аще бы постное завѣщаніе праотець сохранилъ, едемскаго отпаденія не пріяли быхомъ“ **). Еслибъ Адамъ немного попостился и не поплзнулъ на то, что запрещено: не вошло бы разстройство въ природу нашу и въ жизнь

*) Стихир. на вел. понед.

***) Самогл. въ пят. перв. нед. на утр.

нашу. Такъ какъ эта язва заразила весь составъ человѣческой, то нужень намъ небесный Врачъ, и пришествіе Его въ міръ мы нынѣ празднуемъ. Поелику же и тѣлесные врачи отъ больныхъ требуютъ воздержанія, чтобы врачевныя средства вѣрнѣе дѣйствовали, то тѣмъ болѣе потребно пощеніе, чтобъ уязвленная душа наша могла ощутить цѣлебную силу врачеванія благодатнаго. Не налагаетъ Церковь на насъ подвига выше силъ нашихъ, напротивъ даетъ послабленіе. Для того отчасти и нынѣшній праздникъ во дни четыредсяятицы бываетъ, чтобы въ скорбномъ подвигѣ покаянія душа наша подкрѣпилась утѣщеніемъ духовнымъ.— „Чего ради и мы днесъ, братіе, радости исполняяся и украшая себя благими дѣлами, потщимся достойно препроводить святые дни постные, въ воздержаніи отъ объяденія и плотскихъ похотей, отъ гнѣва и клеветы, отъ обиды и зависти, и приступимъ къ Воплотившемуся насъ ради, зовуще Ему: *Благословенъ грядый, Богъ Господь, и явился намъ*“ *). Аминь.

*) Синаксарій, част. II. лист. 33 подъ 25 марта.

ДОМЪ МИЛОСЕРДІЯ.

Съ наступленіемъ лѣта, русскіе люди, страдающіе разными недугами, толпами отправляются на цѣлительныя минеральныя воды въ отечествѣ, большею же частію за границей, и подъ руководствомъ опытныхъ врачей проходятъ тамъ курсъ лѣченія въ устроенныхъ для сего при водахъ со всѣми приспособленіями къ потребностямъ заведеніяхъ. Подобное заведеніе было нѣкогда въ Иерусалимѣ. Здѣсь при овчей купели (т.-е. водоемѣ, у такъ-называемыхъ овечьихъ воротъ) стояло зданіе, извѣстное подъ именемъ Виѣзда, т.-е. домъ милосердія, съ пятью крытыми ходами, въ которыхъ лежало множество больныхъ и увѣчныхъ: всѣ они ожидали того момента, когда ангелъ Господень возмутитъ цѣлебную воду. Первый, кому удавалось погрузиться въ купель непосредственно послѣ этого возмущенія, получалъ исцѣленіе. И это происходило только одинъ разъ въ году, и получалъ исцѣленіе изъ множества больныхъ только одинъ, успѣвавшій предупредить другихъ при спускѣ въ цѣлительныя струи.

Великое бѣдствіе—болѣзнь тѣлесная. Она отравляетъ всѣ радости жизни: больному ничто не мило на свѣтѣ,—ни богатство, ни почетъ отъ людей, ни разныя удовольствія жизни частной и общественной. Для больнаго всѣ эти блага какбы не существуютъ, и онъ готовъ всѣ ихъ промѣнять на одно,—на здоровье: оно дороже ему всѣхъ благъ, хотя цѣну ему онъ узнаетъ только во время болѣзни. Иной всю жизнь лечится, не теряя надежды на выздоровленіе. При названной купели у овечьихъ воротъ

38 лѣтъ лежалъ одинъ разслабленный, въ надеждѣ, не удастся ли ему, при помощи какого-нибудь добраго чело-вѣка, своевременно, какъ только возмутится цѣлительная вода, спуститься въ нее и получить исцѣленіе. Ему ни разу это не удавалось, и однакожь онъ все не покидалъ мѣста при купальнѣ, все ждалъ участія къ нему добрыхъ людей, а паче всего милости Божіей.— Такъ чело-вѣкъ дорожить здоровьемъ тѣлеснымъ. О еслибы онъ такъже дорожилъ здоровьемъ души! Вѣдь кромѣ болѣзней тѣлесныхъ, есть и душевныя. Мы не говоримъ о душевныхъ болѣзняхъ въ тѣсномъ смыслѣ, каковы: сумасшествіе, ипохондрія, мнительность и т. п.; мы имѣемъ въ виду вообще грѣхи, ибо всякій грѣхъ, какой бы ни былъ, есть болѣзнь, какъ отклоненіе отъ правильнаго порядка душевной жизни, и болѣзнь несравненно опаснѣйшая, чѣмъ недуги тѣлесныя. Послѣдніе могутъ свести только въ могилу, безъ вреда для души и даже съ пользою для нея, если больной время болѣзни употребилъ на раскаяніе въ грѣхахъ, тогда какъ грѣхъ есть такая болѣзнь, которая, если не позаботимся объ уврачеваніи ея, можетъ погубить душу на вѣки.

Болѣзнь грѣховная началась въ раю. Наши прародители отравили себя вкушеніемъ плода отъ райскаго дерева познанія добра и зла, преслушавъ волю Господа, воспретившаго вкушать отъ плодовъ этого дерева, и эту отраву передали всему своему потомству, ибо всѣ мы въ беззаконіяхъ зачинаемся и во грѣхахъ раждаемся. Къ наслѣдственной болѣзни мы прибавляемъ еще повые недуги, наживаемые каждымъ лично, т.-е. къ грѣху первородному прилагаемъ произвольныя. Боль отъ тѣлеснаго недуга бываетъ иногда такъ велика, что малѣйшее прикосновеніе къ болячкѣ нестерпима для больного. Нѣчто подобное ощущаетъ болящая грѣхами душа. Самолюбіе, свойственное каждому грѣшнику, это такая болячка, къ которой ни самъ онъ не любитъ прикасаться, чтобы не растревожить себя признаніемъ своей виновности, ни сторонней рукъ духовнаго

врача—пастыря Церкви, или всякаго доброжелательнаго челоѣка не допускаетъ прикоснуться къ ней.

Господь Богъ, милосердый Врачъ душъ и тѣлесъ не оставилъ безъ своихъ попеченій болящую душу. Онъ въ продолженіе пяти тысячъ лѣтъ послѣ паденія Адамова, посылалъ къ ней многихъ подручныхъ Ему врачей въ лицѣ святыхъ патріарховъ, пророковъ и другихъ вѣстниковъ своей воли съ многообразными духовными лекарствами, пока наконецъ въ лицѣ Иисуса не явился такой Врачъ, искуснѣе и цѣльбоноснѣе котораго не знало и не будетъ знать челоѣчество. Его святая Церковь есть лечебное заведеніе, въ которомъ могутъ находить цѣльбу всѣ болящіе душею, всѣ стенающіе подъ гнетомъ недуговъ грѣховныхъ. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, для котораго не нашлось бы здѣсь соотвѣтствующаго врачевства. Безчисленные храмы въ Церкви Божіей—это какбы отдѣльныя палаты больницы, общей для безчисленнымъ больныхъ. Каждый изъ храмовъ есть своего рода Впѣзда, или домъ милосердія. Въ каждомъ изъ нихъ уготованы цѣлебныя воды, т.-е. благодать Св. Духа; струи ея обильно изливаются на каждаго духовно-болящаго чрезъ таинства, чрезъ слово Божіе, чрезъ церковныя молитвы и пѣснопѣнія, чрезъ пастырскія поученія. Приходи каждый въ храмъ и лечись безмездно. Милосердый Врачъ радъ всякому, къ Нему прибѣгающему за помощью въ этихъ лечебницахъ, окружаетъ здѣсь больнаго всеми удобствами для его успокоенія и уврачеванія и заботу о правильномъ употребленіи врачевныхъ средствъ поручаетъ пастырямъ Церкви. Каждый изъ насъ если не желаетъ, чтобы его болѣзнь была запущена и застарѣла, хоть одинъ разъ въ недѣлю долженъ приходить въ храмъ для пріятія духовнаго врачевства, но во дни поста и покаянія должна быть посѣщаема нами каждая церковная служба, въ продолженіе всей седмицы, избираемой для говѣнія. Это необходимый для каждаго грѣшника курсъ леченія.

Многочисленны и разнообразны духовныя недуги,

врачуемые въ домахъ милосердія — въ храмахъ Божіихъ. Мы укажемъ только на тѣ изъ этихъ недуговъ, которые соотвѣтствуютъ тѣлеснымъ недугамъ, которые врачуемы были въ іерусалимскомъ домѣ милосердія. Здѣсь, по свидѣтельству еванг. Іоанна, въ числѣ больныхъ, искавшихъ исцѣленія, лежало множество слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ. Какъ много и между нами слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ въ духовномъ отношеніи!

I. Слѣпые въ духовномъ отношеніи бываютъ разныхъ родовъ. По апостолу, „невидимое Бога, вѣчная сила Его и Божество отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что язычники безотвѣтны“, (Рим. 1, 20). Но и въ области христіанской есть люди, которые въ этомъ отношеніи похожи на язычниковъ: они очень зрячи для того, чтобы разсмотрѣть и изучить все, что есть и происходитъ на небѣ, на поверхности и въ глубинѣ земли, на днѣ морскомъ; они съ удивительною зоркостью подмѣчаютъ не только явленія, но также силы и законы ихъ, но слѣпы для того, чтобы видѣть во всемъ этого Бога, Творца и Вседержителя; они видятъ во всемъ твореніи слѣды премудрости, благодати и всемогущества, но не хотятъ видѣть Премудраго, Всеблагаго и Всемогущаго.— Далѣе къ духовно-слѣпотствующимъ принадлежатъ тѣ, которые не видятъ слѣдовъ благодати и правосудія Божія въ обстоятельствахъ своей жизни, благопріятныхъ и не благопріятныхъ, не видятъ откровенія тѣхъже свойствъ Божіихъ въ теченіи жизни общественной, благополучномъ и бѣдственномъ, равно и въ судьбахъ царствъ и народовъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ признаютъ дѣйствіе слѣпаго случая или одного произвола человѣческаго, и потому не имѣютъ ни смиренія предъ Богомъ, ни благоговѣнія предъ судьбами Его.—Современные Христу враждебные Ему іудеи были очевидцами Его чудесъ, но такъ ослѣплены были враждою къ Нему, что видя не видѣли и злонамѣренно утверждали, будто Онъ совершаетъ ихъ силою вельзевула. Подобною слѣпотою недугуютъ русскіе рас-

кольники, невидящіе присуствія благодати Божіей въ православной Церкви, отвергающіе истину, какъбы ни были очевидны и неопровержимы доказательства въ пользу ея, упорствующіе въ заблужденіи, какъбы оно ни было грубо и нелѣпо, — также многіе изъ лжеименныхъ христіанъ, которые не признаютъ для себя убѣдительными очевидныя для всякаго непредубѣжденнаго свидѣтельства истины, содержащіяся въ откровенномъ ученіи и въ исторіи Церкви. — Духовная слѣпота нѣкоторыхъ состоитъ въ томъ, что они не признаютъ въ себѣ существованія духовно-бессмертной природы единственно потому, что она не принадлежитъ къ числу предметовъ, которые можно ощупать руками, разглядѣть глазами, или хотя признаютъ, но живутъ такъ, какъ будто въ нихъ не было вовсе души, не удовлетворяютъ и даже заглушаютъ ея высшія потребности и благо свое поспавляютъ только въ житейскихъ удобствахъ. Благо въ общеніи съ Богомъ, въ стремленіи къ Нему мыслями, чувствованіями и желаніями недоступно ихъ притупленному чувственнымъ пристрастіямъ духовному зрѣнію. — Самолюбіе такъ ослабляетъ иныхъ, что они не видятъ своихъ тяжкихъ грѣховъ, и если сознаютъ ихъ, то не считаютъ ихъ важными, и не только предъ другими, но и предъ своею совѣстію оправдываютъ ихъ, и горе тому, кто по доброжелательству или по долгу пастыря, начальника, отца, сталъ бы вразумлять ихъ: они не терпятъ ничьихъ вразумленій, считая ихъ посягательствомъ на свою свободу. — У весьма многихъ духовная слѣпота обнаруживается невѣжествомъ касательно ученія вѣры и грубымъ суевѣріемъ. Они сами сознаютъ свое невѣжество, сами называютъ себя темными, но, къ сожалѣнію многіе изъ нихъ дѣлаютъ это отнюдь не по смиренію и не съ желаніемъ вразумленія, а по ложной надеждѣ, что съ темныхъ людей за невѣжество Богъ не взыщетъ; надежда поистинѣ ложная, потому что невѣжество въ дѣлѣ вѣры, когда для всѣхъ открытъ свѣтъ истины, когда и неграмотные въ храмѣ Божіемъ могутъ научиться многому изъ

чтеній, поученій, пѣснопѣній и молитвъ, есть тяжкій грѣхъ. Разумное убѣжденіе въ истинахъ вѣры необходимо для всякаго вѣрующаго. Вѣра, не просвѣщенная разумніемъ того, во что вѣруютъ, не безопасна и легко колеблется отъ всякаго вѣтра лжеученія. Потому Апостоль учить: „не дѣти бывайте умомъ, но злобою младенствуйте“ (1 Кор. 14, 20). „Не бывайте несмысленны, но разумѣюще; что есть воля Божія“ (Еф. 5, 17).

II. Слѣдуетъ теперь сказать о духовно-хромыхъ. Такъ могутъ быть названы прежде всего люди колеблющіеся между истинною вѣрою и суевѣріемъ. Въ примѣръ можно указать на израильтянъ, въ дни пророка Ілія служившихъ истинному Богу и вмѣстѣ Ваалу, Бога Израилева признававшихъ за одного изъ многихъ боговъ. Потому и говорилъ имъ Ілія: „доколѣ вамъ хромать на обѣ стороны? Если Іегова есть Богъ, слѣдуйте за нимъ, а если Вааль, то за нимъ идите“ (3 Цар. 18, 21). Похожи были на нихъ многіе изъ нашихъ предковъ, повообращенные въ христіанство. Они и въ церковь ходили, и въ овинахъ правили службу языческимъ богамъ, за что пастырями Церкви называемы были двоевѣрными. Въ подобномъ двоевѣрїи доселѣ виновны тѣ изъ христіанъ, которые прибѣгаютъ къ ворожбѣ и гадапью. Они и Богу любятъ молиться, но подчасъ готовы и крестъ съ себя снять, если обращаются къ ворожеямъ и гадальщикамъ для отысканія напримѣръ пропажи. Въ этомъ случаѣ они мѣняютъ Бога на діавола, участію котораго въ ворожбѣ или гадапни вѣрятъ, хотя большею частію діаволь тутъ или совсѣмъ не при чемъ, ибо все дѣло въ обманѣ со стороны безчестныхъ людей, пользующихся легковѣріемъ ближнихъ, — или все участіе діавола ограничивается тѣмъ, что онъ искушаетъ на несчастное дѣло тѣхъ и другихъ. — Къ духовно-хромымъ принадлежатъ далѣе тѣ, которые вопреки слову Христову: „не можете служить Богу и маммонѣ“, т. е. богатству (Мат. 6, 24), думаютъ совмѣстить то и другое служеніе. Они бывають богомольны и строго соблюдаютъ

посты, но въ то же время такъ пристрастны къ маммонѣ, что для обогащенія себя не стѣсняются безчестными средствами,—напримѣръ объявляютъ себя несостоятельными должниками, пуская по міру обманутыхъ ими заимодавцевъ и нажитые ими всякою неправдою капиталы скрывая до поры-до-времени. Они думаютъ успокоить свою совѣсть щедрыми пожертвованіями на храмы, на богоугодныя заведенія, хотя продолжаютъ жить неправдою и притѣсненіями ближнихъ.—Духовною хромотою недугуютъ также тѣ, которые, хотя не чужды благочестія, по ложному стыду или по челоукоугодію, слѣдуютъ нехристіанскимъ правиламъ и обычаямъ міра, напримѣръ почитаютъ долгомъ чести вызывать или принимать вызовы на поединокъ, охотно присутствуютъ въ обществѣ кощуновъ и невѣровъ, и не только не останавливаютъ ихъ глумленій надъ всѣмъ священнымъ, но еще поощряютъ ихъ своимъ вниманіемъ, улыбками, поддакиваніемъ,—нарушаютъ уставы о постахъ единственно для того, чтобы не отстать отъ другихъ, легкомысленно разсуждающихъ о постахъ, и избѣжать ихъ насмѣшекъ за послушаніе Церкви. Они не подозреваютъ, что, увлекаясь челоукоугодіемъ, они уже не принадлежатъ къ числу рабовъ Христовыхъ (Гал. 1, 10), хотя не желали бы быть исключенными изъ ихъ числа,—что, дружа міру, они становятся врагами Богу (Іоак. 4, 4), хотя не желаютъ отречься отъ Него.—Къ духовно-храмлющимъ принадлежатъ также тѣ, которые по пристрастію къ близкимъ людямъ, напримѣръ къ роднымъ, вопреки слову Спасителя: „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, недостойнъ Меня; и кто любитъ сына, или дочь болѣе, нежели Меня, недостойнъ Меня“ (Мат. 10, 37), готовы измѣнить Христу и Его истинѣ. Такъ есть не мало людей, которые остаются въ расколѣ не по убѣжденію, а единственно потому, что отецъ и мать живутъ въ расколѣ; лично они убѣждены въ истинѣ православія, но не присоединяются къ нему изъ опасенія огорчить отца съ матерью. Есть не мало родителей, которые по пристрастію къ дѣтямъ чуть не мо-

лятся на нихъ и хоти сами не чужды благочестія, не воспитываютъ ихъ въ духъ благочестія, не приучаютъ ихъ ходить въ церковь, не взыскиваютъ съ нихъ за шалости, сквозь пальцы смотрятъ на развитіе въ нихъ порочныхъ склонностей; они горюють, когда сына постигнетъ болѣзнь, случится съ нимъ бѣда, но равнодушно смотрятъ на его нечестіе: любовь къ Богу, ревность о славѣ Его имени въ нихъ побѣждена неправильною любовію къ дѣтямъ. Не исчисляемъ всѣхъ примѣровъ духовной хромоты, замѣтимъ только, что этому недугу не подлежатъ люди: которые хотя любятъ созданія Божіи, но освящаютъ свою любовь мыслию о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ; хотя съ любовію занимаются житейскими дѣлами, съ удовольствіемъ пользуются благами міра, но что бы ни дѣлали, чѣмъ бы ни пользовались, все дѣлають, всѣмъ пользуются во славу Божію, по слову Апостола: „ѣдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте въ славу Божію“ (1 Кор. 11, 31).

III. Въ числѣ больныхъ, искавшихъ исцѣленія въ іерусалимскомъ домѣ милосердія, были *сухіе*,—у которыхъ отнялись и опѣмѣли всѣ или нѣкоторые члены тѣлесные отъ парализа. Въ духовномъ отношеніи на таковыхъ недужныхъ походятъ люди, привычкою къ грѣхамъ доведшіе себя почти до утраты чувствительности къ голосу благодати Божіей, зовущей ихъ ко спасенію. Всѣхъ она зоветь ко спасенію чрезъ совѣтъ, чрезъ слово Божіе, чрезъ вразумленія пастырѣй Церкви, чрезъ бѣдствельныя и благополучныя обстоятельства. Люди духовно-сухіе рѣдко впемлютъ этому зову, равнодушны ко всему, что могло бы содѣйствовать къ ихъ исцѣленію. Они нечувствительны также къ судьбѣ ближняго, чужды сочувствія ему въ радости и горѣ и какъ сами равнодушны къ своему спасенію, такъ, и даже болѣе, безучастно относятся къ погибельному въ нравственномъ отношеніи состоянію ближняго. — Къ разряду сухихъ, лежавшихъ въ іерусалимскомъ домѣ милосердія, принадлежалъ вѣроятно 38-лѣтній разслабленный. Какъ и многіе другіе сухіе, онъ утратилъ способность движенія.

Всѣ мы въ духовномъ отношеніи походимъ на него, ибо всѣ по слабости воли медленно движемся, а въ се совѣтъ не двигается, по пути спасенія. Никто впрочемъ не врагъ себѣ, никто изъ насъ, какъ бы еі былъ равнодушенъ къ своему спасенію, не желаетъ себѣ сознательно погибели. Къ сожалѣнію, всѣ мы, даже лучшіе изъ насъ, больше или меньше недугуемъ слабостію воли. По слабости воли мы не дѣлаемъ для спасенія всего, что хотѣли бы даже сдѣлать, и творимъ то, чего не одобряетъ разумъ и совѣсть. „Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу“ (Рим. 7, 18). Но преимущественно въ состояніи духовнаго расслабленія находятся люди, привыкшіе ко грѣху почти до сознанія невозможности отстать отъ него, хотя сами осуждаютъ его, — таковы иррчки и пьяницы, чувствующие себя въ безвыходной неволѣ у своихъ страстей. Но невозможное для человѣка возможно для Бога. Нѣтъ ни одного грѣховнаго недуга, который бы не могъ уступить врачебной силѣ благодати, было бы только съ нашей стороны желаніе исцѣленія. Христось для того между прочимъ исцѣлилъ расслабленнаго, чтобы показать намъ, что Онъ можетъ урчевать наше духовное расслабленіе и другіе недуги, образомъ которыхъ служатъ недуги слѣпыхъ, хромыхъ и сухихъ, равно какъ и домъ милосердія, гдѣ они лежали въ ожиданіи исцѣленія, служатъ образомъ храма христіанскаго, сосредоточивающаго въ себѣ всѣ необходимыя духовноцѣлебныя средства. — Исцѣлѣвшему расслабленному сказано: „вотъ ты выздоровѣлъ: не грѣши же, чтобы не случилось съ тобой чего хуже“ (Іоан. 5, 14). Равно и каждый изъ насъ, когда сподобится благодати въ таинствахъ исповѣди и евхаристіи и почувствуетъ себя здоровымъ по душѣ, долженъ беречь свое духовное здорье, чтобы въ противномъ случаѣ не случилось чего хуже, чтобы не погубить себя на вѣки.

Прот. Вас. Нечасвг.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. 1858, окт. 22. „1) Въ совершении брака чрезъ монастырскаго священника (*блжно, проживавшаго въ Златоустовомъ монастырѣ и исповнявшаго всѣ требы въ домовоі церкви при Работномъ домѣ, гдѣ жилъ отецъ невоісты*) отказать: ибо это несообразно съ законнымъ порядкомъ. 2) Имѣть ли право (*имѣеть*) чиповникъ 37 лѣтъ вступить въ бракъ не представляя доказательствъ о согласіи родителя (*вотъ почему не вынчалъ приходскій священникъ*), консисторіи разсмотрѣть, рѣшить, и рѣшеніе объявить священнику (*приходскому*)“.

2. „Преосвященный растолкуетъ священнику, что стыдно ему не понимать, что два херувима на самомъ верху иконостаса поставить неприлично, и не имѣть сіе значенія. Предоставляется и рѣшеніе сего дѣла *) преосвященному, если поспѣшаютъ“.

(Рез. отъ 28 апрѣля 1836).

3. Окт. 26-го 1831. „Дьячекъ говоритъ, что живетъ съ женою законнымъ порядкомъ, и шлется на священника: а священникъ говоритъ, что слыхалъ иногда между нимъ и женою его бранные разговоры. Это не совѣмъ законный порядокъ, и неполное подтвержденіе ссылки. Слѣдствіе произведено (*дух. правленіемъ*) отъ жены заочно, и къ отысканію ея никакого распоряженія не сдѣлано. Спрашивается: почему же приносила жалобу жена (*на побой пьянаго мужа*), когда мужъ живетъ съ нею законнымъ порядкомъ? Съ ума ли сошла? Подговорена ли? Злонравна ли? Дьячекъ ничего такого не говоритъ: и слѣдственно оставляетъ непонятнымъ, какъ могла произойти жалоба, когда онъ ни въ чемъ не виноватъ. Посему мнѣніе духовнаго правленія и консисторіи (*о непочитаніи виновнымъ дьяка*) неубѣдительно. Найти жену, объявить ей экстрактъ (*изъ дѣла*), и дать ей волю сдѣлать всѣ поясненія дѣлу, какія она признаетъ нужнымъ, и затѣмъ разсмотрѣть вновь.“

„Декабря 21. Учинить слѣдующее: „1) по причинамъ, изложеннымъ въ резолюціи 26 октября, дьячка оставить въ подозрѣніи суроваго обращенія съ женою. 2) Женѣ велѣть жить съ нимъ по закону (*она находилась въ другомъ мѣстѣ*). 3) Духовному отцу велѣть увѣщевать обоихъ къ согласной жизни.“

Ар. Г—рій.

*) Объ устройствѣ новаго иконостаса въ Крестовоздвиженской, что въ бывомъ монастырѣ, церкви.

ТОЛКОВАНИЕ

ПОСЛАНИЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

3) Побужденіе къ жизни духовной и всякому добродѣланію. Похоже на заключеніе правоучительной части (6, 7—10).

Ст. 7. *Не льститеся, Богъ поругаемъ не бываетъ: еже бо аще съестъ человекъ, тожде и пожнетъ.*

Оборотъ рѣчи даетъ знать о важности предмета и требуетъ вниманія. Будто обозрѣвши все сказанное о жизни христіанской и увидѣвъ, какъ иные могутъ уклоняться отъ праваго ея направленія, а между тѣмъ думать: авось и это сойдеть съ рукъ,—Апостоль предостерегаетъ ихъ: не льститеся, Бога обмануть нельзя: Онъ все видитъ.

Какія именно возможны уклоненія, Апостоль не говоритъ; но тѣ, къ коимъ писано посланіе, не могли по свидѣтельству совѣсти своей не придти къ сознанію того. И слово Апостола достигало своей цѣли. Догадываться можно вотъ о какихъ возможностяхъ: освободилъ ихъ Апостоль отъ всѣхъ узъ стихійнаго закона, но съ тѣмъ, чтобы они жили въ духѣ. Возможно, что иной свободою пользовался, какъ и другіе, и о жизни въ духѣ не заботился, почитая это, какъ нѣчто отвлеченное, не слишкомъ неизбѣжнымъ. Возможно также, что иной, сознавая неотложность для христіанъ жизни духовной, ограничивалъ ее воздержаніемъ отъ грубыхъ пороковъ и дѣланіемъ какихъ-либо явныхъ добрыхъ дѣлъ, не обращая строгаго

вниманія на очищеніе своего сердца. Въ томъ и другомъ предполагается нравственная лѣность—нехотѣніе понудить себя, сдѣлать напряженіе, потрудить умъ, и сердце, и тѣло, въ той ложной надеждѣ, что сойдеть и то, что есть, а кое-что есть. Апостоль и говорить: пѣтъ, не льститея такими пустыми надеждами. Бога обмануть нельзя. Онъ все видитъ, и вашу лѣность, и недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу своего спасенія. Вы будете осуждены за то самое, что не дѣлаете всего отъ васъ зависящаго, а упираетесь ногами и отпѣкиваетея, какъ только потребуется какая жертва или напряженіе силъ, тѣлесныхъ ли то или духовныхъ. За это вы услышите отъ праведнаго Судии: рабе лукавый! и получите приговоръ, данный лѣпнику, скрывшему талантъ.

Выводить это Апостоль изъ общаго закона: что посѣешь, то и пожнешь. Но тутъ же видна мысль: а что ты сѣешь, то, какъ ни прячь его, и какъ его ни подкрашивай, въ свое время придетъ вѣявъ, и послужитъ тебѣ или къ оправданію, или къ обличенію. Только истинное плодоношеніе получить свѣтлую награду. Все, кажущееся добрымъ, а не сущее таковымъ, не устоитъ въ своей личинѣ предъ свѣтомъ всепроникающаго суда Божія. Что кто носѣялъ въ естествѣ своемъ, что есть онъ по итогу всей жизни и дѣятельности, таковымъ онъ и признанъ будетъ, по тому опредѣлится его прямое достоинство, такое и мѣсто получить, и соотвѣтственную ему сумму или благъ или казней. Вотъ что пожнетъ и цѣлюю вѣчность будетъ жать.

„Богъ всяческихъ надъ всѣмъ пазираетъ; не думайте, чтобы не зналъ Онъ, что дѣлается. Но знайте, что жатва будетъ соотвѣтствовать посѣву; что посѣешь, то и пожнешь“ (Блаж. Теодоритъ). „Богъ знаетъ сердца ваши, не безъизвѣстны Ему силы и способы ваши. Правдоподобное извиненіе себя можетъ удовлетворить человѣка, Бога же обмануть оно не можетъ“ (Теофил.).

Ст. 8. *Яко стаяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ*

истлѣніе: а сѣли въ духъ, отъ духа пожметъ животъ вѣчный.

Предыдущее приточное уподобленіе получаетъ здѣсь разъясненіе и опредѣленность, которыя представляютъ и побужденіе къ духовной жизни съ отверженіемъ плотской. Два поля открыты намъ въ насъ самихъ для сѣяны: поле плоти, и поле духа (Иеронимъ). А сѣятель—всякой человекъ самъ съ своимъ сознаниемъ и свободою. Если онъ своимъ сознаниемъ и свободнымъ произволеніемъ въ плоти и плотскомъ, онъ сѣетъ въ плоть и плотское; если онъ своимъ сознаниемъ и свободнымъ произволеніемъ въ духѣ, онъ сѣетъ въ духъ и духовное. То или другое все не внѣ себя сѣетъ, а въ себя, и сѣемое составляетъ его самого.

Что плоть? И что сѣяны въ плоть? Плоть—самолюбіе и самоугодіе со страстями и похотями, кои осѣли наипаче въ плоти и въ ней проявляются и поддержку себѣ находятъ. Сѣяны въ плоть есть размноженіе самоугодливыхъ и страстныхъ дѣлъ, которыя выше перечислилъ уже Апостоль (5, 19—21).

Что духъ? и что сѣяніе въ духъ? Духъ—богоподобная сила, которая когда въ силѣ, то поставивъ человека сознаниемъ въ сердце предъ Бога, держитъ его въ благоговѣйномъ страхѣ предъ Нимъ и располагаетъ неуклонно ходить во святой волѣ Его, въ чаяніи вѣчнаго въ Немъ блаженства. Сѣяніе въ духъ есть размноженіе тѣхъ добродѣтелей, которыя перечислилъ Апостоль выше въ 22 и 23 стихахъ 5 гл.

Какой плодъ того и другого сѣянія? Сѣянія въ плоть—истлѣніе, а сѣянія въ духъ—животъ вѣчный. Плоть точно истлѣетъ; потому и все то, чѣмъ ее питаютъ, даромъ пропадаетъ. Но еслибъ этимъ только ограничилось пагубное слѣдствіе сѣянія въ плоть, то это не представляло бы ничего страшнаго и слѣдовательно остепеняющаго плотугодниковъ: нѣтъ, тутъ истлѣніе разумѣется вѣчное, въ соотвѣтствіе животу вѣчному. Душа облечется въ нетлѣн-

ное тѣло, и вмѣстѣ въ нимъ будетъ вѣчно пожинать истлѣніе, какъ съ нимъ и самоугодничала. Истлѣніе будетъ постоянное разложеніе тѣла огнемъ, червями, холодомъ, будетъ разложеніе раздирающее, но не уничтожающее; это истлѣніе неистлѣнное. Въ душѣ—свое разложеніе, свои терзанія, тоже мучительныя столько, что уничтожить бы сильны были и тѣло и душу, но ни то, ни другое не уничтожатся, чувствовать только будутъ, что жизнь ихъ отъ нестерпимости страданій будто на волоскѣ, а все цѣлы будутъ: такъ цѣлую вѣчность. Замѣтитъ слѣдуетъ, что Апостоль не сказалъ: пожнетъ истлѣніе плоть, а—самъ человѣкъ будетъ пожинать сіе истлѣніе за то, что творилъ плотнугодіе въ похоти. Отъ плоти, т.-е. за плоть, за жизнь плотскую. Сѣятва въ плоть прораститъ сму истлѣніе: и онъ будетъ жать его всю вѣчность.

Плодъ сѣянія въ духъ—животь вѣчный. Духъ, обезсиленный паденіемъ, возставляется въ силѣ благодатию Святаго Духа. Благодать Св. Духа держитъ духъ человѣка въ показанномъ выше настроеніи и чрезъ него производитъ означенные Апостоломъ плоды Духа. Каждый изъ сихъ плодовъ появляется вслѣдствіе изгнанія изъ сердца соотвѣтствующаго ему страстнаго расположенія, изгнанія произведеннаго трудомъ и пѣтомъ самого человѣка, подѣйствіемъ благодати Св. Духа. Если каждую страсть назовемъ раною души или болѣзнію, что и значитъ греческое ихъ наименованіе, то изгнаніе страсти и внѣдреніе вмѣсто ея добраго расположенія—плода Духа, будетъ залеченіе раны, исцѣленіе болѣзни. Когда плодами Духа изгнаны будутъ всѣ страсти, тогда всѣ раны и болѣзни души и тѣла будутъ урочеваны, и естество человѣческое воспріиметъ первоначальную здравость и цѣлость, и даже высшую той. Какъ истлѣніе привзошло вслѣдствіе воспріятія самости и страстей, то по изгнаніи ихъ надлежитъ царствовать въ естествѣ нашемъ неистлѣнію, здравію, цѣлости, въ коихъ радость жизни. Такъ прямое слѣдствіе сѣянія въ духъ есть животь вѣчный и блаженный.

„Кто стремится къ духовной цѣли, и слѣдуетъ законамъ Духа, тотъ приобрѣтетъ жизнь вѣчную“ (блаж. Осодорить).

Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ въ сѣменахъ—кто сѣетъ горохъ, тотъ не можетъ пожать пшеницы; ибо жатва бываетъ однородна съ сѣменемъ: тоже бываетъ и въ дѣлахъ. Кто наполняетъ плоть свою удовольствіями, пьянствомъ, необузданными пожеланіями, тотъ и пожнетъ то, что обыкновенно отъ сего вырастаетъ. Что же это? Наказаніе, отщепеніе, посрамленіе, поруганіе, истлѣніе. Ибо многоцѣпныя и роскошныя трапезы и пиршества оканчиваются однимъ истлѣніемъ. И сами они тлѣютъ, и вмѣстѣ съ собою тлятъ и тѣло. Напротивъ дѣла духа не таковы, но совершенно противоположны плотскимъ. Смотри, ты посѣялъ милостыню, и тебя ожидаютъ небесныя сокровища и вѣчная слава; посѣялъ цѣломудріе, тебя ждутъ честь и награда, привѣтствія ангеловъ и вѣнцы отъ Подвигоположника“.

Блаж. Августинъ пишетъ: „Сяй въ плоть, отъ плоти пожнетъ истлѣніе. Это говоритъ Апостоль о любящихъ больше самоугодливья удовольствія, нежели Бога. Ибо въ плоть свою сѣетъ тотъ, кто все, что ни дѣлаетъ, хотя то и добрымъ кажется, дѣлаетъ для того, чтобъ ему тѣлесно было хорошо. А сяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный. Сѣяніе въ духъ есть работать правдѣ изъ вѣры съ любовію, не слушаясь похотей грѣховныхъ, хотя онѣ и есть въ смертной плоти. Пожатіе же сего сѣянія есть животъ вѣчный, когда послѣдній врагъ испразднится смертью, жертвою будетъ мертвенное животомъ, и тлѣнос сіе облечется въ нетлѣніе. Въ этой жизни, состоя подъ благодатію, сѣемъ слезами, потому что изъ душевнаго тѣла выходятъ противныя пожеланія, съ которыми надлежитъ бороться. И боремся до утомленія, чтобы пожать радостію, но по обновленіи тѣла, ни изъ какой уже части человѣка не будетъ исходить тревожное возбужденіе, и никакая не будетъ угрожать опасность искушенія“.

Ст. 9. *Добрсе же творяще, да не стужаемъ си: во время бо свое пожнемъ, не ослабимъ.*

Продолжаетъ тоже наставленіе о сѣянїи въ духъ, только съ другой стороны, со стороны дѣятельнаго труда, или труда въ добродѣланїи. Сѣянїе въ духъ, какъ сказано, есть утвержденїе въ сердцѣ добрыхъ расположенїй, указанныхъ св. Павломъ въ 5, 22. 23. Утвержденїе сіе совершается чрезъ борьбу со страстями и похотѣми,—а борьба самая производится такъ: установившись вниманїемъ или сознанїемъ въ сердцѣ предъ Господомъ, духъ отражаетъ все страстное и похотное, подходящее къ нему какъ соблазнъ, и тѣмъ бьетъ страсти извнутри; но опредѣляя въ тоже время противоположныя страсти дѣла и дѣлая ихъ, онъ бьетъ страсти и извнѣ. Біемя извнутри и извнѣ и не имѣя уже опоры въ человѣкѣ, страсти скоро подаются, начинаютъ слабѣть и отходятъ. Біенїе извнутри существеннѣе въ дѣлѣ брани духовной, но утопченнѣе и для внимательнаго легче. Біенїе извнѣ добродѣланїемъ, или дѣланїемъ дѣлъ, противоположныхъ страстямъ, труднѣе въ томъ отношенїи, что требуетъ напряженїя душевно-тѣлесныхъ силъ и преодоленїя внѣшнихъ соприкосновенныхъ противностей. Почему св. Апостоль, сказавши вообще о сѣянїи въ духъ, особо останавливается на той сторонѣ сѣянїя, которое приходитъ туда же отъ добродѣланїя, чтобъ воодушевить на трудъ и предотвратить поблажки себѣ и послабленїя. Отъ каждаго добраго дѣла проходитъ въ духъ сѣмячко, какъ отъ каждаго куска пищи—маленькій атомикъ въ общую массу питательнаго сока. Чѣмъ больше добрыхъ дѣлъ, тѣмъ успѣшнѣе сѣятва въ духъ, тѣмъ скорѣе созрѣютъ добрыя въ духѣ образующіяся расположенїя, и тѣмъ поле духа готовѣе къ жатвѣ. Онъ говоритъ какъбы: что касается до добродѣланїя, то смотрите—ни одного не пропускайте къ тому случая, и дѣлая подлежащее добро, дѣлайте его съ усердїемъ и радостїю, не тяготясь, не крушась, не ропща; изъ дѣлае-

маго ничто не пропадаетъ, въ свое время дастъ оно свой плодъ и вы пожнете его непремѣнно.

Эту цѣль въ словахъ Апостола, т.-е. воодушевленіе на непрерывность добродѣланія, видитъ блажен. Августинъ: „сѣять доброе, т.-е. дѣлать добро, удобнѣе, чѣмъ пребыть въ этомъ невзмѣнно и постоянно. Видный и близкій плодъ отъ труда воодушевляетъ на трудъ; жатва же наша обѣщается въ концѣ. Вотъ и необходимо воодушевлять на постоянство и твердость. Что и дѣлаетъ Апостоль, говоря: *доброе дѣлающе да нестужаемъ си*. Ибо только претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ (Мѡ. 10, 22). И пророкъ внушаетъ: *потерни Господа: мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерни Господа*“ (Пс. 26, 14).

Таже мысль и у блаж. Иеронима: „Апостоль здѣсь увѣщаваетъ—быть постоянными въ усердіи къ добродѣланію тѣхъ, которые въ этой жизни еще желали бы видѣть награду за добро, не зная, что какъ въ житейскомъ быту свое время естъ для сѣянія и свое для жатвы, такъ и въ духовномъ отношеніи настоящая жизнь вся назначена на сѣяніе добрыхъ дѣлъ, жатвою же будетъ будущій судъ, когда по количеству и качеству сѣянія всякой и жатву будетъ имѣть, плодоносящую—кому сто, кому шестьдесятъ, кому тридцать“.

Слово: *не ослабѣюще*, наши всѣ толковники относятъ къ жатвѣ, въ томъ смыслѣ, что жатва та не будетъ требовать уже труда и изнеможенія, а сама собою прибудетъ. Такъ св. Златоустъ: „что пишетъ о семъ въ другихъ посланіяхъ, тоже говоритъ и здѣсь: чтобы не только давать милостыню (напримѣръ), но и давать съ охотою и непрестанно. На сіе указываетъ словами—*сѣять и не стужать си*. Но потребовавъ отъ нихъ многого, онъ полагаетъ при дверяхъ и награду для нихъ, указывая на нѣкоторую новую и необыкновенную жатву. Ибо въ земледѣльческихъ трудахъ не только сѣющей, но и жнущій претерпѣваетъ большое утомленіе, борясь съ жаромъ, пылью и великою трудностію и тяготою дѣла, а тогда,

говорить, ничего такого не будетъ, какъ это видно изъ сказаннаго имъ: *во время бо свое пожнемъ не ослабѣюще*. Сими словами онъ убѣждаетъ и привлекаетъ ихъ (къ добродѣланію)^а. Такъ блаж. Θεодоритъ: „ничто горестное да не прерываетъ усердія къ добру. Ибо безъ труда пожнемъ посѣянное; сіе выразилъ Апостоль, сказавъ: *не ослабѣюще*. Что касается сѣмянъ чувственныхъ, то и сѣяніе сопряжено съ трудомъ, а также и жатва. Нерѣдко же ослабляетъ жнущихъ и зной жатвеннаго времени. Но не такова эта жатва: она свободна отъ труда и пота^а. Тоже св. Дамаскинъ и Экуменій съ Θεофилактомъ. Только блаж. Фотія приводится у Экуменія мнѣніе такое: „Или *не ослабѣюще, μη εκλυομενοι*—значитъ не разлѣчиваясь и не отставая отъ добродѣланія“. Т.-е. пожнемъ въ свое время, если не ослабѣемъ и не станемъ лѣниться дѣлать добро. Такъ и Іеронимъ.

Ходу мыслей то и другое толкованіе не противорѣчить. Но первое ближе и больше соотвѣтствуетъ цѣли апостола воодушевить на постоянство въ добрѣ. На это же склониться располагаетъ и грамматическій строй рѣчи.

Ст. 10. *Тѣмже дондеже время имамы, да дѣлаимъ благо ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ*.

Прямой выводъ изъ предыдущаго! Если отъ всякаго дѣла пожнемъ плодъ, то дѣлай какъ можно больше дѣлъ благихъ, чтобы больше пожать. Словами: *дондеже время*, сказываетъ: сейчасъ есть время, а чрезъ минуту, можетъ быть, его ужъ не будетъ; потому не отлагай и не пропускай ниодного случая. Всякимъ поводомъ къ добродѣланію пользуйся, самъ ихъ изыскивай. Придетъ смерть, не знаешь когда, и положить конецъ сѣятвѣ дѣлъ благихъ; чего же не посѣешь, того уже не пожнешь. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „время сѣятвы, какъ мы сказали, есть время настоящее, жизнь, которую мы переживаемъ. Когда пройдетъ эта жизнь, прекратится и время дѣланія. Почему и Спаситель говоритъ: *дѣлайте, дондеже день есть: придетъ ночь, егда никтоже можетъ дѣлати*“ (Іоан. 9, 4).

Святѣй же Златоустъ говоритъ: „и милостыня подобно сѣянiю не всегда бывасть въ пашей власти. По исходѣ отсюда, хотя бы тысячу разъ хотѣли творить милостыню, ничего не сдѣлаемъ. О семъ свидѣлствуютъ намъ оныя дѣвы, которыя, хотя пришли съ искреннимъ желанiемъ, но не имѣя обильной милостыни, отлучены были отъ брачнаго чертога,—и тотъ богачъ, который презрѣлъ Лазаря. Онъ, послѣку не оказалъ помощи другимъ, то и самъ не получилъ ся ни отъ патрiарха, ни отъ кого другаго, несмотря на слезы и сплныя просьбы его, и остался навсегда въ огненномъ мученiи безъ всякаго послабленiя“.

Да дѣлаимъ благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ оубрѣ. „Апостоль заключаетъ свое слово общимъ наставленiемъ, и дверь щедрости отверзаетъ для всѣхъ, и распространяетъ оную до того, что заповѣдуетъ давать милостыню даже iудеямъ и еллинамъ; онъ на трапезу благотворенiя призываетъ и море и землю,—хотя впрочемъ больше печется о своихъ. Всѣмъ заповѣдуетъ подавать, однакоже въ надлежащемъ порядкѣ. Какой же это порядокъ? Чтобы имѣть больше попеченiя о вѣрныхъ“ (св. Златоустъ).

Заключенiе посланiя 6, 11—18.

Содержанiе заключенiя можно представить такъ: видите, сколько я написалъ вамъ, я все вамъ сказалъ и въ свою защиту, и въ разъясненiе основной истины христіанства—спасенiя вѣрою въ Господа распятаго, и въ приложенiе сей истины къ жизни (ст. 11). Въ связи съ этимъ прямой должно поставить стихъ 17. Теперь, вамъ уже не слѣдуетъ обременять меня болѣе ни подозрѣнiями, ни своими вопросами. Если еще что будетъ колебать васъ, приводите себѣ на память мои страданiя. Я язвы Господа ношу на тѣлѣ моемъ. Это сильнѣе всѣхъ доводовъ должно удостовѣрять васъ всегда въ истинѣ моего ученiя. Въ срединѣ находящiеся стихи, 12—16, разъясняютъ послѣднюю мысль: я

страдаю, а вонъ тѣ, которые убѣждаютъ васъ обрѣзаться, ничего не терпятъ; да они и учать-то такъ ради того, чтобъ не потерпѣть чего. А я въ славу себѣ ставлю страдать за Господа и за святое ученіе Его. Различайте теперь, гдѣ истина! Такимъ образомъ и въ заключеніи продолжаетъ Апостоль свои, склоняющія къ принятію истины убѣжденія. Такъ св. Златоустъ смотритъ на сіе заключеніе

Ст. 11. *Видите, какими книгами писахъ вамъ моею рукою.*

„Помысли, какая скорбь объемлетъ сію блаженную душу! Какъ пораженные какою скорбію и лишившіеся кого-либо изъ родныхъ, или потерпѣвшіе какое неожиданное несчастіе, не имѣютъ покоя ни днемъ ни ночью, по причинѣ осаждающей ихъ душу скорби: такъ и блаженный Павелъ, поговоривъ немного о нравственности, опять обращается къ прежнему, что болѣе всего возмущало его душу. *Видите*, говоритъ онъ, *какими книгами написахъ вамъ моею рукою.* Здѣсь онъ указываетъ только на то, что все это посланіе написано имъ самимъ, что служитъ свидѣтельствомъ великой его искренности и любви. Другія посланія самъ онъ только диктовалъ и подписывалъ, а писалъ другой, какъ это видно изъ посланія къ Римлянамъ, въ концѣ котораго сказано: *цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе о Господь* (Рим. 16, 22). А посланіе къ Галатамъ все написалъ Апостоль самъ. И это сдѣлалъ онъ не по одной только любви къ нимъ, но вмѣстѣ и для отвращенія злаго подозрѣнія. На него возносили такіа дѣла, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія, и говорили, что онъ проповѣдуетъ обрѣзаніе, а притворяется непроповѣдающемъ. Посему онъ и принужденъ былъ самъ написать сіе посланіе своею рукою, чтобы представить о себѣ письменное свидѣтельство“ (св. Златоустъ). Такъ и всѣ древніе наши толковники. Блаж. Иеронимъ разнится отъ нихъ только въ томъ, что полагаетъ, что собственною рукою св. Апостоль написалъ только послѣднія строки посланія, начиная съ сего стиха до конца. Но это раз-

личіе не важно по предмету. Этого же мнѣнія держатся и многіе изъ новѣйшихъ. Противъ всѣхъ ихъ стоитъ слово—*писахъ*, которое указываетъ на написанное уже, а не на то, что намѣренъ только былъ еще написать Апостоль.

Важнѣе опредѣленія смысла словъ: *колицьми книгами*. *Книгами*—по греч. *γραμμῶσι*. *Граμμα* и букву означаетъ и писаніе. Почему можно переводить—и: какими буквами я написалъ, и: сколько листовъ исписалъ. Наши древніе толковники всѣ принимаютъ первое. Вѣрно слово: *πλήκτοις* подаетъ мысль не высокую о тѣхъ предметахъ, къ какимъ прилагается. Почему они разумѣли подъ сими словами указаніе на некрасивость почерка. Св. Златоустъ говоритъ: „словомъ—*колицьми*, кажется мнѣ, Апостоль указываетъ не на обширность посланія, а на недостатокъ изящества въ почеркѣ, какъбы такъ говоря: хотя я не умѣю красиво писать, однакоже принужденъ былъ написать сіе посланіе собственною рукою, чтобы заградить уста клеветниковъ“. Такъ Θεодоритъ, Экуменій и Θεοφιλαктъ. Блаж. Иеронимъ въ словѣ *πλήκτοις* видитъ указаніе не на красоту или некрасивость почерка, а на почеркъ вообще. По нему Апостоль говоритъ будто: вотъ посмотрите, какой мой почеркъ, чтобъ предохранить и ихъ, какъ солунянъ, отъ подложныхъ писаній. На такую мысль навелъ блаж. Иеронима, можетъ быть, латинскій переводъ: *qualibus litteris*. Но оправдать ее нельзя.

Поелику, предлагая свое мнѣніе, св. Златоустъ сказалъ: кажется мнѣ, и въ томъже вѣроятно смыслѣ повторяли его мнѣніе и всѣ другіе; то такимъ образомъ выраженія они оставили свободу и намъ предлагать свое—кажется. И кажется, что св. Павелъ хотѣлъ этимъ указать на важность предмета, о коемъ онъ писалъ, и на обстоятельность разсмотрѣнія его. Онъ говоритъ какъбы: я все вамъ сказалъ, и доказалъ свой предметъ и обѣтованіями и самимъ закономъ и паче силою и духомъ новаго завѣта. Вотъ со сколькихъ сторонъ и сколькими доводами разсмотрѣлъ

я и доказаль истину моего ученія! Остановиться на семь мнѣній располагаетъ и слово св. Дамаскина, который пишетъ: „убѣждаетъ ихъ (словами этого текста) принять все слово свое, означая притомъ величіе и высоту догматовъ, рѣченіемъ *πληκούς*—колицѣми“. Сюда же можно приложить и слова блаж. Иеронима, который отвергнувъ мысль какого-то безъименнаго, будто св. Павелъ говоритъ здѣсь о томъ, какимъ большими буквами написалъ,—прибавляетъ: „великія письма не только тогда къ Галатамъ, но и теперь ко всѣмъ пишетъ св. Павелъ; и хотя буквы, какими списываются его посланія, малы, но писанія его велики, потому что въ нихъ заключается великій смыслъ“.

При этомъ возможно, что посланіе было написано не красиво, и не требуется признавать его великимъ по объему. Т.-е. мнѣніе св. Златоуста остается неприкосновеннымъ.

Ст. 12. *Елицы хотятъ хвалитися по плоти, сіи нудятъ вы обрѣзатися, точію, да не креста ради Христова юними будутъ.*

Съ этого стиха и далѣе, предлагаетъ Апостоль окончательныя убѣжденія слѣдовать его ученію, изъ сличенія характеристическихъ чертъ лжеучителей съ тѣмъ, каковъ онъ. Онъ говоритъ какъбы: посмотрите, кто таковы тѣ, которые нудятъ васъ обрѣзываться? Это тѣ, которые хотятъ хвалитися по плоти, только бы не терпѣть гоненій за истинную вѣру во Христа. То-есть это не любители истины, а себя самихъ блюстители и снабдители, которые готовы измѣнить истинѣ, коль скоро изъ-за нея угрожаетъ опасность потерпѣть что либо. У нихъ вся забота о томъ, лишь бы гладко текли внѣшнія ихъ обстоятельства и соотношенія, а объ истинѣ у нихъ заботы мало: они не дорожатъ ею. Блаж. Феодоритъ понимаетъ ихъ такъ, что это суть „домогающіеся людскою славою и промышляющіе о собственной своей безопасности, чтобъ не терпѣть поруганія и заключенія въ узн, подобно намъ проповѣдающимъ Христа“.

Такая мысль выходитъ прямо изъ надлежащаго протокованія употребленныхъ Апостоломъ реченій. Слова: *хва-*

литися во плоти по-греч. *εὐπροσωπῆσαι ἐν σαρκί* собственно—благообразить, благоличнымъ быть во плоти, плотски, по видимости, по внѣшнему быту и положенію. Благоличные въ этомъ отношеніи бывають двухъ родовъ—одни въ религіозной сферѣ, другіе въ житейской. Въ религіозной это плотскіе іудеи. Обрѣзался, совершаетъ субботы и праздники, приноситъ жертвы, дѣлаетъ омовенія, даетъ десятину и всѣ другіе чины исправляетъ. Выходитъ очень благоличень, и всѣ хвалятъ его, какъ совершенно благочестиваго. Хотя лжеучителей соблазнявшихъ Галатовъ можно отнести къ этому классу людей; но нельзя положить, чтобы въ означенныхъ словахъ св. Павелъ эту ихъ сторону имѣлъ въ мысли. Отсюда хорошо выводится, что они убѣждали принять обрѣзаніе, которое въ ихъ внѣшнемъ религіозномъ благоличіи занимаетъ первое мѣсто, но не видно, какъ съ этимъ вяжется боязнь гоненій. Боязнь гоненій предполагаетъ желаніе сохранить ненарушимымъ свой внѣшній бытъ, чтобъ тутъ все текло мирно и покойно. Когда гонятъ кого, лишаютъ имѣнія, бьютъ, выгоняютъ изъ дома и селенія; благоличіе внѣшней жизни у такого совѣмъ уничтожается. Почему кому дорогъ внѣшній покой и благоприятное теченіе внѣшней жизни, того справедливо назвать желающимъ благоличествовать по плоти. Вотъ эту-то сторону и выставляетъ св. Павелъ на видъ въ лжеучителяхъ. У нихъ, говоритъ, одно желаніе жить покойно. Отъ того и обрѣзаніе проповѣдуютъ; ибо за отверженіе обрѣзанія надо терпѣть гоненіе, котораго они боятся. Не будь бѣды отъ ненастаиванія на обрѣзаніи, они тотчасъ бы отстали отъ этого. Даже что? Поставьте обрѣзаніе на мѣстѣ креста; пусть гонятъ не за крестъ, а за обрѣзаніе, они тотчасъ перейдутъ на сторону креста, и бросятъ обрѣзаніе. У нихъ нѣтъ любви къ истинѣ. Они тамъ, гдѣ покойно; а истинность истины для нихъ стороннее дѣло, средство, а не цѣль. Такое свойство ихъ въ тѣсной связи съ человѣкоугодіемъ, а человѣкоугодіе съ тщеславіемъ. Все это вмѣстѣ св. Павелъ указалъ въ лже-

учителяхъ, назвавъ ихъ желающими благоличествовать по плоти. Св. Златоустъ и говоритъ: „сіе сказалъ Апостоль, чтобъ показать, что лжеучители дѣлали сіе не для Бога, какъбы такъ говоря: это происходитъ не отъ благочестія, а все дѣлается изъ одного человѣческаго любочестія, въ угожденіе невѣрнымъ; чрезъ обрѣзаніе вѣрныхъ, они хотятъ лучше оскорбить Бога, только бы угодить людямъ“.

Сии нудятъ вы обрѣзатися. Нудятъ, принуждаютъ. Вѣрно, кромѣ убѣжденія, они употребляли еще какія-либо понудительныя и стѣспительныя мѣры, по которымъ Галаты были поставлены будто въ необходимость принять обрѣзаніе. Чтò такое было, неизвѣстно; но такая рѣчь Апостола могла быть къ нимъ обращена въ тѣхъ же видахъ убѣжденія—поскорѣе отстать отъ лжеучителей. Ибо „показывая, что они не сами собою впали въ это заблужденіе, а по припужденію, сами принуждаетъ ихъ оставить оное; а почти оправдывая ихъ, тѣмъ убѣждаетъ скорѣе отстать отъ лжеучителей“ (св. Златоустъ).

Точію да не креста ради Христова гоними будутъ. Лжеучители, о коихъ рѣчь, вѣровали въ Господа, только при вѣрѣ въ Него почитали нужнымъ обрѣзываться и весь законъ Моисеевъ держать. Изъ вѣровавшихъ такъ одни вѣровали себѣ и жили покойно, не выступая на чреду дѣятелей: другіе не довольствовались тѣмъ, а брались и другихъ учить, чтобъ вѣровали подобно имъ. Изъ этихъ одни дѣйствовали по искреннему убѣженію въ неотложности Моисеева закона, а другіе держались его и другихъ къ тому убѣждали, чтобъ только не вооружить противъ себя своихъ родичей и не подвергнуться гоненіямъ. Таковыхъ, вѣроятно, много встрѣчалъ св. Павелъ, и въ Антиохіи и въ Іерусалимѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Такіе же вѣрно прокрались и къ Галатамъ. Св. Павелъ и выставяетъ ихъ въ собственномъ ихъ свѣтѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику лжеучители сами терпѣли поношеніе отъ іудеевъ за оставленіе отеческихъ обычаевъ, то, чтобы избѣгнуть сего поношенія, говоритъ, они хотятъ совра-

титъ васъ, чтобы самимъ оправдаться предъ тѣми вашею плотію“. У нихъ все хитрость и лукавство: ничего искренняго.

Блаж. Иеронимъ нашель и особый пунктъ, на которомъ они удобно могли уловлять вѣрующихъ, и все примапкою покойной и безопасной жизни. „Юлій Кесарь, говоритъ онъ, Октавианъ Августъ и Тиверій, преемникъ Августа, обпародовали законы, чтобы іудей, разсѣянные по всему римскому царству, жили по своимъ обычаямъ и Богу своему служили, какъ приняли отъ отцевъ своихъ. Итакъ кто былъ обрѣзанъ, тотъ, хотя бы и вѣровалъ во Христа, почитаемъ былъ язычниками за іудея (и не былъ безпокоимъ). Кто же и обрѣзанія не принималъ и язычества чуждался, тотъ подвергался гопеніямъ и отъ язычниковъ и отъ іудеевъ. Итакъ развратители Галатовъ, желая отклонить такія преслѣдованія, убѣждали учениковъ въ защиту себѣ принимать обрѣзаніе, которое Апостоль назвалъ надѣяніемъ во плоти. Ибо тогда ни іудей не стали бы ихъ преслѣдовать, ни язычники ничего не могли бы имъ сдѣлать, такъ какъ прозелиты были повсюду, а въ ппыхъ мѣстахъ они и обрѣзываемы были“.

Ст. 13. *Ни бо обрѣзающіися сами законъ хранятъ, но хотятъ самъ обрѣзоватися, да въ вашей плоти позвалятся.*

Словами: *ни бо обрѣзающіися сами законъ хранятъ*, кажется, Апостоль хочетъ сказать только, что у нихъ нѣтъ никакой заботы о храненіи закона, не слава закона у нихъ въ цѣли, а своя собственная, чтобы услышать похвалу за то, что много надѣлали обрѣзаній. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы показать, что сіи лжеучители и съ другой стороны недостойны прощенія, еще обличаетъ ихъ и въ томъ, что они не только изъ угожденія другимъ, а и для собственнаго тщеславія учатъ обрѣзываться. Почему и присовокупляетъ, *да въ вашей плоти похваляся, т.-е., что они ваши учителя, а вы ихъ ученики*“. Тоже и блаж. Иеронимъ: „все, о чемъ они заботятся, чего ищутъ и домогаются — есть, чтобы предъ Іудеями похвалиться въ вашей

плоти, и потщеславиться, что ихъ трудами столько обрѣзано язычниковъ “.

Изъ того и другаго, т.-е. и изъ того, что они боятся потерять покой, и изъ того, что водятся духомъ тщеславія, прямо выходило, что отъ нихъ истины нечего ожидать. „Бывающее по страху, или по тщеславію, дѣлается не по убѣжденію, что такъ должно или необходимо. Хоть они и проповѣдуютъ обрѣзаніе, но проповѣдуютъ не отъ души “ (св. Дамаскинъ). Сами личину носятъ ревнителей, не имѣя настоящей ревности о законѣ, а хотятъ, чтобы вы за нихъ стали такими ревнителями. Васъ употребляютъ орудіемъ для своихъ не добрыхъ цѣлей. Какъ можно слѣдовать такимъ учителямъ? И какъ можно позволить имъ такъ играть собою и своею участію, не временною только, но и вѣчною?

Вотъ каковы нудящіе васъ обрѣзаться! Въ этихъ двухъ стихахъ та и цѣль была у Апостола, чтобъ подь конецъ еще разъ показать, кто они таковы.

Ст. 14. *Мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господи нашего Исуса Христа: имже мнѣ мръ распяся и Азъ міру.*

Противополагаетъ себя лжеучителямъ. У тѣхъ одно притворство, хитрость и самолюбивые виды. Ревность по закону одна личина. Я отвергаю обрѣзаніе и весь законъ и проповѣдую спасеніе единою вѣрою въ Господа распятаго. Но въ этомъ и вся жизнь моя. Для меня все мертво; за крестомъ ничего не вижу; онъ заслонилъ собою все отъ меня. Въ немъ взоръ ума моего; въ немъ все сердце мое и всѣ надежды мои. У подножія его я сложилъ всѣ свои преимущества земныя. Хвались кто чѣмъ хочетъ. Я не хвалюсь ничѣмъ, кромѣ креста Господня. Имъ только хвалюсь, и да не будетъ мнѣ, не дай Господи, чтобъ я когда-нибудь чѣмъ-либо другимъ похвалился, кромѣ креста Твоего. Таковъ былъ св. Апостоль; такъ и проповѣдывалъ, чтобъ въ дѣлѣ спасенія никто ни на чемъ не опирался, кромѣ креста Господня.

Хвалиться токмо крестомъ Господнимъ значитъ вѣрывать, что имъ однимъ дается спасеніе, и ни на чемъ другомъ не основывать своего спасенія, какъ на немъ; и не только вѣрывать въ силу его и основывать спасеніе на немъ, но дѣйствительно имѣть себя спасеннымъ въ немъ. Какъ кто хвалится какимъ патентомъ, даннымъ отъ царя, съ полнымъ знаніемъ силы его: такъ христіанинъ хвалится крестомъ, предъявляя его, какъ патентъ на спасеніе. Этимъ всеупованіемъ на крестъ въ ничто обращаются всѣ іудейскіе чины, и въ христіанствѣ отрицается сила спасительности помимо креста у всего, чтобы кто ни надѣлалъ и ни подъялъ. Выше всего страданія за вѣру, но и ихъ цѣна вся отъ вѣры въ силу креста Христова. Помимо всего надо прилѣпляться ко кресту Господню; и потомъ, когда прилѣпишься, хвались громогласно предъ всѣми спасеніемъ своимъ. Оно твое.

Но кромѣ вѣры въ спасительную для себя силу креста, хвалиться крестомъ есть еще съ радостію терпѣть за эту вѣру и проповѣдь о ней все уничижительное, всякое лишеніе и страданіе. Это будетъ хвалиться тѣмъ, что несешь крестъ, который есть Христовъ крестъ; ибо несется за Него и прививаетъ къ кресту Его. И это было у Апостола. И онъ, когда хвалился крестомъ, хвалился тѣмъ, что вѣруетъ въ него и проповѣдуетъ о немъ, и несеть за то всякія скорби и лишенія. Св. Златоустъ говоритъ: „сіе почитается безчестнымъ, но только въ мірѣ и у невѣрныхъ, а на небесахъ и у вѣрныхъ, это величайшая слава. Бѣдность для другихъ безчестна, а для насъ похвала. Терпѣть поруганія для многихъ кажется смѣшнымъ, а мы этимъ хвалимся. Такъ и крестъ есть наша похвала. Въ чемъ же похвала о крестѣ? Въ томъ, что Христосъ ради меня принялъ зракъ раба и претерпѣлъ страданія за меня раба, врага, неблагодарнаго, и такъ возлюбилъ меня, что за меня предалъ себя на смерть. Что еще можно найти равное сему? Если рабы, получая только похвалу отъ своихъ господъ, которые притомъ одного естества съ

ними хвалятся симъ; то какъ же не хвалиться намъ, когда Господь, истинный Богъ, для насъ непостыдился креста? Посему и мы не будемъ стыдиться Его неизреченнаго милосердія къ намъ. Онъ не устыдился быть распятымъ за тебя, и ты ли постыдишься исповѣдать Его безконечное милосердіе подобно тому узнику, который прежде не стыдился своего царя, а когда бы сей, пришедъ въ его темницу, разрѣшилъ узы его своими руками, за это сталъ бы стыдиться его? Это было бы крайнее безуміе. Ибо симъ особенно и надобно хвалиться“.

Имъже мнѣ міръ распяся и Азъ міру. — Распятыя чему, значить умереть чему. Апостоль говоритъ: силою креста Христова міръ для меня мертвъ, и я для міра,— его для меня нѣтъ, а меня для него. Міръ—все земное и человѣческое,—честь, слава, богатство, утѣхи, все, чѣмъ думаетъ человѣкъ на землѣ установить свое счастье и довольство. Когда говоритъ Апостоль, что все это для него мертво, то утверждаетъ, что все это онъ бросилъ; а когда говоритъ, что онъ для всего этого мертвъ, то утверждаетъ, что ко всему этому нѣтъ у него никакого сочувствія, не находитъ во всемъ этомъ онъ вкуса, занимается это его и непривлекаетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „міромъ называетъ здѣсь Апостоль не небо и землю, но дѣла житейскія—похвалу отъ людей, славу, богатство и все подобное, кажущееся свѣтлымъ и блистательнымъ. Все это, говоритъ, для меня стало мертво. Таковъ долженъ быть христіанинъ; и слова сіи онъ долженъ всегда носить въ себѣ. Но Апостоль еще не былъ доволенъ только первымъ видомъ мертвости, но присовокупилъ еще и другой, сказавъ: *и азъ міру*, внушая симъ сугубую мертвость, и какъбы такъ говоря: это для меня мертво, и я мертвъ для сего. Это плѣнить меня не можетъ, ибо мертво уже; и я не хочу желать его, потому что и я мертвъ для сего. Что можетъ быть блаженнѣе такой мертвости? Она есть основаніе блаженной жизни“.

Это потому, что мертвость міру производится жизнію

для Бога и въ Богѣ. „Иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми“. Се мертвость міру! Но въ то самое время, какъ совершается сіе самораспятіе, образуется и животь Іисусовъ въ мертвенномъ (умерщвленномъ грѣху) естествѣ нашемъ. Се жизнь о Христвѣ Іисусѣ! Объ этомъ тотчасъ и напоминаетъ Апостоль.

Ст. 15. *О Христвѣ бо Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но нова тварь.*

Во Христвѣ Іисусѣ, въ новой благодати, въ благодатномъ домостроительствѣ спасенія, не берется въ счетъ, обрѣзанъ ли кто, или не обрѣзанъ, а то одно, чтобы всякъ сталъ новою тварію. Пали мы, и потеряли жизнь настоящую. Пришелъ Господь, чтобы даровать намъ сію жизнь снова, и все къ тому устроилъ. Кто приступаетъ къ Господу съ вѣрою, тотъ во святомъ крещеніи умираетъ для грѣшной жизни и оживаетъ для жизни духовной,—становится совсѣмъ новымъ. Кто удостоился этого, тому нечего болѣе искать: все имѣеть. Иди, и живи во обновленной жизни, и ты спасенъ. Это и есть распятіе себя міру и міра себѣ. Это и есть крестъ, которымъ да хвалится всякій. Да хвалится тѣмъ, что уже получаетъ чрезъ него, прозрѣвая и въ то, что имѣеть получить: ибо здѣшнее обновленіе чрезъ распятіе крестное есть только начало. Въ полной силѣ своей и славѣ явится оно въ будущемъ возустроеніи всяческихъ.

Ходъ мыслей у Апостола таковъ: лжеучители хвалятся внѣшними преимуществами — внѣшнимъ покоемъ и для упроченія его предлагаютъ вамъ обрѣзаніе. Я хвалюсь однимъ крестомъ Христовымъ. Силою его я мертвъ для всего; но эта мертвость—источникъ жизни. Сраспинаясь Христу и чрезъ то распиная міръ себѣ и себя міру, я въ то же время получаю новую жизнь, славную предъ Богомъ и ангелами, и во времени и въ вѣчности. Тамъ ничто, здѣсь все.

„Видишь ли, на какую высоту вознесла Апостола сила креста? Не только все мірское сдѣлала мертвымъ для

него, но и поставила его несравненно выше прежней жизни. Какая сила может равняться силѣ креста?—*Новую тварію* онъ называетъ нашу жизнь, какъ въ отношеніи къ совершившемуся уже, такъ и въ отношеніи къ имѣющему еще совершиться. Въ отношеніи къ совершившемуся: ибо душа наша, состарѣвшаяся во грѣхѣхъ, чрезъ крещеніе вдругъ обновилась, какъбы вновь пересозданная; посему и требуется отъ насъ жизнь новая и небесная. Въ отношеніи къ будущему потому, что небо и земля и вся тварь вмѣстѣ съ нашими тѣлами перейдутъ въ состояніе нетлѣнія. Итакъ не говори мнѣ, говоритъ Апостоль, объ обрѣзаніи, которое теперь не имѣетъ уже силы; ибо какъ оно можетъ оставаться теперь, когда все измѣнилось?— а ищи новыхъ дѣлъ благодати“ (св. Златоустъ). Такъ Теодоритъ и другіе.

Ст. 16. *И елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость, и на Израили Божіи.*

Какимъ правиломъ? Тѣмъ, чтобы ходить въ обновленіи жизни, во Христѣ Иисусѣ, распявъ міръ себѣ и себя міру, помимо обрѣзанія и всѣхъ другихъ чиновъ внѣшнихъ, стѣсняющихъ лишь свободу духа. Таковымъ желаетъ Апостоль мира и милости, или утверждаетъ, что миръ и милость уже почиваютъ на нихъ. Въ нихъ точно есть уже миръ и съ Богомъ чрезъ вѣру въ Распятаго Господа, и въ себѣ чрезъ благодатное обновленіе. То и другое получаетъ всякій приступающій къ Господу. И это есть первая милость Божія, кою отворяется дверь и ко всѣмъ другимъ милостямъ. Помилованъ,—сталъ любезенъ Богу; возрожденъ,—сталъ сыномъ Божіимъ. Для сына же какую милость пожалѣетъ оказать Возлюбившій насъ до того, что и Единороднаго предалъ за насъ? „Како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ“? Истинно вѣрующіе и живущіе по вѣрѣ дѣйствительно мирствуютъ въ себѣ, и милостивый Господь точно всякую милость оказываетъ имъ и готовъ оказать. Они все могутъ испросить у Бога, о чемъ ни

попросятъ. Если горы преставлять дается имъ: что еще не дается?

„Ихъ-то и должно назвать собственно Израилемъ; а мудрствующіе противно сему, хотя бы и отъ Израиля родились и носили имя его, потеряли все сіе, и сродство съ нимъ, и самое имя его. Только живущіе по сему правилу, оставивъ древнее и слѣдуя ученію благодати, могутъ назваться истинными израильтянами“ (св. Златоустъ).

Изъ сихъ словъ св. Златоуста видно, что сочетаніе рѣчснѣй въ семъ текстѣ онъ дѣлалъ такое, какъбы читались: миръ на нихъ и милость, какъ на Израили Божіемъ,—новомъ, истинномъ, которому прежній служилъ только прообразомъ. Такъ и Θεодоритъ: „*Израилемъ Божіимъ* наименовалъ вѣрныхъ, какъ созерцающихъ Бога вѣрою. Ибо сіе значить имя: *Израиль*“. Такъ и другіе.

Ст. 17. *Проше труды да никтоже ми дасть: азъ бо извы Господа Иисуса на тѣль моему ношу.*

Не то хочетъ сказать Апостоль, что не хочетъ болѣе трудиться: утомился будто. Ибо онъ готовъ былъ на все, лишь бы спѣлось дѣло проповѣди. Но то, что послѣ сдѣланнаго истолкованія, въ чемъ сущность христіанства, Галатамъ ни о чемъ уже не остается вопрошать его. Все ясно. И послѣ сего предлагать вопросы и недоумѣнія будетъ уже не больше, какъ болѣзнь спорливости, удовлетворяютъ которой напрасный трудъ. Или можетъ быть, онъ хотѣлъ расположить ихъ вникнуть лучше въ посланіе, и сказалъ: больше толковать не хочу, ибо это будетъ тоже, что воздухъ бить. Этимъ оборотомъ рѣчи онъ и любовь ихъ раздражалъ; ибо слова его могли наводить и на такія мысли, что онъ будто готовъ и совсѣмъ ихъ бросить. Дорожившіе общеніемъ съ нимъ не могли не встрепенуться при этой мысли и построже отнестись къ развратителямъ. Св. Златоустъ такъ и понимаетъ: „Это говоритъ онъ не какъ утомленный и обезнадеженный, а чтобы возбудить ихъ недвѣятельный умъ, привести въ болѣшій страхъ, утвер-

дять предписанныя имъ правила, и предостеречь ихъ впредь отъ подобныхъ смятеній“.

Можеть быть, въ бытность свою между Галатами, Апостоль замѣтилъ, что они охотники спорить. Чтобъ отсѣчь всякій къ тому позывъ, Апостоль и сказалъ такъ: не затрудняйте меня спорами и возраженіями, а углубитесь въ то, что уже написано, удовлетворитесь. Блаженный Иеронимъ пишетъ: „Даетъ трудъ учителю тотъ, кто иначе живетъ и мыслить, нежели какъ училъ его учитель. Апостоль говоритъ какъбы: сдѣлайте такъ, чтобъ мнѣ не имѣть необходимости опять трудиться надъ вами. Можеть быть, онъ хотѣлъ предупредить спорливость тѣхъ, кои вздумали бы и еще возражать, какъ сдѣлалъ онъ и въ отношеніи къ Коринѳянамъ, когда, постановивъ, чтобъ женщины покрывали головы, а мужчины не покрывали, прибавилъ: *аще ли кто мнитися спорливъ быти, мы такового обычая не имамы* (1 Кор. 11, 16). Т.-е., я сказалъ, что нахожу честнымъ и правымъ. Но если кто не удовлетворяясь этимъ, начнетъ придумывать возраженія и говорить противъ, пусть знаетъ, что тотъ недостойнъ отвѣта, кто готовъ больше спорить, чѣмъ учиться“.

Азъ бо язвы Господа Иисуса на тѣлѣ моемъ ношу. Какъбы такъ: вотъ вамъ отвѣтъ на всѣ ваши возраженія и всѣ недоумѣнія—язвы, которыя ношу. „Не хочу еще писать что-нибудь; вмѣсто писемъ показываю язвы и знаки поруганій, пусть они засвидѣтельствуютъ истину проповѣди. Ибо за нее готовъ я терпѣть все“ (Феодоритъ). „Язвы сіи оправдываютъ меня лучше всякаго слова, лучше всякаго голоса. Онѣ издають голосъ сильнѣе всякой трубы, противъ враговъ моихъ, которые говорятъ, что я учу притворно и говорю иногда въ угожденіе людямъ. Еслибы кто увидѣлъ окровавленнаго и покрытаго безчисленными ранами воина, вышедшаго изъ строя, сталъ ли бы обвинять его въ трусости и предательствѣ, когда сей на самомъ тѣлѣ своемъ носить доказательство своего мужества? Такъже, говорить, должно судить и о мнѣ. И

кто хочетъ слышать мое оправданіе и знать мои мысли, тотъ смотри на мои раны, которыя представляютъ доказательство сильнѣе сихъ словъ и обширнѣе сего писанія“ (св. Златоустъ).

Ст. 18. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, съ духомъ вашимъ, братіе. Аминь.*

„Достаточно оправдавшись со всѣхъ сторонъ и увѣривъ, что ничего не сказалъ по гнѣву, или по нерасположенію, а имѣеть ту же любовь къ нимъ неизмѣнною, наконецъ и еще подтверждаетъ то же, заключая слово искреннимъ желаніемъ въ душѣ безчисленныхъ благъ и говоря: *благодать.....* Симъ послѣднимъ словомъ наложилъ печать на все прежде сказанное. Но не сказалъ просто: съ вами, какъ говоритъ въ другихъ посланіяхъ, а сказалъ: *съ духомъ вашимъ*, отклоняя ихъ отъ плотскаго, и вездѣ указывая на благодѣянія Божіи и напоминая о благодати, которую они пріяли и которая достаточна уврачевать ихъ отъ всякаго іудейскаго заблужденія. Ибо какъ пріять Духа зависѣло не отъ немощнаго закона, но отъ оправданія вѣрою: такъ и удержать Его зависить не отъ обрѣзанія, а отъ благодати. Почему и заключилъ увѣщаніе молитвою, напомянулъ о благодати, назвалъ ихъ братіями, и призвавъ Бога, чтобы они постоянно наслаждались сими дарами, оградилъ ихъ двойною оградю. Ибо сказанное имъ есть и молитва, и вмѣстѣ полное наставленіе, и потому служить для нихъ вмѣсто двойной стѣны; послыку и наставленіе напоминающее имъ, какихъ благъ они удостоены, сильно могло удерживать ихъ въ догматахъ Церкви, а молитва призывающая благодать, и умоляющая оную неотлучно пребывать въ нихъ, не попускала Духу отступить отъ нихъ. Когда же Духъ прѣбудеть въ нихъ, тогда всякое ложное ученіе исчезнетъ, какъ прахъ“ (св. Златоустъ).

„Будемъ и мы хранить сію благодать и не станемъ оскорблять Духа Святаго, которымъ знаменались мы въ день избавленія (Еф. 4, 30); но умному сему свѣту, какъ вѣжкѣ елей, принесемъ добрыя дѣла, чтобы, озаряясь имъ,

шествовать намъ прямою стезею и достигнуть желаннаго конца пути о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь“ (Ѳеодоритъ).

Епископъ Ѳеофанъ.

МОНОФИЗИТСТВО И IV ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

III. Халкидонскій вселенскій соборъ 451 года.

А) ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОЗВАНІЯ СОБОРА.

Императоръ Ѳеодосій младшій, какъ защитникъ собора разбойничьяго.—Безуспѣшность ходатайствъ православныхъ предъ нимъ о созваніи вселенскаго собора.—Благорасположенность къ православію новаго императора Маркіана и императрицы Пульхеріи.—Благопріятное положеніе стороны православныхъ.—Созваніе собора вселенскаго въ Никеѣ.—Перенесеніе собора въ Халкидонъ.—Общія замѣчанія о соборѣ.

Разбойничій соборъ 449 года, повидимому, былъ выраженіемъ полнаго торжества еutihianства или монофизитства надъ православіемъ. Тогдашній императоръ Востока Ѳеодосій младшій, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ монофизитской партіи, во главѣ которой стоялъ уже извѣстный намъ министръ евнухъ Хрисаеій, безпрекословно указомъ (Дѣян. III, 160) утвердилъ постановленія собора разбойничьяго. Указъ, которымъ утверждены эти постановленія, приравниваетъ вождей православія—Флавіана константинопольскаго, Евсевія дорилейскаго и другихъ къ Несторіанамъ; онъ осуждаетъ ихъ, какъ приверженцевъ Несторія, какими старались выставить лицъ православной стороны монофизиты. Вотъ слова этого указа: „когда Несторій хотѣлъ поправить древнюю вѣру на соборѣ Ефесскомъ (т.-е. 3-мъ вселенскомъ), онъ былъ осужденъ. Но несмотря на

то Флавіанъ архіепископъ константинопольскій и другой епископъ по имени Евсевій, слѣдуя заблужденіямъ Несторія, сдѣлались причиною новаго спора; почему императоръ и вынужденъ былъ собрать вселенскій соборъ изъ епископовъ всѣхъ странъ въ Ефесѣ (т.-е. разбойничій), который за приверженность къ Несторіевой ереси и лишилъ каедръ епископскихъ Флавіана, Евсевія, Домна антиохійскаго, Θεодорита кирскаго и другихъ. Постановленія этого собора—говорилось далѣе въ указѣ—императоръ одобряетъ, утверждаетъ, принимаетъ и повелѣваетъ, чтобы всѣ епископы подписали Никейскій символъ *). Сочиненій Несторія и Θεодорита (котораго монофизиты считали приверженцемъ несторіанства), говорилъ указъ, никто не долженъ читать. Несторіане (т.-е. православные) не должны быть терпимы ни въ городахъ, ни въ странѣ, и кто ихъ будетъ терпѣть, тотъ будетъ наказанъ конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ“. Такимъ ревностнымъ приверженцемъ постановленій разбойничьяго собора является императоръ Востока Осодосій младшій; православіе, подобно несторіанству, признано нетерпимымъ на востокѣ. Этотъ указъ императорскій впрочемъ не могъ сдѣлаться обязательнымъ для всего христіанскаго міра, потому что на западѣ въ это время былъ императоромъ Валентиніанъ III, который отнюдь не былъ расположенъ къ монофизитству. Да и самый Востокъ, несмотря на всю строгость указа, не принялъ базпрекословно этихъ императорскихъ распоряженій; на востокѣ указъ произвелъ великое церковное раздѣленіе. Египеть, Оракія (т.-е. страна окрестная Ковстантинополю) и Палестина объявили себя за соборъ разбойничій и за императора; напротивъ епископы Сиріи, Понта и Азіи рѣшительно заявляли о своей привержен-

*) Замѣтимъ, что монофизиты потому особенно крѣпко держались за Никейскій символъ, что въ немъ не ясно говорится относительно спорнаго у нихъ пункта съ православными. См. объ этомъ въ Дѣян. III, 187.

ности къ православію *). Особенною дѣятельностію въ пользу православія отличается Левъ папа Римскій. Въ противодѣйствіе собору разбойничьему, онъ собираетъ православный помѣстный соборъ въ Римѣ; здѣсь торжественно провозглашается отверженіе постановленій собора разбойничьяго, произносится отлученіе на Діоскора и Евтихія, и свѣдѣнія о дѣяніяхъ римскаго собора посылаются къ клиру, сенату и народу Константинопольскому (Дѣян. III, 77 и д. 80 и д. 89 и д.). Но не ограничиваясь такими отрицательными дѣйствіями, папа всеми мѣрами стремится къ тому, чтобы собранъ былъ новый вселенскій соборъ въ Италіи для перерѣшенія постановленій собора разбойничьяго. Въ особенности папа возлагалъ большія надежды въ данномъ случаѣ на западнаго императора Валентиніана. И потому когда названный императоръ вскорѣ прибылъ въ Римъ вмѣстѣ съ супругою своею Евдоксією и матерью Галлою-Плакидою для празднованія памяти св. апостола Петра, папа рѣшился воспользоваться этимъ случасмъ, чтобъ преклонить императора дѣятельно взять сторону православія и побудить его ходатайствовать въ этомъ смыслѣ предъ императоромъ Востока Θεодосіемъ. Съ этою цѣлію, когда Валентиніанъ съ своею супругою и матерью молились въ храмѣ святаго Петра, папа въ сопровожденіи многихъ епископовъ изъ различныхъ западныхъ провинцій, пришелъ къ царственнымъ поклонникамъ и слезно умолялъ ихъ принять на себя ходатайство за православныхъ предъ императоромъ Θεодосіемъ. Валентиніанъ внялъ мольбамъ папы, и какъ онъ самъ, такъ и его супруга съ матерью, ревнуя о православіи, письмами ходатайствовали предъ Θεодосіемъ за православіе и просили его о созваніи вселенскаго собора въ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ папы, для изслѣдованія возникшихъ религіозныхъ споровъ (Дѣян. III, 91—2; 92—4; 94 и д.). Но попытки ихъ помочь дѣлу православія были

*) Гефеле: „Исторія соборовъ“ (Band 2, Ausgabe 1856) стр. 370—1.

тщетны. Θεодосій въ отвѣтъ на эти письма писалъ императорской фамилии на западѣ, что въ Ефесѣ 449 года, рѣшенія постановлены съ полною свободою и сообразно съ истиною, что Флавіанъ по справедливости лишень сана ради пововеденій въ вѣрѣ (Дѣян. III, 97—100). Напрасно самъ папа, обращаясь съ письмами къ Θεодосію, заклиналъ его страшнымъ судомъ, Св. Троицею и святыми ангелами созвать новый соборъ (Дѣян. III, 68—69); императоръ оставался глухъ и нѣмъ и дѣла продолжали пребывать въ томъ же положеніи. Такимъ образомъ какъ Востокъ, подчиненный монофизитскому правленію Θεодосія, такъ и Западъ оказывались безсильными помочь дѣлу православія. Въ такомъ состояніи оставались дѣла до самой смерти Θεодосія младшаго.

Восшествіе на престолъ новаго императора Маркіана было счастливымъ событіемъ для стороны православныхъ. Маркіанъ, какъ и Пульхерія, сестра Θεодосія младшаго, которая теперь сдѣлалась супругою Маркіана, были глубоко преданы дѣлу православія. Свой религіозный характеръ Маркіанъ вполне выразилъ въ обстоятельстве созванія собора вселенскаго, въ образѣ отношенія къ нему и въ своихъ распоряженіяхъ касательно Церкви послѣ этого собора. Что же касается до религіознаго характера Пульхеріи, то современники отзывались о немъ съ полною похвалою. Отцы собора Халкидонскаго говорили о ней, что она „всю жизнь проводитъ въ молитвѣ“, что у ней „бесѣда въ псалмахъ“ (Дѣян. III, 672); папа Левъ замѣчалъ о ней: „когда она не принимала священниковъ, когда не стояла за благочестіе и вѣру православную“ (Дѣян. III, 75)? Одинъ древній историкъ пишетъ о ней: „тщательно и мудро предотвращала она всякій случай, грозившій вѣрѣ введеніемъ новыхъ и ложныхъ догматовъ“ *). Благопріятное отношеніе новаго правительства къ православію тотчасъ же обозначилось по вступленіи Маркіана

*) Созоменъ. Церковная Исторія кн. 9. гл. 1.

на престоль. Императоръ немедленно распорядился, чтобы останки архіепископа Флавіана, умершаго въ изгнаніи, были перенесены въ Константинополь и торжественно положены во храмъ св. Апостоловъ, мѣстѣ погребенія епископовъ константинопольскихъ. Далѣе императоръ приказалъ возвратитъ изъ ссылки всѣхъ тѣхъ епископовъ, кои подвергнуты были изгнанію послѣ осужденія ихъ на соборѣ разбойничьемъ, и имъ возвращены были епископскія каедры (Дѣян. III, 107—109). Съ тѣмъ вмѣстѣ Маркіанъ вступилъ въ самую дружественную переписку съ главнымъ поборникомъ православія—папою Львомъ. Въ первомъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, императоръ свидѣтельствуеть о своей ревности къ православной вѣрѣ и охотно соглашается на созваніе собора вселенскаго для искорененія заблужденія и возстановленія мира, какъ желалъ того папа (Дѣян. III, 104—105). Въ другомъ письмѣ императоръ приглашаетъ папу, если ему угодно, лично прибыть на востокъ и здѣсь принять участіе на соборѣ, и если папа не явится на соборъ, сочтетъ для себя это затруднительнымъ, императоръ обѣщаетъ папѣ, что этотъ соборъ, который долженъ собраться на востокѣ, утвердитъ православную вѣру сообразно съ изложеніемъ Льва (Дѣян. III, 106—107). Понятно, что такое отношеніе императора къ православію возвысило духъ сторонниковъ его: они чувствовали близость своего торжества. Напротивъ партія монофизитская видѣла себя сильно поражаемою. Какъ отнеслись къ этому факту начинающагося торжества православныхъ надъ ихъ врагами главнѣйшіе представители монофизитства, это показываютъ примѣръ Діоскора архіепископа Александрійскаго и примѣръ Анатолія архіепископа Константинопольскаго, назначеннаго въ преемники Флавіану на соборѣ разбойничьемъ. Діоскоръ понималъ, какъ мало хорошаго онъ могъ ожидать для себя и своей партіи отъ Маркіана, при его православныхъ симпатіяхъ, и потому всѣми мѣрами старался праяпатствовать признанію его императоромъ въ Египетской провинціи (архі-

епископъ въ роли революціонера! Дѣян. III, 590—591). Но эта попытка не удалась Діоскору, и онъ лишь навлекъ на себя тѣмъ большее неудовольствіе со стороны новаго императора. Иначе отнесся къ факту близкаго торжества православія Анатолій архіепископъ Константинопольскій. Какъ избранный соборомъ разбойничьимъ, онъ сочувственно относился къ монофизитскимъ воззрѣніямъ; но, со вступленіемъ на престолъ новаго императора, ревнителя православія, онъ сознается въ своемъ заблужденіи, отказывается отъ всякихъ связей съ партіей монофизитской, объявляетъ о своемъ согласіи въ догматическихъ мысляхъ съ папою Львомъ (Дѣян. III, 107—108).

При расположенности императора Маркіана и императрицы Пульхеріи къ православію нельзя было сомнѣваться въ томъ, что правительство поспѣшитъ возстановить поруганную на соборѣ разбойничьемъ честь православія. И дѣйствительно императоръ Маркіанъ не замедлилъ принять на себя попеченіе о созваніи собора вселенскаго. Императоръ вступилъ на престолъ въ августѣ 450 года, а въ 451 году въ маѣ мѣсяцѣ онъ уже издаетъ указъ, которымъ назначался соборъ въ Никеѣ, въ Малой Азій, отъ 1 сентября тогоже года. Указъ гласилъ: „всѣмъ занятіямъ должны быть предпочитаемы божественныя дѣла. А такъ какъ возбуждены нѣкоторые недоумѣнія касательно нашей православной вѣры, то намъ благоугодно, чтобы составился св. соборъ въ Никеѣ, дабы при общемъ согласіи всѣхъ, по точномъ изслѣдованіи истины и по устраненіи всякаго пристрастія, которымъ уже злоупотребили нѣкоторые и возмущали православное благочестіе, яснѣе открылась истинная вѣра и уже не могло быть никакого сомнѣнія и разногласія. Если не воспрепятствуютъ военныя походы, мы сами лично будемъ присутствовать на досточтимомъ соборѣ“ (Дѣян. III, 110). Восточная Церковь съ величайшею радостію встрѣтила это распоряженіе императора. Не съ такою радостію принято оно на западѣ. Такъ какъ соборъ созывался не

въ Италіи, какъ желалъ того папа Левъ, а на востокѣ, то папа съ сожалѣніемъ видѣлъ, что онъ не можетъ принять такого дѣятельнаго участія въ немъ, къ какому онъ готовилъ себя. Притомъ же и обстоятельства, при какихъ созывался соборъ, были неблагопріятны для Запада. Италіи въ это время грозили нападеніемъ варвары подъ предводительствомъ грознаго Аттилы, и это было препятствіемъ для отправленія возможно-большаго числа западныхъ епископовъ на соборъ. Папа писалъ императору Маркіану: „я думалъ, что изъ уваженія къ теперешнимъ тяжелымъ обстоятельствамъ соборъ будетъ отложенъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы епископы могли собраться на оный изъ всѣхъ провинцій и чтобы могъ составиться въ собственномъ смыслѣ вселенскій соборъ; но такъ какъ вы изъ любви къ православной вѣрѣ рѣшаете уже созвать соборъ, то я не могу препятствовать вашей благочестивой волѣ“. Въ письмѣ къ Анатолию архіепископу константинопольскому, папа жалуется на краткость срока назначеннаго для прибытія на соборъ епископовъ (отъ середины мая до сентября). „Какъ можетъ онъ, говорилъ папа о себѣ, разослать своевременно извѣстія во всѣ провинціи запада, чтобы соборъ былъ поистинѣ вселенскимъ соборомъ“ *)?

До открытія собора въ Никееѣ, чтобы предотвратить возможность какихъ-либо безпорядковъ въ теченіи дѣятельности собора со стороны нахлынувшихъ въ Никею, ненужныхъ при соборныхъ совѣщаніяхъ людей, каковы были различные монахи и клирики,—попечительный императоръ приказываетъ очистить городъ отъ подобныхъ массъ народныхъ. Маркіанъ издаетъ на имя Никейскаго военачальника такой указъ: „нѣкоторые, какъ мы слышали, нахлынувшіе въ Никею клирики, монахи и міряне, привыкшіе растривать и возмущать пріятное Богу благочиніе, покушаются произвести шумъ, возставая противъ того,

*) Гефеле въ „Ист. Соборовъ“ (Vand. 2) стр. 385—6. Дѣян. III, 115

что намъ угодно; потому мы сочли за необходимое отправить къ тебѣ это посланіе, чтобы ты съ полною властію и всячески изгонялъ изъ города и изъ самыхъ областей этихъ, какъ клириковъ проживающихъ тамъ безъ нашего приглашенія или безъ дозволенія своихъ епископовъ, будутъ ли то клирики находящіеся въ этомъ званіи или какіе-либо отлученные своими епископами,—такъ и монаховъ и мірянъ, которыхъ никакая причина не призываетъ на соборъ. Ибо знай, что если найденъ будетъ тамъ проживающимъ какой-либо мятежникъ, то тебѣ угрожаетъ неминуемая опасность“ (Дѣян. III, 113—114).

Впрочемъ собору не суждено было состояться въ Никее, какъ предполагалось. Сообразно съ императорскимъ указомъ къ назначенному сроку, къ 1 сентября, собрались въ Никее многіе епископы для собора; но Маркіанъ, занятый въ это время войною и нѣкоторыми другими важными дѣлами, требовавшими его личнаго присутствія, медлил явиться на соборъ, какъ онъ общалъ это прежде, и просилъ собравшихся отцевъ объ отсрочкѣ соборныхъ засѣданій дотолѣ, пока онъ самъ не найдетъ возможности прибыть на соборъ, что должно было случиться, по мнѣнію императора, въ непродолжительномъ времени (Дѣян. III, 112—113). Но такъ какъ однакожь прибытіе императора и послѣ этого чрезвычайно замедлилось, то собравшіеся отцы отправили къ императору письмо, въ которомъ выражали, что такое выжидательное положеніе становится для нихъ очень обременительнымъ, въ особенности для хилыхъ и больныхъ изъ нихъ (Дѣян. III, 117). Вслѣдствіе этого императоръ рѣшился перенести соборъ изъ Никей въ г. Халкидонъ, который находился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ столицы императорской — Константинополя *). Дѣлая это новое распоряженіе, императоръ такъ писалъ отцамъ съѣхавшимся для собора: „хотя мы и по-

*) Ихъ раздѣляетъ только проливъ Босфоръ.

спѣшили прибыть на соборъ, однакожь насъ удержали общественныя и чрезвычайно важныя дѣла. При этомъ мы разсудили, что попеченіе о святой и православной вѣрѣ должно предпочитать всему. Благоволите перейти въ Халкидонъ. Туда не замедлимъ и мы явиться. И пусть, говорилось далѣе въ посланіи, за отсутствіемъ долѣе не отлагается св. соборъ. Итакъ поспѣшите прибыть, не дѣлая никакой отсрочки, дабы чрезъ вашу медлительность не имѣло замедленія открытіе истины“ (Дѣян. III, 117—18. 120). Императоръ по этому случаю отложилъ даже свой походъ въ Иллирію (Дѣян. III, 120). Перенеся соборъ въ Халкидонъ, императоръ надѣялся, что слѣдя въ Константинополѣ за ходомъ дѣлъ общественныхъ и государственныхъ, онъ въ тоже время не оставитъ безъ вниманія и хода дѣлъ соборныхъ, вслѣдствіе близости Халкидона отъ Константинополя, какъ это дѣйствительно доказала послѣдующая исторія собора.

Сообразно съ этимъ императорскимъ указомъ епископы дѣйствительно скоро перебрались въ Халкидонъ, такъ что въ началѣ октября нашли возможнымъ открыть и самыя соборныя засѣданія. Засѣданія собора происходили въ храмѣ мученицы св. Евфиміи. Историкъ Евсевій описываетъ положеніе этого храма и самый храмъ въ чертахъ самыхъ изобразительныхъ. По его описанію, храмъ отстоялъ отъ Босфора на двѣ стадіи (1200 шаговъ), стоялъ на одной изъ прелестнѣйшихъ, но не крутыхъ возвышенностей. Пѣшеходы не замѣчали тяжести горнаго пути, когда шли къ храму. Какъ скоро они достигали храма, для нихъ открывался очаровательный видъ: предъ ними разстилались зеленѣющіе луга, волнистая жатва, роскошные сады; вдали горы и лѣса; видъ на море услаждалъ взоръ, на море, то позлащаемое лучами солнца въ хорошую погоду, то бурно воздымающееся во время вѣтра. Зрѣлище столицы Константинополя, открывавшееся отъ храма, довершало прелесть, которую чувствовалъ созерцающій. Самый храмъ представлялъ собой великолѣпную постройку: онъ состоялъ

изъ многихъ обширныхъ зданій, украшенъ былъ изящными колоннами и увѣнчивался куполомъ. Въ храмъ почивали св. мощи мученицы Евфиміи въ богато-украшенной гробницѣ; мощи славились многими чудесами *). Число отцевъ на этомъ соборѣ было чрезвычайно велико, такое, какого не было ни на одномъ изъ доселѣ бывшихъ соборовъ, и изъ послѣдующихъ лишь не многіе могутъ равняться въ этомъ отношеніи съ соборомъ Халкидонскимъ. Число всѣхъ присутствовавшихъ на немъ отцевъ, если не выключать и уполномоченныхъ лицъ пресвитерскаго сана, замѣщавшихъ того или другаго епископа, можно полагать между 600—630. Главнѣйшими представителями собора были: Анатолій архіепископъ константинопольскій, котораго отцы называли „первымъ“ на соборѣ (Дѣян. III, 165), папскіе легаты: епископы Пасхазинъ и Луценцій и пресвитеръ Бонифацій, Максимъ архіепископъ антиохійскій, Ювеналій архіепископъ іерусалимскій, Фалассій епископъ каппадокійскій. На соборѣ встрѣчаемъ большое стеченіе высшихъ государственныхъ сановниковъ и сенаторовъ, принимающихъ участіе въ дѣянiяхъ собора, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда разсматривались дѣла чисто церковныя, напр. въ случаѣ суда надъ епископомъ (Дѣян. III, 568).

Б) судъ надъ соборомъ разбойничьимъ и діоскоромъ.

Судъ надъ соборомъ разбойничьимъ: вопросъ о присутствующемъ Діоскорѣ;—эпизодъ съ Θεодоритомъ;—вины собора разбойничьяго;—поведеніе Діоскора;—осужденіе собора разбойничьяго и монофизитства.—Судъ надъ Діоскоромъ: еретическое упорство Діоскора;—новыя многочисленныя обвиненія на него;—троекратный тщетный вызовъ Діоскора;—приговоръ надъ Діоскоромъ.

Первое засѣданіе собора халкидонскаго происходило 8-го октября **). Предметомъ его дѣяній былъ соборъ раз-

*) Еваргій. Церковная Исторія, кн. 2. гл. 3.

**) Всѣхъ засѣданій было 16.

бойничій. Прежде чѣмъ приступили къ дѣлу, поднять былъ вопросъ о томъ, долженъ ли оставаться Діоскоръ, архіепископъ александрійскій, предсѣдатель собора разбойничьяго, на этомъ засѣданіи и съ какими правами. Папскіе легаты въ лицѣ Пасказина заявили о необходимости совершеннаго удаленія Діоскора отъ собора. Такое заявленіе нашли не совсѣмъ справедливымъ императорскіе сановники, присутствующіе на соборѣ; они просили легатовъ указать опредѣленную причину, по которой они требуютъ этого; они спрашивали ихъ: „какая собственно вина возводится на Діоскора?“ Луцентій, другой папскій легатъ, отвѣчалъ на это: „Діоскоръ дерзнулъ собрать соборъ безъ авторитета апостольскаго, т.-е. папскаго, чего, замѣтилъ легатъ, никогда не было и не должно быть“ *). Сановники объясненіемъ легатовъ, какъ слишкомъ исключительнымъ, не удовлетворились и потребовали указанія болѣе важной причины, по которой Діоскоръ долженъ быть удаленъ съ собора: „нужно—говорили сановники снова—чтобы вы изложили, въ чемъ именно Діоскоръ виновать“. Тогда легаты указали другую причину своего требованія: „мы не потерпимъ такого оскорбленія намъ и вамъ, сказали они, чтобы засѣдалъ тотъ, кто пришелъ на судъ“. Послѣ этого заявленія Діоскоръ, по приказанію собора, вышелъ изъ ряда другихъ епископовъ и сѣлъ на срединѣ соборнаго зала (Дѣян. III, 141—2). Это значило, что онъ становился въ рядъ истцевъ и отвѣтчиковъ и лишился права голоса (см. Дѣян. III, 198). Затѣмъ выступаетъ на средину собора въ качествѣ истца Евсевій епископъ дорилейскій, такъ много пострадавшій отъ собора разбойничьяго, и говоритъ: „я оскорбленъ Діоскоромъ, оскорблена вѣра; онъ умертвилъ епископа Флавіана и несправедливо осудилъ его вмѣстѣ со мною; пове-

*) Нужно сказать, легаты явились на соборъ не безъ притязаній, какими нѣкоторые папы заявляли себя въ Церкви, утверждая за собой право власти относительно всей Церкви.

лите принять мое прошеніе“. Въ прошеніи этомъ между прочимъ объявлялось: „на недавно бывшемъ соборѣ въ митрополичьемъ городѣ Ефесѣ, которому бы лучше было вовсе не быть, чтобы не наполнять вселенную зломъ и возмущеніемъ,—Діоскоръ, ни во что считая справедливость и страхъ Божій, думая и мудрствуя подобно еретику Евтихію, скрываясь отъ многихъ, чтобы послѣ обнаружить себя, собравши буйную толпу народа и приобрѣтши себѣ могущество деньгами, оскорбилъ вѣру православныхъ сколько могъ и утвердилъ нечестіе монаха Евтихія. Посему, такъ какъ посягательство его на вѣру и на насъ велико, то просимъ, чтобы повелѣно было Діоскору защищаться противъ того, въ чемъ мы его обвиняемъ“ (Дѣян. III, 143—145). Прошеніе Евсевія принято и рѣшено было начать изслѣдованіе дѣйствій Діоскора на соборѣ разбойничьемъ. Для этого епископы положили пречестъ дѣянія соборовъ бывшихъ по дѣлу Евтихія, т.-е. дѣянія собора константинопольскаго подъ предсѣдательствомъ Флавіана (448 г.) и собора разбойничьяго подъ предсѣдательствомъ Діоскора (449 г.). Начато было чтеніе. Когда дѣло дошло въ дѣяніяхъ послѣдняго собора до того императорскаго указа, въ которомъ говорилось о Θεодоритѣ Кирскомъ, чтобы онъ явился на соборъ въ Ефесѣ лишь въ томъ случаѣ, если того пожелаетъ самый соборъ, при этомъ упоминаніи о Θεодоритѣ Кирскомъ, ревностномъ защитникѣ православія противъ монофизитства, императорскіе сановники потребовали, чтобы вошелъ на соборъ и Θεодоритъ для принятія участія въ дѣлахъ соборныхъ. Такое требованіе произвело большой шумъ на соборѣ: одни соглашались съ этимъ требованіемъ, другіе напротивъ оспаривали его. Въ этомъ разногласіи по поводу Θεодорита выразилось то раздвоеніе въ воззрѣніяхъ отцевъ собора, какое дѣйствительно имѣло мѣсто при началѣ засѣданій соборныхъ, но которое вскорѣ въ концѣ перваго же засѣданія уступило мѣсто едиенію. Первоначальное раздвоеніе собора, о которомъ мы говоримъ,

внѣшнимъ образомъ выразилось прежде всего въ томъ фактѣ, что одни епископы заняли мѣста въ храмѣ съ лѣвой стороны (римскіе, константинопольскіе, малоазійскіе, понтійскіе, антїохійскіе), а другіе правую (египетскіе, палестинскіе, иллирійскіе *) (Дѣян. III, 140). По вопросу о Θεодоритѣ лѣвая сторона заявляла себя такъ, правая иначе. Епископы египетскіе, палестинскіе и иллирійскіе, на упомянутое требованіе отвѣчали: „помилуйте, (съ дозволеніемъ Θεодориту придти на соборъ), вѣра погибаетъ; его изгоняютъ правила; изгоните его вонъ; соборъ не принимаетъ Θεодорита“. Напротивъ епископы константинопольскаго и антїохійскаго округа, азійскіе и понтійскіе, являясь сторонниками Θεодорита, восклицали: „вышлите вонъ манихеевъ (т.-е. приверженцевъ Діоскора); вонъ изгоните враговъ Флавіана; вонъ изгоните враговъ вѣры; Діоскора челоуѣкоубійцу вонъ изгоните“. Когда крики нѣсколько смолкли, Θεодоритъ, въ успокоеніе спорившихъ изъ-за него, объявлялъ, что онъ является не въ качествѣ полноправнаго члена собора, а въ качествѣ лица потерпѣвшаго отъ Діоскора и въ качествѣ обвинителя на дѣйствія его. Но это ни мало не успокоило партіи, не распоженной къ Θεодориту. Епископы правой стороны продолжали кричать: „Не называйте Θεодорита епископомъ; онъ не епископъ; вонъ изгоните богопротивника; вонъ изгоните іудея; хулителя Христова изгоните вонъ“. Между тѣмъ и представители лѣвой стороны, защитники Θεодорита, не оставались безмолвными,—они восклицали: „православнаго т.-е. Θεодорита, оставьте на соборѣ, вонъ изгоните мятежниковъ, вонъ изгоните челоуѣкоубійцу“. Чтобы прекратить шумъ и смятеніе, наконецъ сановники и сенаторы обращаются къ шумѣвшимъ съ замѣчаніемъ: эти простонародныя восклицанія и неприличны епископамъ и бесполезны; не прешятствуйте продолжать чтеніе дѣяній“. Но правая сторона и теперь не удержалась отъ восклицанія:

*) Т.-е. изъ внѣшней Греціи и сопредѣльныхъ съ нею странъ.

„изгоните одного, и всѣ будемъ слушать; мы изъ благочестія воиѣмъ, ради православной вѣры говоримъ это“ (Дѣян. III, 149—51).

Когда продолжено было чтеніе дѣяній собора разбойничьяго, прерванное этимъ эпизодомъ съ Θεодоритомъ, часть епископовъ, бывшихъ на соборѣ 449 года, засвидѣтельствовала во время этого чтенія, сколько золь, неправоты допущено было на ономъ. Явилось нѣсколько обвинителей противъ этого собора изъ числа присутствовавшихъ на немъ и повѣдали предъ отцами, съ какими насиліями происходила дѣятельность его. Епископы округа антиохійскаго рассказывали слѣдующее: „на осужденіе епископа Флавіана и епископа Евсевія на соборѣ Ефесскомъ никто изъ православныхъ епископовъ не былъ согласенъ; сдѣлано было—свидѣтельствовали епископы—насиліе, насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу, на которой послѣ и написано осужденіе упомянутыхъ епископовъ. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами и мы были приведены въ страхъ ими. Гдѣ палки и мечи, какой тутъ соборъ, замѣчали епископы. Воины низложили Флавіана и Евсевія болѣе, чѣмъ мы, а что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ страха“. Послѣ этого общаго заявленія о насиліяхъ допущенныхъ Диоскоромъ и его партіею на соборѣ Ефесскомъ нѣкоторые епископы и въ отдѣльности засвидѣтельствовали о томъже фактѣ. Стефанъ епископъ ефесскій объявлялъ предъ лицомъ собора: „Богъ свидѣтель, что во всемъ, что было сдѣлано на соборѣ Ефесскомъ, употреблено было насиліе и принужденіе, и что мы противъ желанія подписали осужденіе Флавіана—Богъ свидѣтель“. Онъ рассказывалъ, что когда онъ принималъ въ церковное общеніе съ собою нѣкоторыхъ клириковъ, сторонниковъ Флавіана, то къ нему въ его домъ (епископію) вторглись Елпидій и Евлогій, двое императорскихъ чиновниковъ бывшихъ на соборѣ Ефесскомъ, и воины, и монахи числомъ до 300 и хотѣли убить его, говоря: „такъ

какъ ты принялъ враговъ императора, то и ты врагъ императора“. И такимъ образомъ, вообще замѣчалъ Стефанъ, все было сдѣлано по принужденію и насилію. Другой епископъ изъ присутствовавшихъ также на соборѣ разбойничьемъ изобразилъ предъ лицомъ отцевъ тотъже соборъ въ краскахъ самыхъ черныхъ. Θεодоръ епископъ клавдіопольскій сдѣлалъ вотъ какое показаніе о немъ: „Партія Діоскора, укоряя насъ, т.-е. православныхъ, въ несторіанской ереси, чтобы устрашить насъ, возглашала: на-двое разсѣките признающихъ два естества, признающихъ двойство раздѣлите, умертвите, выбросьте; это говорилось для того, замѣчаетъ Θεодоръ, чтобы мы, по обвиненію въ несторіанской ереси, не судьями были какъ православные, но осужденными какъ нечестивцы. Потомъ они дѣлали и нѣчто другое, заявлялъ Θεодоръ. Императоромъ повелѣно было сначала рѣшить дѣло о Флавіанѣ. Сдѣлавши по этому поводу нѣсколько собраний, не изложивши письменно своихъ постановленій и никому не прочитавши ихъ, такъ что никто не зналъ, о нихъ, Діоскоръ и его сотоварищи по злодѣянію принесли намъ не писанную бумагу, имѣя съ собой множество грубыхъ людей, кричавшихъ, смущавшихъ и возмущавшихъ соборъ. Всѣхъ насъ епископовъ насъ оборѣ было 135; сорокъ двухъ они заставили молчать, большая часть другихъ епископовъ образовали мятежное скопище Діоскора. Оставались твердыми насъ человекъ 15; что могли мы сдѣлать? Они играли нами: вотъ еретики — кричали они всѣ въ одинъ голосъ; они застращали насъ, объявили еретиками и мы извержены были какъ еретики“. При этомъ показаніи епископа Θεодора, епископы антиохійскаго округа, принимавшіе сами участіе въ соборѣ Ефесскомъ, единодушно воскликнули: „это мы всѣ говоримъ, это было такъ“. Приверженцы Діоскора не нашли возможнымъ опровергнуть этихъ обвиненій и ограничились лишь такими словами къ собору, въ которыхъ выразилось ихъ высокомеріе, а вмѣстѣ и упорство: „христіанинъ никого не боится, православный

никого не боятся“. „Пусть огонь разложатъ, говорили они горделиво, а мы предлагаемъ свое ученіе; еслибы боялись людей, то не было бы мучениковъ“ (Дѣян. III, 160. 1. 2. 3). Кромѣ этихъ важныхъ злоупотребленій собора Ефесскаго открыты были на соборѣ Халкидонскомъ и другія злоупотребленія тогоже собора. Такъ найдено было, что несправедливо архіепископъ Флавіанъ являлся предъ соборомъ разбойничьимъ въ качествѣ обвиненнаго (Дѣян. III, 164—5). Притомъ обнаружилось, что судъ надъ Флавіаномъ произведенъ былъ порядкомъ неправильнымъ,—онъ осужденъ безъ изслѣдованія дѣла и безъ допроса. Онисифоръ епископъ иконійскій выставилъ на видъ отцамъ слѣдующее: „тотчасъ послѣ того какъ прочитано было правило, въ которомъ говорилось, что никто ничего не долженъ изслѣдовать о вѣрѣ, Діоскоръ сказалъ: давайте сюда нотаріевъ (секретарей)! и было произнесено осужденіе на Флавіана“ (Дѣян. III, 363). Также найдено совершенно несправедливымъ, что на томъже соборѣ Ефесскомъ Евсевій Дорилейскій, явившись въ качествѣ обвинителя противъ Евтихія, не былъ однакожь выслушанъ (Дѣян. III, 197. 209). Къ числу преступныхъ насильственныхъ дѣйствій собора разбойничьяго было наконецъ отнесено и то, что на немъ не позволено было прочитать посланіе папы Льва, въ которомъ онъ выразилъ свое сужденіе относительно спорныхъ вопросовъ. Весьма многіе на соборѣ Халкидонскомъ заявили, что „посланіе это не было читано и умышленно было удержано Діоскоромъ“, что „Діоскоръ семь разъ клялся предъ всѣми, что велитъ прочитать его и однакожь оно не было читано“,—и всѣ свидѣтельствовали, что это дѣйствительно было такъ (Дѣян. III, 171). Важнѣйшею стороною въ дѣятельности собора Ефесскаго, возбудившею особенное порицаніе отъ отцевъ халкидонскихъ, было провозглашеніе монофизитства на немъ. Когда чтеніе дѣяній собора Ефесскаго дошло до того мѣста въ нихъ, гдѣ говорилось: „пресвитеръ Евтихій сказалъ: исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ

естествѣ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество;—Діоскоръ епископъ александрійскій сказалъ: и мы всѣ согласны съ этимъ; соборъ сказалъ: согласны“,—то при чтеніи этого, отцы халкидонскіе, исполненные негодованія противъ подобнаго заблужденія, взывали: „это свойственно развѣ фараону; анаѳема тѣмъ, кто сказалъ это; анаѳема Несторію и Евтихію“ (Дѣян. III, 287. 190). Теперь, какъ держалъ себя Діоскоръ александрійскій, когда соборъ Ефесскій, имъ руководимый, обвинялся въ такихъ страшныхъ и многочисленныхъ преступленіяхъ? Діоскоръ, не имѣя возможности опровергнуть дѣйствительности представляемыхъ фактовъ, старается въ свое оправданіе прежде всего указать на то, что не одинъ онъ составлялъ собой соборъ, въ немъ и въ его дѣяніяхъ принимали участіе многіе (Дѣян. III, 159); какъ будто бы этимъ могли быть извинены его злыя дѣйствія. Съ другой стороны, вопреки всякой совѣстливости, самихъ же епископовъ, бывшихъ на соборѣ Ефесскомъ, Діоскоръ обвинялъ за то, что они были такъ уступчивы его волѣ: „такъ какъ они говорятъ, замѣчалъ Діоскоръ, что не слышавъ никакихъ разсужденій и постановленій, просто подписались на предложенной имъ пустой бумагѣ, то имъ не слѣдовало и подписываться“ (Дѣян. III, 163). А иногда Діоскоръ позволялъ себѣ и гораздо больше: онъ положительно осмѣливался глумиться надъ епископами, разсказывавшими о насиліяхъ собора Ефесскаго, насиліяхъ, которыя заставляли ихъ дѣлать то, чего они внутренно вовсе не желали. Такъ одному епископу, показывавшему на соборѣ халкидонскомъ въ этомъ именно родѣ, Діоскоръ иронически говорилъ: „нынѣ исполнилось то, что написано: отъ словесъ своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися (Мф. 12, 37). Стыдися людей ты измѣнилъ тому, что хорошо, и пренебрегъ вѣрою. Развѣ ты не слыхалъ написаннаго: не срамляйся о паденіи твоёмъ“ (Сир. 4, 26. Дѣян. III, 192). Упорство и нераскаянность Діоскора такимъ образомъ для собора оставались внѣ всякаго со-

мнѣнія. Иначе держали себя другіе епископы, которые принимали участіе въ соборѣ Ефесскомъ и такъ или иначе являлись повинными въ его противоканоническихъ дѣяніяхъ: они глубоко сожалѣли о своемъ хотя невольномъ грѣхѣ. Въ чувствѣ глубокаго покаянія не разъ и не два, но многожды восклицаютъ они предъ лицемъ собора: „всѣ мы согрѣшили, всѣ мы просимъ прощенія“ (Дѣян. III, 192. 493).

Къ концу чтенія дѣяній собора Ефесскаго, когда виновность собора этого являлась дѣломъ несомнѣннымъ, когда упорство и преступность дѣйствій Діоскора также открылись во всей ясности, многіе изъ епископовъ собора Халкидонскаго, которые въ началѣ подозрительно смотрѣли на сторону православныхъ и которые занимали правую часть соборнаго зала вмѣстѣ съ Діоскоромъ, увидѣли ясно, насколько справедливо было дѣло Флавіана, Евсевія и другихъ епископовъ, потерѣвшихъ отъ собора Ефесскаго, и насколько напротивъ преступенъ былъ соборъ этотъ,—и потому мы встрѣчаемъ отрадное явленіе: епископы палестинскіе (всѣ) и епископы иллирійскіе (всѣ) къ концу перваго засѣданія покидаютъ сообщество Діоскорова, переходятъ съ правой части зала на лѣвую, гдѣ засѣдали приверженцы православія. Съ этимъ водворилось полное единодушіе въ членахъ собора Халкидонскаго. Съ Діоскоромъ остались неразлучными лишь нѣсколько епископовъ египетскихъ и только (Дѣян. III, 234—5. 237).

Когда Халкидонскій соборъ съ одной стороны убѣдился съ рѣшительностію въ злоупотребленіяхъ собора разбойничьяго, съ другой—пришелъ къ единенію въ своихъ членахъ, приступлено было къ произнесенію приговора надъ самымъ соборомъ, дѣянія котораго были предметомъ изслѣдованія. Произнесено было осужденіе надъ нимъ, но такъ, что самыя лица составлявшія его не были лишены епископскаго сана (Дѣян. III, 492 сл. 659). Приговоръ встрѣченъ былъ отцами халкидонскими съ ликованіемъ; они

воскликали: „это правдивый судъ! Святый Боже, Святый Кръпкій, Святый Безсмертный помилуй насъ! Нечестивый всегда бѣгаетъ! Это справедливый приговоръ! За мучениковъ отмститъ Богъ“ (Дѣян. III, 493)! Первое засѣданіе собора кончилось глубокою ночью, при зажженныхъ уже свѣчахъ (Дѣян. III, 458. 554).

Вскорѣ затѣмъ, именно въ засѣданіи собора Халкидонскаго 13 октября, было приступлено къ болѣе подробному и обстоятельному суду надъ Діоскоромъ *). Первое разсмотрѣнное нами засѣданіе собора имѣло свою цѣлю не судъ надъ Діоскоромъ, а лишь изслѣдованіе, насколько законны или незаконны были дѣйствія собора Ефесскаго 449 года. Еслибы Діоскоръ подобно другимъ епископамъ, принимавшимъ участіе въ соборѣ разбойничьемъ, смиренно исповѣдалъ свою вину предъ отцами халкидонскими, нѣтъ сомнѣнія—онъ получилъ бы отъ милосердія отцевъ прощеніе, какъ получили его другіе участники тогоже собора Ефесскаго; но Діоскоръ пребывалъ упоренъ, почти презрительно относился къ собору Халкидонскому, и потому его поведеніе заслуживало особливаго суда отъ собора. Кромѣ этого, Діоскоръ, нисколько не скрываясь, прямо и рѣшительно заявлялъ предъ сонмомъ отцевъ халкидонскихъ о своемъ монофизитскомъ ученіи. Въ засѣданіи 8 октября, Діоскоръ въ горделивомъ самодовольствѣ своимъ еретическимъ ученіемъ говорилъ: „Флавіанъ осужденъ за то, что признавалъ два естества послѣ соединенія. Я же имѣю свидѣтельство святыхъ отцевъ, Аѳанасія, Григорія (Богослова) и Кирилла во многихъ мѣстахъ, что не должно признавать двухъ естествъ послѣ соединенія, но *одно* воплотившеся *естество* Слова. Я долженъ быть изверженъ вмѣстѣ съ отцами. Я защищаю догматы отцевъ, ни въ чемъ не отступаю отъ нихъ. Свидѣтельство

*) Еретикъ Евтихій соборомъ Халкидонскимъ почему-то оставленъ въ сторонѣ; извѣстно только, что послѣ собора этого Евтихій былъ сосланъ въ ссылку.

ихъ не просто, не какъ-нибудь, а въ книгахъ имѣю“. При другомъ случаѣ Діоскоръ заявлялъ: „вотъ я утверждаю это: послѣ соединенія нѣтъ двухъ естествъ“ (Дѣян. III, 237—245). Могъ ли соборъ щадить такого нераскаяннаго еретика? Судъ надъ Діоскоромъ былъ необходимъ еще потому, что Евсевій Дорилейскій, въ качествѣ лица потерпѣвшаго отъ этого архіепископа, вошелъ съ нарочитымъ прошеніемъ на соборъ, которымъ требовалъ законнаго разбирательства дѣйствій Діоскора въ отношеніи къ нему, Евсевию. Евсевій 13 октября вошелъ на соборъ съ жалобой на Діоскора, въ которой говорилось: „при производствѣ слѣдствія, т.-е. въ первомъ засѣданіи собора, мы, какъ извѣстно, уличили Діоскора въ томъ, что онъ не позволилъ мнѣ придти на соборъ, бывший въ Ефесѣ митрополитскимъ городѣ и представить свои доказательства (противъ Евтихія), равно какъ не позволилъ воспользоваться въ время своими доказательствами и св. Флавіану, бывшему епископу константинопольскому, въ защищеніе котораго мы и составили эту просьбу, и что кромѣ того, онъ учинилъ всякую неправду въ отношеніи къ благочестію, къ священнымъ канонамъ и къ требованію законовъ. Прошу и припадаю къ св. собору—постановите, чтобы все учиненное противъ насъ не имѣло силы, т.-е. чтобы составленныя противъ насъ опредѣленія признаны были несправедливыми, и мы удержали бы санъ священства, у насъ отнятый; его же самого, Діоскора, просимъ подвергнуть наказаніямъ, чтобы въ продолженіе остальной жизни онъ служилъ примѣромъ для вразумленія всѣхъ, которые бы вздумали поступать подобно ему“ (Дѣян. III, 556—557). При этомъ словесно Евсевій заявилъ: „прошу вызвать соперника моего ко мнѣ на лицо (Дѣян. III, 558). Просьба Евсевія принята была соборомъ. Наконецъ присоединились еще обстоятельства, которыя съ своей стороны требовали неизбежно суда надъ Діоскоромъ. Подана была цѣлая масса просьбъ на Діоскора клириками и даже однимъ міряниномъ изъ церкви александрійской, которую управ-

ляль Діоскоръ. Эти новыя жалобы даютъ богатый матеріалъ для характеристики этого архіепископа. Передадимъ главнѣйшія черты, въ которыхъ описывается нравственный обликъ Діоскора въ сказанныхъ прошеніяхъ. Прежде другихъ истцевъ вошелъ на соборъ съ жалобой на Діоскора Θεодоръ діаконъ Александрійскій. „Діоскоръ, говорилъ истецъ въ прошеніи, безъ всякаго обвиненія исключилъ меня изъ клира, угрожая изгнать меня даже изъ Александріи не за что либо другое, какъ только за то, что я удостоился близости и благосклонности св. Кирилла. Его цѣлю было изгонять изъ города и даже лишать жизни не только родственниковъ Кирилла, но и близкихъ къ нему. Это человѣкъ, не чуждый убійствъ, не опасавшійся ни рубить чужіе лѣса, ни производить пожары, ни разрушать дома. Словомъ, говорилъ истецъ, онъ не святѣйшій, а лютейшій. Все это я готовъ, замѣчалъ онъ, доказать“ (Дѣян. III, 571—5). Другой истецъ, Исхиріонъ, тоже діаконъ александрійскій, въ своемъ прошеніи собору говорилъ слѣдующее о Діоскорѣ: „никто не избѣжалъ жестокости и безчеловѣчія Діоскора. У однихъ опустошены имѣнія вырубкою лѣса, у другихъ разрушены жилища; иные сосланы въ ссылку; иные разорены штрафомъ“. Затѣмъ истецъ указываетъ частныя примѣры изъ дѣяній Діоскоровыхъ. „Вотъ что онъ сдѣлалъ съ пшеницей, которую императоръ прислалъ для церквей Ливіи—такъ какъ эта страна бѣдна и неурожайна:—эту пшеницу слѣдовало раздать по назначенію, чтобы изъ ней вопервыхъ принесима была безкровная жертва, а вовторыхъ странники и бѣдняки получали пропитаніе; между тѣмъ Діоскоръ не сдѣлалъ этого: онъ скупилъ эту пшеницу, а потомъ во время голода распродалъ ее по самымъ высокимъ цѣнамъ“. Истецъ приводитъ и другой частный примѣръ непотребствъ Діоскоровыхъ. „Ради спасенія своей души нѣкая жена, по имени Перистерія, по завѣщанію отказала большое количество денегъ монастырямъ, также страннопріимнымъ домамъ и пріютамъ для нищихъ. Діоскоръ же недовольный

тѣмъ, что она ничего не оставила на его лицо, устроилъ такъ, что деньги предоставлены были музыкантамъ и другимъ театральнымъ лицамъ "... Наконецъ истецъ жаловался, въ чемъ лично противъ него, Исхиріона, виноватъ Діоскоръ. „Діоскоръ запретилъ мнѣ служеніе. На мои бѣдныя имѣнія онъ выслалъ монаховъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; строенія въ этихъ имѣніяхъ истреблены огнемъ, сады въ нихъ вырублены. Но неудовлетворившись этимъ, онъ посылаетъ противъ меня толпу церковниковъ или лучше сказать разбойниковъ, чтобы убить меня, а потомъ заключилъ меня въ смиренный домъ, гдѣ содержатся одни опозоренные“ (Дѣян. III, 375.—381). Послѣ этихъ двухъ истцевъ входитъ съ прошеніемъ на соборъ пресвитеръ Аѳанасій, родной племянникъ св. Кирилла Александрійскаго. Его жалобы на Діоскора многочисленны и особенно горьки. Аѳанасій доносилъ собору слѣдующее: „предъ своею смертію Кириллъ сдѣлалъ завѣщаніе, по которому много цѣннаго отказалъ изъ собственнаго своего имущества *) будущему послѣ него епископу, подъ клятвою прося его покровительствовать его роду и непричинять ему ни въ чемъ затрудненій. Но Діоскоръ не только не покровительствовалъ намъ, но и поступалъ съ нами совсѣмъ напротивъ, измышлялъ всякіе ковы противъ насъ. Въ началѣ же своего епископства подъ угрозою смерти онъ изгналъ меня и моего брата Павла изъ Александріи. И когда мы прибыли въ Константинополь въ надеждѣ найти себѣ помощь, то по проискамъ Діоскора мы заключены были подъ стражу и подвергнуты были различнымъ мученіямъ дотолѣ, пока не раздали всего, что было у насъ недвижимаго. Когда же у насъ не доставало средствъ для удовлетворенія этихъ коварныхъ вымогательствъ, мы принуждены были войти въ сдѣлки съ ростовщиками. Въ темницѣ здѣсь отъ мученій, жаловался Аѳанасій, умеръ братъ мой. Я, наши тетки, жена и дѣти умершаго брата,

*) Св. Кириллъ происходилъ отъ богатой александрійской фамиліи.

оставались въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Дома наши въ Александріи Діоскоръ отнялъ у насъ и устроилъ изъ нихъ церкви; лишилъ меня пресвитерства; ограбилъ деньги принадлежащія моимъ теткамъ, сестрамъ св. Кирилла, и дѣтямъ моего брата. И вотъ семь лѣтъ, говорилъ Аванасій, мы живемъ скитаясь съ мѣста на мѣсто“ (Дѣян. III, 583—7). Послѣднимъ истцемъ противъ Діоскора былъ мірянинъ александрійскій Софроній. Онъ жаловался въ своемъ прошеніи на то, что когда одинъ изъ александрійскихъ начальниковъ, Макарій, отнялъ у него, Софронія, жену, Діоскоръ не только не принималъ къ сердцу его бѣды, но даже, когда Софроній ходатайствовалъ въ Константинополѣ объ изслѣдованіи этого дѣла, ограбилъ его (Дѣян. III, 588—92). Подобно первому истцу и всѣ остальные истцы объявляли, что они имѣютъ свидѣтелей противъ Діоскора. Всѣ эти прошенія приняты были соборомъ.

Положено было пригласить Діоскора для личнаго оправданія; но Діоскоръ, несмотря на троекратный призывъ явиться на соборъ, отказался послѣдовать приказанію собора. Сначала онъ отговаривался въ своемъ отказѣ тѣмъ, что онъ состоитъ подъ стражей; но когда депутаты, посылаемые отъ собора къ Діоскору, узнали, что онъ совершенно свободенъ, о чемъ и заявлено было ему, Діоскоръ указывалъ новый предлогъ, почему онъ не хочетъ явиться на соборъ: онъ требовалъ, чтобы дѣло его разсматривалось въ присутствіи императорскихъ сановниковъ, чего однакожь допустить было нельзя, такъ какъ судъ надъ епископомъ былъ дѣломъ чисто церковнымъ; наконецъ онъ отказывался послѣдовать приказу собора, ссылаясь на свою болѣзнь, и когда ему было замѣчено, что онъ ранѣе ничего не говорилъ о своей болѣзни, Діоскоръ сталъ требовать, чтобы вмѣстѣ съ нимъ судились и другіе представители разбойничьяго собора (Дѣян. III, 560—3; 566—8; 596).

Соборъ произноситъ свой приговоръ надъ Діоскоромъ. Папскій легатъ Пасхазинъ, обращаясь къ отцамъ собора

сказалъ: „соборъ узналъ, что епископъ Діоскоръ вызванный три раза къ отвѣту своимъ обвинителямъ, сознавая себя виновнымъ, презрѣлъ приказаніе собора придти сюда. Пусть святые отцы объявятъ своими устами, чего достоинъ презирающій такимъ образомъ волю собора“! Соборъ на это отвѣтилъ: „осужденія, положеннаго канонами противъ непокорливыхъ“. Затѣмъ всѣ отцы собора поодиночкѣ выразили свое осужденіе на Діоскора (Дѣян. II, 599—603). Объ этомъ приговорѣ надъ Діоскоромъ соборъ далъ знать императору и императрицѣ, говоря въ посланіи: „черезъ васъ совершилось теченіе апостольскаго ученія, ревностію вашей любви къ Богу разсѣянъ мракъ невѣдѣнія; нѣтъ болѣе у насъ вредныхъ плевель еретической заразы; черезъ васъ наши овчарни (церкви) наполняются стадами вѣрныхъ; возвращены пастыри овцамъ, и учителя ученикамъ; ибо тотъ, кто разсѣвалъ стада, обузданъ (Діоскоръ), гонитель укрощенъ, виновникъ бури изверженъ, и самый корабль (вся Церковь) возобновилъ свое теченіе“ (Дѣян. III, 670)*.

Алексѣй Лебедевъ.

*) Діоскоръ и послѣ осужденія своего продолжалъ считать и имевать себя архіепископомъ (Дѣян. III, 665). Также смотрѣли на него и нѣкоторые приверженные къ нему египетскіе архимандриты (Дѣян. IV, 65). О дальнѣйшей судьбѣ Діоскора извѣстно, что онъ осланъ былъ на жительство въ городъ Гангры (Исторія Евагрія гл. 2, гл. 5).

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВОСПЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА *).

„Вскую свобода моя судится отъ
иныя совѣсти“ (1 Корин. 10, 29)?

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, требующихъ по
нуждамъ нашего времени тщательнаго разъясненія, есть
вопросъ о *свободѣ совѣсти*.

Мы знаемъ, что одною попыткою приступить къ разъясненію и разрѣшенію этого вопроса съ церковной ка-
едрѣ мы возбуждаемъ во многихъ недоумѣнія и опасенія. Онъ нынѣ въ христіанскихъ странахъ сталъ вопросомъ *политическимъ*, и потому многимъ можетъ представиться, что мы входимъ въ область не принадлежащую церковному слову, или, по крайней мѣрѣ, не можемъ быть безпристрастны въ сужденіяхъ о немъ. Но для устраненія всякихъ недоразумѣній, мы должны сказать, что вопросъ о свободѣ совѣсти прежде всего есть вопросъ *нравственный*, какъ и сама совѣсть есть главный дѣятель нравственной жизни. Итакъ, даже для того, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ и съ какихъ сторонъ онъ можетъ входить въ область политическихъ вопросовъ и не угрожаютъ ли какія-либо опасности нашей нравственной жизни отъ неправильнаго его пониманія и невѣрныхъ пріемовъ въ его разрѣшеніи, даже для этой цѣли мы должны возвратитъ вопросъ на свое мѣсто и разсмотрѣть его въ той сферѣ

*) Пронесено 19 февраля въ московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ.

понятій, въ которой онъ только и можетъ быть вѣрно поставленъ и разрѣшенъ.

Скажемъ даже больше: это именно *наша* вопросъ, принадлежащій къ области ученія *церковнаго*, потому что самое ученіе о свободѣ совѣсти стало извѣстно міру только изъ божественнаго откровенія. Древніе языческіе философы, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли и домыслиться до той высоты нравственнаго совершенства, гдѣ начинается для человѣка свобода совѣсти; а философы новаго времени только запутали это ученіе, какъ и многія другія чистыя христіанскія понятія, перемѣшавши ихъ съ идеями философскаго характера. По этому мы со всѣмъ дерзновеніемъ яснаго сознанія истины утверждаемъ, что въ разрѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти, объ этомъ высшемъ проявленіи истинной свободы человѣка, первое мѣсто должно принадлежать православной Церкви. А кто православную Церковь и духъ ея хорошо знаетъ, тотъ раздѣлитъ съ нами и то убѣжденіе, что она никогда и никого ни въ ложное, ни въ неясное нравственное, или общественное положеніе не поставитъ, только бы мы проповѣдники ея ученія неуклонно слѣдовали ея указаніямъ и руководству.

Главныя затрудненія въ примѣненіи къ жизни христіанскаго ученія о свободѣ совѣсти нинѣ происходятъ отъ того, что многіе обращаютъ къ властямъ церковнымъ и государственнымъ требованія на свободу жизни по праву неприкосновенности совѣсти, исходящія изъ невѣрнаго пониманія этого ученія. Всѣ такія требованія, при всемъ разнообразіи взглядовъ и выводовъ, на которыхъ основываются, сводятся къ одному общему положенію: „всякій имѣетъ свою совѣсть, а потому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, лишь бы его дѣйствія не нарушали личной свободы другихъ и общественнаго порядка и безопасности“. Правда, что совѣсть есть священная и неприкосновенная принадлежность человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго;

она есть главный внутренній руководитель его въ стремленіи къ усовершенствованію по пути истины и правды, и принудить людей дѣйствовать противъ совѣсти, это значитъ, лишить ихъ внутренняго свѣта и силы, нравственно исказить и развратить ихъ. Въ общемъ смыслѣ, или, какъ говорятъ философы, въ отвлеченномъ, идеальномъ представленіи о человѣкѣ, какимъ онъ долженъ быть, это совершенно справедливо. Но не къ такому заключенію мы приходимъ при тщательномъ наблюденіи надъ человекомъ въ опытахъ дѣйствительной жизни. Чего бы казалось лучше, какъ пустить людей идти свободно по прямому пути къ познанію истины, не задерживая и не стѣняя ничьимъ чужимъ вліяніемъ самостоятельнаго развитія въ нихъ разнообразныхъ умственныхъ силъ и дарованій? Но на дѣлѣ оказывается, что большую часть изъ нихъ приходится во всю ихъ жизнь учить и руководить на пути къ истинѣ; потому что они сами этого пути не находятъ, и даже не видятъ и не узнаютъ, когда его ясно указываютъ имъ. Чего бы лучше, какъ дать людямъ волю упражнять свою свободу въ самостоятельной дѣятельности по законамъ правды божеской и человѣческой, безъ всякаго вмѣшательства стороннихъ руководителей, и только радоваться проявленію въ нихъ свойственныхъ каждой личности особыхъ совершенствъ человѣческой природы? Но на дѣлѣ оказывается, что они до того иногда забываютъ и попираютъ эти законы, что приходится вязать ихъ и заключать въ темницы. Если таковы люди по отношенію къ познанію истины и къ свободной дѣятельности по законамъ правды: то могутъ ли они быть иными въ своей совѣсти, которая есть выраженіе общаго внутренняго состоянія и направленія человѣка и, такъ сказать, выводъ изъ всей его дѣятельности? Очевидно, нѣтъ.

Разъяснимъ эти мысли подробнѣе. Что такое совѣсть? Ее называютъ закономъ Божиимъ напечатлѣннымъ въ душѣ человѣка, внутреннимъ свидѣтелемъ нашей жизни, неотлучнымъ судіею нашихъ помысловъ и дѣлъ и т. под. Всѣ

эти выраженія, хотя и вѣрно, но только сравнительно, описываютъ различныя дѣйствія и состоянія нашей совѣсти. По точному опредѣленію, совѣсть есть внутреннее чувство мира и благосостоянія, испытываемое нами при соблюденіи закона, и чувство скорби и страданія при нарушеніи его. Какой здѣсь разумѣется законъ? Тотъ, по которому мы созданы и жить должны, т.-е. законъ Божій. Этотъ законъ жизни, вложенный въ природу каждаго существа, вездѣ обнаруживаетъ одинаковыя дѣйствія: при соблюденіи его вездѣ разливается порядокъ и благосостояніе, при нарушеніи разстройство и страданіе. Это, такъ-сказать, совѣсть всей природы въ совокупности и каждаго созданія порознь. Разность по отношенію къ различнымъ существамъ состоитъ въ томъ, что природа неодушевленная дѣйствій въ себѣ и на себѣ этого закона не чувствуетъ; животныя чувствуютъ, но не сознаютъ; человекъ и чувствуетъ и сознаетъ. Возьмемъ опыты нарушенія закона. Растеніе не развивается въ свойственную ему форму, чахнетъ и вянетъ, когда не соблюдены условія его питанія и содержанія, но не чувствуетъ этого. Животное въ болѣзни чувствуетъ страданіе (какъ и человекъ, живущій только одною животною жизнью, какъ на примѣръ въ младенчествѣ или безпамятствѣ), но не сознаетъ ни причины своихъ страданій, ни возможности выхода изъ тяжкаго положенія. Но человекъ вполне обладающій своими силами во внутренней духовной своей жизни, на примѣръ при потерѣ невинности, нарушеніи законовъ чести, справедливости, любви къ ближнему, и страдаетъ, и въ тоже время сознаетъ, отъ чего страдаетъ, и какъ онъ впалъ въ это состояніе, и что онъ чувствовалъ до своего паденія, и тѣмъ убѣждается, что ему для возвращенія внутренняго мира и довольства самимъ собою непременно нужно выдти изъ этого неестественнаго состоянія. Ясно, что здѣсь привходитъ дѣятельность собственно человѣческихъ способностей: разумнаго самообсужденія и свободнаго самоопредѣленія. Посему, совѣсть

человѣческая, какъ все основанное на постепенно развивающемся познаніи себя и другихъ и постепенно возвышающемся свободномъ саморазвитіи, удобоизмѣняема; а при возможности свободнаго нарушенія законовъ со стороны человѣка и разнообразныхъ ошибокъ и заблужденій, и легко возмущается, колеблется, затемняется и извращается. Никто такъ хорошо не знаетъ различныхъ болѣзненныхъ состояній совѣсти человѣческой, какъ св. Церковь. По ея указаніямъ, больше чѣмъ по всякимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, намъ извѣстно, что есть совѣсть *грубая, нечувствительная* къ внутреннимъ страданіямъ духа даже при совершеніи тяжкихъ преступленій, при которой человѣкъ, подобно умирающему, не чувствующему разрушенія своего тѣла, не сознаетъ близости вѣчной гибели; или подобно бѣдняку, привыкшему къ душному воздуху своего жилища, дышетъ въ своей зараженной нравственной атмосферѣ безъ тягости и отвращенія. Къ такимъ людямъ относится увѣщаніе: *возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ* (Ефес. 5, 14). Есть совѣсть *безпечная и нерадивая*, когда человѣкъ, не наблюдая за своими мыслями и дѣлами, отъ легкихъ нарушеній закона переходитъ къ болѣе важнымъ, и перемѣшивая проступки съ преступленіями, не слушая обличеній, постепенно день ото дня глубже развращается и, какъ говоритъ Писаніе, *пришедъ во глубину золь нерадитъ* (Прит. 18, 3). Есть, по указанію Апостола Павла, *сожженная* совѣсть лицемеровъ (1 Тим. 4, 2), когда по привычкѣ къ расчетамъ самолюбія, честолюбія, корысти, ложныя ученія и лже-толкованія становятся въ умѣ человѣка на мѣстѣ истины, а торжество страсти въ развращенномъ сердцѣ замѣняетъ утѣшенія совѣсти. Есть совѣсть *буквалистовъ*, которые скорѣе готовы прощать преступленія, чѣмъ уклоненія отъ внѣшняго обряда, на что указываетъ Апостоль Павелъ, говоря: *буква убиваетъ, духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). Есть совѣсть *лукавая*, когда человѣкъ худыя дѣла свои извиняетъ и оправдываетъ благовидными предлогами. Объ

избавленіи отъ этого порока Церковь научаетъ молиться и самихъ совершителей таинствъ: *очисти Господи мой умъ и сердце отъ совѣсти лукавыя*. Есть совѣсть *фанатическая*, когда человѣкъ по горячему стремленію къ распространенію вѣры, или къ водворенію закона и порядка, готовъ дѣйствовать мѣрами насильственными, съ забвеніемъ личныхъ правъ и свободы другихъ, что Апостоль называетъ *ревностію не по разуму* (Рим. 10, 2). Есть совѣсть *рабская*, когда человѣкъ, подавляемый силою грѣховныхъ привычекъ, или страстей, и страдаетъ внутренно, и страшится вѣчнаго осужденія, и ищетъ выхода изъ своего тяжкаго положенія и не находитъ. Къ этимъ нравственнымъ состояніямъ относится слово Спасителя: *всякъ творій грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34). Есть совѣсть *робкая, страшливая*, когда человѣкъ теряетъ спокойное и ясное настроеніе духа, смущаясь страхомъ осужденія за неизбѣжные грѣхи человѣческой немощи. Здѣсь мы указали только главнѣйшіе виды болѣзненныхъ состояній совѣсти. Въ дѣйствительной жизни эти пороки совѣсти въ душахъ нашихъ такъ соединяются, переплетаются, получаютъ такіе разнообразныя оттѣнки и степени силы, что ни услѣдить ихъ, ни описать въ подробности невозможно. Но и въ этомъ общемъ очеркѣ каждый изъ насъ, внимательно всмотрѣвшись въ себя, найдетъ много такого, что близко относится и къ нему, что составляетъ и его внутреннюю болѣзнь. Подумавши такимъ образомъ о людяхъ, нравственно недужныхъ и испорченныхъ (каковы всѣ мы болѣе или менѣе), какой *свободы совѣсти* мы можемъ пожелать для нихъ? Позволенія и разрѣшенія говорить во всеуслышаніе о томъ, чего они внутренно еще стыдятся? Разоблачить предъ всѣми то, что они тщательно скрываютъ? Дѣлать открыто и на глазахъ всѣхъ то, что по остаткамъ совѣсти еще дѣлается въ четырехъ стѣнахъ и во тьмѣ ночной? Или, съ другой стороны, дать волю во вредъ другимъ дѣлать то, что пожелаютъ по своей совѣсти дѣлать интригующіе, подъ разными именованиями,

лицемѣры, неукротимые фанатики, безстыдные развратники, воры и разбойники? Но незначить ли это растворить настежь двери тому неизобразимому количеству зла, которое кроется въ сердцахъ человѣческихъ, и дозволить ему безпрепятственно вырваться наружу на соблазнъ и развращеніе невинныхъ и неопытныхъ, на искушеніе колеблющихся, на расслабленіе терпящихъ и трудящихся въ подвигахъ добра и чести?... Ясно, что это будетъ не свобода совѣсти, а высвобожденіе людей изъ-подъ надзора и суда совѣсти, или иначе попраніе и уничтоженіе самой совѣсти.

Намъ скажутъ: „кто же такъ понимаетъ свободу совѣсти? Это очевидная несообразность“.—Согласны. Но именно эта несообразность, или внутренняя ложь, прикрываемая разными софизмами, и заключается въ современномъ понятіи о свободѣ совѣсти, указанномъ нами въ началѣ. „Предоставьте каждому дѣйствовать *по своей* совѣсти, такъ какъ совѣсть священна и неприкосновенна“. Что это значить? Отдайте нравственный порядокъ обществъ на личную совѣсть каждаго человѣка, и впервыхъ, *на нашу* совѣсть, на совѣсть, какая *у насъ*, проповѣдниковъ новыхъ ученій. Но мы въ правѣ сказать имъ: покажите намъ сначала, какая у васъ совѣсть, чтобы мы знали, можно ли ей довѣряться. Есть совѣсть общечеловѣческая, на основаніи которой поставлены общечеловѣческіе законы жизни, заключенные въ письменахъ, преданіяхъ, правилахъ и обычаяхъ цѣлыхъ народовъ. Не представляетъ ли ваша личная совѣсть чего-нибудь не соответствующаго этой высшей совѣсти, чего-нибудь болѣзненнаго, искаженнаго, уродливаго? Есть совѣсть христіанская, руководимая божественными законами. Какъ ваша совѣсть относится къ этимъ святымъ и непреложнымъ законамъ нравственности, которые чтитъ лучшая часть человѣчества, и въ томъ числѣ вся православная Церковь? Не представляетъ ли ваша совѣсть по отношенію къ нимъ чего-нибудь оскорбительнаго, враждебнаго, разрушительнаго?

Но совѣсть матеріалистовъ и ихъ послѣдователей нельзя обсуждать по законамъ какой бы то ни было религіи, когда они отвергаютъ всякую религію. О нихъ можно судить только по совѣсти общечеловѣческой и исторической. Мы и возьмемъ изъ ихъ дѣйствій такія, которыя подлежатъ этому суду. Когда человѣкъ, состоящій въ супружествѣ, соблазняетъ невинную дѣвицу, и оставляя жену и дѣтей, вступаетъ съ нею въ открытое сожитіе, по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Когда жена говоритъ мужу: я люблю другаго, отпусти меня безъ огласки, отдай мнѣ всѣхъ, или половину дѣтей и возврати мнѣ приданое, или назначь приличное содержаніе изъ своего состоянія, изъ какой совѣсти исходитъ такое предложеніе? Когда мужъ, уважая эту мнимую святиню чувства своей жены, самъ отдаетъ ее въ руки другому, награждаетъ ее, и самъ присутствуетъ на торжествѣ новаго брака, не скрывая его и отъ своихъ дѣтей,—по какой совѣсти это онъ дѣлаетъ? Не по свободной совѣсти, а по совѣсти отупѣвшей въ сладострастіи, по совѣсти оглохшей ко всѣмъ внутреннимъ стыда, нравственнаго приличія, родительской любви и здраваго разума, по которому даже народы, едва возникающіе изъ невѣжества, въ единобрачій полагаютъ истинное семейное счастье и прочныя основы воспитанія и народнаго благосостоянія. Они говорятъ: „мы не стѣсняемъ личной свободы другихъ, не производимъ общественныхъ безпорядковъ“. Но всему міру извѣстно, что для нравственной свободы больше представляютъ опасностей соблазнъ и дурной примѣръ, чѣмъ внѣшнее принужденіе и стѣсненіе; что семейные безпорядки суть сѣмена всякихъ безпорядковъ и бѣдствій общественныхъ. Пора въ предостереженіе христіанскихъ семействъ положить печать не только общественнаго, но и церковнаго осужденія на этихъ проповѣдниковъ разврата подъ именемъ свободы совѣсти.

Въ чемъ же однако состоитъ истинная свобода совѣсти? Не во внѣшнихъ правахъ и преимуществахъ—обществен-

ныхъ и политическихъ, а во внутреннемъ освобожденіи духа отъ всѣхъ препятствій къ соблюденію закона, встречаемыхъ въ поврежденной человѣческой природѣ, и затѣмъ въ сознаніи правоты, въ невозмущаемомъ чувствѣ внутренняго мира и благосостоянія, и въ правѣ относиться къ постановленіямъ закона обрядовымъ по высшему разумѣнію законовъ и цѣлей нравственныхъ.

Мы сказали, что ученіе о свободѣ совѣсти есть собственно христіанское ученіе; потому и разъясненія его надобно искать въ области христіанскихъ истинъ и церковныхъ учрежденій. Въ Церкви мы знаемъ два рода законовъ: законы нравственные, утвержденіе которыхъ въ жизни и дѣятельности духа есть цѣль всѣхъ человѣческихъ трудовъ и усилий, и законы обрядовые, или воспитательные, вспомошествоющіе человѣку овладѣть всѣми своими нравственными силами для соблюденія первыхъ. Св. апостоль Павелъ обрядовый законъ ветхаго завѣта, налагавшій на членовъ ветхозавѣтной Церкви строгія правила о тѣлесной чистотѣ, о жертвахъ, праздникахъ, разборѣ пищи, называетъ *пустуномъ* во Христа (Гал. 3, 24), или воспитателемъ, руководителемъ ко Христу. Тоже значеніе имѣютъ и подобныя обрядовые законы въ Церкви новозавѣтной, каковы: времена богослуженій, праздники, посты, правила о говѣннѣ и молитвѣ домашней и другія религіозныя упражненія. Цѣль ихъ—пріучить христіанъ путемъ опытовъ, или нравственныхъ уроковъ, къ собранности ума, различенію помысловъ и сердечныхъ движеній, самообладанію и терпѣнію въ борьбѣ съ страстями плоти, къ самоотверженію въ дѣлахъ человеколюбія, къ ощущеніямъ высшихъ вліяній изъ міра духовнаго, пробуждающихъ въ душѣ нашей стремленіе къ жизни высшей и вѣчной. Въ этихъ упражненіяхъ непрестанно внушаются чистыя понятія о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ человѣка, объ его истинномъ совершенствѣ, о способахъ исправленія прирожденной порчи; здѣсь естественныя внушенія совѣсти проясняются, исправляются и утверждаются, такъ

что законъ божественный вызывается и изъ самой души, какъ прирожденный, и въ тоже время вводится въ насъ извнѣ, какъ богооткровенный, положительный, изъ чего въ совокупности и слагается полное и ясное познаніе и сознаніе воли Божіей о человѣкѣ. И все это дѣлается подъ живымъ вліяніемъ пастырей и учителей Церкви, гдѣ совѣсть человѣческая охраняется покровомъ глубокой тайны, гдѣ человѣкъ къ нравственнымъ подвигамъ убѣждается, но не принуждается, гдѣ внѣшнія упражненія, видимыя со стороны, переходятъ во внутреннее, невидимое дѣланіе предъ очами Божиими, гдѣ нравственно-больной съ любовью обличается и врачуется, но не оскорбляется и не унижается. Но внутреннюю силу, существо, душу всѣхъ этихъ законоположеній и упражненій составляютъ свята тайна, въ которыхъ по силѣ крестной жертвы Иисуса Христа сообщается христіанину благодать Божія, возраждающая нашу поврежденную природу, вспомошествоющая намъ, очищающая и освящающая насъ. Только „кровь Христова, по ученію Апостола, очищаетъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“ (Евр. 9, 14) и освобождаетъ насъ „отъ порочной совѣсти“ (10, 22). *Аще Сынъ вы свободитъ, говоритъ Господь, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 36).

Очевидно, что эти законоположенія, трудныя для начинающихъ, становятся болѣе легкими для успѣвающихъ, и нечувствительными, какъбы теряющими свою обязательную силу, для христіанъ совершенныхъ. Кому все равно, какъ апостолу Павлу,—терпѣть голодь, или насыщаться, быть въ изобиліи, или недостатокѣ (Филип. 4, 12), для того незамѣтны, столь тяжелые для насъ, посты; кто непрестанно молится (1 Сол. 5, 17), для того не трудны продолжительныя богослуженія; кто живетъ духомъ (Гал. 5, 16), для того не соблазнительны наслажденія плоти—вкусныя яства, дорогія вина, пиры, зрѣлища и пр. Вообще, кто ввелъ въ свою природу какъ потребность, какъ необходимость, исполненіе закона нравственнаго, для того теряютъ силу средства, только ведущія къ этому совер-

пенству. „Кто имѣтъ“, говоритъ св. апостоль Павелъ, „плоды Духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе на такихъ нѣтъ закона“ (Гал. 5, 23). „Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ“ (1 Тим. 1, 9). „Если вы духомъ водитесь, то вы не подѣ закономъ“ (Гал. 5, 18). Вотъ на какой нравственной высотѣ водружено знамя свободы совѣсти! Здѣсь говоритъ человѣкъ: „мнѣ все позволено“ (1 Кор. 10, 23), потому что знаетъ, что не только не сдѣлаетъ, но и не пожелаетъ ничего вреднаго, или противозаконнаго; онъ говоритъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. 4, 13), потому что чувствуетъ въ себѣ обиліе испытанныхъ борьбою и восполняемыхъ благодатію Божіею нравственныхъ силъ. Онъ говоритъ: „для чего моей свободѣ быть судимою чужою совѣстію?“ (1 Кор. 10, 29), потому что носить въ себѣ Духа Божія, озаряющаго его совѣсть (Рим. 9, 1). Какіе внѣшніе знаки свободы, какія права можетъ дать такимъ людямъ церковная власть? Церковь сама почитаетъ ихъ своими учителями, руководителями, образцами, свѣтилами на церковномъ педѣ, въ какомъ бы званіи они ни были—епископы, смиренныя инокѣ, рабы, или рудоконы. Какія права на свободу совѣсти можетъ дать имъ власть государственная? Они никакихъ не желаютъ, потому что всѣ имѣютъ. Они радуются, когда Церковь Божія не въ гоненіи, а мирно и свободно совершаетъ великое дѣло спасенія людей; но терпятъ и гоненія съ покорностію попускающей ихъ волю Божіей, и затѣмъ внушаютъ всѣмъ христіанамъ: „повинуйтесь всякому человѣческому начальству (единовѣрному и иновѣрному) Господа ради“ (1 Пет. 2, 13); „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ не только за гнѣвъ, но и за совѣсть (Рим. 13, 5). По отношенію ко всѣмъ властямъ они даютъ христіанамъ одно общее правило, обезпечивающее ихъ отъ всякаго неудовольствія власти: *хощеши ли не болтися власти,—благое твори* (Рим. 13, 3). Счастливо христіанское государство, въ ко-

торомъ не оскудѣвають эти свободные исполнители и ревнители закона! Изъ нихъ выходятъ слуги отечества, трудящіеся для него въ цѣлую жизнь безъ мысли о чинахъ и наградахъ; изъ нихъ неподкупные судіи, правдивые и безбоязненные царскіе совѣтники; изъ нихъ въ войскахъ составляются *громоносные легионы*.

Посмотрите, какъ съ этой высоты ярко освѣщается ложное направленіе тѣхъ христіанъ, которые требуютъ себѣ свободы совѣсти, не имѣя, не утвердивши въ себѣ ни одного изъ нравственныхъ свойствъ, составляющихъ существенныя черты этой свободы. Св. апостолы предвидѣли, что въ христіанскихъ обществахъ будутъ злоупотребленія этимъ высокимъ ученіемъ. Апостолъ Петръ, опредѣляя отношенія первенствующихъ христіанъ именно къ правителямъ, или гражданскимъ властямъ, и притомъ языческимъ, говоритъ имъ: „такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста неврѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для *прикрытія зла*, но какъ рабы Божіи“ (1 Петр. 2, 15. 16). Апостолъ Павелъ остерегаетъ съ другой стороны: „къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода ваша не была *поводомъ къ угодженію плоти*“ (Гал. 5, 13). Въ этихъ двухъ наставленіяхъ точнымъ образомъ опредѣляются два рода современныхъ искателей свободы во имя совѣсти. Одни требуютъ, чтобы въ христіанскихъ странахъ изъ всѣхъ государственныхъ учреждений и законоположеній, относящихся къ воспитанію и охраненію народной нравственности, были устранены всякія мѣры, имѣющія религіозный характеръ, какъ напримѣръ: обязательное преподаваніе закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, охраненіе христіанскихъ браковъ и церковныхъ временъ, требующихъ особаго благоговѣнія и т. п., на томъ основаніи, что всякій имѣетъ право дѣйствовать по своей совѣсти. Такое требованіе есть *прикрытіе зла* или *злопамѣренности* именемъ свободы. Какъ можетъ вредить свободѣ христіанской совѣсти сообщеніе юпопшеству осно-

вательныхъ научныхъ познаній въ христіанской религіи, охраненіе чистоты семейной жизни именно отъ этихъ незаконныхъ сожитій, о которыхъ мы говорили выше, или остереженіе невѣжественныхъ массъ отъ пьянства и буйства въ священныя церковныя времена? Это—пособія, а не препятствія къ достиженію истинной свободы совѣсти. Но искатели свободы здѣсь радѣютъ не о совѣсти и ея правахъ, а о безпрепятственномъ распространеніи своихъ ложныхъ, противухристіанскихъ ученій. Церковной власти послушаться легко, и во вредъ Церкви дѣйствовать удобно, но съ государственною властію бороться трудно. Вотъ гдѣ истинная причина ихъ жаркихъ нападеній на /покровительство христіанской нравственности, оказываемое государственнымъ законодательствомъ!

Другой родъ злоупотребленія ученіемъ о свободѣ совѣсти, предуказанный апостолами, относится къ обрядовымъ, или воспитательнымъ церковнымъ законоположеніямъ. Въ этомъ злоупотребленіи виновны всѣ тѣ, такъ-называемые образованные люди въ нашемъ обществѣ, которые возстаютъ противъ строгихъ уставовъ православной Церкви. „Оставьте“, говорятъ они намъ, „всѣ ваши напоминанія о вечернихъ и утреннихъ богослуженіяхъ, о постахъ и говѣніи; не препятствуйте намъ быть въ театрахъ и концертахъ наканунѣ праздниковъ; мы желаемъ, чтобы театры были открыты и на великій постъ, чтобы было убавлено и самое число вашихъ праздниковъ, потому что намъ нужны рабочія руки для множества необходимыхъ дѣлъ и пр. Къ чему принужденіе?“ Здѣсь христіанская свобода обращается *въ поводъ къ угоденію плоти* и обнаруживается явное непониманіе того, что именно въ этихъ церковныхъ правилахъ и лежитъ путь къ свободѣ совѣсти. Страсть къ плотскимъ наслажденіямъ всегда будетъ бунтовать противъ церковныхъ правилъ, потому что плоть съ великимъ трудомъ подчиняется духу и его высшимъ стремленіямъ. Но православная Церковь не знаетъ принужденія. Въ крайнихъ случаяхъ она только отрекает-

ся отъ своихъ непокорныхъ чадъ и отчуждаетъ ихъ отъ себя. Эти любители наслажденій вольны дѣлать, что хотятъ, все, что выносить ихъ совѣсть. Но жаль, что этою распущенностію по отношенію къ уставамъ Церкви нарушаются единообразіе и порядокъ, столь важные для успѣховъ христіанской жизни, нравственно разслабляются молодыя поколѣнія, соблазняется простой народъ, возмущается совѣсть ревнителей христіанской нравственности. Здѣсь кроется великая опасность развращенія — прежде цѣльнаго, нравственно-крѣпкаго русскаго народа. Не такъ поступаютъ истинные ревнители свободы совѣсти: они всегда—самые строгіе исполнители церковныхъ уставовъ, и пользуются правомъ уклоненія отъ нихъ, какъ мы сказали, только для высшихъ нравственныхъ цѣлей. Но и въ этихъ случаяхъ они остерегаются, чтобы своею свободою не повредить кому-нибудь, чтобы, какъ говорить ап. Павелъ, „ихъ свобода не послужила соблазномъ для немощныхъ, чтобы отъ ихъ высшаго знанія не погибъ немощный братъ, за котораго Христосъ умеръ“ (1 Кор. 8, 9. 11). Въ виду такихъ опасностей они говорятъ: *не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазну брата моего* (1 Кор. 8, 13).

Итакъ, свободы совѣсти надобно искать не въ области правъ земныхъ, а въ области совершенствъ духовныхъ. Не надобно ждать не отъ законовъ государственныхъ, а отъ нашихъ собственныхъ нравственныхъ трудовъ и подвиговъ, и просить не у земныхъ царей и властителей, а у Господа Бога. Въ смыслѣ расширенія разумной свободы въ общественной жизни разсуждайте: о свободѣ мысли, о свободѣ слова, о свободѣ убѣжденій, о свободѣ вѣроисповѣданій, но не о свободѣ совѣсти. Всѣ эти роды свободы могутъ быть только путями къ свободѣ совѣсти, но она сама стоитъ выше ихъ. *Идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Аминь.

Прот. Алексій Ключаревъ.

ПОУЧЕНИЕ ВЪ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВЯТОЙ ПАСХИ.

„Во своя прииде (Исусъ Христосъ), и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его. (Иоан. 1, 11 и 12).

О, что за чудный, что за радостный это праздникъ день Воскресенія Христова! Скажите: не радость ли нынѣ для вселенной уже и въ томъ одномъ, что *сей Исусъ*, котораго іудеи такъ безчеловѣчно предали смерти, восторжествовалъ наконецъ и надъ неправдой людскою, и надъ злобой діавола, подъ вліяніемъ и руководствомъ котораго, какъ извѣстно, совершилось осужденіе Иисуса Христа на смерть? Не радость ли видѣть и наблюдать такое торжество правды надъ неправдою? Но здѣсь не одно лишь подобное торжество. Исусъ Христосъ не просто лишь Самъ лично освободился нынѣ отъ истлѣнія. Нѣтъ, Онъ совершилъ нѣчто и гораздо важнѣйшее: Онъ нынѣ смертію Своею смерть попралъ, ада плѣнилъ, врата рая людямъ отверзъ. Сколько причинъ къ радости!? Нынѣ мы „смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе и нпого житія вѣчнаго начало“. Конецъ ли однако и здѣсь радости свѣтлаго дня? Нѣтъ, святая Церковь своимъ чтеніемъ сегодняшнимъ изъ св. Евангелія указываетъ намъ и еще на одно изъ побужденій къ радости. Вотъ слова Евангелія, для кого изъ христіанъ не радостныя: *во своя прииде (Исусъ Христосъ), и елицы прияша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его.*

Братіе! Слышите ли, намъ дано воскресеніемъ Христовымъ право взывать къ Богу: *Авва Отче!* (Рим. 8, 15)?

Евреи не приняли Иисуса Христа и отвергнуты; а мы приняли, и за это намъ дано быть и называться дѣтьми Божиими: за то намъ такая честь, что мы вѣруемъ во имя Сына Божія. Не правда ли, какое въ этомъ глубокое и сильное побужденіе для насъ къ радости? Имѣть право называть Бога Отцемъ своимъ, — что можетъ быть выше такой чести? Ахъ, други мои! если и вообще пріятно имѣть, какъ и дѣйствительно многіе гордятся тѣмъ, что имѣютъ родителями своими людей болѣе или менѣе высокаго званія, почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ; то что же должны чувствовать мы, какъ христіане, когда Отцемъ своимъ мы имѣемъ самого *Бога*, братьями—Единороднаго Сына Его и всѣхъ святыхъ? Да, намъ теперь все небо родня! Или, если угодно, возьмемъ другое сравненіе. Кому бы изъ насъ не было пріятно, еслибы вдругъ насъ, или дѣтей нашихъ, усыновилъ себѣ, не говоримъ—царь, а кто-либо изъ вельможъ царскихъ? А тутъ не царь земный, а Царь небесный усыновляетъ насъ Себѣ, и это ради заслугъ нашего Господа Иисуса, насъ ради спешаго съ небесъ, распятаго, погрѣбенаго и воскресшаго!

Да, братіе; до пришествія Христова на землю люди что такое были? тварь Божія, не больше; мало—тварь; были они тогда тварію неблагодарною, поработченною грѣху и чрезъ грѣхъ діаволу, и за все это осужденною на смерть. Вѣчная мука во адѣ вотъ удѣлъ человѣка! Но воскресъ Христосъ, и се, вѣрующіе во имя Его, слышимъ въ Евангеліи, уже не тварь только, а дѣти Богу; не чужіе, а свои Ему; не враги, а друзья; не чада гнѣва Божія, а чада благоволенія; не рабы грѣха и діавола, а наслѣдники жизни вѣчной и сонаслѣдники Христу. Вотъ что даровано намъ Христомъ и вотъ какой даръ обеспеченъ за нами Его воскресеніемъ!

О, помни же это, христіанинъ, сынъ и наслѣдникъ Божій! Помни, какимъ достоинствомъ почтенъ ты отъ Господа, и бойся уронить это достоинство. Особенно помни это въ настоящіе дни. Нынѣ у насъ воскресенія день:

Просвѣтимся же торжествомъ! Обымемъ другъ друга радостію и скажемъ другъ другу: мы братья! полно же намъ ненавидствовать, простимъ другъ друга воскресеніемъ и будемъ пѣть: „Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ“. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ВЕЧЕРЪ ПЕРВАГО ДНЯ СВЯТОЙ ПАСХИ.

„Возрадовахася убо ученицы, видѣвъше Господа (Іоан. 20, 20).“

И какъ имъ было, братіе, не возрадоваться? Да и кто изъ насъ не возрадовался бы, еслибы увидѣлъ Господа, особенно при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находились въ то время святыя Апостолы? Но увь! намъ не дано сего счастья—видѣть хотьбы изрѣдка лицемъ къ лицу Господа Іисуса. А, не правда ли, какъ это желательно? И желаніе это дѣйствительно многими высказывается; говорятъ: вотъ бы тогда-то, при Христѣ, хорошо пожить: тогда кажется спасся бы непременно. Основательны ли однако такія жалобы и желанія? Посмотримъ.

1) Чтò и говорить: на что бы лучше быть въ числѣ самовидцевъ Христовыхъ. Но можно ли утверждать, братіе, что еслибы мы во времена Христовы жили, то попали бы въ число учениковъ Его? Не могло ли бы напротивъ случиться такъ, что самовидцами-то Христа мы и были бы, но очутились не на сторонѣ друзей, а враговъ Его, въ составѣ той толпы, что въ одно время вопила: „осанна!“ а чрезъ нѣсколько дней другое: „распи, распни! на крестъ Его!“—Чтò въ этомъ невѣроятнаго? *Христось вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8). Какъ однако и много ли мы Его слушаемся? Значить, и тогда не тоже ли бы было? ибо мы и тогда были бы не

инше, а все тѣже и таковы же, что и теперь! Не видать бы намъ слѣдовательно и воскресшаго Его! А отсюда урокъ: не о томъ жалѣть, что мы живемъ не во времена Христовы, а о томъ, что живемъ мы не по-христіански.

2) Живи же мы свято, тогда, почему знать, не явился ли бы Онъ и намъ какъ являлся святымъ апостоламъ? Избраннымъ Своимъ Онъ и поднесъ является. Такъ, всего лишь 30 лѣтъ прошло, какъ въ Саровской пустыни умеръ блаженный старецъ Серафимъ. Этотъ избранникъ Божій не разъ въ теченіе жизни своей сподоблялся видѣнія, то св. ангеловъ, то Пресв. Богородицы, и однажды самаго Господа Іисуса. „Случилось мнѣ, рассказывалъ онъ ученику своему подъ секретомъ, бывши еще іеродіакономъ, служить во святой великій четвертокъ. Послѣ малаго входа возгласилъ я убогий: *Господи, спаси благочестивыя*, и затѣмъ, наведши на народъ ораремъ, возгласилъ: *и во вѣки вѣковъ*. Тутъ озарилъ меня свѣтъ, какъ лучъ солнца. Обративъ глаза на сіяніе, я увидѣлъ Господа Бога нашего Іисуса Христа во славѣ, сіяющаго свѣтлѣе солнца и окруженнаго, какъ-бы роемъ пчелъ, небесными Силами. Отъ западныхъ церковныхъ вратъ Онъ шелъ по воздуху, остановился противъ амвона и, воздвигши Свои руки, благословилъ служащихъ и молящихся. Затѣмъ вступилъ Онъ въ мѣстной образъ, что близъ царскихъ вратъ“. Очевидцы рассказывали, что отецъ Серафимъ мгновенно измѣнился тогда въ лицѣ и не могъ ни съ мѣста сойти, ни слова проговорить. А сколько, братіе, въ Четвѣхъ-Минейхъ записано случаевъ явленія Іисуса Христа избраннымъ Своимъ! Значить, за чѣмъ дѣло? Затѣмъ ли, что мы не во времена Христовы живемъ, чтобы видѣть намъ Христа?

3) Но, положимъ, случаи богоявленій—случаи исключительные, случаи рѣдкіе. Скорбѣтъ ли однако о томъ? Развѣ это мѣшаетъ намъ жить благочестно, любить Бога и если не тѣлесно, то духовно, мысленно созерцать Его, умомъ и сердцемъ видѣть? А, главное, развѣ безъ этого загражденъ намъ путь къ царству вѣчному, или—кто сподобился

на землѣ боговидѣнія, тотъ несомнѣнно и въ вѣчной жизни будетъ удостоенъ онаго? Но это не такъ: Иуда былъ другъ и собесѣдникъ Христу, и однако какой конецъ его? А святой царь и пророкъ Давидъ хотя и не бесѣдовалъ съ Богомъ лицомъ къ лицу, а только мысленно *предзрѣлъ* Господа предъ собою *вину* (Дѣян. 2, 25. Пс. 15, 8), непрестанно,—и удостоенъ такой чести, что Сынъ Божій на землѣ звался сыномъ Давидовымъ. Слѣдовательно, все дѣло въ чемъ? Въ томъ, какъ мы приготовимъ себя къ загробной жизни. Очистимъ сердца свои, тогда удостоимся и зрѣть Господа вѣчно, какъ Онъ Самъ свидѣтельствуется: *блаженнѣе чистѣеи сердцемъ, яко тиѣ Бога узрятъ* (Мѣ. 5, 8). Возлюбимъ Бога всѣмъ сердцемъ, и Онъ не лишитъ насъ радости видѣть Его еще и здѣсь на землѣ, по реченному: *Имѣяи заповѣди Моя, и соблюдаяи ихъ, той есть любяи Мя: а любяи Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Это значить, что любящимъ Господа Онъ дастъ ощутить близость Свою къ нимъ или откроется предъ ихъ духовнымъ зрѣніемъ съ такою ясностію, какъ еслибы они видѣли Его чувственными очами, лицомъ къ лицу. Это и помните, братія. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ВО ВТОРОЙ ДЕНЬ СВЯТОЙ ПАСХИ.

„Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя“ (Троп. 3-й цѣс. канона).

Такъ, слушатели благочестивые, воскресеніемъ Своимъ изъ мертвыхъ Іисусъ Христосъ дѣйствительно повсюду разлилъ свѣтъ и радость, по всей вселенной. И на небѣ у святыхъ ангеловъ, по случаю воскресенія Христова была радость. И во адѣ, блистаяся божествомъ, явилъ Онъ въ день

воскресенія Своего славу Свою, при чемъ достойнѣйшіе изъ узниковъ ада тогда же изведены были Имъ изъ ада. Тѣмъ болѣе не могъ не обрадовать Воскресшій земли нашей: Онъ пробылъ на ней 40 дней по воскресеніи Своемъ, являясь время отъ времени приснымъ Своимъ. По этимъ причинамъ мать наша св. Церковь и поднесъ совершаетъ празднованіе свѣтоноснаго воскресенія Христова, какъ сами конечно замѣчаете, съ нѣкоторыми нарочитыми особенностями и нарочитымъ торжествомъ. Такъ, въ знакъ того, что праздникъ нынѣшній и для ангеловъ—великій праздникъ, и что ангелы первые были свидѣтелями воскресенія Христова и возвѣстили о немъ людямъ, а одинъ изъ нихъ даже отвалилъ камень отъ дверей гроба (Мат. 28, 5 -- 7 Лук. 24, 23),—въ знакъ этого утренняя первая пасхи начинается въ алтарѣ пѣснью: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси*. За тѣмъ бываетъ на пасхальной утрени выходъ изъ церкви наружу, во тьму полунощную и тамъ полагается начало службъ пасхальной—произносится первое *Христосъ воскресъ* съ припѣвомъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“! Этимъ, очевидно, живописуетъ св. Церковь схождение Спасово во адъ и разрушеніе онаго сіяніемъ Божества. Далѣе—изъ ада Иисусъ Христосъ поспѣшилъ тогда ввести души людей праведныхъ въ рай: вотъ и у насъ, начавъ утрению въ притворѣ, священникъ отверзаетъ за тѣмъ затворенныя церковныя двери, держа въ рукахъ крестъ и кадило, и изъ тьмы внѣшней самъ входитъ и вводитъ другихъ во св. храмъ, все равно какъ бы въ свѣтлый рай, гдѣ и начинается уже полное торжество.

Но святая Церковь и этими особенностями не ограничивается въ своемъ празднованіи свѣтоноснаго воскресенія Христова. Сама будучи преисполена радости и блаженства, она износитъ нынѣ свою радость и за стѣны храма; она спѣшитъ съ крестомъ и иконами на самые стогны наши, освящаетъ и оглашаетъ радостными пѣснями улицы, поля, веси и дома чадъ своихъ, и открываетъ

чрезъ то возможность принять участіе въ празднествѣ ея даже и тѣмъ, кто не можетъ быть самъ во храмѣ въ эти великіе дни. Она желаетъ домашнюю вашу жизнь обратить на время праздника въ непрестанное славословіе. Она надѣется достигнуть того, чтобы вы, видя служителей ея шествующими изъ дома въ домъ со святинею, слагали въ сердцѣ своемъ убѣжденіе, что въ нынѣшніе дни служба церковная не кончается для васъ съ выходомъ изъ церкви, что нынѣ и дома надо проводить время не иначе какъ въ пѣснопѣніяхъ духовныхъ и во всякомъ случаѣ, *начавши духомъ*, никакъ не позволять себѣ *кончать* праздникъ *плотію*.

Это и понятно. Нынѣ мы празднуемъ свое освобожденіе отъ власти и владычества грѣха, смерти и діавола, и свое призваніе въ свободу славы чадъ Божіихъ. Въ такіе ли дни предаваться порочной жизни, — невоздержанію, пьянству, разсѣянности и т. д.? Это значило бы смѣяться надъ праздникомъ и заявлять о себѣ, что пьянство и другія удовольствія для насъ дороже чести *быть чадами Божіими*, что мы готовы лучше отказаться отъ этой чести и остаться по прежнему во власти діавола, чѣмъ оставить свои привычки грѣховныя. Но въ такомъ случаѣ почто и христианами намъ называться?

Такъ, други мои, „нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя“: не омрачимъ же настоящихъ свѣтлыхъ дней дѣлами тмы грѣховной. Будемъ праздновать какъ слѣдуетъ чадамъ свѣта, сынамъ Божіимъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ТРЕТІЙ ДЕНЬ СВЯТОЙ ПАСХИ (ВТОРНИКЪ).

„И познася има въ преломленіи хлѣба
(Лук. 24, 35).“

Знаете конечно, братія, кто и кому *это* познася въ преломленіи хлѣба. Это сказано объ Иисусѣ Христѣ, какъ Онъ въ день воскресенія Своего изъ мертвыхъ явился двоимъ

изъ учениковъ Своихъ на пути въ Эммаусъ и какъ они не узнавали Его очень долго, хотя Онъ и говорилъ, и много говорилъ съ ними, и какъ узнали Его только уже за столомъ, въ Эммаусѣ, когда Онъ взявъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ его имъ, послѣ чего сталъ опять невидимъ для нихъ.

Братія мои! Хотите ли и вы зрѣть предъ собою Господа Иисуса не только духомъ, о чемъ была уже у насъ рѣчь съ вами, а и тѣлеснѣ, что, конечно, кому болѣе или менѣе не желательно?!— Будемъ и мы чаще приступать къ трапезѣ Господней за божественной литургіей, и здѣсь хлѣба, *за ны ломимаго*, чаще причащаться. Ибо за божественной литургіей подъ видомъ хлѣба и вина, сами знаете, что намъ преподается? истинное тѣло и истинная кровь Господа нашего Иисуса Христа или, что то же, Самъ Онъ сладчайшій нашъ Избавитель.

Скажетъ кто: „но это не то?“ Но почему же не то? „Не живаго и дѣйствующаго Его видимъ мы во св. таинахъ?“ Согласенъ. Но развѣ Иисусъ Христосъ не былъ Иисусомъ, пока эммаусскіе путешественники не узнали Его? Такъ и относительно св. Таинъ. Положимъ, кромѣ хлѣба и вина нашъ чувственный взоръ ничего въ нихъ не видитъ; но прозорливцы развѣ не видывали въ нихъ не одинъ лишь „хлѣбъ и вино“? Вотъ на примѣръ одинъ изъ множества такихъ случаевъ. „Въ одномъ скитѣ, рассказываетъ авва Арсеній, жилъ пустыльникъ, изъ числа великихъ подвижниковъ, но простой по вѣрѣ. Онъ говорилъ поэтому, что хлѣбъ, который мы принимаемъ, не есть существенное тѣло Христово. Два старца услышали, что онъ такъ говоритъ, и зная его великимъ по жизни, уразумѣли, что говорить сіе не по злобѣ, а отъ простоты. Они приходятъ и начинаютъ увѣщевать его. Старецъ отвѣчалъ: если не увѣрюсь самымъ дѣломъ, не могу вполнѣ убѣдиться. Тогда они сказали ему: помолимся Богу сію недѣлю о таинствѣ семъ, и надѣмся, что Богъ откроетъ намъ. Старецъ принялъ сіе слово съ радостію. По прошествіи не-

дѣли они пришли въ воскресенье въ церковь и отдѣльно отъ другихъ всѣ трое стали вмѣстѣ, и старецъ посреди. И отверзлись имъ очи. Когда хлѣбъ положенъ былъ на святой престолъ, онъ представился троимъ братіямъ въ видѣ младенца. Когда потомъ священникъ простеръ руку для преломленія хлѣба, Ангелъ Господень сошелъ съ неба съ ножомъ, заклалъ младенца и кровь его вылилъ въ чашу. Когда же священникъ раздроблялъ хлѣбъ на малыя части, тогда и Ангелъ отсѣкалъ отъ младенца малыя части. Когда они приступили къ принятію таинства, старцу одному подана была плоть съ кровію. Онъ ужаснулся и воскликнулъ: вѣрую, Господи, что хлѣбъ сей есть тѣло Твое и т. д. И тотчасъ плоть въ рукѣ его стала хлѣбомъ, и онъ пріобщился благодаря Бога. Послѣ сего старцы говорятъ ему: Богъ знаетъ, что человѣкъ по природѣ своей не можетъ ѣсть сырой плоти, а потому и преподаетъ тѣло Свое подъ видомъ хлѣба и т. д.“ (Достоп. Сказ. о подвиж. св. отецъ. 1871 г. изд. 4, стр. 94). И это, повторяю, не единственный случай въ житіяхъ святыхъ, такъ что въ Служебникѣ священническомъ есть на сей случай особое правило: *Аще по освященіи хлѣба или вина покажется чудо, сі есть, видъ хлѣба въ видъ плоти, или отроча-те, вино же въ видъ крове, и аще вкратцѣ (скоро) не прельмнитъ сей видъ, никакоже іерей да причастится. Да возметъ же иную просфору и т. д.* (См. Учит. Извѣстіе въ Служебн.).

Такъ-то, братіе, близокъ къ намъ Господь нашъ; а мы еще жалуемся иногда, что видѣть Его не можемъ. Жалуемся, а между тѣмъ,—о, несмысленныя и косныя еже вѣрвати сердца наши! къ святому причащенію и не дозвешься насъ! Желали бы, говоримъ видѣть Христа, а зоветъ насъ Церковь постоянно: „примите тѣло Христо-во“ и т. д. Мы и единожды въ годъ едва удосуживаемся приступить къ Чашѣ Господней, чтобы соединиться со Христомъ. Что необходимо и полезно, о томъ не заботимся, того и знать не хотимъ; а что Самъ Господь при-

зналъ не полезнымъ, чтобы мы видѣли Его живымъ среди насъ, о томъ въздыхаемъ. Тогда какъ къ чему и на что намъ это? Приобщись съ св. Тайнъ,—съ Богомъ соединишься, обоготворишь самъ себя. „Но побесѣдовать съ Нимъ я желалъ бы?“ Другъ мой, не суесловь! Хочешь бесѣдовать со Христомъ: читай святое Евангеліе. Какой еще тебѣ бесѣды? И не Самъ ли Онъ сказалъ Апостолу Оомѣ (Іоан. 20, 29): *ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе*. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ВЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ СВЯТОЙ ПАСХИ (СРЕДУ).

Се Агнецъ Божій! (Іоан. 1, 36).

Кого и кто это называетъ такъ? Святой Предтеча называетъ такъ Господа нашего Иисуса Христа, указуя на Него ученикамъ своимъ, когда Господь подходилъ къ нимъ на другой, и потомъ на третій день, послѣ крещенія Своего.

Не правда ли, братія, какое странное названіе и сравненіе? Сына Божія сравнять съ агнцемъ! Что это такое? Но, что всего здѣсь замѣчательнѣе,—Іоаннъ Креститель сказалъ ученикамъ своимъ: „вотъ Агнецъ Божій“, и ученики оставляютъ своего прежняго учителя и идутъ за Тѣмъ, Кого ихъ учитель назвалъ Агнцемъ.

Для людей незнакомыхъ съ исторіей вѣры дѣйствительно все это можетъ и должно показаться страннымъ и непонятнымъ, но не для людей знакомыхъ съ нею. Дѣло тутъ въ слѣдующемъ. Тысячи за полторы лѣтъ до Рождества Христова, Евреи не имѣли еще своей осѣдлости и жили, какъ странники или пришельцы, въ чужой землѣ—египетской. Здѣсь жить имъ было самое безотрадное. Египтяне самымъ безчеловѣчнымъ образомъ притѣсняли ихъ. Вотъ

Господь сжалился тогда надъ евреями и повелѣлъ рабу своему Моисею вывести евреевъ изъ Египта въ землю ханаанскую, обѣщая отдать имъ ее въ наслѣдіе. Но царь египетскій не соглашается отпустить евреевъ. Господь поражаетъ за то Египетъ разными страшными казнями. Египетскій царь и тѣмъ не хотѣлъ вразумиться. Тогда Богъ говоритъ Моисею: „скажи всѣмъ израильтянамъ (т.-е. евреямъ), чтобы къ такому-то дню каждое семейство взяло одного агнца (*барашка*), однолѣтняго, безъ порока, и вечеромъ пусть его заколютъ, кровью помажутъ косяки и перекладыны у дверей, испекуть его цѣликомъ на огнѣ и, не раздробляя костей его, съѣдятъ съ прѣсными хлѣбами и горькими травами. Ышите его, совсѣмъ одѣвшись въ путь, съ посохами въ рукахъ. Я пройду по землѣ египетской въ эту ночь и поражу всякаго первенца у египтянъ отъ человѣка до скота, а гдѣ увижу кровь на дверяхъ, пройду тѣ дома мимо“. Израильтяне исполнили волю Божию въ точности. И вотъ въ полночь, когда они ѣли агнца каждая семья, Господь поразилъ всѣхъ первенцевъ въ землѣ египетской. По всему Египту поднялся великій вопль, и Египтяне отпустили наконецъ Евреевъ. Въ память этого событія, по повелѣнію Божию, у Евреевъ былъ установленъ ежегодный праздникъ, на вѣчныя времена, въ тоже число. Праздникъ этотъ назывался *Пасхою* (прошелъ мимо) въ ознаменованіе того, что ангель смерти *проходилъ никогда мимо* тѣ дома въ Египтѣ, гдѣ былъ съѣдаемъ агнецъ и кровію его окроплены были косяки дверей. Празднованіе этого событія состояло тоже въ закланіи агнца, и до самаго разрушенія Іерусалима Римлянами совершаемо было Евреями ежегодно съ особенной торжественностію. Агнецъ закалаемый и съѣдаемый въ Пасху прообразовалъ Мессію Христа, который имѣлъ по пришествіи на землю извести челоѣчество изъ плѣна діавольскаго, какъ Евреи изведены были изъ египетскаго плѣна, и спасти людей своихъ—не кровію агнчею, а Своею собственною. И вотъ по этому-то, когда Предтеча увидѣлъ

Исуса Христа и называли Его Агнцемъ, ученики Предтечевы сейчасъ же и послѣдовали за безвѣстнымъ Исусомъ.

Итакъ, вотъ какъ много, братіе, было и есть чудодѣйственной силы въ крови Агнца Божія, Исуса Христа!... Еще когда и не приходилъ Онъ на землю и въ Его образъ закалали обыкновенныхъ агнцевъ; то и тѣхъ кровь, прообразовавшая кровь Христову, избавила людей отъ смерти. Что же сказать о истинной Его крови, на Голгофѣ Имъ пролитой за спасеніе міра и ежедневно приносимой и изливаемой на христіанскихъ жертвенникахъ? И однако же,—увы! Евреи ежегодно и обязательно справляли свою пасху и закалали пасхальнаго агнца всѣ безъ исключенія и онаго приобщались: среди насъ же христіанъ, въ рѣдкость ли встрѣчать людей, которые не совѣстятся уклоняться отъ приобщенія даже и самаго божественнаго Агнца? Да и всѣ мы слышимъ за каждой литургіей: „приступите“ къ приобщенію, и однако часто ли причащаемся? Напротивъ, не оставляемъ ли призыва св. Церкви большею частію безъ всякаго вниманія? Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ВЪ ПЯТЫЙ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ (ЧЕТВЕРТОКЪ).

„Аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія“ (Іоан. 3, 3).

Итакъ это второй уже разъ въ настоящіе великіе и пресвѣтлыя дни св. Церкви напоминаетъ намъ о нашемъ сыновствѣ Богу Отцу,—о рожденіи свыше, не отъ плоти и крови, но отъ Бога. Не думаю, чтобы и вы поэтому поскучали вторично поразмыслить со мною объ этомъ высокомъ и въ высшей степени лестномъ для насъ званіи.

„Аще кто не родится свыше“. Значитъ,—мы не назы-

ваться только въ правѣ, а и быть чадами Божіими можемъ; даже должны для этого переродиться, подѣ опасеніемъ въ противномъ случаѣ не получить и небеснаго наслѣдія. Значить, насъ не просто лишь усыновилъ Себѣ Богъ: „будьте де Мнѣ вмѣсто сыновей“,—нѣтъ, здѣсь идетъ рѣчь о гораздо большемъ, о возможности для насъ дѣйствительно сдѣлаться чадами Богу, о возможности для насъ дѣйствительнаго рожденія *свыше*, рожденія не отъ плоти и крови, но отъ Бога. Драгоценная возможность! Блаженная возможность!

Но вотъ вопросъ: какъ можетъ совершиться наше новое рожденіе? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ Самъ же Спаситель, говоря далѣе: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). Прямо сказать: новое сіе рожденіе совершается черезъ крещеніе. Крещеніе—вотъ наше духовное, *свыше*, отъ Бога рожденіе. Но какъ именно оно совершается, это есть тайна, для ума человѣческаго непостижимая, какъ о томъ опять Самъ же Спаситель говоритъ: *Духъ, идыже хоцетъ, дышетъ и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ и камо идетъ: тако и всякъ человекъ рожденный отъ Бога* (Іоан. 3, 8). То-есть: какъ вѣтеръ, когда дуетъ, ты хоть и ощущаешь, но не знаешь ни начала откуда онъ выходитъ, ни конца, гдѣ прекращается,—точно таково и духовное рожденіе: оно само въ себѣ непостижимо, и возрожденный самъ не понимаетъ того, какъ оно совершилось въ немъ, хотя и чувствуетъ, что совершилось, по тѣмъ дѣйствіямъ, которыя производитъ въ его душѣ Духъ святой.

„Но я,—скажетъ кто, и этого не чувствую, чтобы Духъ Святой производилъ во мнѣ какія-либо возбужденія. А между тѣмъ—я крещенъ“! и т. д. Ахъ, другъ мой, скажемъ мы: а младенцевъ развѣ мало мретъ сейчасъ же по рожденіи? Изъ всѣхъ раждаемыхъ доживаетъ ли до отрочества даже—хоть бы половина? Что же удивительнаго, что и душа твоя, возрожденная въ тебѣ Духомъ Святымъ,

давно замерла въ тебѣ, и *начатокъ Духа* (Рим. 8, 23), воспріятый тобою при святомъ крещеніи, такъ и остался *начаткомъ*, зародышемъ лишь, или что тоже—*съменемъ*, которое, бывъ заглушено суетой земной, даже и не про-
зрѣло еще въ тебѣ, не то что плодъ принести?

Что же намъ послѣ этого дѣлать? Стараться возгрѣть въ себѣ даръ Св. Духа, а для этого открыть свое сердце передъ Господомъ,—дать Его благодати свободный доступъ къ душѣ и ей не мѣшать услаждаться, какъ можно чаще, слушаніемъ слова Божія, участіемъ въ богослуженіи, богомыслеи, молитвословіями, а и того болѣе—частымъ приобщеніемъ св. Таинъ, о чемъ Спаситель нашъ такъ говорить: *ядый Мою плоть и пійай Мою кровь, имать животъ вѣчный. Ядый Мя—живъ будетъ Мене ради* (Іоан. 6 гл.). А будешь живъ о Господѣ, тогда и чадомъ Божиимъ ты будешь—истиннымъ, дѣйствительнымъ, а не по имени только. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ВЪ ШЕСТОЙ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ (ПЯТОКЪ).

„Отвѣща Іисусъ и рече имъ (іудеямъ):
разорите церковь сію, и три дни
воздвигну ю“ (Іоан. 2, 19).

Однажды Іисусъ Христосъ приходитъ во храмъ іерусалимскій и видитъ—въ преддверіи храма, по нашему въ трапезѣ, идетъ торговля: продаютъ торговцы воловъ, овецъ, голубей, а мѣновщики на особыхъ столахъ расположились тутъ же для размѣна денегъ. Сердце божественнаго Учителя воспламенилось ревностію о славѣ храма Господня, и вотъ Онъ дѣлаетъ изъ веревокъ битъ и начинаетъ гнать изъ храма и торговцевъ, и воловъ, и овецъ, и столы мѣновщиковъ опрокидываетъ, говоря при этомъ: *дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли*. Іудеи, разумѣется,

разсердились на Него и говорятъ Ему: „а какимъ знаменіемъ Ты намъ докажешь, что имѣешь власть поступать такъ?“ Иисусъ отвѣчаетъ: *разрушите храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его. Смысль словъ Его, по объясненію евангелиста, такой: „вотъ скоро храмину Мою тѣлесную вы разорите, предавъ Меня насильственной смерти; но Я чрезъ три дня воскресну ее. Вотъ и знаменіе, что Господь сего храма Отецъ Мнѣ, и Я—Сынъ Божій!“*—Въ свое время и совершилъ Иисусъ Христосъ сіе знаменіе.

И кто не согласится, что знаменіе сіе дѣйствительно было чудомъ изъ чудесъ и самымъ сильнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ божественности Иисуса Христа, и что, не послѣдуй воскресенія Его изъ мертвыхъ, тогда и вообще не было ли бы христіанство въ глазахъ людей зданіемъ, на пескѣ построеннымъ? Потому Апостоль и говоритъ: *аще Христосъ не воста, тщя убо проповѣданіе наше, тщя же и вѣра ваша* (1 Кор. 15, 14): все ни къ чему. Что и понятно. Не воскресни Иисусъ Христосъ изъ мертвыхъ, тогда какое бы было у насъ основаніе вѣрить І. Христу, что Онъ Сынъ Божій, и что все сказанное Имъ свято и истинно? И кто тогда согласился бы принять законъ Евангельскій? Безъ увѣренности въ томъ, что какъ І. Христосъ воскресъ, такъ и мы, подобно Ему и чрезъ Него воскреснемъ, и что за гробомъ ждетъ насъ цѣлая вѣчность жизни, какъ предрекъ намъ Христосъ,—скажите, безъ увѣренности во всемъ этомъ, кто изъ людей согласился бы стѣснять себя исполненіемъ Евангельскихъ заповѣдей? Но *воскресъ Христосъ*, и не ясно ли стало для всѣхъ, что, значить, всемогущъ Онъ, что Онъ—Сынъ Божій дѣйствительно, и что если Онъ воскресъ, то и насъ воскресить въ свое время; а потому и необходимо намъ готовить себя къ той жизни, имѣющей наступить для насъ по воскресеніи? Это такъ ясно теперь, что отрицать христіанство стало положительной невозможностью для людей; не потерявшихъ совѣсти и здраваго смысла. Развѣ кто не вздумалъ бы отрицать са-

мое событіе воскресенія Христова? Но чтобы рѣшиться на это, надо, опять скажу, сперва отречься отъ здраваго смысла. Почему? Потому, что дѣйствительность воскресенія Христова засвидѣтельствована какъ нельзя болѣе крѣпко. 1) Сколько оно имѣетъ за себя свидѣтелей—очевидцевъ, у которыхъ на глазахъ Онъ былъ и распятъ и погребенъ, и которые потомъ видѣли Его, и не разъ,—опять *живымъ*, и не просто видѣли, а и бесѣдоваая съ Нимъ, трапезовали съ Нимъ, и даже осызали Его, чтобы увѣриться—не духъ ли то! 2) А что вы скажете о тѣхъ знаменіяхъ, которыми сопровождалось воскресеніе Христова изъ мертвыхъ? Не говоря о прочихъ, обратите, вы, хотя бы вотъ на что свое вниманіе: до воскресенія Христова апостолы были и робки и малопонятливы; а тутъ вдругъ точно и не они стали! Отъ чего это?—3) Наконецъ, еслибы не воскресъ І. Христось, думаете, враги христіанства такъ и не доказали бы этого и не уличили апостоловъ во лжи? Но мы видимъ противное: современники святыхъ апостоловъ не только не отвергли истины воскресенія Христова, хотя иные и пытались было сдѣлать то; напротивъ, теперъ-то они и начали цѣлыми тысячами принимать ученіе христіанское.

Но что намъ, братіе, до тѣхъ, кои *и очи имутъ, но не видятъ, и ушима тяжко слышатъ*? Мы говоримъ о себѣ и ищущихъ истины. Для таковыхъ истинность воскресенія Христова несомнѣнна. А съ ней несомнѣнно для нихъ и то, что если воскресъ Христось, то воскреситъ Онъ и вѣрныхъ своихъ въ послѣдствіи, для вѣчнаго соцарствованія Ему въ обителяхъ небесныхъ, чего да сподобитъ Онъ насъ всѣхъ своею благодатію. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ВЪ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ (СУББОТА).

Въ нѣкоторыхъ приходяхъ нынѣшній день производится, братіе, раздача св. *артоса*. „Артосъ“, какъ знаете вы, это особой формы большой хлѣбъ, украшенный крестомъ. Онъ полагается еще въ 1-й день Пасхи на особомъ аналогіи предъ иконостасомъ и затѣмъ вмѣстѣ съ иконами носится въ крестныхъ ходахъ,—освящаясь уже и чрезъ это одно. Но въ субботу тѣмъ не менѣе надъ нимъ прочитывается еще и молитва, нарочито для сего составленная, и затѣмъ хлѣбъ этотъ раздробляется и раздается вѣрнымъ.

Замѣчательно происхожденіе этого обычая, какъ и самое значеніе. Объясню вамъ и то и другое.

Ведеть свое начало этотъ обычай отъ временъ апостольскихъ; а апостолами установленъ по слѣдующей причинѣ. Господь нашъ Иисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ являясь ученикамъ, ознаменовывалъ Свои явленія иногда тѣмъ, что бралъ *хлѣбъ* и *ѣлъ* предъ учениками Своими и имъ раздавалъ, преломивъ на части (см. Лук. 24; Иоан. 21); вслѣдствіе этого апостолы и приняли за правило: всякій разъ, какъ садиться за трапезу, переднее мѣсто за ней оставлять не занятымъ и полагать передъ нимъ часть хлѣба, какъбы Самъ Иисусъ былъ среди ихъ. По окончаніи трапезы часть эта дѣлилась между всѣми присутствующими и принимаема была все равно какъбы отъ рукъ Христовыхъ и потому—*часть святая*.

Въ древности обычай этотъ соблюдался и за семейными обѣдами, а въ Греціи, говорятъ, и поднесъ соблюдается многими. При чемъ подаютъ тамъ *лишний* приборъ и *лишнюю* часть не только хлѣба, а и *всѣхъ кушаній*, и послѣ этой частью обѣда кормятъ кого-либо изъ нищей братіи; а благочестивѣйшіе изъ христіанъ, тѣ прямо брали и берутъ перваго нищаго или странника и сажаютъ его

на переднее мѣсто, особенно въ великіе праздники,—во вниманіе къ тому, что кто питаетъ алчущаго, тотъ самого Христа питаетъ, по свидѣтельству Ею же самого.

Впослѣдствіи этотъ святой обычай сталъ выводиться изъ всеобщаго употребленія, и вотъ чтобы не уничтожился онъ совсѣмъ, Церковь приняла себѣ за правило—покрайней мѣрѣ во дни св. Пасхи, и въ храмѣ Божиємъ, предлагать предъ взоры наши часть хлѣба и потомъ раздавать его вѣрнымъ, *какъ часть Христову*, что въ монастыряхъ и нѣкоторыхъ приходскихъ храмахъ, какъ у насъ, и соблюдается доселѣ, съ тою благочестивою цѣлю, чтобы нагляднымъ образомъ напоминать вѣрующимъ о присутствіи среди нихъ Христа. И какое же время удобнѣе избрать для этого напоминанія, какъ не дни Пасхи? Ибо въ одно изъ явленій Своихъ по воскресеніи Господь изрекъ обѣтованіе: „се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“. Помнить это обѣтованіе должно во всякое время, но преимущественно во дни, посвященные торжественному воспоминанію воскресенія Христова и явленій Воскресшаго.

Мыслию о присутствіи Христовомъ освящаемы были въ христіанской древности такъ-называемыя трапезы братолюбія, или вечера любви, которыя учреждаемы были при самыхъ храмахъ во дни праздниковъ и поминовенія умершихъ. И какъ чинно вели себя, конечно, древніе христіане за этими трапезами, когда они, оставляя мѣсто переднее не занятымъ, зрѣли на немъ Самого Христа предсѣдющимъ и невидимо съ ними трапезующимъ! Наши поминальные обѣды отчасти напоминаютъ о древнихъ трапезахъ. Но къ сожалѣнію, мысль о присутствіи Христовомъ рѣдко приходитъ участвующимъ въ нашихъ поминальныхъ трапезахъ, и лучше не говорить о томъ, что творится мѣстами за ними. *Не будемъ омрачать послѣдняго свѣтлаго дня сѣтованіями по этому поводу, въ надеждѣ, что будущее наше—будетъ чище и святѣе прошедшаго.*

О, навха велія и священнѣйшая Христе! О, Мудросте

и Слове Божіи, и Сило! Подавай намъ на будущее время истыѣ Тебе причащаются, а особенно сподоби того въ невечернемъ дни царствія Твоего. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ НЕДѢЛЮ О ӨОМЪ.

„Не буди невѣренъ, но вѣренъ“
(Іоан. 20, 27).

Поучительный, братіе, урокъ и примѣръ оставилъ намъ въ своемъ лицѣ св. апостоль Өома. Предался онъ чрезмѣрной грусти объ Иисусѣ Христѣ—распятомъ и погребенномъ, до того сильной, что ему даже и общество людское стало въ тягость, и его дѣйствительно нѣтъ съ апостолами, когда имъ, *собраннымъ вкупѣ*, явился воскресшій ихъ Учитель. За такое отчужденіе отъ прочихъ апостоловъ, онъ одинъ изъ всѣхъ лишается счастья видѣть Того, о Комъ собственно и скорбѣлъ такъ сильно. Это его еще больше огорчаетъ, и вотъ онъ чутъ не впадаетъ въ совершеннѣйшее невѣріе. Къ счастью, во время опаматывается и наконецъ приходитъ въ общее собраніе вѣрныхъ. Конецъ извѣстный: въ соборѣ вѣрныхъ и онъ сподобляется зрѣть Господа Иисуса, и при этомъ получаетъ отъ Воскресшаго—хотя и кроткій, но все же упрекъ: *не буди невѣренъ, но вѣренъ!*

Итакъ, вотъ что значить предаваться скорби и унынію, особенно же уединяться отъ людей въ такомъ настроеніи духа,—какъ разъ дойдешь до невѣрія. Съ другой стороны, наблюдайте, что значить уклоняться отъ единости св. Церкви и братскаго съ нею общенія. Хотя и о Господѣ скорбѣлъ ап. Өома, но уклонился отъ собора апостольскаго,—и лишился лицезрѣнія Божія; а какъ явился въ Церковь, то узрѣлъ Господа Иисуса. Такъ-то вѣрно слово Христово: *идѣже бо еста два, или тріе, собрании во*

имя *Мое*, *ты есмь посредь ихъ* (Матѣ. 18, 20). Какое отсюда сильное побужденіе для насъ дорожить посѣщеніемъ храма Божія и общеніемъ съ вѣрующими! Спросимъ и то: а намъ что сказалъ бы Иисусъ Христосъ въ случаѣ, еслибы явился хоть теперь вотъ—въ наше собраніе? Ублажилъ ли бы Онъ нашу вѣру?

Скажете: „того не знаемъ; но мы вѣруемъ въ Бога и Господа Иисуса Христа несумнѣнно. Поэтому, надо полагать, насъ Онъ не назвалъ бы *неверными*, а *верными*“. Радуюсь тому, братіе! Но, други мои, знаете ли, что говорить относительно вѣры св. Апостоль Іаковъ? *И бѣси вѣрують* (что есть Богъ) и даже *трепещуть* предъ Нимъ (2, 19). Однако—кто назоветъ ихъ вѣрными? Значитъ вѣрить, и только, тому, что извѣстно намъ изъ Писанія не есть еще настоящая вѣра. Это одно лишь *знаніе* вѣры, хотя и необходимое, но само по себѣ далеко еще недостаточное для спасенія. Такая вѣра—одного лишь ума вѣра. А для спасенія надо, чтобы и сердце непременно было проникнуто вѣрой, чтобы и оно вполне довѣрилось, отдалось ~~Богу~~. Иначе, что это за вѣра? Умъ говорить: есть Богъ и Онъ о насъ, какъ отецъ о дѣтяхъ печется; а сердце и не думаетъ довѣриться Богу, болить, тревожится, что и то не такъ, и другое и третье, точно и въ самомъ дѣлѣ непоправимая бѣда грозитъ ему и оно совсѣмъ безпомощно. Нѣтъ, вѣра и должна быть вѣрой. *Сердцемъ бо вѣруется въ правду* (Рим. 10, 10), говоритъ Ап. Павелъ. Для полученія оправданія предъ Богомъ именно вотъ сердечная-то вѣра и нужна. А сказать ли вамъ при этомъ, какой она степени должна достигать въ насъ? *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Иисусъ Христъ* (Фил. 4, 13), вотъ какой вѣры должны мы домогаться! Но и это еще не все. Мы должны не только вѣрить и довѣриться Богу, а и быть еще во всемъ и постоянно Ему *верны*, не измѣнять Ему ни въ чемъ и никогда, до готовности положить душу за вѣрность Ему и Его заповѣдямъ.

Само собою, все это, т.-е. чтобы имѣть такую вѣру и

хранить ее незыблемо, требуетъ съ нашей стороны труда и труда не малаго. Но, братія мои, не самъ ли Господь говоритъ во св. Евангеліи: *вся елика аще молящися просите, въруите, яко пріемлете: и будетъ вамъ* (Мар. 11, 24)? Апостолы просили же Господа: *приложи намъ въру* (Лук. 17, 5). А еще къ намъ ближе подходитъ слѣдующій случай. Разъ приводитъ нѣкто сына своего къ Иисусу Христу и проситъ исцѣлить его: *если, говоритъ, что можешь, сжался надъ нами, и помоги намъ*. Иисусъ отвѣчаетъ: *если сколько нибудь можешь въровать, все возможно върующему*. Что же, думаете, дѣлаетъ человѣкъ тотъ? Прослезился и возопилъ: *върую, Господи! помоги моему невѣрію* (Мар. 9, 24). Что, братіе, мѣшаетъ и намъ взывать такъ къ Господу!? *Просите, и дастся вамъ!*

Такъ, *въруемъ, Господи! помози нашему невѣрію!* Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ НЕДѢЛЮ СВ. ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ.

„И зѣло заутра во едину отъ субботъ пріидоша (жены) на гробъ“ (Марк. 16, 2).

Какая неутомимость и вмѣстѣ неустрашимость со стороны св. женъ муроносицъ! Не даютъ онѣ себѣ, по смерти Учителя, ни сна, ни покоя до тѣхъ поръ, пока не обрѣли Его наконецъ воскресшимъ изъ гроба. Апостолы—и тѣ сидятъ взаперти *страха ради іудейска*, а св. жены еще *сущей тьмѣ* спѣшатъ-себѣ на гробъ за городъ. Имъ и страшная Голгоѳа не страшна. Должно быть, сильна была любовь ихъ къ Господу Иисусу. За то и Онъ, по воскресеніи, имъ *первымъ* явился и содѣлалъ ихъ для самыхъ апостоловъ *апостолами*, или что тоже, вѣстницами Его

воскресенія. Въ мѣру любви и награда. За любовь любовію и заплачено.

Имѣемъ ли мы, братіе, такую, крѣпкую какъ смерть, любовь къ Богу? Или въ насъ и любовь къ Богу такъ слаба, какъ и вѣра, о чемъ у насъ была рѣчь въ прошедшее Воскресенье? Между тѣмъ любовь, замѣтите, и вѣры важнѣе въ дѣлѣ спасенія. *Теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда и любовь*, говоритъ Апостоль. *Но любовь изъ нихъ больше* (1 Кор. 13, 13). И онъ же: *если я имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто* (—2 ст.). *И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы* (—3 ст.). *О Христъ бо Іисусъ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра, любовію воспѣшествована* (Гал. 5, 6). Чтò и понятно. Какая тамъ вѣра спасительная, гдѣ недостаетъ главнаго—любви ни къ тому, во что вѣруешь, ни къ тому, въ Кого вѣруешь? *Не любяй*, говоритъ Апостоль любви Іоаннъ Богословъ, *не позна Бога*. Кто неимѣетъ любви, тотъ слѣдовательно и Бога не знаетъ совсѣмъ: ибо *Богъ любви есть*, Онъ весь любовь (1 Іоан. 4, 8).

„Есть ли въ насъ любовь къ Богу или нѣтъ?“ вопросъ, какъ видите, очень важный. Постараемся рѣшить его, и для сего обратимъ вниманіе хотя бы на слѣдующіе признаки.

Извѣстно всѣмъ, что кто кого любитъ, тотъ о томъ лицѣ или предметѣ и говоритъ всего больше любитъ, и заговоривши, кажется, наговориться о немъ не можетъ. Теперь любимъ ли мы говорить о Богѣ? Рѣшите этотъ вопросъ, и вы увидите: *есть ли* въ васъ любовь къ Богу, или *нѣтъ*.—Кто кого любитъ, тотъ—далѣе—туда и спѣшитъ постоянно, гдѣ можетъ рассчитывать увидать любимаго имъ человѣка. А мы всегда ли съ охотой ходимъ во храмъ Божій, гдѣ Господь являетъ намъ Свое особенное присутствіе? Дорожимъ ли мы лицезрѣніемъ Его и, что всего ближе къ дѣлу, пріобщеніемъ Его божественнаго тѣла и крови?—Кто

кого любить, тотъ никогда и изъ головы не выпускаетъ помышленія о любимомъ человѣкѣ; тотъ и заочно все бесѣдуетъ съ нимъ въ своемъ умѣ. А мы любимъ ли предаваться богомыслию, или любимъ больше мечтать о пустякахъ? Вдумайтесь, и увидите, любите вы Бога или нѣтъ.— Кто кого любить, тотъ тому и подражать во всемъ старается, и угодить, и за него повсюду готовъ горой постоять. А въ насъ есть ли такая забота? Стараемся ли мы подражать и угождать во всемъ своему Господу, и гдѣ придется услышать что-либо кощунственное, возражаемъ ли мы тогда съ словомъ обличенія противу кощунствующихъ? Или намъ совѣмъ не до того, чтобы постоять за честь и славу Божію, лишь бы нашей чести не смѣлъ никто касаться?—*Богъ есть любовь*; Онъ весь любовь: до того исполненъ любовію, что за грѣшный родъ человѣческой не пощадилъ даже Сына Своего Единороднаго, но за насъ всѣхъ предалъ Его на смерть. А мы—любимъ ли мы такъ своихъ ближнихъ и изъ нихъ даже самыхъ-то близкихъ? Но что я сказалъ: любимъ ли такъ своихъ ближнихъ? Стараемся ли мы даже любить ихъ такъ? Признаемъ ли это по крайней мѣрѣ обязанностью прямою?—Кто кого любить, тотъ для любимаго человѣка ничего не жалѣетъ и на все, на всякую жертву готовъ. О, еслибы и каждому изъ насъ совѣсть позволила сказать: я для Бога на все готовъ! О, еслибы и мы могли вмѣстѣ съ Апостоломъ воскликнуть: *Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее не можетъ насъ отлучить отъ любви Божіей во Христа Иисуса, Господь нашъ?*“ (Рим. 8, 35 и 38). Но увы! кто изъ насъ дерзнетъ похвалиться такою сильною любовію къ Богу? А между тѣмъ мы должны именно такъ любить Господа. Господь нашъ Иисусъ Христосъ одному изъ законниковъ еврейскихъ на вопросъ сего: какая заповѣдь больше есть въ законѣ? отвѣчалъ такъ: *возлюби Господа Бога*

твоею всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твою, и всѣмъ разумѣнемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ себя самого. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ (Мѡ. 22, 36—40).

Слыша сіе, будемъ, други мои, любить Бога и ближнихъ не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. (1 Іоан. 3, 18). Аминь.

Свящ. Алексѣй Бълюцкитовъ.

СХОДСТВО ПРАЗДНИКА ПАСХИ СЪ ВѢЧНЫМЪ ПРАЗДНИКОМЪ ВЪ ЦАРСТВѢ НЕБЕСНОМЪ.

Какъ ветхозавѣтный праздникъ пасхи служилъ образомъ новозавѣтнаго праздника пасхи: такъ и на послѣдній можно смотрѣть, какъ на предъизображеніе вѣчнаго праздника въ царствѣ небесномъ. И нѣтъ сомнѣнія, что свящ. пѣснописецъ имѣетъ въ виду близкое отношеніе одного праздника къ другому, когда взываетъ ко Христу: „О пасха велія и священнѣйшая Христе,—подавай намъ истѣе (совершеннѣе) причащатися Тебе въ невечернемъ дни царствія Твоего“. Да! нынѣшняя пасха есть проблескъ будущаго празднованія на небѣ избранныхъ Божіихъ, проблескъ, правда, слабый и краткій, но вѣрный,—есть предвкусеніе неизреченной радости полнѣйшаго общенія со Христомъ въ невечернемъ дни царствія Его.

Дѣйствительно, праздникъ святой пасхи—это такой праздникъ у православныхъ христіанъ, выше и радостнѣе котораго нѣтъ. Народныя слова: „Христовъ день, ко Христову дню, дождался какъ Христова дня“—имѣютъ самый искренній смыслъ. Сколь желанно ожидаетъ и сколь радостно встрѣчаетъ свѣтлое Христово воскресеніе каждый

изъ православныхъ! Преступникъ въ темницѣ, и тотъ оживляется въ день пасхи, считаетъ этотъ день своею радостію. Поистинѣ, „днесъ всякая тварь веселится и радуется“. Но еслибъ кому изъ православныхъ случилось встрѣтить и проводить пасху среди неправославныхъ, особенно же за границей, тотъ еще болѣе почувствовалъ бы величіеэтого праздника въ самой потерѣ возможности праздновать его такъ, какъ онъ празднуется въ православной Церкви и какъ не празднуется ни у кого, въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ. Почему же столь усладительно дѣйствуетъ святая пасха на всѣхъ, и даже на наименѣе понимающихъ духовный смыслъ ея? Потому что она заключаетъ въ себѣ особенную благодать Божію, радостно дѣйствующую на душу, подобно тому, какъ приятно чувствуетъ себя на солнцѣ и тотъ, кто не видитъ круга солнечнаго или даже сидитъ въ тѣни. Благодать праздника пасхи оживительно дѣйствуетъ не только на живыхъ, но даже на мертвыхъ; такъ есть вѣрованіе православной Церкви, что тѣмъ православнымъ христіанамъ, которые съ покаяніемъ и вѣрою умираютъ на пасхальной недѣлѣ, бываетъ великое облегченіе участи на томъ свѣтѣ.

Вотъ точно такъ же и въ будущей жизни для праведниковъ настанетъ столько радостное время, столько блаженное состояніе, что *радости ихъ никтоже возметъ* (Іоан. 16, 22), что они *забудутъ печаль свою первую* (Ис. 65, 16).

Посмотримъ за тѣмъ на нѣкоторыя частныя черты въ празднованіи пасхи. Какой напримѣръ это продолжительный праздникъ! Столько неработныхъ дней не удѣлено ни для одного праздника въ году. И какъ онъ равенъ самъ себѣ! Семь дней его точно одинъ день. Каждый разъ видимъ нынѣ тоже свѣтлое богослуженіе: тоже слышимъ торжественное пѣніе, и только пѣніе, а не чтеніе; таже, сравнительно съ другимъ временемъ, бываетъ краткость богослуженія, т.-е. нынѣ не обременяемся мы нисколько и трудомъ молитвеннымъ, какъ будто онъ всеъ

вынесенъ раньше, и за краткую молитву Господь подаетъ намъ все; то же каждый разъ повторяется торжественное окончаніе службы: съ привѣтствіями отъ священника и цѣлованіемъ креста; тотъ же слышится во всю недѣлю колокольный звонъ; то же бываетъ призваніе за каждой литургіей къ трапезѣ Христовой, отличное отъ подобныхъ призываній другаго времени тѣмъ, что еслибъ кто нынѣ, притомъ—не разъ, изъявилъ свою готовность на возгласъ: „со страхомъ Божиимъ приступите“, приступить ко св. причащенію, тотъ приступилъ бы къ нему безъ слушанія продолжительныхъ каноновъ, съ однимъ чтеніемъ „послѣдованія ко причащенію“. На всѣхъ насъ теперь видится лучшая праздничная одежда.

Но вотъ подобно этому и въ царствѣ небесномъ пастанетъ нескончаемое *субботствованіе* для избранныхъ Божіихъ: они *возлягутъ тамъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Иаковомъ* (Мат. 8, 11). Часы и дни тамъ также будутъ одинаково свѣтлы и торжественны. Тамъ будетъ совершаться нескончаемая служба Божія; и *покоя не будутъ имѣть праведники, день и ночь глаголюще: святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Вседержитель* (Апок. 4, 8). Это будетъ для ихъ сердца и слуха „не прекращающееся пѣснопѣніе“, а для ума и мысли „непрерывное богословіе“ *). По этой службѣ всѣ они тамъ произведутся въ чинъ *іереевъ* (Апок. 20, 16). Но эта неустанная служба однакожь не будетъ ни для кого обременительною, напротивъ она-то составитъ для праведниковъ полное отдохновеніе, полный покой, такъ что хоть все одно и то же хваленіе вѣчной пасхи будутъ они возглашать сладкими голосами, вмѣстѣ съ сонмомъ ангеловъ, но все будутъ желать продолженія той же службы.—Тамъ будетъ вѣчная трапеза на *бракъ Агнецъ* (Апок. 19, 9), *пріобщеніе Христа* самое близкое, о чемъ и просимъ мы теперь: *подавай намъ истже Тебе причащатися въ вечернемъ*

*) Св. Ефр. срр. въ сл. на вт. прішествіе Госп., стр. 404.

дни царствія Твоего. Тамъ, на праздникѣ вѣчной пасхи, всѣ будутъ въ бѣлыхъ, свѣтлыхъ ризахъ (Апок. 4, 4), которыхъ уже никогда не потемнѣютъ.

Затѣмъ посмотрите: какъ теперь все священное и святое приближено къ намъ! Чего прежде мы только по временамъ касались, то дается намъ теперь для благоговѣйнаго прикосновенія нѣсколько разъ каждый день, какъ напримѣръ цѣлованіе престольнаго креста послѣ каждой службы. Чтò мы прежде видѣли только въ продолженіе краткихъ минутъ, притомъ не за каждымъ богослуженіемъ, на то можемъ смотрѣть теперь каждый разъ долго-долго, пока остаемся въ церкви, и даже какая это трогательная картина!—то не закрывается отъ насъ и послѣ службы, не только днемъ, но и ночью, не только въ службномъ храмѣ, но и тамъ, гдѣ не было бы почему-либо службы,—говоримъ объ отворенныхъ нынѣ царскихъ вратахъ. Чего мы въ другое время вовсе не удостоивались видѣть, то теперь можемъ съ услажденіемъ зрѣть всѣ, мужской полъ и женскій, и старые и юные, именно—какъ въ алтарѣ совершается на престолѣ высочайшая тайна евхаристіи и какъ приобщаются сама служаціе литургію.

Но вотъ точно такъ же, или вѣрнѣе сказать—въ полнѣйшемъ совершенствѣ, будетъ все въ царствѣ небесномъ. Тамъ праведники будутъ приобщаться *божественнаго естества* (2 Петр. 1, 4), или, какъ сказалъ одинъ изъ отцовъ Церкви, „достигнуть обоженія“ *). Тамъ святые Божіи будутъ видѣть Бога уже *не якоже зеркаломъ въ гаданіи*, но лицомъ къ лицу (1 Кор. 13, 12), т.-е. непосредственно, самымъ ближайшимъ образомъ.

Боже мой! что же за праздникъ уготовляешь Ты въ будущей жизни избраннымъ Твоимъ? Уста наши нѣмѣютъ, чтобъ изобразить радость этого праздника—вѣчной пасхи.

О еслибы привелъ всѣмъ намъ Господь Богъ праздновать вѣчную пасху! И мы, надобно сказать, уже имѣемъ при-

*) Григорій Богословъ.

глашеніе на праздникъ ея; потому что мы *родъ избранъ*, (1 Петр. 2, 9), *наслѣдники Христу* (Рим. 8, 17) въ Его вѣчной славѣ, какъ христіане; но если въ житейскомъ быту наслѣдники иногда лишаются наслѣдства, какъ признанные недостойными его, такъ подобная опасность угрожаетъ христіанамъ по одному имени, а не по жизни. Можетъ случиться, что тѣ, которые видятъ здѣсь царскія двери отверстыми, тамъ встрѣтятъ двери небеснаго чертога затворенными.

Итакъ что же требуется, чтобъ удостоиться праздника вѣчной пасхи? Отвѣтъ на этотъ разъ позаимствуемъ съ дѣла. Какъ мы теперь готовимся встрѣтить пасху? Постомъ, молитвою, строгимъ воздержаніемъ во всемъ. И кто строже соблюдаетъ великій постъ, больше молится и воздерживается въ продолженіе его, тотъ болѣе чувствуетъ величіе праздника пасхи, болѣе и возвышеннѣе радуется на пасхѣ, проводя самый этотъ праздникъ, сначала и до конца, по духовному, достойно перваго пасхальнаго утра, а не уничижая его увеселеніями чувственными, удовольствіями грубыми. Слѣдовательно, чтобъ удостоиться праздновать вѣчную пасху, нужно готовиться къ ней въ продолженіе всей жизни молитвой, воздержаніемъ, духовными подвигами, несеніемъ особеннаго креста, кому посылается онъ. Не легко все это; но награда за нелегкое уже предъощущается собственнымъ чувствомъ нашимъ въ торжествѣ нынѣшней пасхи, и мы можемъ на этотъ разъ повторить съ однимъ подвижникомъ въ утѣшеніе себѣ: „люты скорби, но сладокъ рай“ *). Аминь.

Прот. Евгеній Поповъ.

*) Акаѳ. преп. Сергію.

О ПРАВСТВЕННОМЪ СНѢ.

„Востани спяй“ (Еф. 5, 14).

Есть сонъ физическій, и есть сонъ нравственный. Въ словахъ: *востани спяй* ап. Павелъ имѣеть въ виду сонъ нравственный, иначе—нравственную безпечность, образъ которой видить въ снѣ физическомъ. Чтобы лучше понять мысль апостола, надо обратить вниманіе на сходство сна нравственнаго съ физическимъ, надо разсмотрѣть, что такое происходитъ въ тѣлѣ и душѣ человѣка во время обыкновеннаго сна, и во время сна, такъ сказать, наяву, т.-е. нравственной дремоты или безпечности.

Съ тѣлесной стороны сонъ характеризуется тѣмъ, что внѣшнія чувства—зрѣніе, слухъ, осязаніе и пр., сохраняющія полную воспримчивость въ бодромъ состояніи, во снѣ теряють это свойство почти совершенно, почему и притокъ въ душу новыхъ и свѣжихъ впечатлѣній совершенно прекращается. Такимъ образомъ тѣло, во время сна, перестаетъ служить высшимъ интересамъ души и вся его дѣятельность ограничивается низшею, растительною жизнію, т.-е. питаніемъ, кровообращеніемъ, дыханіемъ и т. д. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, жизнь тѣла совершается даже исправнѣе, чѣмъ въ бодромъ состояніи.

Жизнь души во время сна характеризуется ослабленіемъ, а нерѣдко и совершеннымъ прекращеніемъ сознанія, самосознанія и воли, т.-е. главныхъ и существенныхъ явленій души. При бездѣйствіи внѣшнихъ чувствъ ослабляется и прекращается сознаніе, потому что ничто уже не возбуждаетъ его къ дѣятельности. Душа переходитъ изъ сознательнаго состоянія въ полусознательное и наконецъ, въ

песознательное. Вмѣстѣ съ этимъ ослабѣваетъ и власть человѣка надъ собою и надъ своими движеніями. А отъ этой потери воли зависитъ то, что во снѣ мы не можемъ по произволу останавливать вниманія ни на одномъ предметѣ. И хотя во время сна прекращается только сознаніе, а душевная жизнь не прекращается, однако эта жизнь души есть жизнь хаотическая и неупорядоченная, ибо въ ней различныя представленія возникаютъ и смѣшиваются между собою безъ участія упорядочивающей ихъ воли. Сновидѣнія набѣгаютъ и убѣгаютъ какъ волны—и мы не можемъ ни возбудить ихъ, ни направить, ни остановить. Мы относимся къ нимъ совершенно страдательно, нерѣдко смѣшивая свое я съ предметами грёзъ, т.-е. теряя самосознаніе. А это значитъ, что и душа во время сна живетъ низшею жизнью, ограничиваясь памятью и сцѣпленіемъ представленій часто вопреки законамъ разума и дѣйствительности.

Вотъ то, что мы называемъ сномъ въ обыкновенномъ смыслѣ и вотъ образъ сна духовнаго или нравственной безопасности, отъ которой пробуждаетъ насъ апостольское слово: *возстани спяй*.

Но неужели бываютъ, спросите вы, такіе люди въ нравственномъ отношеніи, у которыхъ, какъ и въ обыкновенномъ снѣ, внѣшнія чувства не дѣйствуютъ при правильно совершающейся растительной жизни организма, а душа теряетъ сознаніе, самосознаніе и волю, представляя собою хаотическую смѣну представленій, не направленныхъ ни къ какой разумно-нравственной цѣли? Да, къ несчастію, есть такіе люди и даже очень много. И тѣмъ страннѣе, что нравственный сонъ овладѣлъ ими наяву и въ бодромъ состояніи.

Сколько есть людей, именующихъ себя христіанами, которые очень хорошо знаютъ напр. христіанскій обязанности о любви къ ближнему, о милосердіи, о прощеніи обидъ, о кротости и терпѣніи, о потребности для христіанина молитвы, о святости принятаго на себя долга и

обязанностей; но все это у нихъ остается простымъ знаніемъ, хранится въ памяти, какъ въ книгѣ, и лежитъ мертвымъ капиталомъ, непущеннымъ въ оборотъ и не приложеннымъ къ жизни... Что это, спрашивается? Развѣ это не дремота и сонъ своего рода? Вотъ дремлющій, въ обыкновенномъ смыслѣ, человѣкъ: онъ еще слышитъ и глаза его смутно видятъ. До него долетаютъ рѣчи и говоръ изъ сосѣдней комнаты. Но спросите его, о чемъ говорятъ? и онъ вамъ не скажетъ, ибо онъ слышитъ одни звуки и шумъ, безъ мыслей и содержанія, мало его интересующихъ. Точь-въ-точь нравственно-спящій. Глаза его открыты и онъ видитъ, и уши его слышатъ о томъ, что свойственно христіанину; но это для него одни звуки, неопредѣленный шумъ и неясныя тѣни; они скользятъ по его чувствамъ, но не проникаютъ въ душу, не будятъ ее своимъ внутреннимъ смысломъ, ибо она спитъ и онъ относится ко всему безучастно, все равно—что и не видитъ и не слышитъ. Въ такомъ точно состояніи нравственнаго сна находились современные Христу Іудеи, про которыхъ Онъ говорилъ: „слухомъ услышите (т.-е. Его ученіе), и не уразумѣете; и глазами смотрѣть будете, и не увидите; ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышать, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами, и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ“ (Мѡ. 13, 14—15). А вѣдь эти люди слушали ученіе самого Христа! Но всѣ Его божественныя рѣчи производили въ нихъ одно дѣйствіе—раздраженіе и злость; ибо Христосъ не щадилъ ихъ эгоизма и страстей, т.-е. будилъ и разсѣивалъ ихъ нравственный сонъ. А какъ непріятно бываетъ спящему, когда его будятъ!—Такъ и въ этой злости и ненависти іудеевъ ко Христу нельзя не узнавать нравственно-спящихъ людей. Такіе люди бываютъ невоспримчивы и равнодушны ко всему, что должно бы быть полезно имъ въ нравственномъ отношеніи, — каково и ученіе Христа; но они же бываютъ и весьма нетерпѣливы ко всему, что мѣшаетъ имъ спать, что затрогиваетъ ихъ эго-

измъ и страсти — эти любимыя грѣзы нравственно-спящихъ людей.

Такъ, нравственно-спящій человѣкъ бываетъ равнодушенъ къ высокимъ нравственнымъ примѣрамъ и образцамъ въ христіанской жизни и не любитъ слушать о нравственно-христіанскихъ истинахъ; въ этомъ отношеніи его душевныя очи видя-не видятъ, и уши слыша-не слышатъ, какъ и у обыкновенно спящаго человѣка. Но за то такіе люди съ удовольствіемъ будутъ разсуждать о томъ, что касается желудка и питанія тѣла и вообще растительной или животной жизни организма. Эта жизнь составляетъ центръ всѣхъ заботъ и попеченій нравственно-спящаго человѣка. Въ этомъ отношеніи нужно удивляться даже бодрости и изобрѣтательности такого человѣка. Пóсть, пóпить, понѣжить тѣло, поласкать зрѣніе и слухъ, воображеніе и фантазію — заманчивыми мечтами и картинами далеко неправственнаго содержанія, все это идеаль нравственно-спящаго человѣка.

Загляните, затѣмъ, въ душу нравственно-спящаго человѣка, и вы увидите, что высшія проявленія душевной жизни — сознаніе и воля, или дремлютъ и бездѣйствуютъ, или даже и совсѣмъ прекратили свое бытіе. Это потому, что ничто уже не возбуждаетъ эти силы къ дѣятельности въ нравственномъ направленіи: нравственно-спящій давно уже отвыкъ воспринимать въ свою душу нравственныя христіанскія истины, и душа его, по сраженію Христа, похожа или на каменистую почву, или на почву съ терніемъ, такъ что всякая нравственная мысль тотчасъ же замираетъ въ такой душѣ, еслибы она случайно и запала въ нее. Но что такое сознаніе въ нравственномъ отношеніи? Это то, что мы чаще называемъ *совѣстью*. И вотъ этотъ-то небесный лучъ, освѣщающій нашу нравственную жизнь, бодрствующій надъ нею и то оправдывающій, то обвиняющій насъ въ нашихъ поступкахъ, у нравственно-спящаго человѣка бездѣйствуетъ, ибо у него совѣсть, по выраженію слова Божія, *сожжена*. Но что такое человѣкъ безъ со-

вѣсти? Это міръ безъ солнца. На что онъ не способенъ? Что онъ не рѣшится сдѣлать? Надъ чѣмъ онъ задумается? Да, это ужасное состояніе человѣка, о которомъ страшно и подумать! Это верхъ нравственнаго усыпленія. Дальше идти некуда. Въ этомъ состояніи человѣкъ уже не различаетъ нравственно-добраго отъ нравственно-злаго. Ему все возможно и все позволительно. Это тьма и мракъ, хаосъ и беспорядокъ—полныя!—Нужно ли говорить о *воли* такого человѣка? Воля есть служебная сила. Она желаетъ того, чему сочувствуетъ испорченное сердце и что одобряетъ сожженная совѣсть. У нравственно-спящаго человѣка воля сильна развѣ только къ дѣланію зла и совершенно безсильна къ дѣланію добра. Отсюда и происходитъ то, что какое бы нравственное безобразіе, какое бы чудовищное и уродливое дѣло ни пришло въ голову такого человѣка, его воля не въ состояніи противодѣйствовать этому, какъ и въ физическомъ спѣ человѣкъ не властенъ надъ своими грезами, какъбы онѣ ни были страшны для него и какъбы онѣ ни душили его. Вотъ этимъ-то ослабленіемъ воли вообще, объясняется и то поражающее явленіе въ средѣ современныхъ намъ людей, что между ними такъ мало замѣчается лицъ съ твердымъ, выработаннымъ и хорошо направленнымъ къ добру—характеромъ. Печальное явленіе! Но оно доказываетъ ту истину, что только христіански-нравственная жизнь способна выработать твердый и добрый характеръ. При отсутствіи же нравственныхъ правилъ въ душѣ, трудно ожидать, чтобы человѣкъ могъ господствовать надъ собою, или, покрайней-мѣрѣ, въ случаѣ паденія, могъ бы исправляться самъ собою. Нѣтъ, тутъ недостаточно испорченной человѣческой воли, чтобы повернуть такую нравственно-безотрадную жизнь снова на истинный путь. Тутъ нужна сверхъ-естественная помощь и благодать. Здѣсь нуженъ *воля*, какъ выражено въ притчѣ Христовой о дѣвахъ мудрыхъ и юродивыхъ, — который бы насколько возможно громче раздавался среди нравственной полночи и, возбуж-

дая, говорилъ бы: *се жемъ грядеть, исходите въ срътеніе его!* Но **такимъ** волею для большинства спящихъ непробуднымъ нравственнымъ сномъ будетъ, вѣроятно, та архангелова труба, которая возбудитъ даже мертвыхъ въ страшный день втораго пришествія Господня, но уже не для нравственнаго возстанія, а для осужденія, для роковаго приговора *не знаю васъ*.

Въ этомъ отношеніи нравственный сонъ нѣсколько отличается отъ обыкновеннаго сна. Послѣ послѣдняго, какъ бы онъ ни былъ крѣпокъ и продолжителенъ, мы все-таки просыпаемся. Но послѣ крѣпкаго и продолжительнаго нравственнаго сна, среди котораго главные дѣятели нравственной жизни, совѣсть и воля, доходятъ до совершеннаго извращенія и бездѣйствія, при исключительномъ, въ то же время, господствѣ надъ всѣми другими интересами растительно-органической жизни,—едва ли возможно пробужденіе. Для такого человѣка одна надежда — это все-оживляющая и чудодѣйствующая благодать Божія, которая непостижимыми путями можетъ и черное сдѣлать бѣлымъ, можетъ и нравственно-мертваго воскресить для новой жизни, какъ она воскресила напр. отъ такой жизни разбойника, висѣвшаго на крестѣ за одну только добрую мысль, мелькнувшую свѣтлымъ лучемъ въ его мрачной душѣ. Но во всякомъ случаѣ мы должны помнить, что *въ злоудожну душу, по слову писанія, не увидеть премудрость*.

Правда, нравственный сонъ, какъ и сонъ физическій, можетъ имѣть и дѣйствительно имѣть степени. Иногда человѣкъ только дремлетъ, иногда же спитъ; и сонъ бываетъ крѣпкій и не крѣпкій, такъ кто крѣпко-спящаго человѣка трудно бываетъ и разбудить, а некрѣпко спящій человѣкъ просыпается тотчасъ же отъ одного легкаго прикосновенія, или шороха. То же самое бываетъ съ человекомъ и въ отношеніи къ нравственному сну. Нѣкоторые только дремлютъ, другіе же спятъ болѣе или менѣе крѣпко. Нравственно-дремлющему достаточно иногда бы-

ваетъ одного чьего-либо простаго, но сердечнаго замѣчанія или случайнаго прочтенія одной какой-либо главы изъ Евангелія, чтобы воспрянуть отъ нравственной дремоты. Спящему же, хотя и некрѣпко, нужны другія болѣе сильныя возбужденія, каковыми и бываютъ тѣ бѣдствія и несчастія, которыя посѣщаютъ людей по соизволенію Божію для ихъ нравственной пользы. Наконецъ, крѣпко спящіе люди часто не удостоиваются отъ Бога даже и этихъ несчастій и испытаній, ибо и они безсильны возбудить ихъ отъ нравственнаго сна, и высятся они, яко кедръ ливанскіе, будучи, повидимому, счастливы въ земномъ смыслѣ и составляя предметъ зависти для другихъ подобныхъ людей. Но эти кедръ суть плевелы, которые съ наступленіемъ жатвы, соберутъ, свяжутъ въ снопы и сожгутъ (Мѡ. 13, 30).

Что же, нравственная дремота, значить, не опасна? Не думаемъ. Кто не хочетъ спать, тотъ не долженъ позволять себѣ и дремать, ибо дремота весьма легко переходитъ въ сонъ, и есть дверь ко сну. Это особенно и хорошо нужно помнить молодому поколѣнію. *Имѣяи уши слышати да слышатъ.* Къ несчастію и для людей и для христіанства эта дремота есть самое распространенное явленіе среди современныхъ намъ христіанъ, такъ что мы можемъ сказать вмѣстѣ со Христомъ: *воздремашася вся.* Но весьма много и спящихъ, даже крѣпко спящихъ. Но какъ опасенъ этотъ сонъ! *спящимъ же человекомъ,* говоритъ Христось, *прииде врагъ его, и всяя плевелы посреде пшеницы* (Мѡ. 13, 20). Вотъ почему столько зла среди современнаго намъ челоувѣчества. Другаго объясненія не можетъ быть.

Чтобы разогнать эту дремоту и сонъ и разбудить спящихъ, нужно часто и громко возглашать вмѣстѣ со Христомъ и ап. Павломъ: *бдите убо! Востани спяи, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христось* (Еф. 5, 14). Какой глубокой смыслъ въ этихъ столь наглядныхъ выраженіяхъ!

Итакъ смотрите, заключимъ мудрыми словами ап. Павла, „поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы. Не будьте неразумительны, но познавайте, что есть воля Божія“ (Еф. 5, 15—17).

Свящ. В. Гьбликовъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА XXXVI И ПОСЛѢДНЯЯ.

Послѣдній патріархъ Адріанъ. — Характеръ и дѣятельность царя Петра. — Отношенія его къ дѣламъ церковнымъ, къ духовенству Великороссійскому и Малорусскому и къ монашеству. — Монастырскій приказъ. — Святители: Ювъ новгородскій, св. Митрофанъ воронежскій, Стефанъ рязанскій, св. Дмитрій ростовскій, Филодей тобольскій, св. Иннокентій иркутскій, Теофанъ Прокоповичъ. — Взглядъ Петра на монастыри. — Положеніе монашества и блага духовенства. — Мѣры противъ раскола; дѣйствія Питирима. — Состояніе духовнаго просвѣщенія въ Кіевѣ и Москвѣ. — Церковные суды. — Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе св. Синода.

Преемникомъ просвѣщеннаго и ревностнаго первосвященителя Іоакима былъ митрополитъ казанскій Адріанъ, послѣдній въ числѣ десяти патріарховъ московскихъ и всея Россіи. При выборѣ патріарха, высшія власти указывали на Маркелла, митрополита псковскаго, человекъ ученаго и образованнаго *); низшее духовенство было противъ Маркелла и указывало на Адріана. Царь Петръ присталъ къ архіереямъ и хотѣлъ Маркелла, но царица Наталья

*) „Исторія Россіи“ проф. Соловьева XIV. 154. Маркеллъ, родомъ изъ южныхъ славянъ, служилъ прежде въ посольскомъ Приказѣ переводникомъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, польскаго и татарскаго языковъ; по постриженіи въ монашество, былъ въ патріаршемъ дворѣ судьей въ тиунской палатѣ; потомъ архимандритомъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря; въ 1680 году посвященъ въ санъ архіепископа Суздальскаго; 6 сентября 1682 г. назначенъ митрополитомъ въ Псковъ, а 8 сентября 1691 года переведенъ въ Казань. („Святѣишии древности Пскова“, стр. 15).

Кирилловна съ архимандритами, игуменами и низшимъ духовенствомъ стояла за Адріана. Врагамъ Маркелла не нравилась его обширная ученость и они говорили, что ученый патріархъ будетъ благопріятствовать иновѣрцамъ. Враги Маркелла пересилили, и Адріанъ былъ возведенъ на патріаршество *).

Новый патріархъ крѣпко стоялъ за старыя обычаи: онъ предавалъ анаѳемѣ брадобритіе **) и вооружался противъ употребленія табака столько же, какъ и противъ лжеумствованій лютеранскихъ ***). При немъ усилилось противодѣйствіе южно-русскому образованію; одинъ несчастный случай еще болѣе утвердилъ іерарховъ въ подозрительности къ западнымъ ученымъ ****).

*) Гордонъ II, 309—311.

**) Въ сильномъ посланіи противъ брадобритія, „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ“, патріархъ страшалъ русскихъ людей вопросомъ: „если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ: съ праведниками ли, украшенными бородою, или съ обритыми еретиками?“ Устряловъ III, 193.

***) Въ одной проповѣди, патр. Адріанъ жаловался на то, что многіе „отъ пинокъ табацныхъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ обжуродѣли. Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: ~~дѣ~~ чего это въ церкви такъ дѣлается? Нѣтъ въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ... Едва только св. книгамъ узнаетъ имя или складъ словесный, и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри править, устрояетъ чинъ церковный“. Патріархъ требовалъ, чтобы всѣ по старому учились у своихъ духовныхъ отцовъ.

****) При Адріанѣ попался въ отступничествѣ отъ православія одинъ московскій дьяконъ, Петръ Артемьевъ, который ѣздилъ учиться въ Венецію; этотъ болѣзненный и нервный человѣкъ попалъ тамъ въ руки іезуитовъ и былъ доведенъ ими до такого фанатизма, что по возвращеніи въ Россію, началъ горячо отстаивать и проповѣдывать свои латинскія убѣжденія даже съ церковной кафедры. Въ 1698 г. онъ былъ разстриженъ и сосланъ въ крѣпкое заточеніе на Соловки. Изъ допросовъ ему узнали, какъ русскіе ученые отрекались на Западѣ отъ православія, писали противъ него сочиненія на ученныя степени, какъ іезуитское воспитаніе приучало ихъ ко лжи, укрывательству своихъ убѣжденій, ложнымъ клятвамъ. Вслѣдствіе этого въ

Реакція противъ западнаго образованія коснулась самихъ Лихудовъ. Они преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, риторику, логику и физику. Всѣ эти науки излагались ими по схоластическому, но сглаженному методу; вмѣсто Аристотеля ученые греки выдвинули напередъ отцевъ Церкви, вмѣсто латыни—греческій языкъ. Но для возбужденія подозрѣній насчетъ ихъ православія теперь довольно было и того, что они съ греческимъ языкомъ не оставляли и латинскаго. Главнымъ обвинителемъ ихъ явился іерусалимскій патріархъ Досиѳей, который давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ кіевскихъ ученыхъ. Отправляясь въ Россію, Лихуды дали ему обѣщаніе учить москвичей только по-гречески. Узнавши, что они не сдержали своего обѣщанія, Досиѳей (1693 г.) отправилъ въ Москву три посланія—къ царямъ, патріарху и самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно осуждалъ преподаваніе въ академіи латыни; Лихудовъ укорялъ за то, будто они не занимаются своимъ дѣломъ, а забавляются около физики и философіи и не образовали ни одного учителя, и грозилъ имъ отлученіемъ. Ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи, предоставивъ имъ преподавать итальянскій языкъ на печатномъ дворѣ; но Досиѳей не былъ доволенъ и этимъ: онъ требовалъ, чтобы ихъ вовсе выгнали изъ Москвы, обвинялъ ихъ въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Тогда ихъ заточили въ костромской Ипатьевскій монастырь *).

Москвѣ не стали вѣрить заграничнымъ воспитанникамъ даже и въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства и просили присоединенія къ Церкви.

*) Впрочемъ Адрианъ, въ письмѣ къ Досиѳею, старался защищать Лихудовъ, ссылаясь на прежнія похвалы имъ самого Досиѳея. Досиѳей отвѣчалъ ему: „говорятъ, что я прежде хвалилъ ихъ (Лихудовъ), зачѣмъ же теперь порицаю ихъ? Но говорить такъ неблагоразумно. Христось Сердцевѣдецъ избралъ Іуду и сдѣлалъ его апостоломъ, какъ добраго, а когда онъ сталъ злымъ, отринулъ его. Такъ и намъ учителя показались на видъ смиренными, и мы думали, что у нихъ

ихъ въ академіи заняли ихъ ученики, при которыхъ латинскій языкъ уже совершенно былъ изгнанъ изъ академіи.

Все это происходило въ началѣ царствованія Петра, когда юный царь, сначала подъ опекою Софіи, потомъ подъ вліяніемъ матери, далеко несвободной отъ предразсудковъ старины *), наконецъ въ сопровительствѣ старшаго брата **), не пользовался полнотою самодержавной власти. Но освободившись отъ всѣхъ препонъ, связывавшихъ его руки, Петръ явился гениальнымъ преобразователемъ своего государства.

И прежніе цари изъ рода Романовыхъ предпринимали преобразованія, но по характеру своей церемоніальной, неподвижной, дворцовой жизни и своего, исключительно церковнаго образованія, они только могли писать грамоты изъ дворца, обличать нестроенія, выставлять новыя требованія на бумагѣ, направленныя не столько къ нововведеніямъ, сколько къ охраненію старыхъ обычаевъ при новыхъ порядкахъ. Новый царь явился человѣкомъ отрѣшеннымъ и отъ дворцоваго этикета, связывавшаго дѣятельность его предшественниковъ, и отъ древняго быта. Религіознаго воспитанія онъ не получилъ ни въ правилахъ кievской схоластики, ни въ духѣ великорусскаго древняго благочестія; отсюда готовность къ воспріятію новыхъ понятій въ религіозной сферѣ и свѣтскій характеръ его

сердце доброе, а они оказались послѣ злыми и лукавыми, и мы писали о ихъ злобѣ и лукавствѣ, которыя вы и сами видѣли; и не было нужды писать объ этомъ много грамотъ, но слѣдовало бы вамъ послѣ первой же грамоты сослать ихъ куда-нибудь дальше, чтобъ они не оставались въ Москвѣ и не писали, что имъ вздуается; они смиряться не умѣютъ и пишутъ сюда всякую ложь, отъ чего можетъ произойти зло“ (Ист. Моск. Академіи, С. К. Смирнова, стр. 70 и 71). Впрочемъ Лихуды были сосланы въ Кострому уже въ 1701 г. по кончинѣ патр. Адріана.

*) Царица Наталья Кирилловна такъ нещадѣла иностранцевъ, что никогда не допускала ихъ цѣловать ся руку.

***) Царь Іоаннъ „скорбный главою“, умеръ незамѣтно какъ жилъ, 29 января 1696 года.

реформы. Онъ учился безъ руководителей и даже безъ книгъ, на ходу, среди потѣхъ, и прежде всего, разумѣется, бросался на то, что его поражало очевидной пользой; его заняли не кievская элоквенція съ діалектикой, а корабли, пушки, крѣпостныя работы, ремесла,—то, чѣмъ Европа такъ возвышалась надъ Россією, для чего Россія толпами вызывала къ себѣ иностранцевъ, несмотря на свою религіозную замкнутость; это былъ уже не ученикъ риторики, какъ братъ его царь Феодоръ, а корабельный плотникъ, бомбардиръ, шкиперъ, человекъ совершенно реальнаго направленія. Это направленіе сблизило его съ Нѣмецкой слободой, безъ которой онъ не находилъ удовлетворенія своей любознательности. Для его предшественниковъ, для большинства русскихъ людей знаться съ еретиками было страшно; для Петра, не воспитаннаго въ старинныхъ понятіяхъ, этого страха не существовало, и онъ безъ всякаго стѣсненія протянулъ къ иноземцамъ свою руку, какъ къ друзьямъ и учителямъ.

Петръ выросъ въ гоненіи отъ родныхъ, Милославскихъ, царевнѣ-тетокъ и царевнѣ-сестеръ, подъ страшными впечатлѣніями стрѣлецкихъ бунтовъ, впечатлѣніями вѣчныхъ жалобъ матери, постоянно раздражаемый указапіями окружающихъ на отнятую у него власть, на его заброшенность въ Преображенскомъ, на торжество нелюбимой родни. Еще въ XVI вѣкѣ былъ у насъ царь, воспитанный подъ такими же впечатлѣніями; изъ него вышелъ Іоаннъ Грозный. Изъ Петра выработывался такой же грозный, съ такою же ревностію къ своей власти, съ болѣзненной ненавистью къ религіозному суевѣрію и религіозной исключительности. Но отъ кроваваго мучительства Іоаннова спасла его высокая задача, которую онъ поставилъ цѣлью всей своей жизни, и для которой трудился, напрягая всѣ силы духовныя и тѣлесныя, силы исполнскія въ сравненіи съ обыкновенными силами человѣческими *).

*) Здѣсь не мѣсто говорить о всѣхъ великихъ дѣлахъ Петра; мы

Задача его была образовать русскій народъ и посредствомъ образованія довести его до возможно-высшей степени политическаго могущества и экономическаго благосостоянія. Съ давнихъ поръ и донинѣ противъ Петра слышался упрекъ въ увлеченіи иноземцами, въ поклоненіи Западу, въ пренебреженіи русской народности. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого упрека. Россія въ ея идеальномъ видѣ была для Петра — все на землѣ; за нее онъ готовъ былъ жертвовать жизнью *). Западъ же для Петра былъ только орудіемъ, орудіемъ цѣли, пока цѣль еще не достигнута **).

Къ несчастію, еще въ началѣ Петръ встрѣтилъ страшные бунты мнимыхъ старовѣровъ, волненіе невѣжественныхъ массъ подъ личиною вѣры и во имя древняго православія, потомъ заговоръ на жизнь его и мятежное возстаніе стрѣльцовъ. На это возстаніе царь отвѣчаетъ страшнымъ стрѣлецкимъ розыскомъ съ пытками и жестокостями, какихъ исторія не видала со временъ Грознаго; это былъ актъ не правосудія, а ожесточенной ярости царя, который въ это время, по словамъ современниковъ, былъ какъ левъ рыкающій ***). Страшные застѣнки Пре-

постараемся ограничиться взглядомъ на отношенія его къ Церкви и духовенству, пользуясь съ благодарностію превосходною рѣчью г. профессора Кіев. Дух. Ак. Ф. А. Терновскаго (Труды Кіев. Дух. Акад. 1874 г. октябрь).

*) „А о Петрѣ вѣдайте, говорилъ онъ передъ Полтавскою битвою, что ему жизнь педорога: жила бы только Россія во славу и благоденствіе“.

***) „Европа, писалъ Петръ, нужна намъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ“.

***) Ярость царя не пощадилъ и его семейства: царевны Софья и Марѳа, мутившія стрѣльцовъ, и супруга царя Евдокія Лопухина, сержавшаяся старинной партіи, были пострижены, послѣдняя въ томъ самомъ Покровскомъ-Суздальскомъ монастырѣ, который принялъ нѣкогда въ свои стѣны другую невольную постриженницу, великую княгиню Соломонію, супругу Василя Іоанновича.

ображенскаго постоянно наполнялись новыми жертвами царскаго гнѣва; среди пытокъ и казней, орудіе крутой воли Петра, суровый князь-кесарь Ромодановскій непрестанно, по собственнымъ словамъ его, „кровьми омывался“. Такъ съ самаго начала Петровская реформа получила крутой и даже фанатическій характеръ, стала вводиться насильственными и жестокими средствами.

Но несмотря на ненависть къ суевѣрію, напрасно обвиняють Петра въ недостаткѣ вѣры. Въ виду громадности предстоящихъ работъ, Петръ считалъ первымъ долгомъ какъ для себя, такъ и для своихъ подданныхъ „безустанный трудъ“, физическій и умственный, ремесленный и военный. И въ этой любви къ труду мы видимъ первую черту религіознаго характера Петрова. „Молись и трудись“, говаривалъ онъ, а также: „аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ясть“. — „Мы, писалъ царь въ Голландіи патр. Адріану,—послѣдуя слову Божію, бывшему ко праотцу Адаму, въ потѣ лица трудимся“. — „Мы, писалъ царь въ другой разъ почти въ тѣхъже выраженіяхъ боярину Стрѣшневу,—по заповѣди Божіей къ праотцу Адаму, въ потѣ лица своего хлѣбъ ѣдимъ“. Какъ человѣкъ умный и много испытавшій, Петръ не могъ не замѣтить, что часто самыя усиленные труды ни къ чему не ведутъ, что для успѣха нужно еще что-то. Что же именно? „Благословеніе Божіе“, рѣшилъ Петръ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ себѣ. „Быть трудолюбивымъ и честнымъ, рассуждалъ Петръ, вотъ лучшая политика человѣка, власть имущаго; приносить она однакоже мало пользы, если не сопутствуетъ ей благословеніе Божіе“. Эта идея о волѣ Божіей, всѣмъ управляющей, о необходимости помощи Божіей, Божіяго благословенія для успѣшнаго труда проникаетъ всю общественную дѣятельность Петра и даетъ ей христіанскій отгѣнокъ. Обращеніе царя къ Промыслу Божію оживало съ особенною силою при радостныхъ или

торжественныхъ событіяхъ *). Воззваніе къ Промыслу Божію не было чуждо Петру и при неудачахъ **).

Въ трудныхъ для совѣсти случаяхъ, которые впрочемъ, при опредѣленности воззрѣній Петра, были у него очень рѣдки, онъ считалъ для себя непремѣннымъ долгомъ обращаться къ свѣту закона Божія и освѣщать имъ путь свой. Таково было дѣло царевича Алексѣя. Петръ призывалъ духовныхъ и свѣтскимъ сановниковъ принять участіе въ разбирательствѣ этого труднаго для его совѣсти дѣла ***).

Нельзя сказать, чтобы религіозное сознаніе, внушавшее Петру во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ благоговѣніе къ закону Божію, было всегда безошибочно. Строгость перевѣшивала въ немъ милосердіе, и, казня преступниковъ, Петръ почти всегда забывалъ изреченіе Апостола: „и хвалит-

*) По случаю взятія Азова царь писалъ Шереметеву: „письмо ваше о пресчастливой побѣдѣ съ превеликою радостью приняли, и Господу Богу сердечно благодарили; ибо таковыя случаи Ему единому приписывать достоинъ“. При извѣстіи о заключеніи мира со Шведами, царь писалъ: „николи наша Россія такого полезнаго мира не получала. Правда, долго ждали, да дождались. За все же да будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, вышу хвала“.

**) Послѣ неудачи на берегахъ Прута, Петръ писалъ въ Сенатъ: „Такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе допустили... По мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать“.

***) Духовнымъ лицамъ царь между прочимъ писалъ слѣдующее: „Хотя довольно власти надъ сыномъ, по божественнымъ и гражданскимъ правамъ, имѣю, однакожь боюсь Бога, дабы не погрѣшить. Ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи, хотябъ и всѣхъ искусье который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лечить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося леченія оной, бояся вѣчныя смерти. Да взыщете и покажете отъ св. писанія истинное наставленіе и разсужденіе..., дабы мы, изъ того усмотри, неотягченную совѣсть въ семь дѣлъ имѣли“. Свѣтскимъ лицамъ увѣщаніе отъ царя было въ томъ же родѣ: „Не флаттируя, сирѣчь похлебствуя мнѣ и не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобы совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія“.

ся милость на судъ“. Въ этомъ отношеніи любопытна одна сцена изъ эпохи стрѣлецкихъ казней. Патріархъ Адріанъ, вспомнивъ старинную обязанность святителей печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери и молилъ царя о пощадѣ преступникамъ. „Зачѣмъ ты здѣсь?—вскричалъ Петръ, развѣ тебя зоветъ сюда твоя обязанность? Скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто: знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долгъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей гибели“.—„И думаю, сказалъ даже царь, что для Бога нѣтъ болѣе пріятной жертвы, какъ кровь беззаконниковъ“. Но въ другомъ, подобномъ случаѣ, Петръ поступилъ иначе: когда онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ для казни стрѣльцевъ, и преступники уже были подведены къ плахѣ, вдругъ изъ толпы народа бросается къ ногамъ раздраженнаго государя игуменья Смоленскаго дѣвичьяго монастыря Марѳа, съ громкимъ воплемъ о помилованіи. Это неожиданное зрѣлище такъ поразило царя, что онъ подаль знакъ остановить казнь и вскорѣ милость восторжествовала надъ справедливымъ гнѣвомъ: Петръ восчувствовалъ сладость прощенія, и въ благодарность Марѳѣ, приказалъ, чтобъ она требовала отъ него, чего пожелаетъ, что онъ все готовъ исполнить. Тогда благочестивая старица просила построить въ обители ея каменную церковь, вмѣсто деревянной, и просьба ея была исполнена *).

Какъ человѣкъ искренно вѣрующій, Петръ естественно долженъ былъ молиться. Къ внѣшнему богопочтенію Петръ относился довольно свободно. По праздникамъ Петръ ходилъ въ церковь, при чемъ по живости характера, любилъ принимать участіе въ богослуженіи: пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостоль, но богомольемъ особеннымъ не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долги земные поклоны, возжиганіе многихъ свѣчъ предъ

*) Отеч. Записки Свиньина № 76. (Августъ 1826) стр. 271 и 272.

образами, любовь къ доброшумнымъ колоколамъ и проч. были не въ духѣ царя. Тѣмъ не менѣе были въ многотрудной жизни Петра такія минуты, когда онъ молился съ полною горячностію и искренностію. Такъ послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, приставъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря, Петръ съ усердною благодарственною молитвою поставилъ крестъ въ память о своемъ чудесномъ спасеніи. Такъ на поляхъ Полтавскихъ надъ могилою убитыхъ воиновъ Петръ, конечно волнуемый самыми сильными и разнообразными молитвенными ощущеніями, водрузилъ собственноручно крестъ съ надписью: „вонны благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709“. Такъ, во время пребыванія въ Карлсбадѣ, Петръ часто удалялся на близъ лежащую гору для уединенныхъ молитвъ. И доселѣ деревянный крестъ обозначаетъ тамъ мѣсто царской молитвы.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, въ видахъ осмѣянія суевѣрій и старыхъ обычаевъ, позволялъ себѣ грубыя и кощунственныя забавы *), соблазнявшія вѣрующихъ людей. Брадобритіе, нѣмецкое платье, празднованіе Новаго года 1 января (вмѣсто 1 сентября) и другія нововведенія, возстановляли читателей старины противъ царя преобразователя. А преслѣдуемые Петромъ изувѣры раскольники принимали его за антихриста.

Патріархъ Адріанъ сначала было рѣзко высказался въ старомъ духѣ противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній, но скоро долженъ былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно

*) Таково напр. учрежденіе „всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора“, во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывший учитель царя, съ титуломъ Іоаникита, патріарха презбургскаго, яузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ разныя должности—эклезіарховъ, діаконовъ и проч.; самъ царь принялъ на себя должность протодіакона. Кромѣ того былъ еще князь-папа, съ своей коллегіей кардиналовъ, и князь-игумень.

въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ *). Патріархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе первосвятителя было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Петръ видѣлъ въ патріархѣ живое нравственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было какихъ-нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи Адріана, достаточно было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде; теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить опять, и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно, могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ во времена патріарха Никона. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался и возникъ трудный вопросъ о назначеніи ему преемника. Гдѣ было найти человѣка, сочувствующаго реформамъ, когда между духовными лицами трудно было выбрать даже такого патріарха, который давалъ право надѣяться на одно только безмолвіе съ своей стороны? Петръ рѣшился повременить избраніемъ патріарха. Управление Церковію на время поручено было „мѣстоблюстителю патріаршаго престола“. Съ этого времени идетъ непрерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ Русской Церкви.

Патріаршій домъ, дома архіерейскіе и монастырскія дѣла повелѣно вѣдать боярину Ив. Алекс. Мусину-Пушкину: „сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ и писать монастырскимъ приказомъ“. Велѣно переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе; сколько монаховъ и монахинь переписчики застанутъ въ какихъ монастыряхъ, тѣмъ и оставаться въ своихъ монастыряхъ неисходно. Монахи въ кельяхъ наединѣ не должны ничего писать, чернилъ и бумаги не держать, писать должны въ трапезѣ, въ опре-

*) Въ народѣ говорили: „какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, беретъ маѣн да клобука бѣлаго, за тѣмъ и не обличаетъ“.

дѣленномъ мѣстѣ, съ позволенія начальника, по преданію древнихъ отецъ. Ни въ мужескихъ, ни въ женскихъ монастыряхъ нельзя было никого постричь вновь безъ царскаго указа. Эти распоряженія объяснялись цѣлымъ рядомъ жалобъ предшествовавшаго времени на ослабленіе нравственности въ монастыряхъ, на кочевую жизнь монаховъ и монахинь, производящихъ соблазнъ своимъ поведеніемъ. Затѣмъ послѣдовала хозяйственная реформа: въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ велѣно дать новый торгъ на всѣ оброчныя статьи, которыя отданы были на оброкъ до урочныхъ лѣтъ, и если новые откупщики станутъ давать больше старыхъ, то имъ и отдавать статьи, не дожидаясь истеченія урочныхъ лѣтъ для прежнихъ откупщиковъ. Посельскіе старцы въ вотчинахъ оставлены; вмѣсто нихъ опредѣлены приказчики изъ мірянъ. Наконецъ знаменитый указъ 1701 года опредѣлилъ назначить монашествующимъ опредѣленное (весьма ограниченное) количество денегъ и хлѣба, а затѣмъ всѣ остатки назначены на пропитаніе нищихъ въ богадѣльни и въ бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ.

Понятно, что такія распоряженія не могли не быть непріятными для высшаго духовенства. Можетъ быть въ этомъ заключалась одна изъ сильнѣйшихъ причинъ, почему Петръ встрѣчалъ въ немъ постоянное противодѣйствіе всѣмъ своимъ преобразованіямъ, особенно въ духовенствѣ великорусскомъ, какъ болѣе обиженномъ притѣсненіями Монастырскаго приказа, и не имѣвшемъ достаточнаго для цѣлей реформы образованія. Въ этомъ сопротивленіи видамъ Петра, доходившемъ иногда до преступленія, оказывались виновными не только священники и монахи, но даже и архіереи *). Большая часть іерарховъ велико-

*) Такъ по дѣлу царевича и царицы пострадалъ духовникъ ихъ Яковъ Игнатьевъ и Феодоръ Пустынникъ (оба казнены), многіе монахи и монахини. Доспоей, епископъ ростовскій (по разстриженіи Демидъ Глѣбовъ) за пророчество о скорой смерти царя, и за лож-

русскаго происхожденія подражала безмолвію патріарха; весьма немногіе выражали дѣлами свое сочувствіе Петру, какъ Аеопасій холмогорскій и Тихонъ казанскій. Первый былъ лично извѣстенъ царю своимъ образованіемъ и ласковымъ обращеніемъ съ иностранцами, которые пріѣзжали къ архангельскому порту; послѣдній доставлялъ значительныя пожертвованія на содержаніе войска.

Въ особенноти пользовались уваженіемъ царя Петра два современныхъ ему святителя: Іовъ, митрополитъ новгородскій, и св. Митрофанъ, первый епископъ воронежскій.

Іовъ, постриженникъ и въ послѣдствіи архимандритъ Сергіевой лавры, митрополитъ новгородскій съ 1697 года, завелъ въ своей епархіи училища для образованія достойныхъ священниковъ. Главными сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ были греки братья Іоанникій и Софроній Лихуды, заточенные, какъ мы уже видѣли, въ костромской Ипатіевскій монастырь. Іовъ выпросилъ ихъ у царя Петра и, съ помощію ихъ, въ 1706 г. учредилъ при домѣ своемъ два училища греко-латинское и словенское. Для помѣщенія ихъ онъ построилъ, подлѣ своего архіерейскаго дома, обширное двухъ-этажное зданіе, до сихъ поръ извѣстное подъ именемъ „Лихудіевскаго училища“. Въ шесть лѣтъ они довели своихъ учениковъ до реторики и логики, обучивъ ихъ сверхъ того греческому и латинскому языкамъ. Черезъ учениковъ, получившихъ образованіе въ этихъ училищахъ, митрополитъ завелъ потомъ до четырнадцати русскихъ школъ по уѣзднымъ городамъ и монастырямъ обширной своей епархіи.

Кромѣ занятій по училищу, Лихуды трудились въ со-

пня видѣнія, которыми онъ дѣйствовалъ на царицу Евдокію, колесованъ. Лишены сана: Исаія митрополитъ нижегородскій за то, что потворствовалъ раскольникамъ и видѣлъ въ ниведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и Игнатій епископъ тамбовскій, который давалъ деньги кнгописцу Талицкому и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ—антихристъ.

чиненіи и въ переводѣ книгъ съ греческаго и латинскаго на русскій языкъ. Для пособія имъ митрополитъ Іовъ вызвалъ изъ Москвы нѣкоторыхъ прежнихъ учениковъ ихъ (іеродіакона Каріона Истомина, Николая Семенова и другихъ) и такимъ образомъ учредилъ при своемъ домѣ „общество переводчиковъ“ *). Кромѣ этихъ учреждений, клонившихся къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, митрополитъ Іовъ достопамятенъ еще другими, дѣлающими честь его человѣколюбію. Онъ, съ 1706 г., на иждивеніе своихъ вотчинныхъ доходовъ, завелъ въ Новгородѣ три больницы, страннопримницу и домъ для незаконнорожденныхъ и подкидышей. Этотъ воспитательный домъ былъ устроенъ въ приписномъ къ архіерейской каѳедрѣ упраздненномъ монастырѣ Колмовѣ на берегу Волхова, близъ Новгорода. Іовъ живалъ здѣсь лѣтомъ и самъ наблюдалъ за своими „найденышками“. Государь, узнавъ объ этихъ человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ, въ 1712 и 1713 гг., повелѣлъ на содержаніе ихъ приписать къ новгородскому архіерейскому дому половину монастырскихъ вотчинъ въ Олонецкомъ уѣздѣ и Галилейскую пустынь въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Деревской пятинѣ, бывшую до того времени за Воскресенскимъ монастыремъ; въ 1714 году обратилъ въ воспитательный домъ для приѣма несчастно-рожденныхъ и всякихъ младенцевъ богадѣльню сестры своей, царевны Наталіи **). Достигнувъ глубокой старости, Іовъ нѣсколько разъ просился на покой въ

*) Изъ сочиненій, составленныхъ Лихудами въ Новгородѣ, извѣстны: 1) обличеніе ересямъ Лютера и Кальвина; 2) противъ гаждалей Библии; 3) слово о Софіи—Премудрости Божіей, соч. 1708 г. (Рук. Румян. Муз. № 241); 4) похвальное слово св. Варлааму Хутынскому и житіе преподобнаго (Рук. Хутынск. монастыря). Кромѣ того переведены съ греческаго и исправлены канонъ и стихиры Софіи Премудрости Божіей.

***) Голицы, изд. 2-е, т. V, стр. 226. Въ 1715 году царь повелѣлъ указомъ во всѣхъ городахъ имперіи, у церкви при оградахъ, сдѣлать госпитали, „по примѣру учрежденныхъ въ Новгородѣ Іовомъ митрополитомъ“.

Троицкій монастырь, въ которомъ принялъ постриженіе, или въ Колмовъ, гдѣ завелъ воспитательный домъ для подкинутыхъ младенцевъ; но государь удерживалъ полезнаго дѣятеля на его мѣстѣ. Досточтимый святитель скончался 3 февраля 1716 года *).

Св. Митрофанъ знаменитъ не школьною ученостію, но святостію жизни и содѣйствіемъ Петру въ усердномъ радѣніи о благѣ родной земли.

Михаиль (мірское имя св. Митрофана) происходилъ изъ духовнаго званія и провелъ большую часть жизни въ быту семейномъ. Овдовѣвъ **), онъ на 40 году постригся въ Золотниковской обители, недалеко отъ Суздаля. Тамъ же и послѣ въ Макарьевомъ Унженскомъ монастырѣ былъ онъ настоятелемъ.

Въ 1682 г., когда нужно было избрать перваго епископа воронежскаго, царь Θεодоръ, благоговѣвшій къ препод. Макарію, избралъ „ученика и намѣстника его, игумена Митрофана, мужа истинно праведнаго и святаго“, какъ говоритъ современная монастырская записка ***). Новая епархія, въ томъ числѣ и воронежская, открыты были тогда съ тою цѣлю, чтобы ближайшій надзоръ святителей могъ во время видѣть замыслы лжеучителей, принимать мѣры для противодѣйствія расколу. Митрофанъ посвященъ въ епископа воронежскаго 2 апрѣля 1682 г. патриархомъ Іоакимомъ съ 16 архипастырями. Здѣсь же въ Москвѣ пришлось ему убѣдиться въ значеніи раскола для

*) Митр. Іовъ ревностно и съ успѣхомъ подвизался противъ раскола. Послѣ него остались сочиненія: противъ раскольниковъ о рожденіи антихриста; письмо къ Черкашеву о крещеніи (у Толстаго, IV, № 59); три книги писемъ его въ новгородской софійской библ.; духовное завѣщаніе его (въ III ч. Описанія Соловец. мон. стр. 257—263). При немъ составлена третья новгородская лѣтопись, лѣтопись преимущественно о храмахъ (Собр. лѣт. III, 205—279).

***) Въ одномъ изъ писемъ своихъ святитель упоминаетъ о сынѣ своемъ Иванѣ Михайловичѣ, служившемъ въ званіи подъячаго.

****) Описаніе Макаріева Унженскаго монастыря стр. 17 и 21.

Церкви и государства: онъ былъ свидѣтелемъ кроваваго неистовства стрѣльцовъ противъ ненавистныхъ имъ бояръ, и буйства Никиты Пустосвята съ его шайкой въ Грановитой Палатѣ. Нельзя было не удержатъ до гроба въ душѣ этихъ страшныхъ сценъ. И святитель Митрофанъ до гроба былъ столько же твердымъ обличителемъ своевольнѣ невѣжественнаго раскола, сколько ревностнымъ попечителемъ о благѣ государственномъ.

Проникнутый духомъ ученія Христова, святитель былъ искреннимъ чителемъ власти царской и усерднымъ попечителемъ о благѣ православнаго царства. Царь Петръ Великій готовился тогда къ войнѣ съ магометанскимъ царствомъ и для осады Азова съ моря строилъ на воронежской верфи корабли разныхъ размѣровъ. Святитель Божій старался помогать царю и молитвою и словомъ увѣщанія. Онъ объяснялъ при каждомъ случаѣ, какъ благодѣтельны намѣренія государя для Церкви и отечества, столько лѣтъ страждущихъ отъ дикаго магометанства. Когда же строеніе кораблей встрѣтило себѣ затрудненіе, вопреки стараніямъ царя, въ недостаткѣ денегъ, святитель успѣшилъ отвратить это препятствіе. Собравъ всѣ деньги, какія были у него при каюедрѣ, онъ принесъ ихъ государю и сказалъ: „всякій сынъ отечества долженъ отъ своего достатка помогать нуждѣ государственной; прими же, государь, отъ моихъ издержекъ оставшіяся деньги и употреби ихъ противъ невѣрныхъ“. Тронутый Петръ принялъ это пособіе изъ рукъ святителя, какъ залогъ благоволенія Божія къ его предпріятію. И въ послѣдующее время св. Митрофанъ жертвовалъ достояніе свое на нужды государства. Во время шведской войны расходы военные истощали казну до крайности. Въ 1700 г. св. Митрофанъ послалъ отъ себя 4000 руб. на остановившееся строеніе кораблей въ воронежскомъ адмиралтействѣ. Въ слѣдующемъ году онъ пожертвовалъ 3000 руб. на жалованье воинамъ.

Съ своей стороны, царь-преобразователь глубоко чтилъ

и любилъ св. Митрофана: не уступая никогда никому и ни для чего изъ своихъ нововведеній, онъ сдѣлалъ однажды уступку только для святителя воронежскаго, по слѣдующему случаю: человѣкъ Божій, благоговѣя къ помазаннику Божию, твердо хранилъ въ душѣ, что св. воля Божія выше всего и что спасеніе душъ христіанскихъ, врученныхъ сею волею христіанскому пастырю, должно быть предметомъ ревности пастырской, и не боялся говорить правду царю, въ виду опасностей грознаго царскаго гнѣва. Петръ проживалъ по нѣскольку недѣль въ Воронежѣ для надзора за постройкою военнаго флота. Вблизи адмиралтейства стоялъ дворецъ его. По обычаю иноземному, зданіе царское было украшено изваяніями языческихъ боговъ. Разъ царь пригласилъ къ себѣ святителя. Старецъ перешелъ уже мостъ и вступилъ на островъ р. Воронежа, гдѣ находилось адмиралтейство, какъ взоръ его встрѣтилъ изваянія языческія у воротъ дворца. Цѣломудренный взоръ святителя оскорбился и благоговѣніе его къ христіанству, замѣняемому здѣсь памятниками язычества, возмущилось. Святитель не пошелъ далѣе, а воротился въ свои кельи. Государь, которому сказали, что архіерей былъ у дворца и ушелъ, оскорбился поступкомъ архипастыря и послалъ опять звать его къ себѣ. Святитель отвѣчалъ посланному: „пока государь не повелитъ низвергнуть идоловъ, которые соблазняютъ народъ, не могу явиться во дворецъ предъ царскія очи“. Услышавъ столь рѣшительный отвѣтъ, Петръ пришелъ въ негодованіе. Какъ смѣетъ онъ не слушаться царской власти? говорилъ гнѣвный Петръ. Царь послалъ сказать, что если не явится сейчасъ же, какъ преступникъ царской воли, подвергнется казни. „Жизнь моя во власти царя, отвѣчалъ святитель посланному: но для меня лучше умереть, чѣмъ нарушить долгъ святительскаго сана моего. Лучше умереть, чѣмъ присутствіемъ своимъ или боязливымъ молчаніемъ одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить языческіе болваны и тѣмъ

соблазнять простыя сердца народа“. Гнѣвъ Петра между тѣмъ нѣсколько остылъ и когда передали ему слова святителя, онъ терпѣливо выслушалъ ихъ. Съ своей стороны свят. Митрофанъ, хорошо зная строгость Петра, спѣшили приготовить душу свою къ вѣчности. Онъ распорядился, чтобы благовѣстили ко всеобщему бдѣнію въ большой колоколь. Государь, услышавъ благовѣсть, спросилъ: „что за праздникъ завтра?“ Ему отвѣчали, что нѣтъ никакого. Онъ послалъ спросить о причинѣ благовѣста къ архіерсею. Святитель отвѣчалъ посланному: „мнѣ, какъ преступнику, словомъ царскимъ, назначена смерть; готовясь къ смерти, хочу я совершить соборное моленіе съ церковію о прощеніи грѣховъ моихъ, чтобы Господь явилъ надо мною милость Свою“. Петръ изумился рѣшимости святителя умереть по ревности къ дѣлу Божию. Онъ немедленно послалъ успокоить его милостивымъ словомъ своимъ и просилъ не тревожить народа необычнымъ звономъ. Затѣмъ не медля велѣлъ снять статуи, оскорбившія пастыря. Услышавъ о послѣднемъ, святитель на другой день пришелъ къ царю и смиренно благодарилъ его за уничтоженіе изваяній, соблазнительныхъ для народа. Такъ пастырь Божій совершилъ исповѣдническій подвигъ. Государь видѣлъ по этому опыту величіе духа въ святителѣ и еще болѣе, чѣмъ прежде, сталъ уважать его. Святитель Митрофанъ и во всякое другое время близко къ душѣ держалъ мысль о смерти. Доказательствомъ тому служить синодикъ его, въ которомъ видимъ, какъ любвеобильное сердце святителя обнимало и овецъ паствы своей и людей вѣрно служившихъ отчизнѣ православною *).

Домъ его былъ отдохомъ для всѣхъ утомленныхъ жизнію, въ немъ находили помощь себѣ всѣ бѣдные, вдовы и

*) Въ синодикѣ святителя поминаются войны изъ полку боярина Алексѣя Семеновича Шенна, скончавшіеся на пути къ Азову и убитые подъ стѣнами сего города, также войны изъ полку боярина Бориса Петровича Шереметева, убиенные въ сраженіи и умершіе въ плѣну.

сирые. Онъ былъ простъ въ обхожденіи: къ нему открытъ былъ доступъ для каждаго, богатаго и бѣднаго, знатнаго и безызвѣстнаго.

Двадцать лѣтъ св. Митрофанъ управлялъ воронежскою паствою, достигъ глубокой старости и мирно преставился 23 ноября 1703 года *). По волѣ Божіей случилось, что въ тотъ самый день прибылъ въ Воронежъ государь. По обычаю своему поспѣшилъ онъ посѣтить добраго архипастыря, но уже засталъ его при послѣднемъ издыханіи; царь поцѣловалъ его руку и остался ждать кончины, которая не замедлила. Государь самъ закрылъ глаза его и велѣлъ приготовить все нужное для погребенія почетнаго. Когда священники подошли, чтобы поднять тѣло для выноса, государь, обратясь къ чинамъ морскимъ, сказалъ: „намъ стыдно будетъ, если не засвидѣтельствуемъ признательности нашей сему благодѣтельному пастырю отдавшемъ послѣдней почести; мы сами вынесемъ тѣло его“. И съ этими словами государь поднялъ гробъ святителя и съ старшими военачальниками понесъ въ соборъ; потомъ самъ же неся тѣло въ усыпальницу и опустилъ въ могилу. „Не осталось у меня такого святаго старца,—буди ему вѣчная память!“ сказалъ царь благодарный **).

Графъ М. Толстой.

(Окончаніе главы въ слѣдующей книжкѣ).

*) Предчувствуя близкое ишествіе изъ міра земнаго, приготовилъ онъ духовное завѣщаніе, весьма поучительное и назидательное. Оно напечатано при Описаніи житія и чудесъ святителя.

***) Нетлѣніе мощей святителя Митрофана извѣстно было со времени перенесенія ихъ въ другой храмъ, при многократныхъ поправкахъ въ соборъ, гдѣ они были погребены. Многочисленныя чудеса исцѣленія притекающихъ съ вѣрою ко гробу угодника Божія побудили къ освидѣтельствуванію мощей. Наконецъ, 7 августа 1837 года, св. мощи новопрославленнаго святителя Христова были открыты и повелѣно праздновать повсемѣстно память св. Митрофана въ день его преставленія.

БЛАГОДАРНОЕ ИСПОВѢДАНІЕ МИЛОСТИ БОЖІЕЙ.

Недавно одинъ изъ севастопольцевъ, и понынѣ находящійся на службѣ, въ откровенной бесѣдѣ разсказалъ намъ о себѣ слѣдующее:

„Въ 1854 году, отправляясь въ походъ, я получилъ отъ почившаго въ Бозѣ святителя московскаго Филарета въ благословеніе небольшую икону преподобнаго Сергія. Какъ и всѣ военные, въ виду смерти я всего менѣе думалъ о смерти, и потому нисколько не безпокоился о томъ, что быть можетъ не нынѣ, такъ завтра вражья пуля пошлетъ меня въ иной міръ, т.-е. продолжалъ вести разсѣянную жизнь. Тѣмъ не менѣе благословеніе покойнаго митрополита я всегда имѣлъ у себя на груди, выходилъ ли на поле брани, или игралъ въ вистъ въ кругу веселыхъ товарищей. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ одинъ докторъ нѣмецъ. Случалось, что когда становилось жарко въ палаткѣ, и я разстегивалъ мундиръ или сюртукъ, то святая икона показывалась изъ-за пазухи, и это давало поводъ нѣмцу-лютеранину трунить падо мною и вообще надъ русскими, будто мы вѣримъ *талисманамъ*.

Во время сраженія на Черной рѣчкѣ, 24 октября 1854 года, бригада, въ которой я служилъ, попала подъ самый сильный перекрестный огонь непріятели, и въ самое короткое время была почти вся истреблена. Я былъ раненъ въ ногу и сильно контуженъ въ голову. Хотя солдаты и перенесли меня черезъ рѣчку, но тутъ, въ общемъ смятеніи, я былъ забытъ и лежалъ въ общей кучѣ съ убитыми. Изнемогая отъ потери крови и чувствуя приближеніе смерти, я мысленно обратился съ горячею молитвою къ

преподобному Сергію, прося его помощи и давая обѣтъ измѣнить свою жизнь къ лучшему. Въ это самое время я вижу какого-то всадника, который приказываетъ отдѣлить меня отъ убитыхъ; это, какъ потомъ я узналъ, былъ генераль, который, считая меня умершимъ, велѣлъ отдѣлить отъ прочихъ для того, чтобы, какъ офицера, предать погребенію съ офицерами *). Между тѣмъ я потерялъ сознание, а когда пришелъ въ чувство, то увидѣлъ себя на перевязочномъ пунктѣ; около меня хлопоталъ полякъ фельдшеръ, который, не задолго предъ симъ сдѣлать попытку бѣжать къ непріятелямъ, но былъ пойманъ казаками и только благодаря моей просьбѣ не былъ представленъ ими начальству и избавился отъ разстрѣліянія. И потомъ узналъ, что тотъ самый нѣмецъ-докторъ, который трунилъ надо мною изъ-за иконы, проѣзжая мимо телѣги, нагруженной тѣлами, гдѣ находился и я, узналъ меня по знакомой ему иконѣ, и изъ состраданія послалъ ко мнѣ упомянутаго фельдшера, который своими усердными стараніями и привелъ меня въ чувство. Пусть, кто хочетъ, считаетъ все, что я рассказалъ, случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но я убѣжденъ, что все это было дѣломъ милосердія Божія ко мнѣ грѣшному по молитвенному ходатайству преподобнаго Сергія, — заключилъ почтенный рассказчикъ.

Хотя это слышали мы и въ частной бесѣдѣ, однако столь явное дѣло промысла Божія считаемъ долгомъ повѣдать печатно, во славу Божію и къ прославленію великаго угодника Божія богоноснаго Сергія, по сказаному въ Писаніи: „тайну цареву хранить добро, дѣла же Божія открывать славно есть“ (Гов. 12, 7). Какъ жаль, что много такихъ случаевъ остается въ безвѣстности, тогда какъ повѣствованіе о нихъ могло бы послужить къ подкрѣп-

*) Убитыхъ солдатъ хоронили въ такъ-называемыхъ *Братскихъ* могилахъ, а офицеровъ—сначала на Мекензiевой горѣ, а потомъ на сѣверной сторонѣ.

ленію вѣры въ сердцахъ вѣрующихъ, а кто знаетъ? иной и невѣрующей, но еще не потерявшій способности безпристрастно и добросовѣстно относиться къ подобнымъ явленіямъ, задумался бы надъ ними къ своему душевному благу.

А. Леонидъ.

Новый Іерусалимъ,
февраль 1875 г.

ПРИВѢТСТВІЕ БЫВШЕМУ ЛЮТЕРАНИНУ, ПО СОВЕРШЕНИИ НАДЪ НИМЪ ЧИНА ПРИСОЕДИНЕНІЯ КЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Привѣтствую тебя, боголюбезный собратъ, съ присоединеніемъ къ православной Церкви. Благодарю Господа, сподобившаго тебя узрѣть свѣтъ истины и вступить въ союзъ съ тою Церковію, которая по всѣмъ признакамъ есть единая истинная, которая въ полномъ смыслѣ есть святая, соборная (каѳолическая) и апостольская Церковь. Ты самъ изъ предварительныхъ огласительныхъ бесѣдъ съ тобою убѣдился, что въ ней, и только въ ней, содержится полнота истины и благодати. Она обладаетъ всею полнотою истины, потому что въ ученіи о ней руководствуется не одною буквою Писанія, но вмѣстѣ свидѣтельствами живаго апостольскаго преданія, какія сохранились въ древнѣйшихъ символахъ вѣры, въ писаніяхъ богомудрыхъ отцевъ и учителей ея, въ правилахъ вселенскихъ и областныхъ соборовъ, въ богослужебной практикѣ, дошедшей до насъ отъ временъ апостольскихъ. Она обладаетъ всею полнотою благодати, потому что въ ея распоряженіи не одно, не два, а всѣ богоустановленныя семь таинствъ, служащихъ проводниками многообразныхъ даровъ благодати соотвѣтственно многообразнымъ потребностямъ вѣрующихъ. И благодать, въ нихъ сообщаемая, не есть что-нибудь только воображаемое, а дѣйствительно, живая сила Божія, дѣйствующая къ нашему освященію и спасенію,—потому что совершителями нашихъ таинствъ являются лица, имѣющія власть совершать ихъ по благодати рукоположенія, идущей преемственно отъ самихъ апостоловъ. Въ томъ религіозномъ обществѣ, къ которому ты доселѣ принадлежалъ, нѣтъ этой полноты благодати, потому что оно

принимаетъ только два таинства, да и тѣ священнодѣйствуются лицами, не получившими благодати священства, а одно изъ нихъ (Евхаристія) даже само по себѣ не имѣетъ силы таинства, по превратному ученію о немъ. Помни также, боголюбезный собратъ, что, ставъ сыномъ православной Церкви, ты вступишь въ благодатное общеніе не только съ живущими членами ея, но и съ отшедшими. Это общеніе выражается въ нашихъ молитвахъ къ святымъ, прославленнымъ на небесахъ и содѣйствующимъ нашему спасенію многообразною духовною помощію по данной имъ благодати,—и въ нашихъ молитвахъ за умершихъ въ вѣрѣ и покаяніи отцевъ и братій нашихъ. Никто отселѣ не возбранитъ, никто не запретитъ тебѣ этого общенія, какъ возбраняютъ и запрещаютъ учителя лютеранскаго исповѣданія. Да и какъ возбранять то, что составляетъ сердечную потребность каждаго? Какъ запрещать намъ то, что внушаетъ намъ христіанская любовь къ ближнимъ, которая не прерывается смертію ихъ?—Итакъ, повторяю, благодари отъ всей души Господа, сподобившаго тебя вступить въ лоно православной Церкви, и благодарность свою проявляй въ послушаніи ей. Говорятъ про новообращенныхъ, что они, обыкновенно, гораздо усерднѣе слѣдуютъ ученію и правиламъ добровольно принятаго имъ вѣроисповѣданія, чѣмъ родившіеся и воспитавшіеся въ немъ. Если такое дѣйствіе производятъ на новообращенныхъ вѣроисповѣданія, не имѣющія всѣхъ признаковъ истины, то не преимущественно ли должно ожидать этого отъ тебя, принявшаго добровольно и по убѣжденію вѣру, единую истинную? Мы надѣемся, что строго-православнымъ образомъ мыслей и жизни, ты, по слову Христа Спасителя, будешь свѣтомъ и намъ, отъ рожденія православнымъ, и располагать всѣхъ, зрящихъ на твой добрый примѣръ, къ прославленію Отца небеснаго.—Теперь, возлюбленный, вступи въ молитвенное общеніе съ нами, твоими новыми братьями по вѣрѣ,—въ литургіи, имѣющей сейчасъ начаться, и приготовься къ благоговѣйному пріятію величайшей святыни, къ прискромному соединенію со Христомъ въ таинствѣ тѣла и крови Его, чего доселѣ ты былъ лишень.

Прот. В. Нечаевъ.

ПОГРѢШНОСТИ. Въ февральской книжкѣ, въ статьѣ о вечернѣ, стран. 207, строк. 20, напечатано: *на измѣненія*. Слѣдуетъ читать: *измѣненія*.—Въ той же книжкѣ, въ словѣ на погребеніе, стран. 274, строка 2-ая напечатано: *дѣлаться добрымъ*. Слѣдуетъ читать: *дѣлаться добромъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1875 Г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ и АПРѢЛЬ,

1. Толкованіе посланія къ Галатамъ	3—30	135—162
	279—296	399—422
2. Монофизитство и IV Вселенскій соборъ.		31—53
	297—318	422—443
3. Хлѣбъ насущный		54—66
4. Не земной мудрости осчастливить человѣчество.		66—69
5. Въ правѣ ли нашъ XIX вѣкъ называть себя просвѣщенѣйшимъ предъ прежними вѣками.		69—72
6. О чинѣ вечерни. Публичныя чтенія.	73—103	192—221
7. Общественная благотворительность.		104—108
8. Къ свѣдѣнію единовѣрцамъ.		108—114
9. Рѣчь при врученіи посоха новопосвященной игуменіи.		115—118
10. Церковь и расколъ.		118—127
11. Резолюціи моск. митрополита Филарета.	128—134	275—278 398
12. О таинствѣ брака. (<i>Въ приложеніи</i>).		1—16
	17—32	33—48
13. О замерзаніи воды въ связи съ ученіемъ о конечныхъ причинахъ.		163—181
14. Пересуды. Три поученія къ сельскимъ прихожанамъ.		181—191
15. Іоаннъ затворникъ Сезеновскій		222—264
16. О дворянскихъ выборахъ.		265—267
17. О помощи безземельнымъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ		268—274
18. Поученіе о святомъ причащеніи		318—323
19. Поученіе противъ уклоняющихся отъ св. причащенія.		323—327
20. Торжественный входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ		328—351
21. Іеросхимонахъ Алексій,		352—384
22. Значеніе празднованія Благовѣщенія въ великій постъ.		384—388
23. Домъ милосердія.		389—397
24. О свободѣ совѣсти		444—481
25. Поученія на всю Пасхальную седмицу, въ недѣлю о Томѣ и въ недѣлю жень муриносницъ.		458—481
26. Сходство праздника пасхи съ вѣчнымъ праздникомъ въ царствѣ небесномъ.		481—485
27. О нравственномъ спѣ.		486—493
28. Разказы изъ исторіи русской Церкви.		493—511
29. Благодарное исповѣданіе милости Божіей.		512—514
30. Привѣтствіе новообращенному въ православіе изъ лютеранства.		514—515
Погрѣбности.		